
ЗОЛОТОЕ РУНО

Собрание сочинений в 5-ти томах. Том 5. Золотое руно

Роберт Грейвз

Аннотация
Роберт Грейвз. Собрание сочинений в 5-ти томах. Том 5
ЗОЛОТОЕ РУНО. Роман
ПРОЛОГ. Анкей в апельсиновой роще
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Поджаренный ячмень
ГЛАВА ВТОРАЯ. Вторая утрата Руна
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Возвышение Олимпийцев
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Ясон претендует на престол
ГЛАВА ПЯТАЯ. Белая Богиня одобряет плавание
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Зевс одобряет плавание
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Постройка «Арго»
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Прибытие Геркулеса
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Аргонавтов отбирают
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. «Арго» спущен на воду
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. «Арго» отплывает
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. Стоянка в Кастантее
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. К Лемносу мимо Атоса
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Остров женщин
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. Прощание с Лемносом
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. Орфей поет о творе-

нии
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. Великие самофракийские мистерии
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. Через Геллеспонт
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. Свадебный пир царя Кизика
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. Погребение царя Кизика
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. Исчезновение Гиласа
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. Поллукс бьется на кулачках с царем Амиком
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. Орфей рассказывает о Дедале
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Царь Финей и гарпии
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ. Проход через Босфор
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ. Посещение мариандинов
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ. Минин из Синопа
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ. Толстые мосиноэхии и другие
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ. «Арго» приходит в Колхиду
ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ. Вверх по реке Фасис
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ. Царь Ээт принимает аргонавтов

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ. Ясон говорит с Медеей
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. Похищение Руна
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Бегство из Эа
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ. Прочь он Колхиды
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ. Погоня
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ. «Арго» в ловушке
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ. Переговоры
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ. Колхов провели
ГЛАВА СОРОКОВАЯ. «Арго» высаживает Ясона
ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ. Воссоединение на Ээе
ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ. «Арго» снова настигнут
ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ. Колхов снова провели
ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ. К Сицилии и дальше на юг
ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ. Аргонавты утрачивают надежду
ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ. Аргонавты спасены
ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ. «Арго» возвращается домой
ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ. Смерть Пелия
ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ. Руно возвращено Зевсу
ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ. Что стало с аргонавтами
ПОСЛЕСЛОВИЕ
ПРИМЕЧАНИЯ
А

Б
Г
Д
Е
Ж
З
И
К
Л
М
Н
О
П
С
Т
Ф
Х
Э
Я

Аннотация

Роберт Грейвз (1895–1985) — крупнейший английский прозаик и лирический поэт, знаток античности, творчество которого популярно во всем мире.

В пятый том Собрания сочинений включен роман «Золотое руно», в основу которого положен миф о плавании аргонавтов. Автор, строго соблюдая канву мифа, опирается на сведения об исторических и мифологических событиях, о нравах, быте и образе жизни древних греков.

Перевод с английского Т. Усовой и Г. Усовой.

Примечания А. Николаевской.

Роберт Грейвз
Собрание сочинений в 5-ти томах
Том 5

(Но древние мифы, как правило, созданы не для того, чтобы поведать бесхитростную историю, так что удивляйтесь, если подробности моего повествования вы не сможете соотнести с теми, о которых сообщают историки и поэты).

Диодор Сицилийский
Книга IV, 44, 5, 6

Призыв

Анкей, Маленький Анкей, пророчествующий герой, последний, оставшийся в живых аргонавт, один из тех, что плавали с Ясоном в Колхиду в поисках Золотого Руна, заговори с нами; мы пришли к тебе, заговори из своей каменной гробницы у источника Богини в прохладной гесперидской Дейе. Расскажи нам, как ты попал сюда, так далеко от своего дома на Цветущем Самосе; а затем, если тебе будет угодно, поведай всю историю этого прославленного плавания, с самого начала. Приди и соверши возлияния медовой водой, смягчи свое горло! Но помни: лгать нельзя! Мертвому дозволено говорить только правду, даже если она представляет его в невыгодном свете.

ЗОЛОТОЕ РУНО
Роман

ПРОЛОГ
Анкей в апельсиновой роще

Однажды летним вечером Анкея лелегийца с Цветущего Самоса высадили на песчаный южный берег Майорки, крупнейшего из островов Гесперид или, как из зовут иногда, островов Пращников, или островов Нагих Людей, которые расположены близко друг к другу в западной части моря, из Испании с попутным ветром туда плыть один день, не более. Островитяне, удивленные его видом, не стали убивать его, а препроводили, не скрывая презрения к его греческим сандалиям, короткой грязной рубахе и тяжелому плащу морехода, — к Главной Жрице и Правительнице Майорки, которая жила в пещере Драхэ, у одного из множества входов в Подземный Мир, самого отдаленного от Греции.

Но она была занята своими благочестивыми делами и отправила Анкея через весь остров, дабы он предстал пред очи ее дочери, нимфы священной апельсиновой рощи в Дейе. С ним снарядили фавнов, которые провели его по равнине и через суровые горы, но, повинуясь приказу Главной

Жрицы, они не заговаривали с ним. Они шли без остановки, но простерлись ниц перед массивным кромлехом, стоявшим близ их тропы, где мальчиками они были посвящены в таинства братства фавнов. Трижды они проходили места, где пересекались три дороги, и каждый раз шли далеко в обход, чтобы не забредать в заросли, помеченные камнями и росшие в форме треугольника. Анкею приятно было обнаружить, что здесь платят такую дань уважения Триединой Богине, которой были посвящены эти земли.

Анкей предстал перед Апельсиновой нимфой смертельно усталый, он стер ноги в кровь, она восседала на камне близ ключа, который бил из гранитной скалы и орошал рощу. Гора, заросшая оливами и дубами со съеденными желудями, резко обрывалась к морю, плескавшемуся в пятистах футах внизу, в тот момент усеянное небольшими клочьями тумана, бегущими, словно овцы, до самого горизонта.

Когда нимфа обратилась к нему, Анкей ответил почтительно, на языке пеласгов, не поднимая глаз от земли. У каждой жрицы Богини Триединой двойное зрение, она может взглядом, как знал Анкей, превратить душу человеческую в воду, а тело — в камень, может развеять в прах

любое животное, которое пересечет ее тропу. Змеи-оракулы, о которых заботятся эти жрицы, обладают той же властью над птицами, мышами и кроликами. Анкей знал также, что он ничего не должен говорить нимфе, а лишь отвечать на ее вопросы, причем кратко и смиренно.

Нимфа отпустила мужчин-Козлов, те выстроились в ряд на краю скалы в ожидании, пока она их снова не призовет. То были спокойные простые люди с голубыми глазами и короткими мускулистыми ногами. Они не носили одежды, а согревали тела, натирая их соком мастикового растения, смешанным со свиным жиром. Каждый носил сбоку мешок из козлиной шкуры, полный морской гальки, и держал в руке ременную петлю, другой ремень был повязан вокруг головы, а третий служил набедренной повязкой. Они ожидали, что нимфа даст им приказ расправиться с чужестранцем, и беззлобно обсуждали, кто первый метнет в него камень, и должны ли они сперва отпустить его вниз по горному склону, чтобы он попытался спастись, или убить его сразу, как только он к ним приблизится, выстрелив в упор.

В апельсиновой роще росло деревьев пятьдесят, она окружала вырубленное в скале святили-

ще, где обитала необыкновенно крупная змея, которую нимфы, пятьдесят гесперид, кормили каждый день ячменной мукой мелкого помола, смешанной с козьим молоком. Святилище было посвящено древнему герою, который принес на Майорку апельсины из чужеземной страны, а может и с дальнего берега Океана. Имя его было забыто, называли его просто «Благодетель»; змея, которая была вскормлена костным мозгом его позвоночника и в которой жил его дух, носила то же имя. Апельсин — это круглый ароматный плод, нигде в цивилизованном мире неизвестный, который сперва зеленый, а затем — золотой, с жаркой кожурой и холодной сладкой и пряной мякотью. Растет он на гладкоствольном дереве с глянцевитыми листами и колючими ветвями и созревает в середине зимы, в отличие от прочих плодов. На Майорке его не едят круглый год, а лишь раз в году, во время зимнего солнцестояния, после того, как пожуют листья крушины и другие очищающие травы, если его так съесть, то он дарует долгую жизнь. В другое время стоит лишь надкусить апельсин и тотчас испустишь дух, такая сила в этом плоду; лишь Апельсиновая нимфа может позволить человеку съесть его.

На этих островах, благодаря мощи апельсинов,

и мужчины и женщины живут сколько они пожелают; вообще-то они решают умереть, когда понимают, что стали обузой для друзей, ибо их движения стали медленны, а речь уныла. Тогда, соблюдая вежливость, они не говорят «прощайте» своим близким не делают себе никакого ложа в пещере — ибо они живут в пещерах, а тихо выскальзывают наружу и бросаются вниз со скалы, так велит Богиня, которая не терпит проявления скорби или жалоб, и после их самоубийства она устраивает торжественные и радостные похороны.

Апельсиновая нимфа была высока и красива. Она носила оборчатую в форме колокола юбку, на критский манер из полотна, окрашенного в цвет апельсина вересковой краской, а сверху — лишь зеленый жакет с короткими рукавами, который не застегивался спереди, а открывал во всем великолепии ее полные груди. Атрибутом и символом ее власти были пояс из бесчисленных маленьких кусочков золота, соединенных в виде змеи с драгоценными камнями вместо глаз, ожерелье из сушеных зеленых апельсинов и высокий колпак, расшитый жемчугом и увенчанный золотым диском Полной Луны. Она родила четырех хорошеньких девочек, младшая

из которых станет ее наследницей, как и она сама, будучи младшей из сестер, станет после смерти ее матери Главной Жрицей в Драхэ. Ее четыре девочки еще слишком юные, чтобы стать нимфами, они были девами-охотницами, весьма искусными пращницами, которые отправлялись с мужчинами, чтобы принести им удачу на охоте. Дева, Нимфа и Мать — вот вечная царственная Троица острова; Богиня, которую там почитают, имеет три ипостаси — Новая Луна, Полная Луна и Ущербная Луна; она — главное Божество там. Именно она дарует плодородие тем деревьям и растениям, от которых зависит человеческая жизнь. Ведь все знают, что зелень дает побеги, когда Луна прибывает, и прекращает расти, когда она убывает, и что только жаркий и своенравный лук не подчиняется ее ежемесячным фазам. И все же Солнце, ее дитя мужского пола, ежегодно рождающееся и ежегодно умирающее, помогает ей своими лучами. Потому-то единственное дитя мужского пола, родившееся у Апельсиновой нимфы, воплощение Солнца, принесли в жертву Богине, как велел обычай, а плоть его перемешали с семенами ячменя, чтобы обеспечить щедрый урожай.

Нимфа была поражена, обнаружив, что язык

пеласгов, на котором говорил Анкей, сильно походит на язык островитян. И хотя она была довольна, что может его допросить без утомительной необходимости говорить жестами и царапать картинки палочкой на глине, она в глубине души взволновалась — уж не беседовал ли он с мужчинами-Козлами о том, что они с матерью старались не говорить им?

Сперва она спросила:

— Ты критянин?

Он ответил:

— Нет, Священная, я пеласг с острова Самоса в Эгейском море, и, стало быть, не более, чем дальний родич критянам. Но мои повелители — греки.

— Ты — маленький, уродливый старый негодяй, — сказала она.

— Прости меня, Священная, — ответил он. — Мне выпала тяжелая жизнь.

Она спросила, почему он ступил на берег Майорки, и он ответил, что изгнан с Самоса из-за своей упорной приверженности древнему культу Богини; самосцы ввели у себя недавно новый олимпийский культ, который оскорбляет его религиозные чувства, зная, что на Майорке почитают Богиню со всей страстью, на какую способны

простые, неискушенные люди, он попросил капитана корабля высадить его здесь на берег.

— А знаешь, — заметила нимфа, — твой рассказ напомнил мне о великане по имени Геркулес, который посетил наш остров много лет назад, когда моя мать была нимфой в этой роще. Я не могу тебе рассказать его историю во всех тонкостях, потому что моя мать держала это в тайне от меня в дни моего детства, но знаю, что Геркулес был послан в странствие по свету своим повелителем царем Эврисфеем из Микен (где эти Микены?), чтобы тот совершил подвиги во имя древней богини, которой, как он сказал, он преданно поклоняется. Так вот, Геркулес высадился на остров, куда приплыл на лодке, и объявил с поразительной дерзостью, что явился к Богине, дабы унести корзину священных апельсинов из этой рощи. Он был мужчина, рожденный под знаком Льва, что вызвало подозрения на Майорке, где нет Львиного ордена, он был одарен колоссальной силой и завидным аппетитом равно в пище, питье и любви. Моя мать влюбилась в него и добровольно дала ему апельсины, а также оказала ему честь, разделив с ним ложе любви во время весеннего сева. Ты слышал когда-нибудь рассказы об этом Геркулесе?

— Я плыл вместе с ним на корабле, если ты имеешь в виду Геркулеса из Тиринфа, — ответил Анкей. — Это было, когда я отплыл к Конюшням Солнца на борту прославленного «Арго», и мне очень жаль, но я вынужден тебе сказать, что мошенник обманул твою мать. Он не имел права просить плодов во имя Богини, которая отвергла его.

Нимфу позабавила его горячность, и она уверила Анкея, что она принимает его верительные грамоты: он может поднять глаза, взглянуть на нее и беседовать с ней чуть более по-свойски, если ему угодно. Но она была достаточно осторожна, чтобы не препроводить его под защиту Богини. Она спросила, к какому братству он принадлежит, и он ответил, что он — мужчина-Дельфин.

— Ах, — сказала нимфа. — В самый первый раз, когда я была посвящена в нимфы и познала мужчин на свежей борозде в поле после сева, то были девять мужчин-Дельфинов. Первый, кого я выбрала, стал на следующий год, как здесь принято, Солнечным Борцом, или Военным Вождем. Наши Дельфины — небольшое, очень древнее братство, и своим музыкальным искусством превосходят даже Тюленей.

— Дельфин восхитительно чуток к музыке, —

согласился Анкей.

Нимфа продолжала:

— Однако, когда я родила ребенка, это оказалась не девочка, которую следовало беречь, а мальчик, и он должным образом вернулся обратно, разорванный в клочья, в борозду, из которой вышел. Богиня дала, Богиня взяла. Никогда с тех пор у меня не хватало духу сближаться с мужчинами-Дельфинами, ибо я решила, что они не приносят мне удачи, ибо ни одному ребенку мужского пола в нашей семье не дозволяется прожить до следующего времени сева.

Анкей набрался смелости и спросил:

— Неужели ни одна нимфа или другая жрица, ведь жрицы так могущественны на этом острове, не скрыла свое дитя мужского пола, отдав его приемной матери и взяв себе девочку?!

Нимфа сурово ответила:

— Фокусы такого рода могут быть в ходу на твоем острове, Анкей, но не на нашем. Ни одна женщина здесь ни разу не обманула Триединую Богиню.

Анкей сказал:

— В самом деле, Священная, никто, наверное, не в состоянии обмануть Богиню. — А затем спросил: — Возможно, у вас нет обычая — если

царственная нимфа бесконечно привязана к своему ребенку мужского пола, жертвовать вместо него теленка или козленка, завернув его в детские пеленки и надев ему на ноги сандалии? На моем острове считается, что Богиня закроет глаза на обман и что поля принесут не менее обильный урожай. Только в скверный год, когда посевы чахнут или гибнут, приносят в жертву дитя мужского пола. И то выбирают сына бедных родителей, а не царского рода.

Нимфа ответила тем же суровым голосом:

— Только не у нас на острове. Ни одна женщина здесь ни разу не пыталась провести Триединую Богиню. И в этом — причина нашего процветания. Наш остров — остров невинности и спокойствия.

Анкей согласился, что это — самый приятный остров из тех сотен, какие он посетил в своих странствиях, не исключая и его родной Самос, хоть его и называют Цветущим.

Тогда нимфа сказала:

— Я не прочь послушать твою историю, если она не утомительна. Как вышло, что твои родичи-критяне перестали посещать наши острова, как бывало прежде, во времена моей прабабушки, вежливо беседуя с нами на языке, который, хоть и не наш, но нам понятен? Кто эти греки,

твои повелители, что прибывают на таких же кораблях, на каких раньше плавали критяне, с теми же товарами для продажи: вазами, оливковым маслом, красками, драгоценными камнями, полотном, точильными камнями и прекрасным бронзовым оружием? Но Овен на носу их кораблей красуется, а не Бык, и говорят они на непонятном языке, торгуются грубо и с угрозами, бесстыдно глазеют на женщин и тащат любую мелочь, лежащую без присмотра? Мы-то не хотим с ними торговать, часто отсылаем прочь с пустыми руками, выбивая им зубы ударами пращей и продавливая в их бронзовых шлемах вмятины большими камнями.

Анкей объяснил, что большая земля к северу от Крита, которая когда-то была известна как Пеласгия, теперь называется Грецией в честь ее новых повелителей. Обитает ныне на ней смешанное население. Самый древний народ — пеласги, которые, как говорят, выросли из упавших в землю зубов змея Офиона, когда Триединая Богиня разорвала его в клочья. К ним добавились сперва критские переселенцы из Кносса; затем генетийцы из Малой Азии, смешавшиеся с эфиопами из Египта, чей богатый царь Пелоп дал свое имя южной части страны, Пелопоннесу, и постро-

ил города с невиданными каменными стенами и белые мраморные гробницы в виде пчелиных ульев, подобные африканским хижинам; наконец сюда же пришли варвары, пастухи с севера, из-за реки Дунай, через Фессалию, совершив три успешных вторжения, пока не завладели всеми укрепленными городами Пелопа. Это греки, они правят другими народами нагло и деспотически.

— И, увы! Священная, — сказал Анкей, — наши повелители почитают Бога Солнца, как главное Божество, в тайне презирают Триединую Богиню.

Нимфа решила, что она ослышалась. Она спросила:

— Что это еще за *Бог Отец*? Как может какое-либо племя почитать *Отца*? Что такое вообще отцы, если не случайное оружие, которое женщина использует для своего удовольствия и для того, чтобы стать матерью? — она принялась презрительно смеяться и вскричала: — Клянусь Благодетелем, это — самая нелепая история, какую я когда-либо слышала. Отцы, тоже мне! Может, эти греческие отцы сами вскармливают детей, сеют ячмень и делают прививки фиговым деревьям, они же сознают законы — короче, берут на себя все ответственные дела, которые подобает

делать женщине?! — она в нетерпении постучала ногой о камень, и жар прилил к ее лицу.

Мужчины-Козлы, заметив волнение своей госпожи, каждый молча взял по камню из мешка и положил его в кожаную петлю пращи. Но Анкей отвечал кротко и смиренно, снова опустив очи долу. Он заметил, что в этом мире существует много очень странных обычаев, и многие племена кажутся другим совершенно безумными.

— Я бы с удовольствием показал тебе мосиноэхиев с берега Черного моря, Священная, — сказал он, — с их деревянными замками и невероятно толстыми татуированными мальчиками, которых кормят каштановыми лепешками. Они живут рядом с амазонками, не менее странными, чем они… Что касается греков, они приводят следующий довод: поскольку женщины зависят от мужчин в своем материнстве, ибо от ветра они не могут родить, как это происходит с иберийскими кобылицами — мужчины, соответственно, важнее их.

— Но это безумный довод! — вскричала нимфа. — Ты бы мог точно так же заявить, что эта сосновая щепка важнее меня, потому что я ею чищу зубы. Женщина, а не мужчина всегда главная: она действует, он — лишь инструмент. Она

дает приказы, он повинуется. Разве не женщина выбирает мужчину, одолевает его сладостью своего благоуханного присутствия и приказывает ему лечь на спину в борозде, а затем скачет на нем, как на дикой лошади, покорной ее воле, получает от него удовольствие, а когда дело сделано, оставляет его лежать, словно мертвого? Разве не женщина командует в пещере, а если кто из любовников вызывает в ней гнев грубостью или ленью, она трижды предупреждает его, не больше, а потом велит убираться со своими манатками к своим братьям?

— У греков, — сказал Анкей негромко и поспешно, — совершенно иной обычай. Мужчина выбирает женщину, которую желает сделать матерью своего ребенка (как он это называет), одолевает ее силой своего желания, а затем приказывает лечь на спину, где ему больше нравится, и, взобравшись на нее, сам получает удовольствие. В доме он хозяин, и если женщина досаждает ему своим сварливым или непристойным поведением, бьет ее, а если она не меняется к лучшему, отводит ее в дом ее отца, со всем скарбом, которое она с собой принесла, а ее детей отдает рабыне, чтобы та воспитала их. Но, священная, не гневайся, заклинаю тебя Богиней! Я — пеласг. Я ненавижу греков и

их порядки, просто, ответив на эти вопросы, я подчинился, как должно, твоей воле.

Нимфа удовольствовалась замечанием Анкея, что греки — самый нечестивый и отвратительный народ в мире — хуже африканских обезьян, и говорил он это без тени насмешки. Она стала расспрашивать его о посеве ячменя и прививке фиг: как мужчинам-грекам удается получать хлеб, фиги без вмешательства Богини?

Он ответил:

— Священная, когда греки явились в страну пеласгов, они были пастушеским народом, питавшимся лишь жареным мясом, сыром, молоком, медом и дикими травами. Таким образом, они ничего не знали о ритуале посева ячменя или об уходе за какими бы то ни было плодовыми деревьями.

Она спросила, перебив его:

— Значит, эти безумные греки пришли с севера без своих женщин, как иногда трутни, праздные отцы-пчелы, совершают вылет из улья, образуют свою колонию отдельно от поселения царицы, питаясь грязью, а не медом?

— Нет, — сказал Анкей, — они привели с собой своих женщин; но эти женщины привыкли к тому, что тебе покажется перевернутым с ног на

голову и недостойным. Они ухаживают за скотом, и мужчины покупают и продают своих женщин, словно скот.

— Я не верю, что мужчины продают и покупают женщин! — вскричала нимфа. — Ты что-то путаешь. И долго продолжали грязные греки вести такой образ жизни после того, как поселились в Пеласгии?

Анкей ответил:

— Первые два племени захватчиков, ионийцы и эолийцы, которые были вооружены бронзовым оружием, вскоре подчинились могуществу Богини, после того как она согласилась сделать их богов-мужчин своими приемными сыновьями. Они оставили многие свои варварские привычки. А когда их вскоре уговорили отведать хлеба, который пекут пеласги, и они обнаружили, что у него приятный вкус, что он священен, один из них, по имени Триптолем, попросил разрешения у Богини самому сеять ячмень, ибо он верил, что мужчины могут это делать почти столь же успешно, сколь и женщины. Он сказал, что хочет уберечь женщин от лишних трудов и забот, и Богиня снизошла до позволения.

Нимфа звонко рассмеялась, и эхо отразилось от склонов горы, а мужчины-Козлы с готовностью

рассмеялись вслед со своей скалы, не имея понятия, чему она смеется. Она сказала Анкею:

— Да уж, прекрасный урожай должен был пожать этот Триптолем — одни маки, белену и татарник!

Анкею хватило ума ей не возражать. Он начал рассказывать ей о третьем племени греков, вооруженных железом ахейцах, о том, как оскорбительно они относились к Богине и как ввели культ Божественной Семьи Олимпийцев; но, заметив, что она не слушает, умолк. Фыркнув, она спросила:

— А ну-ка, Анкей, расскажи мне, как греки делятся на кланы? Вряд ли скажешь, что у них существуют мужские кланы вместо женских и род ведется по отцам, а не по матерям?

Анкей медленно кивнул головой, словно вынужденный признать абсурдность этого вопроса упрямо допрашивавшей его суровой нимфы.

— Да, — сказал он, — с тех пор, как много лет назад явились вооруженные железом ахейцы, мужские кланы сменили женские в большинстве областей Греции. Ионийцы и эолийцы ввели у себя к тому времени большие новшества; прибытие же ахейцев все перевернуло вверх дном. Ионийцы и эолийцы считали происхождение

по матери — но для ахейцев отец был и есть единственное, что учитывается в родословной, и они недавно заставили изменить свой обычай эолийцев и ионийцев.

Нимфа вскричала:

— Нет, нет, это заведомый абсурд! Например, бесспорно, что маленькая Корэ — моя дочь, поскольку повитуха извлекла ее из моего тела, как может быть известно наверняка, кто был ее отец? Ибо беременность не возникает непременно от близости с первым мужчиной, которым я наслаждаюсь на наших священных оргиях. Можно зачать от первого, а можно и от девятого.

— Эту неопределенность греки пытаются преодолеть, — сказал Анкей, — для этого каждый мужчина выбирает женщину, которую называет женой — ту, которой запрещено сближаться с кем-либо, кроме него самого. Тогда, если она зачала, его отцовство неоспоримо.

Нимфа серьезно поглядела в лицо Анкею и сказала:

— У тебя на все есть ответ. Но неужели ты думаешь, что я поверю, будто женщинами можно так легко управлять, наблюдая за ними и охраняя их, не разрешая им наслаждаться любым мужчиной, каким они пожелают? Предположим, молодая

женщина стала женой старого, безобразного или никуда не годного мужчины, вроде тебя? Как может она лечь с ним?

Встретив ее взгляд, Анкей ответил:

— Греки говорят, что они могу уследить за своими женами. Но я с тобой согласен, частенько не могут, и женщина тайно встречается с мужчиной, которому она не жена. Тогда ее муж в приступе ревности старается убить и женщину, и ее любовника, а если оба мужчины — цари, их народы втягиваются в войну, и проливается уйма крови.

— Прекрасно могу себе представить, — сказала нимфа. — Прежде всего, им не следовало лгать, затем не следовало брать на себя больше, чем смогут выполнить, и тем самым давать повод для ревности. Я часто замечала, что мужчины абсурдно ревнивы: это их главная особенность, после *лживости* и болтливости. Но скажи мне, что же случилось с критянами?

— Они были разгромлены греком Тесеем, которому помог победить Дедал, прославленный ремесленник и изобретатель, — сказал Анкей.

— И что же он изобрел? — спросила нимфа.

— Помимо прочего, — ответил Анкей, — он соорудил бронзовых быков, которые начинают

мычать, когда под их животами разводят огонь; а также деревянные статуи Богини, она прямо как живая, руки и ноги статуи соединены суставами, могут двигаться, так что это казалось чудом, более того, глаза открывались и закрывались, если их потянуть за тайную нить.

— Этот Дедал еще жив? — спросила нимфа, — я не против с ним познакомиться.

— Увы, нет, — отвечал Анкей. — Все это случилось задолго до моего времени.

Она властно спросила:

— Ты бы мог рассказать мне, как были устроены суставы у этих статуй, так что конечности свободно двигались в любом направлении?

— Они были на шарнирах, — сказал он, сжав свою правую руку в кулак и перекатывая его в пальцах левой руки, чтобы она поняла, что он имеет в виду, — Дедал изобрел шарниры. Еще с помощью изобретения Дедала был уничтожен флот критян, и поэтому они больше не приплывают к нам на остров, приплывают только греки, да кое-кто из пеласгов, фракийцев и фригийцев.

— Я слышала от матери моей матери, — сказала нимфа, — что, хотя критяне и почитали Богиню почти столь же благоговейно, сколь и мы, их религия отличалась от нашей очень сильно. На-

пример, Главная Жрица не выбирала Солнечного Борца только на один год. Мужчина, которого она выбирала, правил иногда девять лет, а то и больше, отказываясь оставить свою должность по той причине, что опыт приносит прозорливость. Он назывался Жрецом Миноса, или Царем-Быком. Ибо братство Быков стало на острове главным: мужчины-Олени, мужчины-Кони и мужчины-Бараны и тому подобные вообще не осмеливались оспаривать должность военного вождя, и Главная Жрица разделяла ложе любви только с мужчинами-Быками, а у нас на острове моя матушка и я делим свою благосклонность равно между всеми братствами. Неблагоразумно позволять какому-либо братству закрепить за собой преимущество, или же позволять царю править больше двух или трех лет. Мужчины быстро наглеют, если их постоянно не ставить на место, и воображают себя почти равными женщинам. Этой наглостью они губят себя и, соответственно, причиняют неприятности женщинам. Не сомневаюсь, что как раз это и случилось на Крите.

Продолжая говорить, она тайно подала знак мужчинам-Козлам, чтобы они взяли Анкея и увели прочь с ее глаз, а затем забили его до смерти своими пращами. Ибо она решила, что мужчину,

который может рассказывать такие тревожные и непристойные новости, нельзя оставлять в живых, к тому же он поведал ей все, что она хотела знать об устройстве суставов деревянных статуй. Она боялась, что он навлечет беду, смутив умы мужчин. Кроме того, он был согбенный и лысый безобразный старикашка, изгнанник и мужчина-Дельфин, который не мог принести удачи апельсиновой роще.

Мужчины-Козлы благоговейно простерлись ниц перед Апельсиновой нимфой, а затем, поднявшись, с радостью бросились выполнять ее распоряжения. Охота была недолгой.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
Поджаренный ячмень

Когда первая волна захватчиков-греков из племени ионийцев, продвигаясь вниз по течению Дуная от его истоков через Истрию и Иллирию, попала, наконец, в Фессалию, все местные жители — сатиры, лапифы, этики, флегии и кентавры — удалились в свои горные крепости. Многочисленные захватчики принесли с собой своих богов и священные орудия их почитания. Кентавры, аборигены горы Пелион, следили за ними, пока те медленно двигались со стадами овец и коров к Пагасейской равнине, что далеко на западе, где они встали на стоянку на несколько дней; а затем, узнав, что на юге пастбища богаче, ионийцы двинулись к крепости Фтия и исчезли из виду. В Иолке у подножия Пелиона находилась древняя коллегия нимф Рыб, Главная Жрица которых была законодателем в священных делах для всей Фтиотиды. Они не убежали прочь, завидев приближающихся ионийцев, а скорчили им горгоньи гримасы, высунув языки и зашипев, ионийцы же благоразумно направились дальше,

в Беотию.

Ионийцы нашли, что в Пеласгии, как называлась тогда Греция, живет гостеприимный народ — местные пеласги, смешавшиеся с ганетийскими, критскими и египетскими поселенцами, и все они под тем или иным именем почитали Триединую Богиню Луны. Посланникам Микен, Аргоса, Тиринфа и других городов, прибывшим к древнему святилищу Богини на Олимпе, она велела оказать ионийцам дружелюбный прием, но при строгом условии, что они станут уважать религиозные обычаи, господствующие в ее владениях. На ионийцев произвели впечатление вежливые, но суровые манеры посланников и мощные стены городов, и они отправились восвояси. Не желая возвращаться в Фессалию, но отчаявшись покорить эту страну, они благоразумно позволили своим богам подчиниться Богине и стать ее приемными сыновьями. Первым ионийским вождем, который убедил своих подчиниться Богине Луне, был Миний, и к нему поэтому Богиня впоследствии была более благосклонна, чем к прочим, его отец Хрис основал поселение на Ээе, острове, находящемся против Полы в начале Адриатического моря. Когда Миний умер, Богиня наградила его титулом героя и велела пятидесяти

нимфам заботиться о его большой белой гробнице в Беотийском городе Орхомене у озера Копаи и управлять окрестными землями. Эти нимфы не вступали в брак, а брали себе любовников в дни праздников — по пеласгийскому обычаю. К тому времени египтянин Кекроп ввел институт брака в Аттике; Богиня закрыла глаза на это новшество с условием, что оно не оскорбит ее саму и не повредит ее пеласгийскому народу; ионийцы также практиковали брак, но обнаружив, что местная знать не признает этот обычай, устыдились и отказались от него.

Вскоре последовало еще одно греческое вторжение, на этот раз — племени эолийцев, которые были сильнее ионийцев и пришли через Фракию. Они миновали Иолк, как до них ионийцы, захватили беотийский город Орхомен, который не охранялся во время празднества. Их вожди добились права считаться военной охраной страны, заставив нимф из святилища Миния принять их в мужья, и с этого времени стали звать себя миниями. Завоевав эту часть Восточной Греции и став местной знатью, они не смогли прорваться в Аттику или на Пелопоннес, потому что мощная крепость, кадмейские Фивы, блокировала их продвижение. Эол, их великий предок, также

был награжден титулом героя, и из пещеры во Фракии, где он был погребен, милостиво посылал ветры со змеиными хвостами по просьбе своих посетителей. Эту власть над ветрами ему дала Триединая Богиня.

Когда Тесей, царь ионийских Афин, тайно построил флот и разграбил Кносс на Крите, минии также вышли в море. Они соорудили сотню или больше кораблей, которые поставили близ Авлиды у защищенных берегов Эвбейского залива. Тесей решил не вовлекать их в войну, а заключил с ними договор, по которому два государства мирно разделили средиземноморскую торговлю, перехваченную у критян, и стали совместными усилиями сражаться с пиратами. Афиняне торговали с югом и востоком — с городами Египта, Африки, Финикии и Малой Азии, а также с Фригийской Троей — главным рынком крайнего востока; минии торговали с Фессалией и Фракией на севере, а также с Сицилией, Корфу, Италией и Галлией на западе. Для удобства торговли на западе минии разместили часть своего флота у Песчаного Пилоса, которым владели на западном берегу Пелопоннеса, и таким образом избегали трудного морского пути мимо мыса Малея. Ветры, посылаемые Эолом, которые нимфы присмат-

ривающие за его святилищем прятали в свиные пузыри, помогали миниям-судовладельцам.

Минии разбогатели, и ничто не нарушало благоденствия в их царстве, главным образом потому, что они делали все возможное, чтобы ублажить Богиню. Своего Небесного бога Дия, которого они почитали на горе Лафист в образе Овна, они публично объявили сыном Богини-Матери. Поэтому она переименовала его в Загрея, или Зевса, по имени дитяти, которое, поговаривали, она рожала каждый год в доказательство своей плодовитости в Диктейской пещере на Крите и которое ежегодно приносили в жертву ради бога страны. Жертвоприношения теперь прекратились, и Зевс наслаждался своей властью божества. В некоторых делах было признано его превосходство над Богиней Нимфой и Богиней Девой, дочерьми Богини Матери, но сама Богиня оставалась единовластной.

Упомянем также в истории миниев, дабы уточнить наш рассказ об аргонавтах, и то, что их царство раскинулось на юг до Пагасейского залива, а на север — до Ларисы в Фессалии. Надменный царь миниев по имени Афамант предложил Ино, Главной жрице иолкской коллегии, отпраздновать свадьбу с ним, а ее нимфам — вступить в

подобные же отношения с его вождями.

Ино не очень-то могла отказаться выйти за Афаманта, высокого и красивого светловолосого мужчину, потому что он принес великие дары ей и другим женщинам и потому что минии были многочисленней и лучше вооружены, чем мужчины ее собственного народа во Фтиотиде. И все же, согласись она на брак, это нарушило бы права кентавров Пелиона: кентавры из братства Коней всегда были избранными любовниками иолских нимф Рыб, точно так же, как кентаврийская коллегия нимф Вертишеек, заботившихся о святилище героя Иксиона, брала любовников только из магнезийского братства Леопардов. Ино посовещалась с Богиней, спросив, не следует ли им убить своих мужей в брачную ночь, как задолго до них поступили данаиды Аргоса в подобных обстоятельствах, или же им следует убить себя, бросившись в море, как это сделали афинские плантиды. Или какой другой приказ отдаст Богиня? Богиня ответила ей во сне: «Налей мужчинам-Коням неразбавленного вина, а в остальном положись на меня».

Свадьба была отпразднована с большим великолепием, и, по настоянию Ино, мужчин-Коней пригласили спуститься из их горных пещер

и принять участие в празднестве. Когда они прибыли, им раздали полные до краев чаши лемнийского вина. Кентавры чтят фессалийского героя Сабазия как изобретателя ячменного пива, их ритуального напитка, который сперва вызывает великое веселье, а затем подвергает в крепкий сон. И они решили, что этот незнакомый напиток, вино, — род пива, увидя, что он бледно-золотой по цвету, хотя имеет более резкий запах, чем пиво, и его не нужно тянуть через соломинку, как они тянули пиво, поскольку вино не покрывает сверху густое сусло. Ничего не подозревая, они опрокинули в глотки вино, восклицая: «Ио, Сабазий, Ио, Ио!», обнаружив, что у вина сладкий вкус, потребовали еще. Но вместо того, чтобы усыпить, вино их внезапно воспламенило, они неистово запрыгали, вращая глазами и испуская ржание от вожделения. Нимфы Рыбы испытали к ним острую жалость и, оставив трезвых миниев, которые смешивали одну часть вина четырьмя частями воды, устремились прочь в леса, и там вступили с Кентаврами в любовную связь.

Столь своенравное поведение привело в негодование супругов-миниев, они бросились в погоню за женами и убили дюжину Кентавров своими бронзовыми мечами. На следующий день Афа-

мант повел миниев в атаку на горную крепость Кентавров. Они противостояли ему как только могли, вооружившись сосновыми копьями и сбрасывая валуны вниз по горным склонам; но он разгромил их и оттеснил далеко на север. Чтобы воспрепятствовать их возвращению, он убрал из святилища кобыльеглавый образ Белой Богини и унес его вниз, в Иолк, в коллегию Рыб, дерзко посвятив святилище на Пелионе Овну Зевсу или Зевсу Ниспосылателю Дождя. На время он сломил дух Кентавров; но Ино с помощью одной из своих нимф тайно переправила кобыльеглавый образ в пещеру в лесистой долине на полпути к горе Осса, где Кентавры собрались вновь и молились Богине об отмщении.

Царь Афамант не догадывался, что Ино возвратила Кентаврам образ, иначе он бы обратился к ней еще более оскорбительно.

— Жена, — сказал он, — я изгнал ваших конейлюбовников с горы Пелион, ибо они осквернили нашу брачную ночь. Если кто-либо из них в поисках образа Богини дерзнет снова спуститься на луга Иолка, он будет убит без жалости. Гора Пелион стала теперь обителью нашего эолийского бога Зевса; она более достойна его, чем гора Лафист, которая не сравнится с нею в высоте.

— Думай, что говоришь, муж мой, — отвечала Ино, — если я вообще должна называть тебя мужем. Как посмотрит Богиня на то, что ты изгнал ее с Пелиона? И как, ты полагаешь, станет расти ячмень, если мужчины-Кони не придут к нам в посевную, желая сблизиться со мной и моими женщинами-Рыбами перед лицом Белой Богини?

Афамант рассмеялся и ответил:

— Богиня не пожалеет Пелиона для своего сына. И теперь, когда у каждой из твоих дев есть муж из числа моих дружинников, а у тебя — я, чего еще ты можешь желать? Мы — рослые, крепкие мужчины, неизмеримо превосходящие во всех отношениях этих безумных нагих Кентавров; и мы с удовольствием познаем вас на полях на празднестве сева, ведь всегда в это время сладострастие одолевает вас.

Ино спросила:

— Неужели ты так невежественен, что искренне веришь, что Богиня позволит нам принять объятия твоих мужчин-Баранов в такой священный момент? Она никогда не благословит ячмень, если мы так поступим. Нет, нет! Мы согласны быть вашими женами большую часть года, но если мы хотим хорошего урожая, мы должны познать в

период сева не только Кентавров, но и фавнов племени Сатиров на церемонии прививки фиг, когда мы оплодотворяем фиги, позволяя насекомым их жалить; и любовников других братств в дни великих праздников, о которых поведает мне Богиня.

Афамант ответил:

— Неужели ты так невежественна, что веришь, будто грек, который в здравом уме, позволит своей жене наслаждаться в объятиях другого мужчины, на празднестве сева или в любое другое время? Ты болтаешь бессмыслицу! Фиги сами собой созревают без чужой помощи, взгляни на любой заброшенный сад, где эта церемония не проводится. Да и нам, миниям, не очень нужны женщины, даже для того, чтобы посеять ячмень. Герой Триптолем показал, что мужчины прекрасно умеют сеять ячмень, не хуже женщин.

— Он это делал по милостивому соизволению Богини, — сказала Ино, — светило которой, Луна, и есть сила, заставляющая прорастать все семена и созревать все плоды.

— Нам вовсе не надо было спрашивать ее соизволения, — сказал Афамант. — У Богини нет настоящей власти над зерном или плодами любого рода. Все, что требуется, — это тщательно

посадить в борозды ячмень на хорошо вспаханном поле, пока Солнце идет на убыль, а затем взрыхлить колючей бороной, да чтобы дождь оросил его в должное время. Зевс ниспошлет дождь по моему ходатайству, а возрожденное Солнце поможет колосьям наливаться. Луна холодна и мертва, она не имеет созидательной силы.

— А как же тогда священная роса? — спросила Ино. — Неужели роса — тоже дар Солнца?

— Да уж меньше всего это дар Луны, — ответил он, — Луна часто не успеет взойти, а трава уже седа от росы.

— Удивляет меня, — сказала Ино, — что ты смеешь так говорить о Богине; равно как удивляет и то, что, не спросив моего позволения, ты удалил ее священный белый образ из ее святилища и заменил его образом ее приемного сына. Ужасная участь уготована для тебя, Афамант, если ты не отступишься, прежде чем пройдет еще день, и не явишься к Богине с покаянием. Посев Триптолема был вознагражден добрым урожаем, а все потому, что герой сперва снискал милость Богини своим смирением, и потому, что он не пропустил ни одного из любовных обрядов во время сева. К тому же неверно, что фиги созревают в заброшенных садах без прививки. У нас есть перечень

всех фиговых деревьев, растущих в этой стране, и о каждом дереве заботится одна из моих нимф, каким бы пустынным или отдаленным ни было место его произрастания.

— Я не привык, чтобы мной управляли женщины, — пылко ответил Афамант. — Моя беотийская супруга Нефела, которая ждет меня в Охромене, научилась не гневить меня, заниматься своими делами, не вмешиваясь в мои. Ну и глупцом бы я оказался, если бы посещал святилище, где ты — Главная Жрица, и просил бы тебя (из всех женщин) походатайствовать перед Богиней, чтобы она простила меня.

Ино прикинулась, будто Афамант одолел ее своей мужской силой. Погладив его голову и проведя ладонью по его бороде, она воскликнула:

— Прости меня, мой супруг, за то, что призналась тебе в своих религиозных сомнениях. Я хочу повиноваться тебе во всем. Но даруй мне одну милость: пусть твои люди сами посеют ячмень, как это сделал Триптолем, без нашей помощи. Мы страшимся гнева нашей Богини, который обрушится на нас, если станем сеять без обычных обрядов, приносящих плодородие, а ведь главный из них — познать Кентавра.

И так она умиротворила Афаманта. Он не имел

достаточно уважения к Богине и полагался скорее на силу Зевса, который под своим прежним именем Дий был главным божеством его племени, когда они впервые явились в Фессалию. Он перенес с горы Лафист святую реликвию для святилища на горе Пелион, недавно посвященного Зевсу Ниспосылателю Дождя. То было изображение Бога Овна, вырезанное из дубового корня, на котором висела огромная баранья шкура, окрашенная морским пурпуром, под цвет дождевым тучам, чудесное появление которых этот божок мог вызвать даже в разгар лета. Есть поговорка «дождь — золото», известно также, что золотая пыльца окрашивала шерсть овец на Иде, где Зевс, как говорят, вырос среди пастухов; по краю руна была нашита изысканная кайма из тонкой золотой проволоки, собранной в кудрявые пучки, словно шерсть; поэтому шкуру называли Золотое Руно. Огромные витые золотые рога были прилажены к голове Руна, надетой на деревянную голову идола. От этого Золотого Руна невозможно было отвести глаз, и всякий раз, когда совершалось жертвоприношение Божеству, шел обильный дождь. Жрецы говорили, что Зевс поднимает идол в воздух во время жертвоприношения: он взлетает, мол, с дымом жертвы через

дымовое отверстие в крыше святилища и вскоре, отяжелев и намокнув от первых капель дождя, снова опускается.

В Иолке собрали урожай, и приблизилось время осеннего сева. Ино ждала знака от Белой Богини, которая вскоре снова явилась ей во сне и сказала:

— Ино, ты поступила хорошо, но поступишь еще лучше. Возьми весь семенной ячмень из кувшинов, который хранится в моем святилище, и тайно распредели его среди женщин Фтиотиды. Прикажи им поджарить его — каждая по две-три полных корзины, но смотри, чтобы ни одна не проговорилась, иначе им не уйти от моего гнева.

Ино задрожала во сне и спросила:

— О мать, как ты можешь просить меня о таком?! Разве огонь не уничтожит жизнь в священном семени?

Богиня отвечала:

— И тем не менее сделай так. И еще отрави воду в овечьих поилках миниев пластинчатым грибом и крапчатым болиголовом. Мой сын Зевс силой отобрал у меня дом на Пелионе; и я накажу его, погубив его стада.

Ино покорно исполнила волю Богини, хотя на сердце ее было тяжело. Женщины выполнили

задания, которые им были поручены, причем весьма неохотно, ибо они ненавидели завоевателей миниев. Минин не заподозрили, когда овцы пали, что их отравили женщины, а роптали меж собой на Афаманта. Поскольку законы запрещали есть зверя, падшего не по обряду, они ели хлеб и дичь. Но они были слабыми охотниками.

Ино сказала Афаманту:

— Надеюсь, супруг, ваш сев принесет вам урожай. Вот ячменное семя, хранящееся в этих кувшинах. Взгляни на него, понюхай, какое оно сухое, просто чудо: влажное семя, как ты знаешь, не дает обильных всходов.

Луна была на ущербе; и все мужчины минии с Афамантом во главе посеяли семя. Они проделали это безо всяких обрядов и молитв, а нимфы Ино наблюдали за ними, тихонько посмеиваясь. Выпало необычно засушливое время, и когда зеленые ростки ячменя не показались из почвы в положенный срок, Афамант со своими товарищами взошел на гору и воззвал к Зевсу Ниспосылателю Дождя. Молитву сопровождал шум дождевых трещоток и рев бычьих рогов, они принесли в жертву черного барана — сожгли залитые жиром бедренные кости, а каждый кусок туши радостно съели.

В тот же вечер хлынул щедрый ливень.

— Он заставит ячмень взойти, жена, не бойся, — сказал Афамант Ино.

Прошло десять дней, но в полях — ни одного зеленого пятнышка. Ино сказала Афаманту:

— Дождя, который послал Зевс, оказалось недостаточно. Он не впитался в почву на должную глубину. Боюсь, что вы слишком глубоко посеяли семена. Надо снова воззвать к Зевсу. Почему бы не послать во фракийское святилище вашего предка Эола за несколькими дуновениями северо-восточного ветра, приносящего дождь?

Афамант, серьезно обеспокоившись, снова взошел на Пелион. На этот раз он умилостивил бога, принеся ему в жертву пятьдесят белых баранов и одного черного, которых сжег в пепел на сосновых кострах, и сам не съел ни кусочка, дабы показать смирение своего сердца. Он вертел бычий рог и гремел тыквой-погремушкой, пока у него не заныли руки. Зевс в ту ночь ответил, как должно, громом и молнией, и разразился настоящий потоп, так что Афаманта и его людей едва ли не унесло водными потоками на обратной дороге в Иолк. Ручей Анавр внезапно разлился и смыл пешеходный мостик, по которому они переходили, так что им пришлось ждать, пока вода спадет,

прежде чем они смогли вернуться в город.

Неделю спустя в полях, заросших сорняками, которые вызвал к жизни дождь, не показалось ни единого ячменного ростка.

Ино сказала Афаманту:

— Ты убедил меня, что отказ от обрядов плодородия, о которых я говорила, не может погубить посевов, значит Зевс ниспослал нам какой-то не такой дождь. Если к следующему новолунию не покажется ячмень, мы обречены умереть от голода. Слишком поздно сеять новый урожай, большинство ваших стад пало, а твои люди совершили набеги на наши запасы зерна. Что касается рыбы, то вся она покинула залив, как явились твои минии — ничего удивительного, ведь они считают нашу коллегию нечестивой.

Слушаясь Ино, ее нимфы, которые разыгрывали воплощение почтительности перед своими мужьями, стали уговаривать их потребовать, чтобы Афамант совершил третье и последнее жертвоприношение. Минии верили, что коли Зевс не посылает плодородного дождя после того, как ему даровали одного барана или даже пятьдесят, — это знак, что он требует иной жертвы — родных детей Жреца Овна. Мужья согласились с женами и пришли однажды к Афаманту, когда

он стоял, мрачно воткнув свой посох в неродящую землю ячменного поля. Старший из них сказал:

— Афамант, нам жаль тебя, но мы призываем тебя исполнить свой долг без уклонения. Принеси своего сына Фрикса и свою дочь Геллу в жертву Отцу Зевсу, и божественный дождь, который тогда выпадет, пробудит ячменные семена и спасет наши жизни.

Сперва Афамант и слушать их не стал. Но они пригрозили ему расправой, он согласился принести в жертву своих детей, только если велит оракул в Дельфах; ибо Дельфы были тогда для греков главным судилищем, куда обращались по священным делам. Оракулом управляла Жрица Белой Богини; первоначально она получала пророческое вдохновение от священного питона, духа мертвого героя Диониса, который пользовался величайшим доверием Богини, пуповина и челюстная кость которого покоились на столе в святилище за оградой из копий. Этот питон, когда греки впервые явились из Фессалии, намекнул им, что отныне у них новый бог, Лучник Аполлон. Аполлон прежде был мышиным демоном с острова Делос, наделенным властью вызывать и прекращать чуму, он был провозглашен Божеством со всеми почестями генетийскими

поселенцами в Темпы в Фессалии, где он избавил от мора эолийцев. Лучники Аполлона, услыхав, что Дионис отрицает божественность их покровителя, говоря: «Я проглочу этого мышонка», в гневе пошли на Дельфы из долины в Темпах, вступили за Дионисову ограду и трижды постучали в двери круглой белой гробницы. Наружу в ярости вырвался питон, и лучники пронзили его стрелами. Затем они сожгли пуповину и челюстную кость Диониса на костре, сооруженном из древков священных копий, и бежали назад в Темпы. Чтобы искупить свое преступление, Аполлон согласился, хотя и неохотно, стать рабом Белой Богини и, войдя в пустую гробницу в Дельфах, взять на себя миссию, прежде выполнявшуюся Дионисом; к тому же он учредил Пифийские игры в память питона. Таким образом отныне не по мудрым извивам змея жрица читала и открывала прошлое или будущее, хотя она по-прежнему была Пифией. Вместо этого она жевала листья лавра, священного древа, посвященного Аполлону, которые вводили ее в пророческое опьянение. Корабли, груженые молодыми лавровыми деревьями, были направлены в Дельфы из Темп, и вокруг святилища были высажены деревья, так что вскоре ветви их сплелись, образовав густую

сень. Место это по-прежнему называлось Пифо, или Святилище Пупа, но жрецы Аполлона объясняли, что название это происходит из-за того, что святилище располагается в самом центре Греции; Дионис был забыт, и память о нем не возрождалась еще долгое время.

Афамант ожидал благоприятного ответа от Пифии, ибо, как он сказал: «Аполлон проявит ко мне сочувствие в моем нелегком положении: он поймет, что в моей беде виновна Богиня — она упрямо отказывается дать семенам прорасти. И несмотря на то, что он прикидывается покорным ей, он найдет способ избавить меня от моих жестоких обязательств; он слишком многим обязан нам, эолийцам. Почему я должен жертвовать своих детей Зевсу только из-за того, что его мать ведет себя с обычным женским своенравием?»

Ино тоже послала гонца в Дельфы, ей помог беотийский пастух, который знал кратчайшие тропы через суровые горы и заросли терном долины, он предупредил Пифию, что Афамант не только поступил очень непочтительно по отношению к Богине, которой и Аполлон, и она обязаны повиноваться, но и отказался задобрить Зевса, как велит обычай, и что его упрямство грозит повергнуть в нескончаемые бедствия его

собственное племя, а заодно и кентавров. Таким образом, когда Афамант явился в Дельфы и попытался умилостивить Аполлона, преподнеся ему золотой треножник, пифия его отвергла; она велела Афаманту без промедления принести в жертву двух его детей на горе Пелион Зевсу Ниспосылателю Дождя.

Тот же пастух известил Ино об ответе Аполлона в должное время — за четыре или пять дней до возвращения ее супруга.

ГЛАВА ВТОРАЯ
Вторая утрата Руна

Ино послала за Геллой и предупредила ее, что Афамант намеревается отнять у нее жизнь.

Дочь, — спросила она, — как тебе это нравится? Почему твой отец должен варварски жертвовать тобой и твоим дорогим братом Фриксом во цвете лет, только потому что так повелел Аполлон? Аполлон — самозванец, вторгшийся на гору Парнас, бродяга с Делоса, который был подобран твоим племенем в несчастливый час много лет спустя после кончины твоего дорогого предка Эола. Ни одного достойного доверия оракула не пришло из Святилища Пупа с тех пор, как он, нечестивец, убил питона Диониса. Аполлон не пользуется доверием Богини, хотя и прикидывается, что это так, и выдает загадки и двусмысленности вместо истины.

Гелла ответила, дрожа и плача:

— Аполлон боится Зевса, страшимся его и мы с моим братом Фриксом. Мы должны умереть, священная.

Ино отвечала:

— Если жертвоприношение было необходимо, почему Зевс сам не отдал приказа? Задумайся, дочь, как твой отец пришел к этому жестокому решению. Сперва он оскорбил Белую Богиню, единовластную владычицу во Фтиотиде и Магнезии, попытавшись лишить моих иолкских нимф Рыб их священного осеннего свидания с кентаврами. Она, естественно, рассердилась и сподвигла кентавров на то, чтобы испортили свадьбу, к которой он и его минии принудили нас. В отместку твой отец выбросил ее из святилища и посвятил его ее алчному сыну Зевсу. Он ни посмел вмешаться в божественные дела, тогда как ни один смертный не имеет права это совершать! И Богиня еще пуще рассердилась и начала отравлять его стада; а когда сев ячменя был совершен без любовных обрядов, она отказалась оплодотворить семена, так что сколько бы дождя ни посылал Зевс, ничто не заставит ячмень вырасти. Это не Зевс распорядился о жестоком жертвоприношении тебя и Фрикса, ибо не его гнев погубил поля, а гнев его матери.

— И все же Аполлон так повелел, — сказала Гелла, рыдая.

Ино ответила:

— Аполлон всегда был смутьяном. Он распоря-

дился о жертвоприношении в надежде сделать Зевса посмешищем в глазах нашего племени и вашего: он знает, что даже если гекатомбу мальчиков и девочек принесут на крутом склоне Пелиона, ни одна ячменная былинка не взойдет, пока твой отец не смирится перед Богиней и не возродит древнюю чистоту ее культа. — Ино добавила, прибегнув к крылатой фразе древних: — Это не мое слово, но слово моей Матери.

Хотя Гелла была готова идти в жертвенный ров, и в мыслях не помышляя о неповиновении приказу Зевса, слова Ино возбудили в девочке надежду, что столь страшную судьбу можно как-то отвести. Она разыскала Фрикса, которого весть о предстоящем жертвоприношении повергла в уныние и страх. Он никогда и ни в чем не оказывал неповиновения своему отцу и относился к Зевсу с глубочайшим благоговением: всякий раз, когда над холмами гремел гром и вспыхивала молния, он закладывал уши пчелиным воском, а глаза завязывал куском полотна и заползал под груду одеял, где лежал до тех пор, пока слуги не уверяли его, что небо прояснилось. Гелла спросила его:

— Брат, почему мы должны отдать свои жизни столь глупо? Почему, если наш отец Афамант со-

вершил святотатство, мы должны способствовать тому, чтобы Бессмертные Боги, которые его и так невзлюбили, стали относиться к нему еще хуже?

Фрикс, бледный и худой от недоедания, ответил:

— Кто мы такие, чтобы бросать вызов судьбе? Нам остается лишь одно — подчиниться.

Гелла улыбнулась и погладила его по щекам. Она сказала ему:

— Недоедание ослабило твою решимость. Наша любящая мачеха Ино найдет способ, как нам избежать гибели.

Гелла была так настойчива, что Фрикс наконец согласился, что сестра сама постаралась спасти его жизнь.

Ино убедила их, что Зевс не приказывал приносить их в жертву, а Афамант не хочет выполнять это приказание.

— До сих пор, — сказала она, — отец не сказал вам о своем намерении. Когда он вернется из Дельф, откуда он не торопится возвращаться, самой великой для него радостью будет обнаружить, что вы исчезли: ибо при всех своих пороках, он — самый нежный отец, я вынуждена это признать.

— Но куда нам бежать? — спросил Фрикс. —

Наш отец Афамант — важный человек в Греции и, куда бы мы ни пошли, он, конечно же, найдет нас. Он должен повиноваться Дельфийскому оракулу, нравится ему это или нет; а если мы найдем убежище в Афинах, Фивах или Аргосе, градоправители отправят нас в Иолк, как только услышат, что Аполлон потребовал нашей смерти.

— Греция — еще не весь мир, — сказала Ино. — Ни власть Аполлона, ни власть Зевса не простирается за пределы Греции и ее колоний. Только Триединая Богиня имеет всемирную власть. Если вы согласитесь отдаться под ее защиту, она найдет для вас безопасный и приятный дом за морями. Но, дети, поспешите принять решение, ибо ваш отец, как бы медленно он ни путешествовал, должен давно уже быть на пути домой.

Случилось так, что Нефела, беотийская жена Афаманта прибыла в Иолк в тот самый день — навестить своих детей, Фрикса и Геллу. Ино приняла ее с исключительной любезностью и, прикинувшись обеспокоенной за судьбу детей, убедила ее, что они должны положиться на милосердие Богини и безоговорочно повиноваться ее Божественным повелениям, каковы бы те ни были. Нефела не поверила в то, что Дельфийский оракул мог сказать подобное, и согласилась, что

Богиня, хотя и задетая Афамантом, могла бы пожалеть его детей, если они отнесутся к ней благочестиво. Ино стала искушать ее — приглашать вместе с нимфами Рыбами на их оргию под Луной на Пелионе. Нефела обвила голову плющевой гирляндой, взяла в руку жезл с еловыми шишками и, закутавшись в шкуру оленя-однолетки, отправилась по горному склону вместе с прочими, прыгая с камня на камень и совершая великие дела. Казалось, что на ногах у нее растут крылья, и никогда за всю свою жизнь не испытывала она такого священного экстаза. Афамант оскорбил ее, женившись на Ино, и теперь она мстила ему — отдаваясь Кентаврам, оказавшимися куда более сладострастными любовниками, чем он.

Сговорившись между собой, Ино, Нефела и Гелла развеяли сомнения Фрикса. Мужчина, если он только не прибегнет к силе, не может долго сопротивляться настойчивым доводам трех женщин. В тот вечер он и Гелла прошли ритуальное очищение, а Ино дала им настой из священных трав, который погрузил их в сон; и в этом сне голос, который они приняли за голос самой Богини, предложил им жизнь при условии, что они выполнят ее приказы. Когда они пробудились, каждый сказал другому, что сказал ему голос, и

оба сообщения в точности совпали. Вот каковы были эти слова:

«Дети Афаманта, почему вы должны умирать за грех своего отца? Я, и только я, прокляла ячменные поля и сделала их пустынными. Никакой дождь, никакая роса не могут вернуть им плодородия. Мой сын Зевс оскорбил меня, вторгшись в мое древнее святилище на горе Пелион и удалив оттуда мой кобыльеглавый лик. Я — Триединая Матерь Живого, Владычица всех Стихий, Изначальносущая, Повелительница Света и Тьмы, Царица Мертвых, и нет Бога, что не был бы моим подданным. Я правлю звездным небом, бурными зелеными морями, многоцветной землей со всеми ее народами, темными подземными пещерами. Мои имена бесчисленны. Во Фригии я — Кибела, в Финикии — Астарта, в Египте — Исида, на Кипре — Царица Кипра, в Сицилии — Прозерпина, на Крите — Рея, в Афинах — Палада и Афина, у благочестивых гипербореев — Самотея, Ау — у их смуглых рабов. Другие зовут меня Диана, Агдистида, Марианея, Диндимена, Гера, Юнона, Муза, Геката. А в Конюшнях Солнца в Колхиде, на дальнем краю Черного моря, в тени неприступного Кавказа, куда я намереваюсь вас послать, меня именуют Птицеглавая Мать, или

Бримо, или же — Невыразимая. Это я велела Дельфийскому оракулу вынести приговор. Ваша мать заблуждается, сомневаясь в его подлинности; но его цель — навлечь погибель на вашего отца, а не на вас самих.

Сегодня ночью вы оба должны вскарабкаться в лунном свете по крутой тропе, что вьется по склону Пелиона, подняться, пока не достигнете моей священной ограды. Фрикс пусть войдет первым, надев ритуальную маску коня, и вскричит без страха, — охранники святилища будут спать: „Во имя Матери!“ Пусть он снимет священное Руно с образа Овна, завернет его в темное одеяло и выйдет. Потом пусть войдет Гелла, надев такую же маску и, найдя там свернутое одеяло, не разворачивая его, вынесет его из святилища. Вы оба снова туда вступите, вместе вытащите оттуда охранников за ноги, вымажете их волосы конским навозом и оставите их лежать за оградой. Затем вы вернетесь вместе, вынесете оттуда идола без Руна и положите его, перевернув ногами кверху, среди спящих охранников. Выплеснув на него полный мех вина, накройте его плащами. Затем станьте поодаль и наблюдайте, как возвращается в святилище мой кобыльеглавый образ, который несет торжественная процессия моего народа

кентавров, размахивающих факелами, под звуки флейты и барабана. Когда дверь святилища закроется, вы поспешите в Иолк вместе с Руном.

У ворот вас встретит посланец с белым жезлом, и вы скажете ему лишь два слова: „Во имя Матери!“ Он проводит вас на песчаное побережье в Пегасах, туда, где верфи, и посадит вас на борт коринфской галеры, направляющейся в город Кизик на Мраморном море. Вы должны хранить благоговейное молчание в течение всего плавания, а когда окажетесь в дне пути от моего святого острова, Самофракии, Фрикс пусть растянет сияющее Руно на носу корабля. Из Кизика вы отправитесь сушей в царство мариандинов на южном берегу Черного моря, и там потребуете от моего имени, чтобы вас отправили морем в Колхиду. Когда вы наконец окажетесь на берегу колхидской Эа, вы вместе преподнесете Руно Ээту, царю Колхиды, и скажете ему: „Вот дар от Матери, Невыразимой, надежно охраняй его“. После этого ваша жизнь будет свободной и счастливой до тех пор, пока вы будете мне преданно служить. Если Ээт паче чаяния испугается гнева Зевса и спросит вас: „А не украли ли вы Руно из святилища Зевса?“, ты, Фрикс, ответишь: „Могуществом Богини клянусь, я не выкрадывал Руна из святилища и

не уговаривал никого украсть его для меня“. А ты, Гелла, ответишь: „Могуществом Богини клянусь, я ни разу не видела Руна, прежде чем мы оказались в одном дне пути от Самофракии“. И так, сказав чистую правду, вы все же обманете его».

Фрикс и Гелла выполнили этот приказ, хотя не без страха и сердцебиения. Никто иной как Хирон, мудрый кентавр, сын Филары, жрицы при гробнице Иксиона, возглавил торжественное шествие, возвращавшее в святилище Богиню. После этого, затаившись среди скал, он следил, как проснулись одурманенные охранники, и увидал ужас на их лицах, когда они обнаружили, что Бог Овен лежит меж ними, нагой и пьяный, на каменном ложе за оградой. Они поспешно вскочили, принесли воды и дочиста отмыли образ. Они вытерли его своими собственными одеждами и собирались уже нести обратно в святилище; но там на своем месте Кобыльеглавая Богиня восседала, и подходящий на ржание голос исходил из ее уст:

— Стражи, — сказала она, — унесите прочь моего пьяного сына, не пускайте его назад, пока он не будет трезв и одет.

Жрецы в ужасе склонились перед ней, стеная, выбежали прочь и отнесли идола вниз, в Иолк, на

грубых носилках из сосновых ветвей, накрытых плащами. Там они объяснили вождям миниев, что Бог предложил им выпить с ним вина и что сперва они отказались, ибо он, по своему обычаю, пил только воду или воду, смешанную с медом, но что он одолел их своей назойливостью. Больше они ничего не помнили, пока не обнаружили, что лежат рядом с ним и что головы у них болят, а одежды пропитались вином.

Раздались призывы искать Руно, до возвращения Афаманта. Когда стало известно, что примерно тогда же Фрикс и Гелла исчезли, прошел слух, что, взойдя на гору, чтобы почтить Бога (ибо пастух видел, как они двинулись по тропе), они наткнулись на Руно, лежавшее на земле там, где Бог сбросил его с себя в опьянении, и решили вернуть его в святилище, но Богиня приказала им распорядиться Руном иначе.

Еще говорили, что видели их направляющимися на север, к горе Осса, этот слух пустила Ино, чтобы направить погоню по ложному следу. На самом деле Фрикс и Гелла, спустившись с горы с Руном как раз, когда зашла Луна, старались никому не попасться на глаза, но встретили человека с белым жезлом. Он проводил их в Пагасы и там усадил на коринфский корабль, который

должен был отплыть на заре. Владелец судна приветствовал их во имя Богини, и они хранили благоговейное молчание. А на третий день, когда они огибали при попутном ветре актейский мыс Атос, Фрикс достал Золотое Руно из темного одеяла, в которое оно было завернуто, и растянул его на носу корабля, к удивлению капитана и команды.

Они поплыли дальше и вступили в узкий пролив, называвшийся некогда Дарданским проливом, который ведет из Эгейского моря в Мраморное. Был безветренный день, и они гребли изо всех сил против сильного течения, которое тем не менее относило судно назад. Гелла, сидевшая на носу, забыла данные ей указания. Она вскочила на ноги и, нарушив молчание, вскричала:

— О, Фрикс, мы пропали!

Ибо она увидела, что корабль несет прямо на Дарданские скалы. Внезапный порыв ветра сотряс корабль, завертел его, как волчок, и раздул парус; так они избежали скал и пошли дальше под парусом. Но Гелла перелетела через борт, когда корабль внезапно сотрясло, волна тут же унесла ее, и девочка утонула. Пролив этот и поныне зовется греками Геллеспонт — или Воды

Геллы.

Фрикс, точно выполнявший все повеления Богини, благополучно достиг Колхиды, преподнес Золотое Руно царю Ээту и ответил на его вопросы так, как ему было велено. Ээт повесил Руно на кипарисовое дерево за священной оградой, вокруг прорицалища огромного Пифона-оракула. В этом Пифоне обитал дух древнего критского героя Прометея, который, как говорят, первый открыл и объяснил человечеству, как добывать огонь вращением луноподобного огненного колеса или огненной дрели, и заложил таким образом начало гончарному делу, металлургии и другим искусствам, став, кроме того, первым поваром и первым хлебопеком. Он был в высокой чести в Аттике и Фокиде; его пуповина, челюстная кость и прочие чудотворные останки были в течение многих лет выставлены в коринфийской Эфире, откуда его потомок Ээт забрал их с собой, когда удалился в Колхиду. Завязался бесконечный спор между почитателями Зевса и почитателями Прометея; ибо молния Зевса считалась у греков источником происхождения огня, и в Додоне зевсовы жрецы обвинили Прометея в том, что он украл искру этого огня в одном из святилищ Зевса и незаметно погрузил ее в смолу в стебле

укропа, где она тлела. И в самом деле существует вид гигантского укропа — в человеческий рост, — в высушенном стволе которого искру можно нести с милю или больше, а затем раздуть в пламя. Какая бы из версий ни была правдивой, но то, что Золотое Руно Зевса предали на попечение критянина Прометея, явилось новым знаком непреклонной решимости Белой Богини. Но Фрикс был принят Ээтом, как дорогой гость, он отдал за него замуж свою дочь Халкиопе, не попросив за нее выкупа. Фрикс благополучно прожил в Колхиде много лет.

Когда Афамант вернулся в Иолк и узнал, что случилось в его отсутствие, он решил, что все боги возненавидели его. Он лег на свое ложе, накрыл голову полой одеяния и застонал. Ино пришла утешить его.

— Муж мой, — сказала она, — один из кентавров, которые по-прежнему совершают набеги на гору Пелион, бросая дерзкий вызов твоим приказам, сообщил, что очень рано поутру в тот роковой день он видел твоих сына и дочь, медленно взбиравшихся к святилищу Бога Овна, откуда доносился дикий шум пьяного разгула. Он приветствовал детей и убежал. Что могло случиться, когда они достигли ограды и обнаружили,

что распутный Сын лежит нагой среди своих стражей, а трезвая Мать снова завладела святилищем? Кто может рассказать?! Они могли быть обращены ею в камни или деревья в наказание за неосторожные слова, которые они произнесли. Или они могли коснуться Руна, которое лежало на земле, и тогда Сын обратил их в летучих мышей или ласок. Или они впали в безумие и, схватив Руно, подстрекаемые Матерью, сбежали по дальнему склону Пелиона и бросились в море вместе с Руном. Сплошные загадки, а разгадки пока все еще нет.

Афамант не ответил, а только продолжал стонать.

Ино вновь заговорила:

— Дражайший из мужчин, вот тебе мой совет. Во-первых, примирись с Белой Богиней, склонившись перед ней в ее святилище на Пелионе и предложив ей богатейшие жертвоприношения в надежде отвести ее гнев, а затем вернись сюда и притворись, будто ты умер. Если ты этого не сделаешь, твой народ, который верит, что ты тайно вывез куда-то своих детей, бросив вызов оракулу Аполлона, потребует, чтобы ты сам был принесен в жертву. Не появляйся до следующего сева, я и мои женщины высадим семена, которые

мы сберегли, со всеми обрядами, предписанными обычаем, и тогда все будет хорошо. Вели своему брату Кретею действовать как твоему заместителю в военных и морских делах, а я снова буду править страной во всем остальном. И хотя мы будем голодать, Богиня, несомненно, убережет нас от гибели.

Афамант слишком пал духом, чтобы ей возражать. Пока он посещал Пелион и там униженно возносил мольбы к Богине, Ино созвала на совет вождей миниев и ознакомила их с его решениями. Позор, который перенес их Бог Овен, тяжелым камнем лег им на душу, все, что им сказала Ино, показалось им неоспоримым. Они поклялись повиноваться Кретею, своему военному вождю и жрецу Зевса, пока не будет Афаманта, и повиноваться Ино как своей законодательнице и правительнице. Этот Кретей был добродушным, физически слабым человеком, над которым Ино имела полную власть.

Кентаврам разрешили вернуться на гору Пелион, и обещали возмещение за убийство их родичей, равно как восстановление всех их древних прав. Белая Богиня улыбалась им, обнажив лошадиные зубы; нагой же идол Бога Овна был вновь одет — но в простую черную баранью

шкуру — и тихо перенесен обратно, в свое старое святилище на горе Лафист. Кретей не наказал стражей, поскольку они твердили в свое оправдание, что всего лишь повиновались Богу, когда тот предложил им выпить вина, а в его диких выходках они не виноваты.

Что касается Афаманта, то, как только он вернулся в свой царский дом под покровом тьмы, он умер и оставался мертвым целый год; он ел только красную пищу мертвых, которую живые есть не могут, разве что по определенным торжественным поводам: омаров, лангуст, кровавый пудинг, вареный бекон и окорока, гранаты и ячменные лепешки, пропитанные ягодным соком. Когда он снова вернулся к жизни, после того как Ино провела осенний сев со всеми обрядами, обнаружилось, что он повредился в уме. Три года спустя он убил Леарха, одного из своих двух маленьких сыновей, рожденных от него Ино, застрелив его из лука из окна, выходившее во двор. Тогда минии решили низложить его и возвести на трон жреца и царя Кретея.

Ино тоже умерла. Безумие Афаманта вошло в нее, когда она увидела Леарха, умирающего во дворе; она схватила своего второго сына, Меликерта, из корзинки для овощей, где была его

колыбель и, одевшись в белое, устремилась, торжествующе крича, вверх по склонам Пелиона. Там в святилище Богини она разорвала свое дитя в клочья и, помчавшись вверх с пеной на губах, пересекла самый гребень Пелиона и ринулась вниз по противоположному склону. Наконец она добралась до прибрежной скалы и кинулась оттуда в море. Команда коринфского судна нашла оба тела, всплывшие на поверхность, и доставил их в Коринф для торжественного погребения, где царь Сизиф учредил Истмийские игры в честь Меликерта. Ино из-за самоубийства и убийства своего сына стала едина с Богиней, которой служила, и ее стали почитать и в Коринфе, и в Мегаре как Ино, Белую Богиню, добавив, таким образом, еще одно имя к бесчисленным другим, под которыми поклонялись Матери Всего Сущего. Афаманту же Богиня велела направиться на закат солнца и поселиться в логове диких зверей. Он добрался до гор позади Галоса, где ему повстречалась волчья стая, истреблявшая стадо овец. Они убежали, завидев его, и оставили ему овечьи туши. Там он и поселился, назвал это место Афамантия и завел новую семью. Но он умер еще до того, как «Арго» отплыл в Колхиду.

Земля Фтиотиды пребывала в мире несколько

лет, и возникла крепкая дружба между миниями и кентаврами, ибо когда Кретей позвал кентавров в их пещеры на горе Пелион, они дали зерна и съедобных желудей голодным миниям из своих тайных запасов, а также обеспечили их олениной и другой дичью. Когда порой иолкские нимфы Рыбы выбирались из своих хижин украдкой по ночам, чтобы присоединиться к мужчинам-Коням в предписанных обычаем любовных оргиях на горе, их мужья-минии не осмеливались выказывать свой гнев; а на время празднества сева и празднества прививки фиг, минии удалялись на морское побережье и не возвращались, пока все не было кончено.

Кретей умер, ему наследовал его сын Эсон, жена которого, Алкимеда, была теперь жрицей вместо Ино. На погребальных играх, устроенных в честь Кретея, пьяный кентавр пытался убить Эсона громадным глиняным кувшином из-под вина; Эсон отразил удар золотым сосудом и вышиб из кентавра мозги. Но в остальном последующие несколько лет прошли благополучно, без тревог и бед, пока внезапно все не перевернулось вверх тормашками с прибытием вооруженных железом ахейцев под предводительством Пелия, сына Посейдона. Однажды ранним утром кен-

тавр Хирон увидел, стоя у входа в свою пещеру на Пелионе, высокий столб дыма, поднимавшийся над Иолком, а по горной тропе приковылял дворцовый слуга, чтобы предупредить кентавров об опасности. Он предал на попечение Хирона во имя Богини маленького светловолосого двухлетнего мальчика, одетого в рубашонку из пурпурной ткани, который сидел у слуги на плечах: Диомеда, единственного уцелевшего сына Эсона и Алкимеды.

Хирон испугался, но отказать в такой просьбе не мог. Он сказал своему народу, будто малыш Диомед — один из магнезийцев, присланный к нему для посвящения в братство Коней; ибо между мужчинами-Леопардами и мужчинами-Конями такой обмен был привычен. Он дал мальчику новое имя — Ясон, что означает «Целитель», в надежде, хотя и не очень твердой, что малыш поможет восстановить мир во Фтиотиде.

Таков рассказ об этих событиях, который дошел до нас в передаче достойных доверия поэтов, противоречащих один другом только в несущественных подробностях. Говорят, что Ясон, пока жил на горе Пелион, был факельщиком Богини: следуя ее указаниям, он надрезал сосновое дерево близ корня, и тринадцать месяцев спустя

вырезал из сосновой древесины выше надреза кусок, пропитавшийся смолой, из которого делал фаллической формы факелы. А спустя три года он вырезал с той же целью сердцевину дерева.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
Возвышение Олимпийцев

Когда, медленно продвигаясь к югу из-за Дуная и в последний раз остановившись в эпирской Додоне, отважные ахейцы достигли наконец населенных районов Греции, они обнаружили там много такого, что вызвало в их диких сердцах неудовольствие, равно как и многое такое, что им понравилось. Красивые, с богатой лепниной дома, города с массивными стенами, быстрые и удобные корабли вызвали у них удивление и даже благоговение; понравились им также разные яства — жареное и отварное мясо, молоко, сыр, ягоды и дикие травы — сушеные фиги, ячменный хлеб, дары моря и оливковое масло. Но они были неприятно поражены, даже пришли в ужас, когда обнаружили, что их сородичи, ионийские и эолийские греки, которые пришли в эту страну до них, смягчили свои нравы в результате долгого общения с местными жителями. Они не только носили одеяния, вроде женских, и драгоценности, но считали женщин священными и более авторитетными, чем они. Почти всеми жрически-

ми функциями завладели женщины, и греческие племенные боги признали себя сыновьями и подданными Триединой Богини. Ахейцы, переполненные изумления, решили не уподобляться своим сородичам, тем более что колесницы и железное оружие ахейцев делали их непобедимыми. В Греции до тех пор было известно только бронзовое оружие, а конь, священное животное, мало использовался в военных действиях. Колонны ахейских колесниц продвигались вперед с такой скоростью, что каждый из обнесенных стенами городов был захвачен врасплох и занят прежде, чем граждане следующего осознали надвигающуюся опасность.

Царь Сфенел, новый ахейский владыка Пелопоннеса, захватил микенский трон, принадлежавший прежде генетийскому дому Пелопа, утверждая, что его предшественник не имел законные права на власть: он женился на Никиппе, потомке по женской линии Андромеды, сестры Персея Критянина, который основал этот город и правил от ее имени.

Триединая Богиня, в образе Матери Реи, сделала греческого Бога Неба Дия своим сыном и переименовала его в Загрея, или Зевса, повелевала им, заставив его стать подданным Кроноса,

ее ленивого критского возлюбленного, и подарив ему несколько старших братьев, большей частью — древних пеласгийских героев, обитателей прорицалища оракулов, Сфенел и его ахейцы отняли у Кроноса опеку над Зевсом и признали своими старшими богами божественных братьев Зевса, Посейдона и Гадеса, которые были, как и он сам, древними богами греческого народа. Они также отрицали, что Зевс — это Загрей, сын Триединой Богини. Возвратившись к древнему греческому сказанию, согласно которому он был Днем и сошел с Небес на неодушевленную Землю в виде грозового разряда, они провозгласили, что Земля не была его матерью, то есть он никогда от нее не зависел, и что он был Верховным и Изначальным Богом Всего Сущего. Но такой взгляд не был принят ионийцами, эолийцами и пеласгами, настаивавшими на том, что он — действительно критский Загрей, последний из детей Богини, родившийся в Диктейской пещере.

Главная Жрица Богини-Матери Реи, сговорившись с Главной Жрицей Богини-Девы Афины, отправила тайных послов к Главным Жрецам Посейдона и Аполлона, дабы убедить их, что Зевса следует немедленно лишить его верховенства, а иначе унылый монотеистический культ,

учрежденный по образцу того, что установил недавно в Египте фараон Эхнатон, уничтожит богатство и многообразие религиозной жизни в Греции. Она пообещала, что когда Зевс будет низложен в результате внезапного налета на додонское святилище в Эфире, Богиня-Мать учредит великую Республику богов и богинь, всех — равных по положению, под своим милостивым предводительством. Это предложение было принято Посейдоном и Аполлоном, но Сфенела своевременно известили о заговоре и он, арестовав Главных Жрецов и Главных Жриц, привел их в цепях в Микены. Он не дерзнул, однако, предать их смерти, а послал за советом к Додонскому оракулу. Оракул велел изгнать Посейдона и Аполлона из Греции ровно на год, велел им наняться слугами к чужеземцам; и в это время почитание их следует полностью прекратить. Наказание это было применено к богам в лице двух Главных Жрецов: Сфенел отправил их к своему союзнику, троянскому царю Лаомедонту, который нанял их каменщиками на строительство своего дворца, но чисто по-троянски обманул их при расчете. Рея и Афина, по приказу оракула, были наказаны иначе: их Главных Жриц публично повесили за волосы на дубе, а к ногам привязали наковальни,

и так они висели, пока не поклялись хорошо себя вести. Однако этих богинь разрешено было почитать, дабы не лишиться урожая.

Ахейцы убедились, что Триединая Богиня слишком могущественна, чтобы они могли опровергнуть ее или уничтожить ее, как они сперва намеревались, и просто не знали, что делать. Затем решили, следуя велению Зевса, развести его с его прежней женой Дионой и принудить Богиню к браку с ним, так что он стал Великим Отцом, а она — всего лишь матерью его детей, но отныне — не Великой Матерью. Это решение было принято другими греками, которые были запуганы возмездием, обрушившимся на Аполлона, Посейдона, Рею и Афину. То было решение величайшей важности, поскольку оно давало право всем отцам взять на себя главенство в домашних делах, и они получили право голоса в вопросах, которые были до того оставлены полностью на волю их жен.

Фракийский Бог Войны Арес новый Бог-кузнец, Гефест с Лемноса, были провозглашены вновь рожденными от этого принудительного союза Зевса и Триединой Богини. Дальше было решено, что бог Аполлон вновь родится от того же союза, но жрецы-лучники Аполлона этому воспротиви-

лись, намереваясь сделать Дельфийский оракул независимым от Богини, и заявили, что он — сын Зевса от другой матери, женщины-Перепелки с Кеоса по имени Лето. Подобный отказ поступил от приверженцев Гермеса, бывшего пеласгийского героя, наделенного властью над своими сотоварищами-духами, а теперь возведенного в звание Вестника Олимпийских Богов; они заявили, что Гермес — сын Зевса от дочери Титанов, аркадийки по имени Майя. Ахейцы приняли оба этих притязания, но отвергли утверждение Ареса, который ненавидел Зевса, что он якобы родился у Геры парфеногенетически; ибо у каждого бога, кроме Зевса, как они настаивали, должен быть отец. Триединая Богиня, однако, имела власть над святилищами других бесчисленных героев по всей Греции, и поскольку невозможно было закрыть их, ибо пеласгийские крестьяне их оберегали, она была теперь, в своей новой роли супруги Зевса, известна только как Гера, покровительница героев. Стремясь ограничить ее власть, приверженцы Зевса утверждали, что он — отец многих греческих героев, рожденных другими женщинами. Эти дерзкие утверждения вызвали немало религиозных распрей, и прошел слух, что Гера лишила своей милости всех тех ге-

роев, которые хвастают, что Зевс якобы им отец. Греки жаловались, что она — ревнивая жена и жестокая мачеха.

И вот Сфенел направил во все области Греции посланцев с вестью, что он намеревается созвать большое совещание по религиозным вопросам, надеясь уладить все неразрешенные споры между почитателями различных божеств страны. Назначенным местом был участок близ Пизы на западе Пелопоннеса, называвшийся Олимпией по имени холма, Малой горы Олимп; здесь находилось святилище Матери Реи, или Геи, наиболее почитаемое в Греции. На симпозиум явились все религиозные руководители греков и пеласгов; они пировали вместе более дружественно, чем можно было ожидать, и обсуждали вопросы теогонии и теологии. Первым делом было обсуждено, какие божества достойны принадлежать к Божественному Семейству, теперь помещенному на Великой Горе Олимп под властью Отца Зевса. Среди тех, кого допустили в старшие боги, оказался и раскаивавшийся Посейдон. Посейдон был некогда богом лесов, но постепенно леса в населенных областях Греции вырубили и решено было, что он станет управлять какой-либо другой сферой в природе. Он стал богом моря (что

было естественно, поскольку корабли строятся из деревянных досок и приводятся в движение деревянными веслами), и утвердил свое владычество над морем, заключив брак с Амфитритой, Триединой Богиней в ее морской ипостаси; она стала матерью всех тритонов и нереид. Но перун, которым он был прежде вооружен, был у него отнят, а вместо этого ему дали трезубец, чтобы он ловил рыбу; перун был отдан в единоличное пользование Зевсу.

Бог Аполлон, хотя и не признанный одним из старших, усилил свою власть, распространив ее на большую часть всего того, за что прежде почитали героя Прометея: он стал покровителем прометеевых школ музыки, астрологии и искусств, основанных в окрестностях Дельф задолго до того, как Аполлон сюда прибыл, и взял себе огненное колесо Прометея в качестве одной из эмблем.

Триединая Богиня в своей милостивой ипостаси Нимфы не могла быть исключена из Олимпийской семьи; но она потеряла свое древнее имя Марианея и была принуждена к постыдному браку с Гефестом, хромым, малорослым, запачканным сажей Богом-кузнецом, который до того считался всего лишь лемносским героем. Она бы-

ла переименована в Афродиту, Пенорожденную. Было также признано большинством голосов, что Триединая Богиня должна быть представлена на Олимпе и в третьей из своих главных ипостасей — как Дева, и после недолгих споров была признана Девой Охотницей, известной как Артемида, или Новая Луна, ибо Артемида было главным именем Триединой Богини у пеласгов; но эта новая Артемида родилась вновь как сестра Аполлона и дочь Лето. Такая договоренность, однако, не удовлетворила беотийцев и афинян, ибо Богиня Дева столь сильно владела их сердцами в образе Афины, что пришлось искать для нее второе место на Олимпе. После еще более долгого диспута она была признана как Афина, но только при условии, что она тоже пройдет через второе рождение, отныне она считалась дочерью Богини-Матери, и было заявлено, что она вышла в полном вооружении из головы Зевса. Так было подтверждено, что Отец Зевс может рожать детей, даже женского пола, без участия женщины, независимым усилием воли. Афина раскаялась в своей попытке свергнуть Зевса и стала самой послушной и трудолюбивой из всех его дочерей, самым ревностным борцом против беззакония.

Когда был поднят вопрос о преисподней, кое-

кто попытался решить его в пользу Триединой Богини в ипостаси Матери Гекаты, на том основании, что подземный мир — ее древние и неотчуждаемые владения; но эта претензия была отброшена приверженцами Зевса, которые испугались, что она сможет использовать Преисподнюю как базу для войны против Олимпа. И они подарили подземное царство мрачному Гадесу, брату Зевса. Однако оказалось невозможным полностью отстранить Богиню от Преисподней, и она была допущена туда как Дева Персефона, но отдана под суровую опеку своего дядюшки Гадеса и лишена права решающего голоса в вопросах управления своими бывшими владениями. С Матерью Гекатой обошлись еще более жестоко. Прежде, согласно обычаю, ей приносили в жертву собак, так вот, она стала трехглавым псом, водворенным в конуру у ворот царства Гадеса, и была переименована в Кербера. То, что Гадесу препоручили Преисподнюю, вызвало в Греции больше раздоров, чем любое другое решение симпозиума, а его союз с Персефоной оплакивался пеласгами — они сочли, что ее просто похитили против ее воли.

Когда ионийцы впервые признали власть Триединой Богини, они позволили своим сыновьям

быть посвященными в пеласгийские тайные братства, почитавшими ее. Так же поступили и эолийцы. У каждого братства имелся свой демон, воплощенный в некоего зверя или птицу, плоть которого было смертельно опасно поедать, за исключением особо торжественных случаев; и участники братства регулярно встречались для праздничных танцев в честь своего демона, во время которых имитировали движения и повадки священного зверя или птицы и переодевались в ее (или его) шкуру, мех или перья. Их предводитель являлся воплощением демона и был им одержим. Мать выбирала братство для своего ребенка до его рождения, если некое создание, во сне или наяву, привлекло ее внимание; но, как правило, братство включало в себя всю мужскую половину племени. Так, сатиры Фессалии и силены Фокиды были фавнами, кентавры Пелиона — мужчинами-Конями, некоторые из магнезийцев — мужчинами-Леопардами, кризейцы Фокиды — мужчинами-Тюленями; в Афинах были также мужчины-Совы. У женщин имелись подобные же общества, называемые сестринствами, и ни одной женщине не было дозволено Богиней брать возлюбленного из братства, соответствовавшего ее сестринству — так

Лев мог сближаться лишь с Леопардихой, а Львица — с Леопардом, — таково было правило, имевшее целью, несомненно, для того, чтобы связать рассеянные племена гармонией нежных чувств со всеми приятными втекающими и вытекающими. Но в подтверждение того, что демон каждого братства — подданный Триединой Богини, ежегодно устраивали всесожжение в ее честь — каждое братство посылало зверя мужского пола, свой тотем, которое предстояло сжечь заживо вместе со всеми остальными у одного из ее горных святилищ на неистово полыхающем костре.

Ахейцы, отнеслись к этим демонам с естественным презрением, будучи верными Триединой Богине, а также из-за беспорядочных любовных сношений, которым предавались верующие на своих богослужениях. Сфенел решил подавить как можно больше таких обществ, а оставшихся демонов подчинить кому-нибудь из олимпийского семейства. Он заявил, что Зевс имеет не только ипостась Овна, так как почитатели его были овцепасами, но ему можно соответственно поклоняться и как Быку, Орлу, Лебедю, Голубю и Великому Змею. Гере дозволено было сохранить власть над Львицей, Кукушкой и Вертишейкой; Артемиде были дарованы Рыбы, Олень, Собака

и Медведь; Посейдону — Конь и Тунец; Гермесу — Ящерица и Малый Змей; Аресу — Вепрь; и так далее. Пеласги пришли в сильное негодование, когда Посейдона стали представлять как Бога Коня, и в одном из их городов был в знак протеста установлен образ Кобыльеглавой Матери, названный Разъяренная Кобыла; ибо конь признает всемогущество Триединой Богини, о чем говорит луноподобный отпечаток копыта.

Такие и многие другие перемены в греческой религии, в том числе введение нового календаря, были разъяснены изумленным людям, собравшимся в Олимпии на торжественное зрелище, устроенное вестниками бога Гермеса, которое завершило совещание. Им устроили представление — пантомиму кастрации Зевсом его предполагаемого отца Кроноса, после чего Зевс был коронован дикой оливой и забросан яблоневыми листьями в знак поздравления, а также бракосочетания Геры и Зевса, Посейдона и Амфитриты, Гефеста и Афродиты; нового рождения Ареса, Гефеста и Афины; показали, как демоны Зверей и Птиц вступают в подчинение новому хозяину или хозяйке — короче, представление включало все новые мифологические события. Эти представления завершились живой

картиной из двенадцати Олимпийцев, сидящих за трапезой, парадных одеяниях и с атрибутами, подобающими их новой роли. Каждое божество было представлено каким-либо царем, жрецом или жрицей; роль Зевса взял на себя Сфенел из Микен, который держал в одной руке увенчанный песьей головой золотой скипетр Персея, а в другой — щит с отвратительным ликом Горгоны.

Олимпийское празднество стало поводом для грандиозных атлетических состязаний между молодыми мужчинами из городов и колоний: погребальных игр в честь Кроноса. Соревнования, известные как Олимпийские игры, были организованы юным Алкеем из Тиринфа, одним из самых убежденных защитников Триединой Богини и потомком Андромеды по женской линии. Он сам выиграл состязания по классической и вольной борьбе. Алкей, мужчина феноменальных габаритов и силы, лидер Бычьего братства Тиринфа, прибыл в Олимпию, выкрикивая угрозы против врагов Богини; но, как большинство очень сильных и горячих по натуре мужчин, его легко было околпачить. Приверженцы Зевса ублажили его едой и питьем и уверили его, что это он вынудил их пойти на важные уступки касательно нового статуса Богини — и в самом деле,

он сделал для нее куда больше, чем кто угодно другой. Он пригрозил сокрушить зал заседаний своей окованной медью оливковой дубиной, если только с ним не согласятся, что богинь на Олимпе должно быть числом не меньше, чем богов. Так что, когда ахейцы ввели в Олимпийскую семью Ареса, Гефеста и Гермеса, Алкей представил Триединую Богиню еще в двух ипостасях: как Деметру, Матерь Зерна, мать Персефоны, и как Гестию, Богиню Очага. Так в новом Пантеоне оказалось шесть богов и шесть богинь. Но каждому было ясно, что Алкея одурачили и что интересы Триединой Богини были учтены куда меньше, чем полагалось бы; ибо в Небе, Море, Преисподней и на Земле она теперь оказалась под мужской опекой; и когда Жрица Олимпийской Триединой Богини, сидя с увенчанным изображением кукушки скипетром в руке, на месте Геры на божественном пиршестве, спросила Алкея, были ли его поступки вызваны предательством или глупостью, он тут же метко пронзил стрелой обе ее груди — бесстыдное деяние, которое принесло ему худшую из неудач. Позднее Алкей стал знаменит под новым именем Геркулеса, или Геракла, что означает «Слава Гере», которое он принял, когда оставил Бычье братство и стал мужчиной-

Львом в надежде умилостивить Богиню, которую оскорбил.

ОЛИМПИЙСКИЕ БОЖЕСТВА

ЗЕВС	(ЮПИТЕР)	ГЕРА	(ЮНОНА)
ПОСЕЙДОН	(НЕПТУН)	АФИНА	(МИНЕРВА)
АПОЛЛИОН	(АПОЛЛОН)	ДЕМЕТРА	(ЦЕРЕРА)
АРЕС	(МАРС)	ГЕСТИЯ	(ВЕСТА)
ГЕРМЕС	(МЕРКУРИЙ)	АФРОДИТА	(ВЕНЕРА)
ГЕФЕСТ	(ВУЛКАН)	АРТЕМИДА	(ДИАНА)

БОЖЕСТВА ПРЕИСПОДНЕЙ

ГАДЕС	(ПЛУТОН)	ПЕРСЕФОНА	(ПРОЗЕРПИНА)

Повсеместно раздавался ропот против этой религиозной реформы, но ахейцы подавили недовольных силой оружия, и оракулы единодушно утвердили все нововведения. Самая весомая поддержка пришла из Дельфийского храма Аполлона, пребывание в котором перестало быть для Бога унижением и сделалось источником славы и силы; а также из прорицалища Зевса в эпирской Додоне, где на вопросы отвечали дубы

шорохом листвы в священной роще и гадали по полету черных голубей. Никаких вооруженных мятежей в Греции не последовало; как случилось поколение или два назад, когда пеласгийские женщины, — нынче их зовут амазонками, — устроили вооруженное нападение на Афины, недовольные религиозными нововведениями ионийца царя Тесея; или когда во времена генетийца, царя Пелопа, речные нимфы Данаиды, которых он принудил сойтись с его египетскими каменщиками, умертвили их всех, кроме одного, в их брачную ночь. Только четыре царя отказались признать новую олимпийскую веру: Салмоней из Элисы, брат царя Афаманта; Тантал, сын ионийского героя Тмола, который незадолго до того поселился за морем в Лидии; Ээт, царь Колхиды, прежний властитель коринфийской Эфиры, критянин по происхождению, и Сизиф из коринфской Асопии, племянник Ээта.

Всех четверых Оракулы предали проклятию. Танталу, который высмеивал божественное пиршество, после того отказывали в пище и воде, пока он не умер от голода; Салмонея, который из презрения к Зевсу Ниспосылателю Дождя сам вызвал бурю, сымитировал гром с помощью оглушительного лязга бронзовых сосудов, побили

каменьями. Сизифа заставили трудиться в мраморных каменоломнях Эфиры, где он оставался несколько дней, пока однажды его не раздавило упавшим камнем. Преступление его заключалось в том, что он нарушил клятву хранить все в тайне, которую дали все участники совещания: он послал предупреждение коллегии асопийских нимф Рыб о том, что ахейцы собираются увести их оттуда и обесчестить на острове Эгина. Он также заковал в цепи жреца Гадеса, который явился, чтобы принять у жрицы Гекаты святилище Преисподней; а когда Сфенел, его повелитель, послал вестника, чтобы освободить жреца и напомнить Сизифу, что Гадес теперь — единственный правитель Преисподней, Сизиф дерзко запретил своим родным хоронить себя, когда он умрет, предпочитая, как он сказал, свободу скитаний по берегам Асопа в виде духа. Что касается колхийского Ээта, то он жил достаточно далеко, чтобы издеваться над оракулами.

Некоторые поэты утверждали, что в Олимпии и в других местах состоялось несколько совещаний, а не одно, прежде чем была принята реформа, и многие из сюжетов, представленных в заключительной пантомиме, уже вошли в греческую религию во времена эолийцев и ионийцев. Дру-

гие же вообще отрицают проведение какого бы то ни было симпозиума, заявляя, что все решения по вопросам Божественного Семейства на Олимпе были приняты лично Зевсом без посторонних советов. Кто знает теперь, где истина? В любом случае, Вседержитель был признан по всей Греции, и никакие клятвы, даже при свидетелях, не принимались, если не давались его именем.

Управление областью Фтиотида — от Иолка на севере до Галоса на юге, — перешло в руки ахейца по имени Пелий, который представлял бога Посейдона на божественном пиршестве в Олимпии и судил на скачках во время игр. Он относился высокомерно к местным миниям, убив самых опасных из них; он, правда, не предал смерти Эсона, сына Кретея, их Царя, довольствовавшись женитьбой на дочери Афаманта и Нефелы и действуя как регент Эсона. Поскольку у Эсона не осталось в живых никого из детей (или так предполагалось), Пелий стал его единственным наследником и надеялся, что его собственные дети в один прекрасный день унаследуют ему как неоспоримые правители страны.

Случилось так, что Пелий мог претендовать на то, что он миний, и в самом деле, он был единоутробным братом Эсона. Тиро, их мать, жена

царя Кретея, посещала коллегию фессалийских нимф Цапель несколько лет тому назад, и устроившие набег ахейцы полонили ее. Они сделали ее жрицей любви в храме Посейдона, а когда обнаружилось, что она носит ребенка, отправили ее пешком домой к мужу. Она разродилась мальчиками-двойняшками на обочине дороги, но, стыдясь принести их с собой к Кретею, бросила их; они были найдены конским пастухом, скакавшим мимо на своей кобыле, он принес их домой к жене и назвал Пелием и Нелеем — Пелий означает грязный (кобыла залепила ком грязи в лицо ребенку), Нелей же означает безжалостный — это имя он получил за свой пристальный, твердый взгляд. Случилось так, что Сидеро, жена табунщика, только что потеряла своего родного ребенка, вот она и согласилась усыновить двойняшек; но у нее не хватало молока на двоих. Поэтому они приникали по очереди к соскам овчарки пастуха, оттого у них и стал столь необузданный нрав.

Два дня спустя Тиро вернулась, чтобы похоронить своих сыновей и защитить себя от их мстительных духов. Она обнаружила их живыми в доме табунщика и возликовала, ибо горько раскаивалась в своем поступке, и попросила возвратить ей детей. Но Сидеро отказалась от

наград, которые предлагала Тиро, и выставила ее из дому взашей. Когда Пелий и Нелий подросли и стали посмышленней и когда им поведали всю эту историю, они убили свою мачеху Сидеро в наказание за ее жестокость по отношению к Тиро. Затем они бежали к ахейцам и представились им как сыновья Посейдона, рожденные храмовой проституткой, и получили высокий ранг. Когда ахейцы вторглись в Элладу, Пелий, благодаря кровному родству с миниями, добился успеха, претендуя на царствование во Фтиотиде; а Нелей воцарился в другом государстве миниев — в Пилосе. Но Богиня-Мать ненавидела Пелия за то, что он осквернил одну из ее святынь: он убил Сидеро, когда она ухватилась за выступ алтаря Луны.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
Ясон претендует на престол

Кентаврам с горы Пелион снова запретили любить жен миниев, Пелий считал такую практику неподобающей и не стал бы ей попустительствовать. Но поскольку «даже такие жалкие дикари не могут жить хотя бы без случайных связей с женщинами», как он сказал, он разрешил им похищать невест у их старых врагов, фессалийских лапифов, которыми теперь управляла минийская аристократия. Пелий убедился в том, что лапифы — неуживчивые и наглые соседи, и охотно поощрял кентавров в их набегах.

Однажды он нанес кентаврам визит, встретившись с их предводителем Хироном, у святилища Кобыльеглавой Белой Богини на Пелионе. Хирон убеждал Пелия вступить в святилище и посоветоваться с оракулом. Пелию показалась забавной мысль спросить Богиню, какая его ждет смерть; причина этого вопроса, как он сказал своим спутникам, была не в том, что он хотел знать свое будущее, просто решил испытать Богиню. Он уже получил точные сведения о том, как умрет,

у оракула Отца Зевса в Додоне, а кто осмелится противоречить Всемогущему и Всезнающему Зевсу?!

Ответ Богини был таков: «Как я скажу тебе то, Пелий, что ты, как ты мнишь, уже услыхал от моего Сына? И все же позволь предупредить тебя: остерегайся человека в одной сандалии, он возненавидит тебя, и прежде, чем с ним будет покончено, ненависть его изничтожит тебя».

Пелий не обратил особого внимания на бессвязное бормотание «этой троедушной старушонки», как он ее богохульно называл, культ которой, так он говорил, теперь в упадке; к тому же он не мог согласовать ее пророчество с торжественными заверениями Зевса, что ни одна человеческая рука никогда не учинит над ним насилия и что в старости он сможет сам выбрать, где и как ему умереть. Тем не менее он предусмотрительно отдал распоряжения, чтобы никто из этолийцев не удалялся во Фтиотиду никогда и ни по какому поводу, потому что этолийцы, желая заручиться удачей, обувают только левую ногу.

Несколько дней спустя Пелий получил любопытный знак, напоминающий о всемогуществе Зевса. Главный Жрец Аполлона прошел пешком через Иолк в одежде наемного работника и отка-

зался от лучших кусков жареного мяса и лучших напитков, подобающих его высокому рангу, которые ему предложил Пелий; он сел у очага среди слуг и ел с ними требуху. Он направлялся в крепость Феры в Фессалии, где жил миний Адмет, зять Пелия, неся во второй раз епитимью, наложенную на его божественного владыку оракулом Зевса. История была такова:

Жрецы Гадеса пожаловались в Додоне, что в Дельфах одним из сыновей Аполлона, Асклепием, рожденным от храмовой проститутки, основана новая медицинская школа. Аполлона подстрекают обучать медицине и хирургии, чтобы уменьшить число умирающих, особенно детей, и тем самым лишить жречество Преисподней доходов и приработков. Говорят, что Асклепий, по просьбе одной бедной вдовы, пришел на похороны ее единственного сына, который утонул. Жрецы Гадеса уже завыли, оплакивая покойного; но Асклепий отказался считать мальчика мертвым и, удалив из него воду и подвигав его руками, как если бы тот был жив, вернул ему дыхание. Мальчик сел и чихнул, а Асклепий после этого посвятил мальчика служению Аполлону.

Додонский оракул ублажил жалобщиков: приказал закрыть школу, но Асклепий отказался

подчиниться, усомнившись в подлинности слов оракула. Он возразил, что Гадес рано или поздно возьмет каждую душу и что чем больше детских жизней спасет Аполлон, тем больше детей родится по закону природы, впрочем, все они в конце концов станут добычей Гадеса. Этот довод разгневал Зевса, ибо он не нашелся, как на него ответить, разве что силой. Отряд храмовых стражей был немедленно послан из Додоны в Дельфы, где они убили Асклепия и мальчика, жизнь которому тот спас. Аполлоновы лучники совершили на Додону ответный набег, перестреляв всех сыновей киклопов, кузнецов Додоны, которые изготовляли священные предметы обихода для святилища Зевса, Посейдона и Гадеса и которых называли Одноглазыми, потому что они работали, закрыв один глаз, чтобы уберечься от искр, взлетавших с их наковален.

Оракул Зевса пригрозил Аполлону, что тот погибнет, если не уступит ему и снова не станет слугой на целый год; на этот раз ему надлежало служить в самой дикой области Греции, какой Главный Жрец считал минийское царство в Ферах; в течение года оракулу надлежало молчать, а все жертвоприношения, клятвы и молитвы Аполлону — прекратить. Главному Жрецу ниче-

го не оставалось, как подчиниться. Возможно, он выбрал Феры как место службы, оттого, что Адмет, царь Фер, был ему кое-чем обязан; Адмет однажды необдуманно оскорбил сестру Аполлона, Богиню-Деву Артемиду, забыв принести ей жертвы, когда женился на Алкесте, старшей дочери царя Пелия. Богиня наказала Адмета, устроив так, что, когда он вступил в брачные покои, он не нашел в постели ничего, кроме корзины, полной змей, и даже отказалась вернуть ему Алкесту. Тогда Адмет отправился в Дельфы с дарами и стал молить Аполлона походатайствовать за него перед своей божественной сестрой, что Бог и сделал. И вот теперь, в свою очередь, Адмет оказал Главному Жрецу благодушный прием, дал ему совсем нехлопотное занятие, чем заслужил его вечную благодарность.

Прошло немало времени, прежде чем кто-либо (не считая Триединой Богини, которая оставалась непримиримо враждебной) дерзнул оспаривать всевластие Зевса; но Аполлон не забыл оскорбление, нанесенное ему, и затаил обиду; варвары передавали друг другу пророческие слова, что однажды он объединится с Триединой Богиней и кастрирует своего отца Зевса столь же безжалостно, как Зев некогда Кроноса. Аполлон, как

гласило пророчество, использует для этого золотой серп, выставленный в храме Зевса в Гиллосе на Корфу, как говорят — то самое орудие, которым воспользовался Зевс против Кроноса. Но Аполлон стал осторожным и выжидал благоприятного случая. У входа в Святилище Пупа написаны такие слова: «Никаких крайностей». И Аполлон занялся науками.

В ближайшее зимнее солнцестояние, когда гора Пелион и гора Отрис, далеко на том берегу залива на юго-западе, были покрыты снегом, Пелий отмечал предписанное обычаем празднество в честь божеств земли. Он воздал особые почести своему отцу Посейдону и Богине-Деве Артемиде. Поскольку Рыба теперь принадлежала Артемиде, он перепосвятил ей коллегию нимф Рыб в Иолке, вверив ее попечению старой Ифиас, своей тетки по матери, дочери аргосского царя. Пелий обязан был сделать три необычных исключения из списка бессмертных гостей, которых пригласил разделить большой званый пир, на котором подавали жареную говядину, баранину и оленину. Первым было исключено имя самого Зевса. Это произошло, потому что несколько лет назад, еще во времена царя Афаманта, Бог, к несчастью (как считал Пелий), был застигнут на Пелионе

Кобыльеглавой Матерью спящим после веселой попойки; устыдившись, что он оказался нагим, сорвал с себя свое Золотое Руно, дабы охладить разгоряченное тело, он уступил ей свое святилище и удалился в новом скромном одеянии из черной шерсти на гору Лафист. «Пока Отец Зевс открыто не вернется на Пелион и не велит Кобыльеглавой убираться восвояси, — сказал Пелий. — Я полагаю справедливым приносить ему жертвы в другом месте». Поскольку, однако, он не желал показаться союзником Матери в ее ссоре с Зевсом, он исключил из своего списка имена таких ипостасей Богини, как Гера и Деметра. Это уж ни в какие ворота не лезло: праздник середины зимы был первоначально посвящен только Богине, а он не принес ей вовсе никакой жертвы! Он решил показать ей, что не страшится ее оракулов, ни намеревается искать ее милостей. Но Зевса он умилостивил жертвоприношением в своем обеденном зале, где сжег тушу прекрасного быка, но сам не съел ни кусочка.

Уверенный, что он избежал неудовольствия Отца, Пелий спустился на рыночную площадь, там уже шумели костры из сухих сосновых поленьев, готовые поджарить туши прекрасных животных, которых он избрал для принесения в жертву

другим олимпийцам. В толпе собравшихся на праздник он заметил необычного незнакомца — молодого, высокого и красивого, черты которого он припоминал, словно он увидел их во сне; он был вооружен двумя копьями с бронзовыми наконечниками. Судя по его облегающей рубахе и штанам из оленьей кожи, а также плащу из леопардовой шкуры, то был магнезиец из братства Леопардов, спустившийся с гор у озера Боэбе; но длинная грива светлых волос этого юноши свидетельствовала о том, что он посвящен в кентаврийское братство Коней. «Странно, — подумал Пелий, — я мог бы принять его за грека из-за его светлых волос, прямого носа и крупных рук и ног». Незнакомец смотрел на Пелия настойчивым, приводящим в замешательство взглядом, но Пелий не соизволил его приветствовать.

Пелий приказал подвести увешанные гирляндами жертвы к большому алтарю, на который он возложил несколько равных кучек поджаренных ячменных зерен и одну — вдвое больше остальных. Он осыпал головы животных солью, выкликая поочередно имя каждого бога или богини; затем его помощник умертвил их секирой; затем сам царь перерезал им глотки кривым кремневым ножом. Проделывая это, он запро-

кидывал их головы вверх, поскольку то было жертвоприношение олимпийцам, а не герою или божеству Преисподней. Наконец он совершил сожжение бедренных костей, покрытых жиром, и части внутренностей; а куски мяса предназначались в пищу самим богомольцам. Посыпание жертв солью было нововведением ахейцев: до их прихода ни одно божество ничего такого не требовало, а Триединая Богиня и поныне не принимает никаких соленых и острых приношений.

Как только с этими жертвоприношениями было покончено, незнакомец обратился к Пелию и дерзко спросил:

— Царь Пелий, почему ты предлагаешь жертвы всем богам, но не Великой Богине, которая почитается пеласгами?

Царь отвечал:

— Слепец, как ты мог не заметить, что и Отцу Зевсу не было предложено никаких жертв? Разве было бы учтиво приглашать на пир жену (ибо ты, конечно, знаешь, что Великая Богиня теперь супруга Зевса), не приглашая ее мужа? Это — жертвоприношение моему отцу Посейдону и более скромным олимпийским богам, имена которых, как ты слышал, я провозгласил.

Незнакомец сказал:

— Возможно, ты и прав, что не приносишь жертвы Зевсу, если истинно услышанное мною: что он стыдится появляться в здешних краях с тех пор, как однажды предстал нагим перед своей матерью вдрызг пьяным.

Пелий оглядел незнакомца с головы до ног, ибо то была речь столь дерзкая, что звучала почти как нечестивая, но вот глаза его внезапно задержались на ногах юнца и царь увидел, что на том всего одна сандалия.

Царь спросил, как его зовут, и тот ответил:

— Задай мне любой другой вопрос, Седобородый, и я, как могу, постараюсь на него ответить.

Пелий опешил от удивления и лишь немного погодя спросил, тяжело дыша:

— Незнакомец, что бы ты сделал, будь ты на моем месте?

Никогда в жизни его так не оскорбляли.

Незнакомец дерзко рассмеялся, подбросил вверх свои копья с рябиновыми древками — оба одновременно, снова поймал их и ответил:

— А я бы послал в поход сборщика шерсти и приказал бы командиру не возвращаться, пока он не найдет золотую шерстку, даже если ему придется плыть за ней на другой конец света, возможно, в Колхиду, где отдыхают в конюшне

кони из колесницы Солнца, — или спустится в самые отдаленные глубины Земли, где, согласно нашей новой геологии, правит своей мрачной и ужасной империей Тринадцатое Божество.

— Мудрое предложение, — согласился Пелий, надеясь, что незнакомец погубит себя легкомысленным ответом на следующий вопрос. — И ты поручил бы возглавить поход храбрейшему человеку в твоих краях?

— Полагаю, надо быть храбрейшим в Греции, — отвечал незнакомец с тем же бесстыдством, — чтобы взять на себя такую задачу.

— Ты и есть тот самый человек! — вскричал Пелий.

— Я? — переспросил незнакомец, захваченный врасплох.

— Ты, — сказал Пелий. — Явиться вооруженным и одному, как ты поступил, на празднество, где не дозволяется присутствовать с оружием, обратиться к правителю города, назвав его «Седобородым», отказаться назвать ему свое имя, отпускать насмешки в адрес Отца Зевса, Царя Небес и Главного Божества Греции — все это подтверждает, что ты — храбрейший человек в целом мире, а не только в моем фтиотийском царстве.

Тот надменно ответил:

— Никогда в жизни я не шарахался от приключений. И все же я не отправлюсь на поиски Золотого Руна, если ты только не поклянешься, что по возвращении — ибо я не вернусь с пустыми руками, на это ты можешь положиться — ты уступишь мне правление своим царством.

Пелий ответил:

— Дурень, я не могу давать такого дикого обещания. Этим царством по закону может управлять только миний, член царской семьи. Когда умрет мой брат Эсон, я унаследую его титул, равно как и царскую власть, ибо я — его ближайший наследник минийской крови — мои сподвижники убили двух его сыновей и двух братьев, которые стояли ближе к престолу, чем я; когда я умру, царство по закону перейдет к Акасту, моему старшему сыну.

Незнакомец медленно покачал головой.

— Думаю, — сказал он, — что не перейдет.

Пелий спросил:

— А почему ты качаешь головой и говоришь «думаю, что не перейдет»? Даже Бог не может изменить законы наследования.

Незнакомец объяснил:

— В возрасте двух лет я был спасен дворцовым

слугой во время разграбления этого города и отдан кентаврам, которые обо мне хорошо позаботились. В течение шестнадцати лет я был на воспитании у Хирона, сына Филары. Сегодня я спустился с гор на празднество, чтобы принять участие в жертвоприношении Богине. Прошу тебя простить мне мой неподобающий вид: моя рубаха из оленьей кожи порвалась об акантовый куст, я очень спешил, спускаясь с горы, и, кажется, потерял одну сандалию — верно, в грязи разлившегося Анавра, когда я переходил его вброд. Я — Диомед, единственный уцелевший сын твоего брата Эсона; но Хирон переименовал меня в Ясона. Так что я, а не ты — ближайший наследник трона миниев.

— Не гневи богов своим вздором, — резко вскричал Пелий. — Всем хорошо известно, что Диомед погиб в горящем дворце, был оплакан и погребен.

— Умер вовсе не Диомед, — сказал Ясон, — а мальчик-раб. В моем мешке мое младенческое одеяние из пурпурной шерсти, неопаленное огнем, подтверждающее правдивость моего рассказа.

У Пелия упало сердце, но он страшился проявить гнев или причинить вред Ясону во время

священного празднества. Он ограничился тем, что сухо сказал Ясону, что тот невысоко ценит его храбрость, если ожидает, что он уступит все свое богатство — золото, самоцветы, скот и зерно — без борьбы.

Ясон отвечал:

— Ну, дядюшка, я не собираюсь отнимать у тебя твое богатство. Оставь его себе, оно — твое, поступай с ним, как тебе заблагорассудится. Я прошу лишь об одном — признать меня наследником моего отца. И поскольку мой отец не стал мстить тебе за убийство его братьев и сыновей, мне этого тоже не пристало делать, — он сказал это совершенно невинно, поскольку суровая жизнь в горах не научила его, что царь без богатства подобен копью без древка. Царь должен иметь доход, чтобы платить своим солдатам и слугам, оказывать гостеприимство посещающим его князьям и приносить жертвы богам. А также тратить средства на тысячу других вещей.

Пелий не понял — Ясон очень прост или очень хитер, и некоторое время стоял молча. Затем он рассмеялся и обнял юношу, поздравлял его с возвращением в родной город, притворно выражая свою радость. Но когда он взял юношу за руку и повел его в дом, где лежал прикованный к посте-

ли Эсон, он начал тяжело вздыхать.

Он сказал:

— Ясон, Ясон, почему ты сразу не признался, чей ты сын? Тогда бы я ни за что не задал тебе вопроса, на который ты, наученный кем-то из богов (возможно, самим моим отцом Посейдоном, главным гостем на нашем пиршестве), ты дал перед свидетелями ответ, от которого нельзя отступиться. Теперь для тебя ничего не остается, как отправиться на поиски утраченного Руна, а когда ты вернешься, благодаря надеждам и молитвам моего народа, я охотно откажусь от правления Фтиотидой в твою пользу и стану твоим послушным и преданным сподвижником.

Выражение тревоги появилось на лице Ясона, когда он понял, как дорого он должен заплатить за свои необдуманные слова, а со слов Пелия ему стало ясно, как безнадежна задача возвратить Руно — тот рассказал ему о царе Ээте и о его вражде с греками.

Два года спустя после того, как Фрикс и Гелла бежали из Иолка, до правителя Кретея дошли вести, что Гелла утонула в Троянском проливе, а Фрикс преподнес Руно Ээту, сыну Гелиоса, царю Колхиды, который поручил охранять герою Прометею. Прослышав об этом, Кретей обсудил

со своими вождями, следует ли ему посылать к Ээту, требуя вернуть Руно, ибо они считали, что удача миниев связана с Руном; но они решили не рисковать, чтобы не вызвать гнев Белой Богини, и поэтому Кретей ничего не предпринял. Однако несколько лет спустя Ээт услыхал, что его племянник Сизиф, с которым он был связан самыми торжественными клятвами дружбы, был низложен и порабощен, потому что отказался признать подчинение Триединой Богини ее бывшим сыновьям — Зевсу, Посейдону и Гадесу. Эти новости крайне возмутили его, ибо Сизиф был царем Асопии, западной части Коринфского царства, в то время как восточная часть, включая перешеек и город Эфира, принадлежала самому Ээту; он оставил свои земли на попечение своего друга Буна, а Сизиф считал себя единоличным правителем народа. Поэтому царь колхов поклялся перерезать первый же экипаж греческих моряков, который осмелится явиться в Колхиду, если только они не принесут ему новости об освобождении и восстановлении в правах его племянника Сизифа. Но мало того, что Сизиф не был освобожден, а прежняя вера в Коринфе — восстановлена, новый ахейский правитель сделал публичное заявление, где отрицал, что

город был, как все думали, основан жрицей Богини-Девы Эфиры. Вместо этого он утверждал, что город был основан борцом по имени Коринф, приверженцем Зевса, у которого Эфира похитила славу, и что первоначальное название — Коринф, с тех самых пор применяемое ко всему царству, теперь должно быть возвращено и городу. Он конфисковал земли царя Ээта на том основании, что титул царя, дарованный ему Эфирой, недействителен; и Асопия перешла во владение его друга Креона, который женился на Главке, дочери Сизифа, причем против ее воли.

С того времени между Колхидой и Грецией прекратились всякие отношения, посредниками в торговле были троянцы. Это было очень неудобно для греков, ибо пошлина, которую троянцы взимали прежде, составляла только пятую часть цены груза, теперь же они продавали колхские товары капитанам греческих торговых судов в два, а то и в три раза дороже, чем платили за них сами.

Троя была сильной крепостью, выстроенной из громадных каменных блоков египетскими каменщиками, как Микены и другие греческие города, и хорошо охраняемой. Греки грозили послать войско и уничтожить город, если тро-

янцы откажутся вести себя более разумно, но не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы выполнить угрозу. Царь Ээт, как говорили, подписал соглашение с троянцами, в котором пообещал не торговать ни с каким другим западным народом, кроме них, при условии, что они станут платить ему хорошую цену за его товары и станут охранять проливы от карательной экспедиции, которая может быть послана в Колхиду из Греции.

Пелий поведал Ясону обо всех этих обстоятельствах, перемежая свое повествование с тяжелыми вздохами. Он надеялся, что Ясон, напуганный трудностями задачи, уйдет обратно на Пелион в общество своих приятелей-кентавров, и это настолько уронит его в глазах миниев, что он никогда больше не рискнет снова показаться на рыночной площади Иолка. Или того лучше — жгучий стыд вынудит его пуститься в плавание, дабы возвратить Руно, что, как считал Пелий, кончится бедой. Даже если он ускользнет от бдительных троянцев по пути туда, как он добьется от Ээта, чтобы тот отдал Руно, если у того все еще мощная армия и мощный флот? А если, что почти невероятно, Ясону удастся похитить Руно, внезапно и дерзко напав на Ээта, как он

умудрится вторично пройти через Геллеспонт? Троянцы будут его поджидать и, осмотрев его груз, задержат его, пока не прибудет посланный в погоню колхский флот; и его убьют. Ибо нет иного пути из Черного моря, кроме дороги через Босфор и Геллеспонт.

Пелий считал, что Ясон в ловушке. Тем не менее Ясон и виду не подал, что испугался, и сказал ему:

— Дорогой дядюшка, давай оставим все мрачные мысли и отправимся вместе в дом моих родителей, которых я не видал с тех пор, как был ребенком двух лет отроду. Я мечтаю обнять их и получить их благословение.

И вот, пока жарилось жертвенное мясо, медленно поворачиваемое на вертелах и распространяющее приятный запах и шипение над кострами на рыночной площади, Пелий повел Ясона к скромному дому его родителей, которых тот почтительно приветствовал. Алкимеда возликовала, увидев свое единственное дитя, и пылко прижала его к груди; но Эсон, внезапно приподнявшись и сев на ложе, где он дремал под грудой одеял, побледнел, упал обратно и отвернулся лицом к стене. Пока Ясон пребывал среди кентавров, Эсон думал о нем с отцовской

нежностью и надеждой; но теперь, когда сын дерзко спустился с горы и открыл себя Пелию, Эсона стали одолевать страхи, за что он почти ненавидел сына. Он боялся, что Пелий призовет его к ответу за то, что он так и не признался тому в обмане — в мнимых похоронах; страшился, что царь ухватится за первый же повод, чтобы предать смерти обоих — Ясона и Эсона. Так что Эсон пробормотал что-то неразборчиво через плечо и не обращал больше внимания ни на красноречивые заверения в благорасположении, которыми сыпал Пелий, ни на его поздравления по случаю возвращения Ясона из мертвых. Пелий в глаза хвалил Ясона за его силу, красоту и храбрость, Алкимеда радовалась, забывая, что такие похвалы приносят неудачу, забывая, что кругом всегда роятся злые духи в виде синих мух, мотыльков или москитов и чуть что — летят с новостями к ревнивым Олимпийским богам или к повелителям Преисподней; а Эсон продолжал стонать.

Пелий оставил Ясона у родителей и вернулся на рыночную площадь. Там, когда его главный вестник трижды протрубил в раковину, призывая к молчанию, царь громко приказал народу возрадоваться вместе с ним, ибо Ясон, наследник престола минийской Фтиотиды, нежданно-нега-

данно вернулся к ним.

— И, как оказалось, он — храбрейший и благочестивейший юноша, — сказал Пелий, — после того, как был воспитан честным Хироном, кентавром, который все эти годы скрывал его — не знаю почему — под чужим именем и ложной родословной. В самом деле этот Ясон столь храбр и благочестив, что он отказывается тихо и мирно поселиться среди нас. Сперва он должен совершить великие дела, как он утверждает, проявить глубокое уважение к Отцу Зевсу, властителю над богами, возвратив утраченное Руно образу Овна на горе Лафист. И да проявят все боги и богини, — сказал он, — благосклонность к его царственным намерениям. И пусть ни один из князей миниев, храбростью равный Ясону, не останется в стороне от столь славного предприятия!

Пелий надеялся вовлечь двадцать-тридцать аристократов миниев, врагов ахейцев, в гибельную затею своего выскочки-племянника.

Народ, захмелевший от меда и пива, отозвался на речь Пелия восторженным и продолжительным ревом, а когда все увидели Ясона, снова вернувшегося на рыночную площадь, чтобы получить свою долю жареного мяса, люди сбежались поприветствовать его возгласами восхищения.

Те, на ком были гирлянды из зимних цветов и ягод, увенчали его гирляндами, а прочие лобызали его руки в пьяном экстазе или гладили плечи.

Ясон ничего не сказал в ответ, он побрел прочь, словно ничего не понимающая жертва, которую ведут на заклание, увешанный гирляндами, а между тем жадные богомольцы чмокали губами и громко восклицали:

— Ах, какой прекрасный зверь! Какой лакомый кусочек для богов и для нас!

Пелий пребывал в столь восторженном настроении, что закатил для Ясона пир во дворце на пять дней и пять ночей.

ГЛАВА ПЯТАЯ
Белая Богиня одобряет плавание

Ясон воротился на гору Пелион попросить совета Хирона. Хирон был поражен, что видит его живым. Он знал легкомысленный нрав Ясона и умолял его не совершать путешествия, которое, как он был уверен, никому не принесет удачи. Он печально покачал головой, когда Ясон рассказал, что случилось на рыночной площади в Иолке, и сказал:

— Дитя мое, новости, которые ты принес, едва ли могли быть хуже. Либо ты потерпишь неудачу в своем предприятии и будешь убит колхами или их троянскими союзниками, либо (что, однако, куда менее вероятно) ты добудешь Руно, и Овен Зевс вернется в это святилище и опять изгонит оттуда нашу Возлюбленную Мать. О, твой язык! Сколько раз я говорил тебе, что мужчина, который отваживается один побывать среди своих врагов, должен держать рот закрытым, а уши открытыми? Ты опозорил мою пещеру.

Полный раскаяния, Ясон стал умолять Хирона посоветоваться о нем с Богиней, чтобы узнать,

как ему поступить. Он поручился, что если Богиня велит ему отказаться от предприятия и тем самым стать посмешищем в глазах его собратьев-миниев, он тем не менее подчинится ей и забудет о своих претензиях на фтиотийский престол.

Хирон в ту ночь очистился, вступил в святилище Богини и положил голову на подушку, набитую трилистником, у которого три листа соединены вместе, и потому он посвящен Триединой Богине и навевает вещие сны. В полночь Богиня, как ему показалось, сошла со своего трона и сказала следующее:

— Хирон, тебе, моему верному слуге, я поведаю те истины, которые не нахожу уместным сообщить непосвященному. Прежде всего, ты должен понять, что могущество Богини определяется состоянием ее почитателей. Вооруженные железом ахейцы настолько прибавили сил моему мятежному сыну Зевсу, что я не могу больше выступать против него открыто. Даже в моей борьбе с эолийцем Афамантом, который был куда менее ужасным противником, чем вскормленный сукой ахеец Пелий, мне пришлось устроить хитрый заговор и прикинуться согласной с его религиозными нововведениями. Однако я наметила погубить Пелия и Афаманта, и собираюсь

совершить мщение над каждым из моих врагов-людей в свой черед; да и над моим супругом Зевсом. Я очень долго живу, я терпеливая Богиня, и мне даже приятно в ожидании своего часа сдерживать свой нрав. Ты знаешь, как неумолима я была с афинянином Тесеем. Сперва у меня не было причин быть им недовольной, когда он разграбил Кносс и наказал Миноса вместо меня, ибо он обращался со мной и моими жрицами с должным уважением. Но позднее в Аттике он начал выказывать непокорство, украдкой удалил из святилищ два моих образа в ипостаси Богини-Девы — один, почитавшийся как Елена, а другой, почитавшийся как Персефона, и я заставила его народ изгнать его. Он бежал на остров Скирос, но я побудила царя Скироса привести его на самую высокую на всем острове скалу, как бы для того, чтобы показать ему всю протяженность его владений, а затем столкнуть его с обрыва. А Перифой, верный сподвижник Тесея, еще ужасней от меня пострадал.

Теперь же я решилась войти в Олимпийское семейство, как жена Зевса, нежели остаться вне ее, как его враг; я устрою ему невыносимую жизнь, придираясь, шпионя и творя беды, точно так же, как он был для меня вечным мучением, пока

оставался моим сыном-грубияном и я имела над ним власть. И мое самоумножение в образе его божественных сестер и дочерей только увеличивает для него испытания.

Не думай, что Ясон по своей воле насмехался над своим дядей на рыночной площади в Иолке. Ясон, как ты знаешь, дикий и безмозглый юноша, несмотря на то, что ты его так старательно воспитывал, и легко поддается моим искушениям. Ты знаешь, как он потерял сандалию? Во время спуска с Пелиона, когда он благополучно миновал сосновые леса и заросли земляничных деревьев и аканта, когда он пересек усеянные тимьяном луга, я предстала перед ним в обличье иссохшей Ифиас, жрицы Артемиды, которая пользуется моим доверием. Я пообещала ему удачу, если он перенесет меня через разбушевавшийся Анавр. Сперва он отказался, но затем подумал и посадил меня себе на плечи. Я тут же погрузила его в транс и внушила ему те самые слова, которые он впоследствии сказал Пелию. Когда он опустил меня на дальнем берегу, я вывела его из транса и скорчила ему гримасу Горгоны, завращав глазами и высунув язык. Он тут же сорвал с себя сандалию и запустил в меня, дабы развеять чары. Я наклонилась, и сандалия упала в поток, ее унесло прочь.

Скорый на язык Ясон, хотя имя его означает «целитель», станет ядом в брюхе Греции, породит бесчисленные войны, как и мой безумный служитель Геркулес; но пусть это будет заботой Зевса, а не моей, поскольку Зевс узурпировал мою власть. Я посылаю Ясона в Колхиду только с одной целью: предать земле дух моего слуги Фрикса, который, безутешный, все еще реет между челюстями своего непогребенного черепа, с тем чтобы он смог наконец обрести вечный покой, который я ему обещала. Если Ясон желает заодно вернуть Руно в Грецию, пускай, мне все равно. Руно — само по себе ничто, сброшенное одеяние, и возвращение его Зевсу послужит ему напоминанием о том унижении, которое я однажды вынудила его претерпеть. Смотри, храни тайны, которые я тебе открыла. Скажи Ясону только, что он может отправляться в Колхиду с моего благословения, но при одном условии — прежде чем он попытается захватить Руно, он должен истребовать у Ээта кости своего родича Фрикса и обязан погрести их достойным образом, где бы я ни повелела ему это сделать.

Ясон обрадуется, узнав, что он не лишился благосклонности Богини. Несмотря на свой скорый язык, он достаточно робок во всем, что касалось

милости богов или богинь. Теперь он решил, что он исключительно удачлив: он может рассчитывать на то, что Богиня не воздвигнет препятствий его путешествию, даже несмотря на то, что отправляется он в путь, главным образом, в интересах Зевса. Теперь он должен избегать любого поступка, который может возбудит враждебность или ревность другого божества. Поскольку он обязан поведать своим товарищам-миниям, что Богиня во сне обещала ему свою благосклонность, для того, чтобы убедить их к нему присоединиться, пусть спросит совета и у оракула Зевса; иначе жрецы Зевса заподозрят, что плавание предпринято по тайным указаниям Богини с какими-то оскорбительными намерениями.

Ясон сказал своему дяде Пелию, что Богиня одобрила плавание, тот был поражен и сказал:

— Неужели? А почему?

— Потому, что дух моего родича Фрикса должен обрести покой, — ответил Ясон.

Это озадачило Пелия, у которого не было ни малейшего представления, что дух Фрикса не обрел покоя и даже что Фрикс умер. Но он схитрил, ответив:

— Да, Богиня справедливо напомнила тебе о благочестивом долге, который ты должен ис-

полнить по отношению к своему несчастному сородичу. Несколько лет назад негодяй Ээт добавил к прочим своим преступлениям и это, он отравил Фрикса на пиру и без церемоний выбросил его кости в заросли близ царского чертога. Теперь красные маки проросли из глазниц черепа нашего родственника, а побеги ежевики обвивают его кости. И дух его будет терзать каждого члена его семьи, пока кости его не погребут со всеми надлежащими обрядами. Он уже несколько раз тревожил мой сон.

Ясон сказал Пелию, что намеревается спросит совета у оракула Отца Зевса в Додоне. Пелий похвалил его за благочестие и спросил, какой из трех возможных дорог из Фессалии в Эпир он собирается последовать. Первая — сушей, через высокие горы и глубокие долины; вторая — частью сушей и частью морем — двинуться по дороге на Дельфы, а затем переплыть Коринфский залив и направиться вдоль западного берега Адриатического моря до устья реки Тиамис, а далее в Эпир, откуда к додонской равнине ведет удобная дорога; третья — почти все время морем — обогнуть на корабле Грецию и двигаться до устья Тиамиса, а затем — по додонской дороге. Этот третий путь и порекомендовал Ясону Пелий

и пообещал дать племяннику корабль и экипаж, возместив расходы.

Ни разу в жизни не ступал Ясон на борт корабля, поэтому предпочел бы сухопутную дорогу двум другим; но Пелий предупредил, что они идут через земли лапифов и через негостеприимные кручи Пинда, где обитают долофии, этики и другие кровожадные дикари. Он убедил юношу отказаться от его намерений, хотя и признал, что от второй дороги, может, придется отказаться, поскольку навряд ли Ясон найдет в Коринфском заливе корабль, готовый совершить плавание в Додону в такое время года. Лето уже почти прошло, и начался период штормов.

— Но, — сказал Пелий, — если ты выберешь третий путь и рискнешь обогнуть Грецию, могу пообещать тебе прекрасный корабль и дельного капитана.

Ясон ответил, что поскольку время года неблагоприятное, он считает более благоразумным избежать и третьего пути, даже если Пелий даст ему свой корабль, ибо он слыхал ужасные рассказы о переменчивых ветрах близ суровых восточных берегов Пелопоннеса и о яростных штормах, поджидающих корабли, обогнувших мысы Малея и Тенарос. Он напомнил Пелию

пословицу о том, что кратчайший путь в Преисподнюю — это обогнуть мыс Тенарос в осеннюю погоду, и сказал, что намерен воспользоваться второй дорогой — по Коринфскому заливу — несомненно, кто-нибудь из богов найдет для него корабль.

Тогда Пелий пообещал сопровождать его по суше до Кризейской бухты близ Дельф в Коринфском заливе, а там нанять для него корабль до Эпира.

Ясон с Пелием вышли в путь примерно в то время года, когда начинают созревать оливки; он сидел рядом с Пелием в его полированной, запряженной мулами повозке, а вооруженный эскорт из ахейцев скакал впереди на своих пони. Они ехали вдоль реки Кефисос и Давлия, затем миновали теснину, где фиванец Эдип много лет спустя убил ненамеренно своего отца, царя Лая. Вскоре они были вынуждены выйти из повозки и продолжать путь верхом на мулах, ибо дорогу засыпало камнями после обвала. Дельфы лежат полукругом, очень высоко на заросшем оливами южном склоне горы Парнас; над ними вздымаются Сияющие скалы, каменная стена невероятной высоты, а впереди, по ту сторону долины Плистос, мохнатый от елок гребень горы Кирфис загора-

живает вид на Коринфский залив и защищает город от неблагоприятных ветров летом. Недавно выпал обильный дождь, по ближайшему ущелью с головокружительной скоростью мчался шипящий каскад белой воды, и далеко внизу вода эта смешивалась с водами Кастальского ключа — ключа, в котором мыли волосы жрецы Аполлона, затем оба потока сбегали вместе в долину Плистос, совершив еще один прыжок с головокружительной высоты.

В Дельфах, городе малой величины, но великой славы, жрецы святилища Пупа обменялись вежливыми замечаниями по поводу красоты Ясона, которого великодушный Пелий объявил законным наследником престола Фтиотиды. Ясон смиренно почтил Аполлона, чтобы заслужить милость богов. Он спросил пифию после того, как преподнес ей предписанный обычаем дар — бронзовый треножник (врученный ему его отцом Эсоном), какой совет даст ему Аполлон; и пифия, пожевав лавровые листья, погрузилась в пророческий транс — для посетителей попроще она не прибегала к этой процедуре и давала им не вдохновленные свыше, но разумные советы, пользуясь собственными знаниями и опытом, — она начала бредить и бормотать что-

то невнятное, сидя на подаренном треножнике в нише круглого белого прорицалища.

Вскоре Ясон понял, что она говорит: плавание, в которое ему предстоит пуститься, будут прославлять в песнях бесчисленные эпохи, если он не забудет принести жертвы Аполлону, чтобы он благословил его посадку на корабль в день, когда спустит судно на воду, и в вечер по возвращении — чтобы он благословил высадку. Затем она сбилась на что-то, показавшееся ему чепухой. Единственная фраза-рефрен, которую он смог уловить, была о том, что он должен «взять с собой истинного Ясона». Но пифия, когда пришла в себя, не смогла сказать ему, кто это может быть.

Дельфы были знамениты целительной музыкой лиры, Ясон, привыкший только к тревожному звучанию флейты и барабана, презирал нежный ропот лиры из черепахового панциря. Он с трудом хранил молчание, пока ему играли на лире жрецы из музыкальной коллегии, и глубоко опечалился, когда увидел содранную кожу пеласга Марсия, которую жрецы Аполлона обработали и вывесили в насмешку на дверях коллегии. Марсий был силеном, предводителем мужчин-Козлов, которые играли на флейтах, славя героя Диониса, но лучники Аполлона изгнали

мужчин-Козлов, а тех, кто избежал их стрел, бросили в ущелье. Жрецы утверждали, что лира — недавнее изобретение бога Гермеса, который преподнес ее Аполлону. И все же единственной разницей между лирой, на которой они играли, и той, которая с незапамятных времен была в ходу у жриц Триединой Богини, состояла в том, что они натягивали четыре струны вместо трех и что они удлинили инструмент с помощью двух изогнутых рогов, устремленных наружу от корпуса из панциря черепахи, а близ верха соединили рога деревянной перекладиной, к которой крепились струны.

Другой развитой в Дельфах наукой была астрономия, и жрецы здесь уже делили небо на созвездия и определяли время восхода звезд над горизонтом, а также их захода. Школа скульпторов и художников, расписывавших вазы, основанная Прометеем, также находилась под покровительством Аполлона, но прославленный художник Ифит-фокиец, у которого Ясон в тот раз поселился и который впоследствии стал аргонавтом, сказал ему, что имя Прометея, равно как и Диониса, не почитается больше в Дельфах.

Относительно асклепиевой школы медицины был достигнут компромисс между Аполлоном и

Гадесом. После того, как над больным отзвучал траурный плач, аполлоновым врачевателям было запрещено пытаться его исцелить; и в целом, сказано было, искусство медицины скорее облегчает муки, нежели восстанавливает силы больного. Но аполлоновы врачеватели не всегда соблюдали условия сделки, особенно те, что поселились на острове Кос.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
Зевс одобряет плавание

От Дельф было недалеко до синих вод Кризейской бухты, где Пелий и Ясон застали коринфский торговый корабль, стоящий на якоре; судно везло груз фокийской керамики и раскрашенных украшений царю Алкиною на Корфу, остров, расположенный против реки Тиамис в нескольких милях от нее. Пелий договорился с владельцем судна, что тот доставит Ясона к Тиамису и позаботится о том, чтобы доверительно сказать корабельщику:

— Это мой племянник, Ясон, сын Эсона, он собирается отплыть весной в Колхиду с дерзкой целью отнять Золотое Руно Зевса у злобного царя Ээта, который отказался вернуть Руно ахейским правителям Греции. Ясон хочет получить совет у оракула Зевса в Додоне и просить Бога одобрить его предприятие. Будет очень жаль если он вдруг упадет за борт прежде, чем достигнет берега Эпира; ибо, поскольку он пока еще не под защитой Зевса, вполне возможно, что он утонет, и Руно, стало быть, останется собственностью Ээта.

Пелий заплатил корабельщику вперед за проезд, сколько тот потребовал, а также дал ему дорогое золотое кольцо со словами:

— Позаботься о моем племяннике так, как если бы он уже плыл домой с Золотым Руном.

Коринфский судовладелец, как и подозревал Пелий, благоговел перед своим соотечественником царем Ээтом, защитником старой веры против новой, и хранил память о своем прежнем покровителе, великодушном царе Асопии Сизифе, которого Зевс и ахейцы привели к такому жестокому концу. Слова Пелия: «Будет очень жаль, ели он вдруг упадет за борт» — звенели у него в голове, а ценность кольца предполагала, что Пелий верит в способность Ясона раздобыть Руно и соответственно вознаграждает судовладельца. Поэтому коринфиец решил убить Ясона; именно на это Пелий и рассчитывал, хотя он был дьявольски осторожен, и не хотел казаться соучастником.

Воды залива были спокойны, а ветер попутным, но на третий день, когда коринфский корабль прошел мимо берегов Левкаса и попал в воды яростного Ионического моря, Ясон почувствовал себя дурно и лег под навес на носу, завернувшись в шерстяной плащ, то и дело приподнимаясь

и нагибаясь через борт, когда его рвало. Тогда корабельщик, брат которого, кормчий, знал о его замыслах, схватил Ясона за ноги и бросил за борт. Никто, кроме кормчего, не видел и не слышал, что произошло, ибо гребцы вовсю налегали на весла, сидя к ним спиной, а слабый крик Ясона судовладелец заглушил радостной песней; между тем кормчий на другом конце судна начал бранить одного из гребцов за то, что тот выбился из ритма.

Тут пришел бы конец Ясону, который ослабел от частой рвоты и которого подхватило и понесло мощное течение, если бы не чудо. Дикое оливковое дерево, вырванное с корнем порывом бури или от наводнения на склоне горы и попавшее в море, как раз проплывало мимо. Ясон, который всю жизнь провел в горах и поэтому так и не научился плавать, ухватился за ветви и неимоверным усилием подтянулся, взобравшись на ствол. Он держался за дерево до самого вечера, когда на севере наконец увидел парус, а потом — в двух полетах стрелы от него афинское судно, подгоняемое ветром. Кормчий, заметив сигналы Ясона, повернул к нему, и моряки втащили его на борт. Когда они услышали, кто он и как очутился в воде, они были поражены, ибо не более, чем

час назад они видели, как коринфский корабль разлетелся в щепы о скалы подветренного берега, и спасти никого не удалось, решив, что Ясон, вокруг которого шныряли крупные хищные рыбы, должен, безусловно, находиться под защитой богов, судовладелец согласился повернуть руль и доставить его к месту назначения. Имя этого афинского корабельщика — Тестер.

Ясон сердечно поблагодарил Тестера и, преклонив колени у мачты, вознес вслух молитву Богине Афине, покровительнице корабля. Он пообещал в благодарность за то, что она не позволила ему попасть в брюхо рыбы, воздвигнуть алтарь в Иолке и сжечь на нем откормленную телку, ибо ему было ясно, что его спасение — от начала и до конца — подстроено Афиной; ведь оливковое дерево — ее символ.

Несколько дней спустя Ясон прибыл в Додону в сопровождении Аргуса, старшего сына Тестера. Ясон был поражен: он столько слышал восторженных слов в адрес Додоны от ахейцев, отцы которых несколько лет провели здесь, а на поверку это оказалась убогая деревушка у озера, на котором плавали шумные водяные птицы, даже Палаты Совета примостились в большой полуразрушенной хижине с дерновой крышей

и утрамбованным земляным полом. Однако он получил указания Хирона, советы которого теперь научился ценить, выражать восхищение во время своих странствий даже по поводу самых жалких зданий, одежды, оружия, скота и тому подобного, на какие ему указывали с гордостью их владельцы, и в то же время порицать все, что он оставил дома, за исключением простоты и честности своих сограждан. С помощью этого нехитрого приема он снискал расположение додонцев, и хотя жрецы в святилище были разочарованы, что дары, которые он намеревался преподнести Богу, — большой медный котел и жертвенный серп с рукояткой из слоновой кости — пропали при крушении коринфского корабля, они удовлетворились его обещанием выслать другие дары столь же ценные, как только он вернется в Иолк. В знак благочестия он срезал два своих длинных светлых локона и положил их перед алтарем: жрецы, пока обещание не будет выполнено, будут иметь безраздельную власть над ним.

Главный Жрец, родственник царя Пелия, с радостью услышал о решении Ясона вырвать Руно из рук чужеземцев. Он поведал юноше, что царь Ээт от долгого общения с начесанными дикаря-

ми-колхами и после женитьбы на таврической царевне-дикарке из Крыма вконец одичал и терпит в своей собственной семье обычаи, на которые и намекнуть стыдно в таком священном месте, как Додона.

— Разве не ужасно, — спросил он, — как подумаешь, что Руно Зевса, одна из священнейших греческих реликвий, та самая, от которой зависит плодородие всей Фтиотиды, повешена грязными руками этого негодяя не где-нибудь, а в святилище Прометея, вора, укравшего огонь, открытого врага Зевса, которого колхи теперь отождествляют со своим исконным Богом Войны? Позволь рассказать тебе об Ээте еще кое-что. Он — критянин по происхождению и претендует на то, что в нем течет царская кровь тех самых отличающихся противоестественными склонностями жриц Пасифаи, которые хвастались, что они неутолимы, то есть — похотливы, и люди верили, что они спаривались со священными быками. К тому же Ээт занимался колдовством, когда жил в Коринфе, а посвящен в это искусство он своей светловолосой сестрой Киркой. Почему они вдруг расстались и Кирка отплыла к отдаленному острову у берегов Истрии, а Ээт к восточному берегу Черного моря — загадка; но предполагают,

что их разлуки потребовала Триединая Богиня в наказание за кровосмешение или какое-то иное преступление, которое они совершили вместе.

— Священный, — сказал Ясон, — твой рассказ вызывает у меня в душе праведный гнев. Посовещайся для меня с твоим Богом, если желаешь, и позволь мне убедиться в его благосклонности.

Жрец отвечал:

— Очистись крушиной, омойся в водах озера, воздержись от пищи, сними с себя все шерстяное и жди меня в дубовой роще завтра на рассвете.

Ясон сделал все, как ему было велено. Одетый только в облегающую кожаную рубаху и грубые сандалии, он явился в назначенное время и встал под сенью дубовой рощи. Священник был уже там в церемониальном платье из шерсти барана, с парой позолоченных завитых рогов, привязанных ко лбу, и с желтой ветвью в руке. Он взял Ясона за руку и сказал ему, чтобы тот ничего не боялся. Затем начал негромко насвистывать две-три ноты какой-то мелодии и помахивать ветвью, пока не повеял ветерок и не зашелестел листвой дуба, взметнув листья, рассеянные на земле и все кружа, кружа их, словно в ритуальном танце в честь Божества.

Продолжая помахивать ветвью, жрец насви-

стывал все громче и громче. Вскоре ветер завыл среди ветвей, и Ясону почудилось, будто он слышит, что листья поют хором: «Плыви, плыви, плыви с благословением Отца Зевса!» Когда жрец прекратил напевать, настало внезапное затишье, за которым последовал еще один яростный порыв ветра и отдаленный раскат грома. Затем над головами у них прозвучал треск, и вниз рухнула, кувыркаясь, густолистая ветвь, толщиной, примерно, с ногу человека, и легла к ногам Ясона.

Редко ниспосылался столь благоприятный знак какому-либо посетителю в этой роще, уверил Ясона Главный Жрец. Почистив ветвь серпом, чтобы удалить все литья и веточки, жрец любезно вложил ее в руку Ясону.

— Это, — сказал он, — кусок священного дерева, его надо встроить в нос корабля, на котором ты поплывешь в Колхиду.

Ясон спросил:

— Будет ли Бог настолько милостив, чтобы дать мне корабль?

Главный Жрец ответил:

— Нет, Богиня Афина уже потрудилась, чтобы спасти тебя в море, пусть она позаботится и о строительстве корабля. У Отца Зевса полно других забот. Прошу тебя, скажи ей об этом.

Когда Ясон в приподнятом настроении вернулся к хижине, где остановился, его товарищ Аргус спросил его, уж не собрался ли он зазимовать в Додоне — их корабль уже отплыл домой, а другой вряд ли найдется. Может, он попытается совершить обратный путь в Иолк через горы?

Ясон ответил, что не может бездействовать всю зиму и что священная ветвь дуба Зевса будет ему защитой в любом путешествии. Аргус вызвался его сопровождать. Два дня спустя, неся мешки, набитые сушеным мясом, поджаренными желудями и другой грубой пищей, они отправились в путь, двинувшись по долине бурной реки Арахтос, пока не дошли до усеянного камнями перевала, над которым нависла гора Лакмон. В горах стоял резкий холод и снег уже побелил вершины; по ночам они по очереди следили за костром. Когда ухали совы, Ясону в их крике слышалось не дурное пророчество, а вдохновенные возгласы птицы самой Богини Афины, а будучи посвященным в братство Леопардов, он равно не тревожился, слыша вой этих зверей, которые во множестве водятся на кручах Пинда. Но львиный рык ужасал его.

От перевала они повернули на восток, и шли, пока не достигли истоков Пенея. Пеней, в начале

— небольшой ручей, который собирает притоки, спускаясь на плодородные равнины Фессалии, и наконец выбирается, став благородной рекой, к Эгейскому морю в Темпах между великой горой Олимп и горой Осса. В этой пустынной стране почти не водилось дичи, а Ясон, хотя и славился как охотник на склонах Пелиона, не был знаком с повадками зверей Пинда. Они с Аргусом затянули потуже пояса и сочли, что им повезло, когда на восьмой день подбили зайца и пришибли куропатку метко брошенными камнями. Их поддерживало сознание того, что они — под защитой множества богов, и наконец они увидали в отдалении хижину пастуха, близ которой паслись овцы, и поспешили к ней.

Раздался яростный лай, и молосский пес невероятных размеров метнулся к ним, оскалив желтые клыки, и, не медля ни секунды, прыгнул на Ясона, норовя перегрызть ему горло. Аргус вонзил копье в брюхо зверя, и пес, завыв, сдох. Пастух, который много лет прожил в этой глуши в полном одиночестве, выбежал из хижины и увидел Аргуса, пронзающего собаку копьем. Он схватил дротик и бросился на Аргуса, полный решимости отомстить за пса, своего единственного друга. Аргус еще не высвободил свое копье, кото-

рое застряло между собачьими ребрами, и был бы убит, если бы Ясон, который держал священную ветвь, не обрушил ее с треском на череп пастуха и не сбил несчастного с ног.

Они отнесли оглушенного пастуха в хижину и попытались привести его в чувство, брызгая ему в лицо холодной водой и сжигая перья у него под носом. Но когда послышалось его хриплое дыхание, поняли, что пастух вот-вот умрет. Они не на шутку встревожились, и каждый стал молча укорять другого, ибо они страшились, что дух мертвого, поскольку тот умер насильственной смертью, но не на войне, будет упорно преследовать их, пока за него не отомстят родичи. Они запачкали лица сажей из очага, надеясь, что дух не узнает их, приняв за эфиопов; и Аргус смыл в ручье кровь собаки, которая обрызгала ему руку.

Когда пастух испустил дух, они вырыли могилу там, где он упал, и похоронили его, в чем он был, положив рядом собаку, все время отворачивая лица, боясь, как бы дух не узнал их, даже несмотря на сажу и переговариваясь писклявыми голосами. Они навалили на могилу камней и совершили возлияние молоком и медом, которые нашли в хижине, чтобы умилостивить духа. Они не тронули ничего из имущества пастуха и, что-

бы показать свои дружеские намерения, загнали его стало в овчарню и двинулись дальше.

Молча они прошли с милю или две, пока Ясона не озарила мысль. Он обернулся к Аргусу и сказал:

— Благодарю тебя, дорогой товарищ, за то, что ты спас мое горло от клыков этой свирепой собаки.

Аргус был поражен, что убийца осмеливается заговорить так скоро после случившегося. Он ответил:

— И я тебя благодарю, благородный князь, за то, что ты расправился с этим свирепым пастухом.

Ясон кротко сказал:

— Ты не должен меня благодарить, сын Гестора. Не ты и не я убили пастуха. Это священная дубовая ветвь, которая нанесла удар. Пусть Отец Зевс целиком отвечает за свое деяние. Плечи его достаточно широки, чтобы выдержать ношу любого греха.

Аргусу пришлось по нраву это замечание. Он обнял Ясона, и, смыв сажу с лиц водой придорожного ручья, они продолжали свой путь до ближайшего поселения — деревушки из пяти хижин, большей частью принадлежавших разбойничьему племени этиков. Обитатели хижин,

большей частью женщины, прониклись робостью к пришельцами — из-за их решительных манер и хорошо сработанного оружия и поставили перед ними чаши с молоком. Ясон рассказал, как стал свидетелем смерти пастуха, которого, сказал он, убила отломившаяся от дерева дубовая ветвь. Этики поверили его рассказу (который, в принципе, был правдив), поскольку знали, что близ той хижины растет несколько дубов, и решили, что если бы эти незнакомцы убили пастуха, они бы скрывали это событие как можно дольше. Когда они спросили, что сталось с овцами, Ясон ответил:

— Добрые люди, мы не воры. Овцы — в безопасности в овчарне. Рыжий молосский пес пастуха принял нас за врагов и напал на нас, и моему спутнику пришлось пронзить его копьем. Но я подумал, что нехорошо оставлять овец на милость дикого зверья; я всех до одной завел в овчарню.

Этики похвалили Ясона за его предусмотрительность и послали мальчишку-подпаска, чтобы привел стадо. Пастух был изгнанником из дальнего клана, и у него не было здесь родичей, стадо его разделили поровну между всеми: две оставшиеся овцы пожертвовали богу войны Аресу, Главному Богу, которого чтили этики. В тот вечер

все наелись досыта жареной баранины, тянули пиво через ячменные соломинки и плясали в честь Ареса — мужчины и женщины вместе, и восхваляли покойного пастуха. Ясон и Аргус были готовы к тому, что на них предательски нападут еще до рассвета, ибо этики пользовались репутацией людей безо всяких нравственных устоев. Поэтому они не увлекались пивом и по очереди, как обычно, стояли на страже. Но никаких несчастий не стряслось, а утром один из хозяев проводил их в дом своего родственника по матери, который жил в двадцати милях оттуда в долине Пенея; там с ними обращались столь же гостеприимно.

Из края этиков дорога повела их через край лапифов, потомственных врагов кентавров. Но Аргус пообещал Ясону благополучно провести его через эти места, если тот заплетет волосы, чтобы не походить на кентавра, и прикинется слугой, на что Ясон согласился. По прибытии в край лапифов, где им встретились стада тучных коров и коней, пасущихся на орошенных лугах, Аргус без проволочек сказал пастухам, что состоит в родстве по материнской линии с Тесеем Афинским, который восхвалялся лапифскими песнопевцами за его дружбу с их прежним царем

Перифоем, эти два героя были союзниками и войне против кентавров, которая вспыхнула, как обычно, вследствие ссоры из-за женщин.

Лапифы оказали Аргусу гостеприимство, и все было бы хорошо, если бы Ясона не раздражало, что с ним обращаются, как со слугой, он надменно сказал хозяевам, что рассчитывал на еду получше, чем мякина и хрящи. Вождь лапифов возмутился и приказал избить Ясона за наглость, тогда вмешался Аргус и открыл, кто такой на самом деле слуга, но предупредил, что тот находился под защитой не только Белой Богини, но и олимпийцев — Аполлона, Афин, Посейдона и Зевса. Вождь, имя которого было Мопс, миний, сообразил, что ему будет больше пользы от живого Ясона, чем от мертвого. Сперва он хотел потребовать от Пелия огромный выкуп золотом и скотом, но Аргус напрямик сказал ему, что не стоит рассчитывать, что Пелий даст за них хотя был костяную застежку. Пока Мопс обсуждал вопрос со своими сподвижниками, Ясон обязался, если его освободят безо всяких условий, убедить кентавров, над которыми у него было влияние, заключить мир с лапифами. Мопс поверил Ясону на слово и освободил его, это стало началом их дружбы.

Когда Ясон благополучно вернулся в Иолк через Феры и с гордостью рассказал о своем приключении в Ионическом море, Пелий был вне себя от злости — слишком он перемудрил! Не внуши он коринфскому корабельщику попытаться убить Ясона, тот непременно погиб бы у тех скал. Но Пелий хорошо умел скрывать свои чувства под плащом лести и дал в честь Ясона богатый пир, не уступавший прежнему.

Вскоре Ясон посетил Хирона и передал ему предложения Мопса прекратить немедленно враждебные отношения между лапифами и кентаврами, а также условия, что удержат Пелия от продолжения лапифской войны и что кентавры получат свободный проход через край лапифов, когда бы они ни пожелали отправиться приударить за женщинами этиков с Пинда. Хирон принял все эти предложения, а немного спустя он убедил Пелия, преподнеся ему в дар шкуры и лес, заключить подобный мир. Таким образом, Ясон помог избавиться от древней вражды между кентаврами и лапифами, оправдав имя, которое дал ему Хирон.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
Постройка «Арго»

Когда Ясон принес двух белых телок в жертву богине Афине, выполняя свое обещание, он разослал вестников, по-царски одетых, во все главные города Греции. Каждый вестник нес в правой руке четыре прутика от разных деревьев и миниатюрную двойную секиру, связанные вместе длинной нитью из желтой шерсти, а в мешке — еловую шишку. Зайдя во двор большого дома, владельцем которого был миний, вестник хлопал в ладоши, чтобы на него обратили внимание, и тут же показывал секиру и связку прутьев. Он говорил:

— Да снизойдет благословение с Олимпа на этот дом! Я прибыл во имя Бессмертных Богов. Взгляните на ясеневый прут, ясень — дерево Посейдона, копья и весла он делает из этого дерева. Посмотрите на лавровый прут: лавр — пророческое дерево Аполлона. А прут оливы — прут с дерева Афины, мне не нужно напоминать вам о достоинствах оливы, самой плодовитой среди прочих деревьев. Взгляните, наконец, на дубовый

прут, дуб — дерево самого Зевса, его секира власти в этой связке. Господа, знаете, что обозначает эта прядь желтой шерсти? Она обозначает общую цель четырех греческих божеств в поисках Золотого Руна — испокон века принадлежащего Зевсу, которое было несправедливо и нечестиво отобрано у него Ээтом Коринфянином, ныне — царем Колхиды, который правит в Кавказской Эа, где быстрые кони солнца отдыхают ночью на водах Черного моря. Эту бесценную вещь во что бы то ни стало надо забрать у Ээта — убеждением, обманом или силой — и вернуть ее священному дубовому образу Отца на горе Лафист.

Я — вестник Ясона, миния, сына царя Эсона, который правит в Иолке во Фтиотиде или (как некоторые ее называют) Гермонии. Ясень свидетельствует — на рыночной площади Иолка во время многолюдного празднества жертвоприношения богу Посейдону, этот Ясон, вдохновленный свыше, предложил экспедицию в Колхиду. Пусть лавр свидетельствует: после этого бог Аполлон благословил Ясона на его путешествие. Пусть олива свидетельствует: богиня Афина, когда увидела, как Ясон борется за жизнь в бурном море близ острова Левкас, чудесным образом спасла его и помогла высадиться на берег у врат своего

Отца. Наконец, пусть дуб свидетельствует: Всемогущий Зевс принял предложение Ясона и бросил ему в знак благословения дубовую ветвь со своего священного дерева. Разве это не удивительно?

Разве вы не присоединитесь к Ясону в этой священной поездке и не заслужите тем самым славу — славу, которая будет сиять вам, словно нимб, в течение вашей жизни, какой бы она ни была долгой, и после вашей смерти, но дарует честь вашему дому, городу и вашему потомству в нескольких поколениях, вы, несомненно, станете героями и вашим духам будут совершаться обильные приношения и возлияния, так что вам не придется блуждать голодными и неутешными по мрачным пещерам Преисподней, на что обречены ничтожные существа. Вы будете пить из огромных чаш и разъезжать на белых лошадях, — привидениях, помогать прорасти семенам, которые посеют ваши дети на ваших родовых полях, и принести богатые и обильные плоды. Все благословенные олимпийцы покровительствуют этой экспедиции, которая непременно будет успешной, какой бы рискованной она не показалась. Ибо Зевс поручил своей послушной дочери Афине построить корабль, поручил своему верному брату Посейдону успокоить воды

морские, а его сын Аполлон напророчил другие благие вести.

На какого предводителя, более достойного, чем Ясон, вы можете надеяться, ведь Геркулес Тиринфский занят своими Подвигами и не может явиться? Говорят — а это, несомненно, правда, ибо кто осмелился бы сочинить столь невероятную историю? — что Ясон, прежде чем его спасла Дева Афина, семь дней и семь ночей провел в воде, отбиваясь в одиночку от оравы острозубых морских чудищ, самое крупное из которых налетело на него, разинув пасть, и проглотило его, и все же столь мужественен этот Ясон, что прорубил себе дорогу через мощный бок чудовища острым магнезийским охотничьим ножом.

Послушайте дальше: вам предстоит завоевать в Колхиде не только неувядающую славу, но и заполучить подлинные сокровища. Разве не пролегает через Кавказские горы торговый путь, охраняемый Ээтом, взимающим пошлину в размере пятой части, а то и больше со всех товаров, которые грудами прибывают в повозках из Персии, Бактрии, Халдеи, Согдианы, Индии и их отдаленных уголков Азии?! Разве не ломятся от сокровищ его чертоги и погреба?! Когда Ээт погибнет, а Руно будет возвращено, что помешает

каждому из вас унести столько золотого песка и золота в слитках, серебра в слитках, ковров, мешочков с бальзамом и шкатулок с самоцветами, сколько он пожелает?

Ну, господа, что вы скажете? Но позвольте предупредить вас: в участники экспедиции возьмут лишь крепких молодых аристократов, чистокровных миниев, да и тех — не больше, чем требуется в корабельную команду. Многие неизбежно будут отвергнуты. Поспешите же в Иолк, господа мои!

Редко случалось, чтобы эта речь оставляла равнодушными миниев, которые ее слышали, особенно тех, которым приелись их мирные занятия да насмешки их ахейских повелителей, ибо ахейцы о них невысокого мнения и твердят, что миниев расслабила легкая жизнь, которую они вели в Греции, и что они не годятся для опасных предприятий. Некоторые из этих миниев немедленно вызвались присоединиться к экспедиции, другие же проявили больше осмотрительности, спрашивая:

— А разве, любезный вестник, то Руно, о котором ты говоришь, не было украдено давным-давно у Овна с горы Лафист Кобыльеглавой Матерью в отместку за то, что он узурпировал ее святилище на горе Пелион? И ты предлагаешь нам держать в

этой ссоре сторону Бога Овна, которого теперь называют Отец Зевс, — против Великой Триединой Матери, которую он потом принудил стать своей женой Герой? Мы — минии, потомки того Миния, которого любила Мать и отличала среди прочих греков, потому что именно он был первый, кто посоветовал Богу Овну стать ее поданным. Не опозорим ли мы память нашего предка, которому мы ежегодно посылаем дары к прославленной, выстроенной в форме улья гробнице в Орхомене, если попытаемся ослушаться Богиню? Разве не по ее приказу украденное Руно было передано царю Ээту?

Ответ вестника был таков:

— Хвала вам за вашу непоколебимую преданность Богине. Но теперь взгляните на другой истинный знак, который я несу в своем мешке. Это — еловая шишка с горы Пелион, и заключена она, как видите, в белую волосяную сеть, сплетенную из гривы священной кобылы Богини. Этот знак отвечает на все ваши вопросы, вы можете ясно прочесть по нему, что Богиня одобряет плавание. И хотя возвращение Руна не ее главная забота, она обещает свое благословение любому минию, который поплывет в Колхиду с Ясоном и там даст упокоиться духу ее слуги Фрикса, который все

еще парит, безутешный, над своими непогребенными костями. Позвольте мне вас предупредить, благородные минии, чтобы вы не искали в забытой ссоре между бывшей Триединой Богиней и ее бывшим сыном довода против плавания в Колхиду и поисков Руна. Ибо поступить так означало бы забыть, какие бедствия обрушились на ваш клан с тех пор, как было похищено Руно. Миний Афамант охранял священную реликвию, и за ее потерю был наказан Отцом Зевсом — он лишился разума, в такое безумие ввергли его Эринии, что он пронзил стрелой своего родного сына Леарха, приняв его за дикого зверя, во дворе своего же дворца. С тех пор, как был низложен Афамант, клонится к упадку власть миниев. Сперва семеро героев, которые выступили против Фив, были отогнаны от их стен Геркулесом из Тиринфа. Затем хилый Эсон не смог удержать северо-восточные врата Греции, защитив их от ахейцев, а вскоре его дядья, минийские цари Периев из Мессены и Салмоней из Элиды плачевно закончили свои жизни. Но сын Эсона Ясон, вернувшийся недавно из темной пещеры кентавра, как бы возродившийся из мертвых, — человек исключительной храбрости и мудрости: это его мнение, что, пока Руно не возвращено, минии

так и не вернут себе милость Зевса и должны сидеть тихо, услужливо улыбаясь, в то время как их горделивые повелители насмехаются над их праздностью и трусостью.

Эта речь убеждала некоторых из колеблющихся, но далеко не всех.

Между тем Ясон посетил блистательный город Афины, проплыв в прекрасную погоду через укрытый от ветров Эвбейский залив. Там он почтил богиню Афину и смиренно передал ей распоряжение ее Отца Зевса. Царь и царица, Архонты, которые совместно управляли религиозной жизнью Аттики, сердечно его приветствовали и проявили величайший интерес к его замыслу. После короткого совещания они предложили ему любую помощь и добились от него взамен обещание не оскорблять и не причинять насилия жителям Трои, с которыми у афинян были великолепные отношения, а подчиниться любому разумному требованию, которое может выдвинуть троянский царь. Ясон подкрепил свое обещание клятвами, столь торжественными, что только безумец отважился бы их преступить, а потом узнал, что Зевс поручил Афине помочь Ясону, а строительство корабля доверили Аргусу, сыну Тестера, потомку изобретателя Дедала,

который почти равен ему в искусстве кораблестроения.

Ясон вернулся в Иолк и поведал царю Пелию о своей успешной беседе с архонтами. Пелий, прикинувшись довольным, предложил ему отесанные бревна, гвозди, снасти и необходимые запасы со своих судоверфей. Ясон торжественно поблагодарил его, но отослал к Аргусу, в руки которому было отдано все дело строительства корабля, а затем наедине напомнил Аргусу, что, поскольку Пелий втайне настроен против экспедиции, никакие его дары не принесут доброй удачи, — даже если взять отрезок иолкского каната, это равносильно тому, что корабль будет проклят. Поэтому Аргус отклонил предложение Пелия, хотя и весьма вежливо, на том основании, что богиня Афина поставила условие, что каждый обрывок каната, взятый для постройки судна, должен быть свит в канатных мастерских Афин, а каждое бревно — обтесано во имя Богини.

Аргус отправился на поиски соснового леса и обнаружил нужные ему деревья, у подножия горы Пелион, где ряд высоких деревьев повалило бурей. У некоторых корни все еще крепко держались в почве, так что они сохли медленно, и древесина была крепкая. Здесь было много дере-

вьев, достаточно, чтобы обшить одномачтовый, узкий в поперечнике, тридцативесельный военный корабль, который был, с его точки зрения, самым подходящим типом судна для набега на Колхиду. Его люди обработали эти сосны топорами, а затем очистили от оставшейся на стволах коры, бревна, ни одно из которых ни в малейшей степени не оказалось подгнившим, переволокли к берегу на запряженных быками деревянных салазках, а затем связали в плот и переправили через бухту вплавь на широкий пагасейский берег.

Неподалеку, в Метоне, Аргус отыскал дубовую древесину, пригодную для ребер корабля, отобрав кривые ответвления крупных деревьев, а затем выбрал высокий и прямой дуб для киля. Сплавив их в Пагасы, они приступили к работе. Плотники скобелями обтесывали сосновые доски на обшивку, другие пилами и топорами вырубали дубовые ребра, затем прилаживали их к килю и проделывали в них отверстия, чтобы прикрепить их колышками из оливкового дерева к надежному дубовому фальшборту. Вскоре каркас корабля обрел форму, а когда были прилажены форштевень и ахтерштевень, уже можно было прибивать обшивку к ребрам медными гвоздями, но сперва

каждой доске придали гибкость, подержав их в пару над котлами, полными кипящей морской воды. Корабль насчитывал шестьдесят шагов в длину по ватерлинии, а в поперечнике — пять шагов, опытные моряки считали, что потребуется большая ширина для прохождения по Черному морю, которое славилось гигантскими валами, вздымавшимися со всех сторон одновременно, но Аргус упорно твердил, что скорость — более важное условие, чем спокойное плавание.

Мачта снималась и укладывалась в вилку, легко поднималась и вставлялась в гнездо с помощью мощных дубовых клиньев. Парус был прямой из грубого белого полотна, привезенного из Египта, а перлини — из конского волоса, оплетенного коноплей. У ясеневых весел, в два человеческих роста каждое, имелись узкие лопасти, но лопасти двух рулевых весел, укрепленных — одно у левого, а другое — у правого борта, близ места для кормчего, были широкими. Скамьи были из дуба, под ними — ладно сработанные рундуки, отверстия же для весел были обиты снизу бычьей кожей.

Нос, в который надежно вделали священную дубовую ветвь из Додоны, изгибался изящно, словно лебединая шея, а заканчивался резной

головой Овна, корма вздымалась подобным же образом, так что кормчему с его возвышения будут хорошо видны головы гребцов. Крепкий плетенный щит, обитый снаружи кожей, был укреплен над фальшбортами, чтобы уберечь гребцов от дождя и бурных волн. А для того, чтобы священное дерево каждого из богов, которые покровительствуют плаванию, было непременно использовано при постройке судна, подпорки этого щита сделаны были из лавра, срубленного в роще Аполлона в Дельфах.

Корабль был выстроен за девяносто дней, и прежде чем были закончены работы на корме, уже началось испытание и украшение носа и бортов. Проконопатив борта горячим пчелиным воском, их дочерна обработали снаружи и изнутри дегтем, извлеченным из сосен Пелиона, а края носа ярко окрасили киноварью, купленной на летнем торгу в Трое. По обе стороны от носа, довольно высоко, нарисовали белой и зеленой глиной по большому глазу, и дегтярной кистью добавили загнутые черные ресницы. Нашли плоские якорные камни, их продырявили, чтобы привязать к ним канаты, и обтесали до-кругла, чтобы их легко можно было вкатить по доске и скинуть за борт, вырезали шесты, чтобы отгонять

корабль от скал или отталкивать от песчаной отмели, если он сядет на мель, сделали две лестницы для удобной посадки и высадки. Весла на кожаных ремнях привесили к фальшбортам, чтобы они не могли проскользнуть в отверстия и пропасть.

Все, кто осматривал корабль — сотни людей прибывали из дальних и ближних мест, чтобы на него взглянуть, — заявляли, что они никогда в жизни не видели ничего столь прекрасного. Корабль назвали «Арго» в честь Аргуса, и он испытывал такую гордость за свою работу, что заявил, что не сможет вынести разлуки со своим детищем и поплывет на «Арго», куда бы тот ни направился.

В ту зиму дворец в Иолке был полон проворных юношей, собравшихся в путь по призыву вестников. Большинство их было миниями, но не все — кое-кто надеялся, что Ясон, возможно, примет и людей, в жилах которых не течет кровь миниев, если они согласятся стать миниям приемными детьми. Пелий не мог отказать в гостеприимстве этим посетителям, но жаловался Ясону, что они уничтожают как саранча его запасы, и что он не может дождаться, когда начнется плавание, так как все гости высокого положения, кормить их

следовало соответственно их рангу, а большинство их явилось в сопровождении нескольких слуг. Эсон, отец Ясона, хотя и считался номинально царем Фтиотиды, жил в такой нищете, что смог разместить у себя не более шестерых, это показалось искателям приключений столь странным, что половина их решила, в конце концов, не пускаться в плавание. Они пришли к выводу, что Пелий, а не Эсон — настоящий правитель царства и что он, а не боги уговорили Ясона совершить это плавание в надежде избавиться от соперника. Тем не менее они не вернулись домой, а нашли немало развлечений в Иолке: охотились, метали кольца, бились на кулаках, боролись, играли в кости и состязались в беге, а Пелий ради чести своего дома не скупился для них на еду и питье.

Самые энергичные из них спрашивали Аргуса, что они должны делать, чтобы подготовиться к плаванию. Он отвечал, что им не нужно задавать ему вопрос, на который они и сами могут ответить: лучше всего заняться изучением искусства гребли, если они только не достигли в этом совершенства, в чем он сомневался. Ибо без попутного ветра на веслах они должны будут одолеть сильное течение Геллеспонта и Босфора и удрать от посланного в погоню колхийского флота после

того, как похитят Руно. Среди них были опытные гребцы, которые совершили плавание в Сицилию или Италию и были опытными мореходами. Большинство же из них больше интересовались коневодством и борьбой, чем мореплаванием, и практически не ступали на борт корабля, разве что пассажирами летом, в спокойную погоду. Ясон одолжил у Пелия две двадцативесельных военных галеры, которые были вытащены на сушу на зиму, и стал со своими новыми знакомыми устраивать гребные гонки на спор в спокойных водах залива под руководством двух известных кормчих — Анкея из Тегеи и Тифия из Фисбы. Они учились поворачивать весла в уключинах, как поворачивают ключ в замке, и ударять в ритм напеву кормчего. Руки у них загрубели, плечи стали мускулистыми, и в результате упражнений, которыми они занимались ежедневно, завязались узы товарищества, которые удерживали их по ночам от драк за чашами вина и игрою в кости.

Однажды вечером Ясон пошел к Пелию и сказал ему:

— Дядюшка, кое-что не дает мне покоя, но я стыжусь сказать тебе, что именно.

— Я готов услышать худшее, мальчик мой, — благосклонно сказал Пелий.

Ясон, поколебавшись немного, сказал ему:

— По дворцу ходят лживые слухи. Твои гости говорят, что ты ненавидишь и боишься меня и что ты посылаешь меня в это плавание только для того, чтобы избавиться от меня, некоторые даже намекают, что ты замышляешь потопить наш корабль — механическим или магическим способом, как только мы выйдем из Пагасейского залива. Какие постыдные вещи болтают эти мерзавцы! Но, боюсь, что если ты не разубедишь их и не скажешь, сколь сильно расположен ты ко мне и к кораблю «Арго», никто не решится плыть со мною. И окажется, что ты зря ввел себя в такие расходы, а «Арго» станет притчей во языцех по свей Греции. Более того, цари и жрецы станут болтать: «А ну-ка расскажи, почему „Арго“ так и не отплыл? Ведь об этой поездке столько трезвонили, сколько потратили на сборы!» А ответом будет: «Стало известно, что Пелий замышляет предательство, что и стало истинной причиной, по которой „Арго“ не отплыл, а не дурные предзнаменования, с которыми они якобы столкнулись, когда приносили жертвы». Подумай, дядюшка, будут ли довольны боги, когда эта сплетня достигнет высот Олимпа?

Пелий не на шутку испугался. Он созвал всех

добровольцев и сказал им:

— Господа, тут какой-то безумец порочил мое доброе имя. Пусть Отец Зевс поразит его молнией среди ясного неба, а гарпии унесут его истерзанные останки. Кто из вас, мои почтенные гости, осмелится повторить мне в лицо низкую ложь, которую нашептывают у меня за спиной? Я хочу повредить корпус «Арго» или замышляю что-то против жизни его команды? Как вы можете думать, будто я столь мало почитаю богов и не уважаю своих собратьев? О, есть мерзавцы, готовые поверить чему угодно. Но позвольте мне доказать мои честные намерения по отношению к вам. Вот сидит мой единственный сын, царевич Акаст, которого я нежно люблю. И хотя он понадобится мне здесь, чтобы вести моих людей на войну — ибо сам я уже по возрасту не гожусь для битвы, даже с колесницы — я с радостью отправляю его на поиски Руна. Он поплывет с вами, будет вашим товарищем, и любая беда или несчастье, которые могут поразить «Арго», поразят и моего сына Акаста. А значит и меня.

Он хитрил, намереваясь в последний момент задержать Акаста под тем или иным предлогом, но речь его разубедила многих из сомневающихся. Акаст, который, подвыпив, жаловался, что

отец настолько недобр, что запрещает ему участвовать в плавании, о котором мечтает всякий порядочный, знатный миний, испустил крик восторга. Он заковылял через зал, чтобы обнять колени Пелия и попросить его благословения. Пелий вынужден был дать ему благословение, скрыв свое неудовольствие.

Среди вождей Фтиотиды был некий знатный юноша коринфского происхождения, который бежал в Иолк со своего острова Эгина после того, как убил метательным кольцом сводного брата, но было не ясно, умышленное это убийство или непреднамеренное. Затем он женился на дочери двоюродного брата, Пелия, вождя клана мирмидонцев, и прошел во Фтии через тщательный ритуал очищения, чтобы обмануть дух сводного брата. После этой церемонии он переменил свое имя на Пелей — прежнее его имя ныне забыто — и был посвящен в братство Муравьев. Затем Пелей вместе со своим тестем отправился в Аркадию, чтобы принять участие в знаменитой охоте на Калидонского вепря. Когда вепрь внезапно вырвался их укрытия, Пелей метнул в него дротик, но тот отскочил от вепря и пронзил пелеева тестя. Пелей отправился в Иолк для нового ритуала очищения, под руководством Акаста, но сохра-

нил имя Пелей, а затем вернулся во Фтию, чтобы принять земли своего тестя и стать вождем клана мирмидонцев. Пока он был в Иолке, жена Акаста влюбилась в него — или так он потом говорил — и стала с ним заигрывать. Когда он ее отверг, она тайно обвинила его перед Акастом в том, что он с ней заигрывал, а она его якобы отвергла. Акаст был в дружеских отношениях с Пелеем, но ахейцы были столь щепетильны по части добродетели своих жен, что ему пришлось отомстить за свою честь. Однако он не решался убить Пелея открыто, ибо тогда ему пришлось пройти Теуский обряд очищения, который не всегда освобождал от греха. Он просто позвал Пелея поохотиться на гору Пелион в лес, оставленный по договору за кентаврами, а там наполнил пивом его пустой желудок, и тот заснул. Он унес меч и бросил его, надеясь, что его убьют либо дикие звери, либо кентавры.

Первыми обнаружили Пелея кентавры, но, к счастью, там появился старый Хирон, который удержал своих не в меру горячих соплеменников, напомнив, что если убьют одного ахейца, в отместку будет взято двадцать жизней кентавров. Пелей догадался, кто забрал его меч и почему, и уговорил Хирона послать в Иолк весть, что

тело его найдено, истерзанное дикими зверями. А жена Акаста стала открыто хвастать, что муж отомстил за ее честь, и Акаст, встревожившись, заперся у себя в комнате, отказывался от еды, вымазал лицо грязью и разорвал одежды, чтобы сделаться неузнаваемым для мстительного духа своего друга. Когда Пелей несколько дней спустя вернулся живой и здоровый и рассказал о случившемся, все посмеялись над Акастом, но Акаст высмеял свою жену. Они с Пелеем стали братьями по крови и поклялись в вечной дружбе. Поэтому, когда Акасту разрешили отплыть на «Арго», Пелий тоже решил ехать. Приближалось весеннее равноденствие — самый ранний срок, который считался безопасным для начала плавания, и Ясон, который послал гонца в святилище Овна Зевса на горе Лафист узнать, какой день благоприятен для отплытия, объявил, что их путешествие начнется на четвертый день после ближайшего новолуния.

Зал наполнился ликующими криками, но те, кто были первыми на пирах, в метании колец и в беге, приумолкли, а вскоре начали искать оправдания, почему они не могут плыть. Некоторые прикинулись, будто повредили руки, упражняясь в гребле, другие слегли, жалуясь, что

у них сильный жар, третьи ехали ночью домой, не простившись и не принеся извинений. Ясон ходил мрачнее тучи — он теперь не верил, что ему удастся набрать достаточный для «Арго» экипаж, его товарищи приуныли.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
Прибытие Геркулеса

В вечер новолуния во дворец примчался гонец и сказал Пелию:

— Сюда идет по дороге из Галоса древний враг миниев. Кто он, ты легко догадаешься, когда я скажу тебе о его обитой медью дубине из оливкового дерева, которую он несет на плече, громадном луке, что висит у него за спиной, о рубахе из львиной кожи и о его длинной нечесаной гриве, похожей на львиную. Он сказал путникам на дороге, что идет по мирному делу, а он редко дает себе труд солгать.

В зале возникло движение, Эргин из Милета, бывший орхоменец, схватился за меч и выбежал бы, чтобы затеять драку, но товарищи удержали его. Мрачный Меламп, сын Посейдона из Пилоса, сказал:

— Эргин, мы знаем, что у тебя есть причина проклинать Геркулеса Тиринфского с тех пор, как он сразился с тобой в Фивах, отрубив уши и носы твоим сборщикам податей из Орхомена. Да, подать была справедливой, все мы знаем, что ты

взыскивал ее как выкуп за смерть твоего отца от рук фиванцев. И все же, если, как я предполагаю, Геркулес услыхал о нашей экспедиции и желает принять в ней участие, разве не будет у тебя, наконец, причины благословлять его имя? Нет в мире более отважного и опытного бойца, чем Геркулес. Давайте, минии, поспешим их этого зала не с мечами, чтобы помешать ему сюда явиться, но с венками и чашами вина, чтобы его приветствовать. Много лет назад, защищая Фивы, он воспрепятствовал нашей попытке покорить Беотию, но об этом старом оскорблении следует забыть, ведь ахейцы сделались повелителями всей Греции, а Геркулес сам стал рабом микенского царя Эврисфея. Вы слышали поговорку «Ничто не обходится без Геркулеса», и справедливо, что без него не обошлось ни одно крупное военное предприятие за последние тридцать лет. Я вижу в его приходе счастливейшую примету. Давайте забудем старую вражду, попросим его примкнуть к нам, став нашим вождем.

Все присутствующие встретили эти слова аплодисментами, кроме Ясона, который, несмотря на свое полное невежество в мореходстве и кораблевождении, рассчитывал сникать себе славу, возглавив экспедицию. Только он и Аргус, повре-

дивший недавно ногу топором, остался в зале, в то время как прочие искатели приключений выбежали приветствовать Геркулеса.

Пелий, заметив это, спросил Ясона с насмешливой улыбкой:

— Что ты сидишь, задумавшись, в своей леопардовой шкуре, племянничек? Или ты не знаешь, что Лев — царь зверей?

Не дождавшись ответа, он добавил:

— Я советую тебе поторопиться вдогонку своим товарищам, опередить их и первым приветствовать Геркулеса. Если ты этого не сделаешь, они будут раздосадованы и отплывут без тебя, а ты станешь посмешищем Греции.

Пелий наделся, что Геркулес согласится возглавить экспедицию и обесчестит Ясона. Геркулес, который был подвержен приступам безумия, слыл столь же опасным для друзей, сколь и для врагов. Он способен был ни с того ни с сего схватить свою массивную, окованную медью дубину, если ему чудилось, будто его оскорбили или задели, и прибить насмерть пятерых-шестерых своих товарищей — а затем, раскаиваясь, принимался реветь и биться огромной головой о стену.

Ясон последовал совету дяди и поспешил на улицу. Когда он вышел, Пелий не смог удержать-

ся, чтобы не сказать Аргусу:

— Сомневаюсь, сможет ли твой корабль, хоть он и сколочен, выдержать вес столь мощного борца, как Геркулес.

Ясон, скорый на ногу, обогнал миниев. Час спустя он, запыхавшись и в одиночестве, добежал до Пагас, где разыскал Геркулеса с Гиласом, его юным оруженосцем, в хижине, неподалеку от красавца «Арго», пьющего с корабельными плотниками и малярами.

— Благороднейший князь Геркулес, — выдохнул он, — перед тобой — Ясон из Иолка, куда уже пришли радостные вести о твоем прибытии в эти края. Я обогнал своих товарищей, чтобы приветствовать тебя первым. И с великой готовностью передаю главенство в нашем предприятии в твои прославленные руки.

Геркулес, — мускулистый и рослый (в нем было почти семь футов) детина с поросячьими глазками и бычьей шеей, — сидел, глодая баранью лопатку. Он что-то хрюкнул в ответ, отодрал себе еще кусок своими грязными лапищами и запихнул его себе в рот. Затем внезапно швырнул обглоданную лопатку через открытую дверь, возле которой стоял Ясон, в нырка, который покачивался над водой в нескольких шагах от берега.

Кость просвистела мимо Ясонова уха, пролетела над широким пляжем и, попав птице в голову, убила ее на месте.

— Ага, я попал, как всегда! — захихикал сам с собою Геркулес. Он вытер жирные пальцы о жесткие седеющие волосы, шумно рыгнул и вдруг спросил:

— Гм! И что это у вас за предприятие, мой прелестный мальчик? Ты говоришь так, словно все в мире знают, о чем сплетничают в вашем крохотном уголке Фессалии. Волки с горы Гемон утащили ваших костлявых овечек? Или к вам снова прорвались кентавры с Пелиона и давай целовать ваших костлявых баб?

Это были его обычные шуточки. Он хорошо знал, какое предприятие имеет в виду Ясон. Он как раз завершил шестой из Двенадцати знаменитых Подвигов, возложенных на него микенским царем Эврисфеем (сыном и наследником царя Сфенела), который состоял в том, чтобы поймать живым дикого вепря, сущее наказание объявившееся на склонах горы Эриманф. О намечающемся плавании Ясона он услышал на рыночной площади Микен, как раз когда он выволакивал закованного в цепи вепря из ручной тележки, на которой катил его всю дорогу

из затененной кипарисами долины в аркадском Псофисе. Горожане кричали в изумлении при виде жутких клыков зверя, похожих на бивни африканского слона, и его горящих, налитых кровью глаз. Юный Гилас говорил горожанам:

— Мой хозяин Геркулес быстро справился с этой тварью. Он загнал ее в глубокий сугроб, а затем набросил на нее пеньковую сеть.

Как раз тогда на рыночную площадь явился один из вестников Ясона и начал свой рассказ о прутиках, шерсти и секире, его слушали собравшиеся там. Геркулес вскричал:

— Эй, люди! Отведите вепря к царю Эврисфею, передайте ему мое почтение и скажите, что я вернусь за новыми распоряжениями, когда сгоняю в Колхиду и разберусь там с этим дельцем о пропавшем Руне. А ну-ка, Гилас, дитя мое, достань для меня из тележки мой мешок, и мы снова двинемся в путь.

Геркулес к своим подвигам добавлял другие авантюры, многие из которых были еще диковиннее, нежели те, которые возлагал на него Эврисфей. Делал он это, чтобы выказать свое презрение к изменнику. Может показаться удивительным, что Эврисфей имел власть над Геркулесом, но вот какова история. После своей

победы над миниями Орхомена Геркулес (тогда известный как Алкей) получил в награду от царя Фив руку Мегары, старшей царской дочери, но четыре года спустя во время одного из своих пьяных припадков, убил своих детей, рожденных ею, а заодно и парочку своих племянников, приняв их за змей или ящериц. Его начали преследовать их духи. Обычные обряды очищения не помогли, ибо не так-то легко обмануть духов своих родных детей, и поэтому он отправился в Дельфы спросить совета Аполлона, жалуясь на внезапные пощипывания в ногах и по всей коже и на детские голоса, звучащие в голове. Главный Жрец не позабыл, какую враждебность проявил некогда Геркулес к новой вере и приказал ему в течение Великого Года быть слугой царю Эврисфею, отец которого, Сфенел, был убит Гиллом, сыном Геркулеса. Он должен был выполнять все, что прикажет ему Эврисфей, ему было обещано, что к концу Года судороги прекратятся, а голоса умолкнут. Между тем врачеватели из святилища приписали смягчающие средства. Длина Великого Года — примерно 8 лет, и к концу его солнце, луна и планеты возвращаются на свои прежние места.

Сперва Эврисфей обрадовался таким условием

— они льстили ему и давали надежду отомстить за убийство своего отца Геркулесу, который был подстрекателем, но скоро он понял, до чего неудобно иметь столь необычного слугу. Геркулес, успешно выполнив первое задание, а именно — удушив Немейского Льва — напугал Эврисфея почти до смерти, тем что, играючи, швырнул убитого зверя ему на колени. Эврисфей отказался его принимать и выстроил для себя прямо под троном медное убежище, в котором он мог скрыться, захлопнув над головой люк и прикинувшись мертвым, если Геркулес снова ворвется во дворец. Тогда он выдумал уйму почти невыполнимых заданий, которые его вестник Талфибий должен был приказывать выполнить Геркулесу и целью которых было не пускать тиринфского верзилу в Микены как можно дольше. Геркулес обычно приветствовал Талфибия словами:

— Эй, Навозный Жук, какую новую грязь ты притащил от своего хозяина?

Но из уважения к Талфибию он не выбивал ему зубы.

Ясона некогда предупредил его наставник Хирон, что благоразумней пить с Геркулесом, чем ссориться с ним. Поэтому он кротко ответил на его хохмочку:

— В самом деле? Да неужто ты и впрямь не слышал, о чем всем в Греции прожужжали уши? Наверно, ты был в дальних краях или в каком-нибудь недоступном уголке Греции несколько месяцев кряду. Но клянусь пятнами моего леопарда, плотники и маляры — поразительно сдержанный народ. Интересно, почему все-таки они даже тебе не рассказали, что это за корабль, над которым они работают, и для какой цели он предназначен.

Геркулес прогремел:

— Тьфу! Начали они мне плести какую-то дурацкую байку об ораве юных миниев, которые хвастают, что они, мол, поплывут на нем в Скифию — или в Индию что ли? — искать сокровище, которое охраняют грифоны. Сказать тебе честно, я перестал слушать, как только до меня дошло, что это затея миниев. Я никогда не испытывал ни малейшего интереса ни к чему, что бы ни делали минии с тех пор, как здорово побил их при Фивах несколько лет назад.

Ясон сдержал гнев.

— Боюсь, — сказал он, — благороднейший Геркулес, что в тот раз ты столкнулся с моими собратьями-миниями, когда они были не в форме.

— Боюсь, не в форме, мальчик, — ответил

Геркулес. — Они и впрямь представляли собой жалкое зрелище. Уверен, что мой Гилас мог бы разбить их наголову своей маленькой пращей и кинжальчиком. Правда, милый?

Гилас зарделся, и Ясон сказал:

— Умоляю простить мне мое восхищение внешностью твоего юного спутника, Геркулес. Но это — самый красивый ребенок, какого я когда-либо видел.

Геркулес притянул Гиласа к себе и трижды или четырежды звонко чмокнул его в лицо и в шею.

— Он для меня — все на свете! — вскричал силач. — И храбрее мальчика не найти. Я собираюсь через год-другой, когда он достигнет зрелости, посвятить его в братство Львов. Нас немного, но, клянусь священными Змеями, на нас повсюду обращают внимание!

Вначале Геркулес был мужчиной-Быком, но оставил это братство, когда было объявлено, что Зевс взял его под свою опеку у Богини-Матери. «Если Овен может превратиться в Быка, — сказал он тогда, — то Бык может стать Львом», и чтобы загладить прежде Богиней свою вину за рану, которую нанес ее Верховной Жрице в Олимпии, а также за гибель ее Немейского Льва, которого удушил, он посетил царицу Кирку на острове Ээя,

осуществляющую такого рода превращения, и вступил в братство Львов. Кирка приказала ему откусить себе один палец, чтобы умилостивить духа Льва, он бесстрашно проделал это и, более того, учредил в честь зверя Немейские Игры.

Ясону приятно было обнаружить сентиментальные струны в грубой натуре Геркулеса.

— Уверен, что твой Гилас окажется достойным тебя, — сказал он. — Он уже сейчас по-царски высоко держит голову. Как он оказался у тебя на службе? Ведь он — не из числа твоих бастардов, незаконнорожденных парией.

Геркулес порывисто вздохнул.

— Бедный малыш сирота. Я сам убил его отца. Вот так это случилось. Я странствовал по Западной Фессалии, не помню уже зачем, и однажды оказался жутко голоден. И тут набрел на дриопского земледельца, пахавшего под пар поле в скрытой долине и твердившего ради удачи обычные непристойности да проклятия. Я приветствовал его словами: «Пахарь, я так голоден, что мог бы съесть и быка». Он улыбнулся, но, продолжая ругаться, сказал, что я не должен есть его быка до тех пор, пока поле не будет вспахано и взборонено.

«Священные Змеи! — вскричал я, теряя тер-

пение. — А вот и съем, если захочу!» — «А ну-ка прекрати, — сказал он мне. — Я — Тейодамант, дриоп. Не смей говорить со мной таким повелительным тоном». Я ответил: «Да лети оно к воронам, твое „повелительно“. Я — Геркулес Тиринфский и всегда говорю, что хочу, поступаю, как хочу, и получаю все, что мне угодно. Как-то раз в Дельфах я сказал Пифии те же слова, что только что сказал тебе, она мне не поверила. Я вытащил из-под нее священный треножник и вынес его из святилища. „Теперь, — сказал я ей, — если захочу, у меня будет свой собственный оракул“. Ха-ха, это быстро привело ее в чувство». Но Тейодамант то ли никогда не слышал обо мне, то ли не мог поверить, что я — это я. Он пригрозил мне своим стрекалом, я чуток похлопал его дубинкой и проломил ему череп, будто яичную скорлупу. Я не собирался его убивать! Я все время забываю о своей силе, проклятие какое-то. То же самое случилось со мной, когда я был мальчиком и учился играть на лире, а мой учитель музыки — напыщенный дурак по имени Лин — дал мне по рукам и сказал, что у меня неправильная постановка пальцев. Я играючи шмякнул его лирой и выбил из него мозги. Чистая случайность, клянусь! Я сказал в суде, что действовал в целях

самозащиты, и дело замяли, но с тех пор я больше не притрагивался к лире.

Так вот, как я уже говорил, я был в тот день невероятно голоден. Я убил быка, освежевал, разжег костер из деревянного плуга и стрекала, добавил туда несколько сухих бревен, которые вытянул из стенки амбара поблизости. Пока мясо жарилось, я благочестиво посвятил труп Тейодаманта Матери Зерна и разбросал его куски в борозды, чтобы улучшить урожай, что, как я счел, было ловким способом ускользнуть от мести его духа. Только я собрался пообедать, как услышал хныканье со стороны амбара — у-у-у, у-у-у, у-а, у-а! Там сидел хорошенький малыш двух лет от роду, который спал на рубахе своего отца под теплым солнышком, его, должно быть, разбудил треск моих челюстей. Да, ты верно угадал — это был Гилас. Он мне сразу ужасно понравился. Я дал ему пососать мозговую кость и поджарил для него на костре лакомый кусочек — бычий язык. Вскоре мы с ним настолько подружились, что я унес его в своем мешке. И с тех пор он сопровождает меня во всех моих путешествиях. Говорят, его матушка умерла от двойной утраты. Если так, она была глупая баба: Тейодамант ведь был упрям, как мул, а уж ей-то следовало понимать, что не стоит

лишать Гиласа такого воспитания, за которое большинство матерей чем угодно заплатили бы — лишь бы так пристроить своих сыновей. Не тревожься, мой дорогой Гилас, Геркулес теперь тебе и отец и мать. Геркулес о тебе всегда позаботится.

Ясон спросил:

— Нельзя ли узнать, что ты делаешь во Фтиотиде, благороднейший Геркулес? Может, ты отправился совершить еще один из твоих всемирно известных подвигов?

— Нет, нет, я только что покончил с шестым. Или это был седьмой? Неважно… когда мне пришло в голову взять отпуск и податься в Фессалию — показать Гиласу отчие земли, а заодно и навестить моего старого дружка, кентавра Хирона. Буквально на днях я возведу Гиласа на дриопский трон, если он пожелает. А, дорогой? — он снова схватил Гиласа и принялся его обнимать. Гилас завизжал от боли, и Геркулес его немедленно отпустил.

— Вот видишь, — сказал он, — я все время забываю о своей силе. Я сломал ему парочку ребер несколько месяцев назад, и ему пришлось отлеживаться. Но я правда не хотел ничего плохого. Просто у меня очень пылкий нрав.

— Итак, как я понял, у тебя сейчас свободное время, — сказал Ясон, — хочу заметить, что мы, минии, не такие выродки, какими ты нас считаешь, и мы сочтем для себя величайшей честью, если ты отравишься с нами в Колхиду и станешь капитаном этого корабля. Ибо там мы собираемся вернуть себе Золотое Руно Зевса.

Геркулес задумался на минуту.

— Колхида… ведь ты сказал «Колхида»? Помню, где это. Сперва плывешь в Трою, ввязываешься в обычные раздоры с угрюмыми троянцами и расшибаешь несколько голов. Затем двигаешься вдоль южного берега Черного моря, тащишься вверх-вниз по холмам несколько сотен миль — у племен, с которыми ты там встречаешься, дикие нравы, потом добираешься до страны Амазонок к северу от Армении. Не так давно я отправлялся туда совершить Подвиг — раздобыть пояс царицы Ипполиты, это было вовсе не легкое задание, ибо амазонки дерутся, словно дикие кошки, пришлось к ним малость приноровиться. Однако я получил то, за чем пришел. После Амазонии — еще сотня миль или около того — и ты наконец видишь на горизонте горы Кавказа, а Черное море кончается. Это и есть Колхида. Помню широкую заболоченную реку, заросли

диких лесов, древесных лягушек цвета изумруда, туземцев с чудными головами в порту и густые странные индийские деревья. Я двинулся было вверх по реке в челне, ибо у меня было кое-какое дело в святилище Прометея, что стоит выше по течению, пришлось снова повернуть назад, как обычно, из-за детских голосов в голове. Хотел бы податься туда снова! Посетить страну вечных снегов на вершине Кавказа, где пропахшие чесноком соанийцы скользят вниз по снежным склонам на кожаных санях быстрее, чем пикирующая ласточка, или взбираются на скользкие ледяные шпили в башмаках из сыромятной кожи с шипами. Я слыхал, что снег там падет плоскими лепешками, острыми словно ножики, а не звездами и цветами, как у нас, интересно, так ли это? Замечательно, поплыву в Колхиду. Наш фессалийский отпуск может и подождать — а, Гилас?

— Как ты великодушен, князь Геркулес! — вскричал Ясон, желая в душе, чтобы тот умер и был надежно погребен под высоким курганом из земли и камня.

Геркулес заставил его замолчать.

— Послушай мальчик. Я всегда очень тщательно выбираю себе товарищей. Если я соглашусь возглавить экспедицию, я настаиваю на том,

что мне решать, кто идет со мной, а кто остается дома.

— Это избавит меня от многих затруднений, — сказал Ясон, — лишь бы ты согласился включить меня в число тех, кто идет.

— Не могу сказать, что твой вид мне нравится, — сурово сказал Геркулес. — Ты называешь себя минием, клянешься пятнами леопарда, будто магнезиец, а волосы носишь гривой, как если бы был кентавром. Ты напоминаешь мне Химеру — карийскую козу с львиной головой и змеиным хвостом. Сам я с ней никогда не встречался. И не надеюсь, что встречусь. Уверен, половина того, что о ней болтают, — вранье. Кто ты?

Ясон коротко рассказал о себе. Когда Геркулес услыхал, что перед ним — один из учеников Хирона, он воскликнул: «Хорошо, хорошо!» и стал говорить с ним вежливее.

— Хирон — последний из моих старых друзей, — сказал он. — Он и его мудрая матушка Филара когда-то исцелили мне одну противную рану. Я этого вовек не забуду. Я боялся, что потеряю руку.

Больше они не говорили об экспедиции, а весело пили вместе, вскоре прочие минии ворвались хижину и приветствовали Геркулеса дикими

восторженными криками. Он прорычал, чтобы они убирались прочь, сказав, что ему некогда отрываться от чаши, и так резко захлопнул дверь у них перед носом, что обрушилась часть крыши. И они, раздосадованные, поплелись обратно в Иолк.

Ясон льстил Геркулесу и потчевал его вином, новый кувшин которого принес из близлежащего крестьянского дома, и наконец неосторожно попросил дозволения запечатлеть на щеке Гиласа невинный поцелуй.

Геркулес разразился негодующим смехом и пригрозил Ясону своим громадным и мозолистым большим пальцем.

— Лучше тебе ничего такого не делать, — сказал он. — Мальчик мой, а не твой!

В углу хижины среди плотничьих инструментов лежала железная вага. Геркулес схватил ее и принялся сгибать в ошейник вокруг шеи Ясона, но Гилас взмолился о прощении для Ясона, и Геркулес изогнул вагу, точно змею с головой, поднятой, чтобы ужалить, и поставил ее на пол лицом к Ясону, угрожающе шипя. Лицо его покраснело от напряжения, ибо ему шел уже пятый десяток, и его сила начинала мало-помалу убывать. Выглядел он ужасно.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
Аргонавтов отбирают

На следующее утро Геркулес отсыпался после попойки. Он проснулся около полудня очень злой, но Гилас уже дожидался его с огромной чашей вина и двумя кусками жареного мяса, которые приготовил Ясон, и вскоре силач уже согласился, чтобы его переправили на лодке в порт Иолк. Они уже были на полпути, когда мимо пролетели две галеры, мчавшиеся наперегонки, и поднятые ими волны закачали лодку. Геркулес выругался, схватил и натянул лук и, вскакивая, разъяренно топнул ногой. Он бы выпустил вслед галерам град стрел, если бы не пробил ногой дыру в днище лодки, которая немедленно наполнилась водой и потонула. Гилас умел плавать, как рыба, и устремился к Иолкскому берегу, которого скоро достиг, Ясон же пожалел, что не извлек для себя урока из прежнего приключения и не занимался плаванием наряду с греблей. Он умудрился держаться над водой с помощью весла и стал звать на помощь Геркулеса. И потерял сознание: это Геркулес, не желая, чтобы Ясон, брыкаясь,

утянул его под воду, на всякий случай оглушил его кулаком. К счастью, крепкий череп Ясона был защищен прядями кудрявых волос и кожаным шлемом.

Когда он наконец очнулся, испытывая дикую головную боль, он услышал поблизости тяжелую поступь и, приоткрыв глаза, увидел Геркулеса, растерянно уставившего на него.

— Так ты не помер, верно? — спросил Геркулес.

Ясон с усилием огляделся и увидел, что они снова в чертоге Пелия, а не в пещерах Преисподней, как он поначалу вообразил.

— Нет, я все еще жив, — ответил он. — Чем это меня ударило?

Гилас прыснул, Геркулес рассмеялся, и вскоре весь зал задрожал от громового хохота.

— Чем его ударило? Ха-ха! Чем это его ударило?

Ибо Геркулес как раз показывал свою силу, по ходу чего вызвал Авгия, молодого царя Элисы владельца знаменитых конюшен, на состязание в борьбе и, схватив его обеими коленями, забросил под крышу, пояс Авгия зацепился за колышек поперечной балки, и молодой царь болтался, словно сушеный козий бок. Геркулес еще оставил

след, как это всегда случалось, ударив правым кулаком по большому медному котлу, так что следы его костяшек виднелись словно вмятины четырех дюймов глубиной.

— Чем его ударило? Ха-ха! Чем это его ударило?

Общий смех подхватил из-под стропил царь Авгий, благодаривший судьбу, что остался жив. Он не торопился спуститься.

На следующий вечер после ужина Ясон, все еще слабый, но способный ковылять, опираясь на палку, пошел к Геркулесу и спросил, отобрал ли он уже экипаж для «Арго». Геркулес и забыл про это, но теперь он приступил к нему безотлагательно. Он хлопнул в ладоши, призывая к молчанию, и даже царь Пелий, который давал подробные указания своему виночерпию, счел благоразумным подчиниться. Геркулеса самого все приняли за царя.

— Прежде всего, — начала он своим гулким голосом, я прикажу всем гостям царя Пелия, которые собрались отплыть со мной в Колхиду на корабле, как бишь его там, выстроиться по правую руку от меня, а тем, которые плыть не желают, выстроиться по левую.

После минутного колебания пятьдесят человек

шагнуло направо, лишь несколько из них были миниями, а тридцать налево, из них большинство были миниями.

— Далее, — сказал Геркулес, — приказываю вам, тридцати трусам, которые не решаются плыть, даже зная, что с вами отправляется Геркулес, положить оружие и поскидывать все наши одежки. Вы должны оставить их здесь как достойную плату царю Пелию за гостеприимство, которое он вам оказал, и немедленно отправиться домой, оставив себе только кожаные штаны.

Раздался громовый хохот пятидесяти человек и крик негодования тридцати, которые принялись размахивать оружием и отказались подчиниться Геркулесу. Но когда он потянулся за своей окованной медью дубиной и поплевал на ладони, эти тридцать быстро взялись за ум и начали складывать свои мечи, копья и дротики и расстегивать застежки. Дочери царя Пелия и гостьи зарделись и вышли через боковую дверь, сам царь встревожился, опасаясь, что это происшествие может привести к дюжине войн. Но Геркулес не смягчился, и молодые люди вышли в чем мать родила в холодную ночь, оставив во дворце свою одежду, оружие и драгоценности. Пятьдесят парней поотважнее пошли за ними.

Геркулес добродушно сказал Ясону:

— Я несчастливец и всегда был таким. Говорят, мне нельзя судить о людях и, возможно, правильно говорят. Пусть Гилас вместо меня отберет команду. Он лучше моего знает, какого рода люди требуются: он смышленый юнец, этот Гилас. Но пусть сперва все добровольцы минии отойдут в сторону, ибо вестники обещали им первые места на корабле.

Искатели приключений, которые не были миниями, вознегодовали, что выбор должен делать какой-то мальчишка, но никто не осмелился перечить Геркулесу.

Четырнадцать миниев (всего лишь!) отошли в сторону. Среди них обращал на себя внимание лапиф Мопс, недавно старая аистиха уверила его, что он умрет в пустынях Ливии, так что он был совершенно уверен, что уцелеет до конца плавания, так как оно уведет его совсем в другом направлении. Мопс утверждал, будто понимает язык птиц, хотя допускал, что они несут иногда такой же вздор, как и люди. Он носил гребень скворца, а кончик его языка был разрезан ножом. Близ него стоял честный Корон, лапиф из Вороньего братства, хмурый Меламп из Аргоса, двоюродный брат Ясона, который носил сорочий

гребень, и горячий Эргин из Милета, на плаще которого были полосы, как у тунца, в честь его отца Посейдона, он носил пояс из плетенного конского волоса. Рядом с Эргином стоял еще один сын Посейдона, чародей Периклимен из Песчаного Пилоса, пояс на нем был такой же, что и у Эргина, он родился во время солнечного затмения, и поэтому ему дозволялось носить любые символы, — ему даже разрешалось есть пищу мертвых. Его мать Хлорида была теперь женой Нелея, жестокого брата Пелия. Рядом с Периклименом стоял молчаливый Аскалаф, сын бога Ареса от Астиохи, на руках у которого были вытатуированы ящерицы. Эти трое были божественного происхождения, благодаря своим матерям, у которых было написано на роду быть храмовыми проститутками. Другими миниями были Ясон, сын Эсона, Акаст, сын Пелия, Эвридам — долоп с озера Ксиниас в Фессалии, здоровенный коневод, кормчий Тифий из беотийской Фисбы, двое из Галоса, имена которых ныне забыты, и парочка братьев, внуков Периера, бывшего царя Месении, по имени Идас и Линкей — они носили рыбьи шапки, которые никогда не снимали, это были парни во цвете лет, и все им было нипочем.

Гилас прошелся взад-вперед вдоль ряда доб-

ровольцев, которые не были миниями. Двое мощных рослых борцов, сразу видно — близнецы, одетые в головные уборы из лебединых перьев и плащи из лебяжьего пуха, первыми привлеки его внимание. Он похлопал их по плечу.

— Ваши имена? — спросил Геркулес.

— Кастор и Поллукс, — ответили они в один голос. — Мы — сыновья Леды от Отца Зевса, царевичи из Спарты.

— Чудится мне, будто я вас узнал, — сказал Геркулес. — Хотя, клянусь душой, ни за что не смог бы отличить одного от другого. Который из вас — укротитель коней и борец — тот самый, кого я швырнул далеко за веревки в толпу в Олимпии и кто потом пытался учить меня владеть мечом?

Кастор улыбнулся и ответил:

— Я — Кастор. Я сглупил выйдя против тебя на ринге. И все же меня никогда никто не мог побороть — ни до того ни после того. Хорошо помню твои уроки боя на мечах… В конце концов, я тебе посоветовал полагаться на твою дубину.

— А я — Поллукс, — сказал Поллукс. — Я победил в состязаниях по кулачному бою на олимпийских играх. Мне повезло, что ты не участвовал в них.

— Я был тогда зверски пьян, — сказал Геркулес, — нам обоим повезло: если уж я выхожу

на ринг, я тут же забываю, что это — дружеская встреча. Верно, Гилас, дитя мое?

Кастор и Поллукс, не будучи миниями, приходились двоюродными братьями Идасу и Линкею и росли с ними вместе с самого детства, между этими двумя парами братьев шло непримиримое соперничество.

Затем Гилас похлопал по плечу двоих грозного вида северян, еще одну пару близнецов, на которых были головные уборы из перьев коршуна, окрашенных морским пурпуром. На лице у каждого были вытатуированы синие переплетающиеся кольца.

— А вас как звать? — сказал Геркулес.

— Калаид и Зет, — ответил Калаид. — Наша матушка, Орейфийя из Афин, девушкой была увезена фракийскими пиратами, когда танцевала, славя Артемиду на берегах Илисса. Они сделали ее проституткой в Оракуле Северного Ветра на берегу реки Эргинос, и там мы у нее родились. Впоследствии слепой царь Финей из Тинии взял Орейфийю в жены и она родила от него еще двух сыновей, поэтому мы известны как сыновья Финея. Но на самом деле мы — сыновья Северного Ветра.

Затем Гилас выбрал Эвфема, сына Европы из

Тенарона, который расположен на мысу на крайнем юге Пелопоннеса, лучшего во всей Греции пловца. По сравнению с другими, он скользил по водной поверхности, словно ласточка, которая, кстати, была и его тотемом. За умение плавать поэты прославляли его как сына Посейдона, хотя его отцом был фокиец Ктимен.

Истина заключалась в том, что Гиласу безумно нравились головные уборы из перьев, и он выбирал всех, кто принадлежал к птичьим братствам. Потом он выбрал Идмона из Аргоса, украшенного золотым гребнем удода. Идмон был наследником аргоского царя, но его мать Каллиопа забеременела им после приятного посещения Дельфийского оракула, и поэтому он считался сыном Аполлона. Он носил алые сандалии и тунику и белый плащ, вышитый лавровыми листьями в честь его божественного отца. Как и Мопс, он изучал науку гадания на птицах.

Следующим выбрали Эхиона, сына бога Гермеса от Антианейры из Алопы. У него символом была змея в честь его отца, и он носил также пышное одеяние вестника, расшитое миртовыми листьями. Он был одним из вестников, посланных Ясоном, и так красноречиво призывал других, что сам себя убедил вызваться добровольцем и

поплыть за Золотым Руном.

Как раз в то время, как Гилас выбирал Эхиона, вошел красавец — фессалиец, одетый в плащ и рубаху из кожи не родившихся ягнят. Он был известным храбрецом и искателем приключений, но ненадолго отлучался к себе домой — он жил неподалеку. Завидев Геркулеса, он с радостным криком побежал его обнять. То был Адмет из Фер, фессалийский царь, у которого по приказу Зевса служил Аполлон. Двенадцать лет тому назад он случайно вторгся в ограду нового святилища бога Гадеса, где урывался олень, которого царь преследовал. Тогда жрец Гадеса сказал Адмету, что либо он сам, либо кто-нибудь из его родных должен стать жертвой оскорбленному божеству, иначе проклятие падет на всю страну. Его жена Алкеста, одна из дочерей Пелия, сразу же пошла в святилище и вызвалась умереть вместо Адмета, ибо то была лучшая из жен. Геркулес, проходя через Фессалию с младенцем Гиласом на плечах, случайно услыхал эту историю. Возмущенно крича, что у Гадеса нет права на святилище, ибо его украли у богини Персефоны, он ворвался туда с дубиной, поверг в ужас жрецов Преисподней и в мгновение ока освободил Алкесту. Геркулес высоко почитал Алкесту и потом частенько го-

варивал с сожалением, что ни одна женщина не любила его так сильно, чтобы пожертвовать за него жизнью. Теперь он наградил Адмета дружеским шлепком, отчего тот завертелся волчонком и полетел через зал, и сказал Гиласу:

— Учти Адмета!

Ибо Адмет был минием, сыном брата Эсона Ферета.

Гилас продолжал выбирать из оставшихся добровольцев, и когда он набрал весь экипаж и осталось найти лишь троих, Геркулес махнул рукой и сказал:

— Достаточно. Теперь пусть оставшиеся разденутся догола и подерутся меж собой нам на потеху, это будет борьба или кулачный бой, все приемы разрешены. Те трое, кто останется на ногах последними, присоединяться к нам.

Началась драка — свирепая и мягкая одновременно, ибо не все двадцать состязающихся всерьез хотели плыть, многие вызвались добровольцами из стыда и мечтали быть отвергнутыми. Некоторые упали и лежали, словно бревна, после первого же слабого шлепка, который им достался, другие дрались с ужасной решимостью, молотя кулаками, брыкаясь, толкаясь и кусаясь. Зрители вопили, поощряя сородичей, кое-кого

невозможно было удержать на месте: они вскочили и приняли участие в схватке. Гилас пищал, а Геркулес утробно хохотал при виде лихих борцов, которые поставили друг дружке по фонарю под глазом, прекратили свой поединок по обоюдному согласию и пустились на поиски добычи полегче, они любовались ужимками одетого в кожаный шлем Анкея Маленького с Цветущего Самоса — не Анкея Большого из Тегеи, кормчего, который носил широкополую аркадскую шляпу. Анкей Маленький прикидывался, будто бьется с дикой яростью, но лишь метался туда-сюда посреди драки, увертываясь от ударов, но не нанося их, дабы сберечь силы для заключительной схватки.

Постепенно зал очистился. Теперь на ногах осталось только семь состязающихся: четверо, сцепившихся в клубок, двое, имена которых был Фалер и Бут, дравшихся в сторонке, и Анкей Маленький. Анкей Маленький подбежал к Фалеру и Буту.

— Прервитесь афиняне! — вскричал он. — Вы, как и я, в полной силе. Давайте вместе отметем прочих никчемных дурней и сметем их, словно горный поток.

Фалер Лучник и Бут Пчеловод были очень хитрыми, как подобает афинянам: они знали, что

лучший способ оказаться избранными — это разыграть бой напоказ, обмениваясь шумными, но слабыми ударами, полагаясь на то, что их слава бойцов удержит в стороне остальных. Один молодой аркадиец из Псофиса, имевший зуб на Афины, и в самом деле попытался примазаться к ним третьим, но Фалер поддал ему коленом в пах, так что аркадиец рухнул и застонал.

Афиняне прислушались к Анкею, перестали драться и побежали на другой конец зала, где трое борцов пытались повалить четвертого. Анкей присел на корточки, двинув под колени сзади одного из них, микенца, которого Бут схватил за волосы и оттащил. Микенец закачался и упал, Фалер ухнул кулачищем ему в диафрагму. Этот же трюк они повторили с кадмейцами из Фив. А оставшегося подняли в воздух и бросили через открытую дверь зала на грязную дорогу. Так Бут, Фалер и Анкей Маленький стали победителями.

Однако имена тридцати гребцов, кормчего и других участников похода, отплывших на «Арго», не соответствуют тому составу экипажа, который отобрали Гилас и Геркулес. Ибо парочка миниев — те, что из Галоса — в последнюю ночь сбежала, а два вновь прибывших эолийца, мужчина и женщина, заняли их места. Потом мнимые ар-

гонавты хвастали без удержу о своем плавании, хотя, на самом деле, только видели, как «Арго» стоит на якоре в укромной гавани, я приведу точный список, но не сейчас.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
«Арго» спущен на воду

День, когда оракул велел спустить корабль на воду, был уже близок, и отобранный экипаж упражнялся в гребле на той же галере — все, кроме Геркулеса, который отлучился вместе с Гиласом навестить своих друзей-кентавров и три последующих дня, да и ночи пил без продыха с Хироном. Члены экипажа, кто не был миниями от рождения, прошли довольно поверхностный обряд усыновления, чтобы считаться миниями. Каждый поочередно выполз из-под колен матушки Ясона, Алкимеды, а затем принялся выть, словно новорожденный, а она сунула ему в рот свернутую тряпицу, вымоченную в овечьем молоке. После этого им снова торжественно дали их прежние имена, и в течение часа они повзрослели!

Ясон заботился о том, чтобы обеспечить корабль запасами, но многие из аргонавтов были людьми богатыми, они хотели оплатить свою долю расходов, а то и больше. За их серебренные и золотые украшения, самоцветы и расшитые

одеяния, отданные ими в общий котел, Ясон смог приобрести у Пелия мешки зерна, копченые говяжьи бока, конические куски фигового хлеба, сушеный на солнце виноград, поджаренные соленые орехи, кувшины меда, медовые лепешки, сдобренные тимьяном и выпеченные в форме сосновых шишек, прочие сласти в больших количествах. Он не счел нужным грузить на корабль для балласта камни и песок. Вместо этого на опоры по обе стороны кильсона были уложены два громадных, в человеческий рост, глиняных кувшина, наполненных сладким вином и хорошо закупоренных. Каждый аргонавт раздобыл для себя оружие и постель, запасные же канат и паруса были подысканы афинскими архонтами.

Наконец забрезжило судьбоносное утро. Небо было безоблачным, из Фессалии дул холодный северный ветер, но он утих, когда взошло солнце. В Иолке слышался великий плач. Отчасти от того, что народ искренне скорбел по поводу того, что столько прекрасных юношей отправились в столь рискованный путь, но главным образом плач устроили плакальщики, которым аргонавты заплатили, дабы избежать ревности божества или духа, которые могут проникнуться недобрым отношением к кораблю — так бобы сажают с

проклятием, чтоб отогнать духов, которые грызут молодые побеги. Пелий из вежливости рыдал громче всех и все повторял:

— Если бы темная волна, которая унесла Геллу в объятия смерти, увлекла заодно и Фрикса! Тогда Руно ни за что не попало бы в Колхиду, и у моего дорогого племянника Ясона не было бы повода для этого плавания! Боюсь, что оно окажется роковым для многих, если не для всех, храбрецов, которые с ним плывут.

Эсон, когда Ясон пришел к нему попрощаться, держался с достоинством и благословил сына. Он также послал в Додону обещанный котел и жертвенный серп с рукояткой из слоновой кости, на которые весьма потратился. Алкимеда обвила руками шею Ясона, беспрерывно плача, наконец ему удалось высвободиться из ее объятий словами:

— Устыдись, матушка! Все подумают, будто ты — девочка-сирота, страдающая от жестокого обращения мачехи, которая рыдает на шее у старой доброй няни. Такие вопли не пристали царице.

Скорчившись на полу, она прорыдала:

— Что станет с твоим дорогим отцом и мною, когда ты уедешь? Знай, что ты не застанешь нас в живых по возвращении, если вернешься. Пелий

убьет нас. И никто не осмелится нас похоронить! Наши тела будут брошены в чистом поле на съедение коршунов и гиен. Я не страшусь смерти — неизбежный участи любого из рода людского, но не могу без содрогания подумать о неприкаянном духе, обреченном вечно скитаться по земле, трепыхающемся, словно летучая мышь, на холоде и под дождем.

Ясон резко прервал ее и широким шагом вышел на рыночную площадь. Народ приветствовал его криками восхищения вперемешку со скорбными воплями. Дорога была усеяна алыми анемонами — эмблемой юности, которая обречена на смерть. На пути у него стояла его двоюродная бабка Ифиас, Главная Жрица. Она влюбилась в него, как иногда влюбляются в красивых молодых мужчин старые девы. Она поймала его правую руку и поцеловала, но, как ни жаждала она что-то сказать, она не могла вымолвить ни слова, ибо сердце ее гулко билось о ребра. Ясон прошел мимо, сквозь вопящую толпу, а она осталась на обочине, бормоча:

— Бессердечный юноша не уважает мой почтенный возраст и мою добродетель! Однажды, когда волосы его поседеют и поредеют, а кости станут болеть, он вспомнит меня, когда прекрас-

ный корабль, к которому он сейчас так гордо спешит, превратиться в гниющий остов на берегу, когда никто не станет приветствовать его с криками «Ура!» и хлопать по спине!

И она украдкой вывела ногой в пыли магический знак.

Ясон продолжал свой путь по дороге, огибающей бухту, и в Пагассах встретил своих товарищей, которые уже поджидали его. Они сидели на мотках веревки, сложенных парусах и прочих корабельных принадлежностях, собранных на берегу.

Аргус, одетый в длинный плащ из бычьей шкуры, с длинными черными волосами по плечам, стоял, с нетерпением ожидая разрешения спустить корабль на воду. Геркулес еще не явился, но Ясон велел приступать к спуску корабля без него. Ясон дал обет принести жертву Аполлону, а его отец Эсон раздобывал быков на каждый из трех дней, чтобы принести жертву Зевсу, Посейдону и Афине соответственно. Он пообещал дать Ясону еще быков для жертвоприношений, так что всем собравшимся предстоял обильный пир, как только корабль будет спущен на воду. Едва Ясон им об этом сказал, они вскочили на ноги и начали собирать большие плоские камни,

которые сложили друг на друга, соорудив алтарь, и накидали сухих бревен.

Покончив с этим, Ясон снял с себя все, кроме кожаных штанов, и положил одежду на большой камень выше отметки прилива, остальные последовали его примеру. Затем, по приказу Аргуса, они обвязали корабль от носа до кормы четырьмя тяжелыми веревками, которые сперва намочили, а затем туго натянули на лебедку. Когда веревки были закреплены и завязаны, Ясон воззвал поочередно к каждому из четырех Олимпийских божеств, которые покровительствовали плаванию, с просьбой последить за веревками.

Аргус уже приготовил мотыги и отправил своих товарищей вниз по берегу к морю копать ров, немного шире, чем корабль в поперечнике, начиная от корабельного носа. Там, на полмили вокруг, было глубже. Позади их, пока они копали, их слуги, вооруженные тяжелыми бревнами, утапливали каменистый песок во рву, чтобы поверхность стала ровной. «Арго» уже стоял на катках. Теперь оставалось положить другие катки, сделанные из крепких сосновых бревен, очищенных от коры, в ров впереди судна и потащить по ним корабль. Близ острой кормы едва хватало места для двух или трех волочильщиков,

но Аргус развернул весла в весельных отверстиях, так что их комли выдавались теперь на пару футов за планширом, а лопасти упирались в ребра противоположного борта. Затем он приставил к каждому веслу человека, вскарабкался на нос и вскричал: «Раз-два-три — взяли!» Аргонавты потянули корабль, работая руками и плечами, упираясь ногами в землю, толпа хранила благоговейное молчание. «Арго» содрогнулся, заскрипел и начал медленно скользить вперед. Люди у весел и у кормы налегли посильнее, а Тифий следил за направлением движения, крича: «Дружнее, вы, по правому борту! Не жалейте сил, вы, по левому!» Катки застонали, и от трения поднялся дымок, а судно, гремя, ехало вниз. Тифий кричал: «Эй там, эй там! Не сметь пихаться! Теперь придержите! Дружнее, дружнее, ребятки!» Затем нос корабля со свистом скользнул в воду, и вот весь корабль очутился на воде. Тифий, у которого был наготове кувшин оливкового масла вылил его в море, плеснув сперва немного на корму — то было возлияние богу Посейдону с просьбой утихомирить море.

«Арго» ровно скользил по воде, и толпа трижды прокричала «Ура!», желая им удачи. Экипаж поставил судно на якорь на мелководье и, снова

перевернув весла и укрепив их в весельных отверстиях кожаными петлями, начал таскать на борт грузы. Аргус проследил за установкой мачты, за подготовкой петель и блоков для подъема реи, а затем за укреплением рангоута и такелажа. Но он не поднял паруса, поскольку было безветрие.

Все было почти закончено, когда с берега вдруг послышался крик ужаса. Со стороны Иолка шел Гилас, шагавший рядом с простой запряженной быками повозкой, в которой, вытянувшись во весь рост, лежал Геркулес, а за ней тянулась процессия плакальщиков.

— Он мертв! Геркулес, наш предводитель, мертв!

А кто-то добавил:

— Без Геркулеса нельзя! Геркулес мертв! Мы не можем отплыть!

Но оказалось, что он всего лишь мертвецки пьян и что наемные плакальщики, приняв между делом угощение, явились в Пагассы, чтобы пожелать «Арго» удачи на дорогу.

Когда Гилас привел Геркулеса в чувство, выплеснув ему в лицо полный шлем морской воды, тот вскочил в ярости, схватил дубину и выпрыгнул из повозки, которая подкатила прямехонько к недавно выстроенному алтарю. Люди броси-

лись врассыпную, аргонавты вскарабкались на борт и скорчились в три погибели внутри. Внезапно Геркулес нанес один за другим два мощных и метких удара по головам белых быков, которые тащили повозку. Те упали замертво рогами вниз. Ясон, выглянув за корму с места кормчего, вскричал:

— Хороший удар, благороднейший Геркулес! Ты расправился с жертвами хоть куда!

Геркулес потер глаза и пробудился, словно вышел из транса. Затем принялся смеяться. Народ выбрался из своих укрытий, аргонавты снова попрыгали с корабля в воду, и все тоже начали смеяться, даже наемные плакальщики. Затем Ясон крикнул Анкею большому и еще двоим, чтобы помогли ему распрячь убитых быков и подтащить их к алтарю. Это были те самые животные, которых Эсон хотел принести в жертву. Гилас увидел, как их гонят по дороге к Пагасам, одолжил их и запряг в повозку, чтобы отвезти Геркулеса.

Стоя перед алтарем, Ясон вскричал:

— Солнцеподобный брат Луноподобной Артемиды, Аполлон Дельфийский, Грозный Волк, Увенчанный Лаврами Аполлон, Сажающий на Корабль, которому я пообещал эту жертву шесть

месяцев назад, когда посетил его славное святилище и город — выслушай меня! Не я, а Геркулес Тиринфский заклал этих быков в твою честь, и так скоро — и я не успел омыть водой для очищения мои руки, не насыпал твою долю священного ячменя в углубление алтаря. Ты знаешь, Дорогой Повелитель Мышей, как быстр Геркулес в любом начинании, взгляни благосклонно, умоляю и твое мусическое Величество, на это нарушение того, что предписано обычаем. Отмыв мои руки от нечистоты, я посвящаю этих прекрасных беспорочных животных тебе, Открыватель истины, посыпая солью, как приправой, их головы. Приведи наш корабль, молю тебя, целым и невредимым обратно, на этот берег в Пагасы, после того, как мы выполним нашу задачу, и сохрани всех, кто на корабле. По возвращении каждый из нас, кому будет сохранена жизнь, снова возложит на это алтарь прекрасные приношения — бычье мясо и другие дары, бессчетные и бесценные подношения принесем мы в твои посещаемые пчелами святилища в Дельфах, Темпах или Ортигии. С нами поплывет Идмон, гость твоего дельфийского дома, а также благочестивый Адмет, царь Фер, который оказал тебе необычайное почтение, когда ты был у него в работниках и обязан был

подчиняться любому его распоряжению. Защити то, что — твое, Небесный Лучник с Длинными Волосами, и даруй нам благой знак, когда мы развяжем перлини, ходатайствуй также за нас перед твоим суровым дядюшкой Посейдоном, чтобы его морские кони-волны не слишком беспокойно вздымались над глубинами.

С этими словами он положил ячменную кашу на алтарь, довольный собой, так как упомянул в своей речи большую часть священных атрибутов божества.

Затем Идмон, жрец Аполлона, перерезал глотки быкам жертвенным ножом из темно-зеленого обсидиана. Кровь потоком хлынула в ров, окружающий алтарь, — теплый напиток, который умиротворит затаившихся рядом духов.

Линкей, зрение которого было столь острым, что он мог различить семь звезд в Плеядах на ночном небе, когда другие видели только шесть, и всегда первым обнаруживал тайное присутствие божества, призрака или духа, заулыбался. Он сказал вполголоса Анкею Маленькому:

— Как они жадно пьют, эти призраки! Среди них есть один свирепого вида пастух, судя по одежде, этик или дриоп, который отодвинул плечом всю ораву от рва, и пьет куда больше, чем

ему положено по справедливости. Рядом с ним — громадная овчарка. И оба они лакают кровь, не давая ей впитаться в песок.

Ясон не расслышал этих слов, но Анкей Маленький сохранил их в памяти.

Аргусу, как мужчине-Быку, запрещено было есть говядину, только в священную годовщину. Он воздвиг другой алтарь и заклал перед ним прекрасную овцу богине Афине. Линкей снова толкнул Анкея Маленького локтем и сказал:

— Летучие мыши и совы! Ну и аппетит у этого пастуха-этика и его псины! Теперь они набросились на овечью кровь, которая им больше по вкусу! Если они выпьют еще немного, кровь окрасит их, и даже ты увидишь. Интересно, по какому делу они сюда пришли? Косматая рыжая овчарка скалит клыки на Ясона, о, как странно, — а вот призрак бронзового наконечника копья, выходящий из собачьей спины!

Но Ясон и этих слов не расслышал, он был занят тем, что снимал белую шкуру быка. Благородные с презрением следили за его ловкой работой, ибо свежевание люди знатного рода оставляли своим слугам. Разок надрезав там, дернув тут, снова надрезав, Ясон вскоре целиком снял шкуру с туши, так что ни одна капля крови не проступила на

белых волосках.

Пока Ясон этим занимался, призрак пастуха медленно подкрадывался к нему, в глазах его горели огонь убийцы. Линкей, торопливо пошарив в мешке, вынул три боба, бросил их себе в рот и выплюнул в сторону призрака. «Сгинь, изыди!» — прошептал он. Призрак исчез с беззвучным криком гнева и боли.

Медленно поворачивались дубовые вертела, большие куски мяса жарились на алтарном огне, священные берцовые кости, оплавленые жиром, горели с возбуждающим аппетит запахом. Идмон наблюдал за дымом, вздымавшимся над прибойными бревнами темными спиралями доброго предзнаменования, пока Ясон совершал возлияние молоком и медом Аполлону, а пока Идмон смотрел на дым, Аполлон вдохновил Идлюка на пророчество, и жрец вскричал:

— Идмон, Идмон, что видишь ты в пламени? — И ответил сам себе: — Я вижу маленький желтый ядовитый цветок. Я вижу твою смерть, Идмон, смерть на цветущем лугу, далеко от твоего дома в прекрасных Дельфах, вижу, как корабль плывет на восток без тебя, слышны мерные удары весел, а лица твоих спутников сияют от гордости за победу.

Товарищи Идмона посочувствовали ему, но на душе у них полегчало: он не увидел в пламени гибель их всех. Они начали отговаривать его от участия в плавании. Но Идмон ответил:

— Страшиться будущего постыдно для жреца.

К Мопсу подошли две трясогузки, разгуливающие по пляжу, и встали близ него, беспокойно трепеща, а потом улетели. Ясон отвел Мопса в сторону и спросил, что они сказали. Мопс ответил:

— Трясогузки — предусмотрительные создания. Они напоминали мне, чтобы я взял с собой на корабль мази, средства для лечения ран, жаропонижающие и другие лекарства. Но я уже сложил в полотняный мешок все, что нам в походе понадобится.

Все было готово к пиршеству, прежде чем солнце достигло зенита, под руководством Аргуса были сделаны последние приготовления к плаванию. Теперь все уселись в круг алтаря и начали с жадностью поедать великолепное жареное мясо, отрезая от больших шипящих кусков своими ножами. Гилас разбавлял ароматное вино в расписных минийских глиняных чашах и подносил каждому по очереди с любезными словами. Вино было сдобрено дикой мятой.

Когда все насытились и расслабились, Аргус

встал на ноги и, подняв руку, призвал к молчанию. Вот что он сказал:

— Господа, следуя указаниям, которые дали мне в Афинах Архонты, царь и царица, получившие их от самой богини Афины с увенчанным кукушкой скипетром, я должен был построить корабль для Ясона, миния, наследника фтиотийского царства, корабль, на котором он и его товарищи отплывут в Колхиду на дальний край Черного моря, чтобы вернуть украденное Золотое Руно Лафистийского Овна. Эти указания я выполнил — Ясон одобрил мою работу. Но мои отношения с вами не прекращаются и сейчас, после того, как, корабль построен, решил отплыть на «Арго», так я им горжусь. Не допускаю мысли, что кто-нибудь из вас пожалеет для меня место на нем, хотя я и не присутствовал, когда проводили отбор в экипаж, ибо если корабль, не ровен час, бурей бросит где-нибудь на прибрежные скалы, кто лучше меня знает, как починить его, чтобы он снова поплыл. Но скажите мне, господа, кто из вас — капитан, которому я должен принести, согласно обычаю, присягу? Это Ясон, который волей богов говорят был намечен руководителем экспедицией и выслал вестников, которые призвали всех сюда? Или это — Геркулес, князь Тиринфский, слава и

могущество которого неизмеримо превосходят достоинства всех ныне живущих? Я слышал, как некоторые из вас говорили, что было бы безумно самонадеянно со стороны Ясона или кого-то еще претендовать на главенство после того, как Геркулес (он, правда, не стал минием даже по усыновлению) согласился с нами отправиться в путь. Хотя никто из нас не любит подчиняться, если может распоряжаться, все же мы должны выбрать вождя, который будет заключать для нас договоры в иноземных дворах, у которого будет решающий голос на наших военных советах. Что касается меня, я готов повиноваться и Ясону, и Геркулесу, и любому другому, кого бы вы ни выбрали, и больше ничего не скажу, дабы не повлиять на ваше решение, кроме того, что именно Ясону доверил Отец Зевс священную ветвь и что царь Пелий, вдохновленный, возможно, своим отцом Посейдоном, выразил сомнение, вынесет ли мой корабль, каким бы крепким он ни был построен, тяжесть Геркулеса.

Тогда Адмет, Пелей и Акаст закричали: «Хотим Геркулеса!», и все аргонавты подхватили их крик: «Геркулеса! Геркулеса!» Только храбрец выкрикнул бы другое имя, ибо никто не знал, насытился ли Геркулес и восстановил ли он

свое обычное добродушие после пьянки на горе Пелион. Геркулес взял баранье плечо, которое Аргус дал ему вдобавок к говяжьему спинному хребту, преподнесенному Ясоном, сорвал с него мясо, которое там еще оставалось, запихал себе в рот, вытер жирные руки о свою гриву и принялся чистить зубы кинжалом. Затем увидев, что над морем с резкими криками летит птица, сулящая недоброе, запустил в нее бараньей лопаткой и поразил ее насмерть.

— Ага, попал, как всегда, — прорычал он, когда все кругом зашумели в изумлении.

Возобновились крики: «Геркулеса! Геркулеса!» Но он простер правую руку и сказал:

— Нет, приятели, не стоит выбирать меня, я слишком часто напиваюсь до бесчувствия. Кроме того, в любой момент этот треклятый вестник Талфибий, которого я зову Навозным Жуком, может подкрасться ко мне бесшумно и сказать: «Привет тебе от царя Эврисфея, благороднейший князь Геркулес. Принеси ему трезубец Посейдона!» Тогда я буду вынужден оставить вас и отправиться совершать новый Подвиг: ибо всякий раз, когда отказываюсь подчиниться, детские голоса в моей башке звучат все громче и громче, так что у меня перепонки лопаются, а невидимые руки щиплют

меня за нос и ставят дыбом короткие волосики у меня на висках, там, где кожа особенно нежная. Выберите кого-то другого. После паузы кто-то закричал: «Адмета!», а кто-то — «Анкея Большого!», а кто-то еще — «Кастора и Поллукса!» Но никто не крикнул «Ясона!». Немного погодя Геркулес унял шум и гам, махнув рукой, и сказал:

— Мой несчастливый друг, кентавр Хирон, поведал мне прошлой ночью, что он верит в способность Ясона возглавить экспедицию, если я сам откажусь. «Ты действительно имеешь в виду Ясона, сына Эсона?» «Да, — ответил он. — Олимпийцы оказали ему необычайную милость, а я благодарен ему за то, что он помирил меня с лапифами. Знаешь, он какой? Большинство мужчин либо завидует ему, либо презирает его, а женщины влюбляются в него с первого взгляда. А поскольку женщины и среди дикарей и среди развитых племен держат тайные поводья власти и в конце концов добиваются своего, дар, которым наделила Ясона Богиня Нимфа, — не из последних. Он даже лучший предводитель, чем ты, Геркулес, которым все мужчины восхищаются, и никто из них не завидует, но при первом взгляде на которого любая женщина, если она в своем уме, подбирает подол и с криком удирает».

Хирон справедливо славится мудростью, хотя и преувеличивает страх, который испытывают передо мною женщины. Поэтому, отказываясь сам возглавить экспедицию, я готов сразиться со всеми, по одиночке или сразу, кто посмеет оспаривать выбор Хирона. Но пусть никто меня не спрашивает, презираю я нашего Ясона или завидую ему.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
«Арго» отплывает

Ясон поднялся, чтобы от всего сердца поблагодарить Геркулеса, смиренно пообещав просить его совета всякий раз, как только возникнут сложности или стрясется беда, и всегда ему следовать.

— Очень хорошо, — сказал Геркулес, — но если случится, что я сплю или пьян, посоветуйся с Гиласом. Его смышленость соперничает, а порой превосходит его красоту, и у него вдвое больше опыта дальних путешествий, чем у любого из присутствующих, кроме меня.

Ясон снова поблагодарил Геркулеса тем же смиренным тоном, а затем торопливо заговорил:

— Господа, — сказал он. — Давайте распределять по жребию места на скамьях. Прошу каждого вручить мне камешек, который можно будет узнать. Я перемешиваю их в своем шлеме, а Гилас будет вытаскивать их, не глядя, каждый раз по два. Так мы заполним поочередно все скамьи, начиная от скамьи, ближайшей к кормчему, и кончая носовой скамьей. Естественно, я исключаю Геркулеса: он должен отдыхать, пока все

остальные гребут.

Вскоре Ясон собрал камешки у всех, за исключением Геркулеса, Гиласа и кормчего Тифия. Гилас, отведя взгляд, выхватывал их из шлема по два после того, как Ясон их все как следует перемешал. Поднимая их, он каждый раз спрашивал: «Чьи это камешки?» Но когда было образовано тринадцать пар, в шлеме ничего не осталось, и стало ясно, что четверых не хватает. Двое оказались галосскими миниями, они покинули дворец вечером накануне под предлогом жертвоприношения Артемиде в третью ночь после новолуния, но с тех пор их никто не видел. Очевидно, они подумали как следует об этой затее и сбежали домой, побросав свое добро. Другой отсутствующей парой были Акаст, сын царя Пелия, и его друг, мирмидонец Пелей. Они приняли участие в спуске судна на воду, но вскоре Акасту пришло послание от царя, которому он не мог не подчиниться, приказывающее ему вернуться в Иолк и там ответить на жалобу царского управляющего по поводу его дурного обращения с рабыней. Поэтому Акаст ускакал на муле, а немного погодя Пелей последовал за ним.

Заспорили: отложить ли отплытие, пока эти двое не вернуться. Гилас сообщил присутству-

ющим, что по дороге в Пагасы в запряженной быками повозке он был остановлен отрядом дворцовой стражи, растянувшимися примерно на милю от города, они подняли покрывало с лица Геркулеса, но быстро вернули его на место, узнав великана и объяснив, что ими получен строгий приказ не пускать царевича Акаста на борт «Арго». Так аргонавты поняли, что дело о рабыне и управляющем было только предлогом, под которым Пелий помешал сыну отплыть.

Идас, брат зоркого Линкея, сказал:

— Акаст вполне может быть так же виноват, как и его отец. Полагаю, он в душе трус. Но я не думал, что мирмидонец Пелей удерет от нас столь постыдно, хотя, воистину, он — самый неумелый метатель дротиков, какого я когда-либо видел, и во всех поступках скользок, словно жирный угорь.

Старый Навплий подхватил:

— И все-таки, думаю, лучше, когда на корабле — горстка гребцов-добровольцев, чем команда трусов.

Некоторые из его товарищей что-то неуверенно пробормотали в знак согласия.

Перевалило за полдень. Молодежь принялась шутить и рассказывать остроумные и непри-

стойные байки — обычное дело на пирушке, когда все подвыпили. Но Ясон хранил молчание, завернувшись в плащ, не отвечая даже улыбкой на всеобщее веселье. Идас потянулся за спину Гиласу, наполнил кубок неразбавленным вином, опрокинул его себе в глотку, и еще дважды проделал тот же номер. И пустился в пьяный боевой танец. Встав в позу и указывая на Ясона сбоку большим пальцем, он начал декламировать какие-то нескладные стихи, которые звучали примерно так:

Ясон, Эсона сын, скажи мне, друг,
Да что с тобою приключилось вдруг?
В своих сознайся мыслях, не молчи,
Шепнуть не можешь — так вовсю кричи!

Ты что, стыдишься стать вождем у нас,
У лучших в сей стране, в сей славный час?
Храбрейший Идас — и удача с ним, —
Не Зевсом, а копьем своим храним!

(И грозно потряс копьем)

Воспрянь же, трус, осуществи мечты
И голову под мышкой не прячь ты!

(И передразнил Ясона)

Сам Идас — слышишь? — в воинстве твоем,
А он владеет лучше всех копьем,
Он — победитель всех своих врагов,
Он не надеется на мощь богов,
И Аполлон герою не указ:
Украсть Марпессу вздумал как-то раз,
Но я не упущу добро мое:
Помчался я воинственно к жрецам...[1]

В этот миг вмешались Идмон и Мопс, Идмон схватил Идаса за ноги и опрокинул, а Мопс вырвал у него копье. Другие пытались удержать его, пока Идмон отчитывал его примерно следующим образом:

— Наглый хвастун, ты накликаешь беду. Я вижу по твоей чаше, что ты пил неразбавленное вино, но что-то еще ввергло тебя в безумие и заставило оскорблять Светлого Бога, у которого мы нынче в

---

[1] Комментарии: 1
Здесь и далее стихи в переводе Г. Усовой.

гостях. Вспомни только, что случилось однажды с двумя вождями Алоадами! Они отказались признать права Аполлона над мусическими нимфами Кобылы с горы Геликон, ссылаясь на то, что те обитали на Геликоне как служанки Триединой Музы задолго до Аполлона. Они пригрозили войной всем олимпийцам сразу, если Аполлон попытается сделать Геликон своим владением, и в безумии говорили, что взгромоздят Пелион на Оссу, если потребуется достичь вершины Олимпа и стащить Отца Зевса с его трона. Но я изрек пророчество, и даже прежде, чем мой отец Аполлон прислал своих лучников, двое хвастунов были мертвы. Они поссорились из-за оленя, которого преследовали и о котором каждый твердил, что это он убил его, они изрубили друг друга в куски мечами.

Идас сдавленно рассмеялся, ибо на груди у него сидел кулачный боец Поллукс.

— Что же, Аргивская Лягушка, — сказал он, — напророчь что-нибудь и против меня, если посмеешь, как напророчил против Алоадов, посмотрим, что случится. Ты окажешься лжепророком, напыщенный ты мошенник, ибо уверяю тебя, твой труп будет лежать и гнить тут, на берегу в Пагасах, а не на каком-нибудь далеком

цветущем лугу, как ты воображаешь, а корабль отплывет без тебя.

Ссора закончилась бы кровопролитием, ибо Линкей с мечом в руке уже бросился на помощь своему брату Идасу, если бы не ропот струн, удары и звон, внезапно раздавшиеся позади алтаря — кто-то играл на четырехструнной лире, с непревзойденным мастерством. При этом звуке те, что боролись с Идасом, ослабили хватку. Они поднялись и принялись танцевать в такт музыке. Идас тоже поднялся и присоединился к танцу, забыв про свой гнев, ибо у пьяных память коротка, а Линкей с радостью вложил меч в ножны и тоже заплясал. За ним и Ясон вышел из своего транса и загарцевал вокруг, подняв руки и щелкая пальцами, ибо Хирон был строгим и опытным учителем танцев. Наконец Геркулес затопал в кругу, потом вскочил на свою повозку и затопал, выдерживая такт, пока не показалось, что вот-вот сломается ось. Рядом с ним извивалась вереница плясунов, сплетаясь в священную восьмерку.

Музыка завершилась ударом по резонатору, столь же внезапно, сколь и началась. Мопс, Идмон и еще несколько человек со сверкающими глазами бросились обнимать изможденного фракийца с татуированным лицом и в белом по-

лотняном одеянии, вмешательство которого так своевременно предотвратило кровопролитие.

— Орфей! — вскричали они. — Орфей! Ты снова вернулся к нам из свих странствий по Египту и добровольного изгнания в край жестоких киклопов?

Орфей ответил:

— Я получил во сне указание плыть с вами. Давайте взойдем на борт.

С прибытием Орфея пир продолжился до вечера, и отплывать было уже поздно. Тогда Ясон распорядился нарезать травы и разбросать ее на берегу, чтобы сделать ложа, после чего он и его товарищи ели и пили, пока луна не засияла высоко в небе, а Орфей веселил их своей музыкой. Он пел песнь за песнью о добрых старых временах Тесея и Перифоя, а слушатели требовали еще и еще. Около полуночи все они уснули один за другим. Но слуги их стояли на страже, чтобы предотвратить чье-нибудь вероломное нападение. Ночь прошла спокойно, и занялась заря — ясная и чистая.

Они позавтракали холодным мясом и хлебнули немного вина, и Ясон с радостью двинулся впереди всех к «Арго», экипаж взобрался на борт и занял выпавшие им по жребию места. Явились

слуги с вещами, которые валялись на берегу, и господа торопливо запихали все в рундуки под скамьями. Им не терпелось в путь, теперь, когда Орфей играл торжественную и медленную песнь гребцов: «Скользи по волнам, священный челн» — с тех пор прославленную, но тогда услышанную впервые. Когда Геркулес великодушно вызвался взяться за весло по правому борту на скамье, ближайшей к кормчему, Ясон отдал приказ вести Аргуса, чтобы мужчина потяжелее из каждой пары гребцов сел по левому борту, дабы уравновесить силу таких жутких толчков. Дул порывистый южный ветер.

Тифий занял свое высокое сиденье на корме, а Ясон крикнул толпящимся на берегу, чтобы отвязали перлини от якорных камней. Они повиновались и бросили концы веревок на борт, чтобы Ясон их поймал. Но Аргус стал корить Ясона за желание бросить камни, над которыми так долго трудились каменщики, сверля их и придавая им форму. Невзирая на нетерпеливый ропот со скамей, камни были подняты с берега и по длиной доске занесены на корабль.

Наконец Ясон подал знак к отплытию. Геркулес погрузил свое весло в воду и приналег. Прочие гребцы проделали то же самое, и после неровного

толчка прекрасный корабль заскользил по заливу, весла ритмично опускались и поднимались. Тут все увидели, что сбылось пророчество Аполлона о появлении истинного Ясона. Ибо с самого начала на борту «Арго» Ясон не был целителем, несмотря на свое имя, но Орфей, призванный, чтобы улаживать непрекращающиеся ссоры ревнивого и беспокойного экипажа, оказался истинным Ясоном.

Ясон, заметив тройной солнечный блик на отполированной меди со стороны Метоны — он ожидал этот знак — сказал Тифию:

— Правь к Метоне. Там я надеюсь пополнить команду.

Тифий так и сделал, и вскоре эхо еле долетало по ветру с пагасейского берега.

Когда Иолк остался далеко за кормой, Линкей, бросив взгляд через левое плечо, прервал музыку.

— Я кое-что вижу, товарищи! — вскричал он. — Двое мужчин и женщина мчаться со всех ног с Пелиона к Метоне, их фигуры полускрыты дубовыми чашами. Мужчину все вы знаете: это Акаст, сын Пелия, и Пелей Мирмидонец, его друг. Многие из вас знают и женщину, она перепрыгивает через кусты, взлетая, точно олень, а увидав ее

косы, короткую тунику и лук, любой сказал бы, что это — дева — охотница богини Артемиды.

— О, Линкей, Линкей, скажи мне, какой цвет ее туники? — в нетерпении спросил его напарник Мелеагр Калидонский. — Не шафрановый?

— Шафрановый, — ответил Линкей. — И на шее у нее ожерелье из медвежьих когтей. Не стану держать тебя в неведении, Мелеагр. Это — женщина, которую ты любишь больше жизни, Аталанта Калидонская.

Анкей Большой раздраженно вскричал:

— Лучше бы ей не ступать на наш корабль. Ни одному кораблю нет удачи, если на борту — женщина.

— Полегче, — сказал Мелеагр. — Ты говорил в том же тоне в Калидоне перед охотой, а где бы ты теперь был без Аталанты? Ведь она спасла тебе жизнь!

Анкей Большой пробурчал в ответ что-то неразборчивое.

Когда «Арго» двигался мимо большой скалы в Метоне, служившей дамбой, Аталанта прыгнула на борт, прежде чем ей сумели помешать, с еловой ветвью в руке.

— Во имя Богини Девы! — вскричала она.

Ясону ничего не оставалось, как принять ее

в члены экипажа. Серебристая ель посвящена Артемиде, которая, хотя и отреклась от своей причастности к Триединой Богине и признала себя дочерью Зевса, все еще сохраняет большинство черт, некогда ей присущих. Оскорблять ее опасней, чем любое другое божество, и Ясон с облегчением узнал, что Артемида благословляет поход — он опасался, что оскорбил своей грубостью жрицу Ифиас.

Но Мелеагр, влюбленный в Аталанту, был горько разочарован, что она явилась во имя Богини, и стала, таким образом, неприкосновенна: не так давно он хотел удалить свою юную жену Клеопатру, дочь Идаса и Марпессы, и жениться вместо нее на Аталанте, как только она оставит служение Артемиде. Она имела бы право так поступить, если бы совершила жертвоприношение в святилище Богини, но оракул предостерег ее, что замужество принесет ей несчастье, а кроме того, она не желал бросать вызов Идасу, отцу Клеопатры, наносить ущерб самой Клеопатре, с которой раньше вместе охотилась. Поэтому Аталанта отказалась пойти за кудрявого Мелеагра, который тогда поклялся, что все равно он не останется с Клеопатрой, а подастся в Иолк и там пойдет добровольцем в Колхиду, чтобы забыть

и ту и другую.

Теперь казалось, что Аталанта вовсе не хочет, чтобы Мелеагр ее забыл. Она села на скамью рядом с ним, а Линкей уступил ей свое весло. Ее соседи с ужасом заметили, что на поясе у нее три окровавленных скальпа.

Вскоре Акаст и Пелий спустились к дамбе и, смеясь, вскочили на борт. Они уселись вместе на носовой скамье и установили свои весла в весельных отверстиях, как раз когда Ясон и Линкей шестами отталкивали корабль от дамбы. Пока они гребли прочь от берега, Акаст рассказал своим товарищам, что случилось. Когда он добрался до Иолка, Пелий сказал ему, что его ни в чем не обвиняют и что повсюду расставлена стража, чтобы помешать ему вернуться в Пагасы. Акаст возмутился, не стал его слушать, пока не прибыл Пелей. Пелей, вступив в зал, объявил, что поссорился с Ясоном из-за того, кто станет командиром корабля в походе, и поклялся, что он и не подумает взойти на борт, если капитаном не будет Геркулес.

— Ты поступил мудро, — сказал ему Пелий, — очень мудро, ибо, если уж быть откровенным, я не надеюсь снова увидеть корабль, коли эти авантюристы отдали себя в распоряжение моего

самонадеянного племянничка.

Тогда Акаст, притворившись, будто образумился, сказал:

— Раз ты тоже вернулся, дорогой Пелей, мне все равно, поплыву я или останусь. А ну-ка давай закатим пир, а завтра рано поутру поднимемся на Пелион и поприветствуем Хирона и позовем его с собой на охоту.

Пелий не возражал. И вот на другое утро они встали чуть свет, поднялись немного в гору, а затем повернули к Метоне, ибо Пелей заранее сообщил Ясону о своем плане и надеялся застать там «Арго». Вскоре они столкнулись с Аталантой, которая только что убила двух кентавров и скальпировала их…

— Кентавры не признают Артемиду Олимпийскую, — объяснила Аталанта. — Они возненавидели ее с тех пор, как она перехватила коллегию нимф Рыб в Иолке и тем самым лишила их наслаждений. Трое из них подстерегали меня, когда я спускалась с гор со стороны Осы, и, несомненно, попытались бы учинить надо мной насилие, если бы я не пустила в них стрелы. Я начала стрелять немедленно и сама залегла в засаду, как только увидела, что они ко мне крадутся, я застрелила двух оставшихся. Чтобы избежать преследования

их духов, я их оскальпировала — конские гривы, которые носят кентавры, легко снимать — и тем самым сделала их бессильными против себя, ведь их сила заключена в волосах. Нет, не бойтесь, капли крови, которые падают со скальпов, принесут кораблю удачу, а не беду.

Рассказ Аталанты поверг Ясона в ужас. Что бы она ни говорила, а духи кентавров, его родичей, почти наверняка явятся к нему отомстить за себя! И все же он не мог рисковать и вступить в спор с Артемидой. Наконец он сказал:

— Поскольку ты не убила моего приемного отца, Хирона, я могу тебе простить. Но, если бы ты убила моего приемного отца Хирона, тебе бы несдобровать.

— А разве я забыл тебе сказать, — вмешался Геркулес, — что мой старый друг-кентавр мертв? Вчера умер. Он, Гилас и я так чудесно проводили время — пировали, рассказывали о том, о сем, а затем… Не могу точно вспомнить, с чего началось, но помню, что какой-то другой кентавр начал заводиться и корчить мне рожи. Я шлепнул одного из них, и наверняка немного перестарался, потому что он смолк на веки. Другие завелись и решили отомстить за покойного.

— Геркулес убил около шести кентавров, —

сказал Гилас. — И опять детские голоса у него в голове звучат. Тот человек пытался его удержать, чтобы он все племя не истребил, но нарвался на одну из его стрел. Геркулеса одолели угрызения совести, как вы себе и можете вообразить, и мне пришлось утешить его еще одним кувшином вина. Вот почему мы так опоздали на берег.

Он называл Хирона «этот человек», чтобы не призвать его дух.

— Кентавры — это чума, — сказал лапиф Корон. — Они напали на моего отца Кенея без всякого повода и забили его до смерти сосновыми бревнами. У меня всегда сердце начинает радостно биться, когда я слышу, что убит кентавр.

Тут Орфей поспешно заиграл умиротворяющую мелодию и запел:

Друзья, пусть каждый забудет
О прежних, темных делах,
Пускай ни печаль, ни страх
Не встанут на наших путях,

Надежда еще — будет.

— Спой еще раз строфу, фракиец, — сказал Геркулес. — Ты прав. Давайте забудем несчастных кентавров. Ты не держишь на меня зла, Ясон?

Ясон не отвечал, пока Геркулес не повторил свой вопрос угрожающе, и тогда тот сказал сорвавшимся голосом со слезами в глазах:

— Этот человек был благороднейшим из всех моих знакомых, и я бы очень дурно подумал о себе, если бы не пролил слез при этой новости, ибо я вижу, что даже из глаз отважного Пелея бегут слезы, а плечи его вздымаются от рыданий. И тем не менее уж лучше, чтобы мой дорогой приемный отец и мои друзья-кентавры пали от твоей руки, благороднейший Геркулес, чем от чьей-нибудь еще. Ибо я знаю, что по возвращении в Грецию ты задобришь духа этого человека самыми великолепными приношениями и что ты и других духов не забудешь. Он и сам немного виноват, — ему следовало удержаться и не пить: вино — проклятие кентавров, как он сам часто говорил.

Так Ясон смягчил нарастающий гнев Геркулеса.

— Друзья, — сказал Аргус, — я предлагаю, чтобы мы воспользовались послеполуденным временем и выплыли из Пагасейского залива, прежде чем Пелий вышлет в погоню галеру.

— Спой эту песню еще раз, Орфей, — повторил Геркулес. — Кстати, Лин, учитель музыки,

которому я когда-то вышиб мозги его же лирой, занудный педант, не был твоим братом?

— Забудь мрачных эпизодов, Геркулес, — с печалью сказал Орфей и вскоре снова ударил по струнам.

«Арго» задержался не только в Метоне. Ясон вынужден был сойти на берег в бухточке посреди залива, называвшейся с тех пор Афета (или «берег расставания») и там принести Светлой Артемиде в жертву козленка, которого купил у пастуха за несколько кусков фигового хлеба. Но жертвоприношение их надолго не задержало, а Мелеагр уговорил Аталанту возложить скальпы кентавров на тот же алтарь, и у всех полегчало на сердце.

Вот какова история Аталанты: аркадиец Иас, один из вождей того самого царя Ойнея Калидонского, который посадил первый виноградник в Этолии, хотел сына, и когда его любимая жена умерла, родив дочь, которую назвали Аталантой, он приказал своему управителю бросить девочку в горах, чтобы она искупила этим убийство своей матери. Однако никто не посмел бросить ребенка, ибо дух ребенка куда труднее отогнать, чем дух взрослого. Управитель передоверил эту задачу своему помощнику, его помощник — свинопасу,

а свинопас — жене. Жена свинопаса положила Аталанту на пороге горного святилища Артемиды Медведицы и сообщила свинопасу, что приказ Иаса выполнен. Говорят, будто настоящая медведица приходила каждый день с гор, чтобы кормиться медом в святилище, и позволяла Аталанте прикладываться к своим соскам. Аталанта была посвящена Богине и стала прославленной охотницей, когда она выросла, она бежала через лес или по пересеченной местности быстрее всех в Греции.

Вскоре огромный вепрь принялся опустошать поля и сады Калидона, в наказание, как считалось, за то, что царь оскорбил Артемиду, Госпожу Диких Зверей: Ойней не выделил Богине доли из жертвы, предложенной всем Олимпийцам, потому что ее лисы хозяйничали в его винограднике. Сперва никто не решался выйти против вепря, но наконец Мелеагр, царский сын, собрал отряд храбрых юношей со всех сторон Греции и пустился его преследовать. И все же Мелеагр избегал открытого нападения на вепря, не заручившись согласием Артемиды, и отправился к святилищу Медведицы с подобающим даром. Главная Жрица одобрила храбрость и благочестие Мелеагра, и не только благословила охоту, но и послала

Аталанту принять участие в ней. Это вызвало неудовольствие его товарищей, среди которых были Идас, Линкей, Кастор, Поллукс, Адмет, Анкей Большой и Пелей. Все они сперва отказались охотиться в обществе женщины, сказав, что это принесет им неудачу. Мелеагр ответил, что если они сейчас откажутся от охоты, Артемида, вне сомнений, накажет их столь же сурово, сколь наказал и его отца Ойнея. И они пошли охотиться в очень скверном настроении, договорились, что тот, кто убьет вепря, получит его шкуру.

Аталанта устыдила их, первой выследив вепря в чаще, где тот укрылся. Но они отнеслись к ее словам пренебрежительно — она велела им молча окружить чащу и лечь в засаде с луками и дротиками, пока она не поднимет вепря. А они вместо этого с шумом вломились в пролесок, громко вопя, чтобы испугать зверя. Вепрь налетел на них, убил двоих из них и еще двоих покалечил, включая и Анкея Большого. Аталанта взвалила Анкея на плечи и утащила его в безопасное место, пока вепрь терзал тела его товарищей. Она оставила Пелею сеть убить зверя дротиком, но хотя вепрь все еще был занят своим грязным делом, Пелей убил нечаянно своего тестя, а вепрь убежал невредимый.

Аталанта перевязала рану Анкея Большого и продолжила преследовать вепря, пока снова не обнаружила его укрытие. На это раз охотники подчинились ее указаниям и затаились в засаде. Она подкралась к вепрю сзади и всадила ему стрелу глубоко в ляжку. Зверь, хромая, выскочил с жутким визгом на поляну, и его встретил дождь стрел, пущенных лучниками, которых расставила вокруг Аталанта. Одна стрела поразила его в левый глаз, и он побежал медленными кругами с пеной у рта. Мелеагр дерзнул подойти к нему слева, с той стороны, что он не видел, и дротиком пронзил ему сердце.

Вепрь был сражен, и несколько человек, которые держались подальше, пока он был опасен, рванулись к нему и стали наносить удары. Как и следовало ожидать, разгорелся спор, кто убил вепря и, таким образом, выиграл шкуру. Мелеагр разрешил его, провозгласив, что хотя он сам нанес смертельный удар дротиком, он отказывается от своих претензий на шкуру и дарит ее Аталанте, ибо она первая так ранила вепря, что он в любом случае умер бы через несколько дней, а затем загнала его в засаду, которую расставила. Слуги Мелеагра освежевали вепря и преподнесли шкуру Аталанте. Она приняла ее с

благодарностью и не торопясь направилась в святилище Артемиды, когда дядья Мелеагра, один из которых утверждал, что это он пустил стрелу, ослепившую зверя, рассвирепев, пытались отнять шкуру и учинить над девушкой насилие. Мелеагр услыхал ее крик и побежал на выручку, умоляя Артемиду снять с него вину за убийство. Он убил обоих своих дядьев тем же дротиком, которым прикончил вепря. Так подтвердилось поверье, что женщина на охоте приносит беду — пятеро мужчин погибли в тот день, правда, не стоит забывать, что именно страх перед этим поверьем погубил их.

Иас, услыхав, что Аталанта выиграла шкуру, проникся гордостью и признал наконец Аталанту своей дочерью. Он сделал ее своей наследницей и преподнес святилищу Артемиды бронзовые двери и железный вертел. Но Аталанта не захотела вести домашний образ жизни, как подобает дочери вождя, и подчиняться отцу, она ходила охотиться, когда ей было угодно, особенно в полнолуние.

Вот список аргонавтов, отплывших из Пагасейского залива. Не все они закончили это плавание или добились звания аргонавтов, взойдя на борт «Арго», когда корабль прошел через Сталкиваю-

щиеся скалы и вступил в Черное море.

Авгий, сын Форбаса царь Элиса и жрец Солнца

Адмет, царь Фер, миний

Акаст, сын царя Пелия из Иолка, миний.

Анкей Большой из Тегеи, сын бога Посейдона

Анкей Маленький, лелегиец с Цветущего Самоса

Аргус Афинский, по рождению — феспий, строитель «Арго»

Аскалаф из Орхомена, сын бога Ареса, миний

Аталанта Калидонская

Бут Афинский, жрец богини Афины, самый прославленный пчеловод Греции

Геркулес Тиринфский

Гилас, дриоп, оруженосец Геркулеса

Зет, фракиец, брат Калаида

Идас, сын Афарея Аренского, миний

Идмон из Аргоса, сын бога Аполлона

Ифит из Фокиды, живописец и ваятель

Калаид, сын Северного Ветра из Фракийской Финии

Кастор Спартанец, сын Отца Зевса, борец и наездник

Корон, лапиф из Гиртона в Фессалии, миний

Линкей Зоркий, брат Идаса, миний

Меламп из Пилоса, сын бога Посейдона, миний

Мелеагр, сын царя Ойнея Калидонского

Мопс, лапиф, миний и птицегадатель

Навплий из Аргоса, сын Бога Посейдона, выдающейся мореплаватель

Орфей, фракийский певец

Пелей из Фтии, князь мирмидонцев

Периклимен из Песчаного Пилоса, миний, чародей, сын бога Посейдона

Поллукс Спартанец, выдающийся кулачный боец, брат Кастора

Тифий из беотийской Фисбы, миний, кормчий «Арго»

Фалер, лучник из царского дома в Афинах

Эвридам Долоп с озера Ксиниас в Фессалии, миний

Эвфем из Тенарона, фокийский пловец

Эргин Милетский, сын бога Посейдона, миний

Эхион с горы Киллена, сын бога Гермеса, вестник

Ясон, капитан «Арго», сын иолкского царя Эсона, миний

К ним впоследствии присоединился лапиф Полифем, миний из фессалийской Ларисы, три брата-миния, флегии из фессалийской Трикки по имени Дейлейон, Флогий и Автолик, четверо сыновей миния Фрикса, который принес Руно

в Колхиду, по имени — Фронт, Меланион, Китиссор и Аргей. Всего двадцать один миний мог причислить себя к аргонавтам, помимо тех, кто стал миниями, пройдя обряд усыновления. Что касается мариандина Даскила, который стал на время лоцманом «Арго» по пути туда, Теламона Эгинского, Канта, брата Полифема и других, которые, как и два последних, стали пассажирами на одном-двух переходах по пути обратного — они не участвовали в поисках Золотого Руна, и, таким образом, их нельзя считать аргонавтами, достойными доверия поэтами и вестниками. Но как раз тот факт, что недавно ученые стали добавлять их имена к списку, увеличило число участников похода до пятидесяти, и соответственно появилось утверждение будто «Арго» был пятидесятивесельным кораблем.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
Стоянка в Кастантее

«Арго» двигался на хорошей скорости — на веслах к югу, через узкое устье Пагасейского залива, а на исходе дня — на веслах и под парусом на северо-восток через глубокий пролив, который разделяет оконечность острова Эвбея от выгнутого подножия Магнезии. Как только парус был поднят и ветер надул его, аргонавты завопили от восторга. Старый Навплий вскричал:

— Из всех судов, какие когда-либо входили в соленые воды, Аргус — самое отменное!

— Оно скользит по воде с легкостью и изяществом юного лебедя, — подхватил Кастор.

— Нет, скорее, оно напоминает быстрого дельфина, летящего с волны на волну, — сказал Анкей Маленький.

А Идмон добавил:

— Увидеть, как оно взлетает на вздымающейся вал и развивает буйную пену, обрызгивая своих детей морской водой со стороны носа, словно зеленая ветвь лавра стряхивает воду очищения — это, друзья мои, зрелище, которое волнует душу!

И так каждый из аргонавтов по очереди хвалил «Арго» в образах, наиболее привычных для его рода и положения. Затем они снова взялись за весла, чтобы увеличить скорость, но все же с большим облегчением они подняли весла в Скифанском проливе между дальней оконечностью Магнезии и поросшим лесом каменистым островом Скиафос, самым западным из Спорал, и откинулись на скамьях, поглаживая свои натруженные ладони.

Ветер теперь устойчиво дул с кормы. Тифий хорошо знал это побережье и держал «Арго» в двух полетах стрелы от берега, опасаясь подводных камней. Позже, ближе к вечеру, он указал на темную скалу, что вздымалась впереди.

— Это мыс Сепиас, — сказал он. — Хороший ориентир для тех, кто плывет домой из Фракии, его легко распознать по красной скале за ним. Но мы должны его миновать, а заодно и мыс Ипни, прежде, чем сойти на берег нынче вечером. Пока держится ветер, давайте-ка во второй раз взглянем на Пелион через левое плечо.

Они двинулись дальше, и хотя сгущалась тьма, взошла молодая луна и ярко засияли звезды. Орфей запел гимн богине Артемиде, которой принадлежало несколько святилищ в окрестностях, дабы напомнить аргонавтам, приводя свежие

примеры, какой опасности подвергаются те, то забудет воздать ей должные почести. Между строфами гимна, который они слышали добрые пять миль, Идас, возвышая свой хриплый голос, восклицал:

Мелеагр, сын Ойнея,
О ты, Мелеагр, сын Ойнея,
Это — предостережение тебе, Мелеагр,
Держись подальше от губ Аталанты!

И остальные аргонавты подхватили с нахальным смехом:

Это — предостережение тебе, Мелеагр,
Держись подальше от губ Аталанты!

Мелеагр не обращал на это внимания, ибо Аталанта сидела с ним на одной скамье и ласково прижималась ногой к его ноге. В конце концов она взяла у Орфея лиру, и все убедились, что она — искусный музыкант, она исполнила на ту же мелодию песнь об опасностях, которые навлекают на себя девы-охотницы, забывающие обет целомудрия. Она поведала, как Каллисто, охотница из Аркадии, которая зачала дитя от самого Зевса, не смогла избежать ревнивого гнева Артемиды: Артемида приказала, чтобы ее осы-

пали стрелами, и хотя ни она стрела не вызвала смертельной раны, израненная была брошена умирать в лесу. В честь нее получило название созвездие Большой медведицы, как напоминание женщинам, что Артемида не знает жалости.

Пелион, с моря в лунном свете совсем не был похож на того Пелиона, с которым Ясон был знаком всю жизнь, — он казался плоскогорьем, так что Ясон вконец растерялся. Он спросил Геркулеса:

— Не должны ли мы в скором времени сойти на берег, благороднейший Геркулес? Видно, мы уже миновали Пелион.

— Почему ты меня спрашиваешь? Спроси Тифия, или Аргуса, или кого тебе угодно, — ответил Геркулес, — не изводи меня дурацкими вопросами, прямо как маленький ребенок.

Ясон смутился, все рассмеялись, но Тифий сказал:

— Буду рад, если мы сегодня вечером доберемся до Кастантеи, где есть надежная якорная стоянка и хорошая вода.

— Я знаю пастухов Кастантеи, — сказал Ясон. — За небольшую порцию вина мы купим у них баранины на два дня.

И вот они поплыли дальше в густой тени Пелиона и, избежав подводных скал, оставили позади

мыс Ипни, затем ветер ослаб, и они снова взялись за весла. Они добрались до Кастантее лишь на сером рассвете, усталые, как собаки, и во весь голос жаловались на то, что Ясон заставил их одолеть почти полпути до Колхиды за один переход. Они встали на якорь и сошли на берег, ноги их задубели, как весла.

Магнезийские пастухи приняли их за пиратов и, подхватив детишек, унеслись по тропе меж холмов. Ясон кричал им вслед, что бояться нечего, их и след простыл.

Аргонавты собрали сухие сучья и соорудили костер, пока Геркулес ходил искать баранину. Вскоре он вернулся с парочкой валухов, свисающих у него с плеч и жалобно блеющих.

— Я намерен пожертвовать моих бяшек Гестии, Богине Очага, — сказал он. — Здесь мне очень нравится. Когда-нибудь, когда я завершу мои Подвиги, я поселюсь тут с Гиласом и построю себе дом. Буду сидеть себе, слушая нежный ропот волн и глядя на огромную луну сквозь пушистые ветви опаленного молнией дерева, а если Эврисфей отправит ко мне Талфибия с посланием, я из него сковородой куски мяса вышибу. Священные змеи, я голоден! Быстро постройте мне алтарь, болваны, и дайте жертвенный нож из кремня!

Эвридам, долоп, попросил его не сооружать алтарь, а принести жертву на могиле своего предка Долопа, и Геркулес великодушно согласился. В душе он понимал, что никогда и нигде не осядет, как бы долго не прожил.

Вскоре баранов заклали, освежевали и разделали, и кровь их пролилась, дабы напоить жаждущий дух Долопа. Аргонавты сидели у двух больших костров, завернувшись в покрывала и плащи, и каждый поджаривал на огне себе кусок баранины, нарезанной большими ломтями и насажанной на острую палку. Геркулес притащил на берег кувшин вина, а Гилас пошел с бронзовым кувшином принести воды, «Арго» был надежно привязан перлинями к двум камням, парус опущен и убран, нос поставлен лицом против ветра. Меламп из Пилоса, двоюродный брат Ясона, самый задумчивый и молчаливый из аргонавтов, остался на борту в дозоре, его приятель чародей Периклимен принес ему туда щедрую долю мяса и питья.

У костра поменьше лапиф Корон бросил Адмету из Фер:

— Никоим образом не плохая баранина. Хотя пастбища здесь не так богаты, как в нашей Фессалии, овцы, полагаю, ходят лизать соленые

камни, это возбуждает аппетит и помогает им нарастить мясо.

— Я постоянно даю моим овцам соль, — сказал Адмет. — И, хотя они — мелкой породы, ими все же можно похвастаться, после того, как ты избавил их от клещей. Молодец Корон.

— Да чего там, — ответил Корон, — Афина усыновила Воронье братство первым, поэтому мы получили удивительную власть над этой священной и долгоживущей птицей. Вороны по нашей просьбе летят к любому стаду. Да, в самом деле, твои овцы должны быть в полном порядке в этом году.

Бут Афинский сказал с улыбкой:

— Мои густошерстые стада не так белы, как твои, Адмет, но ты не поверишь, у меня их в пятьсот раз больше, чем у тебя. Они так разумны, что мне не нужны ни пес, ни пастух, чтобы за ними смотреть, и мой стол обеспечен куда более вкусной пищей, чем твой.

Адмет вежливо ответил:

— Правда? Ферская баранина признана вкуснейшей в Фессалии, и я думал, что с ней ничто не соперничает даже в Аттике. Трава у нас аппетитная и сладкая, как ячменный хлеб, верно, Корон? А шерстка моих овечек, позволь мне похвастать-

ся, мягче любой, какую я только видел: потрогай это одеяло!

— А у меня овцы бурые и желтые, и много меньше твоих, — сказал Бут, теперь уже широко улыбаясь. — Они облаком выплывают из своих загонов каждое утро на пастбище в Гиметтосе, а к сумеркам возвращаются домой. Они презирают траву и соль, зато любят цветы. У них маленькие рога и волосатые брюшки.

Так он описывал шутя своих пчел, но Адмет не сразу разгадал загадку. Наконец Бут вытащил кувшин с гиметтским медом из-под плаща и предложил своим товарищам отведать его.

Они пришли в восторг, попробовав его, он прочел им лекцию о пчеловодстве и пообещал, что как только закончится плавание, каждый получит рой и не будет больше рыскать в поисках дикого меда в дуплах деревьев или расселинах скал.

— Поймите меня правильно, — сказал он. — Я не презираю дикий мед и не раз сам искал его в Гиметте. Встанешь, бывало, на краю цветущего луга, пока загруженная медом пчела не подастся домой, потом идешь позади нее и помечаешь дорогу полосками, ибо пчела, возвращаясь домой, летит совершенно прямо. Вскоре другая пчела

отправляется домой с другой стороны поляны. Я и ее дорогу помечаю, а близ точки пересечения встречаю пчел, летящих туда отовсюду. И вскоре отыскиваю там гнездо.

Бут был человеком дружелюбным, и в какой бы разговор он ни вступал, разговор всегда начинал рано или поздно вертеться вокруг пчел и меда. Казалось странным, что он — жрец Афины, а не Аполлона, покровителя пчелиных обществ. Он тщательно брил голову и одевался только в белое, потому что этот особенно благотворно влияло на пчел, а может он сам так считал.

У другого костра некий незримый злой дух возбудил несколько споров: о природе огня, о наиболее подходящем времени сеять сезам и о медведях — правда ли, что аркадские медведи свирепей тех, что обитают на горе Парнас в Аттике, а белые медведи Фракии еще свирепее. Услыхав гневные крики, которыми Фалер и Аргус отстаивали свирепость аттического медведя, споря с аркадцами — Эхмоном и Анкеем Большим — и резко выкрикиваемые доводы фракийцев Калаида и Зета, можно было их самих принять за медведей. Но Орфей заставил всех умолкнуть, сказав, что медведь от природы миролюбив, однако всех медведей можно разъярить: медве-

дицу, если ее медвежата попадут в опасность, самца медведя — вызвав ревновать, ту и другого — разбудив их во время зимней спячки лязгом оружия и собачьим лаем.

— Из всего зверья медведи больше прочих похожи на людей. Они борются за то, что им принадлежит, любят воображать себя молодыми, играя со своими медвежатами, пуще всего берегут сон, если только не грызут медовые соты. Что же, друзья, сильная усталость вызывает ссоры. Засните и не думайте об опасности, а я постою на часах, поскольку я не так тяжело потрудился, как вы.

Пелий вскоре узнал, что «Арго» останавливался в Метоне, но эти вести его не встревожили. Он решил, что Аргус поднял на борт инструменты, которые оставил там, когда рубил лес. Затем явился посланец с горы Пелион, сообщивший о смерти Хирона, и Пелий внезапно забеспокоился за своего сына Акаста, устрашась, что кентавры отмстили ему за убийство, учиненное Геркулесом. Он выслал поисковые партии, одна из которых принесла вести от метонского свинопаса о том, что Пелей и Акаст взошли на борт «Арго» и отплыли со всеми. Когда Пелий понял, что его провели, его охватил гнев, он чуть не до смерти

прибил посланцев и стал расхаживать взад-вперед по пиршественной зале, рыча, как дикий зверь. Схватил топор и выбежал из дворца. Он помчался по улице в лунном свете к дому Эсона, вслух повторяя на ходу: «Твой жестокий и нечестивый сын похитил у меня царевича Акаста, которого я любил больше всего на свете, обманув его обещаниями славы и сокровищ. Если что-то дурное случится с Акастом, брат Эсон, не надейся, что ты долго проживешь».

Была полночь, дом был заперт и закрыт на засовы, но Пелий проложил себе дорогу топором. Он нашел Эсона и Алкимеду во внутреннем дворике дома, где они при свете факелов без алтаря совершали жертвоприношение Богине-Деве Персефоне.

Пелий стоял, взирая на них в изумлении, ибо Эсон двигался проворно, словно юноша. Он как раз зарубил секирой и перерезал горло перепуганному черному быку, рога которого были связаны темно-синими лентами, а голова покрыта ветвями тиса. Кровь струилась на камень, над которым склонилась, делая плавные жесты и что-то бормоча, Алкимеда. Ни она, ни Эсон не услышали, как с шумом ворвался Пелий — они были слишком заняты трудным делом заклания

быка, который, несмотря на кольцо в носу, противился их попыткам потащить его к лотку.

Теперь Эсон торжественным тоном взывал к Персефоне, чтобы даровала духу его отца, Кретея, миния, позволения подняться из Преисподней и испить обильной крови, а затем сказать истинное пророчество, какова будет участь Ясона и его товарищей, плывущих в Колхиду. Пока Пелий смотрел, у плоского конца лотка стало сгущаться неясное облако, подобное туману, который иногда встает перед глазами у больного, оно постепенно уплотнилось и, порозовев, приняло форму склоненной головы Кретея, лакающего кровь и дрожащего от удовольствия.

Пелий стащил сандалию и запустил ею в призрака, чтобы помешать ему пророчествовать. Тот умчался, бледнея на ходу, и чары развеялись. Пелий снял шлем и вручил его Эсону, говоря:

— Погрузи его в лоток с глубокого края, изменник, зачерпни теплой крови и выпей!

Эсон спросил:

— А если я откажусь, брат?

— Если откажешься, — отвечал Пелий, — я изрублю тебя и твою жену в куски вот этим топором и рассею ваши кости на Пелионе, чтобы духи ваши никогда не нашли покоя, ибо вашей гроб-

ницей станут животы леопардов, волков и крыс.

— Почему ты даешь мне такой безбожный приказ? — спросил Эсон, дрожа так сильно, что едва удержался на ногах.

— Потому что ты обманывал меня двадцать лет, — отвечал Пелий. — Во-первых, прикидываясь тяжелобольным, чтобы я тебя не боялся, во-вторых, скрывая от меня, что уцелело твое отродье — Диомед, или Ясон, наконец — сговорившись с ним погубить моего бедного дурачка Акаста. Пей, пей, тебе говорят, или я расколю тебя на щепки, словно сухое сосновое бревно.

Эсон сказал:

— Я выпью крови. Но сперва разреши мне снова повторить заклинанья, которые вызвали моего благородного отца Кретея из царства мертвых, чтобы он смог благополучно вернуться к себе домой — в Преисподнюю.

Пелий согласился. Эсон тщательно повторил заклинания, хотя и нетвердым голосом, а затем, наклонившись, погрузил шлем в теплую бычью кровь. Выпил, давясь, и умер. Затем Алкимеда сама перерезала себе горло жертвенным ножом — и вот три тени: отец, сын и невестка — отправились в Поземный Мир, держась за руки. Но сперва Алкимеда обрызгала одеяние Пелия, когда хлынула

ее кровь, а в глазах ее было проклятие, которое не могло вырваться из ее хрипящей глотки.

Пелий устроил им достойные похороны, радуясь, что они умерли от своей руки, без его участия. Он сжег свое окровавленное одеяние и очистился в святилище Посейдона, где жрецы наложили на него очень легкую епитимью.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
К Лемносу мимо Атоса

Аргонавты провели целые сутки в Кастантее, развлекаясь охотой, рыбной ловлей, а также играми, но не уходили далеко от корабля на случай, если ветер вдруг переменится и позволит им продолжить плавание. Авгий из Элиса, любитель удобств, который натрудил руки и натер ягодицы во время гребли, твердил, что весь оставшийся путь за весла следует браться только в крайнем случае и что не нужно делать дневной переход длинным, а плыть, пока это приятно. Тифий и Аргус лишь покачали головами, а старый Навплий сказал:

— Колхида очень далека, царь Авгий, а мы должны вернуться до конца лета, если хотим избежать кораблекрушения у этого скалистого берега.

Пастухи не отважились вернуться. Когда наконец настало время поднять якорь, Ясон оставил для них на берегу картину, искусно нарисованную Ифитом из Фокиды, чтобы они все поняли. Картина, выполненная углем на гладкой скале,

изображала громадного Геркулеса с дубиной и львиной шкурой, уносящего двенадцать маленьких овечек — они съели не меньше двенадцати — и Ясона с конской гривой и пятнистым, как у леопарда телом, оставляющего в пастушеской пещере в погашение их долга прекрасное бронзовое копье и небольшой кувшин вина. На заднем плане виднелся «Арго» на якоре, аргонавты же были изображены в виде разных зверей и птиц, своих символов. Однако картину вернувшиеся пастухи не поняли. Копье и кувшин вина оставались в пещере нетронутыми год или больше.

Рано поутру на второй день повеяло быстрым ветерком с юго-запада, и Тифий посоветовал Ясону доплыть, воспользовавшись им, до Темпатской долины, посвященной Аполлону, где впадает в море река Пеней. Ясон согласился. Все снова взошли на борт, шестами оттолкнули корабль, подняли парус, и вскоре преспокойно продолжали путь. Волны резко ударяли в борта корабля и вызвали у нескольких человек отрыжку, а то и рвоту.

Берег был высоким и крутым. Вскоре над сушей показалась конусообразная вершина Оссы, и они миновали поселение Эвримены, жители которого схватились за оружие в страхе перед

врагом, но затем, поняв, что ошиблись, помахали на прощанье. После того, как «Арго» обогнул мыс Осса, берег принял негостеприимный вид, и Тифий поведал о кораблях, которые он видел, когда они потерпели крушение на этих скалах во время яростных северо-западных штормов. Но немного погодя горная цепь отодвинулась, между ней и морем образовалась узкая полоса земли, перед которой раскинулся песчаный пляж, и на душе у мореплавателей полегчало.

В полдень они добрались до устья Пенея, реки, которую Ясон знал только у истоков, это благороднейшая река в Греции и орошает своим обильными притоками всю плодородную Фессалию. Они собрались сойти на берег, поскольку Идмон, Ифит, Орфей, Мопс и другие настроились посетить святилище Аполлона в Темпе, чтобы принять участие в священном Празднике Мышей, когда ветер внезапно переменился и задул от берега. Тогда Аргус и Тифий стали убеждать Ясона, что надо воспользоваться этим ветром — даром его предка Эола и двигаться на восток к фракийским мысам. Ясон согласился. Позади них далеко на суше выставил на показ широкую и бледную поверхность голых скал огромный Олимп, покрытый, как обычно, снежной шапкой

и пересеченный по крутым склонам темными лесистыми ущельями.

— Я знаю, как боги и богини проводят там время, — торжественно сказал Идас.

— И как они его там проводят? — спросил Корон Гиртонский, простодушный лапиф.

— Играют в снежки! — вскричал Идас, гулко хохоча над своей шуткой. Товарищи его нахмурились, осуждая его легкомыслие. Величие Олимпа, возвышающегося в десяти милях, наполнило их души благоговением.

Они пообедали козьим сыром и ячменными лепешками, смоченными в вине, и стали коротать время, загадывая друг другу загадки. Адмет задал такую: «Я не жил, пока не умер во имя сестры слуги моего хозяина, теперь же я благочестиво отправился с моим хозяином на поиски моего прославленного предка». Загадку разгадала Аталанта. Ответ был: шапка Адмета, которую сшили из шкурок ягнят овец, пожертвованных им Артемиде. Ибо Артемида — сестра Аполлона, бывшего слуги Адмета, а теперь шапка пустилась вместе с Адметом на поиски Золотого Руна.

Мелеагр задал другую загадку: «Я никогда не остаюсь надолго среди своего народа. Силы у меня немерено. Я валю мужей, словно гнилые

деревья. Детство я провел среди чужестранцев. Я никогда не промахивался, стреляя из лука. Я в одиночку разгуливаю среди врагов, мне никто не перечит, ибо все меня боятся».

— Геркулес! — вскричали все в один голос.

— Нет, — сказал Мелеагр, — подумайте еще раз.

Когда они наконец сдались, он им сказал:

— Это Аталанта. Ибо она не знает силы своей красоты, которая валит мужей, словно гнилые деревья. Она провела детство среди жриц Артемиды на горе Аракинф, так и Геркулес жил среди чужаков в кадмейских Фивах, как и он, она редко появляется среди своих. Кто видел когда-либо, как ее лук дает промах? А теперь она дерзнула явиться в наше мужское общество, а ведь мужчины — прирожденные враги женщин, и никто ей не препятствует.

Стемнело, а корабль все еще плыл, продвигаясь вперед бесшумно, словно греза, и когда Тифий устал править, за руль взялся Анкей Маленький. Он следил, чтобы Полярная Звезда была над его левым плечом милю за милей, пока Тифий спал, уснули и все остальные аргонавты, кроме Орфея. Тогда Орфей спел песню для одного Анкея Маленького, столь пронизывающе-сладостную, что

Анкей не смог сдержать слез. И долго потом, по ночам, во время молчаливой вахты, когда ярко светили звезды, эти слова и мелодия звучали у него в голове:

Она о любви твердит в полусне
В объятиях темноты,
И шепчет, не размыкая век,
Земля шевелится во сне,
Готовя травы и цветы,
Хотя еще падает снег, —
Пусть падает зимний снег.

Анкей знал имя женщины, о которой это пелось, Эвридика, прекрасная жена Орфея, которая случайно наступила на змею и была ею ужалена. Тщетно пытался он спасти ее, извлекая нежные мелодии их своей гиперболической лиры, и, он, исполненный страданий, отряхнул пыль Греции со своих сандалий и направился в Египет. Но, вернувшись столь же внезапно, сколь и ушел, он жил с тех пор в добровольном изгнании среди диких киклопов, став их законодателем, судьей и любимым другом.

Орфей еще некоторое время наигрывая эту мелодию после того, как перестал петь. Анкей,

взглянув налево за борт, чтобы убедиться, что верно держит курс, увидел, как ему показалось, темные головы людей, плывущих рядом с кораблем. Посмотрев направо, он увидел еще несколько. Он испугался и прошептал:

— Эй, Орфей, нас преследуют духи!

Но Орфей велел ему не бояться: то были тюлени, привлеченные его музыкой.

Вскоре Анкей услышал, что Орфей глубоко вздыхает, и спросил его:

— Почему ты вздыхаешь, Орфей?

Орфей ответил:

— От усталости.

— Тогда поспи, — сказал Анкей, — а я и один отстою вахту. Поспи и отдохни как следует.

Орфей поблагодарил его, но сказал:

— Нет, дорогой лелегиец, мою усталость не исцелить сном, только вечный покой исцелит ее.

Анкей спросил:

— Поскольку хороший отдых означает сон, а вечный покой — смерть, так ты что, желаешь смерти, Орфей?

Орфей ответил:

— Нет, даже не смерти. Всех нас подхватило колесо, от которого нет освобождения, кроме как — милостью Матери. Нас выносит в жизнь,

на свет дня, а затем опять уносит в смерть, во тьму ночи, но затем алеет заря иного дня, и мы вновь приходим в мир и возрождаемся. И человек возрождается не в своем привычном облике, но в виде птицы, зверя, бабочки, летучей мыши или ползучего гада, в зависимости от того, какой приговор был над ним произнесен. Смерть — не освобождение от колеса, Анкей, если только не вмешается Мать. Я вздыхаю по вечному покою, который можно обрести наконец в ее благословенных владениях.

Разгорелась заря, и они увидели перед собой остров. Орфей узнал Паллену, в то время называвшуюся Флегра, ближайший и плодороднейший из трех полуостровов Пэонии, обрадовался, что они так строго придерживались курса. Орфей и Анкей Маленький разбудили Тифия, который снова занял свое место у руля, а Тифий — Ясона, чтобы подежурил с ним вместе. Затем, пока четверо завтракали ячменным хлебом, сыром и вином, солнце во всем своем великолепии поднялось из моря, позолотив кудрявые облака, которые бежали кораблю навстречу по синему небу. Ветер стал свежее. Они вели судно вдоль самого берега, не страшась отмелей или скал, и заметили несколько стад, коровьих и овечьих,

которые паслись без присмотра у самого моря.

— Не будем причаливать, — сказал Тифий, — дальше еще будет славное местечко. Пусть наши товарищи поспят. Кто спит, тот не голоден.

Они поплыли дальше, а солнце пригрело спящих, и у них не было желания просыпаться. Они проплыли вдоль края подножия Паллены, полюбовались горами и лесистым полуостровом Сифония, который завершается коническим холмом, именуемый Козий холм. Анкей Маленький и Орфей спали, но Ясон разбудил остальных, а сам стал любоваться третьим полуостровом — Актой — замаячившим на северо-востоке. Акта изрезана и пересечена ущельями, а у оконечности ее вздымается гора Атос — большой белый конус, окаймленный темным лесом. Здесь они решили высадиться, чтобы набрать воды и размяться, но долго задерживаться на берегу было нельзя, потому что умеющий угадывать погоду Корон, взглянув в небо, предсказал, что ветер долго не продержится.

Аргонавты все еще пребывали в праздничном настроении и не думали об испытаниях и опасностях, которые ждут их впереди. Ясон объявил о состязании, назначив призом кувшин вина: кто принесет ему самое крупное живое существо,

прежде чем тень палки, которую он воткнул в песок, пройдет от одной отметки до другой. Все разбрелись, и как раз перед тем, как тень коснулась отметки, Ясон подул в раковину, сзывая всех обратно. Многие сомневались, что за такое короткое время смогут найти что-то по-настоящему крупное, и поэтому с гордостью продемонстрировали: один — морскую птицу, которую вытащил из гнезда на скале, другой — мышь, на которую наступил, но не удил, третий — небольшого краба, пойманного на пляже. Аталанта прибежала с зайцем, его стали измерять и взвешивать, сравнивая с прекрасной рыбой, пойманной Мелампом, когда с холмов послышался мощный рык: и они увидели Геркулеса, спускающегося с горы, — в руках у него бился медвежонок.

Геркулес был недоволен, когда узнал, что состязания закончились. Ударив зверя о корабельный борт и вышибив из него мозги, силач показал свое неудовольствие, съев куски понежнее сырыми, никому не предложив доли, кроме Гиласа, а остатки туши швырнул в море, когда они отплывали.

Ветер дул до сумерек. Спустили парус, заработали весла, они долго гребли в тот вечер, пока не остановились поспать на несколько часов.

Но рассвете следующего дня они добрались до Лемноса — довольно унылого на вид и невысоко поднимающегося острова. Мирину, его главный город, легко было отыскать, так как они гребли с запада, Тифий направил судно к приметному белому святилищу Гефеста, расположенному на мысу. Мыс этот выдавался между двумя бухтами, Мирина располагалась, выходя на север и на юг, на узком перешейке, соединяющем мыс с сушей. Тифий выбрал южную бухту, где в ближайшей к городу излучине имеется широкий песчаный пляж, она защищена от бурь отмелями.

Они повели покачивающееся судно к городу, выдерживая хороший ритм, несмотря на лихие удары геркулесова весла, а Ясон отдал приказ сушить весла. Они подчинились, «Арго» продолжал мчаться вперед под действием уже заданного ритма, а они надевали шлемы, натягивали луки и брали в руки копья и дротики. Корабль держал курс на мелководье, мало-помалу теряя скоростью. Из белых домов высыпали вооруженные лемносцы, дабы помешать врагу высадиться.

Ясон сказал аргонавтам:

— Во имя всех богов и богинь, умоляю вас ничем не выказывать враждебности. Пусть нападут на нас первыми, если им вздумается. Эхион, Эхион,

надень платье вестника и венец, возьми в руку оливковый жезл и заверь этих лемносцев, что у нас мирные намерения.

Эхион облачился в свои великолепные регалии, подпоясал одеяние и, прыгнув в воду по колени, в брод зашагал к берегу, подняв оливковый жезл.

Внезапно Линкей вскричал:

— Клянусь лапами и хвостом рыси! Здесь одни женщины!

Тогда Геркулес прорычал:

— Хо-хо! Неужели амазонки пришли на Лемнос?

И все прочие принялись выкрикивать разные словечки, дивясь странному зрелищу.

Вот какова история лемносских женщин. Первоначально Триединая Богиня благоговейно почиталась лемносцами, у них были коллегии нимф, Майя, Главная Жрица, управляла всем островом из своего дома на холмах над Мириной — но институт брака отсутствовал. С появлением новой Олимпийской религии, порядок на острове был нарушен. Мужчинам взбрело в голову, что они должны стать отцами и мужьями и получить власть над нимфами, но Главная Жрица пригрозила им ужасным наказанием, если они не согласятся жить по-старому. Они прикинулись,

будто уступают, но немного погодя отплыли тайно все вместе на своих рыбачьих лодках и совершили вечером внезапную высадку на фракийский брег. То был день, когда, как они знали, юные девушки округи собираются вместе на островке близ берега, принося жертвы местному герою, и поблизости нет ни одного мужчины. Они застигли девушек врасплох, увезли их и сделали своими женами. Предприятие было столь ловко организовано, что фракийцы решили, будто их женщин пожрали морские чудовища, унесли гарпии или поглотили зыбучие пески.

Лемносские мужчины поселились в Мирине со своими женами и сказали лемносским женщинам, что те им больше не нужны, ибо их новые жены будут и хлеб сеять, и фиги прививать, и за мужьями присматривать как надо. Они с восторгом приняли новую Олимпийскую веру и, будучи ремесленниками, отдали себя под покровительство Бога-Кузнеца Гефеста — того самого Гефеста, который прежде считался местным героем, а не богом, но теперь был обожествлен, как сын Геры и Зевса. Его святилище, которое видел на мысу Тифий, было превращено в храм, ему приносились жертвы на высоком алтаре, который заменил прежний низкий очаг, а жрецы-мужчи-

ны заменили коллегию нимф.

Только один мужчина, военный вождь Фоант, брат Главной Жрицы, отказался примкнуть к отступникам — и Главная Жрица послала его предостеречь их от гнева Триединой Богини. Они забросали его грязью и отправили назад с посланием: «Лемносские женщины, у вас — дурной запах. Зато фракийские девушки благоухают как розы».

В Мирине должно было состояться большое празднество в честь Олимпийцев. Когда подошел день праздника, Главная Жрица выслала разведчиков, которые вернулись ближе к вечеру и сообщили, что мужчины уже валятся один за другим на рыночной площади мертвецки пьяные. Так и вышло, что женщины, доведя себя до безумия — они жевали листья плюща и плясали обнаженными в лунном свете — прибежали на рассвете в Мирину и перебили всех мужчин без исключения, а заодно и всех фракиянок. Что касается детей, то они пощадили девочек, но перерезали горло всем мальчикам, принеся их в жертву Богине-Деве Персефоне, чтобы те не мстили впоследствии. Все это было проделано в религиозном экстазе, и в святилище на мысу были восстановлены древние обряды.

Наутро женщины испугались того, что натворили, но не могли снова вернуть к жизни мертвых, их братьев, сыновей, возлюбленных. Они устроили мужчинам достойные похороны и, как могли, очистились от греха. Богиня изрекла оракул, взяв на себя все проклятие и приказав им возвеселиться и сплясать танец победы, что они и сделали. Затем все, ликуя, принялись за работу, обычно выполнявшуюся мужчинами, за исключением муравления горшков и ковки оружия и орудий, к чему они не знали, как подступиться, им удавалось наловить достаточно рыбы для себя, управляться с плугом и боронить. Они также упражнялись во владении копьем и мечом, опасаясь враждебной высадки фракийцев.

Дочь Главной Жрицы, нимфа Кукушка Гипсипила, провела весь этот заговор под руководством своей матери, ей удалось спрятать Фоанта во время резни, ибо то был брат ее матери, почитавшей к тому же Богиню. Впоследствии она пустила его в плавание в лодке без весел, не желая убивать его, но не посмела во всем сознаться, ведь женщины единодушно решили не щадить ни одного мужчины. Гипсипила была красивой и темноглазой, другие ее уважали. Несколько месяцев кряду перед приходом «Арго» ее тревожило будущее

острова, ибо у всех женщин появилось отвратительно-безумное желание видеть мужчин, обонять их запах. Но юношей-возлюбленных не было, и они начали поддаваться противоестественной страсти друг к дружке, но им очень хотелось рожать детей, подчас они впадали в истерики. От всего этого они стали беспокойными, а Гипсипилу тревожила судьба урожая, так как ячмень не был оплодотворен любовным сближением с лемносскими мужчинами, как то приписывал обычай. Она не могла получать дальнейшие указания от своей преосвященной матери, ибо та, разбитая параличом, лишилась дара речи: очень дурное предзнаменование. Однако Богиня дала Гипсипиле во сне совет хранить терпение, и тогда все будет хорошо.

Когда вдали показался «Арго», Гипсипила, естественно, пришла к выводу, что это — фракийский корабль, и прозвучала боевая тревога, но как только она увидела голову Овна — эмблему миниев, на душе у нее полегчало.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
Остров женщин

Гипсипила приняла Эхиона в помещении, которое у мужчин прежде было палатой Совета. Он сказал ей, что «Арго» совершает торговое плавание во Фракию, добавив, что миний Ясон, капитан судна, желает остановиться в Мирине, чтобы накормить экипаж и дать ему передохнуть. Гипсипила спросила, под чьим покровительством проходит плавание. Он ответил:

— Зевса, Посейдона, Аполлона, Афины, Артемиды.

Она ответила: «Хорошо», но довольно холодным тоном, он оказался достаточно проницателен, чтобы добавить:

— Более того, к нам благосклонна Триединая Богиня.

Он увидел, что при этих словах лицо ее просияло.

Эхион не задавал бестактных вопросов по поводу отсутствия мужчин на улицах и в палате Совета, Гипсипила заговорила с ним более дружелюбно, объявив, что все лемносские мужчины

отплыли во Фракию в военный поход, ее Совет должен сейчас решить, подобает ли в их отсутствие позволить мужчинам-иноплеменникам высадиться на остров. Она выразила надежду, что Ясон потерпит час или два, пока Совет не примет решения. А в знак дружбы она передает ему кувшин меду.

Эхион являл собою великолепное зрелище в своем платье вестника, он нес оливковый жезл с двумя побегами наверху, переплетенными вместе и перевязанными белой шерстью, как если бы то был скипетр. Когда он вышел из палаты в сопровождении изящной девушки, пошатывающейся под тяжестью огромного кувшина меду, многие женщины не удержались — протянули руки и ласково погладили его по плечам. Он улыбался, подтверждая, что их благосклонность ему приятна, что придало женщинам еще больше смелости, и так — пока Гипсипила не призвала их к порядку и не напомнила им, что личность вестника неприкосновенна и что над нею недопустимо насилие.

Эхион вернулся на корабль и обо всем рассказал, отпустив сухие замечания по поводу странной необузданности лемносских женщин, Бут попробовал меду. После недолгой паузы Бут

произнес:

— Недурной мед. Главным образом вереск, немного тимьяна, далее — розмарин, что ли? Да, розмарин, и чуть-чуть цикламена. Должен признать, что для простого островного меда это и впрямь очень хорошо. Аттический мед, конечно, изысканней, ибо гармония оставляющих придает его вкусу завершенность, все равно как мелодия, хорошо исполненная на семиструнной цитре, приятнее для уха, чем мелодия, столь же хорошо исполненная на лире, у которой три струны. Но если бы меня попросили оценить, что лучше: мелодия, хорошо исполненная на трех струнах или — дурно исполненная на семи, я бы ответил: «Три струны лучше». Лемносский мед — совершенство по сравнению с тем, который выставил перед нами Пелий в Иолке, хвастаясь, что это — чистый мед из цветов земляничного дерева. Земляничное дерево — вот уж и впрямь! Я не против привкуса дикого чеснока в вареной баранине с ячменем, но, клянусь Совой Афины, законы гостеприимства требуют держать чеснок подальше от кувшинов с медом. Однако неблагодарностью с моей стороны было бы порицать нашего царственного хозяина, да и неразумно это делать в присутствии его сына, его племянника

и зятя — людей высокородных. Пусть вся тяжесть моих обвинений падет на Главного Управителя. Вот что я хочу сказать: если все удовольствия Лемноса столь же просты, но великолепны, как этот мед, я с огромным нетерпением жду, когда нас пустят на остров.

Совет Гипсипилы разрывался в душе между решением, которое он принял — никогда больше не доверять мужчинам и не допускать их на остров — и с приливом любовной страсти, который вызвало появление Эхиона. Гипсипила обратилась к ним так:

— Дорогие сестры, тетушки, племянницы, кузины и ты, моя маленькая дочь Ифиноя, терпеливо выслушайте меня, а затем дайте мне совет. Эти минии, если только их вестник не лжет, а я думаю, вряд ли он отважился бы лгать, назвав такое множество богов, богинь и саму Великую Мать — имеют мирные намерения и рады будут получить в дар вино, мед, ячменный хлеб, сыр и нашу добрую лемносскую баранину. После того, как они сойдут на берег размять ноги, держась, по нашей просьбе, подальше от домов Мирины, они отплывут к Имбросу — это их следующая стоянка по пути во Фракию. Признаю, вид их корабля наводит на мысли скорее о войне, нежели о

торговле. Похоже, что во Фракии они собираются заняться чем-то вроде пиратства, но пусть это нас не волнует. Фракийцы нам далеко не союзники. В нашей власти держать миниев на расстоянии вытянутой руки, ибо мы многочисленнее и хорошо можем показать себя в битве.

Их вестник, кажется, принял за правду мой рассказ о том, что наши мужчины задержались во Фракии, так что они не станут на нас нападать, тем более если наши дары придутся им по вкусу. И все же было бы опасно предоставить им в нашем городе полную свободу, ибо кто-нибудь из нас наверняка выболтает правду о том, что случилось в ту кровавую ночь. Тогда хотя эти минии, может, и не станут порицать, рассказ о нашем ужасном деянии все же скоро разнесется по Греции. Его услышат фракийцы и немедленно поплывут сюда, чтобы отомстить нам за смерть своих дочерей.

После паузы заговорила Ифиноя:

— Матушка, после того, как я передала кувшин с медом мужчинам на корабле и ушла, я украдкой вернулась по оврагу и спряталась за скалой, чтобы послушать, о чем они говорят. Морской ветер доносил до меня каждое слово. Я услышала, как один человек, которого вы называли Анкей

Маленький, сказал: «И это в самом деле так? Тогда то, что рассказал мне Фоант — не вымысел, а правда, в конце концов». Кто-то спросил: «Что за Фоант и что он тебе рассказал?» Он ответил: «Фоант — старый лемносец, которого я подобрал во время моего плавания с Самоса в Иолк, он плыл в лодочке без весел, я высадил его на островке Сикиносе близ Наксоса. Он обезумел от жажды и голода и все твердил, что женщины Лемноса убили на его острове всех мужчин, кроме него, и пустили его в море в этой лодчонке. Рассказ его изобиловал всяческими подробностями, которые были, очевидно, неправдой — например, что у него в сундуке под сиденьем кормчего — немного ячменного хлеба и парочка молочных овец, так что мои товарищи и я сам ни одному его слову не поверили». Матушка, я не вижу причины удерживать этих красивых моряков подальше от нас, коли они уже знают самое худшее. И вот что я должна сказать: их высокий капитан, с светлыми, украшенными лентами волосами, на котором рубаха из пятнистой шкуры — самый красивый мужчина, какого я в жизни видела.

Воцарилось молчание. Затем поднялась дряхлая старуха, которая была некогда кормилицей Гипсипилы. Она сказала:

— Дорогие мои, я — старая женщина, давно неспособная рожать, слишком морщинистая, желтая и худая для любого мужчины. Поэтому все, что я сейчас говорю, говорится беспристрастно. Я уверена, что мы поступили правильно, убив наших мужчин с их женами: мы обязаны были отомстить за честь Богини. Совершив это, мы искупили заблуждение, в которое впали в последние годы. Ибо, когда моя мать была девочкой, наглость мужчин сдерживали тем, что, по достижении зрелости, каждому из них ломали правую ногу в честь хромого героя Гефеста, и они не могли состязаться с нами в бою или на охоте: они могли лишь ходить за плугом, плыть на лодке и стоять у наковальни. Но этот обычай мы нарушили, думаю из неуместной жалости, и отложили свои дротики в сторону. Уверена, мы правильно поступили, убив детей мужского пола; тем самым уберегли тех, кто их вскормил, не дав им пригреть змею на груди. Но запретить мужчинам ступать на этот остров, по-моему, глупо. Судите сами, мои дорогие, даже если вы способны защитить Лемнос от всех пришельцев, какую жизнь в старости вы себе этим предуготовляете? Когда мы, старухи, все вымрем, а вы, хорошенькие девочки, сядете на наши места у

очагов, как вы жить-то будете? Может, разумные быки сами запрягутся и вспашут поля по своему добровольному согласию? Или деловитые ослы возьмут серпы и станут жать? Или рыбы выскочат из воды прямо вам на сковороды? Мне лично и думать противно, что я умру и буду похоронена прежде, чем мои уши услышат крики и вопли здоровых маленьких мальчуганов, играющих во дворе в пиратов, пока что я слышу только унылый скулеж девчонок, которые щиплют и царапают друг дружку и шепчут друг дружке в уголке вздор.

Станьте опять женщинами, красавицы Лемноса, выберите себе возлюбленных из этих красавчиков-чужестранцев — доверьте себя им — ибо среди них есть и великие князья — и породите племя лемносцев, которое будет благородней прежнего.

Вздох облегчения и взрыв аплодисментов обозначили конец старухиной речи. Ифиноя, приплясывая от нетерпения, вскричала:

— Матушка, матушка, можно я сразу же пойду и приведу сюда этих хорошеньких морячков?

Гипсипила поставила вопрос перед Советом, который выразил свое одобрение, не подав ни единого голоса против. И хотя некоторые из

женщин и раньше подозревали, что Гипсипила потихоньку спровадила Фоанта с острова, они были в тот миг столь радостно возбуждены, что не посмели обвинить ее в этом преступлении. И вот Ифиною послали на берег. Она примчалась туда и крикнула:

— Дорогие моряки, добро пожаловать на берег, разомните ноги! Моя матушка, царица Гипсипила, обещает вам, что вы проведете здесь время счастливо, как у себя дома со своими женами, которых вам сейчас, увы, должно быть, не хватает.

Аргонавты радостно закричали и стали посылать ей воздушные поцелуи, Идас же хрипло рассмеялся и толкнул локтем под ребра своего соседа Аргуса со словами:

— Эй, Аргус, а как там твоя хромая нога? Не хочешь выйти на берег и размять ее?

Эта острота всех развеселила, и Ясон отдал приказ подвести корабль к берегу. Все склонились над веслами и вскоре услыхали, как шипит их длинный киль, врезаясь в песок. Они развернули весла, следя, чтобы не ударить один другого в нетерпении по голове, затем выкарабкались наружу и, навалившись на концы весел, наполовину вытащили «Арго» из воды. Геркулес выкатил за борт якорные камни.

Зоркие глаза Ифинои выискивали среди них хорошенького мальчика, чтобы взять его себе (ибо она уже достигла брачного возраста), и вот ее взгляд упал на Гиласа. Она многозначительно улыбнулась ему. Гилас покраснел и ответил застенчивой улыбкой.

— Веди нас, дорогое дитя! — крикнул Ясон. — Мы все до одного следуем за тобой. — Он распустил свою длинную гриву и взял в руку дротик, который дала ему Аталанта в Метоне в знак того, что будет верна ему как вождю; дротик был с железным наконечником, а рукоятку украшали три тонких золотых ленты. Затем он надел свой лучший плащ, цвета пурпура, плащ был расшит символами, рассказывающими историю утраты Руна, хотя, незнакомый с языком искусства не понял бы их значения. Спереди были видны Фрикс и Гелла, летящие по воздуху на спине золотого барана, Гелла при этом падала в объятия Тритонов и Нереид, в то время как Нефела, мать этих детей, в виде облака, хлопая плащом, создавала ветер, гнавший их вперед, а Триединая Богиня, представленная, как три прекрасные женщины, держатся за руки, попирала ногами распростертого Афаманта, их отца. Баран, казалось, что-то говорил Фриксу. Стервятник терзал печень муж-

чине, скорее всего Прометею, в руке он держал огненное колесо, а позади возвышалась заснеженная гора. На самом деле так обозначался Фрикс после прибытия в Колхиду. Под огненным колесом подразумевалось посвящение Руна святилищу Прометея, а стервятник указывал на то, что Фриксу не были устроены достойные похороны. Изображение Ясона, размахивающего копьем в пещере Хирона, который был представлен получеловеком-полуконем, наигрывающим на флейте, было столь же таинственное; Ясон казался пигмеем, на которого нападет чудовище с трубкой, пускающей отравленные стрелы.

Другие аргонавты начали принаряжаться и прихорашиваться, и после того, как они покончили с туалетом, они выглядели блестяще, Ясон спросил:

— Кто остается охранять корабль на случай нападения? Ты, Мелапм? Ты, Маленький Анкей?

Эти двое согласились остаться, хотя и были разочарованы, что не идут с остальными, но неожиданно Геркулес сказал:

— Ступайте оба! Мы с Гиласом остаемся здесь. Он еще недостаточно взрослый для развлечений того рода, что нам обещают. Если я оставлю его в обществе той горячей юной девицы; она совра-

тит его так же быстро, как солнце растапливает масло.

Глаза мальчика затуманились от обиды. Он взмолился:

— Геркулес, отпусти меня! Со мной ничего плохого не случится. Я ведь уже почти мужчина!

Аталанта, у которой было доброе сердце, сказала:

— Геркулес, отпусти его и сам иди. Я возьму на себя обязанности стража. Признаюсь, я собралась поточить лясы с этими прелестными лемносскими девушками, а заодно и поесть чего-нибудь вкусненького. Но я вполне могу и остаться: я не могу принять участия в любовных играх, которые, похоже, последуют за пиршеством, и буду только стоять на пути у других. Так что иди, Геркулес, убережешь Гиласа от беды, подав ему пример добродетели.

Тут вмешался Ясон:

— Одной женщины недостаточно, чтобы охранять «Арго».

Аталанта сдержала гнев:

— Мелеагр может остаться со мной, если пожелает, — сказала она.

Геркулес рассмеялся:

— Да ты влюблена в Мелеагра, и ревность не

позволяет тебе отпустить его к лемносским бабам. Хочешь сохранить его для себя?! Но я не оставлю тебя с ним наедине, а то еще накличу неудачу. Ты не можешь спокойно отпустить Мелеагра от себя, а я не могу спокойно оставить его с тобой, а не то как бы ты Артемиду не разгневала: докучая ему своими приставаниями. Нет, нет! Мы с Гиласом останемся, верно, мой дорогой мальчик?

Он заключил Гиласа в свои медвежьи объятия и стискивал его, пока тот не пропищал:

— Да, да, Геркулес! Отпусти меня! Я сделаю все, как ты говоришь. Только отпусти меня!

— Очень хорошо, — сказала Аталанта. — Пусть будет, как ты желаешь.

Мелеагр отстал от остальных и прошептал ей:

— Милая, давай поговорим с Геркулесом. Предложим ему позаботиться о Гиласе, пока он будет с остальными на пиру, который он ни за что не пропустит. Гиласа ничто так не порадует, как возможность освободиться на несколько часов от общества своего приемного отца. Если Гилас будет свидетелем нашего целомудренного поведения, Геркулес не сможет возражать против того, чтобы мы остались вместе.

Аталанта кивнула, и Мелеагр пошел к Геркулесу, но тот, услышав его слово, помахал пальцем у

него перед носом.

— Нет, нет! — вскричал он. — Я понял, что вы затеваете. Хочешь порезвиться с Аталантой под предлогом охраны корабля? Но стоит мне повернуться к вам спиной, вы бросите Гиласа в объятия Ифинои, а после заявите, что он все время был с вами. Нет, нет, я останусь здесь, понятно? Нет у меня особого желания идти в Мирину. Не такое уж удовольствие доставляет мне любовь, которой, как вы можете предположить, я занимался с огромным количеством женщин… Охо-хо! не везет мне. Женщины всегда хотят от меня сына, такого же высокого и сильного, как я. А я всегда хочу дочку, такую же тоненькую и хорошенькую, как она. И всякий раз проигрываю, а она выигрывает. Наверно, это все из-за Геры — подумайте только: двести или триста сыновей, и ни одной дочери! Священные Змеи! Вы слышали когда-нибудь о чем-нибудь подобном? Но я великодушен и решил отказаться от состязания… Так о чем мы говорили минуту назад?

Аталанта коротко ответила:

— Мы с Мелеагром предложили, что будем охранять «Арго» и присмотрим за Гиласом, пока ты — в Мирине. Ты отказался. Идем, Мелеагр!

Когда они вместе удалились, Геркулес сказал

Гирасу:

— Что за недобрый нрав у этой Аталанты! Но, полагаю, не хуже, чем у большинства женщин. Ну, а теперь, мой дорогой, ты избавлен от этой маленькой жадной лемносской девки, избавлен твоим дорогим и нежным Геркулесом. Я голоден. Как насчет того, чтобы поесть?

Гилас крикнул вслед Аталанте:

— Скажи Ифиное, пусть принесет моему приемному отцу поесть. Скажи ей, что ему нужны жареная овца и трехгаллонный кувшин вина.

Ифиноя провела Ясона и остальных аргонавтов через городские ворота. Женщины громко восхищенно приветствовали их. Маленький Анкей передал по всей колонне: «Глядеть вперед, не убирать рук с оружия!»

Они прошли в палату Совета, вооруженные девушки отворили им двери, украшенные бронзовыми головами львов, пригласили сесть на скамьи, сказали, что дальше, по коридору, есть прекрасная уборная с сиденьями в критянском стиле, куда подается вода из цистерны на крыше, у каждого сиденья висит на стене мешочек гусиных перьев.

Вскоре Ясона провели к Гипсипиле. Она сидела в великолепно обставленной комнате наверху

с выходящим на север окном. Там были личные апартаменты критского наместника до того, как Тесей разграбил Кносс (после чего последовал мятеж всех критских колоний, включая и Лемнос). На стенах были изображены Лев Реи, рвущий на куски ее нагих врагов, мальчики, разъезжающие на дельфиньих спинах, и две женщины, обменивающиеся цветами на рыночной площади Кносса.

Ясон почтительно приветствовал Гипсипилу.

— Прекрасная царица, я уже слышал вести о ваших несчастьях от старого Фианта, уроженца Лемноса, которого один из моих товарищей подобрал в лодке без весел недалеко от Наксоса. Он сообщил, что ваши мужчины давно изводили вас и вынудили вас убить большинство из них.

Гипсипила осторожно ответила:

— Меня радует, что благородный Фоант, брат моей матери, еще жив, хотя не могу постичь, как ему удалось доплыть до Наксийского моря. Он не в своем уме. Когда мы в последний раз встретились, он не вполне понимал, что происходит. Год назад, когда настало время выходить в море, наши мужчины вместо того, чтобы мирно, как обычно, ловить рыбу, начали совершать набеги на Фракийский берег, привозя нам оттуда в дар

коров и овец. Мы, женщины, не желали, чтобы нас вовлекли в войну с фракийцами, и моя мать, Главная Жрица, потребовала от них прекратить набеги. Они жаловались, что рыбы мало, а если ее и поймаешь, она не так вкусна, как говядина и баранина. Моя мать требовала покончить с набегами, если они только не желают, чтобы она отказала им в обычных любовных наслаждениях на празднествах в честь Богини. Ибо Богиня посоветовала ей дать в точности такой ответ. Они очень дерзко сообщили моей матери, что не ее дело, куда они плавают, и подались во Фракию с первым же попутным южным ветром. Там они повстречали фракийских девушек, отмечавших праздник новолуния без мужчин. Они похитили фракиянок и сделали их своими женами, вопреки обычаю острова, где жен до того ни у кого никогда не было, а нам, нимфам, велели отправляться к воронам.

Моя мать умоляла их образумиться и вернуть девушек их несчастным матерям — но они ответили, что мы, нимфы, дурно пахнем и что мы им больше не нужны. Хуже того, они выкинули древний черный образ Богини из храма, что в нескольких милях отсюда, и заменили его образом Бога Кузнеца, который сами создали. Мы

ничего не имеем против Бога Кузнеца, хотя и предпочитаем представлять его себе как героя, а не как божество, но почему ради него они изгнали Древнюю Богиню? И вот однажды ночью, когда они валялись на улице пьяные, Богиня вселила в нас отчаянную храбрость: ночью мы напали на город и разоружили их, требуя покинуть остров навсегда под угрозой смерти. Мы сразились и победили. Поняв, что они повержены, они согласились отплыть прочь со своими женами, но только при условии, что мы отдадим им всех мальчиков, а девочек оставим себе. Мы согласились, но не разрешили брать с собой оружие и бронь, поскольку опасались, что они вернутся ночью и нападут на нас. Это было примерно год назад, и с тех пор мы больше ничего о них не слышали. Однажды ночью Фоант отправился за ними на лодке, ему недоставало мужского общества, и мы не смогли уговорить его остаться. Позднее моей дочери Ифиное приснился вещий сон: она увидела, как наши мужчины высаживаются в устье фракийской реки; но разгневанные фракийцы налетели на них и изрубили в куски. Увы, мы некоторым образом повинны в их смерти, как и предполагает Фоант. Кто знает?..

Гипсипила глубоко вздохнула и начала пла-

кать. Ясон поцеловал ей руку, чтобы ее утешить, и она притянула его к себе. Он поцеловал ее в шею вместо руки, шепча, что жалеет ее. Рыдая, она мягко оттолкнула его:

— Не целуй меня из жалости, господин мой. До сих пор меня целовали скорее из любви, нежели из жалости. Ясон, позволь признаться тебе — я в глубочайшей тревоге за наш урожай ячменя. Семена были посеяны без обычных обрядов плодородия. И, хотя появились очень здоровые и зеленые побеги ячменя и проса, ибо мы сделали все, что смогли, пожертвовали Матери козлят и ягнят мужского пола, вознесли ей наши обычные молитвы — что если окажется, что выросла одна солома? Тогда нам грозит голод.

Ясон спросил:

— Слишком поздно спасать ваши просо и ячмень обрядами любви, которые у вас здесь приняты? Мне кажется, нет и, конечно, мои товарищи и я…

— Ты — великодушнейший и благороднейший человек! — вскричала Гипсипила. — Поцелуй меня в губы! А знаешь, я смотрела в окно, когда ты приближался, шагая по улице, во главе твоих блистательных людей, и спросила себя: «Кого он более всего напоминает?»

— И кого же я более всего напоминаю, дорогая? — спросил Ясон, сжимая ее мягкую руку.

Гипсипила ответила:

— Яркую звезду, за которой наблюдает девушка из верхнего окна, когда та поднимается из полуночного моря, девушка, которую на следующий день посвятят в тайны женственности и которой не спится от волнения.

— Я и в самом деле кажусь тебе таким? — спросил Ясон. — Позволь сказать тебе в ответ, что твои ясные черные глаза, как две заводи в полночь на морском берегу, в которых отражается все та же звезда.

— А я не дурно пахну? — спросила Гипсипила, и у нее задрожала губа. — Они говорили, что от наших тел воняет.

— Ты и фиалка, и роза, а дыхание твое сладостно, как у священной коровы Геры, — галантно вскричал Ясон. — В тот миг, когда я бросил на тебя взгляд, сердце мое начало золотой танец. Ты знаешь, как дрожит солнечный луч на беленом потолке верхней комнаты, брошенный сюда от огромного котла с очистительной водой во дворе, с водой, поверхность которой зыблет ветер? Именно так плясало мое сердце и пляшет теперь!

Ниша, близ которой они сидели, образовывала небольшое святилище Госпожи Мирины (так здесь звалась Богиня-Мать). Статуя Матери из покрытой глазурью глины — спокойная, задрапированная в синее, благосклонно улыбалась круглощекому младенцу Загрею у ее ног, тому, который должен был в страданиях умереть ради блага народа. А рядом с ней поднимался простой приземистый крест, вырубленный из белого мрамора, с двумя впадинами у основания, куда возлагались скромные приношения — фрукты и орехи. Гипсипила усеяла возвышение, на котором стояла Богиня, морским песком и раковинами, а в дорогих серебряных вазах по обе стороны креста стояли благоуханные цветы лилий, которые любит Богиня. Только небольшая пятнистая змейка, которую она держала в левой руке, и серебряная луна, качавшаяся у нее на груди, напоминали посетителям о темных сторонах ее натуры. На ней был венец из звезд.

Гипсипила спросила Ясона:

— Разве это — не прелестное святилище? Как ты думаешь, возможно ли, что наша Госпожа однажды будет изгнана с Лемноса? Злые мужчины могут пренебрегать ею или быть с нею непочтительными, но разве она не останется с

нами навсегда?

Ясон покачал головой:

— Отец стал очень могущественен, — сказал он, — а каковы его тайные намерения по отношению к той, что была некогда его матерью, а теперь — его жена, кто может сказать? Но давай не будем позволять теологическим вопросам тревожить наши сердца, которые уже достаточно уязвлены стрелами жестокого Бога Любви. Идем со мной, лучезарная Царица, обратно, в Палату Совета!

И все же перед тем, как уйти, он пошарил в своем мешке и отыскал там три лесных ореха и небольшой ломоть твердого козьего сыра и преподнес все это задрапированной в синее Богине, положив во впадины у основания алтарного креста.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
Прощание с Лемносом

Когда Ясон и Гипсипила вернулись в палату Совета и он правой рукой обнимал ее за плечи, а она его левой за талию, раздался взрыв аплодисментов. Гипсипила была такая высокая, темноволосая и очаровательная, Ясон — такой высокий, светлый и пригожий. Оба покраснели.

Вскоре каждый аргонавт оказался за столом в окружении женщин. Женщина по левую руку держала березовый поднос, на котором в изобилии громоздилась еда — рыба, жареная баранина с каперсами, вымоченными в кислом вине, жареная говядина под соусом асафетиды, дичь, медовые лепешки, тушеные сони (однако почитатели Аполлона вежливо отказались отведать их), спаржа, сушеные белые фиги, ячменный хлеб, вымоченный в оливковом масле, нежный овечий сыр, кратмум, вымоченный в морской воде, и сваренные вкрутую яйца морских птиц. Женщина по правую руку наполняла кубок вином и водой (смесь содержала почти столько же вина, сколько и воды), или молоком, или пивом

— всем, чего ни попросишь; иногда она все это смешивала вместе и добавляла меду.

Мелеагр был в затруднении. Самый молодой среди аргонавтов, он был, однако, одним из самых высоких и сильных среди них, с курчавыми черными волосами и правильными чертами лица, довольно меланхолическое выражение которого делало его особенно привлекательным для женщин. Несколько из них набросились на него, схватив его за колени и за руки. Он высвободился осторожно, но решительно.

— Летите в другое место, прелестные пчелки, — сказал он. — В этом цветке меду не осталось.

Они улыбнулись ему, поцеловали его и снова отступили, полагая в душе, что он куда менее наделен мужской силой, чем кажется. Аталанта укрепила их в этом:

— Мелеагр Калидонский — сын царя, — сказала она, — но ни разу еще он не был способен удовлетворить женщину. Его отец, царь Ойней, разгневал однажды некую ревнивую богиню. Если вам нужен возлюбленный, достойный вас, прекрасные девушки, спуститесь на берег, и там найдете свое счастье!

Они с Мелеагром сели рядышком, отдельно от остальных, и сами обслужили себя булькающими

похлебками во множестве закопченных горшков у огромного очага, или жареным мясом на множестве железных вертелов. Все общество почти не обращало на них внимания, и после того, как они наелись и напились, они вежливо простились с царицей Гипсипилой. Она рассеянно кивнула им, поглощенная рассказом Ясона о его плавании в Додону, и уверила его, что весь остров в их распоряжении. В уголках зала уже начались любовные игры, и Аталанта сочла постыдным для себя оставаться там.

Ифиноя, смешивавшая вино с водой в кувшинах, подаваемых ей женщинами, проскользнула за Мелеагром и Аталантой.

— О, царевич Мелеагр, — воскликнула она, — куда ты направляешься?

Он ответил:

— Мы с Аталантой отправляемся на охоту.

— Дорогие, — сказала она, — если ваша охота приведет вас на берег, умоляю вас, передайте послание тому темноглазому мальчику. Скажите ему, что я буду ждать его в полночь в пещере над пляжем близ зарослей ежевики и каперсов.

— Я ничего не сделаю с большим удовольствием, — сказал Мелеагр. — Вы послали еды и питья Геркулесу?

— Да, — ответила она, — пылкие женщины, которых ты отверг, взяли это дело в свои руки. Они несут ему целую жареную овцу, бычью ногу, тушеного гуся с ячменем — нет, двух гусей — и шесть галлонов вина. Я сдобрила вино размолотыми семенами мака. Если все это его не усыпит, он — куда большее чудо, чем можно судить по его угрожающей внешности.

Аталанта и Мелеагр вышли через городские ворота, уверенные, что темные леса, которые раскинулись позади на холмах, изобилуют дичью. Но сперва они спустились к «Арго», чтобы передать, если удастся, послание Ифинои. Издали они увидели огромную толпу женщин, жужжавших вокруг Геркулеса, словно осы вокруг упавшего кусочка медовых сот — не только тех, которых отверг Мелеагр, но и всех, которые оказались недостаточно удачливы, чтобы обзавестись возлюбленным — или хотя бы разделить его с другими — в зале.

— Увы, бедняга Геркулес, — улыбаясь сказала Аталанта. — Ему не удастся приласкать одну или двух девиц, не разгневав пятьдесят.

— Геркулес успешно совершал более тяжкие подвиги, чем даже этот, — ответил Мелеагр с кислой улыбкой. — Но интересно, а где же Гилас?

Ты его не видишь?

Аталанта описала широкий круг, чтобы избежать внимания Геркулеса, проплыв немного и прошагав вброд, приблизилась к «Арго», где, как она догадывалась, был заточен Гилас. Она заглянула за фальшборт — да, Гилас был там, безмолвно плачущий и неспособный пошевелиться: чтобы нарушить его планы в отношении Ифинои, Геркулес усадил его в огромный медный котел на корабле и завернул края у котла, как заворачивают края фигового листа, укладывая на него маленькую рыбку. Никто, только сам Геркулес своими ручищами или какой-нибудь кузнец тяжелыми и гулкими ударами большого молота, не мог теперь освободить его. Тем не менее Аталанта прошептала свое послание и вернулась тем же путем, что и пришла. Она все еще была в воде, хотя и далеко от корабля, когда что-то гулко ударило по ее кожаному шлему и сбило его. Она услыхала мощный рык Геркулеса:

— Хо-хо! Я, как всегда, попал!

Это он играючи запустил в нее большой берцовой костью овцы.

Два дня спустя Геркулес проснулся с жуткой головной болью и схватил дубину, которая оказалась под рукой. Он ошарашенно огляделся и

увидал остатки пиршества, несколько сломанных гребней, разорванные женские одежды и наспех сколоченный алтарь, заваленный обугленными плодами и зерном. А где же его дорогой Гилас? Он начал неистовствовать и выть, маковое семя и вино затуманили его память, детские голоса звучали в его голове особенно пронзительно и назойливо. Он собирался умчаться, чтобы поймать Ифиною и вышибить из нее мозги, когда услыхал, как с «Арго» к нему жалобно взывает Гилас:

— Геркулес, Геркулес! Выпусти меня, выпусти меня!

Геркулес рассмеялся от удовольствия, с треском прыгнул на корабль, побежал к Гиласу и разогнул котел, а затем крепко обнял мальчика, покрывая его лицо слюнявыми поцелуями, так огромный мастиф лижет лицо ребенку своего хозяина, пока тот не завопит от страха. Он сделал паузу, потом спросил:

— Дорогой Гилас, я долго спал?

— Две ночи и один день подряд, — еле слышно ответил Гилас, — а я все это время сидел здесь, скорчившись, неспособный тебя разбудить. Добрые женщины принесли мне поесть и попить и накрыли мне плечи вот этим одеялом; но это было слабым утешением. Почему, если ты и вправду

меня любишь, ты ко мне так недобр? Почему ты заточаешь и мучаешь твоего бедного Гиласа? Все остальные аргонавты, включая и тебя, наслаждались самым удивительным гостеприимством, которое когда-либо оказывали команде с тех пор, как изобретены корабли!

— Две ночи и день! И никто не приходил освободить тебя? — в негодовании вскричал Геркулес. — О, мерзавцы! Почему никто из них не вернулся, чтобы принять у нас вахту? Или эти проклятые бабы сыграли с ними ту же шутку, что и со своими собственными родичами? И пощадили только тебя и меня?

Но вскоре он увидел Идаса и Линкея, прогуливающихся по пляжу, под ручку с двумя женщинами каждый, головы их украшали цветочные венки, щеки пылали от вина.

— Когда вы, два бездельника, придете меня сменить?! — прокричал он. — Я несу вахту уже две ночи и один день!

— У нас нет приказа, — отвечал Идас, — кроме того, ты отверг предложение Аталанты, чтобы они с Мелеагром охраняли корабль. Но что ты теперь жалуешься? Мы заняты, разве не видишь? У нас дамы, за которыми мы ухаживаем.

— Если вы немедленно не придете сюда, — про-

рычал Геркулес, — и не примете у меня с Гиласом вахту, я вас всех подряд опрокину и втопчу в землю.

Они сочли благоразумным подчиниться, но привели с собой женщин. Тогда Геркулес, схватив Гиласа за плечо левой рукой, а окованную медью дубину — правой, в ярости понесся к Мирине. Он колотил дубиной в двери каждого дома и кричал:

— Аргонавты, выходите!

Двери были хлюпкими и не могли выдержать столь властные призывы. Либо обшивка и рама сыпались в прихожую, либо вся дверь целиком срывалась с петель и со стуком рушилась наземь. Женщины в доме испускали пронзительные крики тревоги и ярости, аргонавты же, удобно уединившись с ними, рассерженно протестовали. Геркулес продвигался вперед по главным улицам, сворачивая то вправо, то влево, методично нанося удары и вопя:

— Аргонавты, выходите!

Наконец он подошел к дому Гипсипилы, что стоял над обрывом, и проревел:

— Эй ты там, Ясон! Разве нам не пора отплывать за твоим Руном? Чего ты копаешься?!

В верхнем окне появилась взъерошенная голо-

ва Ясона, а рядом — голова Гипсипилы.

— А, понятно, — сказал Геркулес, — ты занят основанием царского дома Лемноса. Да увенчаются удачей твои усилия. Ты еще не закончил?

Гипсипила вскричала:

— Геркулес, как я рада тебя видеть! От моих женщин я слышала удивительные рассказы о твоей силе и нежности. Почему ты оставался на берегу? Разве «Арго» грозила опасность? Почему ты не допустил к моей Ифиное этого твоего хорошенького приемного сына? Бедная девочка все глаза выплакала от жалости к себе и к нему. Ну, умоляю тебя, позволь ему теперь подняться наверх и поиграть с ней остаток дня.

Разгневанный Геркулес не смог придумать подходящего ответа.

Гипсипила продолжала:

— Я почти что убедила Ясона остаться с нами навсегда и стать царем Лемноса. Все мы вполне можем взглянуть правде в глаза теперь, а не потом: утомленная старая Богиня-Мать не может состязаться на равных с новыми, полными сил Олимпийцами. Теперь всюду в моде цари, а Ясон — самый царственный мужчина, какой когда-либо попадался мне на глаза. Кроме того, Лемнос, как видишь, — замечательный остров с

влажнейшей почвой во всем Эгейском море. Наш ячмень превосходен, наше вино уступает только лесбосскому, наши пастбища на холмах отнюдь не заслуживают презрения. В лесах же — полным-полно дичи. Ясон пообещал мне задержаться хотя бы на месяц, и тем временем подумать…

— Я такого обещания не давал, прекрасная Гипсипила! — вскричал Ясон, вспыхнув. — Я сказал, что останусь только на день иди на два, а затем решу, оставаться ли еще на месяц.

— Он в меня влюблен, как видишь, — рассмеялась Гипсипила, — и я думаю, Геркулес, что тебе предстоит совершить еще один подвиг — собрать вместе экипаж за месяц или два. Мужчинам не захочется уходить, а женщины тебе будут ставить палки в колеса. Если понадобится — с оружием в руках. После столь долгого периода воздержания они погрузились в радости любви, как египетские крокодилы погружаются в жирную грязь Нила. Горка соскобленной с улицы грязи лежала у обочины. Геркулес нагнулся, зачерпнул пригоршню, слепил из нее пирожок и, внезапно размахнувшись, запустил его так, что он шлепнулся в лицо Гипсипиле.

— Вот в это погрузись, женщина, — резко сказал он. — А что касается тебя, господин мой Ясон,

ты должен немедленно спуститься — или я своей дубиной пробью в этом доме дыры, через которые ты сможешь провести четырех волов, запряженных в ряд.

Ясон спустился, что-то бурча себе под нос.

— А теперь, господин мой, — сказал суровый Геркулес, — советую тебе созвать экипаж и отвести на корабль. Ты не можешь себе позволить не воспользоваться этим западным бризом и спокойным морем.

— Дай нам хотя бы часок, чтобы попрощаться, — взмолился Ясон.

Геркулес посетовал:

— Сколько времени занимают у тебя эти вещи! Когда я был молод, примерно, как ты теперь, меня пригласили порезвиться с феспийскими нимфами в награду за убийство Киферонского зверя, я возлег за одну ночь со всеми пятьюдесятью и каждой сделал по ребенку. Но увы! Мне кажется, ты два дня и две ночи потратишь на бестолковое времяпрепровождение с одной и той же бабой. Как ты вообще надеешься захватить Золотое Руно? Можешь быть уверен — ты не захватишь его, забавляясь на ячменных полях Лемноса. Клянусь медью моей дубины, до сих пор никто не мог меня провести, и ты первым не будешь!

Обсыпая Ясона злыми насмешками, он потащил Ясона прочь от дверей Гипсипилы. Гипсипила, которая отмыла лицо губкой, выбежала полуодетая на улицу и закричала вслед Ясону:

— Благословенная Мать, верни ко мне мою любовь, невредимую, победоносную, и пусть все его дорогие друзья будут живы! Ты помнишь мое обещание: ты будешь царем, и столько твоих спутников, сколько пожелает их поселиться на Лемносе, получат столько земли и скота, сколько твоя мудрость пожелает им даровать. Помню твою бедную Гипсипилу, когда будешь далеко! Но, прежде чем уйдешь, скажи мне, что я должна делать, если стану матерью твоего ребенка?

Ясон ответил:

— Гипсипила, мы с тобой провели вместе два великолепных дня и две ночи — если бы они длились годы! Но Геркулес правильно сказал. Нас ждет тяжелая работа, и мы не можем здесь задерживаться. Не могу я обещать и вернуться навсегда на твой прекрасный Лемнос, ибо мое царство — Фтиотида, а ставить на две лошади — нельзя. Владычество над Лемносом должно остаться в твоих руках, хотя, если ты родишь сына и он доживет до зрелых лет, можешь сделать его царем; и все же помни, что он также ближайший после

меня наследник трона Фтиотиды, и в случае моей смерти должен выбирать, как я теперь, между двумя тронами. Пошли весть моим старым отцу и матери, когда разрешишься от бремени, ибо я уверен, что будет дитя — и если тебе когда-нибудь придется покинуть этот остров, они ради меня приютят вас, как родных. — И он расплакался.

Однако это печальное прощание не было последним, ибо Ясон не смог убедить других аргонавтов угрозами и обещаниями выбраться из их новых домов. Да и Геркулес больше был не в состоянии ему помогать: заперев Гиласа в каморке без окон близ огромной кухни палаты Совета и опершись спиной о дверь, он удовлетворенно прислушивался, как булькает у него в глотке лесбосское вино из громадного кувшина, который он там нашел. Когда Гипсипила явилась в палату ближе к вечеру и увидала его там, моргающего, как сова, она снисходительно принесла ему хлеба и холодного жареного гуся, чтобы ему легче было управляться с вином. Он, пьяненький, схватил ее за одежду и выразил свое искреннее соболезнование по поводу ее союза с Ясоном.

— Он — никчемная дрянь, Гипсипила! — сказал Геркулес. — И если ты когда-нибудь попадешь в беду, пальцем не шевельнет, чтобы тебе по-

мочь. Но Геркулес Тиринфский — это мужчина совершенно другого рода. Если когда-нибудь какое-нибудь несчастье одолеет тебя, будь то в нынешнем году, или в следующем, или двенадцать лет спустя, помни, что Геркулес — твой друг, пошли за ним, чтобы он утешил тебя или отомстил за тебя!

Она любезно поблагодарила его, храня непроницаемый вид, но, вернувшись к себе в спальню, принялась там громко смеяться вместе с Ясоном.

Так еще один день прошел приятно для каждого, кроме Гиласа и Ифинои. То был день обрядов на ячменном поле, и их провели очень весело.

Вечером Мелеагр и Аталанта вернулись в Мирину с Орфеем, который, как и они, не принимал участия в вакханалии. Они нашли его на лесной поляне, где, как он сказал, он учил ласок танцевать под свою лиру. Ни Аталанта, ни Мелеагр их танца не видели, ибо подошли как раз тогда, когда музыка прекратилась и множество маленьких зверьков промчалось мимо них, удирая в подлесок. Орфей играл столь чарующе, что никто не удивился бы, если бы деревья, камни и скалы тоже заплясали.

И никто иной как Орфей со своей лирой привел аргонавтов на корабль вопреки их воле, рано

поутру на четвертый день. Их сопровождала громадная толпа женщин, а когда корабль уже отошел от берега на несколько футов, все они попытались вскарабкаться через борт, решив встретить опасности рядом со своими возлюбленными. Но Геркулес, после того, как поднял якорные камни, взял на себя задачу побросать в воду всех женщин, которым удалось взойти на корабль — двадцать или тридцать, которые дрались, словно рыси.

Ифиноя ускользнула от его внимания, укрывшись в сложенном парусе, они тогда шли только на веслах, притаилась там, пока «Арго» не отошел далеко и вопли с берега не зазвучали менее пронзительно. Тут она случайно чихнула, что было добрым предзнаменованием для всех, кроме нее. Геркулес поднял весло и, не мешкая, схватил девушку. Она отправилась за борт, словно рыба, которую выбрасывает из сети рыбак из-за того, что попалась не той формы или цвета. Плывя к берегу, она крикнула Гиласу:

— Гилас, милый, помни меня!

Геркулес схватил якорный камень и вскинул на ладони, готовясь в нее швырнуть, но Гилас завопил ему в самое ухо, и он бросил камень — так девушка избежала смерти. Ласковый рокот лиры

нес корабль вперед в ритмическом движении, я за кормой вздымался белопенный хвост.

Здесь можно поведать о том, что случилось с женщинами Лемноса в результате посещения кораблем «Арго» их гостеприимного острова. Пятьдесят женщин родили дочерей, и не меньше, чем сто пятьдесят, — сыновей. Из этих сыновей шестьдесят девять отличались крепким сложением, цепким взглядом и переменчивым нравом, что выдавало в них сыновей Геркулеса; пятнадцать мальчишек зачал Большой Анкей, который также породил трех дочерей; двенадцать сыновей и пятеро дочерей были от Идаса! и так далее в порядке убывания — до Маленького Анкея, который зачал одну дочь.

Ясон зачал с Гипсипилой двух сыновей по имени Эвней и Неброфон, Эвней, старший из них, стал, в конце концов, править Лемносом, женился на Лалаге, дочери Маленького Анкея, и прославился своими ухоженными виноградниками. Однако «Арго» так и не причалил больше к берегам Мирины, и Ясон забыл Гипсипилу, как забывал других женщин; но Гилас, будучи впечатлительным юношей, Ифиною не забыл.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ
Орфей поет о творении

Повеял южный бриз. Ясон пожелал проплыть вдоль южного берега Лемноса, а затем направиться на восток к Геллеспонту, но Тифий отказался рисковать вести «Арго» на каменистые склоны мыса Ирена — ибо хотя и можно вести парусное судно под углом к ветру, он боялся рифов близ подветренного берега, кроме того, большая часть команды была с похмелья и не могла грести. Вместо этого он предложил следующую стоянку сделать на Самофракии.

Ясон слышал прежде название «Самофраки», но не знал, город это или остров. Аргус сказал ему.

— Это остров, величиной меньше, чем половина Лемноса, лежащий примерно в пяти часах пути на северо-востоке. Жители его, как и лемносцы, пеласги по происхождению.

— Давайте их посетим, — сказал Ясон.

Они ожидали, что доберутся до Самофракии после полудня; но бриз ослаб задолго до того, как Лемнос пропал из виду. Высоко над горизонтом на юго-западе все еще виднелась гора Скопия,

когда им пришлось взяться за весла. Солнце нещадно палило, и они не могли вкладывать в удары всю свою силу. К вечеру они даже не увидели Самофракию, был мертвый штиль, а они устали грести. Поднялся морской туман и закрыл горизонт, создав преграду даже острому взору Линкея.

Аргонавты поужинали в молчании. Большинство из них думало о женщинах, оставленных на берегу и с укором называло себя дураками за то, что отказалось остаться хотя бы еще на несколько дней на этом райском острове. Идас, который всегда первым нарушал молчание, воскликнул:

— К рыбам эту убогую жратву! Никто, кроме Орфея, не виноват, что мы гнем спины на этих твердых скамьях в густом тумане вместо того, чтобы раскинуться на коврах из крашеных овечьих шкур перед пламенем, трещащим в очаге, где кипят черные булькающие горшочки. Орфей заманил нас на борт своей музыкой. Мы были счастливы, как цари, на Лемносе. Почему он опять завлек нас на эти невозможные и неблагодарные поиски?

Кастор урезонил Идаса:

— Считай, тебе повезло, что Орфей так поступил, Идас. Ты никогда ни в чем не проявлял

умеренности, сколько я знаю тебя. Еще несколько дней на Лемносе — и ты стал бы трупом, пресытившись вином, пищей и женщинами. Что касается меня, я больше всего на свете желаю снова попасть под неодолимое очарование этой дивной лиры, слушая которую я испытываю куда более сильное блаженство, чем от кубка ароматного лемносского вина, филея нежной лемносской говядины или от пухлого белого тела здоровой, одержимой страстью лемносской девицы.

Линкей, близнец Идаса, ненавидел Кастора и Поллукса, дед которых, ахеец Ойбал, насильственно женился на Горгофоне, минийке и их бабушке и тем самым лишил их большей части их мессенского наследия. Горгофона была первой в Греции вдовой, вышедшая замуж вторично, чем навлекла позор на их отца Афарея. Линкей фыркнул:

— Да, Кастор, ты прав. Но это — слова пресыщенного. Твой аппетит никогда не был ни велик, ни здоров. Сознайся, ты говорил бы совсем в ином тоне пару дней назад.

Поллукс принял вызов, сказав Линкею:

— Мой брат зато не стал таким зверем, как твой.

Все заговорили: кто выражал недовольство этой ссорой между братьями, кто пытался ее усугубить. И Геркулес прогремел:

— Если бы я командовал на этом корабле, я бы начал плавание сегодня утром с того, что влил бы в глотку всем и каждому из вас по шлему морской воды, чтобы промыть желудки. Но командует Ясон, а не я.

Затем Идмон, птицегадатель, сказал, повысив голос:

— Прочистить бы надо не желудок, а душу. Я от всей души желаю, чтобы следующей нашей остановкой стал Делос, священный остров Аполлона, а не пеласгийская Самофракия; с нами хватило бы работы аполлоновым жрецам.

— Да, — согласился фокиец Ифит, — было бы и впрямь недурно, если бы мы могли высадиться на Делос, и там сплясать хороводный танец, именуемый Журавль. Мы бы все плелись к центру и прочь, к центру и прочь, час за часом, пока монотонная музыка не очистила бы от любых желаний, кроме одного — все танцевать и танцевать к центру и прочь, к центру и прочь, пока мы не попадали бы без чувств.

— Ничего себе развлечение! — с презрением заметил Большой Анкей. — Прыгни-ка в воду,

Ифит, и покажи нам. Аполлон тебя, несомненно, поддержит; Аполлон может почти все, — это заставило некоторых смеяться, но других рассердило, а еще больше их рассердило, когда Идас сказал:

— Идмон — аргивская лягушка, поэтому на ногах у него перепонки, он носит котурны, чтобы их спрятать, но танцевать лучше умеет в воде, чем на суше, если уж он их сбросит.

— Делос — такой священный остров, — сказал Идмон, перекрывая своим пронзительным голосом общий гам, точно серп режет высокую траву, — что там никому нельзя ни рождаться, ни умирать. Все, кому предстоит родить или умереть, переправляются для этого на близлежащий островок Ортигию.

— Теперь мне понятно, — сказал Гилас, — почему Геркулес никогда не брал меня на Делос. Он столь щедро сеет рождение и смерть везде, куда бы ни пошел, что Делос перестал бы быть Делосом.

Ко всеобщему облегчению, Геркулес доброжелательно принял эту остроту и повторил ее, грубо хохоча, как если бы она была его собственной.

Аскалаф из Орхомена говорил редко, но когда бы ни заговорил, все прислушивались к нему,

ибо голос его звучал скрипуче, словно открывалась дверь с ржавыми петлями, через которую редко ходят. Теперь он встал на скамью и поднял руку, говоря:

— Орфей, фракиец Орфей, спой нам о Творении всего сущего. Мы — как дети в познании рядом с тобой, даже мудрейший из нас. Очисти наши души, Орфей, песней о Творении.

Последовало молчание, а за ним — медленный гул одобрения. Орфей настроил лиру, поставил ее между коленями и запел негромко, но чисто, перебирая струны.

Он пел, как Земля, Небо и Море были некогда одним и тем же, пока не прозвучала ниоткуда неодолимая музыка — и тогда они разделились, но все же остались единой вселенной. Эта таинственная музыка провозгласила рождение души Эвриномы, ибо таково было первоначальное имя Великой Триединой Богини, символ которой — Луна. Она была всеобщей богиней, и была одна. Да, одна, и вскоре почувствовала себя одинокой, стоя между ненаселенной землей, пустыми водами и мерно вращающимися созвездиями Небес. Она потерла свои холодные ладони, и, когда снова открыла их, выскользнул из них змей Офион, которого из любопытства допустила она

до любви с собой. От ужасных содроганий этого любовного сближения потекли реки, поднялись горы, наполнились водой озера; оно пробудило все виды ползучих гадов, и рыб, и зверей родиться и населить землю. Немедленно устыдившись содеянного, Эвринома убила змея и отправила его дух в преисподнюю; но, дабы поступить справедливо, изгнала и свою тень с лицом цвета тутовых ягод, чтобы та жила в преисподней с духом змея. Змею она дала новое имя: «Смерть», а свою тень нарекла Гекатой. Из рассеянных зубов мертвого змея явилось в мир племя Посеянных людей, которые были пастухами овец, коров и коней, но не возделывали земли и не вели войн. Пищей им были молоко, мед, орехи и плоды — и ничего не знали они о металлах. Так завершилась первая Эра, которая была Веком Камня.

Эвринома жила по-прежнему на Земле, в небе и в Море. Ее земной ипостасью была Рея с дыханием, пахнущим цветами дрока и янтарными глазами. Отправилась она однажды посетить Крит. Расстояние от Неба до Земли велико, такое же, что и расстояние, отделяющее Землю от Подземного мира, — расстояние, которое бронзовая наковальня пролетит за девять дней и девять ночей. На Крите, созданном из солнечного света

и пара, опять почувствовав себя одинокой, Рея сотворила Бога-Мужчину по имени Кронос, чтобы тот стал ее возлюбленным. Чтобы утолить свою жажду материнства, она рожала каждый год Солнечное Дитя в Диктейской пещере, но Кронос ревновал к Солнечным детям и убивал их одного за другим. Рея скрыла свое неудовольствие. Однажды она, улыбаясь, сказала Кроносу: «Дай мне, дорогой, все пальцы с твоей левой руки. Одной руки достаточно для такого ленивого бога, как ты. Я сделаю из них пять маленьких божков, чтобы повиновались твоим приказам, а ты тем временем будешь лежать со мной на цветущем берегу. Они будут оберегать твои ноги от ненужной усталости». Он согласился и отдал ей пальцы левой руки, и она сотворила из них пять маленьких божков, называемых Дактили или Боги-Пальцы, и увенчала их венками из мирта. Они немало забавляли его своими играми и танцами. Но Рея тайно приказала дактилям спрятать от Кроноса следующее Солнечное Дитя, которое она родит. Они послушались ее и обманули Кроноса, положив имеющий форму секиры гром-камень в мешок и прикинувшись, будто это — дитя Реи, которое они, как обычно, бросили за него в море. Отсюда и возникла пословица, что правая рука

не ведает, что творит левая. Рея не могла сама кормить ребенка, которого назвала Загреем, не возбудив подозрений Кроноса; и поэтому Дактили привели тучную свинью, чтобы стала ему кормилицей — Загрей не любил впоследствии, чтобы ему напоминали об этом обстоятельстве. Позднее, поскольку им трудно было заглушать его младенческий плач громкими звуками барабанов и флейт, когда он вопил, они отняли его от груди свиньи и снесли с горы Дикты. Они поручили его заботам пастухов, которые жили далеко к западу, на горе Ида, где пищей ему были овечий сыр и мед. Так вторая Эра, Золотой Век, подошла к концу.

Рея торопила новый Век, поощряя земледелие и научив своего слугу, критянина Прометея, добывать огонь с помощью огненного колеса. Она долго смеялась про себя, когда Загрей оскопил и убил своего отца Кроноса золотым серпом, который выковал Прометей, и еще больше смеялась, когда он попытался принять облик заморенного грязного кукушонка и взмолился, чтобы она снова вернула его к жизни, пригрев на груди. Она притворилась обманутой, а когда он вновь обрел свой истинный облик, позволила ему собой насладиться. «Да, мой меленький бог, — сказала

она, — можешь быть моим любящим слугой, если желаешь». Но Загрей нагло ответил: «Нет, Рея, я стану твоим господином и буду указывать тебе, что делать. Я хитрее тебя, ибо обманул тебя, обернувшись кукушонком. И я также разумней, чем ты. Усилием разума я только, что изобрел Время. Теперь, когда Время началось с моим Пришествием, у нас будут даты, история и генеалогия вместо вневременного повторяющегося мифа. А измеряемое Время с подробной цепью причин и следствий будет основанием для Логики». Рея была изумлена и не знала, распылить его на атомы одним ударом сандалии или откинуться назад и завопить в радости. В конце концов она ни того, ни другого не сделала. Она сказала не более, чем: «О, Загрей, Загрей, мое маленькое Солнечное Дитя, какие странные намерения испил ты из сосков твоей кормилицы, Диктейской Свиньи!» Он ответил: «Мое имя — Зевс, а не Загрей, я — Дитя Грома, а не Солнца, и выкормила меня коза Амальтея с Иды, а не Диктейская Свинья». — «Это — тройная ложь», — улыбаясь, сказала Рея. «Знаю, — отвечал он. — Но я теперь достаточно велик и силен, чтобы лгать трояко или даже — семикратно, не боясь противоречия. Если нрав мой раздражителен, так это потому, что невежественные пастухи

с Иды давали мне слишком много медовых сот. Ты должна остерегаться стоять у меня на пути. Мать, предупреждаю тебя, ибо отныне и впредь я, а не ты — Единый Властитель Всего Сущего». Рея вздохнула и ответила, счастливая: «Дорогой Загрей, или Зевс, или как еще тебе угодно называться, ты и в самом деле догадался, как я устала от порядка и аккуратности этой Вселенной и от неблагодарного труда за нею надзирать? Правь ею, Дитя, правь пожалуйста. Позволь мне лечь ненадолго и спокойно поразмыслить. Да, я буду твоей женой, дочерью и рабыней. И какой бы раздор или беспорядок ты ни внес в мою прекрасную Вселенную любым усилием разума, как ты это называешь, я тебя прощу, потому что ты еще очень молод, и невозможно ожидать, что ты будешь понимать вещи так же хорошо, как я. Но, умоляю, будь осторожен с Тремя Эриниями, которые родились из трех капель крови, упавших из отсеченных гениталий твоего отца; почитай их высоко, или они однажды за него отомстят. Пусть будет у нас счет Времени, даты, генеалогия, история; хотя я предвижу, что они причинят тебе куда больше тревог и удовольствия, чем они того стоят. И, пожалуйста, используй Логику как костыль для своего увечного разума и как оправдание тво-

им нелепым ошибкам. Однако я должна сперва поставить условие: будет два острова, один — в Западном море, и один — в Восточном, которые я сохраню для моего древнего почитания. Там ни ты сам, ни какое другое божество, каким ты можешь стать не будут иметь власти, только я сама и Смерть, мой змей, когда я пошлю за ним. Западный остров будет островом невинности, Восточный же — островом просветления; ни на одном не будет вестись счет Времени, но каждый день будет там как тысяча лет и наоборот».

Тогда она немедленно подняла западный остров из вод, подобный саду, в одном дне пути от Испании; и она также окутала облаком отсеченный член Кроноса, и Дактили благополучно доставили его на восточный остров, который уже существовал, где этот предмет стал их спутником, веселым рыбьеглавым богом Приапом.

Тогда Зевс сказал: «Я принимаю твое условие, жена, если ты согласишься, чтобы другая твоя ипостась, Амфитрита, уступила море моему призрачному брату Посейдону». Рея отвечала: «Я согласна, муж, если только оставлю за собой воды на протяжении пяти миль вокруг двух моих островов; ты можешь также править в небе вместо Эвриномы, владея всеми звездами и пла-

нетами, да и самим Солнцем; но Луну я оставляю за собой». И вот они ударили по рукам, заключив сделку и, чтобы показать свою власть, Зевс нанес ей гулкий удар по уху и сплясал грозный боевой танец, ударяя своей секирой из гром-камня по золотому щиту, так что гром зловеще прокатился по своду Небес. Рея улыбнулась. Она не отказалась по договору от своей власти над тремя самыми важными вещами: ветром, смертью и жребием. Вот почему она улыбалась.

Вскоре Зевс нахмурился и велел ей прекратить улыбаться и пойти изжарить ему быка, ибо он голоден. То был первый приказ, который когда-либо получала Рея, и она стояла в нерешительности, ибо сама мысль о жареном мясе вызвала у нее отвращение. Зевс снова ударил ее и прокричал: «Быстрее, жена, быстрее! Как ты считаешь, для чего я сотворил огонь, если не для того, чтобы ты им воспользовалась, когда надо жарить или варить мне вкусную еду?»

Рея пожала плечами и сделала как ей было велено, но он не смог сперва заставить ее разделить с ним угощение.

Затем Зевс, чтобы показать свою власть, смел большую часть рода людского потопом и вылепил из глины нового мужчину по имени Девкалион и

новую женщину по имени Пирра и вдохнул в них жизнь. С их рождением завершился второй Век, и начался третий, Бронзовый. В Бронзовом веке Зевс породил многочисленных сыновей от Реи, которую переименовал в Геру, но не позволил ей долго держать их при себе. Как только они становились достаточно взрослыми, чтобы позаботиться о себе самим, он посылал своих жрецов с вымазанными мелом лицами, Наставников, выкрадывать их у нее по ночам; эти Наставники прикрепляли мальчикам фальшивые бороды и надевали на них мужскую одежду, посвящали в мужские умения и обычаи и объявляли сыновьями смертных женщин. Каждый раз Наставники сперва притворялись, будто сожгли мальчиков в пепел зевсовым Перуном, чтобы Гера не попыталась вернуть их. Гера улыбалась, слушая барабаны и бычьи рога, с помощью которых они изображали гром, ибо это был неумелый обман, да и не хотела она возвращения сыновей, во всяком случае, пока что. Вскоре должен наступить Железный Век, который начинается Ныне…

Аргонавты с удивлением слушали эту историю, и когда Орфей умолк, все хором вздохнули — шумно, словно прошуршал тростник. Идас спросил негромко, голосом, таким не похожим

на его обычный грубый и неучтивый голос:

— Орфей, скажи нам, где расположен этот восточный остров?

Орфей ответил:

— Фракийцы называют его островом Янтаря, троянцы — Дарданией; но вы, греки, зовете его Самофракией. Святилище Богини расположено под крутой горой на северном берегу, берегу, к которому опасно причаливать даже в спокойную погоду. А теперь спите, братья. Завернитесь в свои одеяла, рано утром «Арго» коснется берега у ног Богини.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ
Великие самофракийские мистерии

На заре поднялся западный ветер и унес туман; сперва Линкей, а затем и остальные рассмотрели горы далеко на востоке. Аргус сказал:

— Это — вершины Самофракии; Тифий, ты сбился с курса.

Они повернули корабль, натянули парус и через два часа уже скользили по голубым водам вдоль скалистого северного берега острова. Жрец Дактилей по имени Фиот вышел, чтобы встретить их на берегу, одетый в церемониальное облачение. Он сказал им:

— Чужеземцы, добро пожаловать на наш остров, но только, если вы примете законы, которые хранят его святость. Я хотел бы вам сообщить (если фракиец Орфей, которого я вижу среди вас, вам этого уже не сказал), что на Самофракии не почитаются Олимпийские боги. Не признаем мы и никаких других богов, но только Великую Триединую Богиню, Верховную, Всемогущую и Неизменную — и шестерых божков, которые служат ей и которые образовались из останков

старого Кроноса — а именно — пять Богов-Пальцев, Ее ремесленников и посланцев, и фаллического бога Приапа, Ее возлюбленного. Все вместе божества эти известны как Кабиры. Когда нога ваша ступает на Самофракию, вы возвращаетесь к истокам Истории. Здесь Зевс все еще Загрей — младенец, ежегодно рождающийся и ежегодно умерщвляемый. Церемониальные одежды и символы, которые некоторые из вас носят в честь Аполлона, Ареса, Посейдона или Гермеса, — для нас значения не имеют. Снимите их с себя, и пусть они останутся на корабле, сойдите на берег в одних штанах. Благословенные Дактили снабдят вас рубашками, когда настанет время, чтобы одеть вас, пока вы у нас гостите. Завтра все вы будете посвящены в Великие Мистерии Богини.

Аргонавты согласились выполнить все указания Фиота — все, кроме Аталанты, которая сказала:

— Я — женщина, а не мужчина. Каковы твои намерения в отношении меня, Фиот?

Фиот ответил:

— Ты носишь одежду и символы Девы Охотницы, но затянувшееся девство у зрелой женщины ненавистно Богине. Завтра ночью луна будет полная. Что же, иди, и пусть нимфы Совы посвятят

тебя в свои святые таинства. Здесь, на Самофракии, нет браков, но только нимфейство.

Аталанта ответила:

— Я посвящена Артемиде Олимпийской, и поступить, как ты предлагаешь, означало бы — накликать на корабль проклятие, ибо она ревнивая богиня.

Фиот ответил:

— Артемида Олимпийская еще не родилась. Отложи свой лук и стрелы, охотница, распусти волосы, научись быть женщиной, как тебе положено.

Мелеагр поддержал жреца:

— Аталанта, делай, как говорит Фиот.

Она спросила его:

— Мелеагр, и тогда я должна остаться на этом острове на всю жизнь без тебя? Ибо, хотя то, что я делаю здесь, может и не рассердит Артемиду, что случится, когда мы возобновим наше плавание? Допустим, в моей утробе возникнет плод, и по возвращении в Калидон я произведу на свет дитя? Что тогда? Или это не рассердит Артемиду? Может ли дева-охотница кормить грудью ребенка и оправдываться, что он был зачат, когда Артемиды еще не было?

Мелеагр ответил:

— Несомненно, Артемида рассердится, как рассердилась на Каллисто, когда та родила дитя от Зевса. А что если из любви к тебе я соглашусь остаться здесь, на Самофракии? Разве здесь для нас будет достаточно земли? Разве мы не сможем жить здесь вместе до старости, счастливые любовью друг к другу?

Аталанта ответила:

— На Самофракии нет браков, а только нимфейство, и ни одна женщина не привязана ни к одному мужчине. Как тебя, так и меня могут призвать в общество, где все сочетаются друг с другом в честь Богини, и тогда жгучая ревность сожрет тебя, да и меня тоже. Нет, дражайший из мужчин, Самофракия для нас двоих не более доброе место, чем Лемнос.

Она осталась на корабле, погрузившись в задумчивость, а Мелеагр остался, чтобы ее утешить. Все остальные, кроме Гиласа, удалились в сопровождении Фиота, даже Геркулес, ибо Мелеагр поручился ему головой беречь Гиласа от несчастий, если Геркулес его оставит.

Фиот и его жрецы развлекали аргонавтов на крыльце святилища Дактилей гротескными танцами и шутовством; но не предложили им пищи и не позволили совершить кровавых жерт-

вопринощений какому бы то ни было божеству. Когда Большой Анкей нетерпеливо спросил, не голодают ли на острове, Фиот ответил, что здесь всего в изобилии, но нынешняя ночь — ночь поста, подготавливающая к деяниям следующего дня. Говоря так, он дал испить каждому из них крепкого и горького снадобья, от которого они катались всю ночь, хватаясь за животы и рыгая, — все, кроме Геркулеса, у которого в брюхе и не кольнуло.

На заре начались Великие Мистерии. Первая часть предназначалась для богомольцев-мужчин. Незаконно открывать полную формулу девятисложного ритуала, который совершался в еловой роще, но о многом можно сказать, не нарушив приличий. Не секрет, что явилась сама Богиня Рея, вступив в тело Жрицы Реи. На ней была оборчатая в виде колокола юбка критского образца из полотна, цвета морского пурпура, и больше никакой одежды, не считая жакета с короткими рукавами, который не застегивался впереди и открывал во всем великолепии ее полные груди. На голове у нее был высокий колпак, увенчанный диском Луны и украшенный янтарем, а на шее — ожерелье из пятидесяти фаллосов, вырезанных из желтой слоновой кости.

Глаза ее сверкали безумием, и явилась она аргонавтам, восседающей на троне, сооруженном из рогов, сброшенных критскими быками. Служителями ее были представители Дактилей, пятерых богов-Пальцев, и бога Приапа, ее возлюбленного. Вооруженная стража не давала приблизиться детям, женщинам и чужестранцам. Все новообращенные под страхом смерти хранили абсолютное молчание и были полностью обнажены; однако Орфей, так как он уже был посвящен, занял место среди музыкантов Богини, облаченный в белое одеяние, на котором была вышита изломанная золотая молния.

Сперва совершился обряд творения. Зазвучала музыка, и Богиня своими собственными руками нагромоздила круглый холм земли, налила воды в ров вокруг него и станцевала на нем; то был медленный ритмичный танец, имитирующий монотонное круговое движение созвездий, и она исполняла его с удивительной точностью. После томительного часа — или более — Богиня хлопнула в ладоши, приказывая музыкантам изменить мелодию, и вскоре снова затанцевала с огромным священным змеем, обвившимся вокруг нее. Она плясала все неистовей и неистовей, пока музыканты не вспотели и не застонали,

пытаясь попадать в такт ее телодвижениям, а у аргонавтов глаза вылезли на лоб от ужаса. Наконец раздалось три громких повелительных удара в медный гонг, и все закрыли глаза, а змей между тем шипел и визжал. Богиня разразилась жутким смехом — и словно холодная рука Смерти схватила их сердца, а волосы встали дыбом у них на загривках, словно шерсть рассвирепевшего волка. Когда нежная флейта снова позволила им открыть глаза, змей исчез, и вскоре под торжественную музыку начался обряд Владычества. Дактили принесли Богине живого голубя — символ Неба; она важно шествовала и плясала, но вскоре свернула ему шею. Они принесли ей живого краба — символ Моря; она важно шествовала и плясала, и вдруг оторвала ему клешни. Они принесли ей живого зайца, символ Земли; она важно шествовала и плясала, а потом разорвала его в клочья.

Рея отдала свое первое распоряжение. Но мы не вправе его повторять.

Далее начался обряд любви. Рея взяла немного желудей и медовой воды и с нежностью предложила угощение своему возлюбленному с лицом рыбы — Приапу. Она танцевала с ним, сперва — надменно, но затем — все более и более пылко

и бесстыдно. Затем, как и прежде, прозвучало три предупреждающих удара гонга, и все закрыли глаза, а в ушах у них тем временем звенел жуткий крик, как если бы совокуплялись гиены или орлы.

Когда снова зазвучала нежная флейта, Приап исчез, и богомольцы стали следить за обрядом Рождения. Рея стонала и вопила, а из-под ее юбки выкарабкался маленький черный теленок и с недоумением огляделся. Рея надела на него цветочный венок. Аргонавты сразу же узнали в нем младенца Загрея и попадали бы ниц в знак преклонения, но боги Дактили жестами велели им стоять.

Далее начался обряд Жертвоприношения. Нагие Дактили встали позади Реи, у каждого — по куску гипса в руках. Они терли эти куски один о другой и пудрили ими себе лица и тела, пока не стали белы, как снег. Затем они набросились сзади на теленка. Один схватил его за голову, а четверо остальных — за ноги, и, пока вокруг гремела музыка, они разодрали бога-младенца в клочья и окропили его кровью аргонавтов, чтобы ввергнуть их в безумие. Те устремились вперед и стали рвать в клочья изуродованную тушу, жадно поедая мясо вместе со шкурой и всем

остальным. Так, отведав плоти бога, они стали подобны богам.

Рея отдала второе распоряжение, но мы не вправе его повторять.

Дальше начался обряд Омовения. Дактили дали аргонавтам по губке и очистительную воду в деревянных чашах; трижды они тщательно омывались до тех пор, пока и пятнышка крови не осталось ни на одном из них.

Затем начался обряд возрождения и памяти. Об этом нельзя рассказывать, но как безумно ревели воды в бесконечном туннеле!

Потом начался обряд Венчания. Возрожденные аргонавты были увенчаны гирляндами плюща, помазаны маслом и облачены в рубахи из пурпурного полотна. Рея наградила каждого поцелуем в губы и научила молитве, с которой надо обращаться к ней в случае опасности кораблекрушения; ибо змеехвостые ветры остаются в ведении Богини, а Зевс над ними власти не имеет.

О последнем обряде закон говорить запрещает, его нельзя даже называть.

Рея отдала третье и последнее распоряжение, и когда оно прозвучало, аргонавтов провели в пещеру позади ее трона, и там они мгновенно

уснули.

Они спали до полуночи, когда почти закончилась последняя часть Великих Мистерий, предназначенная для женщин. Они были разбужены посланцем бога Приапа, который приказал им раздеться и повел их в рощу для посвящения, чтобы принять участие в финале. Большая полная луна сияла над ними, бросая на них тени деревьев. Нимфы Совы обошлись с ними безжалостно, выскакивая на них из нор в земле или из дуплистых деревьев, терзая их зубами и ногтями и получая от них наслаждение с исступленным безумием. Когда снова забрезжила заря, аргонавтам казалось, что они мертвы. Даже мощный голос Геркулеса превратился в шепот, исходящий из распухших и кровоточащих губ, и он с трудом выволок свою тушу из зарослей иглицы, в которые закатился. Но Дактили, исполненные сознания своего долга, прибежали, чтобы смазать их гадючьим жиром, собранным в листья дикой фиги, и дали им выпить жгучего сердечного средства. Орфей своими чарами снова навел на них сон в пещере, куда они пришли.

В полдень они проснулись отдохнувшими после того, что показалось им сном длиной в десять тысяч лет. Они надели свои штаны и, почтитель-

но простившись с Фиотом, в молчании вернулись на «Арго». Но сперва преподнесли святилищу Дактилей пять бронзовых чаш для питья с серебряными ободками, которые там выставлены до сего дня. А Фиот наделил Ясона прощальным даром — волшебным средством против молнии, мазью, хитро составленной из волос, лука и сардиньих печенок. Но Ясон потерял ее до окончания плавания. Пока они шли, Орфей пел им песнь Кипариса и Орешника. В песне он дал им указания, как себя вести, когда они умрут, чтобы стать героями-прорицателями, а не влачить в подземном мире год за годом жизнь невежественных и дрожащих теней. Вот эта песня:

Когда сойдет потерянный твой дух
От света к тьме, все должен ты припомнить,
Что выстрадал ты здесь, в Самофракии,
Что выстрадал ты здесь…

Пройдешь ты через адские семь рек,
Чьи серные пары иссушат горло, —
И тут увидишь стройный Судный Зал,
Построенный из оникса и яшмы.

А слева черный зажурчит ручей
Под белым шелестящим кипарисом,
Ты избегай его: ведь он — Забвенье.
Пусть всякий сброд там пьет, а ты не пей,
Ты избегай его.

А справа в тайном плещутся пруду,
Звеня, форель и золотая рыбка,
Над ним растет орешник, Офиан,
Первичный Змей, колышется на ветках,
Язык его трепещет; и питаем
Тот пруд живой водой; а рядом — стражи.
Беги к тому пруду: то наша Память,
Беги к тому пруду.

Но спросят стражи, разглядев тебя:
«Кто ты такой? И что ты жаждешь вспомнить?
Неужто не боишься Офиона?
Иди к тому ручью под кипарисом,
А от пруда уйди!»

Ответь же им: «Я жаждой истомлен,
Напиться дайте. Я — дитя Земли
И Неба. Родом из Самофракии.
Янтарь сияет на челе моем,
Мое происхождение заметно,
Я чист. Я родич ваш: ведь я дитя
Тройной царицы из Самофракии.
Очищен я от прошлых дел кровавых,
Я ею в пурпур моря погружен
И к молоку припал я, как ребенок.
Напиться дайте: жажда истомила.
Напиться дайте!»

Но спросят стражи: «Что же твои ноги?»
Ответишь: «Привели меня сюда
Из долгого круговорота лет
К молчанью и к покою — к Персефоне.
Напиться дайте!»

Тогда плоды протянут и цветы
И поведут к орешнику густому,
Крича: «О, брат наш по бессмертной крови,

Пей — и Самофракии славу помни!»
И станешь пить.

И будешь пить громадными глотками…
Над призраками все вы господами
Окажетесь в угрюмой преисподней,
Героями на боевых конях,
Оракулами мудрыми в гробницах,
Что нимфы стерегут. Водой медовой
Окатят вам змеиные тела,
Чтоб пить могли вы.

Аталанте, Мелеагру и Гиласу аргонавты показались подобными богам, а не людям; слабый нимб светился над головой каждого. Но когда они взобрались по лесенке на корабль и оделись в прежнюю одежду, все померкло — перед ними хотя и переменившиеся.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ
Через Геллеспонт

В направлении Фракии появились белые кучевые облака — верный признак того, что вот-вот повеет северо-западный ветер, который нужен «Арго». Они быстро отгребли в море на милю или больше, здесь ветер их и настиг. С большим трудом они отвели «Арго» подальше от окаймленной скалами Самофракии, а волны разбивались о левый фальшборт и орошали экипаж брызгами. Когда опасность миновала, они подняли парус и пошли под ветром, а киль под ними то упирался, нырял, взбрыкивая, как испуганный мул. В полдень они проносились мимо западного берега Имброса с его крутыми хребтами и зелеными долинами. Мысль, которая занимала теперь умы всех, была о том, как ускользнуть от бдительности троянцев, поскольку Ясон пообещал афинским архонтам не ввязываться в вооруженные стычки с ними. Ибо если бы они смогли как-то проскользнуть через Геллеспонт незамеченными в Черное море, так, чтобы троянцы об их присутствии и не догадались, они вполне мог-

ли бы проскользнуть здесь и второй раз по пути домой, поддерживаемые сильным течением, которое бежит по Мраморному морю. Ветер медленно переменился на северный, и явно больше не собирался меняться. Поэтому Аргус посоветовал Ясону укрыться близ подветренного берега мыса Кефал, который выступает в юго-восточном углу Имброса. Он знал одну маленькую песчаную бухточку, где они могли бы бросить якорь на день-два, пока ветер, который сможет погнать их на юго-запад или запад, не задует достаточно крепко, чтобы пронести их ночью по всей длине Геллеспонта. Тифий поддержал Аргуса, сказав, что он в свое время тщательно расспросил о течениях в проливе кормчего из Перкоты, греческого поселения, расположенного в самом проливе. Он считал, что при наличии юго-западного ветра, луны и надежного экипажа, они смогли бы провести «Арго» мимо троянских владений ночью. Но старый Навплий спросил, неужели юго-западный ветер в этой части моря отличается от тех, с которыми Навплий сталкивался в иных местах; ибо странно было бы, сказал он, если бы такой ветер не принес дождевые облака, которые закроют луну. Ясон отверг возражение Навплия и согласился искать укрытия у мыса Кефал. «Арго»

уже скользил мимо желтоватых скал Кефала и направлялся к бухточке, о которой говорил Аргус, когда Ифит из Фокиды внезапно вскочил.

— Друзья мои, — сказал он, — я не вижу, по какой причине мы должны сходить на берег Имброса. Признаю, Имброс населен пеласгами, племенем, на дружбу которого мы можем рассчитывать. Но береговая стража троянцев располагается близко к этой бухточке, и что бы мы ей ни рассказали, это никого надолго не обманет. Подумайте, если мы станем ждать здесь ясной ночи и сильного юго-западного бриза, что они с вами сделают? Они, естественно, придут к мысли, что мы пытаемся проскользнуть незамеченными мимо Трои. Они последуют за нами на своем корабле и доложат о наших передвижениях царю Трои.

Большинство аргонавтов одобрило его доводы, но Ясон его укорил:

— Это достаточно легко, Ифит, критиковать решения твоего предводителя. Мне известно о твоем долгом опыте мореходства, но если ты не можешь предложить план лучше того, который уже выдвинули Аргус и Тифий, советую тебе не раскрывать рта, потому что ты преуспеешь только в том, что настроишь против меня своих

товарищей. А мне-то казалось, что ты мудрее, чем ты себя только что проявил, Ифит. Ты сейчас говоришь так же безумно, как Идас. Помолчи, пожалуйста!

За Ифита заступился Орфей:

— Ясон, Ясон, быстро же ты забыл то, чему научился на Самофракии.

Ясон ответил:

— Я научился на Самофракии, как разумно себя вести, когда умру. Я не желаю, чтобы ты мне напоминал, что скоро мне, возможно, придется практически применить эти знания. Помолчи, пожалуйста!

Орфей сказал Геркулесу:

— Благороднейший Геркулес, поскольку мне запрещено обращаться к нашему предводителю, можно я обращусь к тебе? Ибо я понимаю, что на уме у Ифита.

Геркулес ответил:

— Что же, Орфей, на вид ты какой-то чудной, кожа да кости, и все-таки для человека, из брата которого я вышиб лирой мозги, ты со мной всегда достаточно хорошо обращался. Если у тебя что-то застряло в горле, пожалуйста, выкашляй это мне!

Орфей ответил:

— Я не могу говорить прямо в присутствии троих непосвященных, но если на закате они согласятся ненадолго заткнуть себе уши воском и завязать глаза, мы сможем нынче же ночью проплыть через Геллеспонт. Давайте-ка доверимся ветру, пока не окажемся в нескольких милях от входа в пролив, и тогда сделаем то, что сделаем.

Мелеагр и Аталанта не возражали против этого предложения, а Геркулес взял на себя труд заставить подчиниться приказам Гиласа. Так они взяли верх над Ясоном, и «Арго» подался на юго-восток, а все гребцы между тем немного вздремнули. Они пробудились вечером и обнаружили, что находятся в четырех милях к западу от входа в Геллеспонт. Весь день нигде не виднелось ни паруса.

Тогда Орфей завязал глаза Мелеагру, Аталанте и Гиласу и заложил им уши воском. Как только он смог свободно говорить, он напомнил Ясону, что глупость для посвященных на Самофракии считать себя беспомощной игрушкой ветров: надо немедленно пустить в ход чары и заклятия, которым научили их Кабиры во имя Великих.

Ясон не выразил ни согласия, ни несогласия, а замкнулся в угрюмом молчании, в то время как Орфей, который менее всех других аргонавтов

способен был совершить ошибку в самофракийских обрядах, воззвал к Триединой Богине под именем Амфитриты. Он вылил в волны кувшин оливкового масла, и во имя Богини почтительно попросил Северный Ветер утихнуть. Некоторое время Северный Ветер, к которому также почтительно воззвали его сыновья, Калаид и Зет, не давал ответа, если не считать одного-единственного яростного порыва, который чуть не сорвал с корабля мачту, но затем постепенно прекратился. Когда воздух снова стал спокойным, хотя волны все еще угрюмо вздымались, Орфей привязал гадючью шкуру к заднему концу стрелы и, взяв у Фалера лук, выпустил стрелу прочь из виду на северо-восток, призывая юго-западный ветер последовать за ней. Пока они ждали, когда поднимется новый ветер, Палей, который был самым большим хитрецом на борту, сказал Ясону:

— Господин мой, давай снимем парус и окрасим его в черный цвет.

Ясон спросил:

— Зачем?

Пелей ответил:

— Иначе троянские часовые увидят, как он сияет в лунном свете, когда мы поплывем мимо. Черный парус обманет их взоры.

Аргус возразил, что парусом, вымазанным дегтем, будет неудобно управлять и что им придется где-то высадиться и развести огонь, чтобы нагреть корабельный горшок дегтя. Но Пелей сказал:

— У меня есть краска получше дегтя.

Среди деликатесов, которые он вывез с Лемноса, был кувшин дорогих чернил каракатицы, выжатых из чернильных мешочков сотен каракатиц. Эти чернила — приятное добавление к жаркому или ячменной каше, очень темны по цвету. Авгей, Идас и прочие обжоры возмутились, что столь изысканную жидкость нужно на такое тратить; но оказалось, что если смешать ее с водой, всего половины содержимого кувшина достаточно, чтобы окрасить парус в цвет морских водорослей.

Аргонавты спустили парус, окрасили его с обеих сторон и снова подняли. И как только укрепили полотнище, послышался голос мчащегося к ним издалека юго-западного ветра, несущего дождь, обрушившегося на морскую поверхность, и вскоре надулся парус, и «Арго» рванув вперед. Тогда они освободили уши непосвященным и развязали им глаза. Когда сгустилась тьма, они нечетко увидели в отдалении белые скалы

мыса Геллас и почувствовали, как замедляется скорость корабля от того, что ему противостоит течение Геллеспонта. По предложению Пелея, они обмотали весла, в том числе и оба рулевых старыми тряпками.

— К счастью, — сказал Тифий, — течение слабее с фракийской стороны, чем с троянской. Здесь также меньше водоворотов, потому что береговая линия прямее; и все же даже с фракийской стороны скорость течения вполне может быть в два узла.

Ясон приказал экипажу хранить молчание, и они вступили в Геллеспонт. Небо было пасмурным. Луна виднелась только как светящееся пятнышко позади клубящегося облака. Линкей сослужил хорошую службу своим товарищам. Он встал на носу и, в зависимости от того, подходил ли корабль слишком близко к берегу (который для остальных был всего лишь стеной тьмы) или слишком далеко от него отходил, Линкей подавал знак Тифию, один или два раза дергая за веревку, которую держал в руке; другой конец веревки был привязан к колену Тифия. Гребцы хорошо выдерживали ритм, хотя им и не помогала песня, несколько часов работали в молчании, а ветер оставался попутным. Только в Дарданской горло-

вине Тифий вывел корабль на середину пролива, так как течение считалось там более слабым, чем у берега. Весло у Линкея взял седобородый дородный лапиф, посвященный в Великие Мистерии, который сел на «Арго» на Самофракии; это был Полифем из Ларисы, который женился на сестре Геркулеса и пребывал в вечном изгнании из родного города за то, что случайно убил девочку охотничьим ножом. Геркулес относился к нему с уважением и нежностью.

На заре аргонавты оказались близ Сестоса, обрывистого мыса, позади которого лежит небольшая бухта с песчаным северным берегом и впадающим в море потоком. По ту сторону пролива тянулась низкая зеленая линия поросших травой холмов — место это называлось Абидос. Они сошли на берег у потока и размялись, некоторые — собирая прибойный лес для костра, некоторые — играя в лягушек. Ясон замаскировал голову на носу корабля, надев на морду Овна другую, которую взял с собой: голову лошади, сделанную из прочной кожи и окрашенную в белый цвет; потому что Белая Лошадь была носовым украшением на всех судах, которые сновали между Троей и Колхидой. Теперь, когда Троя была примерно в тридцати милях позади и «Арго»

вступил в воды, где троянцы не хозяйничали, их могут, как надеялся Ясон, принять за подданных царя Ээта, возвращающихся в Колхиду из торговой поездки. В Сестосе они совершили скромные жертвоприношения Амфитрите в благодарность за помощь и решили остаться на сутки. Но ветер переменился на северо-восточный — преобладающий в Геллеспонте ветер — и дул двое суток, не переставая; они не могли возобновить плавание до третьего утра, когда ветер снова задул на юго-запад. В течение всего их пребывания в Сестосе никто не потревожил их, не считая мальчика-пастуха, который бежал, как заяц, когда увидел столь блистательное общество чужестранцев, оставив им несколько овец.

Они продвинулись вперед по узкому проливу, держась желтоватых скал Фракии, и к вечеру уже далеко ушли в Мраморное море. Они плыли по нему всю ночь, держась теперь противоположного берега, ибо ветер переменился на южный. Анкей Большой принял руль у Тифия, который заслужил долгий сон.

— В какой ближайший порт мы зайдем? — спросил у всех Акаст, сын Пелия.

Геркулес, который развлекался от нечего делать, изгибая бронзовый меч Маленького Анкея

в виде змеи, не спросив разрешения, ответил первым:

— Насколько я помню, — сказал он, — недалеко отсюда есть большой скалистый остров, называемый Медвежьим, — примерно в одном дне пути при хорошем ветре. В действительности это полуостров, а не остров. Тамошний царь — мой друг… Как бишь его? Забыл, как зовут, но он — мой истинный друг, поверьте — и выстроил город на плоском перешейке, соединяющем остров с берегом. Позади лежит среди холмов большое чистое озеро, из которого к городу бежит река. Царь Эней — да, конечно, его так и зовут — пасет множество тучных овечек у озера и вдоль реки. Его народ, долионы, относится к ахейцам, которые почитают бога Посейдона. Он примет нас с распростертыми объятьями, я в этом не сомневаюсь. Царство его простирается далеко в сторону холмов и вдоль по берегу по обе стороны от Медвежьего острова. Обитатели самого острова — пеласги. У Энея с ними всегда война. Когда я в последний раз был в здешних краях, я пересек перешеек и убил для него нескольких из них. Они верзилы, и мне доставляло большое удовольствие стукать их головами друг о друга, верно, дорогой Гилас?

С помощью весел и паруса они совершили в тот

день великолепный переход. К полудню увидали Медвежий остров с бросающейся в глаза главной вершиной — горой Диндим, и шли мимо крайних засеянных полей долионов. Плодородная прибрежная полоса понемногу сузилась, и к самому краю воды подступили холмы, покрытые невысокими дубами и пересеченные оврагами, здесь, зайдя в бухточку, пляж которой был сплошь усеян раковинами, аргонавты убрали с носа Лошадь, открыв Овна, и подняли запасной белый парус вместо темного; затем они поплыли дальше, пока не увидели беленые стены и черепичные крыши города, о котором говорил Геркулес. Город назывался Кизик в честь своего основателя Кизика, отца Энея. Они бросили якорь в уютной гавани, и Ясон послал во дворец вестника Эхиона; он был там принят с большим почетом и получил уверения, что все аргонавты, а особенно Геркулес — желанные гости во владениях долионов.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ
Свадебный пир царя Кизика

Аргонавты обнаружили, что царь Эней уже несколько месяцев как умер, и престол унаследовал его старший сын Кизик, примерно в возрасте Ясона. Кизик только что женился на прекраснейшей женщине во всей Азии. Ее звали Клета, и она была дочерью царя перкосиев, белостенный город которого на троянском берегу Геллеспонта аргонавты миновали по пути из Сестоса. Отец Клеты, Мероп, мало того, что не назначил ей приданого, что, как он сказал, было бы все равно, что поливать медом медовые соты, но дерзко заявил, что ни один мужчина не добудет ее себе в жены, если только не возьмется заплатить тяжелую дань, наложенную недавно на Перкоту Лаомедонтом Троянским. Кизик, который случайно увидел однажды Клету, когда плыл по проливу, и не мог после этого изгнать ее образ у себя из памяти, тут же уплатил дань — немалую сумму золотым песком и скотом и, что вполне естественно для молодого мужчины, считал, что остался в выигрыше. Но его брат Александр

назвал его расточителем и не явился на свадьбу, ссылаясь на болезнь. Возможно, он ревновал. И как раз на второй день из пяти, отведенных для празднества, прибыл «Арго». Кизик, пославший приглашение всем грекам принять участие в торжестве и наготовивший угощений, с радостью приветствовал корабельную команду, состоящую из выдающихся воинов Греции, среди которых был и великий Геркулес, союзник его отца.

Спустя час после высадки аргонавты были вымыты, умащены и надушены и в своих лучших одеяниях возлежали на мягких ложах с другими многочисленными свадебными гостями. Сотня хорошеньких мальчиков приносили им еду и питье и возложили им на головы венки из весенних цветов, а музыканты, сидевшие над ними в галерее, играли нежные лидийские мелодии. А лучник Фалер и птицегадатель Идмон несли вахту на борту «Арго», готовые при малейшей необходимости затрубить тревогу в раковины.

Клета была и впрямь так прекрасна, как о ней рассказывали: бледное лицо, густые черные волосы и серые глаза; но красота ее заключалась, главным образом, в осанке и жестах, в низких тонах голоса и полных губах, которые никогда по-настоящему не улыбались. Кизик был светло-

волос и краснолиц, любил посмеяться от души и питал склонность к авантюрам. Они с Клетой казались совершенной парой, и, когда они проходили вместе вдоль лож и любезно спрашивали у каждого, хорошо ли его угостили, вслед им звучали несдерживаемые вздохи восхищения.

Кизик оказал наибольшее уважение Геркулесу, которого счел командиром экспедиции, хотя Эхион утверждал иное. Он собственными руками налил Геркулесу вина в чеканный кубок, на котором был изображен сам силач, державший в каждой руке по мужчине-Медведю и весело стукавший их головами друг о друга. Когда Геркулес, разглядев кубок, разразился смехом, Кизик повернул кубок другой стороной, где были выбиты отчаянно сражающиеся люди и другие, прыгающие в воду с плота.

— Это пеласги из Проконеса, — сказал Кизик, — союзники людей-Медведей. Вскоре после того, как ты ушел, они напали на наш город. Мы потеряли немало своих товарищей, прежде чем их отогнали. Если бы они атаковали нас, пока вы у меня в гостях — вот была бы потеха! Тогда бы и впрямь любители рыть яму другим сами в нее попались.

Геркулес ответил:

— Царь Кизик, то свое посещение вашего города, когда еще был жив твой отец Эней, я считаю исключительно приятным; не менее приятно и это посещение. Но, молю тебя, обращай свои мудрые и лестные речи к предводителю похода, Ясону Иолкскому — взгляни вон туда, вон на того мужчину с длинными светлыми волосами — а не ко мне. А мне оставь этот великолепный говяжий бок, и да пребудет удача с тобой и твоей прекрасной женой! Я счастлив слушать твои слова, пока ем, но не менее счастлив просто есть. Зря ты тратишь свое красноречие на Геркулеса, старого обжору.

Кизик улыбнулся и отошел. Он пригласил Ясона возлечь у столика с позолоченными ножками напротив себя и Клеты. Когда Ясона устроили с пуховыми подушками под головой и богато расшитым ковриком, покрывающим колени, а под рукой у него стояло ароматное лесбосское вино, Кизик попытался вызвать его на откровенность касательно цели плавания. Ясон не склонен был откровенничать. Он сказал лишь, что некий бог вложил в его сердце и в сердца его товарищей желание отважиться на плавание по Черному морю.

Кизик вежливо ответил:

— В самом деле! Какую часть этих пустынных и негостеприимных вод счел этот бог наиболее достойными вас? Быть может, вам предстоит посетить Крым, где живут дикие тавры, которые любят человеческие жертвоприношения и украшают частоколы своих городов головами убитых? Или Геркулес взял вас с собой, чтобы навестить своих старых недругов-амазонок? Или цель ваша — земли Ольвии в устье благородной реки Буг, где производят лучший в мире мед?

Ясон, оставив без внимания все эти вопросы, воспользовался тем, что был упомянут мед, и пригласил Бута принять участие в разговоре, пересказав ему, что сказал Кизик о меде Ольвии. Бут потребовал от Кизика сведений о цвете, запахе, вкусе и тягучести этого меда, Кизик ограничился невнятными и случайными ответами, но тот не обиделся, а долго и учено распространялся о поведении пчел.

Он спросил:

— А вы заметили, ваше величество, что пчелы никогда не берут нектар из красного цветка? Будучи подателями жизни, они избегают цвета смерти. — Затем, немного захмелев, Бут начал резко отзываться об Аполлоне как покровителе пчел, которые еще недавно были слугами Вели-

кой Богини.

— Он был когда-то мышиным демоном на Делосе! Мыши — прирожденные враги пчел. Они вторгаются в ульи зимой и крадут мед, бесстыжие ворюги! Я так порадовался в прошлом году, когда нашел в одном из своих ульев мертвую мышь! Пчелы ее до смерти зажалили и неплохо набальзамировали пчелиным клеем, чтобы избежать трупного запаха.

И пошел, пошел; но когда он сделал паузу, чтобы выпить еще кубок вина, Ясон начал расспрашивать Кизика о мореходстве в восточной части Мраморного моря и о течениях в Босфоре. Но Кизик не стал давать подробные ответы и с удовольствием вернулся к разговору о меде. Так они оба отбивались друг от друга некоторое время, пока Ясон не вернулся к своему прежнему ложу. Немного погодя Бут из чувства приличия последовал за ним.

Клета сказала Кизику:

— Мой дорогой, ты заметил, что у этого Ясона — белые ресницы? Мой отец Мероп в свое время предостерегал меня от людей с белесыми ресницами. Он говорил, что все они недостойны доверия. А может, этот миний явился разграбить наш город и дожидается, пока ты и верные тебе

люди не уснут покрепче после обильной еды и питья?

— Моя дорогая, — сказал Кизик, — возможно, это и так.

— И Геркулес, и Ясон — оба, по-моему, что-то от нас скрывают, — сказала Клета, — и это ты должен признать. И этот мужчина Пчела с явным неуважением говорил об Аполлоне, словно бы искушал нас его поддержать, и тем самым ввергнуть в беду. Сознайся, что тебе это кажется странным!

— Сознаюсь, — ответил Кизик. — Итак, мудрая, что ты посоветуешь?

— Предупреди Ясона, — сказала Клета, — что место нынешней стоянки его корабля небезопасно, если только не раздобыть более тяжелые якорные камни. Упомяни северо-восточные шторма. Посоветуй ему переменить стоянку, а твои люди тем временем пусть принесут ему парочку действительно тяжелых камней. Предложи ему устроиться в защищенной бухточке как раз по ту сторону перешейка — она называется Хитос, верно? Предложи ему лодку, чтобы отбуксировать туда корабль. И если он замышляет какое-то коварство, ему придется пересмотреть свой замысел, ибо не так-то легко ему будет бе-

жать из дворца, когда корабль его так далеко.

Кизик последовал ее совету и вскоре сделал это предложение. Ясон счел его разумным и принял сразу же с явной признательностью. Но Геркулес, заподозрив, что у Кизика что-то на уме, провозгласил, что куда бы ни ушел корабль, туда должны также пойти он с Гиласом; то же самое сказали Пелей и Акаст; и Полифем сказал, что не желает разлучаться с Геркулесом, которого боготворил превыше всех живых из смертных. Эти пятеро оставили пир и были отбуксированы на «Арго» в бухту Хитос, где поставили судно на якорь; веселье во дворце продолжалось всю ночь.

Кизик по неосторожной обмолвке Ясона предположил сперва, что целью плавания была торговля в Синопе или другом порту на Черном море, где восточные товары можно купить по более дешевой цене, чем в Трое. Но если так, почему на борту так много царей и знати? Возможно, замышлялось нечто более важное. А не могут ли они посетить одно за другим все «карликовые» царства Мраморного и Черного морей с намерением обменяться клятвами и создать союз против Трои и Колхиды?

Он в открытую задал Ясону этот вопрос, и когда

Ясон заколебался, стоит ли ему доверять, объявил, что если бы греки пошли войной на Трою, он и его тесть Мероп Перкотский со многими другими соседними монархами с радостью примкнули бы к ним как союзники. Ясон позабавился, позволив Кизику поверить, будто тот верно догадался. Он даже намекнул, что первый ближайший порт, куда он заглянет, покинув Кизика, — во владениях тинийского царя Финея, пасынки которого Калаид и Зет (как он сказал) явились в Грецию, чтобы предложить войну против Трои, и теперь возвращаются на «Арго». Но Клета по его глазам и рукам поняла, что он *лжет*.

На заре послышался отдаленный крик и рев боевых рогов. Долионы и аргонавты немедленно бросились к оружию, и каждая сторона не сомневалась, что другая вероломно готовит атаку. Но аргонавты были проворней долионов и нагнали на них страхи. Ясон стоял над Клетой с обнаженным мечом и угрожал убить ее, если Кизик не велит своим людям сложить оружие. Кизик подчинился. Тогда вестник Эхион выбежал из дворца, сопровождаемый Кастором, Поллуксом и Линкеем, чтобы посмотреть, что происходит.

Шум исходил из бухты Хитос по ту сторону залива, и Линкей, вглядевшись, крикнул:

— Там в разгаре схватка между нашими стражами и большой оравой людей, у которых, кажется, по шесть рук: они одеты в медвежьи шкуры, с которых свешивается по четыре лапы. На помощь!

Эхион побежал с новостями обратно во дворец, и Ясон, когда услыхал их, вложил меч в ножны и попросил у Кизика прощения, которое тот ему охотно дал. Затем все вместе устремились к берегу, спустили на воду лодки и галеры и поспешно поплыли на выручку.

Когда они прибыли в Хитос, оказалось, что схватка уже кончена. Люди-Медведи надеялись застигнуть стражей спящими, но Гилас поднял тревогу. Это вышло случайно. Гилас, после отплытия с Лемноса все выжидал возможности бежать из-под присмотра Геркулеса и вернуться к Ифиное. До сих пор это не было возможным: на Самофракии его вскоре снова поймали бы, а в Сестосе его уход заметили бы двое, которые постоянно несли вахту. Но теперь он подумал, что настал решающий час. Он хотел выбраться на берег Медвежьего острова, пройти, карабкаясь, по прибрежным скалам, пробежать через перешеек (как будто Геркулес послал его с поручением), а затем скрыться в глубине суши, в холмах Фригии. Он надеялся добраться до Трои за несколько дней,

а там, предложив серебряную пряжку от ремня за услуги, уговорить афинского или кадмейского судовладельца высадить его на Лемносе.

Гилас выждал, пока его спутники не уснули. Затем наполнил мешок припасами, положил туда же свою серебряную пряжку и кое-какие золотые украшения, схватил дротик, перебрался через фальшборт слева близ носа, когда услыхал что-то вроде сдавленного чихания в ближайших зарослях. После чего люди-Медведи, проклиная своего товарища, который чихнул, устремились вперед. Один вскарабкался на плечи другому и перевалил бы через фальшборт справа, если бы Гилас не налетел на него и не пронзил ему горло дротиком, так что тот с громким криком упал. Гилас воззвал:

— К оружию! К оружию!

Акаст и Пелей схватили копья, а Полифем — свой бронзовый топор и, встав на планшире, эти трое отбросили людей-Медведей. А пьяный Геркулес вскарабкался на место кормчего и велел подать ему лук и стрелы. Гилас принес их, и Геркулес открыл стрельбу. Странно, но вино ускорило темп стрельбы, не сказавшись отрицательно на ее меткости. Акаст и Пелей убили копьями по два врага каждый, Геркулес поразил стрелами не

менее тридцати, а уцелевшие бежали. Мертвые лежали на береге и в воде, словно множество бревен, сушившихся на верфи в Пагасах.

Геркулес поклялся, что обязан жизнью бдительности своего Гиласа и обнял его со своим обычным неистовством. Гиласу были присуждены боевые трофеи: тридцать пять прекрасных медвежьих шкур, десять из которых скреплялись золотыми застежками, два греческих шлема прекрасной работы, которые люди-Медведи отняли у стражей царя Энея, бронзовый кинжал, и инкрустированный четырьмя зелеными лошадьми, скачущими в галоп, три ожерелья из медвежьих когтей и одно из больших раскрашенных терракотовых бусин. Но оружием большинства дикарей были дубовые копья с закаленными на огне наконечниками, грубые дубовые палицы и острые камни. Гилас разделил медвежьи шкуры между аргонавтами. Только Бут отказался от предложенного ему подарка, сказав, что если он наденет хоть раз шкуру медведя, пчелы его об этом услышат и не станут больше ему доверять.

Все вернулись в город. «Арго» снабдили более тяжелым якорным камнем, а легкий был возложен как приношение по обету в храме Посейдона, где его и ныне можно увидеть. Затем

всем Олимпийским богам и богиням по очереди предложены были кровавые жертвы. Но ни одного приношения не сделали Триединой Богине, ибо ей поклонялись люди-Медведи, пеласги Проконеса и троянцы. Кизик ненавидел ее. Лишь за несколько дней до того он возглавил вооруженный поход на Медвежий остров, жители которого бежали от него, и там застрелил одного из львов, посвященных Богине под именем Реи, которые бродили по горе Диндим. Он дерзко сделал из шкуры зверя покрывало для своей брачной постели.

Орфей побудил Ясона удалиться тайно с ним и несколькими другими и умилостивить Богиню приношениями на ее священной горе и сказать ей в молитве, что в жертвоприношении ей было отказано по причинам политическим, а не из вражды или презрения.

Ясон и слушать его не стал, ссылаясь на то, что должен добиться полного доверия Кизика и тем самым обеспечить себе щедрое пополнение корабля припасами; сказал, что тайный уход из города на Медвежий остров, конечно же, будет понят как измена. Так что никаких переговоры с Богиней места не имели, и свадебный пир продолжался под покровительством Олимпийцев.

К концу его один из аргонавтов, кто именно неизвестно, выдал секрет их поездки в Колхиду. Несколько долионов тут же вызвались добровольцами, но Ясон не смог найти для них места на «Арго». Сам Кизик выразил желание плыть с ними и, будучи опытным кормчим, который дважды хаживал в Колхиду, стал бы желанным членом экипажа; ибо Тифий страдал от колик и не мог ни есть ни пить ничего кроме овечьего молока и ячменной каши. Кизик предложил, что Тифий останется во дворце, где о нем позаботятся, а он возьмется за руль. Но Тифий заявил, что он вполне здоров и что не уступит руль самому Посейдону, пока плавание не завершится, ибо богиня Афина вверила рули его особому попечению. А царица Клета, в частности, поклялась, что если Кизик отплывет с Ясоном, она немедленно отправится в отцовский дом в Перкоте и больше не вернется; ибо она не останется в одном доме с глупцом, а только глупец может доверять Ясону — человеку с белесыми ресницами.

Таким образом, на пятый день аргонавты снова приготовились к отплытию. Кизил пожелал, чтобы все Олимпийцы благословили «Арго», и преподнес экипажу богатые подарки: кувшины с вином и зерном, рубахи из египетского полотна

и расшитые плащи. Ясону он подарил копье с широким наконечником и древком, инкрустированным раковинами, которое принадлежало некогда царю Энею; а Ясон отдарил его золотым кубком (одним из прощальных даров Гипсипилы), на котором был выгравирован непрерывный орнамент из бегущих оленей, и фессалийскую уздечку с серебряными удилами. Они ударили по рукам и стали братьями. «Я надеюсь никогда больше не увидеть этого человека», — пробормотала Клета, едва увидала широкую спину Ясона.

Веяло свежим ветром с юго-запада. Когда они вкатили на борт оба якорных камня и Аргус вручил долионам концы тросов, чтобы держали их, пока экипаж не займет места, внезапный порыв ветра, обрушившийся с горы Диндим, завертел «Арго», как волчок, и сбросил в воду людей. Никто не пострадал, и Кизик сказал, смеясь:

— Кажется, вашему «Арго» не хочется покидать наш гостеприимный берег. Взгляните, как он вертит носом!

Клета предупредила Кизика еще до того, как «Арго» скрылся из глаз:

— Дорогой мой, позаботься, чтобы еще несколько ночей на берегу стояла бдительная стража. Ветер, который завертел корабль Ясона, — преду-

преждение от бога, что Ясон намерен вероломно вернуться теперь, после того, как разнюхал наше местоположение, и умертвить нас во сне.

Кизик ответил, что если бы любая другая женщина сказала что-то в таком роде, он назвал бы ее невеждой, способной накликать беду. Клета сказала:

— Но, если уж так говорю я, а никто другой, почему ты пренебрегаешь предупреждением?

И настояла на том, чтобы стража дежурила день и ночь.

Бриз утих на заре, когда «Арго» прошел немало. Суши нигде не было видно. Небо было пасмурным, хотя дождь почти что перестал. «Арго» окружали серо-зеленые воды — и ни корабль, ни скала, ни риф не нарушали их однообразия до самого горизонта. Ни Тифий, ни Аргус, ни старый Навплий (прадед и тезка которого первым научился править судном по Полярной звезде) не могли точно определить их местонахождения.

Ясон спросил Навплия:

— Какой погоды нам сегодня ждать?

Тот покачал головой.

— Я выходил в море и мальчиком, и мужчиной каждый сезон вот уже тридцать лет — и все же не беру на себя смелость тебе ответить. Море для

меня — словно лицо старой бабушки для ребенка. Я никогда не могу прочесть по ее чертам, что творится у нее в душе и чем она разразится в следующий миг — только что могло быть полное спокойствие, и вдруг — шторм. Спроси Корона — его ворона может безошибочно предсказывать погоду.

Идас рассмеялся и сказал:

— Кто много смыслит в погоде, ни на что другое не годен.

Ясон задал свой вопрос Корону, который ответил просто:

— Жди шквала с северо-востока.

В разгар утра на северо-востоке у горизонта начало проясняться, и ветер задул внезапно то с одной стороны, то с другой.

Усталый Тифий сказал своим товарищам:

— Несомненно, это — начало шквала, который предсказал Корон. По моим подсчетам мы уже в одном дне пути до Босфора. Но мы не можем надеяться проплыть через него при северо-восточном ветре. Я слыхал, когда такой ветер дует день или два, течение в Босфоре набирает скорость в пять-шесть узлов; нам против него не подняться, даже если сам ветер затихнет. Когда шквал нас нагонит, давайте пойдем по ветру, обойдем

Бесбикосские острова и подойдем к песчаным пляжам близ устья реки Риндакос, которое расположено к юго-западу отсюда. Это для нас — самый разумный курс, если мы желаем избежать кораблекрушения. Давайте лучше снова замаскируем корабль: поднимем темный парус и скроем Овна под Белой Лошадью.

Аргонавты принялись кричать:

— Нет! Нет! Почему бы нам снова не воззвать к Амфитрите, чтобы еще раз даровала нам для плавания этот превосходный юго-западный ветер? Ну, Орфей, соверши обряд!

Орфей покачал головой.

— Наш предводитель Ясон, — сказал он, — отказался принести жертвы Богине в то время, когда мы почтили Олимпийцев, не последовал он и моему совету — не взошел на гору Диндим, чтобы ее там умилостивить. Он даже дерзнул стать кровным братом царя Кизика, который убил священного льва Богини и открыто провозгласил себя ее врагом. Как мы можем теперь надеяться, взывая к ней под именем Амфитриты, добиться от нее хотя бы улыбки? Неспроста порыв ветра примчался давеча с горы Диндим и завертел наш «Арго». Я сразу же прочел в нем предупреждение Богини: мы не должны отплывать, пока не за-

служим прощения; но об этом слишком поздно говорить. То было дурное дело, и мы все должны терпеливо принять его последствия!

Пока он говорил, северо-восточный ветер налетел на них, свистя, словно десять тысяч стрел, холодный и жестокий посланец отдаленных скифских степей. Они поспешно развернули судно и пустились по ветру. Вскоре море покрылось белопенными хребтами, по который «Арго» бежал, подскакивая и ныряя, словце вовсю разогнавшийся перепуганный олень; но парус держался, и судно не набрало воды благодаря плотно пригнанным фальшбортам. Корабль неся все дальше, и Аргус закричал:

— Друзья, вот вы и убедились в преимуществах сколоченного корабля! Судно, всего лишь связанное на древний лад, давным-давно рассыпалось бы на дощечки, и мы бы в отчаянии вычерпывали зеленую воду, которая лилась бы во все расширяющиеся щели.

Однако даже Линкей не мог разглядеть Бесбикосский остров, а когда в сумерках они приблизились к южному берегу, тот оказался крутым, и волны разбивались, шипя о безжалостные скалы. Они поплыли дальше в поисках устья Риндакоса. Была уже ночь, ущербная луна еще не взошла,

прежде чем они увидели впереди то, что показалось им плоской равниной, раскинувшейся меж двух холмов. Огоньки мерцали у подножия холма по левому борту, и Аргус сказал:

— Это — Даскилион, небольшое троянское поселение, примерно из двадцати домишек. Надеюсь, берег окажется ровным и без подводных камней!

— Отвага превыше всего, — сказал Пелей. — Давайте выскочим на берег с боевым кличем. Мы захватим здешних жителей врасплох и одолеем их.

Ясон согласился. Они надели шлемы и броню, и вскоре ветер пригнал корабль к полосе прибоя, а далее — к гостеприимному песчаному брегу. Они вытащили судно на сухой песок, укрепили его у гладкого камня, словно именно для этого и предназначенного, затем всем скопом бросились к огням, вопя: «Сдавайтесь! Сдавайтесь!»

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ
Погребение царя Кизика

Из домов на холме высыпали вооруженные люди, и на берегу разыгралась битва. Аргонавты держались все вместе — за исключение Геркулеса, который рванулся вперед, раздавая направо и налево удары своей ужасной дубиной — противник же бежал беспорядочно. То была первая битва Ясона, его охватила священная ярость. Он ударял копьем, подарком Кизика, темные фигуры, вставшие у него на путл, а тем временем лапиф Полифем своим длинным мечом справа от него и Маленький Анкей своей секирой слева прорубали дорогу к домам. То была кровавая работа, и вот уже десятеро врагов полегло на поле битвы, а остальные обратились в бегство, когда, издав внезапный боевой клич, трое высоких мужчин ринулись с холма. Их предводитель двинулся прямо к Ясону, который выбросил копье вперед и поразил врага. Острие копья вышло около позвоночника, и Ясон не мог высвободить оружие, даже когда уперся ногой в бедра противника. Что касается двух других, один был сражен

Маленьким Анкеем, отсекшего ему голову с третьего удара, а другой побежал прочь, крича:

— Мы пропали! О, мы пропали! Наш благородный царь Кизик убит!

Ужас охватил аргонавтов, и Ясон вскричал:

— Света! Света!

Юный Гилас, который тоже всадил дротик в кишки одного врага, схватил дымящийся сосновый факел, который уронил умирающий, и завертел у себя над головой, пока тот ярко не разгорелся. Затем побежал к Ясону, который, склонившись, чтобы рассмотреть человека у своих ног, убедился, что это — действительно царь Кизик, пронзенный копьем, своим даром, которым владел некогда его отец Эней.

Кизик открыл глаза и прохрипел: «Клета! Клета»! затем кровь хлынула у него изо рта, и его не стало.

Теперь они наконец поняли, что проскочили устье реки Риндакос, уйдя миль на двадцать пять вперед, и что Триединая Богиня, горькой шутки ради, привела аргонавтов к тому же перешейку, от которого они отплыли за два дня до того, но с другой стороны.

Ясон приказал вестнику Эхиону вступить во дворец и там, по его повелению, заключить мир

с Клетой, братом Кизика и оставшимися в живых долионскими вождями. Эхион храбро принял это опасное поручение, но когда он, наконец, получил позволение войти и попросил провести его к Клете, он обнаружил, что она повесилась на балке в своем брачном покое. Он перерезал веревку, но было уже слишком поздно.

Забрезжило утро, светлое и неспокойное. Ветер вздымал огромные волны, с воем набегавшие на пляж и разбивавшиеся в брызги о корму «Арго». Долионы разыскали своих убитых и потребовали за каждого возмещения, и траурный плач, словно волчий вой, раздавался из каждого дома. Аргонавты стояли, подавленные, маленькими кучками, шепчась друг с другом. Только Идас осмелился высказаться, он шагнул к Ясону и произнес:

— На нас нет вины за это деяние. Кровь наших дорогих хозяев должна пасть только на их головы. Почему ты пренебрег предупреждением Орфея? Почему не умилостивил Богиню?

Ясон положил руку на рукоять меча и сказал:

— Идас, ты поклялся подчиняться мне, как своему капитану. Теперь я приказываю тебе молчать. Послушай меня. Смерть моего злосчастного царственного брата тяжко давит мне на сердце, и все же я считаю, что мне следует корить за

это себя не больше, чем тебя. Ясно, что Великая Богиня всех нас сделала орудиями своего мщения за смерть своего священного льва. Пусть же сама Богиня, а не мы, ответит за содеянное нынче же ночью. Никто из нас не был убит или даже ранен, не считая царапины-другой, что примечательно и ясно показывает, что ее праведный гнев обрушился целиком на долионов.

Идас собрался отпарировать эти слова, когда Геркулес схватил его сзади, и подбросил в воздух, так что тот перевернулся кубарем, и приземлился на ноги.

— Хватит! — молвил Геркулес, покручивая дубинку. Идас сдержал свой гнев.

С долионами был заключен мир. Александр, унаследовавший трон, поверил объяснению Ясона, что его люди приняли их за даскилионов; он снял с них вину и признался, что он, со своей стороны, принял их за своих недругов — пеласгов Проконеса. Было ясно, что он испытывает скорее радость, чем скорбь, при смерти брата. Затем аргонавты и долионы соорудили погребальные костры и возложили на них двенадцать трупов, добавив в огонь розмарин и другие благовония, дабы заглушить запах горелой плоти, и сожгли на них всю подаренную «Арго» пищу, кроме ви-

на. Они стали плясать в броне, трижды обойдя каждый костер и бряцая оружием об оружие, а слуги между тем трубили в раковины и били в барабаны, чтобы устрашить духов убитых, и неизменно после третьей фигуры танцоры бросали в костер раскаленные головни и смотрели, как разгорается пламя, пожирая труп. Ветер заставил погребальные костры вожделенно реветь, и вскоре от мертвых не осталось ничего, кроме горячих костей. Над костями были насыпаны высокие курганы, а самый высокий поднялся над Кизиком.

Аргонавты трижды омылись в проточной воде и переменили одежду. Они принесли в жертву черных овец, перевернув их головами вниз и пролив их кровь на курганы, чтобы мстительные духи утолили свою жажду; а также совершили возлияния вином, чтобы те обо всем забыли. Они рвали на себе волосы. Однако о духе Клеты аргонавтам не стоило тревожиться.

Три дня шли погребальные игры в честь царя Кизика, в которых также участвовали и долионы. Но аргонавты победили во всех состязаниях, как и можно было ожидать.

В схватке борцов представлять их был избран Большой Анкей, а не Геркулес и не Кастор. Ибо

Геркулес убил неумышленно двоих, с кем встречался на арене, и его все еще терзали порой их негодующие духи, а Кастор повредил себе палец, когда прыгал на берег с «Арго» в ту роковую ночь.

Во время первой встречи Анкей схватил своего противника-долиона за талию, сбил его с ног, отбросил в сторону и быстро прижал к земле, прежде чем тот опомнился от изумления. Это принесло Анкею золотую чашу, ибо долионы отказались попытать с ним удачи во второй раз.

В состязании по поднятию тяжестей легко победил Геркулес. Его противник-долион старался взвалить себе на плечи новый якорный камень «Арго», но пока он шумно дышал и бесплодно напрягался, Геркулес подошел сзади и, силой усадив его на камень, подвел под камень одну руку и взгромоздил его себе на голову вместе с сидящим на нем долионом. Затем, когда долион спрыгнул и признал себя побежденным, Геркулес стал подбрасывать камень в воздух одной рукой, спрашивая, не согласится ли кто-нибудь сыграть с ним в мяч. Ответа не последовало, и тогда он запустил камень в воздух, словно метательный диск, над головами зрителей. К счастью, никто не пострадал. Этим Подвигом Геркулес завоевал

серебряную чашу — ибо долионы выше ценили серебро, чем золото.

Кастор получил золотой гребень для шлема, за то что выиграл два состязания в беге колесниц; но сами скачки не оказались примечательными, так как местная порода лошадей никуда не годилась по сравнению со спартанской или фессалийской.

Поллукс выиграл в кулачном бою роскошный ковер; он был страшным противником и с тем, против кого выходил, играл, словно дикий кот с мышью. Долион постоянно совершал захваты к злости аргонавтов — в Греции захват считается недозволенным приемом. Но Поллукс позволял ему уйти безнаказанным после каждого захвата, а затем налетал на него, нанося левой удары в подбородок, пока у него не закружилась голова и он не упал на одно колено.

Состязание в беге отменили, ибо вызвалась бежать Аталанта, долионы отказались соревноваться с женщиной, а Ясон не желал оскорбить Аталанту, заменив ее другим аргонавтом.

Ясону позволили представлять аргонавтов хотя бы в одном из состязаний: ему разрешили участвовать в соревнованиях лучников, хотя Фалер Афинский стрелял из лука куда лучше его, а Геркулес — куда лучше Фалера. На поле принесли

гуся, и перед ним поставили ячмень; дали сигнал, и тогда Ясон и его противник пустили в гуся по стреле с расстояния шестидесяти шагов. Первая стрела долиона ранила гуся в ногу, пригвоздив его к земле и заставив хлопать крыльями, Ясонова же стрела попала птице в грудь и выступила кровь. Во второй раз обе стрелы отнесло внезапным порывом ветра. В третий раз стрела долиона угодила гусю в крестец, а Ясонова — в голову. Так Ясон заслужил венок из дикой оливы, ибо все прочие дары он отверг, сказав, что все то, что он получил прежде, принесло ему мало удачи.

Последним состязанием было музыкальное, и Фокей, придворный певец-долион, гортанно спел под свою лиру длинную похвалу Кизику и его усопшим товарищам, подробно описав славное происхождение и доблестные дела каждого из них и завершая каждую строфу той же самой горестной жалобой:

Но, увы, увы, он погиб в ночи,

Не врагом, а другом сражен.

Он вызвал аплодисменты, которых заслуживал, а затем все взоры обернулись к Орфею. Орфей не стал, подобно Фокею, вовсю напрягать голос или бить по струнам, утрируя движения кистей и за-

пястий, не были и слова, которые он пел, пустой хвалой павшим. Но, обратив встревоженное лицо к горе Диндим, и так перебирая струны, как если бы каждая нота давалась ему с болью, он заставил лиру трепетать от печали и чистым голосом пел:

Прости неразумного сына, мудрая мать, —

Он юн и не может шепнуть твое имя.

Тебя всемогущею мы назовем опять,

Коль то, что случилось ему совершать,

Будет забыто другими.

Пусть лопнет руль, пусть качает корабль волна

За то, что мы совершили ошибку.

Пусть криками чаек взорвется тишина,

Пусть тяжестью давит на нас вина,

Но нам ты пошли улыбку.

Когда зашипят твои змеи, а львы зарычат…

Дальше он продолжать не смог, ибо расплакался, и все аргонавты заплакали с ним вместе. Эхион

снял с правой ноги позолоченную сандалию с крыльями у пятки — эмблемой его вестнической должности и отдал ее Орфею со словами:

— Орфей, ты — вестник лучше, чем я мог бы когда-либо стать…

Затем, словно сговорившись, они поднялись и направились процессией по перешейку на Медвежий остров. Они взошли на гору Диндим по тропе, которая ныне зовется Ясонова тропа, покорившись необходимости умилостивить разгневанную Богиню. Они не испытывали страха перед людьми-Медведями, ибо с ними шла Аталанта, и когда они заткнули уши, она испустила пронзительный, безрадостный, исполненный смеха крик, от которого у мужчин леденеет кровь: крик девы-охотницы, которая предупреждает встречных, чтобы убирались прочь с дороги, если не хотят, чтобы их обратили в оленей. Так что они благополучно добрались до вершины, с которой, ибо день был прекрасный, смогли обозреть все побережье Мраморного моря, а Проконес, казалось, лежал почти на расстоянии полета стрелы. Линкей, глядя на северо-запад, вскричал?

— Видите вдалеке ту серебряную ленту? Это Босфор, через который лежит наш путь в Колхиду.

Но никто, кроме него, не смог разглядеть про-

лив.

Во впадине близ вершины они обнаружили сосновый пень — верхушку сосны снесло молнией, но и то, что осталось от дерева, было столь велико, что двоим не обхватить. Аргус обрабатывал этот пень своим топором, пока пень не принял форму Богини, сидящей на корточках, уронив лицо в ладони. Когда он это сделал, все мужчины обвили лбы плющом и простерлись перед образом. Они резали себя ножами и выли, моля о прощении, Аталанта же тем временем украсила идол цветочным венком и обратилась к нему как к «дорогой госпоже с лучезарным ликом». Затем каждый из мужчин отправился на поиски огромного камня — самого большого, какой мог поднять или прикатить, и Геркулес построил из них прочный алтарь. На алтарь они возложили дары, которые принесли с собой — ячмень, сезам, желуди, сосновые шишки и кувшин превосходного гиметтского меду — дар Бута. Аталанта произнесла приличествующую случаю молитву, а они отвернули взоры и стали ждать знака. И вскоре услыхали троекратно повторившийся львиный рык — и поняли, что все в порядке.

Они возвращались на перешеек по двое и, когда шли, увидали облака, собирающиеся на юго-за-

паде. Тифий сказал:

— Через три дня мы сможем отплыть.

Ясон спросил:

— А почему не сегодня вечером?

Тифий ответил:

— Мы должны позволить ветру нас обогнать и ослабить течение в проливе.

В эту последнюю ночь перед новолунием их терзали во сне видения мертвых долионов: Маленький Анкей, Пелей, Фалер и Эргин Милетский, вскочили во сне и, схватив оружие, зарубили бы друг друга, если бы, к счастью, шум не разбудил Идмона. Он брызнул холодной водой им в лицо, чтобы привести их в чувство.

Утром все согласились отплыть как можно скорее и сделать следующую стоянку в устье реки Киос, которое заслонено с севера высоким хребтом Аргантокийских гор. А пока что Идмон взялся успокоить мертвых надежнее, чем это было сделано при погребении.

Он велел своим спутникам трижды омыться в море и один раз — в источнике (что и сам проделал) и увить лбы серо-зелеными оливковыми венками. Затем, встав на кургане Кизика, облаченный в свое жреческое платье, он приказал им всем пройти перед ним и коснулся каждо-

го лавровой ветвью удачи. Далее последовало принесение в жертву свиней, сперва оросивших кровью курганы, затем зажаренных целиком над низкими очагами, и жарившихся, пока их не пожрало пламя.

— Ешьте вволю, дорогие духи! — крикнул Идмон своим пронзительным голосом. Затем он поставил в ряд тридцать четыре дубовых бревна и всадил в землю перед каждым по палке — словно копья, и каждое бревно назвал именем одного из аргонавтов. Затем увел всех на цыпочках, босыми, через ручей, чтобы бегущая вода унесла их запах подальше от чутких духов. А сам вернулся и обратился к духам со словами:

— Духи, забудьте свой гнев и удовольствуйтесь наконец тем, что у вас есть место для отдыха. Не поражайте стада мором или посевы вредителями. Взгляните, перед вами в ряд с копьями в руках стоят те, кто в неведении вас убили. Терзайте их, если вам нужно, но не обращайте свой гнев на их детей или других невиновных! — Он снова назвал каждое бревно по имени. Наконец, накрыв голову плащом, он тоже украдкой отошел и пересек ручей.

— В море! В море! — вскричали аргонавты.

— Пусть никто не оглядывается на курганы, —

сказал Идмон, — а не то как бы духи не узнали вас и не догадались об обмане. — Но он забыл положить в общий ряд бревно вместо себя и назвать его Идмоном. Призрак долиона по имени Мегабронт, которого он сам убил в сражении, прокрался за ним, взошел на борт «Арго» и заполз в рундук, под сиденьем кормчего. Там он затаился в надежде на месть. Линкей видел, как призрак не сводил горящих глаз с Идмона, но никому ничего не сказал, не желая привлекать внимания призрака к себе.

Скоро они были в открытом море, юго-западный ветер надувал им парус, и Орфей играл мелодию без слов в честь Богини с Диндима, столь сладостную, что море казалось каждому из слушателей усеянным цветами. Сияющий зимородок взлетел с оконечности Медвежьего острова, когда они его огибали, уселся на рее и принялся щебетать и отряхивать свои короткие крылышки.

Орфей опустил лиру. Все накинулись с вопросами на Мопса:

— Что говорит эта птица? У нее — послание от Богини?

Мопс ответил:

— Она снова и снова повторяет одно и тоже:

«Дети, больше не грешите».

А долионы продлили траур на целый месяц, не зажигая огней и довольствуясь сырой пищей.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ
Исчезновение Гиласа

Геркулес начал брюзжать:

— Царь Эврисфей, конечно, уже послал за мной своего вестника Талфибия с приказом совершить какой-то новый Подвиг. Если у нас случатся еще задержки, вроде последней, вестник настигнет меня неотвратимо, это судьба. Я не удивлюсь, если обнаружу, что он поджидает меня, взобравшись на скалу в устье Босфора. «Благороднейший Геркулес, добрая встреча! Мой повелитель, царь Эврисфей Микенский, твой господин, послал меня передать тебе свой последний приказ. Ты должен подняться на Луну и принести ему оттуда спелой земляники — проверь, чтобы она была спелая!» Тьфу! И с чего бы ему хотеть лунной земляники, скажите-ка мне! Или ее мало растет у него в долинах? Священные Змеи, какие дурацкие задания дает мне этот лопоухий идиот! Но самое худшее в этих шутках, что я должен всерьез выполнять их.

Ясон сказал, чтобы его подбодрить:

— Да, князь Геркулес, мы едва ли можем себе

позволить потерять тебя. Лучше нам поторопиться, как ты говоришь!

Геркулес ответил:

— Возьми-ка для разнообразия весло, мальчик, и пусть Орфей будет сегодня нашим капитаном. Кажется, у него больше мозгов, чем у любого другого на этом корабле, если не считать малыша Гиласа. Возьми Идмона, а Идмон пусть даст отдых Тифию, у которого сегодня глаза больной собаки, и которому надо бы лечь поуютней, завернувшись в одеяло.

Ясон взял весло, а Тифий согласился позволить Идмону править вместо себя. Тифий становился с каждым днем все слабей. С горы Диндим Геркулес вынужден был нести его на плечах.

— А теперь, — сказал Геркулес, — давайте-ка поспешим. Я преподнесу серебряную чашу, которую завоевал на играх, человеку, который сможет грести со мной в такт, пока мы не подойдем к берегу сегодня вечером. Сыграй нам что-нибудь, Орфей.

Орфей заиграл песнь гребцов, низкую и ритмичную, и начал импровизировать слова о Солнце, которое каждый день пересекает небо, следуя с востока на запад в огненной колеснице; и каждую ночь возвращается по Океану, несомое

в золотой лодочке, имеющей форму кувшинки и спящее всю дорогу. Он пел также о Колхийской Эа, где отдыхают в конюшне белые лошади Солнца, жуют золотое зерно и обрызгивают пол конюшни белой пеной. Каждая строфа была повторением предыдущей, только в начале ее стояла новая строчка. В этом приеме таились чары, побуждавшие людей на веслах продолжать грести. Час за часом налегали они на весла, и каждый с гордостью говорил себе, что перестанет грести последним.

Геркулес сидел с потухшим взором и греб словно во сне, и все же время от времени присоединялся к хору, издавая хриплый вой. Так они плыли вперед, строфа за строфой и миновали поросшее тростником устье реки Риндакос и ее болота, оглашаемые криками диких птиц, и поросший лесами остров Бебискос в семи милях к северу от реки. Море здесь кишело всякого рода рыбой, хотя многие рыбы были незнакомы грекам, отличались необычной формой и цветом. День был жаркий, и около полудня Большой Анкей сказал своему соседу Геркулесу, нарушив очарование напева:

— Дорогой товарищ, давай перестанем грести ненадолго и перехватим немного вина и ячмен-

ных лепешек.

Вместо ответа Геркулес прорычал следующую строфу на самых высоких нотах, и ни Анкей, ни кто-либо еще не осмелился больше заикнуться о том, чтобы перекусить. И вот они гребли час за часом, попадая в такт Геркулесу. Они миновали фригийское поселение Мирлея, выстроенное на ровном берегу, позади которого виднелись покрытые садами и полями холмы; и все жаждали здесь высадиться, ибо разглядели длинные полосы ухоженных виноградников на покрытых террасами склонах позади города, но безжалостный напев привязывал их к веслам. Долопр Эвридан и его напарник, гиртонец Корон, сдались первыми, бесстыдно втянув свои весла в весельные отверстия. Эргин Милетский и Аскалаф, сын Ареса, последовали их примеру. Когда афинянин Фалер заметил, что все четверо — урожденные минии, он поддел их, сказав:

— Если бы в это плавание пустились только минии, сомневаюсь, увидели бы мы когда-нибудь, как уходят за горизонт берега Греции.

Так он возбудил дух соперничества между настоящими миниями и теми, кто стал миниями, лишь пройдя обряд усыновления. Среди следующих десяти, которые подняли весла, были

сам Фалер и его товарищ Бут. Но напев взлетел еще раз и хрипло угас, когда они входили в Кианийский залив; те, кто выбыл из состязания, перестали петь от усталости. Большой Анкей рухнул без сознания на свое весло, а Маленький Анкей поднял весло и привел в чувство своего тезку, брызнув ему в лицо морской воды. По левому борту через залив круто вздымался запретный хребет одетых в шапки из снега и платье сосновых рощ Аргантонийских гор, где встречаются медведи гигантских размеров.

Когда они все еще были на расстоянии пяти миль от своей цели — устья мелкой, но буйной реки Киос в начале залива, только Кастор, Поллукс, Ясон и Геркулес еще держались. Как только все победители стали сушить весла, задача, выпавшая оставшимся гребцам, стала тяжелее, а сильная зыбь добавила им работы. Вскоре Кастор и Поллукс одновременно перестали грести, ибо ни один не желал перещеголять другого, а сила Кастора была на исходе. Ясон с натруженными от гребли руками угрюмо продолжал грести, не желая уступать первенство Геркулесу. Еще полмили, и соревнование бы закончилось. Но весло Ясона не уходило в воду так глубоко, как Геркулесово, и Идмону стало трудно держать курс.

Геркулес пел все громче и громче, Ясон — все глуше и глуше. Наконец Ясон пропустил удар и опрокинулся на спину. Теперь из гребцов остался один Геркулес. Илистая вода Киоса своим течением тормозила «Арго». Геркулес упорно сопротивлялся ему и изо всех сил пытался двигать корабль вперед. Внезапно раздался громкий треск, а за ним — гул. Его весло разломилось надвое, и Геркулес столь мощно ударил себя в грудь его комлем, что полетел, отшвырнув Зета, который сидел позади него, в объятия Мелеагра, а Мелеагр — в объятия Навплия. Геркулес пришел в себя, огляделся и воскликнул:

— Львы и Леопардицы! Дайте мне настоящее весло, а не гнилую щепку, вроде этой!

Аргус ответил за других:

— Нет, благородный Геркулес! Дело не в весле. Твоя удивительная сила, противостоявшая бурной реке, расколола бы крепчайшее весло в мире. Ну, минии, один последний рывок — и мы заночуем сегодня на тех прелестных лужайках, усеянных белыми цветами!

Утомленные гребцы просунули свои весла в весельные отверстия, и Геркулес взял весло Ясона из его онемевшей руки. «Арго» снова рванулся вперед, и Идмон направил его в лагуну. Здесь

они бросили якорь, сошли на прибрежную траву и начали собирать сухое прибойное дерево для костра, который Авгий развел своими палочками; он был самый большой мастак в Греции разводить огонь в сырую или ветреную погоду, хотя никто не догадался бы об этом, глядя на его пухлые руки и ленивые движения. Они наполнили корабельный котел речной водой, чтобы сварить в ней дюжину больших рыб, которых поймал Тифий, забрасывая удочку с поплавком и наживкой позади корабля; но он был так слаб, что звал Гиласа втаскивать в лодку каждую рыбу, которая клевала. Рыба, сваренная с ячменной кашей и душистыми травами, хорошо всех согрела, но Геркулес объявил, что хотя речной ил мог и не испортить вкуса кушанья, ему нужна чистая вода хотя бы для того, чтобы разбавить вино. Другие аргонавты слишком устали, чтобы обращать внимание на то, что они пьют; однако Гилас вызвался отыскать чистый родник и принести Геркулесу воды. Он снова взобрался на «Арго» за кувшином, но заодно прихватил и мешок с серебряной пряжкой, золотыми украшениями и запасом мяса и фиг. Наконец-то ему представилась возможность бежать! Все аргонавты, кроме Геркулеса, слишком устали, чтобы его преследовать, а Геркулеса,

он был уверен, он сможет провести.

— Будь осторожен, мой дорогой! — сказал Геркулес. — Держись берега реки, а если встретишься с опасностью, немедленно беги обратно и зови на помощь! Но сперва подойди поцелуй меня!

Гилас наградил Геркулеса необычайно пылким поцелуем, надеясь отвлечь его внимание от мешка. Геркулес ничего не заподозрил, и когда Гилас исчез за поворотом прибрежной тропы, испустил мощный вздох, подобный первому порыву ветра, предвещающему шквал.

— Ах, как этот мальчик меня любит! — вскричал он. — Ты мне не завидуешь, Идас? А ты, Зет? Линкей, у которого самое острое зрение среди всех живущих, Аргус, Навплий, Орфей, брат мой Полифем, который, не считая меня, больше всех из присутствующих странствовал, Аталанта, которой, как женщине, можно доверять, что она скажет без обиняков, — видел ли когда-либо кто-либо из вас мальчика, более красивого, лучше воспитанного, более приятного или более нежного?

— О, конечно, нет, благороднейший Геркулес! — ответили они хором. Но Тифий кротко сказал:

— Осторожней, Геркулес, не разбуди зависть

какого-нибудь бога! Не что иное, как точно такая же легкомысленная похвала побудила Зевса похитить юного троянца Ганимеда. Позволь мне отвратить опасность от Гиласа некоторым к нему пренебрежением. Нос у него немного короток, рот, пожалуй, слишком велик, и он манерно выгибает мизинец, когда пьет.

— Мне нравятся короткие носы, рот у него совершенной формы, и если ты скажешь еще слово по поводу того, как он изысканно пьет, я сделаю из своей дубинки пестик и растолку тебя в порошок.

— Хорошо, хорошо, — сказал Тифий, — я отказываюсь от своих слов, сказанных с добрыми намерениями.

— Забудь о своих добрых намерениях и держись правды, — отрезал Геркулес, — правда — великая вещь, и всегда победит. — Затем он вспомнил о сломанном весле и сказал своим спутникам: — Пойду-ка я вырежу себе весло; настоящее весло, которое ни за что не расколется надвое. Когда Гилас вернется, брат Полифем, присмотри, чтобы он хорошо поел и выпил чуточку вина, но не слишком много. Я считаю, что ребенку вредно пить вино в больших количествах.

Геркулес удалился, с грохотом подыскивая под-

ходящую сосну, но не нашел ничего подходящего. Каждое дерево было либо слишком маленьким, либо слишком большим, или у него оказывалось слишком много ветвей, или оно было кривое. Когда стемнело, он вернулся в мрачном настроении и потребовал факел. Полифем поспешно зажег для него факел, и верзила снова ушел. Прошло часа два или около того, прежде чем он нашел сосну, которая ему подошла, — великолепное дерево, прямое и стройное, как тополь, растущее на краю темной рощи. Он подрыл корни дерева дубиной, а затем, согнувшись и широко расставив ноги, яростно дернул его, и наконец с треском вырвал, на корнях дерева висели комья земли, каждым из которых можно было бы нагрузить тележку. Затем, стряхнув землю, верзила взвалил дерево себе на плечо и неуклюже потопал назад к костру.

— Дайте мне топор! — прокричал он. — Я хочу вытесать себе весло, прежде чем пообедаю. И, Аргус, потрудись проделать для меня новое весельное отверстие в два раза шире прочих!

Он тесал и строгал, мощно крякая, и вдруг крикнул:

— Гилас! Эй, Гилас, дорогой мой, подойди и посмотри, что я делаю!

— Гилас еще не вернулся, благородный брат, — сказал Полифем. — Не пойти ли мне и не поискать ли его?

— Еще не вернулся?! Что ты имеешь в виду, говоря «еще не вернулся»? — прогремел Геркулес. — Не смей меня дразнить, пожалуйста. Я очень чувствителен, пока хорошенько не поем и не попью.

— Это не шутка, — сказал Полифем. — Гилас ушел с кувшином и не вернулся. Не пойти ли мне его искать, пока ты заканчиваешь весло?

— Да, сходи, Полифем, — сказал Геркулес, — а когда найдешь, передай ему от меня, что его ждет самая сильная в его жизни взбучка за то, что доставил мне столько беспокойства.

Полифем, закинув за спину связку факелов, а один, зажженный, взяв в руку, двинулся вверх по реке. Он пел и громко звал Гиласа по имени; но не раздавалось никакого ответа, кроме насмешливого уханья совы. Он был опытным лесным бродягой и вскоре отыскал отпечатки маленьких сандалий. То был след Гиласа, который явно бежал. Передний край правой сандалии впечатался в почву не глубже, чем край левой: следовательно, тяжелый бронзовый кувшин должно было уравновешивать что-то с другой стороны. Или Ги-

лас бросил кувшин в реку? След повел Полифема берегом маленького ручья, который завершался глубоким водоемом, именуемым источником Пеги, и здесь Полифем нашел сандалии и кувшин Гиласа, лежащие на берегу, и Гиласову одежду из оленьей шкуры, но не самого мальчика. В этот миг из зарослей раздался внезапный крик ночной птицы, и Полифем, обнажив меч, бросился вперед, думая, что Гиласа утащили разбойники или какой-нибудь дикий зверь. Он кричал:

— Гилас! Гилас! Что с тобой? Что с тобой?!

Геркулес, сидевший и работавший на берегу, услыхал его крик и, схватив свою огромную дубину, скачками помчался в долину. Вскоре он встретил Полифема, который, стуча зубами, вскричал дрожащим голосом:

— О, дорогой Геркулес, приготовься к дурным новостям! Гилас пошел вон к тому ручью, но там следы обрываются. Он оставил кувшин, сандалии и платье из оленьей шкуры на траве, но на него напали разбойники, или дикие медведи, или какой-нибудь ревнивый бог унес его в небо… Я слышал, как он кричал.

Геркулес зарычал от ярости и муки, словно чудовищный бык, ужаленный оводом в чувствительное место. Он пробежал мимо Полифема

и принялся раскручивать дубину над головой, вопя:

— Гилас! Гилас, мой дорогой! Вернись! Вернись, я тебя простил! Я и не собирался тебя бить!

Полифем, вернувшись к аргонавтам, предупредил, что от Геркулеса сейчас можно ожидать, если Гиласа не удастся найти.

— Я уверен, он нас всех перебьет. Начиная с Тифия и Ясона.

— Все ясно, — сказал Эргин Милетский. — Гилас бежал, пока ему не стало жарко, напился у источника, снял сандалии и одежду, чтобы поплавать, нырнул, очутился на слишком большой глубине и утонул.

— Он плавал, как рыба, — возразил Ясон.

— Должно быть, он ударился головой о подводный камень, и это его оглушило, — сказал Эвфем из Тенаррона. — Такое случалось со многими неосторожными пловцами.

— Гилас был доблестным пареньком, — сказал Пелей. — Мне будет его не хватать.

Мелеагр улыбнулся.

— Не думаю, что нам следует говорить о нем, как о мертвом, — сказал он. — По тому, как он говорил однажды со мной и Аталантой на Самофракии, я сужу, что он всего лишь сбежал от

своего хозяина. И, положа руку на сердце, не могу его ни за что корить.

Линкей сказал:

— Я заметил, что у него был с собой мешок, когда он уходил. Если он бросился в пруд поплавать, он бы оставил мешок на берегу вместе с сандалиями и кувшином.

— Я слышала, как там звенело, — сказала Аталанта.

Полифем сказал:

— Тяжелый мешок слева объясняет, почему след был таким ровным. Я не мог понять, почему вес кувшина не заставил след одной ноги отпечататься глубже, чем след другой.

— Тяжелый мешок, где что-то звенит?! — вскричал Мопс. — Тогда ясно как день, что паренек убежал. Он достаточно смышлен, чтобы ускользнуть от Геркулеса. Хотя бы на некоторое время. Как я себе представляю, он подастся сухопутным путем в Трою, там сядет на корабль до Лемноса и снова разыщет ту девушку, Ифиною.

Аргус сказал:

— Пелий видно говорил правду, когда предположил, что вес Геркулеса окажется слишком тяжелым для «Арго». Когда он вернется, боюсь, он пробьет огромные дыры в днище корабля.

А не впал ли он снова в безумие? Взгляните на это невероятное весло, которое он сделал. Он действительно намерен им пользоваться, а оно длиной почти что с лодку. Все станут над нами смеяться, когда мы будем проплывать мимо.

Старый Навплий хмуро добавил:

— Это — самое чудное весло, которое я видел за те тридцать лет, что хожу в море. Для гребли оно слишком длинно, даже если Геркулес пересядет к противоположному борту. К тому же, как он вообще сможет его поднять? Или нам придется выбросить мачту и вставить весло вместо нее в вилку?

Где-то очень далеко слышались крики Геркулеса: «Гилас! Гилас!», но слабые отблески его факела уже не были видны. Они встревоженно обсуждали, а не донесет ли Гилас троянцам, что «Арго» идет в Колхиду; ибо если донесет, последствия будут серьезные. Но Аталанта вступилась за Гиласа, заявив, что он скорее откусил бы себе язык, чем выдал товарища, и что он — поразительно изобретательный лгунишка.

— Желаю ему удачи с женщинами, — сказала она. — И все же не могу удержаться от беспокойства за него, теперь, когда он отдан на их милость, — клянусь честью, не могу!

Разговор продолжался.

— Ладно, надеюсь, настала пора немного поспать, — сказал Анкей Большой. — У нас у всех был тяжелый день. Доброй ночи, товарищи!

И все уснули, кроме Полифема, который не желал, чтобы Геркулес счел его уклонившимся от поисков. Он снова пошел вверх по реке в направлении, которое выбрал Геркулес, устало крича: «Гилас! Гилас!» и помахивая факелом.

Река Киос вытекает из большого священного озера, называемого Асканийским, у ближнего края которого находится древняя коллегия нимф Дятлов. Когда Гилас добрался до источника Пеги, он застал там Главную Нимфу, Дриопу, купающуюся обнаженной, ибо то был вечер новолуния, и она очищалась перед жертвоприношением. Гилас скромно отвел взгляд, но дерзнул попросить ее указать ему дорогу к Трое, рассказав о себе, почти ничего не скрывая. Дриопа влюбилась в него. Она сказала, что, если ему угодно, он может отправиться с ней в коллегию, где она спрячет его переодетым среди женщин, пока судно не отплывет. Он поблагодарил ее, она обняла его, но не по-медвежьи, как Геркулес, и нежно поцеловала. Она сказала, что поскольку он видел ее наготу и не обратился в лягушку или оленя, ясно, что сама

Богиня устроила эту встречу: он может познать ее, она будет только рада. Так она его без труда соблазнила, ибо она была красивой женщиной, а он рад был почувствовать себя наконец мужчиной и насладиться милостью Богини. Он отдал ей в знак любви все украшения, но она посоветовала ему оставить свой кувшин, сандалии и платье близ источника, словно он утонул; а она уведет его с собой по твердой травянистой тропе, где его ноги не оставят следов.

Когда разъяренный Геркулес ворвался в коллегию в поисках Гиласа, Дриопа сказала ему, что ничего не знает. Он требовал, чтобы ему дали обыскать каждый уголок, и она не возражала, хотя коллегия считалась священным местом, и он не имел права пересекать порог. Он шагал из комнаты в комнату, разбивая шкафы и сундуки дубинкой, и грозно озирая перепуганных нимф. Он прошел мимо Гиласа, но не узнал мальчика в коротком зеленом одеянии и капюшоне; затем с ревом, рычанием и проклятиями он вернулся на заре к костру у лагуны. Приближаясь, он вопил:

— Вы, изменники, сговорились против меня! Я отомщу. Кто-то из вас украл у меня дорогого мальчика. Это ты, Ясон, или ты, Тифий. Я никогда не доверял ни тому, ни другому!

Но костер уже догорел, и Геркулес напрасно искал взглядом «Арго». Когда небо посветлело, он наконец увидел корабль, совсем маленький, на западе у горизонта, огибающий базальтовые скалы Аргантониоса. Поняв, что его бросили, он был сперва слишком удивлен, чтобы сердиться. Такого с ним еще не случалось. Он обшарил берег в поисках своей серебряной чаши и прочего имущества, которое, в чем он и не сомневался, они вытащили из его рундука и оставили ему. Но они вообще ничего ему не оставили, не считая рыбьих костей и его нового весла. Вот пираты!

На борту «Арго» все были в тревоге. За час до зари внезапный ветерок пронесся по долине, раздув догорающие угли костра так, что они ярко вспыхнули. От дыма Тифий закашлял и зачихал. Он проснулся и поднял Ясона, говоря:

— Вот тот самый бриз, который нам нужен. Прикажи всем на корабль.

Ясон закричал:

— Все — на борт!

Сонные аргонавты собрали свои пожитки и заковыляли по трапу на корабль, каждый сел на свою скамью, только Мелеагр покинул Аталанту и занял место Геркулеса. Ибо ночью между двумя влюбленными возникла ссора. Что говорилось с

каждой стороны — неизвестно, но их дружеским отношениям пришел конец, и если им необходимо было друг друга о чем-то спросить, они прибегали к посредничеству Орфея.

По команде Ясона трап был поднят, и аргонавты, перевернув весла, воспользовались ими как шестами и вытолкнули судно из лагуны. Затем быстрое течение Киоса подхватило его и вынесло в залив.

— Поднять парус! — закричал Ясон. Мачту вытащили из вилки и установили в гнезде, подняли рею, ветер надул парус. Все еще полусонные, аргонавты следили, как пропадает из глаз туманный берег. И не ранее, чем они выплыли из залива, Адмет, который в Иолке первый предложил, чтобы Геркулес возглавил поход, внезапно вскричал:

— Где Геркулес? Почему он не на борту?! И где Полифем? Ты что это делаешь на месте Геркулеса, Мелеагр?

Он обернулся и убедился, что Геркулес не спит на носу. Тогда он крикнул Тифию:

— Эй ты, жалкий негодяй! Ты поднял нас затемно, добился, чтобы Ясон загнал нас на борт и отчалил, прежде чем мы сообразили, что Геркулеса нет на борту. Разверни корабль немедленно или тебе будет худо!

Тифий не ответил, а только мрачно улыбнулся Адмету.

Адмет поднял весло и вскочил с оружием в руке. Ругаясь, он заковылял по кораблю к Тифию. Но Калаид и Зет, сыновья Северного ветра, вцепились в него, крича:

— Молчи, Адмет! Если у тебя есть жалобы, обращайся с ними к Ясону. Он здесь командует.

Адмет пытался вырваться.

— Вы правы, фракийцы, — сказал он, — Ясон — тоже участник заговора. Он согласился бросить Геркулеса из ревности. Он хочет, чтобы вся честь в этом походе выпала ему. Он хорошо знает, что если затея увенчается успехом, все и каждый не пожалеют похвал для Геркулеса, а Ясона забудут. Разверните корабль, эй вы там! Эй, товарищи, кто на моей стороне? Какова наша надежда добыть Руно без Геркулеса?! Давайте немедленно вернемся и возьмем его на борт, да заодно и Полифема. И если он накажет Ясона и Тифия, как они того заслуживают, я лично пальцем не шевельну, чтобы их выручить.

Адмета не поддержал никто, кроме Пелея и Акаста. Ветер был резким, а вчерашний дневной переход на веслах так измучил аргонавтов, что сама мысль о том, чтобы опустить рею и грести

назад против ветра, их пугала. Кроме того, они больше боялись снова встретиться с Геркулесом, чем заслужить упрек в том, что его бросили: он был в безумном состоянии еще до того, как пропал Гилас, а ведь они даже не оставили верзиле пищи или питья на месте стоянки.

Идмон сказал:

— Ну, Ясон, ты — наш предводитель. Тебе и принимать решение. Мы вернемся или поплывем дальше?

Ясон сел, сверкая глазами и не желая произносить ни слова. Афинянин Фалер поддел его:

— Ясон, ты молчалив, как торговец рыбой на афинском рынке, когда покупатель спрашивает его о цене рыбы, выраженной в масле или ячмене. Он не назовет цену, боясь запросить меньше, чем готов заплатить покупатель. Но когда воображала-продавец проигрывает такой фокус со мной, я подхватываю влажную рыбу и шлепаю его по морде, хотя в целом я человек терпеливый.

Адмет заговорил снова:

— Ветер уносит нас все дальше и дальше. Ну, Ясон, скажи свое слово, пока еще не слишком поздно.

Идас хрипло усмехнулся:

— Адмет, Адмет, твоя ягнячья шапка сбилась

набекрень, а нос выпачкан дегтем. Сядь, приятель, сядь!

Калаид сказал несколько мягче:

— Адмет, забудь о Геркулесе. Кто-то из богов внушил Тифию, чтобы тот нас поднял, как и случилось, и закрывал нам глаза на то, что Геркулес не с нами.

— А своей невидимой дланью все еще запечатывает губы Ясона, нашего капитана, — вставил Зет. — Давайте поплывем дальше, забыв безумного тиринфца и думая только о Руне.

Адмет ответил:

— Отлично. Что я стою один против всех вас? Но будьте свидетелями, Акаст и Пелей, что вы и я всерьез предлагали вернуться к стоянке и что Калаид и Зет были против. Если Геркулес пожелает отомстить кому-либо из нас, пусть обрушится на этих двух фракийцев. Ясон, Аргус, Тифий и остальные, кажется, впали в священный транс и не могут отвечать. Что касается тебя, Идас, то когда ты скажешь в насмешку что-нибудь лишнее, слово это влетит обратно к тебе в рот, словно злой дух, и ужалит тебя в язык.

Они плыли в молчании, которое вскоре нарушил скрипучий голос Аскалафа Орхоменского:

— Мне слышится, будто на носу что-то поет. Не

может ли это быть дубовая ветвь Зевса?

— Это только ветер играет снастями, — сказал Эхион.

Но прорицатель Мопс вскарабкался на нос и, призвав экипаж к молчанию, внимательно прислушался. Наконец он заговорил:

— Ветвь говорит: «Геркулес остался на берегу по замыслу самого Зевса. Гнев Геркулеса подготовит для нас обратную дорогу. Для Полифема у отца Зевса тоже есть работа в устье Киоса. Перестаньте, мои сыны, пререкаться между собой, а благочестиво плывите на поиски священной реликвии, которая была давным-давно похищена Кобылой у Овна».

Это разрешило вопрос, и на корабле снова воцарился мир.

Геркулес, поскольку ему не удалось найти следа Гиласа в долине реки Киос, побывал во всех окрестных городах Миссии и обвинил каждого правителя по очереди, что тот похитил у него Гиласа. Когда они опровергали обвинение, он требовал у них заложников — как гарантию их помощи ему и обещания искать Гиласа, пока они его не найдут. Они соглашались, зная, что если они откажут Геркулесу в чем-либо, он разрушит их жилища и сожжет посевы. И поныне жители

Мисии еще ищут везде Гиласа раз в году, тщетно выкрикивая его имя в плодородных долинах и густых лесах своей страны. Сам же Геркулес подался в Колхиду пешком, надеясь перехватить там «Арго» и отомстить Ясону и его спутникам.

Полифем, будучи изгнанным из Ларисы, не имел пристанища, и когда Геркулес поручил ему заботу о своих тридцати юных мисийских заложниках, решил поселиться в долине Киоса и построить там город. Так он и поступил, и в долине вырос весьма значительный город, любимое место гнездования священного аиста.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ
Поллукс бьется на кулачках с царем Амиком

Обогнув мыс Посейдон, аргонавты взяли курс на северо-запад, опустив парус и взявшись за весла. Высокие холмы загораживали их от ветра, но они не пришли в себя после изнурительного предыдущего дня, и продвижение их вдоль крутого и скалистого берега было, соответственно, медленным.

Навплий спросил Ясона:

— Давайте пройдем через Босфор сегодня днем?

Ясон посоветовался с Тифием, который ответил:

— Течение в проливе все еще будет очень сильным. Думаю, без помощи Геркулеса мы едва ли сможем его одолеть.

— Тогда почему же, — вскричал Адмет, — ты так торопил нас сегодня утром, оставив Геркулеса на берегу?

Идмон сказал звонко:

— Адмет, Адмет, мы уже достаточно обсуждали

этот вопрос, и ветвь отца Зевса, заговорив, явно взяла на себя ответственность за действия Тифия. Я советую тебе подойти к Тифию, пожать ему руку и показать, что ты ему друг; то же касается Ясона, Калаида и Зета.

Все одобрили это предложение, и Адмет вынужден был с ним согласиться. Он поднялся и торжественно пожал руки своим товарищам.

— Итак, Ясон, — сказал Анкей Большой, — если ты не намерен двигаться сегодня дальше, почему бы нам не высадиться на ближайшем защищенному берегу и не продолжить наш прерванный отдых?

— А почему бы и нет? — согласился Ясон.

Они медленно одолели еще несколько миль, пока берег не свернул на запад, а холмы не отступили; и тут они заметили процветающий на вид город, близ которого паслись стада на богатых лугах, к которому мчался с горы сверкающий поток.

— Кто-нибудь знает, кто здесь живет? — спросил Ясон.

Аргус ответил:

— Бебрики. Или, точнее, смесь ахейцев, бригиев и мисиев. Два поколения назад ахейский клан поселился среди бригиев в устье Дуная и

смешался с ними; позднее они явились сюда на обтянутых тюленьей кожей весельных лодках вместе со множеством бригийских воинов и скоро покорили местных мисиев. Это — странные люди, которые предпочитают молоко коров овечьему или козьему и смешивают вино со свежей смолой. Я слыхал, что их царь, который почти всегда воюет с мариандинами и битиниями на севере — совершеннейший дикарь, по имени Амик. Он твердит, будто происходит от Посейдона, которому — к счастью, повсюду в Греции от этого уже отказались, — приносит человеческие жертвы по малейшему поводу. Если Анкей из Тегеи нуждается в отдыхе, Амик, похоже, предложит ему вечный отдых.

Ясон поставил вопрос на голосование:

— Высаживаемся или идем дальше?

Тридцатью голосами против двух было принято решение о высадке, когда все облачились в шлемы и броню и с воинственными криками подвели «Арго» к берегу против сооружения, которое было, судя по размерам, царским дворцом, и там закрепили тросы вокруг прекрасного лавра.

Первым пришлось сойти на берег вестнику Эхиону. Он зашагал к домам с серьезным и бесстрашным видом. Огромный, косматый, длин-

норукий человек со сплющенной головой, словно бы грубо выкованной кувалдами на наковальне — сам царь Амик, судя по его золотым украшениям, — вышел встретить Эхиона. Но вместо того, чтобы приветствовать его с почтительностью, которую каждый человек чести выказывает даже вестнику врага, он грубо проорал:

— Полагаю, ты знаешь, кто я. Я — царь Амик. Нет, я и знать не хочу, кто ты и куда направляешься, вне сомнений, у тебя полно лживых выдумок, но я хочу, чтобы ты ясно понимал, в какой ты попал просак. В мое царство не позволено являться чужакам, вообще никому. А если уж кто явится, по ошибке или намеренно, пусть смирится с судьбой. Либо чужак выставит кулачного бойца, чтобы тот сразился со мной, и я его неизбежно убью своим знаменитым свингом правой, или если он предпочтет обойтись без этой формальности, он может сократить процедуру, сдавшись без разговоров. В любом случае, его после этого возводят на вершину скалы, которую вы только что обогнули, и сбрасывают в море — в дар моему великому предку богу Посейдону.

— Сам я на кулачках не бьюсь, — учтиво ответил Эхион, — и сожалею, что Геркулес Тиринфский, который входил в нашу команду до

вчерашнего дня, больше не на борту. Полагаю, с ним бы у тебя вышла недурная схватка. И все же у нас есть еще один специалист по кулачному бою, встреча с которым доставит тебе удовольствие. Это спартанец Поллукс, который выиграл первенство по Греции на Олимпийский играх несколько лет назад.

Амик рассмеялся.

— Никогда еще мне не попадался грек, от которого было бы много толку на арене. Видывал я, признаюсь, как греки дрались, ловко работая ногами, уклоняясь и увертываясь. Но что это им принесло? Ничегошеньки, вот дурни-то! Я без промедления отвешиваю свой свинг правой, и этим сражаю их наповал. А они мне ничего сделать не могут, сам понимаешь, я ведь — кости и мускулы. Тронь меня, и запястье сломаешь.

Они вместе подошли к «Арго», и Амик грубо проорал:

— Где этот безумный спартанец Поллукс, который величает себя кулачным бойцом?

Ясон холодно сказал:

— Думаю, ты неправильно расслышал слова нашего благородного вестника Эхиона, сына Гермеса. Перед тобой — Ясон Иолкский, предводитель похода, и прошу тебя обратить свое

приветственное слово, в первую очередь, ко мне.

Амик испустил презрительный, блеющий смех и сказал:

— Молчи, когда тебя не спрашивают, рыжий! Я — прославленный и ужасный Амик. Я не вламываюсь в чужой огород и никому не позволю вламываться в свой. Прежде, чем я сброшу вас всех со скалы и вы плюхнетесь в море один за другим, я желаю встретиться с вашим первым бойцом Греции и малость его отдубасить. Мне нужно поупражняться.

Аргонавты переглянулись с удивлением, но пляж уже заполонили вооруженные дружинники Амика. Нечего было и надеяться столкнуть «Арго» в воду и отойти от берега без тяжелых потерь; да и не желали они бросить Эхиона в руках дикарей, от которых явно не стоило ожидать ничего хорошего.

— Здесь я, царь Амик, — сказал Поллукс, вставая. — Я несколько одеревенел от гребли, но для меня будет большой честью встретиться с тобой на арене. Где ты обычно бьешься? У себя во дворе?

— Нет, нет, — отвечал Амик. — Есть удобная лощинка под скалой за городом, где я всегда бьюсь, если это можно назвать боем. Обычно это похоже

просто на кровавое жертвоприношение.

— В самом деле? — спросил Поллукс. — Так ты предпочитаешь топорный стиль борьбы. Верзилы вроде тебя часто сталкиваются с искушением подняться на пятки и вдарить сопернику сверху вниз. Но даст ли это тебе что-то, если твой противник будет прямо держать голову?

— Ты выучишь немало штучек на арене, прежде чем я тебя убью, — сказал Амик, разражаясь смехом.

— Кстати, — спросил Поллукс, — это будет состязание в кулачном бою или драка без правил?

— Конечно, состязание в кулачном бою, — ответил Амик. — И льщу себя надеждой, что я настоящий спортсмен.

— Давай проясним кое-что, — сказал Поллукс. — Как тебе, наверное, известно, правила заметно меняются в этих отдаленных царствах. Прежде всего, позволяешь ли ты захваты, толчки и удары ногами? Или бросать пыль в глаза противнику?

— Конечно, нет, — сказал Амик.

— А кусаться, бить головой, наносить удары ниже пояса?

— Да нет же! — негодующе воскликнул Амик.

— И только ты и я будем допущены на арену?

— Только мы двое, — сказал Амик. — И биться будем до конца.

— Хорошо! — вскричал Поллукс. — Веди нас в свою лощину.

Амик возглавил шествие к лощине — она была прелестным местом, там из травы, такой зеленой, какую себе можно вообразить, в изобилии поднимались фиалки, гиацинты и анемоны, воздух благоухал от цветения волчника. Вооруженные дружинники заняли свои места с одного краю, под земляничными деревьями, предоставив другой край аргонавтам. Но по пути сюда Идмон, шагавший отдельно от остальных, наткнулся на воодушевляющее знамение: орлы-двойняшки угнездились на трупе косматой черной лошади, один из них просовывал голову между ее ребрами, чтобы добраться до внутренностей, а другой, уже насытившись, вытирал свой выгнутый клюв о лошадиное копыто. Другие пожиратели падали — вороны, коршуны, сороки подпрыгивали и порхали вокруг, норовя разделить их трапезу. Идмон распознал в орлах-двойняшках Кастора и его брата Поллукса, так как орел был птицей их Отца Зевса; а в лошади — Амика, ибо конь посвящен Посейдону; прочими же птицами были Корон, Меламп, Калаид, Зет и остальные аргонавты.

— Какая здесь необычная арена, — заметил Поллукс. — Она почти не оставляет место для маневров. И оба края ее сужаются до точки, словно нос и корма корабля.

— Для моего стиля она годится, — сказал Амик. — И могу добавить, что я всегда бьюсь спиной к скале. Не люблю, когда солнце светит мне в глаза.

— Рад это узнать, — сказал Поллукс. — В цивилизованных странах позиции обычно распределяются по жребию. Ну что же, господин мой, разденься и натяни перчатки!

Амик разделся. Он был бесформенным, как медведь, хотя и длинноногим. Мускулы его волосатых рук вздымались, как валуны, покрытые водорослями. Оруженосцы надели ему перчатки — большущие полосы кожи, утяжеленные свинцом и усеянные медными шипами.

Ясон широким шагом выступил вперед с протестом:

— Царь Амик, так не пойдет! В Греции металлические колючки на перчатках запрещены, это варварство. Это — состязание, а не драка.

— Здесь вам не Греция, — сказал Амик. Никому не дозволено обсуждать мои спортивные правила. Поллукс может взять у меня запасную пару

перчаток.

Ясон поблагодарил Амика, который приказал рабу принести перчатки для Поллукса — такие же, как и те, которые он сам носил. Поллукс рассмеялся, глядя на раба, и покачал головой, ибо Кастор уже надел ему его мягкие тренировочные перчатки, которые предназначались для того, чтобы защитить его костяшки, дабы они не распухли, и обхватить запястья. Четыре пальца каждой руки охватывала петля, большой же оставался свободным и неприкрытым.

Ясон шепнул Кастору:

— Почему твой братец отказался от этих великолепных перчаток?

Кастор ответил:

— Чем тяжелей перчатка, тем медленней удар. Увидишь!

Соперники договорились начать схватку по сигналу трубы-раковины. Трубач поднялся на камень над лощиной, и все еще делал вид, будто распутывает нити, на которых висела у него на шее раковина, когда трубный звук другой раковины прозвучал из толпы, и Амик бросился на Поллукса, надеясь застичь его врасплох. Поллукс отскочил назад, избежав свинга правой, нацеленного ему в ухо, шагнул в сторону и стремительно

развернулся. Амик, придя в себя, обнаружил, что солнце бьет ему в глаза. Амик был тяжелее по весу и на несколько лет моложе. Разъярившись, что его вынудили занять неудобную позицию, он, словно бык, налетел на Поллукса, обрушив на него оба кулака. Поллукс оттолкнул его, нанеся прямой удар левой вниз подбородка, и закрепил свое преимущество не ожидавшимся свингом правой, а вторым ударом левого кулака, от которого у Амика застучали зубы. Но этого оказалось недостаточно, чтобы остановить Амика. Он помчался, наклонив голову, защищая лицо от апперкота, боднул Поллукса в грудь и приготовился нанести два мощных удара его по почкам. Поллукс вовремя отскочил, и Амик попытался загнать его в затененный северный край долины, где бы солнце не помешало ни тому, ни другому. Но Поллукс не поддался и заставил Амика драться в точке, где солнце его особенно сильно беспокоило: на миг солнце заслонил камень, а в следующий оно опять полыхнуло над скалой, а Поллукс останавливал натиски Амика хуками, тычками, рубящими ударами и апперкотами. Поллукс бил то левой, то правой, ибо одинаково владел обеими руками — удивительное преимущество для бойца.

Состязание продолжалось столько времени, сколько заняла бы прогулка на расстояние мили, если идти размеренным шагом, а Поллукс был невредим, если не считать разодранного плеча, которое он подставил, забыв о колючках на перчатках Амика, чтобы защитить голову от внезапного свинга; Амик же сплевывал кровь распухшими губами, и оба его глаза заплыли. Амик дважды попытался нанести свой рубящий удар, поднимаясь на цыпочки и обрушивая свинг вниз правым кулаком; но каждый раз промахивался, а Поллукс выбивал его из равновесия и наказывал, ибо царь слишком близко ставил ноги.

Теперь Поллукс объявлял, в какое место намерен поразить Амика, и за каждым предупреждением немедленно следовал удар. Он не считал достойным наносить удары по корпусу, ибо это противоречило олимпийскому стилю, а всегда метил в голову. Он восклицал:

— Рот! Рот! Левый глаз, правый глаз, подбородок, снова рот!

Амик рычал почти так же громко, как Геркулес, ища Гиласа, но когда он начал выкрикивать непристойные угрозы, Поллукс рассердился. Он притворно замахнулся правым кулаком, а левым нанес тяжелый удар по Амиковой переносице. Он

почувствовал, как под тяжестью удара хрустнули кость и хрящ.

Амик опрокинулся и рухнул на спину. Поллукс прыгнул вперед, чтобы поразить его на месте, ибо хотя во время дружеских учебных схваток кулачных бойцов следует великодушно удерживаться от того, чтобы бить лежачего, на публичных состязаниях считается дураком боец, который не преследует противника до конца. Амик быстро перевернулся и вскочил на ноги. Но удары его теперь стали порывистыми и беспорядочными, перчатки казались ему тяжелыми, как якорные камни; а Поллукс не щадил его сломанного носа, и постоянно бил по нему то справа, то слева, то прямо. Амик в отчаянии схватился левой рукой за левый кулак Поллукса, когда тот готовился нанести удар, и дернул за него, одновременно приготовившись к жуткому свингу правой; Поллукс, который ожидал нечестного шага, бросился в том же направлении, в котором его дернули; и Амик, рассчитывавший, что Поллукс воспротивится рывку и тем самым подставит голову под удар, ударил в воздух. Прежде, чем он смог опомниться, Поллукс наградил его мощным хуком правой в висок, за которым последовал апперкот левой в кончик подбородка.

Амик утратил бдительность, он не мог больше бороться. Он стоял, пошатываясь, в то время как Поллукс наносил ему в голову мерные удары, словно дровосек, который лениво подрубает высокую сосну, и наконец отступает, чтобы посмотреть, как она с треском падает, ломая подлесок. Последний удар, нанесенный левой, почти что с уровня земли, сломал противнику височные кости и принес ему верную смерть. Аргонавты возопили в изумлении и восторге.

Бебрики держались совершенно тихо во время схватки, не веря, что Амика одолевают. Он и прежде часто развлекал их, пошатываясь, прикидываясь, будто противник ранил его, а затем внезапно оживал и превращал соперника в кровавое месиво. Но когда Поллукс начал колотить Амика, как ему вздумается, они забеспокоились, перебирая в пальцах копья и покручивая дубинки. Когда Амик упал, они бросились вперед, чтобы отомстить, и пущенный кем-то дротик оцарапал Поллуксу бедро. Аргонавты кинулись на арену, чтобы защитить своего борца, и вспыхнула битва, недолгая, но кровавая. Поллукс присоединился к своим, в чем и как был, и показал, что в драке без правил он так же искусен, как и в кулачном бою. Он лягался, боролся, кусался, орудовал кулаками

и головой, а когда уложил человека, который бросил в него копье, лягнув его в живот, сразу же прыгнул на него и выдавил глаза. Кастор встал над братом, и одним ударом длинного меча расколол бебрику череп так аккуратно, что казалось — половинки сейчас разлетятся и попадают с плеч.

Идас во главе небольшой группы аргонавтов, вооруженных копьями, пробежал вдоль края долины и взял бебриков в клещи. Они дрогнули и бежали через рощу земляничных деревьев, словно выкуренный пчелиный рой. Ясон, Фалер и Аталанта осыпали отстающих стрелами; Мелеагр без устали разил их своим стремительным дротиком. Бебрики бросились в глубь страны, лишенные предводителя и потрясенные, оставив на поле битвы сорок убитых и раненых, но Калаид и Зет долго преследовали их, как преследуют коршуны стаю лесных голубей.

Ясон созвал своих, из которых трое или четверо были легко ранены — фокийца Ифита оглушили дубинкой, Акаст с гордостью показывал рану от копья с внутренней стороны бедра, которая здорово кровоточила и мешала ему нормально ходить, а Фалер оцарапал себе бедро камнем.

Затем аргонавты дружно побежали во дворец

Амика в поисках добычи. Там они нашли золото, серебро и самоцветы, которые распределили между собой по жребию, и большие запасы провизии, включая несколько длинных кувшинов лесбосского вина. Геркулес почти что осушил запасы на «Арго», так что вино их обрадовало.

В тот вечер, увенчанные лаврами с дерева, к которому был пришвартован «Арго», они роскошно пировали нежной говядиной и бараниной, а чтобы враг не вернулся, вооружили нескольких мариандинов, которых захватил в плен Амик, и расставили их по городу. Но бебрики напасть не отважились.

Ясон был озабочен, как бы ему не оскорбить Посейдона. На следующее утро, по его предложению, старый Навплий из Аргоса, Периклимен из Пилоса и Эргин из Милета, все — сыновья Посейдона, стали готовить жертву своему отцу. У них не было недостатка в скоте, поскольку все стада Амика были теперь в распоряжении аргонавтов, и то, что они не могли съесть, пришлось бы неизбежно оставить. Обратив необходимость в добродетель, они пожертвовали Посейдону не менее, чем двадцать отличных быков рыжей фракийской породы, полностью сожгя их и не попробовав ни кусочка, помимо тех животных,

которые были обычным способом пожертвованы другим богам.

В тот день также были достойно погребены убитые бебрики, и отдельно от прочих — царь Амик. Аргонавты не опасались их духов, ибо те пали в открытом бою.

Бут пришел в восторг от кувшина дикого меда, который нашел в личной кладовой Амика: мед был золотисто-коричневый по цвету и собран с цветов сосен, покрывавших Аргантонийские утесы.

— Я нигде еще не встречал такого чистого соснового меду, как этот, — провозгласил он. — В пелионском сосновом меде чувствуется привкус множества других цветов; в этом же — никаких примесей. Тем не менее, — добавил он, — это скорее диковинка, нежели истинное лакомство.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ
Орфей рассказывает о Дедале

Пиршественный зал царя Амика был украшен цветными фресками. Среди них была одна, изображавшая Дедала с Икаром, на крыльях улетающих с Крита, где выл им вслед в предсмертной агонии человек с бычьей головой, а Тесей Афинский с совой, усевшейся у него на плече, ликующе размахивал двойной секирой.

Анкей маленький сказал Орфею:

— Брат мой, ты много странствовал, растолкуй нам эту картину, будь добр. Мы обещаем слушать тебя внимательно и не перебивать.

И вот какова история, которую поведал им Орфей, когда они, увенчанные лаврами, сидели, пируя, в чертоге своего поверженного врага.

— Считается, что то вышло по легкомыслию, а не из открытого неповиновения, когда предводитель мужчин-быков критского Кносса, Главный Жрец Бога Солнца Миноса, нарушил древнюю заповедь Триединой Богини, которая заключалась в том, что никому, кроме критян по рождению, нельзя всходить на борт лодки

или корабля, где размещается больше пятерых. Дедал, ремесленник-пеласг из Афин, как я скоро вам объясню, дорогие аргонавты, нарушил заповедь. Иониец Тесей, царь Афин, послал Дедала в Кносс на ежегодное Весеннее празднество, вместе с девятнадцатью другими несчастными, все — со связанными руками, чтобы с ними там расправился священный бык Солнца, Минотавр. Дедал, родич Тесея по материнской линии, был приговорен им к смерти за убийство другого ремесленника, но Тесей отменил приговор, когда Дедал предложил, что вместо этого предстанет перед быком.

В прошлом все жертвы Минотавра были добровольцами из критских мужчин-быков, но теперь критяне не желали больше позволять ему себя преследовать, даже во славу Богини. Минос (так для краткости именовался жрец Миноса), закрыв глаза на это неповиновение, приказал, чтобы критские колонии или города, обложенные данью, ежегодно поставляли двадцать жертв для быка. И сделал это таким образом, что, казалось, оказывает великую честь избранным городам; ибо в то же время Главная Жрица стала призывать из них такое же число девушек, чтобы они становились жрицами Минотавра, а эта служба

приносила богатство и почет. Обычно Минос посылал в Микены, Тиринф, Пилос или Аргос или другой город в собственно Греции, но иногда — на острова Эгейского моря или Малую Азию, или же — в Сицилию; один раз — даже в далекую Филистию. Эти жертвы не были вооружены, и Минотавр без труда убивал их всех, не оставляя шанса на спасение, разве что — с помощью бега или прыжков. Однако если кто-либо, необычайно ловкий, храбрый, избегал смерти в течение некоторого времени, которое измерялось с помощью песка, струящегося из горшка с отверстием, тогда нимфы Ариадны, как именовали жриц Минотавра, перепрыгивали через барьеры, обнаженные, если не считать набедренников из кожи и питона, и спасали жертву от рогов быка. Нимфы Ариадны ухаживали за Минотавром с тех пор, как он был теленком, и он привык подчиняться их командам, даже когда, воя и потрясая рогами, в ярости рыл песок. Они демонстрировали мощь Триединой Богини, оседлав его втроем, совершая кувырки у него над головой, украшая его рога гирляндами, когда он угрожал им, перепрыгивали через него с помощью шестов и проделывали много других шалостей. Завершалось Весеннее Празднество мистическим любовным соитием

Пасифаи, Лунной Коровы и Минотавра, Солнечного Быка, это поистине публично дополнялось, после исполнения сложного ритуального танца, сближением нимф Ариадны с мужчинами-быками, которые были одеты в костюмы с бычьими рогами. Тогда Минотавра безжалостно умерщвляла Главная Жрица, и кровь, которая бежала у него из горла, собиралась в чашу и хранилась в сосуде с двумя ручками, смешанная со слезами, которыми нимфы оплакивали смерть своего рогатого товарища по играм. Каплями этой крови, сильно разбавленной водой, обрызгивали затем хвосты кукушек на бесчисленных плодовых деревьях острова, чтобы деревья обильней плодоносили — чары великой силы.

Дедал отличался изобретательностью. Ему приписывают много удивительных выдумок, включая искусство отливки статуй из меди путем вытапливания воска. Утверждают даже, будто он создал искусственные крылья, которыми мог взмахивать, как птица, и держаться в воздухе. Но что здесь правда наверняка, так это то, что он провел Минотавра на арене в Кноссе, несмотря даже на то, что ему по жребию выпало первым выйти на нее, кроме того, он был хром и уже не молод, да и никто из других девятнадцати,

которые шли следом за ним, не избежал крутых и стремительных рогов. Минотавр привык обращаться со всеми мужчинами, как с врагами, уважать только женщин; каждый раз, когда он выскакивал из своего темного стойла, где содержался без пищи и воды, в плечо ему метали сверху серебренную иглу, чтобы возбудить его гнев. Дедал не бежал от него, как утверждают малосведущие песнопевцы, улетев домой в Афины на искусственных крыльях; не разрыл он и песок арены и не схоронился в нем — ибо песок только достаточно густо усыпал каменные плиты, чтобы никто не поскользнулся и чтобы впитать пролитую кровь. Он придумал другой способ уцелеть.

Он приметил, что на священных выгонах расставлены гермы — белые столбы со скругленными вершинами, которые предписала ставить Богиня как символы плодородия, чтобы пробуждать силу жизни в быках. Быки не обращают на эти гермы внимания, ибо привыкли к ним, бродя по пастбищу. Хитрость Дедала заключалась в том, что он прикинулся гермой. Комната дворца, в которой его содержали, была выбелена гипсом, он выломал глыбу и растер в ладонях, чтобы побелить разноцветные одежды, в которые его нарядили. Он побелил также руки, ноги, лицо и

волосы, и когда сошел на арены, как раз перед тем, как выпустили Минотавра, он доковылял до алтарного камня сбоку, вскарабкался на него, покрыл голову обрывком своего платья и встал неподвижно, словно герма. Ревущий Минотавр не заметил Дедала и тщетно бегал по арене, ища слабое место в барьере. Запах мужчин приводил его в ярость, он жаждал посеять смерть среди зрителей. Когда прибежали, как обычно, нимфы Ариадны, чтобы попрать труп ногами и проделать свои акробатические номера, они обнаружили, что Дедал жив. Дворцовая стража увела его в безопасное место.

Своей ловкостью и множеством изобретений Дедал вскоре завоевал всеобщее уважение во дворце и благосклонность Главной Жрицы. Он создал для нее, помимо других чудных игрушек, статую Богини для дворцового святилища — прямо как живую, у которой двигались руки, ноги и глаза, а также механического человека по имени Талус, который воспроизводил движения солдата-часового.

В течение последующего года Минос стал ревновать к Дедалу и заточил его в дворцовую темницу. Однако Дедалу нетрудно было оттуда бежать с помощью Главной Жрицы в вечер перед

следующим Весенним Празднеством. При этом он освободил еще двадцать пеласгов, и среди них — сына своей сестры Икара, которых должны были на следующий день вывести на арену. Он провел их через лабиринт дворцовых коридоров, и далее — к берегу, где стоял на царской верфи новый военный корабль, готовый к спуску. Он снабдил корабль своим новым изобретением — средством, быстро поднимающим парус, чтобы поймать ветер, изобретение еще не было испытано, и только этот корабль был им оборудован. До того прямой критский парус подвязывался к рее, намертво пригнанной к мачте, и матросам приходилось взбираться на мачту, чтобы снимать парус, когда ветер дул в другую сторону; а когда ветер дул попутный, парус опять требовалось укрепить тем же утомительным способом. Но Дедал изобрел способ, теперь применяемый по всей Греции, при котором рею с привязанным к ней парусом можно передвигать вверх-вниз по мачте с помощью кольца и блока, так что больше не требовалось на нее лазать, и более того, парус оказалось возможным слегка поворачивать, чтобы воспользоваться боковым ветром. Минос нарушил закон, позволив Дедалу ступить на этот корабль, хотя судно еще не было спущено — ведь

Дедал не был критянином по рождению.

Беглецы обнаружили, что верфь пуста, спустили на воду корабль, подложив по него катки, быстро подняли парус и вскоре уже выходили в море мимо острова Диа. Часовые в устье гавани подняли тревогу, и несколько часов спустя Минос пустился в погоню во главе своего флота, надеясь перехватить пеласгов, как только утихнет бриз, потому что они были неважными гребцами. Но хорошо оснащенный корабль уже пропал из глаз, и вскоре Минос обнаружил, что Дедал и его спутники перед отплытием подпилили все критские рулевые весла, так что те сломались, как только на них с силой налегли. Пришлось ему вернуться в порт и усадить за работу плотников, чтобы изготовили новые. Минос полагал, что беглецы не осмелятся вернуться в Аттику, страшась гнева Тесея; возможно, они направятся в Сицилию и там получат убежище в одном из нескольких великих святилищ Богини.

Дедал, которого встречные ветра задержали в Ионическом заливе, заметил своих преследователей как раз, когда приближался к Сицилии, и бежал от них, бесстрашно пройдя через Мессинский пролив между скалой Сциллой и водоворотом Харибдой, а затем свернув на север, а не

на юг. Он избавился от погони и благополучно прибыл в Кумы в Италии, где разбил корабль и посвятил парус и снасти Богине. Но кормчий Икар, сын его сестры, утонул во время плавания, однажды рано утром упав за борт во сне. Море, поглотившее его, называется с тех пор Икарийским, в память о нем. И пусть никто, неверно прочтя в своем невежестве священные фрески (такие, как та, что вы видите перед собой) или резьбу, покрывающую сундуки и кубки, не поверит глупой выдумке, будто Икар летел на крыльях, которые Дедал приладил к его плечам воском, и поднялся слишком близко к солнцу, так что воск растаял, и юноша утонул. Крылья, которые здесь изображены, олицетворяют собой быстроту корабля, а растапливание воска в обрядах Сардинии, производимое ныне в честь Дедала, имеет отношение только к нехитрому методу бронзового литья, который он изобрел. Из Кум Дедал и его спутники прошли пешком через Южную Италию и переправились в Сицилию. В Агригентуме им оказала гостеприимство Нимфа из святилища героя Кокала, которой Дедал подарил небольшую статую Богини, точно такую же, что и большая, которую он изготовил в Кноссе. Нимфа была в восхищении от подарка и пообе-

щала ему защиту Богини. Критский флот, огибая Сицилию в тщетных поисках Дедала, потерпел крушение у Агригентума из-за змеехвостых ветров, которые вызвала Нимфа, чтобы их погубить; только сам Минос и несколько его матросов спаслись, доплыв до берега. Обнаружив, что Дедал и его спутники с удобствами разместились в святилище Кокала, он пришел в крайний гнев, и в неподобающих выражениях и с угрозами велел Нимфе выдать их ему, как беглых рабов. Нимфа вынуждена была отомстить за честь Богини, да и за свою собственную, и когда Минос сидел в ванне, ее женщины вместо теплой воды окатили его кипящим маслом или (как говорят некоторые) смолой.

Дедал починил одно из разбитых критских судов и смело поплыл в Афины к царю Тесею с вестью о смерти Миноса, показывая как явное доказательство перстень с печатью с большого пальца Миноса. То был крупный красный сердолик с вырезанными на нем сидящим Минотавром и двойной секирой власти. За несколько лет до того Тесей посетил Кносс и участвовал в состязаниях атлетов на празднестве, где победил в кулачном бою; он считал Кносс самым удивительным в мире городом. Когда он взял

кольцо и примерил его на большой палец, сердце его ударилось о ребра от гордости и ликования. Заметив это, Дедал пообещал ему, что если Тесей сохранит жизнь ему и его спутникам-беглецам, он поведет царя в поход на Крит. Тесей принял это предложение.

По приказу Дедала был тайно построен военный флот, далеко от людных дорог, который был подвижен и совершенней оборудован, чем критский. Ни один критянин не подозревал об этой работе. Когда новый Минос, которого звали Девкалион, послал к Тесею, требуя Дедала, Тесей ответил, что его родич Дедал, раз уж Минотавр его не тронул, — свободный человек, и искупил свое человекоубийство и в каком другом дурном деянии он не виновен. Нимфа Кокала, как сказал Тесей, сама замыслила и осуществила убийство Миноса, а Дедал в этом жестоком деле участия не принимал. Следовательно, было бы несправедливо выдать его родича критянам для мщения, словно беглого раба; если новый Минос приведет доказательства, что Дедал соучаствовал в каком-либо другом преступлении, и тогда Тесей посмотрит на дело иначе. Убаюкав таким образом подозрения Миноса, Тесей собрал свой флот и отплыл на Крит кружным западным путем,

поставив Дедала штурманом.

Критяне, до того неоспоримые повелители морей, в течение столетий чувствовали себя в такой безопасности от вторжений, что даже главные их города укреплений не имели. Когда береговые стражи увидели греческий флот, приближающийся с запада, они пришли к выводу, что корабли, которые отплыли в Сицилию, не потонули, а были далеко отнесены ветром, и теперь вернулись, хотя никто уже на это и не надеялся. Они передали новости в Кносс, население которого радостно выбежало на берег, чтобы приветствовать своих моряков, но обнаружило, что обмануто. С кораблей попрыгали вооруженные греки, учинили резню в праздничной толпе и устремились дальше на сушу, чтобы напасть на дворец. Они разграбили и сожгли его, убив Миноса и всех главных мужчин-быков. Затем они отплыли к другим гаваням Крита, захватили остальные боевые корабли островитян и разграбили все прочие города. Но Тесей не дерзнул оскорбить Триединую Богиню Пасифаю или досадить какой-либо из ее жриц: он заключил прочный союз с Главной Жрицей, и она была им утверждена в должности правительницы Крита. Тогда же должность Миноса была упразднена,

и владычество над морями, которыми критяне наслаждались две тысячи лет, перешло в руки греков и их союзников.

Такова история, которая дошла до нас в передаче достойных доверия поэтов.

Затем Орфей поставил меж колен свою лиру и запел, играя, о Тесее и царевне, за которой тот некогда ухаживал и которую покинул на острове Наксос:

Он дремлет на своем высоком ложе,
Во мне он видит, как она шагает
По тропкам, отороченным цветами,
Под виноградной веткой кружевною.
Руины и лужайки опустели,
Но все еще звучат ее шаги.

Но цел еще чертог высокий царский,
Хоть стены тронуло рукою Время;
В нем царь от верности ее устал.
Идет она уверенной походкой;
Ни гнев его, ни громы не грозней,
Лишь сосны зябко ежатся от ветра,
Да робкие цветы глядят в глаза.
О нем она теперь не вспоминает,

Лишь, походя, благословляет в мыслях
Булыжники и мягкую траву,
Царицу тех земель изображая.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
Царь Финей и гарпии

Наутро третьего дня «Арго» отплыл на север при попутном ветре. На борту находилось несколько знатных мариандинов, спасенных от бебриков, а среди них сестра царя Лика, которую Амик сделал своей наложницей — Ясон предложил доставить их морем домой, в их город, который расположен на южном берегу Черного моря. Они достигли устья Босфора к полудню того же дня; но Аргус, Тифий и Навплий, три самых опытных на борту морехода, утверждали единогласно, что течение слишком сильно. Пусть ветер подует еще день-другой, сказали они, и тогда можно будет попытаться пройти. Калаид и Зет сказали Ясону:

— Если ты согласишься высадиться пока на фракийский берег, мы обещаем тебе добрый прием при дворе нашего отчима, финикийского царя Финея, имя которого, как мы слышали, ты назвал последнему, кто нас принял. Он правит холмистой областью в Восточной Фракии, на север простирающейся до подножия хребта Гемос.

Ясон с радостью принял приглашение, не

догадываясь об опасностях затеи, в которую ввязывается. Корабль прошел к западу на милю-другую до места, где прерывается ненадолго линия холмов, окружающих со всех сторон Мраморное море, и где течение из Босфора не сносит корабли. Бросив якорь у красной скалы и оставив на борту стражу, состоящую главным образом из греков с Пелопонесса и островов, Ясон сошел на берег с Калаидом и Зетом, вестником Эхионом, Орфеем и фессалийцами, которым понятен был фракийский язык.

— Царь Финей должен быть в Батиниосе, своей зимней столице у озера, примерно в часе пути от моря, — сказал Зет. — Он перебирается в Салмидесс, свою летнюю столицу, когда созревают первые фиги.

Калаид и Зет, которые до сих пор помалкивали о своих домашних делах, теперь, по дороге, поведали Ясону, почему, оставив Фракию, они пустились в путь по Греции. Отчасти чтобы поучиться искусствам и обычаям земли их матери — Орифия была афинянкой. Отчасти, чтобы вступить во владение наследством, которое причиталось им по материнской линии, это право соблюдалось по-прежнему в Аттике — но тут они оказались разочарованы. Отчасти также, чтобы

держаться подальше от новой жены отца; царь Финей, который был слепым, женился недавно на дочери своего царственного соседа, скифского царя, который захватил гористые земли на южном берегу Нижнего Дуная; звалась она Идея и не обладала, как выяснилось, ни одной из прирожденных добродетелей этих безупречных скифов, пьющих молоко.

— Она высокомерна, жестока, лукава и распутна, — сказал Зет.

— И если уж говорит честно, — сказал Калаид, — наш отчим изгнал нас, когда мы упрекнули ее в его присутствии за позор, который она принесла его дому. Но он слеп, а она вскружила ему голову своей притворной нежностью. Он думает, что она — лучшая жена на свете.

— У нее есть от него сын, — добавил Зет, — хотя не исключено, что командир скифов ее личной охраны отец этого отродья, она явно намеревается передать ему царство, но законные наследники — мы. Ее скифы повергают в ужас дворцовую стражу и финиев в целом.

— Я в ужасе, — сказал Ясон. — Почему вы не открыли мне все эти обстоятельства, прежде чем мы выступили? Теперь, когда мы потеряли Геркулеса, мы недостаточно сильны, чтобы вме-

шиваться в домашние дела каждого города или царства, которое встретится нам по пути. Главная и почти единственная цель нашего плавания — это вернуть Золотое Руно. И я не стану от нее отклоняться.

— Ну, уж Геркулеса-то ты не потерял, — сказал Пелей, — ты его умышленно сбросил.

Тут вмешался Эхион.

— Благороднейший Ясон, — сказал он, — ты должен помнить, что перед нашим отбытием из Иолка все мы, имеющие честь называть себя аргонавтами, дали друг другу торжественные заверения насчет взаимопомощи. Поскольку Калаид и Зет согласились тогда помочь тебе в твоих рискованных поисках руна — что, в конце концов, не их прямая забота, ибо они — не минии, было бы только справедливо, если бы ты сделал теперь все, что в твоей власти, чтобы восстановить мир между ними и их отчимом, как если бы требовалось смазать маслом разогретую втулку у колеса повозки, которая визжит и трется о неподатливый конец оси.

Все поддержали Эхиона, потом двинулись дальше. Когда они подошли более чем на полмили ко дворцу, показалось кавалькада, скачущая на запад дальним берегом озера. Зоркий Линкей

сообщил, что она состоит примерно из двадцати косоглазых и лысых лучников, сидящих на крепких пони, а возглавляет ее женщина в грубом черном халате и штанах, с украшенным самоцветами поясом вокруг талии и расшитым шарфом на голове. Они едут вперед быстрой рысью в сопровождении стаи мастифов.

— Хорошо. Подождем здесь немного, пока моя мачеха и ее скифская охрана не пропадут из виду, — сказал Калаид. Орфей, поскольку ты сам фракиец, ступай вперед, словно странствующий певец, развлеки дворцовую стражу и слуг во дворце. Если ты согласишься, остальные спокойно войдут во дворец через боковые ворота. Тогда мы с Зетом в полное свое удовольствие обратимся к нашему отцу Финею, не боясь, что нам помешают.

Никто в этом мире не мог долго оставаться нечувствительным к музыке, которую извлекал из лиры Орфей, и теперь, когда он вошел во двор дворца, наигрывая веселую пляску, часовые побросали оружие, повара оставили мясо гореть на вертеле, прачки забыли белье на плоских камнях у озера, и все вперемешку заплясали на незапертом дворе. В воздух взлетали шапки из лисьих шкур.

Отряд аргонавтов, бесшумно прокравшихся во дворец, был проведен Калаидом и Зетом в пиршественный зал. Как только они открыли боковую дверь, в ноздри им сразу же ударило нестерпимое зловоние, в котором смешались запахи свежего помета и гнилого мяса; и тут же глазам их предстало поразительно странное зрелище. Царь Финей сидел перед длинным столом с позолоченными ножами, уставленным блюдами, с которых, ссорясь, хватала куски стая из двадцати или тридцати коршунов. То и дело, хлопая крыльями, новый коршун влетал в открытое окно и присоединялся к пиршеству. Своими острыми клювами они рвали отбросы или гнилое мясо, выложенные на дорогих блюдах. И хотя Финей непрерывно хлопал в ладоши и кричал им, чтобы они убирались, они вообще не обращали на него внимания, а с жадностью продолжали свою отвратительную трапезу. У Финея, мужчины не более пятидесяти лет от роду, было изнуренное и желтое лицо прадедушки в последнюю зиму его жизни.

Аргонавты, все как один, устремились к столу, громко крича; и птицы вылетели в окно, похватав с блюд все, что могли унести. Калаид и Зет направили Эхиона поговорить с царем от их имени, не

желая обнаруживать свое присутствие, пока они не услышат его объяснений тому, что только что произошло. Эхион приблизился, прочистил горло и обратился к Финею в искреннем стиле:

— Твое Величество, я — вестник Эхион, мое звание присвоено мне коллегией вестников на горе Киллена, я — сын бога Гермеса. Полагаю, что имею честь обращаться к Финею, царю прославленных финиев, земли которого простираются на северо-запад от быстротекущего Босфора почти до тысячи устий грозного Дуная. Твое Величество, я надеюсь, ты простишь наше необъяснимое вторжение, но странствующий музыкант как раз заиграл, к несчастью, плясовую во дворе, и отвлек внимание всех твоих верных стражей и служителей. Они отказались обратить ничтожнейшее внимание на моих товарищей и меня, когда мы представились, и поэтому, дабы не упустить удовольствия приветствовать тебя сразу же по прибытии, мы сами нашли сюда дорогу.

— Чей ты вестник? — спросил Финей дрожащим голосом.

Эхион ответил:

— Я представляю группу благородных фессалийцев, прибывших с торговыми целями в твои гостеприимные земли. Мы плывем из Иолка, и

мы везем груз расписных сосудов, белых конских шкур и мотки шерстяной пряжи, окрашенного в дивные цвета и готовый для ткацкого стана, каковые надеемся обменять на ценные товары твоей богатой страны.

— Что от них? — сказал несчастный Финей. — Я бы отдал вам все золотые кольца и цепи, которые у меня остались, в обмен на маленький кусочек чистого хлеба, на горсточку фиг или ломтик сыра, неосквернённый этими нечистыми гарпиями с женскими лицами. Ах, но что пользы в разговорах? Даже если у тебя был для меня такой дар, гарпии сразу же прилетели бы и выхватили его из моих рук. Прошло много месяцев с тех пор, как у меня была хоть какая-то чистая еда. Ибо, как только мне приносят роскошное и вкусное мясо, в окно влетают гарпии и отбирают его или портят. Моя любящая жена Идея испробовала все возможные средства, чтобы избавить меня от этой напасти, но без малейшего успеха. Их посылает некий бог, которого я, сам того не зная, оскорбил.

Эхион спросил:

— Осмелюсь задать вопрос: откуда ты, слепец, знаешь, каковы гарпии на вид?

Финей ответил:

— Моя любящая жена часто описывал мне их злобные, как у ведьм, исхудалые лица, иссохшие груди и гигантские крылья, как у летучих мышей. Кроме того, у меня есть другие чувства, особенно — слух и обоняние, и когда я слышу их кудахтанье, шепот и непристойные крики, лязг посуды, когда они здесь кормятся, когда обоняю их зловонное дыхание и ужасный запах, который стоит после них в комнате, мне и глаз не надо, чтобы их ясно увидеть, я сразу же становлюсь доволен, что слеп.

— Милостивый царь, кто-то играет с тобой отвратительную шутку. Спроси любого из нас, что он видел и что видит ныне, и он расскажет тебе то же, что и я. Здесь были не гарпии с женскими лицами, а просто коршуны; и рвали они не вкусное мясо, а требуху и гниль: выставленную перед ними, как приманка. И стол твой, как ты предполагаешь, они не осквернили; ибо это явно было сделано заранее твоими бесстыдными пажами, которые разбросали нечистоты из свинарника и уборной маленькими кучками по твоему столу и запачкали твои блюдо и чашу. Что до кудахтанья и шепота, то их, несомненно, испускают рабыни, участвующие в заговоре. Если твоя любящая жена Илея сказала тебе, что твои посетители —

гарпии, то она либо очень зла, либо совершенно безумна.

Пелей, Акаст, Ясон и остальные подтвердили заявление Эхиона, но Финей едва ли был склонен им верить. Он постоянно возвращался к своей истории о гарпиях. Наконец Пелей достал из своего мешка ломоть ячменного хлеба и кусок овечьего сыра и вложил их в руку царя, сказав:

— Поешь, поешь, Твое Величество. Это — здоровая пища, и никто ее у тебя не отнимет. Коршуны и злые слуги изгнаны отсюда и не вернутся.

Финей попробовал пищу, а затем с облегчением начал есть. Ясон уговорил его взять горсть фиг и одну-две медовые лепешки и наполнил кубок неразбавленным вином из кожаной бутыли у себя на поясе. Кровь снова прилила к исхудалым щекам царя. Затем он внезапно принялся бить себя в грудь, рвать спутанные волосы и горько сетовать на свою доверчивость, заявляя, что наконец-то, но слишком поздно он понял, как жестоко был обманут. Почему он вообще верил хотя бы слову из того, что говорила ему Идея? Почему отказался выслушать обвинения своих пасынков? Они предупреждали его, что она пользуется его слепотой, чтобы его обмануть, но он замкнул уши, не желая их слушать. В своем безрассудстве

он изгнал двух старших сыновей, Калаида и Зета, и, насколько он теперь знает, кости их белеют на дне морском. Двух младших Идея недавно обвинила в попытке обесчестить ее во дворцовой купальне; теперь они заточены в темницу, в склепе с бронзовой дверью. Стражи каждый день избивают их хлыстами из бычьей кожи, и будут бить их до тех пор, пока они не сознаются в своем злодеянии и не взмолятся о прощении.

— Но что я могу сделать? Что я могу сделать? — вскричал он сорвавшимся голосом. — Здесь правит Идея, а не я; у нее — ключи от тюрьмы, не у меня. Она командует стражей, не я. Я целиком в ее власти. Добрые фессалийцы, прошу, возьмите в обмен на вашу бесподобную пищу любые блюда из серебра и золота, какие вам приглянулись, а затем быстро уходите тем же путем, что и пришли, оставив меня в моей беде. Я заслужил свои страдания своим безрассудством, и не желаю навлекать на вас месть моей злобной жены. Увы, мои пасынки, Калаид и Зет! Прошу вас, чужеземцы, ищите их, где бы они ни были, передайте им мое благословение и попросите простить меня от всего сердца за то зло, которое я им причинил. И все же слишком поздно для них окажется спасти их братьев от смерти под хлыстом, а меня — от

голодной смерти.

Тут Калаид и Зет открылись Финею, и сцена узнавания и примирения исторгла слезы из глаз каждого. Затем Пелей и Корон поспешно побежали к темнице и взломали двери ударами тяжелого молота. Они освободили оттуда юношей, которые были едва живы от голода и ежедневных избиений. От них Калаид и Зет узнали, кто из дворцовых слуг все еще был верен Финею, а кто — нет. Они вышли во двор и дали знак Орфею перестать играть. Затем, созвав верных, схватили неверных и отправили их под конвоем вниз, в подземелье. Вскоре весь дворец был в их руках. Словом, Калаид тут же устроил засаду на царицу Идею и ее личную охрану, разоружил их и взял живыми. Но Идея не была наказана Финеем за измену и злые козни; он отослал ее домой к отцу, скифскому царю, с подробным рассказом о том, что он от нее претерпел. Скиф, будучи человеком справедливым, как и большинство его соплеменников, выразил восхищение терпением, которое проявил Финей. И в знак восхищения предал Идею смерти, но вести об этом не достигли Финея, пока «Арго» не ушел далеко от здешних берегов.

Финей считал аргонавтов своими избавителями. Он попытался отговорить их от задуманного

ими, о чем они ему поведали, но, когда не смог, хорошо угостил их и описал им дорогу в Колхиду вдоль южного берега во всех подробностях, указав все ветры, течения, ориентиры и якорные стоянки, а также пообещал теплый прием в Салмидессе на обратном пути. Его опечалило, что Калаид и Зет решили остаться на борту «Арго», но не пытался удерживать, когда узнал, что они связаны клятвой. Его младшие сыновья могли привести царство в порядок, а священные коршуны, которых снова кормили, как и прежде, под деревом встречи мужчин Коршунов (финийское братство, в которое входили Калаид и Зет), утратили привычку, которую привила им Идея, — врываться через окно во дворцовый пиршественный зал.

На вопрос, почему Идея не убила Финея открыто, а изводила его подобным образом, обычно дают такой ответ: «Ни одна скифская женщина никогда не убивает мужа из страха, что ее будет ждать ужасная участь в Подземном мире». Она надеялась, давая Финею грязную пищу, извести его, чтобы он добровольно ушел из жизни и не заподозрил в ней виновницу своего несчастья.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ
Проход через Босфор

— Босфор, — объявил Финей, — насчитывает около шестнадцати миль в длину от моря до моря и напоминает скорее бурную реку, чем пролив, особенно там, где сужается менее чем на полмили от берега и до берега: через него выходят воды из огромного моря примерно в тысячу миль длиной и пятьсот шириной, которое питают водой несколько огромных рек. О, друзья мои, когда тающие снега великих северных степей или гор Кавказа заставляют эти реки вздуться в несколько раз по сравнению с тем, каковы они обычно, и когда неистовые северо-восточные шторма гонят перед собой чудовищную массу воды к Босфору, можете вообразить себе, какой водопад грохочет в этой теснине! К счастью, наихудшая пора еще не настала, а юго-западный ветер, который дует вот уже два дня, ослабил силу течения. Используйте эту возможность безотлагательно, и да помогут вам боги прорваться, прежде чем ветер опять не переменится, как, судя по небу, я боюсь, это скоро произойдет. Течение особенно бурное

в середине пролива, а по обе стороны — водовороты и даже встречные течения. Помните, что если вы только не воспользуетесь ими, работа вашим гребцам выпадет безнадежная. Помните также, что скалистые выступы в этом обрывистом, петляющем русле могут обеспечить вам укрытие с подветренной стороны, что течение там отклоняется от курса и позволяет сберечь дыхание для нового рывка. Но ваши капитан и кормчий должны сохранять холодную голову, иначе вы непременно налетите на скалы.

Начните прохождение с восточного края, где берег гол, и глубокие воды достаточно близки к берегу, но будьте осторожны при входе в теснину, где отмель лежит перед горным потоком и простирается на сотню шагов от берега. Здесь, если вы отважитесь вступить в среднее течение, ваше суденышко закрутит, словно древесную щепку. Пусть кормчий держит его носом навстречу течению; а вы положитесь на богов и склонитесь над веслами. Когда минуете теснину, где скорость течения теперь, по моим расчетам, равна скорости быстро шагающего человека, вы заметите, что пролив снова расширяется, и по обе стороны — стоячая вода; на западном берегу будет Ферапейя, небольшая бухта, где можно спокойно бросить

якорь, если пожелаете отдохнуть на полпути. Только еще раз проход становится трудным, где ждет вас самая серьезная опасность — Сдвигающиеся скалы. Вы повстречаете их примерно в двухстах шагах от берега на конце узкой косы, поросшей болотным кипарисом. Когда вы будете продвигаться с трудом вдоль западного берега пролива, где вода спокойней, чем с востока, вы наткнетесь на противоток, столь прихотливый, что это обернется обманом зрения. Вам покажется, будто темные скалы, некоторые из которых вздымаются из волн, не стоят неподвижно на дне, а колеблются, стремясь раздавить судно, проходящее между ними и берегом. Но пусть ваш кормчий не сводит взгляда с какой-нибудь устойчивой отметки по ту сторону пролива и правит на нее.

После того, как вы минуете Сталкивающие скалы, сердца ваши могут возрадоваться, ибо тогда вам останется три мили пути и они не представляют собой большой трудности. Если только внезапно не подведет ветер, вы вскоре бросите якорь в Черном море или вытащите корабль на каком-нибудь уютном берегу.

Они тщательно запомнили эти и прочие указания и повторяли их друг другу, пока плыли ко

входу в пролив, не гребя, чтобы сберечь силы для борьбы в теснине. Воды кишели тунцами, меч-рыбами, а над скалами, мимо которых они проходили, покачивались ярко-зеленые ветви каперсов.

Когда они приблизились к теснине и взялись за весла, Орфей завел новую песню — резкую сатиру на их команду, предназначенную для того, чтобы отвести гнев ревнивого бога или богини, которые вознамерились бы им повредить. Припев звучал так:

> *Когда же команда столь странных людей*
>
> *Сообща бороздила просторы морей?*

В своей песне он вышучивал каждого аргонавта поочередно. Он пел о Линкее, у которого такой острый взгляд, что Линкей мог бы пронзить им дуб и прочесть мысли жука, ползущего по другой стороне; о Буте, который знает всех своих пчел по имени и роду и рыдает, если одна из них не возвращается в улей, съеденная, быть может, ласточкой; об Адмете, которому явился служить Аполлон, но который не мог выдумать лучшего приказа для бога, чем: «Будь любезен, подай мне сосиски»; об Эвфеме, пловце, который вызвал

тунца на состязание в плавании вокруг острова Кифера и победил бы, да рыба его обманула; о Калаиде и Зете, которые бегают так быстро, что всегда достигают цели незадолго до команды: «Марш!», и которые однажды преследовали стаю гарпий по Мраморному морю, Эгейским островам и Греции — и так до Строфад; о Периклимене, чародее, рожденном во время солнечного затмения, который мог, если пожелает, оборачиваться любым зверем или насекомым, но однажды так и остался в облике осленка, слишком юного, чтобы помнить, как вернуть себе человеческий облик; о Мопсе и Идмоне, которые беседу с птицами предпочитали беседе с любым человеком — даже друг с другом; об Ифите, который украсил стены внутри дома в Фокиде изображением оленьей охоты, столь живым, что дичь, собаки и охотники — все сбежали ночью и умчались через дымовое отверстие в крыше; о Ясоне, таком пригожем, что женщины при виде его падали в обморок и приходилось приводить их в чувства запахом жженых перьев. Но Орфей сочинил сатиру и на себя: он поведал, как в некоей долине в Аркадии великое множество лесных деревьев выскочило из почвы с корнями и побрело за ним, когда он сыграл, не подумав, песню: «Вперед, к лучшей земле, к

милой Фракии». Благодаря этим шуткам, они одолели опасный участок теснины, хотя в одном месте, даже при упорной гребле, потребовались три строфы песни, чтобы помочь им пройти сотню шагов. Они дрожали от изнурения и были едва живы, когда Тифий привел их в Ферапейскую бухту. Они бросили якорь и перекусили вином, сыром и полосами острой оленины, которыми снабдил их Финей, но когда вечер начал ослабевать, они быстро закончили трапезу и двинулись в путь, опасаясь худшего. Сперва, чтобы облегчить корабль, высадили мариандинов, которых вызволили от Амика, и договорились встретиться с ними тем же вечером, если позволят боги, на берегу Черного моря, к востоку от входа в Босфор. Они медленно плыли вверх по более широкой части пролива, но ветер вообще прекратился, когда в пределах видимости оказалась поросшая кипарисом коса, и по шипению воды они поняли, что Сталкивающие скалы близки. Во рту у них пересохло от страха, руки и ноги подергивались, но Тифий держал курс, а Орфей радостно играл. Среднее течение мчалось с ужасной скоростью, а прибрежные водовороты безумно закружили «Арго». Гребцы увидели летящую к ним вверх по течению цаплю и, едва дыша, закричали ей

«Ура!», ибо птица эта посвящена богини Афине, но когда цапля замахала крыльями у них над головой на высоте мачты, крик восторга сменился стоном отчаяния, ибо сверху ринулся на цаплю ястреб-перепелятник, правда промахнулся. Цапля уронила хвостовое перо, которое завертело и унесло течением. Ястреб взмыл ввысь, чтобы снова спикировать, если цапля оказалась убита — это было бы худшим из возможных предзнаменований. Фалер, у которого Ясон взял весло близ Ферапейи, ибо лучник еще не оправился от удара в бедро, который нанес ему бебрик, схватил лук, наложил на тетиву стрелу и выпустил ее. Ястреб, переворачиваясь, рухнул на корабль, пронзенный в сердце, а цапля благополучно полетела к Черному морю.

Редко кому удавалось столь быстро преодолеть пророчество, как теперь. Тифий, увидав одну из Сталкивающихся скал, ненакрытую приливом, на некотором расстоянии в стороне, у среднего течения, решил, что выбрал безопасный курс; но шум воды смутил его. Внезапный водоворот закрутил «Арго», и тут же последовали скрежещущий треск и толчок, все на борту решили, что плаванию настал конец. Тем не менее Орфей продолжал петь, Тифий восстановил управление

кораблем, и они стали уверенно грести дальше, весла их изогнулись, словно луки, от силы течения. Соленая вода не омочила их ноги, как они ожидали каждый миг; а Фалер, перегнувшись через борт, чтобы взглянуть, что стряслось, крикнул, что всего лишь задели нижней частью кормы подводный камень. Часть орнамента отломилась, почти так же, как выпало перо из хвоста цапли, но обшивка не была пробита. Возликовав, они двинулись вперед, и вскоре перед ними раскинулось Черное море. Они обогнули восточный мыс и миновали белую меловую скалу, которую упоминал в своих указаниях царь Финей; затем, в миле-другой к востоку от нее подвели «Арго» к берегу в месте, где желтые скалы пересечены небольшими долинками, завершающимися узкими песчаными полосами.

И, едва они очутились на берегу, задул северо-восточный ветер, а вскоре чудовищные волны покатились через пролив. Аргонавты смеялись, кричали и бросали друг в друга пригоршнями песка. Афиняне Аргус, Бут и Фалер купили овец у битинийских рыбаков, которые жили поблизости в долине, и тут же принесли их в жертву Афине, благодаря ее за предупреждающий знак. А три сына Посейдона, дабы никто не превзошел

их в благочестии, обозначили участок земли, который посвятили своему отцу, Сокрушителю Скал, и приобрели двух рыжих быков, чтобы принести жертву.

На этом берегу они снова воссоединились с мариандинами. Идас, вспомнив шутки Орфея, начал насмехаться над Периклименом, чародеем, который до сих пор не предъявил аргонавтам ни малейшего доказательства того, что владеет необычным могуществом, повсеместно ему приписываемым. Тогда Периклимен показал им свое искусство после того, как сперва походил, собирая необходимые приспособления, и воззвал к своему отцу Посейдону, дабы тот ниспослал ему вдохновение. Периклимен показал зрителям черный и белый камни, каждый из них накрыл раковиной, так что все видели; когда раковины были подняты, черный и белый камни поменялись местами. Затем он взял орех, сделал несколько магических пассов и ввел орех в колено Идасу, и тот исчез, не оставив даже шрама. Затем приказал ореху расти, и тот пророс, вызвав у Идаса невыносимую боль, когда растение пускало корни и давало побег, пока Идас со слезами на глазах не начал умолять чародея, чтобы тот убрал растущее дерево, и не попросил прощения за оскорбление. Периклимен

смягчился, вытащил деревцо снизу за корни и показал зрителям зеленый побег, на котором все еще алела кровь. Затем он превратил камень в рыбку, всего лишь потерев его ладонями под полотном; затем заставил кубок морской воды кипеть без огня. Он заговорил даже о том, чтобы отсечь Ясону голову, а затем снова вернуть его к жизни, но Ясон ни за что не соглашался на такое испытание, хотя все его товарищи уговаривали его показать свою храбрость и веру. Наконец, Периклимен позабавил аргонавтов, заставив так зазвучать свой голос, что в какой-то момент показалось, будто рыбка, которая прежде была камнем, продекламировала строфу сатирической песни — ту самую, где говорилось о Периклимене; а в следующий момент показалось, будто Гилас кричит с другой стороны скалы, у которой они сидели: «Я снова здесь, аргонавты! У меня выросла борода с тех пор, как я вас видел в последний раз, я стал отцом двух прекрасных мальчиков!» Но там никого не было.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ
Посещение мариандинов

Черное море очертаниями походит на согнутый скифский лук с тетивой, натянутой к северу, и отличается от Средиземного во многих отношениях. Оно принимает воды ряда огромных рек, таких, как Дунай, Днестр, Буг, Днепр и Дон, и каждая из них больше любой другой реки, кроме Нила, который впадает в Средиземное море; и там не имеется ни одного острова сколько-нибудь заметного размера. К северу от него так холодно, что, хотя это и может показаться неправдоподобным, там даже замерзает морская вода, а большое Азовское море, которое связано с Черным узким проливом, часто замерзает зимой на два фута в глубину. Самые крупные реки впадают в него на севере и северо-западе и сильно разливаются весной и летом, когда тают снега, затем их беспокойные воды всей массой движутся к Босфору и, не будучи в состоянии войти в него все сразу, образуют течение вдоль южного берега моря, бегущее до гор Кавказа. Надо всем этим морем часто встают внезапные туманы,

которые полностью скрывают берег, а течения и ветра вызывают у судов сильную качку даже в прекрасную погоду; но море изобилует рыбой — тунцом, камбалой, осетром и нигде к берегам его не спускаются негостеприимные пески пустыни. Из середины северного берега выступает Крымский полуостров, где живут дикие тавры, которые с удовольствием приносят человеческие жертвы и выставляют головы чужеземцев на шестах близ своих домов. За землями тавров живут киммерийцы, небольшие, смуглые, легко возбудимые люди, славящиеся своим пением и доблестные в бою, но склонные к мужеложеству; а к востоку и к западу от этих киммерийцев обитают долгоживущие справедливые скифы, у которые нет никаких жилищ, кроме кибиток на колесах, они пьют молоко кобыл и несравненны как лучники. Дальше них, опять же, обитают финны, каннибалы в черных плащах, неврии, многие из которых оборачиваются по ночам волками; и охотники-будинии, которые раскрашивают себя красной и синей краской, строят окруженные частоколами деревянные города и носят шапки и рубахи из шкур бобров; и исседонии, у которых благочестивым деянием считается поедать мертвую плоть своих родителей и делать кубки из их

черепов; и аргиппии, племя лысых жрецов, которые разъезжают на белых конях, не носят оружия и кормятся густой пастой, сделанной из свернувшегося молока с вишневым соком. На западном берегу живут финии и битинии, которые говорят по-фракийски; и здоровяки готы, любители пива; и оседлые скифы-земледельцы; и бригийские рыбаки, которые носят штаны из тюленьей кожи; и татуированные добытчики золота, агатирсии, которые с первозданным простодушием почитают Триединую богиню. На восточном берегу живут колхи, расчетливые апсилеи и царские скифы. По южному берегу живут племена, которые придет черед описывать, когда «Арго» пройдет мимо их земель или заглянет в их гавани; позади этого южного берега везде виднеются высокие холмы, и климат там не отличается от греческого.

На третий день после того, как вступили в Черное море, аргонавты снова подняли парус. Продолжая путь, хотя и по неспокойному морю, но без приключений, пока ближе к вечеру не увидали мыс Калпе и, у самого берега, — скалистый островок, не более чем восьмидесяти шагов в длину, поднимавшийся над поверхностью моря на высоту человеческого роста. На этом островке, почти самом крупном из тех, какие им предстояло

увидеть в течение оставшегося пути до Колхиды, они высадились и принесли в жертву Аполлону козленка. Кровь козленка собрали на вогнутую сторону щита Ясона, и все погрузили в нее пальцы, обновив свою старую присягу товарищеской верности и поклявшись не покидать корабль. Затем вылили кровь в песок, вскричав вместе: «Пусть так же будет пролита и наша кровь, если мы нарушим присягу». Им показалось необходимым этот обряд, поскольку теперь они вышли в море, где постоянно таилась угроза, по которому никогда прежде никто из них не странствовал. Они сплясали хороводом «Журавль» под музыку Орфея, певшего:

Слава Фебу, владыке исцеления,

Фебу, всегда справедливому…

И Аталанта снова помирилась с Мелеагром. Журавль был посвящен Артемиде, но так как они с Аполлоном были братом и сестрой, у них было много общих символов и атрибутов.

Аргонавты провели всю ночь на этом островке, а на заре повеял прекрасный западный ветер, который принес их на следующий вечер в пределы земли мариандинов — одного из фракийских племен. Аргонавты плыли мимо моря деревьев,

омывающего низкие холмы, и мимо устий трех рек: грязного неистового Сангариоса, Гипиоса с неровными берегами и широкого Ликоса. Вскоре после того, как Ликос остался за кормой, они обогнули Ахерузийский мыс и, защищенной от ветра огромной и неприступной скалой, увенчанной платанами. В глубине этой бухты стоит главный город мариандинов, примечательный красотой своих огородов, полей и садов. Ячмень, просо, сезам и все виды овощей растут здесь в изобилии, а также виноградная лоза, фиги, орехи, груши и что угодно еще, кроме олив — ибо почва здесь слишком богата для оливы. Склоны скалы полого сходят в сторону суши к долине Ликоса, а в глубокой долинке близ вершины — расселина, один из главных входов в Преисподнюю. Здесь вырывается наружу опасный поток Ахерон и струится по оврагу вниз со скалы; его холодная, как лед, вода замораживает камни близ расселины и покрывает их блестящей изморосью. Никто и никогда не спускался в это ужасное место, один только Геркулес; он отправился на милю или больше вниз, по приказу царя Эврисфея, чтобы передать жалобу лично богу Гадесу на дурное обращение, которому, как сказано, подвергаются с его стороны духи.

Царь Лик принял аргонавтов с распростертыми объятиями, как только узнал, что его сестра и друзья вызволены ими из унылой неволи в земле бебриков. Ясон, Поллукс и остальные вынуждены были отказаться более чем от половины богатых даров, которые он положил перед ними, поскольку «Арго» был боевым кораблем, и помещения для груза там не имелось.

Когда они сели за обильный обед, приготовленный для них, который продолжался — блюдо за блюдом — целых двенадцать часов, Лик спросил Ясона:

— Скажи мне, благородный спаситель моей страны, знаком ли ты с греческим борцом по имени Геркулес Тиринфский? Он семи футов росту, одет в львиную шкуру, и он — самый удивительный человек в целом свете. Несколько лет назад, в царствование моего отца, Даскила, он прошел через нашу страну пешком из земли амазонок, унося с собой, как боевой трофей, пояс царицы Ипполиты. Мой отец воевал тогда с бебриками, и Геркулес предложил подчинить их ему, что и сделал без особых хлопот, убив их царя Мигдона, брата Амика, и захватив все их северные земли, ибо ничто не могло остановить Геркулеса, когда он начал размахивать у себя над головой своей

окованной медью дубиной. Младший брат моей жены был убит в сражении, и мы устроили в его честь погребальные игры; на них Геркулес встретился в кулачном бою с нашим бойцом Титием и, нечаянно проломил ему череп. Он, естественно, чувствовал угрызения совести и предложил в искупление вины покорить любое другое враждебное племя, которое пожелает назвать мой отец, и покорил его — это генетии, живущие к востоку от нас. Он и на этот раз отказался от награды. Генетии — это упрямцы, оставшиеся от великого народа, который когда-то давно привел в Грецию Пелоп.

Ясон сказал, понизив голос:

— Царь Лик, этот самый Геркулес был нашим товарищем в начале плавания, но мы потеряли его несколько дней назад. Когда мы сошли на берег близ впадения в море реки Киос, его приемный Гилас сбежал от нас, неблагодарный маленький сорванец с позвякивающим мешком на боку; он надеялся, как мы наметили добраться до Трои сухопутной дорогой от Асканийского озера, а оттуда отправиться на корабле на Лемнос, где у него есть милая по имени Ифиноя. Геркулес не замечал исчезновения Гиласа несколько часов, но затем бросился, охваченный страстной скорбью,

его искать. Мы прошли за ним несколько миль по троянской дороге, но он не обращал внимания на наши крики и вскоре удалился за пределы досягаемости; так что нам поневоле пришлось возвращаться к кораблю. Калаид и Зет — вот они — и Тифий, наш кормчий, сказали, что надо продолжать плавание, но как мы могли бросить товарища? Ферский царь Адмет подчеркивал это с жаром, который меня немало восхитил, то же касается Акаста, сына Пелия и мирмидонца Пелея. Однако большинство было против, и нам пришлось, в конце концов, уступить. Мы подняли наши якорные камни и отплыли с тяжелым сердцем. И все-таки я не желаю корить за это решение ни Тифия, ни Калаида с Зетом. Полагаю, что, должно быть, некий бог говорил их устами.

Лик проникся к Ясону сочувствием: предводитель похода, как он сказал, часто должен принимать неприятные ему решения.

Ясон открыл Лику истинную причину появления «Арго» в Черном море, и Лик восхитился его дерзостью и благочестием. Он предложил Ясону воспользоваться услугами своего сына Даскила, который проплывет с ними на корабле до реки Термодон, что на полпути до Колхиды и представит его, если понадобится, всем вождям и царям

побережья.

Ясон с радостью принял это предложение, и «Арго» отплыл бы на следующее утро с попутным западным ветром, если не одно ужасное происшествие. Идмон, Идас и Пелей отправились вместе пройтись по высоким берегам реки Ликос, надеясь выгулять то лишнее, что съели на пиру, и тут Идмон начал рассказывать им вещий сон, который явился к нему ночью, сон о двух совокупляющихся змеях — самый несчастливый из всех возможных. Идас, который не придавал значения снам, насмехался над Идмоном, когда в тростниках что-то внезапно зашевелилось, и огромный дикий вепрь вылетел прямо на них. Идас и Пелей шарахнулись в стороны, но Идмон стоял неподвижно, не в силах шевельнуться. Кабан, выставив свои кривые белые клыки, налетел на его правую ногу, выше алого котурна, который на ней был, и разодрал ее. Из раны брызнула кровь, Идмон, вскрикнув, упал навзничь и закричал. Пелей метнул дротик в кабана, пока тот бежал обратно к тростникам, но прицелился не лучше, чем когда повстречался с великим Калидонским вепрем. Он закричал с досады, а вепрь снова развернулся. В этот раз он налетел на Идаса, который принял его острые копья, метя в точку между ше-

ей и плечом, и мгновенно убил зверя. Идас часто раздражал Пелея своим хвастовством; но ему и впрямь не было равных в Греции во владении копьем, никто не превзошел его и поныне. Они бросили кабана и заторопились к Идмону, но не могли остановить кровь. Со всех ног примчался Мопс, прихватив свои снадобья — сок омелы, отвар золотарника, чистеца и тысячелистника, а еще чистый скипидар. Но он пришел слишком поздно. Идмон страшно побледнел и умер, не сказав ни слова, на руках у Идаса. Было ясно, что вепрь, которого никогда прежде не видели в этой долине, появился неспроста, и аргонавты пришли к выводу, что в него вошел дух мертвого долиона, Мегабронта, которого Идмон случайно забыл умилостивить. Ибо символом Мегабронта был вепрь.

Сам царь Лик принял участие в погребальных обрядах, длившихся три дня. Аргонавты утешали друг друга напоминанием, что Идмон посвящен в Великие мистерии и станет правителем среди мертвых. На его могиле были заколоты овечьи стада, и мариандины насыпали над ним высокий курган, а на кургане посадили дикую оливу, и листья этого древнего дерева, положенные под подушку, и ныне навевают правдивые сны.

Аргонавты снова собирались отплыть, но потеряли еще одного своего товарища, кормчего Тифия, который умер от изнурительной болезни, точно так же, как его дед и отец. Проклятие тяготело над этой семьей с тех самых пор, как дед Тифия случайно срубил священный дуб. Оракул провозгласил, что ни один мужчина в семье не проживет дольше, чем прожил дуб, а тому было сорок девять лет. Мопс распорядился дать Тифию ложку похлебки, приготовленной из сердца землеройки и печени полевой мыши; но даже это не могло спасти кормчего, хотя он на удивление держался несколько часов.

И снова они скорбели и оплакивали покойного три дня. Они насыпали второй курган равной высоты и начали говорить друг другу:

— Вход в Преисподнюю не так далек. Кто следующим умрет? Кто третий?

Ибо известно было, что такие смерти всегда случаются по три. Но Анкей Большой нашел на борту «Арго» крысу, которая грызла припасы, убил ее камнем и вскричал:

— Братья, оплачем третьего аргонавта, который умер!

Это восстановило радость. Но поднялся спор, ибо некоторые говорили, что Навплий должен

стать кормчим вместо Тифия, а некоторые поддерживали Ифита, который в течение нескольких лет владел торговым судном, но Ясон приказал встать к рулю Анкею Большому.

На восьмой день они продолжили плавание, ведомые западным бризом. Недавний северо-восточный шторм сделал море неспокойным. Они прошли мимо устий еще двух рек, темного Биллеоса, близ которого воды черны от угля, смытого с Угольного мыса; и Парфениоса или реки Гирлянд, называемой так из-за множества цветущих лугов, по которым она течет. Затем, прибыв в Генету, знаменитую самшитами, дикими мулами, которые способны воспроизводится, и генетийским древесным алфавитом, который старше кадмейского, они стали на якорь с подветренной стороны двойного полуострова, выступающего в море, близ островка с голыми желтыми берегами. Но генетийцы бежали, увидев приближение «Арго», и не явились снова, пока судно не отплыло на заре следующего утра.

Далее они миновали неровный и запретный берег и дошли до мыса Карамбис, высокой горы, окаймленной красными скалами, где Ласким велел им ждать перемены ветра; однако ветер по-прежнему дул с запада. Они плыли всю ночь,

пока на следующее утро не очутились на полпути до Синопа и не заскользили мимо крутого, с голыми скалами, берега — земли пафлагонцев; и поскольку не было и признака, что ветер ослабевает, они плыли весь день. С приходом ночи они бросили якорь под укрытием группы скал, некоторые из которых показывались над водой, за несколько миль до Лепта, большого мыса, который делит южный берег Черного моря на два мелководных залива. За три дня и три ночи они прошли примерно двести пятьдесят миль, не полагаясь только на ветер и течение, но также и подгоняя «Арго» веслами, чтобы наверстать упущенное время, по два длинных периода каждый день.

В день, когда они стояли у этого рифа, Геркулес, шагая пешком в Колхиду, дошел до земли мариандинов. Царь Лик радостно приветствовал его, сказав:

— Увы, дорогой Благодетель, если бы ты только пришел на день или на два раньше, ты бы застал здесь своих товарищей, аргонавтов, которые горько сетовали на то, что потеряли тебя или, по меньшей мере, об этом сожалел их капитан, Ясон. Как я понял из его слов, когда ты отделился от них в окрестностях Аскании, два фракийца, Калаид и

Зет и кормчий Тифий, отговорили их тебя ждать.

— Ах, вот как! — сказал Геркулес. — Я им это припомню.

— Тифий умер от изнурительной лихорадки, — добавил Лик.

— Неважно, — сказал Геркулес, — остались для моей мести еще два фракийца.

— Я дам тебе боевую галеру, чтобы ты отправился за ними вдогонку, дорогой Благодетель, — вскричал Лик. — Но сперва давай повеселимся и воскресим в памяти старые времена.

— Я так голоден, что мог бы съесть и быка, — прорычал Геркулес.

— Хоть двух, если пожелаешь, — ответил Лик. Он постарался не расспрашивать о Гиласе, пока Геркулес как следует не наестся и не напьется.

Когда они вовсю насыщались жареной говядиной, в зале возникло движение, и высокий человек, на вид — грек, одетый в платье царского вестника, приблизился широким шагом. Он в самых льстивых выражениях приветствовал Лика, но сказал ему:

— Мое послание — не для тебя, твое величество. Оно — для твоего благородного гостя, князя Геркулеса из Тиринфа.

— Клянусь душой, это — Навозный Жук! —

вскричал Геркулес. — Ты тащишься за мной так же близко, как и моя тень, и почти так же бесшумно ступаешь.

Талфибий с глубоким поклоном сказал:

— Благороднейший Геркулес, добрая встреча!

— Дурная встреча, — отвечал Геркулес, скорчив ему гортанью рожу.

Талфибий оставил оскорбления без внимания и, подняв свой оливковый жезл в виде змеи, как по писаному изрек:

— Привет тебе от царя Эврисфея Микенского. Он требует, чтобы ты вернулся в Грецию немедленно и там за один день очистил утонувшие в навозе конюшни и хлевы царя Авгия Элидского.

Геркулес воскликнул:

— И он послал тебя через полудикие края, чтобы просить меня выполнить простую санитарную работу в моем родном Пелопоннесе? Что за человек!

— Я — только вестник, — извинился Талфибий.

— Нет, ты еще и Навозный Жук, — сказал Геркулес.

Талфибий слабо улыбнулся и ответил:

— Увы, благороднейший Геркулес, теперь-то как раз Навозный Жук — ты.

Геркулес разразился смехом, ибо был в благодушном настроении.

— Хороший ответ! — вскричал он. — Ради этой шутки я подчинюсь твоему хозяину. Но сперва я должен заручиться разрешением царя Авгия, который сейчас находится на борту «Арго» всего лишь в дневном переходе к востоку отсюда. Мне обещана царем быстрая боевая галера, и я выйду догонять «Арго» завтра.

— Царь приказывает тебе вернуться в Грецию немедленно, — твердо сказал Талфибий.

— Я не могу чистить конюшни и хлевы моего товарища Авгия без его позволения, — сказал Геркулес. — Кто знает, может, он предпочитает, чтобы они оставались грязными?

Он продолжал упорствовать. Но едва он ступил утром на одолженную у Лика галеру, как у него разболелась голова, а детские голоса недовольно закричали ему: «Назад, назад, Геркулес! Ты нас убиваешь! Назад! Назад!» И ему пришлось вернуться. На молу Лик дерзнул спросить его, какие у него новости о Гиласе, и Геркулес мрачно признался, что никаких. Он описал свои бесплодные поиски в землях мисиев и то, как он взял у тамошних правителей заложников и вверил их попечению своего зятя, который строит теперь с

их помощью поселение в устье Киоса.

— Что же, — сказал Лик, — может, конечно, быть, что Гилас скрывается где-то среди мисиев, но со слов одного из моих гостей я понял, что неблагодарный мальчишка заранее планировал побег по сухопутной дороге в Трою. Я слышал, он взял с собой мешок, где что-то звякало, там могли находиться золотые и серебряные украшения, чтобы оплатить дорогу на остров Лемнос, где у него, как говорят, есть милая.

— Что?! — взвыл Геркулес. — Так вот какова история? Бессердечные негодяи, сговорившись от меня избавиться и сыграв на юношеской любви моего бедного мальчика к распутной Ифиное, надавали ему золота и серебра и подговорили его бежать! А затем, как только я пустился на поиски, тихо смылись и бросили меня. Я с ними разберусь, увидишь; но пока что я должен найти моего дорого Гиласа, которому я, конечно, не хотел зла. Он — легкомысленный ребенок, а сейчас — в таком возрасте, когда любая пылкая сучка может его совратить, даже выманив из-под бока у Геркулеса, который любит его бесконечно. Благодарю тебя, добрый Лик, за эти сведения, хотя они мне причинили нестерпимую боль. Ты — мой верный друг. Теперь я отправляюсь домой, в Грецию, но

по дороге загляну в Трою, и если царь Лаомедонт не вернет мне Гиласа и не скажет, где его искать, я разнесу его город, не оставив камня на камне. Он уже кое-чем мне обязан. Он надул меня однажды с кобылами-людоедками, которых я оставил на его попечение, когда был там в последний раз.

— Будет хорошей вестью для всей Азии, если ты преподашь урок этим гордым троянцам, — сказал Лик. Может зайдешь к долионам и перкосиям и позаимствуешь у них несколько боевых галер? Насколько я слыхал, они жаждут повоевать с троянцами.

— Именно это я и сделаю, — сказал Геркулес. — Но что, Навозный Жук, двинемся в путь вместе или по отдельности?

— Было бы честью путешествовать в твоем обществе, благородный Геркулес, — отвечал Талфибий, — и немалой защитой от происков варваров, некоторые из которых столь же мало уважают вестников, сколь и белую личинку в орехе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ
Минин из Синопа

Когда аргонавты обогнули мыс Лепте, который образует второй рог большого полуострова, напоминающего бычью голову, ветер внезапно переменился с западного на северо-восточный. Они гребли через залив со вздымающимися водами, окаймленный белыми камнями, а затем обогнули мыс Синоп, правый рог полуострова. У этого мыса — крутые склоны и плоская вершина, издали он кажется островом, потому что перешеек, связывающий его с сушей, очень низок. Маленькое беленое поселение, выстроенное на восточном склоне Синопа близ перешейка, навеяло миниям ностальгические мысли, ибо изящные, но добротные дома были такими же, как и в их родных городах в Греции. Ясон пытался высадиться на перешейке, но обнаружил, что тот защищен острыми известковыми рифами, в которых полно выбоин, поэтому отвел «Арго» назад к небольшому пляжу на самом полуострове и там вытащил на берег. Пляж был чудесно защищен как от западного, так и от северо-восточного

ветра. Аргонавты сошли на берег и принялись разводить костер из прибойного леса; Эхион помахал рукой, дружески приветствуя юношу, который внимательно наблюдал за ними из-за невысокой, похожей на остроконечную башенку скалы, высившейся за пляжем. Он махал рукой в ответ и вскоре явился вновь, скача вниз с бешеной скоростью на прекрасном пафлагонском муле к ним. На нем была шапка из волчьей шкуры и ожерелье из волчьих зубов, он радостно выкликал имена фессалийцев — Корона и Эвридама, а также Адмета, царя Фер, которых узнал с вершины скалы по их символам и снаряжению. Это оказался Автолик из Трикии, миний, которого давно считали мертвым. За пять лет до того, он и два его брата двинулись с Геркулесом в поход в землю амазонок, но не вернулись. Когда Геркулеса о них спросили, он только и сказал, что они отстали от него в пути, вероятно, убиты пафлагонцами.

То была счастливая встреча. Автолик, братья которого Флогий и Делейон также были живы и прибыли вскоре после него, не видели своих сородичей-греков и ничего не слышали о милой сердцу Фессалии с тех самых пор, как Геркулес их бросил — ибо Автолик назвал поведение Герку-

леса именно этим суровым словом. Оказывается, Флогий разболелся в пути, а Делейон растянул лодыжку; но Геркулес отказался их подождать или даже пройти меньше своих обычных тридцати пяти миль в день. Пришлось им задержаться, и Автолик великодушно остался с ними. Пафлагонцы хорошо обращались с ними, хотя они народ грубый и упрямый, но милосердный, и за доброту, проявленную пафлагонцами, он отплатил, познакомив их с несколькими полезными искусствами и науками, доселе здесь неизвестными. В частности, он и его братья указали местным жителям на ценность лесных пород, в изобилии растущих на холмах, таких, как клен и горный орех, которые в большой чести на западе, так как идут на столы и сундуки, и научили их выдерживать и обрабатывать дерево на вывоз. Братья также организовали ловлю тунца и пояснили своим хозяевам истинную ценность иноземных товаров, доставляемых в этот порт сушей из Персии и Бактрии. До того пафлагонцы позволяли своим союзникам-троянцам заключать сделки с армянскими купцами на ежегодной ярмарке и довольствовались ничтожной пошлиной с проданных товаров, но теперь Автолик и его братья посоветовали им непосредственно торговать с

армянами, едва те вступают в страну, и получать, как посредники, разумную прибыль.

Три фессалийца разбогатели, приобретая и перепродавая такой товар, как тигровые шкуры, узорчатые ковры, бальзам, киноварь, охру, оникс, бирюзу, ляпис-лазурь и пластины галатской слюды, которую цари и князья вставляют в окна своих спален. Теперь каждый из них обладал мешком золотого песка, равным ему по весу, но все трое тосковали по Фессалии. Они содрогались при мысли об опасностях возвращения по суше, но, не будучи искусными кораблестроителями, не имели возможности вернуться морем, ибо не доверили бы свои жизни и сокровища троянцам. Флогий объявил, что он с радостью оставит здесь все свои сокровища, если так сможет снова увидеть «прекрасные увлажненные луга Иона и Летеоса, где пасутся племенные кобылы, резвятся жеребята, и пронзительный вой волынки коневода заставляет крепких мальчишек плясать под тополями».

Когда Ясон поведал им, что «Арго» держит путь в Колхиду, где он намерен добыть Золотое Руно из святилища Прометея, братья удивились и впали в уныние. Они знали о могуществе колхидского флота и о неприязни царя Ээта к новой Олимпий-

ской вере. Но они сказали:

— Если вам случится мирно вернуться из Колхиды и доплыть до Синопа, ни в коем случае не отплывайте в Грецию без нас. За проезд мы заплатим вам половину всего золотого песка, которым владеем — золотого песка, брошенного гигантскими рогатыми муравьями Индии и похищенными у них смуглыми дандами, а также несколько мешочков с самоцветами.

Ясон ответил:

— Либо отправляйтесь с нами сейчас и помогите добыть Руно, либо оставайтесь здесь и не надейтесь на нас, когда мы поплывем обратно. Если вы едете с нами, мы не потребуем ни золота ни самоцветов за проезд, а только запаса пищи, которого хватило бы еще на несколько переходов нашего плавания.

Но Эхион сказал:

— Нет-нет, Ясон. Пусть найдут нам припасов, и кроме того, заплатят золотым песком столько, сколько каждый аргонавт сможет ухватить и переложить в свой мешок, не поднимая большого пальца; ибо это будет небольшое количество, им не станут завидовать, но все же достаточное. Но чтобы показать, что сам я жаждой золота не страдаю, я и пальца в мешок не суну.

В конце концов три брата, подкрепив свою храбрость мариандинским вином, решили взойти на борт и столковались об оплате. Эхион расстелил у них под ногами свое священное одеяние, как напоминание своим товарищам, что они не должны нарушать договора, поднимая большие пальцы или дважды лазая в мешок. Затем каждый из аргонавтов поочередно погрузил обе руки в мешок и, вытащив оттуда полные ладони песку, пересыпал его к себе. Анкей Большой, у которого были самые крупные лапищи, вытащил больше остальных, но рассыпал половину, пока нащупывал свой мешочек, то же случилось еще с несколькими. Анкей Младший, у которого были небольшие ладошки, натер их с обеих сторон до запястья жиром и осторожно пересыпал в свой мешочек все, кроме нескольких песчинок. Эхион похвалил изобретательность Анкея Маленького, а тот в ответ с жаром похвалил его, увидев, как он вытряхивает все складки своего одеяния и собирает, точно свой приработок, весь просыпавшийся песок — достаточно, оказалось впоследствии, сделать себе золотой чехол для оливкового жезла и золотой пояс с вырезанными на нем священными символами.

Ясон согласился подождать еще два дня, по-

ка братья-фессалийцы приведут свои дела в порядок. Тогда Даскил, сын Лика простился с аргонавтами, так как они больше не нуждались в его услугах; ибо новобранцы были хорошо знакомы с прибрежными племенами до самых владений амазонок.

Теперь экипаж снова был укомплектован, так как места Геркулеса, Идмона и Тифия заняли три брата-фессалийца, которые пополнили припасы плоскими лепешками из полбы, сушеным мясом тунца, кувшинами дельфиньего жира и нежной маринованной бараниной.

Встав на оконечности мыса, Орфей и другие посвященные в Самофракийские мистерии предложили теперь жертвы Великим и смиренно взмолились о северо-западном ветре, но он не задул. Они решили, что допустили какую-то ошибку в обряде и подождали до следующего дня, когда снова его исполнили. И вот ветер медленно переменился на нужный северо-западный, но он не был сильным.

В течение этого дня шли через гладкий залив, мимо холмов, от которых до самого берега росли деревья, далеко на суше вздымался двойной конус горы Сарамен. Совсем недалеко от полуострова, на дальнем конце залива, они миновали

дельту Галиса, крупнейшей реки во всей южной части моря, но не проходимой далеко вверх от ее устья, затем, когда они обогнули полуостров, они увидели пасущиеся невдалеке стада прекрасной породы оленей, именуемой газелями, которых никто из них прежде не видывал, исключая Навплия, который однажды потерпел крушение у берегов Ливии. У газелей большие глаза, длинные уши и стройные ноги, и они великолепны, когда едят. Аталанта пожелала сойти на берег и поохотиться на них, поскольку Навплий бросил ей вызов, сказав, что они проворны, что даже она никогда хотя бы одну не подстрелила; но Ясон не согласился останавливаться, и они поплыли дальше. За полуостровом виднелась длинная прибрежная полоса, позади нее — низкие холмы, а за ними — болотистое озеро, кишащее водяной птицей. Они сошли на берег на час-два отдохнуть, и фессалийцы, теперь, когда их стало так много, показали, как они танцуют в полном вооружении под неистовую музыку флейты Ясона. Они танцевали с большой живостью, удивительно подпрыгивая и вращая мечами над головой. Разбившись на две группы, танцующие пантомимически изображали бой, поочередно одерживая победы и терпя поражения, нанося друг другу,

казалось бы, тяжелейшие удары, и все же — и все же были столь искусны и сдержаны, что ни на одном шлеме не осталось вмятины.

А Аталанта и Мелеагр отправились поохотиться на газелей, но вернулись с пустыми руками и едва дыша, как раз когда корабль был готов отплыть.

В ту ночь они медленно пересекли другой залив, а на заре обогнули низкий, поросший лесом полуостров, Арикон, где извилистый Ирис впадает в море.

— Здесь, — сказал Автолик, — находится поселение кудрявобородых ассирийцев в длинных одеяниях, изгнанников своей страны, а далее простирается земля халибеев, дикого племени, прославленных кузнецов, с которыми я в последнее время торговал. Скоро мы увидим островок, называемый Остров Обмена, близ халибейского берега, куда мы приходим из Синопа в долбленых челнах и где выставляем на камнях расписную минийскую глиняную посуду, полотно из Колхиды, одежды из овечьих шкур, выкрашенные в красный цвет мареной или в желтый вересков, которые ценят халибеи, а также выкрашенные кошенилью древки для копий. Затем, халибеи отваживаются подойти на плотах к островку: они

кладут рядом с нашими товарами широкие, хорошо закаленные наконечники для копий и лезвия для топоров, а также шила, ножи и крючья для парусов, а затем снова уплывают. Если нам по возвращении подойдет их товар, мы забираем его, если нет, мы отодвигаем от кучки нашего товара то, за что, как мы считаем, они недоплатили. Халибеи возвращаются и платят дополнительно за новую кучку еще несколькими железными изделиями. В конце концов обмен совершается, если только халибеи, обидевшись, не забирают все свои железные товары, а мы плывем с пустыми руками, ибо они — народ своенравный.

«Арго» продолжал путь вдоль берега, подгоняемый крепчающим ветром, и миновал несколько скоплений хижин, выстроенных из прутьев, но нигде аргонавты не увидели овечьих или коровьих стад, хотя травы было достаточно, чтобы прокормить несчетное множество голов скота. Холмы подошли ближе к морю, и корабль миновал остров Обмена. Затем берег резко повернул к северу, и несколько миль спустя они дошли на веслах до низкого мыса, который называется теперь мыс Ясон. Были сумерки, а ветер ослабевал, и аргонавты не желали стычки с воинственными тибарениями, земли которых начинались у мыса,

они бросили якорь под укрытием другого островка. Ночь эта запомнилась аргонавтам, ибо как раз тогда Навплий познакомил их с названиями небесных созвездий, которые он знал, с такими, как Каллисто Медведица, ее сын Аркад (обычно его называют Малой Медведицей), Плеяды (которые как раз всходили) и Кассиопея. Они развлекались, давая имена другим созвездиям — и некоторые из этих имен привились в греческих портах после возвращения «Арго». Например, двойная звезда — Кастор и Поллукс, при свете которой успокаиваются самые бурные моря; большое и громоздкое созвездие Геркулеса; Лира Орфея; созвездие Кентавра Хирона (так его назвал Ясон) — все их еще помнят. А также Дельфина Анкея Маленького: ибо в тот вечер все, кроме него обедали бараниной, жаренной на дельфиньем жиру — пища, для него запретная; поэтому он поел сушеного тунца и назвал созвездие «Дельфин Анкея Маленького». Это было за много лет до того, как сам «Арго» нашел свое место на небесах, низко у южного горизонта, в виде созвездия из двадцати трех звезд. Четыре звезды образуют мачту, пять левый руль и четыре — правый; пять — киль, пять — планшир; а нос не виден из-за убийства, которое навлек.

На следующее утро они гребли дальше, выйдя в мертвый штиль; но чаще всего у этих берегов бывает северо-западный ветер, и вскоре он снова задул и лихо пронес их мимо страны тибарениев. Согласно сообщению Автолика, эти дикари не так давно низвергли Богиню Мать и возвели на ее престол Отца Зевса; но не смогли преодолеть в себе древние привычки, которые выработала у них прежняя вера. Мужчины собрались вместе, и один сказал: «Если видно, что мужчина, бросающий в почву семя, создает ребенка, а не женщина, ибо она — только поле, которое он засевает, чем она заслуживает его благоговение? Пусть вся благочестивая забота, доселе по ошибке уделявшаяся женщине во время ее беременности и родов, теперь будет уделяться ее мужу. Он родитель, а не она».

Так и было решено. Теперь, когда жена беременна, каждый тибарений ест в два раза больше обычного, почитается выше своих товарищей, встречает потакание своим капризам, разгуливает вперевалку, а когда у жены начинаются родовые муки, лежит в постели и стенает с тесно обвязанной головой, и женщины сочувственно заботятся о нем и готовят воду, чтобы омыть его после родов, а жена предоставлена сама себе.

Как и халибеи, эти тибарении не пашут землю, не разводят овец или быков. Они живут рыбной ловлей, охотой и сбором плодов леса; ибо моря полны рыбы, а леса — дичи. Здесь вырастают сами собой бесчисленные яблони, груши и орехи различных видов, а дикая лоза увешена тяжелыми гроздьями резкого на вкус, но освежающего винограда.

В полдень аргонавты приблизились к болотистому устью реки Керасос, за которым лежит остров Ареса. Широкое небо впереди внезапно потемнело от мириадов водных птиц, летящих к морю с низких берегов. Птицегадатель Мопс так воззрился на них, что его глаза чуть не выскочили из орбит, а рот стал круглым, как яйцо. Он вскричал:

— Разверните корабль, друзья! Это — слишком жуткое зрелище для глаз птицегадателя!

Но птицы уже летели спереди и сзади мимо них, а стая нечистых колпиц направлялась непосредственно к «Арго». Аргонавты все как один схватились за оружие, шлемы, блюда, медные котлы и устроили шум и звон; услыхав этот трамтарарам, птицы повернули прочь, а перья их посыпались дождем. Колпицы, как говорят, пьют дыхание спящих людей, а стая их считает-

ся верным предвестником лихорадки. Вторым Подвигом, возложенным на Геркулеса, было вынудить огромную колонию колпиц покинуть болота близ Стимфалоса в Аркадии; нескольких он убил, а остальные унеслись с криками.

Аргонавты поплыли дальше, и когда подошли к острову Ареса, обнаружили, что на нем черно от мелких пташек, таких, как жаворонки, трясогузки, коростели, горихвостки, сизоворонки и даже зимородки — целыми стаями; они поднялись в воздух огромным облаком, когда «Арго» проходил мимо, но их прогнали шумом, как до того колпиц.

Мопс раскинул руки, молясь Аполлону:

— Бесчисленные бедствия и бесчисленные благословения, облака вихрящихся сомнений. Взор мой затуманен. О пресветлый сын Делоса, улыбнись нам, встряхни своими кудрями, и пусть доброе предзнаменование победит!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ
Толстые мосиноэхии и другие

Когда они проходили мимо мыса Зефир в тот вечер, Автолик крикнул своим товарищам:

— Вон там раскинулись владения мосиноэхиев, и вы мне не поверите, когда я вам скажу, что они за народ, ибо я прочел недоверие в ваших глазах, когда описывал вам обычаи тибарениев. Поэтому я вообще ничего не скажу, а предоставлю вам основывать свои суждения на вашем опыте обещания с этим исключительным народом.

Не успел Автолик это сказать, как они отыскали пляж, защищенный от западных ветров, бросили якорь, сошли на берег, развели костер из прибойного леса и пообедали, выставив надежную стражу. Но Автолик заверил их:

— Вам нечего бояться мосиноэхиев, которые, увидя наш огонь, удалятся в свои деревянные замки и останутся там на всю ночь. Наутро любопытство побудит их явиться к нам с дарами. Опасно странствовать по их землям, ибо они часто роют ямы на диких зверей по лесным тропам, и если в одну из них попадает несчастный путник,

они его считают честной добычей и безжалостно убивают. Но они не опасны, когда вооруженные люди встречаются с ними в открытую.

Ночь прошла без тревог, и как только солнце начало нагревать пляжи, на берег спустилось двое мосиноэхиев, чтобы навестить пришельцев, как и предсказывал Автолик. Вид у них был столь забавный, что аргонавты разрезвились взрывом неудержимого смеха. Мосиноэхиев, мужчину и мальчика, воодушевил этот очевидный знак дружелюбия, и они начали смеяться. Мужчина запрыгал, а мальчик захлопал в ладоши. Мужчина нес щит в виде плюща, сделанный из шкуры белого быка, копье невероятной длины с крохотным наконечником и скругленным тупым концом, и корзину, полную орехов, плодов и прочих лакомств. На нем была короткая белая рубаха, лицо его оказалось раскрашено чередующимися полосами — желтыми и голубыми. Голову увенчивал кожаный шлем без гребня, завязанный хвостом белого быка. Мужчина был заметно толст.

Обнаженный мальчик был еще толще — просто невероятным толстячком, и с большим трудом мог ходить, пот выступал у него на лбу при каждом шаге. Его бледное лицо и мертвенно-белая

кожа наводили на мысль, что последнее время его неделями держали в темноте и кормили, как быка в стойле, что и подтвердилось, когда пошли расспросы. Его массивные бедра были обильно татуированы цветами и листьями. Мужчина, который был вождем, привел мальчика к лагерному костру и подарил его и корзину с лакомствами Ясону великодушным жестом, протянув руку, чтобы получить ответный дар. Тогда аргонавты засмеялись еще громче, ибо заметили, что мощные ягодицы мальчика выкрашены одна — желтым, другая — голубым, и на каждой белым и черным нарисован глаз.

Ясон растерялся. Он не знал, что сказать или сделать. Автолик, который умел немного объясняться по-масиноэхийски, вышел вперед и от имени Ясона поблагодарил вождя за подарок, объявив, что мальчик восхитительно толст.

— Так и должно быть, — вскричал вождь, — если учесть, сколько вареных каштанов мы впихиваем в него день за днем и ночь за ночью.

Ясон спросил вождя, через Автолика, какой дар он хотел бы получить взамен. Вождь ответил, что он хотел бы получить женщину, которую привезли с собой аргонавты, хотя она уже не первой молодости и, кажется, полужива от голода после

долгого плавания из Египта — он так и сказал «из Египта» — и поручился, что раскормит ее в несколько недель так, что она будет напоминать спелую тыкву. А пока, дабы показать, что он ее не презирает за то, что она такая тощая, он завладеет ею у них на глазах в знак приязни. Автолик покачал головой при этом бесстыдном предложении, но вождь, потрясая копьем, стал настаивать, что он должен перевести это Ясону, и Автолик перевел. Слова его возбудили столь неумеренный смех, что вождь простодушно решил, что аргонавты рады избавится от тощей женщины и приобрести в обмен пухлого мальчика. Он засеменил вперед, к Аталанте, совершая первые прыжки похотливого танца, и сорвал с себя шлем и рубаху.

Аталанта скорчила ему горгонью гримасу, но это его никоим образом не обескуражило. Когда он начал развязывать свой набедренник, она повернулась и побежала. Он с воплями кинулся в погоню, но Мелеагр подскочил к нему сзади и сшиб с ног, так что вождь рухнул плашмя на груду острых камней. Он поднял крик, и толстый мальчик заорал, точно роженица. Тогда бдительные мосиноэхии бегом спустились на берег из ближайшего своего деревянного замка,

вооруженные дротиками, громоздкими, как у вождя, копьями и такими же белыми щитами в виде листа плюща. Фалер, Ясон, Адмет и Акаст с луками и стрелами встали, чтобы прикрыть отступление товарищей, которые быстро сняли с якоря корабль. Но когда дикари обнаружили, что их вождю не причинено вреда и что толстый мальчик не похищен, они не стали нападать на арьергард, который благополучно взошел на борт, не выпустив ни стрелы.

У Ясона так и осталась подаренная корзина с угощением, состоявшим из плоских и свежих лепешек, винограда, яблок, груш и каштанов, некоторого количества икры макрели, неприятно пахнущей, и хвостов камбалы; а также куска медовых сот. Он разделил между аргонавтами лепешки и плоды, а рыбу выкинул за борт. Соты же сберег для Бута.

— Я был бы рад выслушать твое мнение об этом меде, благороднейший Бут, — сказал он. Но прежде, чем Бут успел подойти к нему, Автолик и его брат Флогий выхватили соты из руки Ясона и швырнули их в море следом за подгнившей рыбой.

Бут пришел в ярость.

— Как, вы отбираете у меня дарованное мне,

ах вы, пара фессалийских пиратов! — вскричал он. — Ясон предложил мне соты, потому что знаю о меде не больше, чем любой человек в Греции, и он хотел услышать мое мнение.

Автолик ответил:

— Возможно, афинянин — несмышленыш. Но мы не в Греции, как напомнил нам царь Амик, пока мы шли по Мраморному морю. Мы с моим братом Флогием выбросили соты, потому что мед в них ядовит и потому что, как верные аргонавты, мы ценим твою жизнь.

Гнев Бута утих. Он воскликнул в изумлении:

— Шершни и осы! Тот раскрашенный дикарь действительно хотел меня отравить? И я обязан жизнью вашей бдительности? Возможно, он облил соты соком смертоносного аконита, который, как я видел, растет в мариандинских полях?

— Нет, — сказал Автолик, — зачем?! Мед здесь от природы ядовит, так как собирают его с растения, называющегося… да, именно с аконита. Самая его малость приведет в безумие любого, кто к нему не привык, и вынудит без чувств упасть наземь.

— Это просто выдумка, я не верю ни одному слову, — сказал Бут, снова рассердившись. — Пчелы — мудрые, трезвые создания, куда мудрей и трез-

вей человека, им и в голову не придет запасать в своих сотах ядовитый мед или перерабатывать ядовитую пыльцу. Кто видел когда-либо одурманенную пчелу? Ответьте мне!

— Называй меня лжецом, если тебе угодно, — сказал Автолик. — Но воздержись хотя бы от того, чтобы пробовать любой мед на этом побережье. Мед мосхиев, данников колхидского царя Ээта, столь же ядовит. Пчелы собирают его не с аконита, а с прекрасного алого цветка, понтийской азалии, которая растет на северных склонах высоких армянских гор.

— Я не назову тебя лжецом, ибо ты — мой верный товарищ, но ты глубоко заблуждаешься, — сказал Бут. — Пчелы никогда не садятся на красные цветы, и хотя мед часто используется преступниками, особенно — преступницами, как готовое средство скрыть яд, который они подбрасывают своим врагам, чистый мед ни разу не вредил даже мухе, с какого бы цветка его не брали. Я заявляю, что любой, кто верит противоположному, легковерен и невежествен.

Орфей заиграл приятную мелодию, Автолик пожал плечами, и ссора прекратилась.

Вскоре «Арго» прошел мимо ущелья, из которого вытекает река Харистотес, и аргонавты

увидели ряд трехместных челноков, выдолбленных из древесных стволов, быстро уходящих вверх по течению. Гребцы носили головные уборы из перьев грифа.

— Троянские работорговцы часто совершают внезапные высадки на этот берег, — объяснил Автолик. — Тех, кого они захватят, используют потом для работы в каменоломнях.

В тот день они доплыли до Священного мыса, где кончаются земли мосиноэхиев и начинаются владения амазонок. Этот мыс, посвященный Богине Подземного Мира, все они, а не только Линкей, смогли увидеть с расстояния в шестьдесят миль. Конический холм поднимается на самой его оконечности, а вокруг него — красноватые скалы. Но они не сделали попытки высадиться, а плыли всю ночь; ибо все, кого они встречали, предупреждали их, чтобы держались подальше от амазонок.

Амазонки чтят Триединую богиню, и мужчины племени, к которому они некогда принадлежали (и само название которого теперь забыто), отличались теми же привычками, что кентавры, этики, сатиры или любые другие пеласги. Но когда эти мужчины начали возбужденно говорить об отцовстве — услыхав сперва это слово от како-

го-нибудь армянского или ассирийского путника, и вздумали превозносить Отца Зевса, забыв Богиню, женщины посовещались (во многом так же, как женщины Лемноса) и решили восстановить ее власть, если потребуется, силой. В одну ночь они разоружили и убили своих мужчин, вернее, всех взрослых — и предложили отсеченные у них гениталии как мирную жертву Матери. Затем стали добросовестно упражняться в боевых искусствах. Любимым их оружием были короткая секира и лук, они сражались верхом, так как на их равнинах водились прекрасная и рослая порода лошадей. Они выжигали себе правую грудь, чтобы иметь возможность в полную силу и беспрепятственно натягивать тетиву, откуда и пошло их название — амазонки, или безгрудые. Они не убивали детей мужского пола, как женщины Лемноса, но вместо этого ломали им ноги и руки, чтобы сделать их непригодными для войны, а впоследствии учили их ткать и прясть и выполнять домашнюю работу. Однако в них жила та же естественная жажда любви, что и у женщин Лемноса, а делить ложе со своими хромоногими рабами они считали недостойным. Поэтому они воевали с соседними племенами и брали себе возлюбленных из храбрейших среди пленников,

после чего безжалостно предавали их смерти. Такая политика вынуждала их постепенно расширять свое государство во всех направлениях, дальше, чем потребовалось бы в любом другом случае; они были народом немногочисленным, и плодородной равнины реки Термодон было им вполне достаточно. Однако вскоре они пришли к взаимопониманию с макрониями, свирепым и красивым племенем, которое обитало на высоких холмах в глубине суши. Каждую весну молодые макронийские мужчины встречались с молодыми женщинами Амазонии в пограничной долинке, и там сочетались; из детей, рожденных от этих сношений, амазонки оставляли себе девочек, а мальчиков отдавали макрониям.

Таков был, по крайней мере, рассказ Автолика, и он подтверждал сообщения Геркулеса. Геркулес выиграл пояс царицы Ипполиты без борьбы, ибо она влюбилась в него, когда он явился с макрониями, своими друзьями, на ежегодное любовное соитие, и она сама подарила ему свой пояс. И только по чисто случайности он вступил в конфликт с ее телохранительницами, пять или шесть из которых поразил своими стрелами; макронии ревновали по поводу его успеха у амазонок и распустили лживый слух о том, что его

тайным намерением было похитить Ипполиту и увести ее в рабство.

Аргонавты плыли всю ночь, а в полдень на следующий день, встревоженные необычным видом неба, вытащили свой корабль на берег под укрытием мыса Ризос примерно в девяноста милях к востоку от Священного мыса. Мыс Ризос расположен на территории племени, называющегося бехирии. Холмы в глубине суши здесь исключительно высоки.

Ясон шутя спросил Автолика:

— А что за народ эти бехирии? У них песьи лица? У них головы растут под мышками? Они едят песок и пьют морскую воду? В чем их особенности?

— Бехирии, — ответил Автолик, — имеют такие особенности. Они говорят правду, они имеют только по одной жене и верны им, они не ведут войн против соседей и, будучи полностью невежественны насчет существования любых богов и богинь, проводят жизнь без страха перед воздаянием за грехи. Они верят, что, когда человек умирает, он обращается в ничто, поэтому не страшатся богов. Земли их также не знают лихорадок, которые терзают их соседей, и настолько плодородны, насколько можно было бы желать. Я часто

подумывал о том, чтобы там поселиться; одно плохо — когда я умер бы, кости мои остались бы непогребенными, а я ведь столь верующий грек.

Оттуда, где они высадились, было только два дня пути при попутном ветре до колхидского морского порта Фасиса в устье реки Фасис. В отдалении, на севере и востоке, растянулась по краю моря неровная белая полоса горы Кавказа с покрытыми снегом вершинами.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ
«Арго» приходит в Колхиду

В тот день поднялся сильный северный ветер и волны необычайной высоты, шипя, хлынули на плоский берег. Когда аргонавты оглянулись на море, они увидели крупное судно, державшее путь на восток примерно в миле от берега. То был первый корабль, который они заметили с тех пор, как оставили земли мариандинов. По очертаниям он напоминал коринфские. Линкей вгляделся в него и сообщил:

— Гребцы, судя по их закрученным узлом волосам и полотняному платью, — колхи, но некоторые из пассажиров, которые вычерпывают воду шлемами и блюдами, имеют до странного греческий вид. На корабле случилась течь, в передней его части, как я думаю, близ кормы смыло часть фальшборта. Гребцы изнурены, но судовладелец хлещет их по спинам бичом и принуждает грести.

Некоторые из аргонавтов взбежали на небольшой холм позади береговой полосы, надеясь лучше рассмотреть корабль. Колхидское судно

пыталось обогнуть оконечность Ризоса и найти убежище в бухте с другой стороны, где имелся длинный и гостеприимный пляж.

Поллукс сказал со вздохом:

— Увы, бедняги, ничего у них не выйдет!

— Очень даже выйдет! — вскричал Идас. — Они тянут судно как дикие кони.

— Не забывайте о подводном рифе, мимо которого я вас провел, — сказал Анкей Большой. — Он заметен, как только спадает волна; а есть и надводная скала примерно в полете стрелы от берега, как раз за точкой, которой они достигли.

Едва Анкей кончил, как огромная волна подняла корабль и, перевернув, швырнула его на ту самую скалу, которую Анкей только что упомянул. Корабль тут же разлетелся в щепки, и по ветру донесся крик утопающих.

— Выходит, я ошибся, — ухмыляясь, сказал Идас. — Вот они и пропали.

Линкей сообщил:

— Четверо греков ухватились за мачту. Один ранен. Они ногами отбиваются от двух моряков-колхов, которые вцепились в шкоты и пытаются занять более безопасное положение. Ого! Смотрите-ка! Вот у того грека нож в зубах, он обрубил шкоты. Теперь они могут доплыть до берега на

мачте. Эвфем — пловец уже бежал к месту, близ которого разбился корабль. Он очень быстро бежал. Когда он добрался до кромки воды, он бросился в волны и поплыл под ними, словно выдра или тюлень, пока не появился вновь около четверых, которые держались за мачту. У одного из них кровь текла из глубокой раны в голове, товарищи с трудом его поддерживали.

— Оставьте его мне! — крикнул Эвфем, подплывая поближе и проделывая в воде трюки с целью показать свое мастерство.

— Возьми его, во имя Матери! — ответил один из них.

Вскоре Эвфем, плывя на спине, доставил раненого на берег, в полумиле от места крушения. Остальные, работая ногами, направили свою мачту к тому же безопасному месту. Но они не смогли бы выбраться на берег, не окажи им помощь Эвфем. Он снова бросился в воду и доставил их на пляж по одному. Когда все они были на берегу, они наконец обняли его самым нежным образом, какой себе можно представить, заявив на варварском греческом, что он заслужил их вечную благодарность.

— Вы похожи на греков, — сказал Эвфем.

— Мы и есть греки, — ответил один из них, —

хотя и не были никогда на родине. Мы — минии по крови, что, как мы понимает, означает самое благородное происхождение, каким может похвастаться грек.

— Подойдите к нашему капитану, которого зовут Ясон, сын Эсона, — сказал Эвфем, — и расскажите ему вашу историю. Он и сам миний, и еще несколько человек из нас.

Ясон приветствовал потерпевших кораблекрушение, пригласив обсохнуть у костра. Он дал им одежду переодеться и теплого вина. Мопс перевязал голову раненого полотняными бинтами, но сперва смазал рану своим снадобьем. И только когда гости немного пришли в себя и отдохнули, Ясон их вежливо спросил:

— Незнакомцы, кто вы? И куда, позвольте спросить, направлялись на вашем корабле, когда этот ужасный шторм разнес его в щепы?

Их предводитель ответил:

— Я не знаю, слышал ли ты когда-нибудь рассказ об эолийском греке по имени Фрикс, который бежал из Фессалии около тридцати лет назад, потому что его отец, царь Афамант, намеревался принести его в жертву? Ну, и он благополучно добрался до Колхиды и нашел убежище при дворе царя Ээта, эфирца, который переселился туда за

несколько лет до того. Фрикс женился на дочери Ээта, царевне Халкиопе. Мы — четверо сыновей от этого брака, но наш отец Фрикс умер два года назад, и мы не в самых лучших отношениях с нашим дедом, суровым стариком. Недавно мы решили посетить Грецию, потому что наш отец говорил нам, что нас ждет ценное наследство, когда мы заявим свои права на него в Орхомене, то есть в беотийских землях его отца Афаманта. Когда мы обратились к царю Ээту за разрешением отплыть, он согласился неохотно и при условии, что мы сперва посетим Эфиру, чтобы узнать, что сталось с его тамошними владениями, и заявить формальные претензии на них от его имени. Мы согласились на его условие, но провели в море только два дня, когда, как ты сам видел, потеряли корабль, и все свое имущество. Но если бы не твой благородный спутник, мы бы, похоже, и жизни свои потеряли, ибо он протащил нас через прибой, когда силы наши уже иссякли. Наши имена — Атрей (вон тот, раненный в голову), Меланион (смуглый, который за ним ухаживает, и похож на свою колхидскую бабушку), вот этот — Китиссор (знаток вольной борьбы), и Фронт — это я, Фронт, старший из четверых. Мы всецело к твоим услугам.

Ясон протянул руку.

— Какая странная встреча. Я обращался с вами так любезно, как если бы вы были моими родичами, и оказалось, что вы и есть мои родичи! Мы с вами — троюродные братья. Ваш дед Афамант и мой дед Кретей были братьями. И у вас есть другие родственники среди нас (их генеалогию я объясню позднее) — Периклимен и Меламп из Пилоса, Идас и Линкей из Арены и Акаст из Иолка.

Фронт, схватив его за руку, спросил:

— Как же вышло, что ты здесь, на этом корабле? Разве не закрыли троянцы проливы для любого грека, желающего торговать в Черном море? Они взяли торговлю в свои руки. Наш дед Ээт — союзник Лаомедонта, троянского царя, помогает ему кораблями и людьми. Ибо, хотя он и сам грек, он говорит, что греки неизбежно приносят повсюду беду. Амазонки, как слышал, дали Лаомедонту подобное же обязательство, заявив, что греки слишком спешат хвататься за оружие и слишком медлят принести дары. Есть, кстати, три брата-фессалийца, живущих в Синопе среди пафлагонцев, которые опозорили имя греков; они слывут прожженными мошенниками и скрягами.

Ясон поинтересовался дальнейшими сведениями об этих трех братьях, Фронт ответил:

— Сам я с ними никогда не встречался, но один из них, Автолик, самый жуткий вор во всей Азии, по словам троянцев, он мог украсть нос с лица человека, пока тот спит, или треножник из-под жрицы, пока она пророчествует. Но троянцы не осмеливаются захватить этих братьев и предать смерти, ибо пафлагонцы считают их особыми людьми и благодетелями страны, они бы перекрыли южную торговую дорогу с востока.

Автолик, улыбаясь, сказал:

— Никогда не верь словам криводушного троянца, благородный Фронт. Верь простодушным пафлагонцам, которым я и два мои брата действительно оказали существенные услуги. И не охраняйте слишком бдительно ваши носы, пока спите, ибо клянусь, что я их не трону до тех пор, пока вы не тронете наши. Именно так я всегда говорил троянцам.

Все общество рассмеялось этой шутке, а Фронт извинился перед Автоликом и его братьями, заявив, что если они действительно те самые три фессалийца, их добрые и честные лица сами по себе — опровержение клеветы, возведенной на них их соперниками в торговле. Братья велико-

душно простили его, сказав, что любая жалоба на них со стороны ревнивых троянцев ласкает им слух.

Затем Ясон сказал:

— Фронт, эти три добрых фессалийца взошли на борт нашего корабля после того, как закончили все свои дела в Синопе, потому что слава о наших священных поисках достигла их и воспламенила их сердца желанием в нем участвовать.

— В самом деле? — сказал Фронт, у которого на душе полегчало, как только переменили тему разговора. — И в чем, если можно спросить, заключается ваши священные поиски?

Ясон ответил:

— Скажу тебе откровенно: отнять Золотое Руно у царя Ээта и возвратить его в святилище Лафистийского Зевса, туда, откуда твой отец давным-давно отважно взял его. Ты и твой брат, без сомнения, захотят участвовать в этих поисках, и если вы поможете нам, обещаем, что ваши претензии на земли Афаманта будут благожелательно рассмотрены правителями Беотии, а те, кто захватил их, будут изгнаны. Вы ведь понимаете, что удача клана миниев зависит от возвращения Руна — я верю, что сама Триединая Богиня выбросила вас на этот берег.

Фронт сказал:

— Твои слова странно звучат для наших ушей. Наш дед, царь Ээт, никогда не отдаст Руно по доброй воле, а у него войском в пять тысяч человек, флотом в тридцать быстрых галер, и каждая по величине — как ваша; его флот, если вам удастся захватить Руно, бросится в погоню и неотвратимо, как судьба, настигнет вас. Позвольте мне вас предупредить, прежде чем я продолжу, что два бронзовых быка выставлены во внутреннем зале дворца нашего деда. Они сделаны по образцу быка, которого Дедал подарил жрице критской Пасифаи, но посвящены жестокому таврическому богу войны. Когда наш дед схватит вас, он заточит вас по двое в брюхах этих быков, разведет под ними священный огонь, на котором вы изжаритесь и умрете. Ваши крики и вопли будут исходить из бычьих ртов, как рев, что доставит ему бесконечное удовольствие. Скажи мне, родич, с чего это вам в голову взбрело, будто Триединая Богиня, которую мы почитаем в Колхиде как Птицеглавую Мать, или Невыразимую, благосклонна к вам, пытающимся расстроить ее замыслы? С чего бы ей соглашаться возвращать Руно своему мятежному сыну, у которого она сама его похитила?

Ясон ответил:

— Великие Олимпийские божества — Зевс, Посейдон, Аполлон, Афина и Артемида — все лично благословили это предприятие, никоим образом не столь трудное, сколь многие другие, которые, как вы знаете, были успешно осуществлены. Когда, например, Геркулес Тиринфский был послан царем Микен Эврисфеем захватить пояс Ипполиты, царицы амазонок…

Здесь его перебили Меланион и Китиссор:

— О, да, все мы слышали о Геркулесе, великом тиринфце. Если бы Геркулес явился с тобой, это было бы, возможно, другое дело. Даже наш дед Ээт его боится.

Ясон сказал:

— Тогда позвольте вам сообщить, и я, если пожелаете, подтвержу это клятвой, что Геркулес — участник этого похода. Загляните в рундук под скамьей, ближайший к корме, вы найдете там кое-что из его имущества, включая и шлем, размером с котел, и громадные кожаные штаны. Он высадился на берег за несколько переходов отсюда по частному делу, и мы ожидаем, что довольно скоро он вновь к нам присоединится, — вероятно, на корабле, предоставленном ему его друзьями, мариандинами. Но мы не менее храб-

рые, чем Геркулес, намерены выполнить нашу задачу и без него, если он надолго задержится. Что касается Триединой Богини, то мы искренне преданы ей и были на Самофракии посвящены в ее главнейшие обряды. Она дала свое согласие на этот поход и одарила нас самыми благоприятными из всех возможных ветров. И пусть я умру на месте, если говорю неправду.

— Но какая ей может быть выгода от того, что ты вернешь Руно? — спросил Фронт.

— Я не говорю, что ей в этом есть выгода, — ответил Ясон. — Но она, по меньшей мере, не возражает против наших поисков, ибо у нее самой есть для нас поручение, которое надо выполнить в Колхиде. Она хочет, чтобы мы укротили дух твоего отца, Фрикса.

— Вот как? — вскричал Фронт. — А я и понятия не имел, что он не знает покоя. Колхи устроили ему великолепные похороны.

Ясон был озадачен.

— Я так понял, что его тело не было погребено, — неуверенно возразил он.

— И оно и не погребено, — сказал Фронт. — В Колхиде мужчин вообще не погребают, только женщин. Погребать мужчин запрещает вера колхов, и хотя царь Ээт просил позволения у своего

Государственного совета сжечь тело нашего отца на погребальном костре, а кости, как водится у греков, положить в землю, жрецы ему в этом отказали, и больше он не настаивал. У нас почитается, наравне с Триединой Богиней, Бог Солнца, а поэтому огонь священен. Нельзя сжигать трупы мужчин, иначе огонь будет осквернен; нельзя зарывать их в землю, которая также священна. Поэтому у колхов принято заворачивать трупы мужчин в необработанные бычьи шкуры и подвешивать к верхушкам деревьев, чтобы их поедали птицы. Тело нашего отца было подвешено с большим благоговением и торжественностью к высочайшей ветви высочайшего во всей речной долине дерева, гигантского тополя, и никого из нас до сих пор не потревожило явление его духа.

— А это правда, что Руно висит в роще героя Прометея, который почитается там, как бог войны? — спросил Ясон.

Фронт ответил:

— До тебя дошел неверный рассказ, Руно посвящено Прометею и находится в его оракуле, недалеко от города Эа, где он почитается, как герой, а не как бог. Я объясню, почему попал в эту историю бог войны. Когда двадцать пять лет назад наш дед Ээт женился на дочери крымского

царя, таврийке, и заключил с таврами военный союз, она привела с собой в Эа свою таврийскую охрану. Желая сделать приятное ей и своему тестю, наш дед посвятил переднюю часть оракула за высокой оградой героя таврическому богу войны, а дальнюю часть оставил герою. То есть, чтобы проникнуть туда, где висит Руно, надо пройти мимо бдительной стражи отряда вооруженных жрецов-тавров, день и ночь охраняющих стойла своих священных быков. Ээт наделил их этим даром во времена, когда боялся, что греческие налетчики могут попытаться украсть Руно. От его колхской царицы у него есть дочь, Медея, которая теперь — жрица Прометея и кормит огромного змея, в которого воплотился наш герой. Это — питон индийской породы, который сбивает добычу, зверя или птицу, зачаровывая их своим смертоносным, неусыпным взором, а затем обвивая и удавливая своими холодными кольцами. Прометей не выносит присутствия в своей ограде кого бы то ни было, кроме царевны Медеи, которая поет древнее заклинание, чтобы он вел себя спокойно. Ее должности жрицы не станет завидовать ни одна женщина.

У Ясона побледнели щеки, когда он услыхал этот рассказ, он онемел. Но он слишком далеко

зашел, чтобы можно было с честью отступать. Адмет из Фер сказал Фронту вместо него:

— Никого из нас не повергло в страх то, что ты сказал, родич, и ты полностью отдал себя в распоряжение нашего предводителя. Я требую, чтобы ты и твои братья поклялись, что будете послушно следовать за ним, пока мы не доставим Руно в Грецию. Если вы откажетесь принести присягу, я убью вас на месте, несмотря на близкое наше родство, ибо Ясон доверил вам тайну, в которую нельзя посвящать никого, кроме тех, кто поможет нам всеми силами.

Они принесли присягу в храме Марианеи, без крыши, который высился неподалеку. Его соорудили амазонки много лет назад во время своего налета на этот берег. Грубая черная статуя Богини стояла в нише, возле алтаря из валунов, готового принять их жертвоприношения. В три впадины на самом верхнем валуне они положили круглые белые камешки, похожие на яйца, и повернули их в соответствии с различными фазами луны.

Ветер прекратился в течение ночи. На заре, хотя море все еще волновалось, они вывели в море «Арго» и тронулись в путь. Подгоняемые легким бризом, веющим с берега, они медленно продолжали плавание мимо земель сварливых

сапериев и стойких бизериев, которые живут по соседству с ними, там, где горы подходят к самому морю.

Они плыли весь день и часть следующей ночи, а затем легли в дрейф, когда настал штиль. Пройдя на веслах следующий день, они добрались до громадной, тонущей в тумане равнины, поросшей деревьями. В сумерках в тот же вечер они вошли в широкий Фасис, реку, которая проходила на сто двадцать или более миль от устья; но слишком устали, чтобы грести без перерыва. Сыновья Фрикса указали им скрытую заводь, где они могли бы переночевать, не опасаясь, что их потревожат. Наконец они прибыли в Конюшни Солнца.

Но прежде, чем они зашли в заводь, Ясон благоразумно встал на носу и выплеснул в реку из золотого кубка напиток из меда с чистой водой, попросив божество реки быть милостивым к «Арго», пока тот будет плыть по широкому и славному потоку.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ
Вверх по реке Фасис

От заводи шел запах лихорадки, и по обе стороны от корабля гниющие лесные деревья до самого верха были увиты ползучими растениями. Выйти на сушу аргонавты не могли, ибо то был липкий черный ил, а не земля, да он еще и порос чем-то колючим. Они даже якоря бросить не могли, так как сыновья Фрикса их предупредили, что к утру невозможно будет высвободить якорные камни из глубокой грязи. Рои москитов нахально жужжали им в самые уши и жалили нежную кожу, зеленые, как трава, древесные лягушки взобрались, прыгая, на планшир, и давай скакать по аргонавтам на своих холодных и влажных лапках.

— Увы! — сказал царь Пелей. — Нет больше с нами нашего товарища в алых котурнах. Он был аргивянином, знал заклинания против лягушек.

— Ты самого себя ругай за то, что плохо орудешь дротиком, — сказал Идас, которого лягушки буквально из себя выводили.

Орфей пытался успокоить Идаса, заметив, что

лягушки явились с добрыми намерениями избавить корабль от москитов; но Идас ответил, что лучше было бы, если москиты могли избавить корабль от лягушек. Затем он и Линкей стали молить Ясона, чтобы снова выйти в море, и Ясон согласился, но «Арго» сразу же застрял на илистой отмели. Пытаясь его оттуда столкнуть, аргонавты только вздымали со дна густой туман; даже Линкей не мог разглядеть свою руку, когда держал ее в футе от лица. Здесь они и проторчали до утра, безмолвные и бедствующие.

Через два часа после того, как рассвело, туман все еще был поразительно густым, но они освободили «Арго», вытянув его на двух канатах, которые Эвфем, переплывший поток, не страшась крокодилов и прочих чудищ, привязал к корням деревьев на дальнем берегу, то был пятидесятый день плавания, и они отметили его молитвами к Триединой Богине, которая благословляет числа три, девять и пятьдесят, точно так же, как Отец Зевс — четыре и двенадцать, а Аполлон — семь, но они постарались не слишком громко возносить свои голоса, опасаясь, что их обнаружат. Когда они закончили песнопения, они прошли на веслах в тумане мимо Фасиса, пораженного лихорадкой пограничного укрепления, которое

соорудил царь Ээт на левом берегу реки: они спокойно его прошли, ибо Аргей, сын Фрикса, ответил на оклик стража на своем родном языке, который звучал для ушей аргонавтов, как птичий щебет. Фасис был выстроен на сваях между рекой и озерами, кишащим чомгой, чирками и серыми утками, а закон был таков, что все иноземные корабли должны здесь задерживаться, откуда бы ни пришли, и лишь затем под конвоем направляться в Эа. Но Ясон предпочел оставить правителя Фасиса в неведении насчет того, что «Арго» пошел вверх по реке.

Туман постепенно рассеивался. Они шли на веслах час за часом, между обвитыми лианами деревьями и берегами, заросшими длинной осокой. Когда они отдыхали, то не сходили на берег, а довольствовались холодной пищей. Сыновья Фрикса указали им лиану, запаха которой не выносили насекомые; они нарвали ее листьев, измельчили их и натерли себе тело и голову. В ту ночь их никто не жалил, они лежали и спокойно вели беседу, пришвартовав «Арго» к замшелому причальному столбу. Адмет сказал:

— Товарищи, я не боюсь смерти, но должен признаться, что чем ближе мы оказываемся от святилища, где, как говорят, вывешено Руно, тем

меньше похоже, что я увижу когда-либо снова мою дорогую жену Алкесту, или обильные наши пастбища Феры, где блеют мои тучные овечки и ржут мои великолепные кони.

Фалер сразу же откликнулся: словно думал точно так же. Он сказал:

— Или высокие, серо-зеленые оливы Феспии, так аккуратно посаженные, что широкие аллеи пересекают маслинники, в какую сторону ни взгляни — вперед, назад или наискосок; а под их сенью ярко белеют весной душистые цветы бобов. Ибо дорога к этому городу — самая заброшенная и мрачная, какую я когда-либо в жизни видел, куда бы ни плавал.

— Или тенистые долины в горах Спарты, — сказал Кастор, — где земля покрыта зеленью, но тверда, и колесница, запряженная двумя лошадьми, катится, не скрипя и не подпрыгивая, а унылый шум моря вообще не слышен. Ибо что такое один корабль против тридцати?

— Или цветущие склоны Гиметтоса, — сказал Бут, — где в дремотный полдень раздается жужжание пчел, а юный пастушок играет своим овцам на раздвоенной флейте. Или Афины, над которыми стоит по вечерам лиловый свет, когда дым от очагов, где готовят ужин, поднимается

из каждого дома, или хижины в городе, и всюду разносятся аппетитные запахи. Ибо что такое тридцать шесть человек против пяти тысяч?

— Или Аполлоново святилище пупа, ярко сверкающее белизной в зарослях лавра, — сказал Ифит из Фокиды. — Или синие воды Кризейского залива. Возможно, моему товарищу в алых котурнах повезло, что уже мертв: он был хотя бы похоронен, как подобает, и дух его теперь обрел достойное его место в Преисподней, ибо он не забыл, несомненно, то, чему научился на Самофракии. Но если нас погубит злонравный Ээт, нас ждет горестная участь Фрикса — нас подвесят в сырых бычьих шкурах к вершинам высоких деревьев, чтобы нас терзали вороны и коршуны.

Пелей с горечью сказал:

— Если бы только с нами был Геркулес, если бы вы только послушались нас с Адметом…

— Довольно об этом, Пелей! — вскричали в один голос Калаид и Зет.

— Неужели вы забыли, товарищи, — спросил лапиф Мопс, голосом, который выдавал недостаток уверенности, — что не менее пяти Олимпийских божеств благословили наше предприятие?

Пилосец Меламп ответил:

— Олимп отсюда далеко. Закон Зевса не простирается далее Синопа, или даже далее реки Ликос.

Идас, деланно смеясь, произнес:

— Предоставь Олимпийцам играть в снежки, пилосец. С вами — Идас, а он ничего не боится.

Никто не поддержал Идаса; все считали, что его крамольные шуточки лучше всего было бы подавить влажным одеялом молчания.

После паузы все воззрились на Ясона, ожидая какой-нибудь ободряющей речи, но он сидел, угрюмый, погрузившись в себя. Наконец вместо него заговорил Орфей:

— Друзья, вы позабыли о Великой Богине, власть которой повсеместна и вечна (хотя в Греции она и пошла на уступки, уделив часть своей власти своим трезвым детям), следуя ее великому и давнему замыслу мы прибыли сюда. Нет надобности сомневаться, надо ли нам ей служить. Забудьте ненадолго о Зевсе и Руне, вспомните о Богине и ее устремлениях. Первая цель нашего плавания — разыскать и захоронить кости мания Фрикса. Когда мы сделаем это, и тем самым удовлетворим Богиню, возможно, мы получим помощи и в других делах. Ни слова больше о Руне, пока дух Фрикса не обретет мир.

— Это мой приказ, — сурово сказал Ясон, выхо-

дя из транса.

Весь следующий день они поднимались на веслах по реке через тот же лес, не видев ни одной души человеческой, а только водяную птицу, крылатых хищников да стаю ибисов — грязных египетских птиц с перепончатыми лапами, которые поедают змей, а также используют свои клювы как клистирные трубки. В тот вечер, когда они бросили якорь, выдохшиеся от жары и духоты, Орфей порадовал их песней, которую сложил, включив в нее строфы прошлой ночи, но придав им новый поворот. Песня эта начиналась так:

О, позвольте мне в Спарту вернуться однажды,

К прохладе зеленых долин…

Она все еще поется у очагов Греции и на скамьях гребцов в чужедальних водах. В последующих строфах упоминаются «Афины в венце из фиалок», «Фисба, где голубь воркует», и «Песчаный Пилос, колыбель кораблей» и еще не мало мест каждой области, где звучит греческий язык. Воспоминаниям этим составляли контраст вздохи и шумы реки Фасис; а каждая строфа завершалась припевом:

О, Мать, что стоит над самою Судь-

бой,

Прости, если в чем согрешил пред тобой!

Наутро третьего дня путешествия по реке лес поредел, и с северных гор сбежал, бурля, мощный приток Фасиса — Сурос. У его устья стоял поселок из плетеных хижин, обмазанных глиной. Здесь аргонавты впервые увидели крестьян-колхов с тощими ногами и волосами, густыми, как шерсть. Они были одеты в короткие белые полотняные рубашки и носили за ушами красные цветы. Аргей, сын Фрикса, сказал:

— Это веселый и праздный народ, и все же они постоянно думают о смерти. Фасис — их Нил и, подобно своим сородичам-египтянам, они почитают ибиса и обрезают себе крайнюю плоть.

Стада буйволов валялись на сырых лугах, а на голове у каждого стояла маленькая птичка, клевавшая многочисленных паразитов.

— Эти буйволиные пташки тоже почитаются, — сказал Аргей.

К полудню речные берега стали тверже, а течение усилилось; но крепкий юго-западный ветер нес их вперед, так что работать веслами и не требовалось. Появилось еще несколько поселков,

каждый — с молом и пришвартованным вдоль него рядом долбленых челноков. Путники снова увидели лошадей, и коров, и цветущие поля голубого льна, и поля проса, почти созревшего для жатвы; и женщин, моющихся у воды, и маленьких нагих детишек, играющих и столь увлеченных игрой, что они даже не взглянули на проходивший мимо корабль. Женщины, подобно египтянкам, подводили края век. Там и сям виднелись зловонные рощи-кладбища из увешанных бесформенными свертками ив, некоторые свертки разрывали грифы и стервятники. Аргонавты затыкали ноздри остро пахнущими листьями, проплывая мимо.

Сыновья Фрикса выкрикивали приветствия у каждого поселка, и поскольку «Арго» снова был замаскирован колхийской головой кобылы, все считали, что они возвращаются из плавания, в которое вышли несколько дней назад, так как знамения были не благоприятные. Аргонавтов поразило, как зелена равнина, о которой Орфей сообщил, что она куда лучше орошается, чем долина Нила, и что климат здесь лучше. На ней часто снимают три урожая в год с одного поля, лоза дает виноград на второй год, и не требуется окапывать корни или подрезать побеги, разве

что — каждые четыре года. Но сыновья Фрикса предупредили аргонавтов, чтобы те остерегались змей — ибо чем обильней страна, тем более ядовиты ее порождения — и тарантулов, вида пауков, укус которых заставляет одного умирать, рыдая о мнимой потере родичей а другого — смеясь своим собственным шуткам, которых никто другой не может понять.

— Идасу не потребуется укуса тарантула, чтобы он умер, смеясь над такого рода шутками, — с горечью вставил Кастор, и слова его некоторым образом оказались пророческими.

В ту ночь корабль пришвартовался у островка в среднем течении, они выбрались на сушу и развели костер, зная, что всего несколько миль отделяет их от цели, высокостенного города Эа, который стоит в кольце гор у соединения двух великих рек, Главка и Фасиса. Они поужинали мясом буйвола, которого поймали, когда тот спустился к реке на водопой; сыновья Фрикса решили, что это — заблудившееся животное и, следовательно — законная добыча. Несколько дней путники не ели жареного мяса, и хотя оно было твердым, словно кожа, все взбодрились. Мелеагр и Аталанта сидели рука об руку, словно жених и невеста на свадебном пиру, ибо страх

смерти воспламенял их страсть и придавал им безрассудства.

Наконец заговорил Ясон:

— Наша надежда — боги, но они нам не помогут, если мы себе не поможем сами. Заточите свое оружие, товарищи, о мой серифанский точильный камень, и укрепите свои сердца верой в Бессмертных. Нам предстоят суровые испытания.

Идас откликнулся какой-то глупостью, и последовало молчание, которое наконец стало невыносимым, а такое долгое молчание можно было достойно нарушить только словами глубочайшей мудрости, каждый оглядывался на соседей, но в ответ на него глядели непроницаемые лица. Наконец раздался скрипучий голос Аскалафа:

— Товарищи, послушайте меня! Хотя мы можем сделать наконечники копий острыми, как иголки, а лезвия мечей — острыми, как бритвы, есть только один человек, который может вытащить нас из этой трясины, тот самый, который подобно Блуждающему Огоньку, нас в нее завел — Ясон, сын Эсона. Сам Геркулес избрал его нашим капитаном и повиновался ему, пока оставался с нами. А с чего бы это? Ясон — искусный лучник, но не равен Фалеру или Аталанте; он хорошо метает

дротик, но не так хорошо, как Аталанта, Мелеагр или даже я; он владеет копьем, но не с таким искусством или отвагой, как Идас; он ничего не смыслит в музыке, если не считать барабана и флейты; не умеет плавать; никудышный кулачный боец; он хорошо научился работать веслом, но он не моряк; он не живописец; не чародей; зрение у него не острее обычного; в красноречии он уступит любому из нас, кроме Идаса и, возможно, меня; он опрометчив, неверен, угрюм и молод. И все же Геркулес избрал его нашим капитаном и повиновался ему. Я снова спрашиваю: почему? Товарищи, да потому, что он обладает неким могуществом, которого нам, остальным, недостает; и благородный кентавр прямо сказал нам устами Геркулеса, в чем выражается это могущество.

Тогда все вспомнили, что говорилось о даре Ясона влюблять в себя женщин; в самом деле, они видели, как это происходило на Лемносе с царицей Гипсипилой, которая готова была отдать ему все свое царство после двух дней знакомства. В этот момент какое-то божество вдохновило Аталанту, она призвала к молчанию и продекламировала песнь, которую сложила на ходу, недурно аккомпанируя себе на лире Орфея. Сами слова позабыты, но содержание следующее:

— Мне, Аталанте, приснилось, будто я стою в дверях Божественного дома на горе Олимп, и, стоя там, увидела я богиню Афину, пересекающую двор с белой совой на плече. Она посещала покои, где обитает богиня Гера, та, что была некогда Властительницей Всего Сущего, но с тех пор смирилась и стала супругой Отца Зевса. Я последовала за блистательной богиней в покои Геры, где Гера с большими и карими, словно у коровы, глазами, возлежала в мрачном раздумье на своем ложе. «Какие новости, Афина?» — спросила Гера. Афина отвечала: «Восточный ветер принес мне весть из Колхиды. „Арго“ пришвартован к острову на широком Фасисе, неподалеку от города Эа, и мореплаватели держат военный совет». «Надеюсь, — сказала Гера, — что они не замышляют нападения на Эа? Это было бы гибельно для моих планов. Что такое тридцать шесть мужчин и одна женщина против пяти тысяч?» Афина отвечала: «Они наточили оружие, передавая из рук в руки серифанский точильный камень, но восточный ветер также говорит мне, что они обдумывают разные хитрости. Они предполагают, что обманут Ээта добрыми словами, прежде чем попытаются завладеть Руном». «Мне нет дела до Руна, — сказал Гера. — Мое единственное

желание в том, чтобы были достойно преданы земле кости Фрикса». Афина ответила: «Давай заключим с тобой сделку, Твое Величество. Если ты поможешь Ясону захватить Руно, я возьму на себя устроить погребение Фрикса». Они ударили по рукам в знак согласия. Затем Гера, позвонив в серебряный колокольчик, вызвала свою вестницу Ириду, а когда появилась Ирида, гарцующая на радуге, сказала: «Дитя, призови сюда немедленно Афродиту, богиню любви». Вскоре Ирида вернулась с Афродитой, которую застала сидящей за ее инкрустированным столиком, причесывающую свои золотые локоны; и она все еще причесывалась, когда вступила в покои Геры. «Что я могу для тебя сделать, Твое Величество?» — спросила прекрасная Афродита. Гера ответила: «Корабль под названием „Арго“ пришвартовался на реке Фасис под сенью Кавказа. Не могу поведать тебе всю эту запутанную историю, как он туда попал. Но коротко: если его капитан миний Ясон (племянник некоего Пелия Иолкского, который меня серьезно оскорбил) не сможет покорить сердце колхской царевны Медеи, ему не удастся сослужить мне службу, за которую он взялся, я буду разочарована. Будет разочарована и Афина, ибо она должна вернуть утраченное Руно, собственности ее отца

Зевса. Ты должна нам помочь». Афродита всплеснула руками, выражая тревогу. «Дорогие богини, я сделала бы все, что угодно, чтобы послужить каждой из вас, — сказала она, — но вы, конечно, знаете, что заставлять людей друг в друга влюбляться — это вовсе не мое поприще, этим занимается сынишка, Эрот, Бог Любви, который меня вообще не слушается. Когда я последний раз пыталась добиться от него приличного поведения и пригрозила сжечь его лук и стрелы, если он будет безобразничать, он пустил стрелу в меня, в родную мать, верите? И втянул меня в этот позорный скандал с Аресом». Гера и Афина с трудом удержались от смеха, когда вспомнили, как глупо выглядели Афродита и Арес, когда Гефест застиг их вместе в постели и накрыл бронзовой сетью. «И ведь нельзя сказать, что мне нравился Арес, — продолжала Афродита, едва не плача. — Это совершенно не того рода бог, в обществе которого я могла бы желать очутиться. Если бы это был Аполлон!.. Но у Ареса — отвратительные фракийские замашки и никаких талантов, у него только войны и кровопролития на уме. Он даже не красавец. Но я ничего не могла поделать. Это непременно должны были быть его длинная гривища и татуированное лицо». Гера сказала:

«Ну, моя дорогая, никто из нас не стал думать о тебе сколько-нибудь хуже из-за этого твоего приключения. Но постарайся уговорить своего сына, умоляю тебя. Подкупи его, если ничего другого не остается. Пообещай ему что угодно… знаю — пообещай ему некоторые из тех игрушек, которыми Зевс, бывало, играл давным-давно в Диктейской пещере на Крите, когда он был круглолицым испорченным малышом. Я сберегла их из глупой сентиментальности, ибо он был, в самом деле, таким нежным ребенком, хотя этому теперь никто не поверил бы». Гера дала Афродите ключ от своего кедрового сундука, и Афродита его открыла. Там она нашла чудесное собрание игрушек — глиняных всадников, маленьких бронзовых быков и бронзовые повозки, кукол из стеатита в широких платьях, раскрашенные деревянные кораблики с настоящими парусами и веслами, довольно сомнительные предметы, которые я, как женщина, не решаюсь описывать слушателям-мужчинам. Лучше всего был прекрасный мяч, совершенно круглый, из бычьей кожи, обитый тонким листовым золотом, а поверх золота покрытый спиралью темно-синей эмали, сделанной из растертой ляпис-лазури; Зевс очень аккуратно обращался с этой игрушкой, и золото нигде не

помялось. И вот Афродита взяла мяч и отправилась в долины Олимпа, подбрасывая его на ходу, из ладони в ладонь. Я следовала за ней, держась на безопасном расстоянии, ибо Аталанта страшится Бога Любви, как и любая другая женщина. Эрот играл в кости под цветущим миндальным деревом с виночерпием Отца, юным Ганимедом, и бросали они свои кости на травянистый склон. Эрот стоял, ухмыляясь сам себе, прижимая слева к груди дюжину или больше золотых кубиков, которые иначе не удержал бы в руке, не рассыпав. Несчастный Ганимед сидел на корточках с жалким видом, бросая свою последнюю пару. Выпала собака, а это — самое маленькое число на Олимпе, как и у нас, смертных, и Эрот жадно подобрал и эти кубики. Тень его матери внезапно упала на траву, и он внезапно обернулся с виноватым видом, оправдываясь: «Нет, нет, матушка, у нас совершенно честная игра; я их на этот раз не заливал свинцом, честное слово. И что ты ни скажешь, а я ни за что не отдам их обратно Ганимеду. Я выиграл их в честной игре. Клянусь Стиксом». Афродита сурово взглянула на Эрота, схватила за правую руку и повела прочь. Следуя за ними, я услышала, как она говорит: «Милый маленький Эрот, мой дорогой сын, у меня есть

для тебя удивительнейшая игрушка. Если ты ее подбросишь, она засияет, как солнце, и оставит след, словно падающая звезда. Сам Гефест не смог бы сделать ничего столь прекрасного. Она привезена из Китая, где у всех мужчин и женщин — желтые лица». И затем показала ему мяч. «О-о-о! Дай мне его скорее, матушка! — вскричал он — То-то Ганимед позавидует. Я хочу, чтобы он мне завидовал». «Нет, дитя мое, сперва ты ее должен заслужить», — сказала она. И затем объяснила Эроту, как найти город Эа в Колхиде, как узнать Медею и что сделать, как он ее увидит. Он улыбнулся, подмигнул и положил золотые кости ей на колени, сперва их тщательно пересчитав, поскольку боялся, что вернет одну или две Ганимеду; затем распростер свои крылышки, похожие на крылья сумеречной бабочки, и улетел с Западным ветром, в правой руке — лук, у левого бедра — колчан. Ибо то и вправду был прекраснейший мяч, который когда-либо видел ребенок. И вот Эрот скрывается за колонной портика царского дома Ээта, он целится самой острой своей стрелой в Медею и ждет в нетерпении прибытия Ясона…

Когда Аталанта опустила лиру, во взрыве аплодисментов потонул негодующий голос Аскалафа, которого она оскорбила, припомнив замашки его

божественного отца, Ареса. Аплодисменты звучали снова и снова, а Ясон покраснел до ушей.

— Что касается меня, — прошептала Аталанта на ухо Мелеагру, — я одного вида Эсонова сына вывести не могу, но я знаю, что он должен буквально очаровывать кого угодно другого из представительниц моего пола.

Фронт, сын Фрикса заговорил, как только его смогли расслышать.

— Медея славится своей красотой, но она еще никогда ни в кого не влюблялась, насколько я знаю.

— Нет, — сказал его брат Меланион, — никогда она влюблялась. Однажды я долго разговаривал с ней о Греции. Она сказала мне, что никогда не чувствовала себя как дома среди темнокожих колхов, и еще — что ненавидит дикое племя своей матери. Но она надеялась, что, возможно, отправится когда-нибудь в Грецию, которая, как она верит, должна быть прекрасной и прогрессивной страной.

Катиссор, третий брат, высказался им в тон:

— Это — необычайная женщина, в присутствии которой трудно оставаться равнодушным: иногда она ведет себя, как ласковое дитя, а иногда — как ужасная Мать, когда танцует в экстазе на груде

черепов. Наша сестра Нэера без ума от Медеи, которая сказала ей не так давно, что ни одна женщина, отличающаяся разумом или достоинством, не позволяет себе когда-либо потерять голову от любви к мужчине, и что мужчины — низший пол. Это сильно расстроило Нэеру; ибо она влюблена в одного из Таврических жрецов и не желает, чтобы Медея подумала о ней дурно. И все же не могу пожаловаться, что Медея когда-либо скверно со мною обращалась. Она была крайне любезна со мной перед тем, как мы отплыли в Грецию, и дала мне мешок редких лекарств, который, к несчастью, погиб вместе с кораблем. Она умоляла меня вести себя благоразумно в Коринфской Эфире, когда я буду там, интересовалась наследством, причитающимся ее отцу: я не должен был говорит ничего такого, что задело бы религиозные чувства местных жителей. Она, кстати, говорила мне, что если с ее отцом что-то случится, она бы охотно отказалась от колхидской доли своего наследства в пользу своего брата Апсирта, но только при условии, что он отказался бы от своей доли в коринфском наследстве; и что они с Апсиртом даже заключили на этот счет честный договор.

Тут заговорил и четвертый брат, Аргей:

— Кажется наш дед Ээт оставил Грецию при

неясных обстоятельствах примерно в то же время, когда отплыла оттуда и его сестра Кирка, а своими коринфскими землями поручил управлять некоему ионийцу Буну, народ же оставил на своего племянника Сизифа из Асопии. Затем произошло ахейское вторжение. Бун был убит в бою у ворот Эфиры, а Сизиф умер в рабстве, и теперь, как мы слышали, ахейцы считают все Коринфское царство своими владениями. В Асопии властвует Креон, а правитель Эпиры, назначенный микенским царем Сфенелом, именует себя Коринфом, чтобы установить что-то вроде наследственного титула. И тем не менее у Медеи есть надежды отобрать у них наследие своего отца; как я понимаю, это было ей обещано Матерью во сне. Теперь, когда Апсирт отказался от своих претензий, она — ближайшая наследница, ближе нас, ибо она — дитя Ээта, в то время как мы — только его внуки; остается еще ее тетушка Кирка, но она никогда не сможет вернуться в Эфиру, потому что оракул Асопа приговорил ее к вечному изгнанию за некое преступление.

Ясон спросил:

— Почему Медея еще не замужем? К ней никогда не сватались? Возможно, она скрывает под неприязнью к мужчинам какое-то несовершен-

ство или телесный недостаток?

Аргей ответил:

— Многие могущественные вожди колхов желали на ней жениться, не только из-за ее красоты и богатства, но и ради той благосклонности, которую проявляет к ней Птицеглавая Мать. Но она убедила своего отца, что любой такой союз породит ревность у отвергнутых претендентов и что, если она и выйдет замуж, то должна выйти за чужеземца. Я не верю, чтобы у нее был какой-то телесный недостаток или что она неспособна поддаться страсти; но она часто говорила Нэере, что девственность одаряет женщину необычайным могуществом в колдовстве и знахарстве. Дикие звери или змеи не смеют повредить деве, и она спокойно может срывать листья или выкапывать корни, касаться которых смертельно для мужчин и их жен.

— Это правда, — сказала Аталанта. — Это — дар богини Артемиды.

— Медея приписывает его Бримо, — сказал Аргей, — но, возможно, есть и другие имена для той же ипостаси Невыразимой. Медея — самая искусная целительница и колдунья во всем царстве.

Ясон задумчиво погладил свою короткую мягкую бородку.

— Она явно самая подходящая женщина для нашей цели, — сказал он. — Что касается меня, я ведьм не боюсь. Кентавр Хирон научил меня надежному заклинанию против них. Вы говорите, она красива и не очень стара, хотя она — ваша тетка. Но то, что красиво для колха, может и оказаться некрасиво для грека. Надеюсь, волосы у нее не черные и курчавые, ступни не плоские, а голени не вывороченные, как у вашего брата Меланиона? Никогда не мог бы себя заставить поцеловать такую женщину.

— О, нет! — ответил Меланион, усмехаясь. — Ее мать была белая таврийка, а не колхийка. У Медеи округлый подбородок, золотые локоны (наподобие тех, которыми славилась девушкой Кирка, они золотые, как горная лаванда), чувственные губы, глаза цвета янтаря, немного горбатый нос и самые изящные в Колхиде лодыжки. И ей около двадцати четырех лет.

— Это хорошо, — сказал Ясон. — Я всегда предпочитал зрелых женщин девчонкам. А теперь, товарищи, спать. Желаю всем увидеть хорошие сны. Наша спутница Аталанта указала нам тропу, которой надо держаться.

Но прежде, чем он уснул, он тихо спросил Меланиона:

— Из чего состоит колхидское наследство Медеи? Она — сонаследница трона вместе со своим братом?

— Нет, — отвечал тот, — она наследует только третью часть сокровищ своего отца. Царство, которое дано Ээту в награду за его услуги колхам, наследуется только по мужской линии, за исключением Восточных земель, которые прилегают к Албанскому царству. Эти пустынные земли достались деду в результате женитьбы на нашей колхидской бабушке Ипсии, и по его смерти перейдут по женской линии к нашей сестре Нэере.

Ясон сказал:

— В самом деле? Тогда Апсирт должен быть доволен сделкой, которую с ней заключил. Ибо Эпира для него ничто, а третья часть сокровищ, которые скопил Ээт, должна равняться сумме, достаточной, чтобы купить пол-Греции.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ
Царь Ээт принимает аргонавтов

В ту ночь царь Ээт не мог уснуть, как ни пытался. Мало того, что Священные Кони Солнца несколько дней отказывались от пищи и на них не действовало слабительное, которое им давали, как положено, Конюшенные Жрецы, он глубоко задумался о дурном предзнаменовании, которое наблюдал в храме Лунной Богини в тот вечер. За двенадцать месяцев до того один из храмовых рабов, обязанностью которого было снабжать рыбой священных черных кошек Богини, внезапно сошел с ума — хотя до того никаких признаков утраты разума за ним не замечалось — и умчался в лес, вопя по-кошачьи и выкрикивая что-то в экстазе на непонятном языке. Главная Жрица отправилась его искать, заковала в священные оковы и возвела на год в царское достоинство. На ежегодных жертвоприношениях Богине принесли в жертву и этого раба вместе с другими жертвами, пронзив ему сердце копьем с обсидиановым наконечником; и стали смотреть, как он упадет, чтобы увидеть предзнаменование

грядущих событий. Но вместо того, чтобы упасть вперед, что означало бы победу, или назад, что предвещало бы поражение, или поникнуть, что было бы знаком мира — вместо всего этого жертва почему-то трижды повернулась налево и умерла, скорчившись, прижав ладони к животу — знак, коего доселе никогда не видели, повергший всех присутствовавших в ужас.

Четыре мудрых государственных советника напомнили Ээту, что это может обозначать не какое-либо бедствие для Колхиды, а всего лишь какие-то перемены в делах Богини — возможно, возвращение к более древнему и простому обряду, однако не так-то легко им было его разуверить. Он бродил по своему дворцу, выстроенному из массивных отполированных камней, переходил бесцельно из комнаты в комнату, так ведет себя домашняя собака, которая заболела бешенством, прежде чем безумие покроет наконец пеной ее губы и заставит ее щелкая зубами с воем бегать по улицам. Незадолго до рассвета он устало рухнул на ложе во внутреннем покое, недалеко от длинного базальтового цоколя, на котором стояли бронзовые быки, и там ему привиделся какой-то очень тяжелый сон. Сперва он увидел, как сияющая звезда медленно падает на колени

его дочери Медеи, которая поспешно побежала к реке Фасис и бросила туда звезду, и воды понесли ее прочь, в Черное море. Эта часть сна его не обеспокоила, но дальше он увидел, будто бронзовых быков грубо запрягли в выкрашенное в красный цвет деревянное ярмо и заставили их вспахать поле. Они негодующе извергали пламя ноздрями и ртами, но молодой пахарь насмешливо кричал: «Ваше пламя не может меня опалить! Медея смазала меня каспийской мазью!»

Он говорил по-гречески. Ээт не мог разглядеть его лицо или даже волосы, ибо пахарь был закутан в темный плащ, он вел быков через поле, погоняя дротиком, божественная рука сеяла змеиные зубы в искривленные борозды позади него, и там, где они упали, взошли и выросли в полный рост вооруженные воины. По их шлемам Ээт узнал в них жрецов таврического Бога Войны, в честь которого создали бронзовых быков. Вдруг пахарь бросил камень в одного из них и поразил его в лоб, тогда они стали набрасываться друг на друга, пока все не полегли мертвыми. При этом дух героя Прометея зарыдал вслух отчаянным криком ночной птицы, и эхом откликнулась глубокая долина Эа.

Ээт пробудился в холодном поту. Спотыкаясь,

он побрел в спальню Медеи и разбудил ее, чтобы рассказать свой сон, запретив ей открывать его хотя бы одной живой душе, и попросил ее объяснить ему, что он может предвещать.

Она ответила ему:

— Отец, я не могу сказать сколько-нибудь уверенно. Думаю, что ты, вероятно, так или иначе оскорбил Птицеглавую Мать. Умилостиви ее богатыми дарами, и, наверное, она сообщит тебе во сне или видении, в чем ты ошибся и как можешь избежать последствий своей ошибки.

Ээт нахмурился. Царь Колхиды, он всегда был в затруднительном положении из-за религиозного соперничества и разногласий среди своего народа. Его приближенные почитали египетских богов, так как происходили от воинов фараона Сесостриса, которые потерпели поражение в нелепой войне с готами; но ни одного жреца не оказалось в разбитых войсках, которые нашли убежище в долине Фасиса и поселились в Эа, поэтому их культ не был признан. Когда Ээт впервые явился в Колхиду, как купец-авантюрист, там вовсю кипела религиозная война между египтянами и их соседями — аборигенами, которые почитали Кавказскую Богиню и Митру, ее светловолосое Солнечное Дитя. Он добился перемирия и

предложил уладить их религиозные разногласия. Он предъявил аборигенам свои светлые волосы и глаза цвета янтаря, как доказательство того, что он — жрец Солнца, а египтян удовлетворило его объяснение некоторых из египетских же религиозных обрядов, так как отличался более глубокими познаниями в мемфисской теологии, чем они сами. Они слушали его еще более внимательно, потому что пророчествующая челюстная кость Прометея, которую он с собой привез, уже изрекла несколько правдивых и полезных предсказаний. Добившись от них согласия считаться с решениями Прометея, Ээт реформировал религию Колхиды так, что новая вера просветила и, большей частью, удовлетворила оба народа; ибо кость Прометея провозгласила тождество Кавказской Богини с Египетской Птицеглавой Богиней Исидой. В благодарность за это знать предложила ему занять престол и поклялась в вечной верности ему и его дому. Каждый народ должен был пойти на частичные уступки другому; аборигены, которые жили в горах, переняли у египтян обряд обрезания и почитание ибиса; колхи, возделывавшие землю в речной долине, приняли обычай погребения на деревьях и почитание белых коней Митры, ежегодного дара

ему от Матери.

И все же Ээт чувствовал, что ступает по кочкам зыбкой трясины, которая в любой момент может его поглотить. И вот он сказал Медее;

— Когда, чтобы уберечь эту страну от вторжения скифов, я заключил союз с твоим дедом, царем тавров, перед которыми скифы благоговеют, я был, как ты знаешь, обязан в знак добрых намерений предложить их военному богу пристанище в Эа. Я сделал это неохотно, хорошо понимая, что Мать этого бога не любит, ибо он дик и до крайности жесток. Подобным же образом мой союз с мосхами, земля которых, как ты должна согласиться, — необходимый передовой пост против безумных амазонок, вынудила меня пойти на другие религиозные нововведения, которые могли вызвать ее неудовольствие. Но что еще я мог сделать? И пусть никакой невежда не завидует моей власти, мой престол — не более удобное сиденье, чем терновый куст, прикрытый покрывалом из золотой парчи.

— Я ни в малейшей степени тебя не корю, дорогой отец, — отвечала Медея, которая, как жрица Прометея и Бримо, сочувствовала ему. — И все же постарайся умилостивить Богиню и держи глаза и уши открытыми на случай знака от нее,

который не заставит себя ждать. Я не думаю, что Богиня оскорблена твоим союзом с мосхами, но ты узнаешь, когда она подаст знак, оскорбил ли ты ее сына Митру, который умертвил Быка Тьмы, поставив таврических быков у себя во дворце, или сама Богиня гневается за то, что ты допустил жрецов-тавров в переднюю часть прометеевой ограды. Я признаю, что пойти на эти уступки заставила тебя необходимость, что совершены они много лет назад и что ты в то же время наипочтительнейше задабривал Богиню; и все же нынче — первый год, когда ты, уступив уговорам моего дяди тавра Перса, осмелился то ли посещать празднества в честь бога войны, то ли надеть на быков гирлянды из цветов Колхиды. Тебе бы следовало проявить мудрость и сразу же посовещаться с Богиней. Возможно, она обещает тебе, что если ты пойдешь на то, чтобы оскорбить народ моей матери, изгнав жрецов или удалив быков, или — и то и другое, к тебе придет помощь из греческой земли.

Ээт сказал:

— Я признаю, что такое толкование возможно. Но что означают змеиные зубы?

Медея ответила:

— Тавры утверждают, будто образовались из

зубов, выпавших из челюстей змеи Офиона, когда Эвримона удавила его, и таким образом, они сотворены раньше, чем Пирра и ее возлюбленный Девкалион, вылепленные из глины предки греков. Сон говорит, что Посеянные люди погубят себя, бросив вызов грекам.

Ээт снова спросил:

— Но что за звезда упала к тебе на колени?

Медея ответила:

— Это, возможно, некий божественный дар, ниспосланный мне, благодаря которому слава нашего дома разнесется по чужим землям. — Она скрыла от него сон, который видела сама, когда он ее разбудил, и который, как она была убеждена, дополнял сон отца. Ей приснилась Кирка, его сестра, которая жила на острове Ээя в начале Адриатического моря, горделивая старуха с глазами и носом сокола, манящая ее пальцем и кричащая: «Оставь все и приди ко мне!»

Он снова спросил:

— Но почему рыдал дух Прометея?

Она ответила:

— Как я могу тебе сказать? Это могло быть насмешливое оплакивание его соседей-тавров. Он с удовольствием увидит их спины, когда их изгонят из его ограды.

Ээт обдумал ответы Медеи и одобрил их. И все же у него было дурное предчувствие, и он не осмеливался вернуться к своему ложу, чтобы выспаться, страшась новых снов. Вместо этого он пригласил дочь выйти с ним на прогулку в дворцовые сады, пока не приготовили завтрак; а после завтрака он избегнет дурных последствий своего сна с помощью двойной предосторожности — омоется в чистых водах Фасиса и поведает свой сон Солнцу, как только оно поднимется над восточными вершинами.

Медея согласилась. Она надела прекраснейшее из своих платьев и тщательно причесала волосы. Затем двинулась с отцом по ровным аллеям между цветочными горшками и плодовыми деревьями к месту, где бил пятидесятиструйный фонтан. Желая избавить свой разум от тайны, которая его тяготила, царь неблагоразумнейше открыл Медее недавнее решение своего Государственного Совета. Они пригласили старого Стира, царя Албании, явиться в Эа и предложить ему руку Медеи.

— Может быть, — сказал он — мой сон о звезде связан с плодами этого брака, который я замыслил исключительно ради блага народа. Ты всегда была благоразумной девушкой, избегавшей лову-

шек любви, которая наполняет жизнь молодых людей такими ненужными страданиями; и поэтому я уверен, что возражений против этого брака, который сам Стир предложил нам через посредничество мосхов, у тебя не возникнет, хотя ты и возражала против других союзов, менее значимых политически; этот же, напротив, придется тебе по душе. Старый Стир станет моим зятем, и все наши пограничные неурядицы закончатся.

Стир правил могущественным племенем в горах к северу от реки Куры, и таким образом непросто распоряжался на торговом пути, от которого зависело процветание Колхиды, но и угрожал восточным границам царства. И Ээт также напомнил дочери:

— Твое положение в Албании будет неизмеримо могущественней любого, какого ты можешь надеяться достичь в Колхиде, когда мой престол унаследует твой брат Апсирт.

Медея вообще ничего не сказала в ответ, но душу ее охватила ярость; ибо албанцы едят вшей, отвратительно ведут себя в постели, да еще и Государственный Совет оскорбил ее, сговорившись со Стиром у нее за спиной.

Ээт похвалил ее почтительное молчание, но она так ничего и не сказала. Вместе они смотрели

как засветились далекие заснеженные вершины Мосхии, отразив сияние восходящего солнца.

— Цвет свежей крови, — невольно вырвалось у Ээта; но он не мог взять обратно эти неудачные слова.

Когда они повернули, чтобы идти обратно во дворец, прибежал гонец от южной сторожевой башни.

— Твое Величество! — вскричал он, едва дыша. — Тридцативесельный греческий корабль только что поднялся по реке, скрытый туманом, и бросил якорь у Царского Мола; его украшает голова Овна, и члены команды явно, все до одного, — лица знатные. Я разглядел среди них четверых твоих внуков, сыновей Фрикса. Один из них, царевич Аргей, ранен в голову.

Ээт немедля вышел из города через Южные ворота и спустился к причалам крайне разгневанный, намереваясь запретить аргонавтам высадку, но повстречал вестника Эхиона, который уже направлялся к нему с оливковым жезлом в руке.

Эхион заговорил первым:

— Трижды Благородный Ээт, царь Колхиды, прежде правивший прославленной Эпирой, мы явились во имя Матери по благочестивому делу, о котором наш капитан скоро поведает тебе луч-

ше, чем мог бы поведать я. Это — Ясон, миний, наследник престола Фтиотиды, и остальные у нас на корабле, подобно ему, лучшие по крови из живущих в Греции, некоторые из них цари, другие — божественного происхождения. Среди них и Авгий, царь Элиды, который, как и ты, потомственный жрец Солнца. Тебе не надо опасаться, что мы прибыли с дурными намерениями, ибо нас послала сама Мать. Благодаря ее милостивому вмешательству не так уж много дней назад, Ясон спас четверых твоих благородных внуков, не дав им утонуть, и теперь возвращает их тебе живыми и здоровыми. И спас он не только твоих внуков, но и своих родичей. Ибо Кретей, дед Ясона, был братом их деда, царя Афаманта Орхоменского.

Ээт ответил, опустив взгляд:

— Разве в Греции не известно, что, когда до меня дошли новости о жестоком убийстве моего племянника, Сизифа Асопийского, я поклялся, что обрушу свою месть на первый же экипаж греческих моряков, которые дерзнут подняться по этой реке, и перебью всех до единого? Какая сила, как ты думаешь, заключается в нечестивом имени Афаманта, чтобы оно вынудило меня изменить мои намерения в отношении вас?

Эхион вежливо ответил:

— К счастью, Твое Величество, твои слова, сказанные в гневе, были так неточны, что тебе не нужно считать себя связанным ими, как бы ты с нами ни поступил. Во-первых, наши моряки не все греки, ибо некоторые из нас — древнего критского или пеласгского рода, а трое — фракийцы (что видно по их татуированным лицам и конопляным рубахам); во-вторых, не все мы, греки, моряки, ибо Аталанта Калидонская — морячка. Что касается имени Афаманта, пусть оно звучит в твоих ушах, как предупреждение о том, что случается с пренебрегающими приказами Великой, во имя которой мы явились.

Медея, которая из любопытства вышла следом за отцом за городские ворота, схватила его за рукав и оттащила в сторону.

— Отец, — прошептала она, — вспомни свой сон и узнай этот знак. Не отвергнешь ли ты бездумно помощь греков, обещанием которой тебя явно удостоила Богиня нынче ночью? Окажи гостеприимство этим странникам, обеспечь их горячей баней, чистыми одеждами, прикажи подать им лучшие кушания и напитки, выслушай со вниманием то, что они скажут. Они явились во имя Матери, а не во имя выскочек Зевса или Посейдона.

Ээт громко ответил:

— Если они явились не во имя Зевса, почему их корабль украшает голова Овна?

— Спроси вестника, — сказала она, — меня-то зачем спрашивать?

У Эхиона нашлось готовое объяснение: голова Овна была украшением и символом на кораблях миниев в течение многих поколений, задолго до установления новой Олимпийской веры. Почему Ээт считает, будто она дурной знак? Он добавил:

— Среди главнейших целей нашего плавания есть и такая — предложить тебе от имени нынешних правителей Асопии и Эфиры полное возмещение за жестокую смерть твоего племянника Сизифа, которая явилась изначальной причиной бесчисленных бедствий в двойном царстве. — Мир не знал более ловкого лжеца, чем Эхион. Его отец Гермес лгал с колыбели, или так повествуют поэты Аркадии.

Ээт выдержал паузу и воззрился на Эхиона, который, спокойно и не дрогнув, встретил его сердитый взгляд, как и подобает вдохновенному вестнику. Наконец Ээт уступил. Он опустил глаза и сказал:

— Сообщи своему капитану Ясону, что я благодарен ему за спасение четверых сыновей Фрикса,

моих внуков, что он может без страха ступить на берег и что я жду, когда он в точности передаст мне послание, доверенное ему правителями Асопии и Эпиры, а также другие послания, какие ему угодно, только пусть ни слова не говорится о Золотом Руне Лафистийского Зевса.

Эхион рассмеялся. Он сказал:

— Не раздувай пламя из старых углей, Твое Величество, первым называя древнюю реликвию, само имя которой (и я рад тебе об этом сообщить) давным-давно позабыли все в Греции, кроме вестников и поэтов, обязанность которых — помнить все.

К этому времени Ясон и остальные аргонавты сошли с корабля и восходили по двое по широким каменным ступеням, которые вели с Царского Мола к городским воротам. Ээт удалил Медею, не желая, чтобы на нее глазели путники-греки и встал, готовый учтиво приветствовать Ясона. Но Медея не спешила уйти. Там, где извилистая тропа поворачивала у грушевого дерева, она обернулась. Опершись о балюстраду, она взглянула на Ясона, шагавшего с юношеским достоинством не слишком медленно, но и не слишком быстро, вверх по лестнице, на три шага впереди своих спутников.

На нем не было его темно-синего плаща, расшитого рассказом о Руне, ибо это оказалось бы неблагоразумно; он надел белый плащ, вышитый лемносской царицей Гипсипилой, на котором красовались всевозможные цветы и плоды — ее главный дар любви. На голове у него был широкополый золотой шлем, подаренный ему царем мариандинов Ликом, украшенный гребнем из черного конского волоса, а в руке он держал то самое перевитое лентой копье, которое пронзило царя Кизика. Никогда в жизни не видела Медея светловолосого мужчину, ибо отец ее был уже лыс и белобород, когда женился на ее матери, а поскольку сама она была светловолоса, сердце ее внезапно согрело то, что она увидела себе подобного, пару, достойную себя. Вышло так, как если бы за грушевым деревом, покрытым уже молодыми плодами, затаился Бог Любви, воспетый Аталантой; это он, Эрот, прижал зарубкой к тетиве колючую стрелу и, натянув тетиву во всю силу, пустил стрелу ей в сердце, только тетива прозвенела. Ибо дыхание у нее перехватило, а разум затуманило удивлением. Затем она медленно повернулась и снова пошла своей дорогой, не оглядываясь назад.

Ээт, хотя и довольный спасением своих внуков,

был не рад их внезапному возвращению. Он позволил им отплыть в Грецию главным образом потому, что желал, чтобы их не было в стране, когда албанский царь Стир явится просить руки Медеи. Их единственная сестра Нэера была неразлучной подругой Медеи; и Ээт рассчитывал, что, если Медея окажется недовольна браком, она доверит Нэере свое горе, а Нэера ему все перескажет. Четверо братьев, которые пользовались большим почетом у колхской знати, естественно, стали бы возражать против союза с албанцами. Однажды албанцы помешали им преследовать тигра, охотясь на которого они зашли в албанские владения, и нанесли им непростительные оскорбления. Они сделали бы все возможное, чтобы отложить или отменить этот брак. Теперь все четверо неожиданно вернулись, а Ээт догадывался, что в молчании Медеи таится глубокое отвращение к Стиру. Торопясь предотвратить беду, он решил снова отправить их прочь на «Арго» и как можно скорее; а сам решил приказать Медее воздержаться от любых жалоб касательно ее замужества Нэере или кому угодно еще. Он вспомнил, что, к счастью, Нэеры во дворце нет и что до полудня она не вернется; она была жрицей Кавказской Богини Девы, и в ту ночь под ее

руководством справлялся праздник Новолуния.

Он скрыл свою озабоченность от внуков, заключив каждого поочередно в пылкие объятия и предложив руку дружбы Эвфему, который был орудием их спасения. С Ясоном он повел себя приветливо и сказал ему:

— Вести из Эфиры, мой господин, могут подождать, пока мы не насытимся и не напьемся. У меня нет сомнений, что вам выпало плавание столь же опасное и утомительное, сколь и долгое.

Ясон учтиво кивнул, но не понял, какие вести имеет в виду Эят. Когда аргонавты последовали за Ээтом в город, оставив Мелампа и Анкея Маленького охранять корабль, Эхион объяснил Ясону вполголоса, какую выдумку насчет Эфиры некий бог — а кто же еще это мог быть, кроме Гермеса? — неожиданно вложил ему в уста, он предупредил Ясона, что любые упоминания аргонавтами Золотого Руна полностью запрещены.

— Очень хорошо, — сказал Ясон, — коли ты выдумал это, вдохновленный своим божественным отцом, нечестиво было бы этим не воспользоваться. Немедленно вернись на «Арго» и предупреди Мелампа и Анкея, чтобы не болтали. А я тем временем перескажу твои слова всем остальным.

Какое счастье, что Геркулеса с нами больше нет: он выболтал бы правду, прежде чем мы на полпути поднялись по склону.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ
Ясон говорит с Медеей

Аргонавтов вымыли теплой водой и насухо вытерли теплыми полотенцами дворцовые служительницы, большей частью — рабыни-черкешенки поразительной красоты. С венками на умащенных головах, в ласкающих кожу чистых полотняных рубахах они вскоре возлегли на ложа в царском пиршественном чертоге, где их ждала великолепная трапеза. Перед ними поставили много незнакомых блюд, которые они с удовольствием попробовали, из чистой вежливости не спрашивая, из чего это приготовлено, несмотря даже на то, что кое-что могло им быть ритуально запрещено и вызвало бы судороги в желудке или смерть. Но никому ничто не причинило вреда. Бут пришел в ужас, когда слуги навалили ему на тарелку жареные тельца молодых пчел. Он застонал при этом зрелище, и слезы хлынули из его глаз. Идас посмеялся над горестями Бута и, чтобы доставить удовольствие хозяевам, набил себе рот этим новым кушаньем, обильно посыпанным солью, и потребовал еще.

Ясон и элдский царь Авгий были приглашены за царский стол, установленный за помосте в восточном конце зала. Там их представили четверым смуглолицым и курчавым вельможам — царским государственным советникам. Фронт, сын Фрикса, служил переводчиком, ибо ни один из вельмож не понимал по-гречески, а Ээт, чтобы убаюкать любые подозрения, которые могло возбудить нежданное появление аргонавтов, говорил только по-колхски. Беседа велась в официальном и сдержанном тоне, Ясон и Авгий описывали незначительные происшествия, случившиеся во время плавания, но не сообщали ничего важного. Ээт, который надел золотую, украшенную изумрудами диадему и парадное платье, изображал полное безразличие к греческим делам. Он задал только один вопрос, касавшийся земель за Черным морем: как они прорвались к Геллеспонту, миновав троянские сторожевые корабли.

Ясон небрежно ответил, что троянцы были, несомненно, предупреждены Триединой Богиней, которая почитается ими как Кибела, что корабль миниев должен пройти через пролив по божественному делу. В любом случае, как он сказал, они пропустили «Арго», даже не окликнув

его. Царь в ответ неудовлетворенно хмыкнул. Однако, когда Авгий упомянул вскользь фессалийских торговцев, которые сели на корабль в Синопе, Ээт, договор которого с троянцами запрещал ему непосредственно торговать с Синопом, стал слушать с нескрываемым интересом. Он крикнул в зал, чтобы Автолик подошел и сел с ним рядом, а когда тот явился, угостил его лакомствами со своего собственного подноса, как очень важную персону. Автолик отвечал на вопросы царя откровенно и любезно (ибо с торговлей он уже покончил), и перечислил цены, выраженные в золотом песке, какими они были на последней ежегодной ярмарке в Синопе. Он испытывал злорадное удовольствие, наблюдая за лицом царя, поскольку ясно было, что троянский царь Лаомедонт дал своему союзнику совершенно неверный отчет о делах на ярмарке.

В этот момент единственный брат Медеи Апсирт, юноша с кошачьей походкой и откровенно таврическими чертами лица, вошел, вернувшись с охоты. Он приветствовал отца почтительно и, как показалось Ясону, с нежностью, и молча сел к столу. По отношению к Ясону и двум другим грекам он вел себя отстраненно и недружелюбно.

Когда подали десерт, настало время Ясону

сделать официальное заявление о цели визита. Он поднялся из-за стола, протянул правую руку сперва царю, а затем его четверым советникам и сказал:

— Прославленный и великодушный Ээт, до твоих ушей уже, возможно, дошло, поскольку троянцы, которые торгуют и с вами, и с нами — завзятые сплетники, что на Грецию, нашу страну, обрушилось за последние два года три бедствия: мощные ураганы, которые вырвали с корнем наши плодовые деревья и снесли крыши с наших домов; бесплодие наших коровьих и овечьих стад и великое нашествие ядовитых змей на наши поля и леса. Решив, что эти бедствия могли быть вызваны только Невыразимой и что обращение к любому Олимпийскому оракулу, таким образом, тщетно, измученный Всегреческий совет, который собрался в Микенах, решил посоветоваться с твоей сестрой Киркой, которая пользуется глубоким доверием Богини, и спросить ее, что надлежит сделать, чтобы умилостивить Богиню. Посланцы явились к твоей светловолосой сестре в ее дворец на острове Ээя; и она, очистившись и войдя в транс, вызванный черным снадобьем, посоветовалась с Богиней, называя ее Бримо. Бримо ответила, что она послала эти напасти как

запоздалое наказание за жестокое обращение, которому много лет назад подвергли ахейцы Сизифа Асопийского. И теперь она предписала, чтобы Сизифу выстроили гробницу, как герою, и каждый месяц почитали его богатыми жертвами, а его асопийские земли отняли у Креона, их узурпировавшего, и возвратили законным владельцам — потомственным жрецам Солнца. Поскольку, Твое Величество, ты — несомненный глава старшей ветви этого блистательного клана, обитатели двойного царства в Коринфе пожелали, чтобы я передал тебе их почтительную и смиренную просьбу: они умоляют тебя вернуться и править ими, ибо твои собственные прекрасные земли, включая и сам город Эфиру могут после того, как будет сброшен правящий там Коринф, быть воссоединены под одним скипетром с Асопией. Но если, как они сказали, Колхида стала тебе так дорога, а ты стал так дорог Колхиде, что не можешь ее покинуть, они умоляют, чтобы ты послал немедленно одного из твоих детей — дочь или сын равно их удовлетворят — чтобы править ими вместо тебя. Прислушайся с жалостью к их мольбе, ибо только так царство Эфирское, а заодно и вся Греция, могут быть спасены от бедствий, которые грозят их поглотить.

Таково первое послание, за точность которого с радостью поручится Авгий из Элиды, глава младшей ветви твоего блистательного семейства. С ним связано другое послание — от Кобыльеглавой Матери с Пелиона, которую я в детстве научился почитать, ибо меня воспитывали кентавры. Оно таково: «Ээт Эфирский, страшась моего неудовольствия, ты должен дать покой душе моего слуги Фрикса, миния, которая все еще неутешно томится в его непогребенном черепе. — Затем Ясон добавил, воспользовавшись древней формулой. — Это не мои слова, но слова моей матери».

Долгое время спустя Ээт ответил:

— Что касается первого вопроса, я обсужу его с моими мудрыми государственными советниками и дам тебе ответ в течение трех дней, но не ожидай, что он будет благоприятен. Ибо моя дочь Медея уже ожидает предложения руки от соседнего властителя, а мой сын Апсирт должен остаться в Колхиде, как наследник моего престола и быть мне опорой в старости. Я понимаю так, что коринфяне не просят меня прислать к ним одного из моих четырех внуков правителем, а внука я мог бы для них выделить. Но эфирцы не жалуют миниев, а сыновья Фрикса считаются миниями. Жаль. Тем не менее за все бедствия,

которые обрушились на Грецию с тех пор, как я ее покинул, отвечают нечестивые ахейцы и обманутые ими простофили, а не я; меня эти напасти не волнуют.

Что до второго послания, то следует ли мне верить, что Невыразимая себе противоречила, говоря двумя разными устами? Как колхийская Птицеглавая Мать, она дала священное предписание верующим в нее, что никогда не должны кости мужчины ложиться в священную землю Колхиды; а царь Колхиды должен повиноваться Птицеглавой Матери, а не Кобыльеглавой Матери с Пелиона. И я вас молю не возвращаться больше к вашей просьбе, ибо вопрос, должны быть зарыты в землю кости Фрикса или нет, был задан мной в момент его смерти, и на него ответили окончательно мои советники-жрецы: он умер в Колхиде, и его надлежит почтить похоронами по-колхски.

Курчавые советники дали понять, что одобряют его речь, постучав по столу ручками ножей. Ясон хранил молчание, испытывая облегчение от того, что Ээт не принял в пользу Апсирта воображаемое предложение своих бывших подданных, и надеясь, что еще может быть достигнута договоренность по вопросу о захоронении костей.

В тот же день Фронт, сын Фрикса, принес Ясону тайное послание от Ээта, заключавшееся в том, что Птицеглавая Мать не запретила однозначно забрать кости Фрикса для погребения где-либо за пределами Колхиды, и следовательно — если Ясон вздумает тайно и на свой страх и риск снять их с высокого тополя, где они подвешены, то он обнаружит, что кладбище не будет охраняться на следующую ночь, и может спокойно вывезти их из страны для погребения в Греции. Ибо сам он, Ээт, любил Фрикса, как сына, и не желал причинить его духу малейшую боль или неудобство. Этот ответ отнюдь не удовлетворил Ясона, ибо веления Богини были таковы, что кости Фрикса надлежало зарыть прежде, чем будет совершена любая попытка захватить Руно. Он сказал Фронту об этом. Фронт ответил:

— Позволь мне тайно отвести тебя в покои моей сестры Нэеры, которая вернулась во дворец, пока мы обедали. Ты не должен открывать ей твое намерение насчет Руна, лишь скажи ей, что тебе велено Богиней зарыть кости ее отца прежде, а не после того, как ты покинешь Колхиду. Она очень сообразительна, и, возможно, в состоянии будет предложить такую увертку, чтобы никому это не нанесло оскорбления.

Ясон с удовольствием принял план, по которому ему следовало переговорить с юной Нэерой. Фронт провел его туда кружным путем, и от нее Ясон узнал, какое отвращение питает Медея к своему предполагаемому браку со старым албанцем. Ибо хотя Ээт после возвращения во дворец нынче утром строго-настрого запретил Медее говорить об этом браке, она уже выплакала свою скорбь, повиснув на шее у старой няни, от которой и Нэера вскоре обо всем узнала. Темноглазая Нэера почти не могла связно говорить от скорби и печали. Она сказала Ясону:

— О, Ясон, мой родич, явившийся издалека, эти новости слишком жестоки, чтобы я их вынесла. Я боюсь, что сойду с ума, если ничто не будет сделано, дабы воспрепятствовать намерению царя. Брак между моей блистательной Медеей и грубым старым Стиром, поедателем вшей, походил бы на союз белой розы и слизня. Неужели ты и твои спутники ничего не могут сделать, чтобы ее спасти? Разве не можешь ты увезти ее в Грецию, господин мой, Ясон, жениться на ней, возвести ее на коринфский престол и осуществить тем самым святой оракул Бримо?

Ясон ответил:

— Думай о том, что ты говоришь, царевна. Как

могла ты предположить, что я пожелаю рискнуть жизнью, похитив единственную оставшуюся в живых дочь царя, и что сама она настолько забудет дочерний долг, что бежит в Грецию, приняв мое приглашение? Я признаю, что беглый взгляд, который бросил я на нее нынче утром, когда она оперлась на балюстраду у грушевого дерева, пронзил мое сердце внезапной любовью, и все же безумием для меня было бы вообразить, что она сгорает от такой же страсти по мне. Поэтому я попытаюсь забыть твои странные слова, хотя в глубине души я тебя за них благодарю. И все же, дорогая родственница, дабы показать мне свою доброту, дай совет, как поступить с костями твоего благородного отца. Ибо Белая Богиня с Пелиона повелела мне зарыть их прежде, но не после того, как я покину Колхиду.

Нэера ответила:

— Только Медея могла бы все устроить. Но сперва скажи мне: позволяешь ли ты мне передать Медее все то, что открыл мне только что о своих к ней чувствах?

Ясон притворился, будто колеблется из скромности. Затем ответил:

— Если ты своим поясом поклянешься, что передашь мои слова в точности, тайно, и ни одному

живому существу, кроме самой Медеи, я даю тебе свое соизволение.

Нэера поклялась, как он и пожелал, а затем покинула его. Ясон спросил ее, когда она собралась уходить:

— А как Апсирт? Ему по душе этот брак?

Нэера ответила:

— Он ненавидит свою сестру и доволен всегда, когда что-либо ее расстраивает. Считай его своим врагом, как я считаю его своим.

Вскоре Фронт явился к Ясону с вестью, что Медея посетит его покои сегодня же вечером в сумерки, если он сможет не выйти к ужину, не возбуждая подозрений. Сердце Ясона забилось от радости. Через несколько часов он уже осуществит то, на что, как он ожидал, пришлось бы потратить несколько дней или даже месяцев! Но он ничего не сказал никому из своих товарищей и присоединился к ним в тот день в дружеских атлетических состязаниях с колхской знатью. С трех сторон стадион окружали здания, а именно — крыло дворца, где обитала царская семья, казармы стражи и Конюшни Солнца, где содержались с невообразимыми почестями двенадцать белых коней Бога Солнца (на которых никто не мог садиться верхом) и роковая черная кобыла.

Аргонавты согласились обращаться с Ясоном, по крайней мере, при посторонних — с крайней любовью и почтением, дабы возвысить его в глазах Медеи, которая будет следить за играми с дворцового балкона. Они выдвинули его представлять их в метании кольца, стрельбе из лука и прыжках, и его результаты, хотя они не показались бы примечательными в любом греческом городе, вызвали восхищение хозяев. Ибо колхи, хотя они и храбры — народ ленивый и нетренированный и, подобно своим сородичам-египтянам — отвратительные стрелки из лука. Сам Ээт зрителем не был: он заявил, что не выносит любого зрелища, которое напоминает ему о его молодых годах в Греции, но, возможно, он также предвидел, что его подданные-колхи не завоюют на играх много наград.

В сущности, аргонавты вышли победителями во всех состязаниях, кроме игры в бабки, которую презирали, как детскую забаву, в которой колхи достигли просто поразительного искусства. Апсирт, колхидский чемпион в классической борьбе, проявил невежество в отношении простейших принципов этого искусства. Выйдя против Кастора, он сразу же прыгнул вперед, чтобы схватить его за колено. Но Кастор был

слишком проворен для Апсирта, он схватил правой рукой левое запястье противника, а левый локоть левой рукой, быстро вывернул ему руку, поднял ее над своим левым плечом и перебросил Апсирта через голову. Во время второй схватки Кастор, несмотря на попытку захватить и сломать один палец, почти сразу же обхватил его вокруг талии, встряхнув, лишил равновесия и с позором швырнул на спину.

Ясон не вышел в зал к ужину в тот вечер, сославшись на то, что в результате перенапряжения на состязаниях его вдруг одолел возвратный тиф; он должен закутаться в одеяло и пропотеть. Поскольку такие болезни достаточно распространены в Колхиде, никто не заподозрил обмана.

В сумерках его навестила Медея. Она явилась под видом согбенной и хромающей старой ведьмы и принесла ему одеяла, чтобы закутаться. Он вообще не обращал на нее никакого внимания, пока она не сказала ему дрожащим голосом старой бабки:

— Господин мой, я — Медея, — и тут же рассмеялась, вытерла нарисованные на лице морщины, сбросила капюшон со своих великолепных золотых кос, бесформенные войлочные башмаки, сорвала ржаво-черный полотняный балахон и

встала перед ним, стройная и прекрасная, облаченная в белое одеяние, изысканно расшитое золотыми листьями плюща и еловыми шишками.

Ясон сбросил с себя одеяла, поспешно провел по волосам гребнем из слоновой кости и стал перед ней, высокий и пригожий, одетый в пурпурную рубаху, обшитую золотым галуном и украшенную у горла и на плечах янтарными подвесками — то была добыча, которую он захватил при разграблении дворца Амика, царя бебриков.

Эти двое стояли, глядя друг на друга некоторое время, ничего не говоря, оба — равно удивленные от того, что при близком взгляде еще ярче стала красота, которую они видели на расстоянии. Медее показалось, будто они — два дерева; она — остроконечный болотный кипарис, в он — золотой дуб, который еще выше ее. Корни их переплелись в земле, ветви их шевелил один и тот же южный ветер. Первым их знаком приветствия друг другу было не слово и не рукопожатие, а трепетный поцелуй, и все же чувство стыда сохранило торжественность встречи, и Ясон не воспользовался случаем, чтобы обойтись с ней столь же запросто, сколь обошелся при первой встрече с царицей Гипсипилой.

Ясон заговорил первым:

— Прекрасная госпожа, ваши священные чары не преувеличивают. Есть жрицы Матери, у которых — двойное зрение и которые используют его, чтобы уничтожать и разрушать, а ты своим обычным зрением целишь и восстанавливаешь.

Медея ответила в удивлении:

— Ты — первый мужчина, который меня поцеловал или которого я поцеловала с тех пор, как я была ребенком и отец качал меня на коленях.

Ясон сказал:

— Позволь мне надеяться, что никто другой, кроме меня, никогда не получит снова такого наслаждения, пока, возможно, однажды, сын-младенец не обнимет тебя за шею, не поцелует тебя и не назовет матерью.

Она сказала:

— Да может ли это быть, моя дорогая любовь? Разве ты не знаешь, что мне приходится принимать сватовство старого Стира, албанского поедателя вшей и что ради блага государства я не могу отказаться за него выйти, а должна буду улыбаться ему, когда он увезет меня в свою угрюмую горную крепость на Каспии. О, но я не могу ничего больше сказать, не могу поведать тебе, какой ужас и отвращение охватывают мое чрево

при мысли об этом союзе, ибо отец мой сурово запретил мне жаловаться кому бы то ни было.

— Возможно, — сказал Ясон, — Колхская Мать насмерть поразит твоего жениха у дворцовых ворот, если ты взмолишься к ней со священным рвением; ибо у албанцев, как я слышал, Бог Солнца самонадеянно провозгласил себя равным своей матери — Луне. Но не было бы бесчестьем для меня предположить, как предположила твоя верная подруга Нэера, что ты забудешь свой долг по отношению к отцу и бежишь со мной, прежде чем прибудет этот негодяй? И если ты столь старательно повинуешься своему отцу в таком пустяке, как запрет жаловаться на предстоящий тебе нечестивый брак, откровенное порабощение, как ты осмелишься выказать ему неповиновение в серьезном деле?

Медея не ответила на этот вопрос, подняла опущенные глаза, взглянула ему в лицо и сказала:

— Фронт уже поведал мне о твоих ухаживаниях за лемносской царицей Гипсипилой. Он узнал об этом от твоего товарища Эвфема. Эвфем не обвинял тебя ни в притворстве, ни в жестокости, но разве неправда, что ты ославил царицу всего лишь через два дня и даже не пообещал ей вернуться?

— Мы были вместе три дня, — ответил Ясон, вспыхнув, — и это совсем другая история. Фронт зачем-то довел эту старую историю до твоих ушей, зная, как легко ты можешь все неверно понять и дурно судить обо мне. Что же, я расскажу тебе коротко, как это было на самом деле. Царица Гипсипила предложила мне разделить с ней ложе, главным образом, по соображениям государственным: ей нужен был мальчик, наследник престола, и она желала, чтобы у него был знатный отец. Она оказала мне и моему экипажу удивительное гостеприимство во время нашего пребывания, и я поступил бы, как грубиян, если бы оказал ей без причины. Таким образом, вся та нежность и ласка, которую мы друг другу выказали, была неотделима от задачи произвести потомство. И все же я не влюбился в нее с первого взгляда, как в тебя, или даже — со второго не влюбился. Мои к ней чувства надежно доказаны моим почтительным отказом от престола Лемноса. Много ли ты знаешь мужчин, Прекрасная, которые отказались бы от богатого царства, которое им предлагают, даже если дар этот отягощен объятьями с безобразной старухой? Гипсипила молода и красива, хотя она немного выше тебя (в сущности, слишком высока, чтобы мне нра-

виться). Волосы у нее темные, а не золотые, и нос — прямой, а не горбатый, как у сокола, вроде твоего и ее бледные губы не так звали меня целовать ее, как твои алые. Легко было забыть Гипсипилу, но тебя я никогда не смогу забыть, даже если переживу египетского феникса. В тот миг, тогда я впервые бросил на тебя взгляд, сердце мое начало золотой танец. Знаешь ли ты как дрожит солнечный луч на беленом потолке верхней комнаты, отброшенный большим котлом с очистительной водой, стоящим во дворе, когда поверхность воды волнует ветер? Так танцевало мое сердце, и так оно танцует теперь.

— Тем не менее, — сказала Медея, пытаясь унять зов своего сердца благоразумной речью, — тем не менее, если когда-либо случится из-за смерти Стира или по какой-то иной причине, что я смогу броситься в более страстные твои объятия, нежели те, которыми мы сейчас украдкой насладились, я вынуждена потребовать от тебя клятву, что ты честно женишься на мне перед этим и впоследствии разделишь со мной коринфский престол; ибо мой брат Апсирт уже неофициально отказался от претензий на него в мою пользу. Я также потребую, чтобы ты первым делом сопроводил меня в истрийский город Ээя,

где правит Кирка, сестра моего отца, она призвала меня во сне.

Ясон знал, что Медея в отчаянии, и верил, что может доверять ей сколько угодно. Он сказал:

— Я немедленно дам эту клятву, если ты поклянешься, что поможешь мне выполнить мою двойную миссию в этой стране.

— Какова она? — спросила царевна. — До сих пор мне сказали только о том, что Кобыльеглазая Мать с Пелиона желает, чтобы ты зарыл в землю кости Фрикса, как водится у греков, и сделал это до того, как покинешь Колхиду. Я с радостью тебе помогу, и уже знаю как. Идеесс, старший сын царя мосхов, прибывает сюда завтра с ежегодной данью. Как обычно, он будет совещаться с оракулом Прометея, к которому мосхи испытывают величайшее благоговение, потому что ответы, сообщенные мне героем, всегда оказываются правдивыми. Идеессу будет, помимо прочего, сказано, что Прометей любит мосхов и милостиво дарует им их собственный оракул, с которым они смогут немедленно посоветоваться, когда бы ни случилось что-то необычное, что смутит их умы; что они должны, следовательно, выстроить гробницу из сияющего камня, наподобие нашего святилища Прометея, и положить в нее с долж-

ными обрядами славные кости, которые Идеесс по возвращении в свои покои найдет в своей постели. Но его предупредит оракул, что ему следует скрывать кости от любого человеческого глаза, пока они не окажутся захороненными в гробнице, а тайну их происхождения скрывать и после того, иначе ухудшатся их пророческие возможности; а называть героя надо всего лишь Благодетелем. Ипостасью Богини, от имени которой он вещает, будет Белая Богиня, Ино с Пелиона. Я не открою царевичу, что под этим именем эфирцы почитают Ино, которая послала Фрикса в Колхиду, даже несмотря на то, что вследствие самоубийства и убийства сына она стала едина с Многоименной Матерью.

— Это поразительно задумано, — сказал Ясон, — но кто же похитит кости и подбросит их в постель Идеесса?

Она ответила:

— Торговец из Синопа, Автолик, он слывет самым ловким на свете вором; Фронт укажет ему, как действовать. А теперь — другой вопрос. Ты туманно намекнул на свою двойную миссию. Какое еще божественное поручение ты должен выполнить?

Ясон потребовал:

— Сперва поклянись своим поясом, что ты никогда, словом, знаком или действием, не откроешь эту миссию ни одной живой душе, пока мы благополучно не воротимся домой в Грецию.

Медея дала клятву.

Тогда Ясон сказал:

— Вынести Золотое Руно из Святилища Прометея и возвратить его дубовому образу Бога Овна на горе Лафист.

Глаза ее расширились, губы раскрылись в изумлении и ужасе. Наконец она сказала шепотом:

— И ты просишь об этом меня, дочь Ээта и жрицу святилища Прометея?

— Прошу, — ответил он. — И по явному повелению самой Матери.

— Ты лжешь! — отчаянно крикнула она. — Ты лжешь! — Она повернулась и, рыдая, выбежала из комнаты, даже не переодевшись.

Он был застигнут врасплох и не мог вымолвить ни слова. К счастью, коридоры были пусты, так как настал час ужина. Медея добралась до своей комнаты никем не замеченная. Оставшись один, Ясон вскоре распростер руки и, ликуя, сказал себе:

— А разве это было не мудро, что я ничего не сказал и не сделал ни движения, чтобы удержать

ее, когда она убегала? Мужчина никогда не должен бежать за женщиной, которая его любит; все равно, как только безумный рыбак бросился бы в воду за рыбой, которая клюнула. Эта моя сверкающая рыбка не уплывет дальше, чем позволит длина лески, которая не оборвется.

В тот вечер он наблюдал из своего окна, как стоя во весь рост в лакированной повозке, она изо всех сил гнала мулов по улицам Эа и дальше, через Восточные ворота, к храму Бримо, Владычицы Преисподней. Поводья были обвиты вокруг ее талии, в правой руке она держала тяжелый бич. По другую сторону от нее сидела на корточках юная жрица, а за повозкой бежали еще четыре в подобранных до колена легких одеяниях, и каждая держала руку на перилах. Она понукала животных яростными криками, и люди отскакивали, чтобы она на них не наехала, остерегаясь ее взгляда. Пока Ясон смотрел на нее и дивился, ворона что-то закаркала ему с тополя, росшего у окна. Он спросил Мопса, который был с ним, что сказала ворона.

Мопс ответил:

— У ворон всегда бывает только две темы: погода и любовь. Эта ворона говорила тебе о любви, уверяя тебя, что все хорошо.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ
Похищение Руна

После завтрака на следующее утро Ясон пригласил царя Ээта к себе в покои, и, когда тот вошел, выказал ему свою глубокую благодарность и уважение. Он даже восхвалил решение царя пожертвовать счастьем дочери ради блага Колхиды.

— Увы, Твое Величество, — сказал он. — Царский венец — тяжелый убор для многих любящих отцов!

Ээт ответил, нахмурившись:

— А почему бы моей дочери Медее не быть счастливой? Разве она не свободна принять или отвергнуть любого жениха, которого я ей подыскиваю? Албания — богатая страна, а старик скоро умрет, оставив ее править, как ей заблагорассудится; ибо она будет считаться Матерью сыновьям, которые ему унаследуют, а в Албании как раз Мать царя обладает величайшей властью.

— Умоляю тебя меня простить, — сказал Ясон. — Я не знал, что этот брак совершается по выбору

самой Медеи и полностью невежествен по части обычаев Кавказа. И все же я, со своей стороны, предпочел бы стать ничтожнейшим из твоих подданных, нежели единоличным властителем в любой из окрестных земель, если бы мне предложили выбор.

Наговорившись вдоволь о красоте и плодородности Колхиды, где все благие растения вырастают без сева и вспашки и поздравив Ээта с тем, что согласие царит между ее столь несхожими обитателями, Ясон внезапно показал ему скелет Фрикса, рассыпавшийся от ветхости, который Автолик выкрал из конской шкуры, подвешенной к тополю. Ээт узнал скелет по зубам (Фрикс был щербатым) и зарыдал над ним. У костей был весьма жалкий вид, их покрывала плесень. Затем Ясон в присутствии Ээта приказал Автолику отнести их на «Арго» и там запереть в рундуке под сиденьем кормчего, где имелось двойное дно. Автолик унес их, но не на «Арго»: он пошел сперва в покои Нэеры, где она и четверо ее братьев благочестиво очистили и отполировали их. Сам он взял на себя их сочленение, протыкая каждую кость шилом и присоединяя к соседней кожаной полоской. Когда они завершили работу и вставили в глазницы бирюзу, Автолик удалился

с этим гибким скелетом. Он отнес скелет в покои Идеесса, которые, как он и предполагал, пустовали. Ибо была предпринята та же хитрость, что и во дворце царя Финея: всех дворцовых слуг — и колхов и мосхов из свиты Идеесса с ним вместе выманил на двор Орфей под влекущие звуки музыки. И теперь они стояли, изумленные и восхищенные, словно к земле приросли, вокруг разноцветной палатки, где творил чудеса чародей Периклимен. Помимо того, что показал аргонавтам, когда они впервые вступили в воды Черного моря, он исполнил немало другого, еще более необычайного. Он проглотил двуручный меч и длинный дротик с широким наконечником, острием вниз, и тут же извлек их у себя сзади. Он запустил деревянную утку в чашу с чистой водой, а затем воззвал к воде, которая столь бурно взволновалась, что утка вылетела из чаши, а когда после этого он попытался ее подхватить, распростерла крылья и, крякая, улетела.

Когда наконец, по тайному сигналу Автолика, Периклимен завершил представление, свита мосхов неохотно вернулась к своим обязанностям; вернувшись в покои, они увидели своего царственного хозяина, лежавшего в постели под одеялами, с головой, покрытой шерстяным ноч-

ным колпаком, повернувшегося лицом в стене! Они не посмели к нему обратиться, сели на пол в позы, выражающие раскаяние, выжидая, пока он не проснется. Они были потревожены и удивлены внезапным прибытием самого Идеесса, который не обратил внимания на их взволнованные приветствия и, подойдя к постели, благоговейно простерся перед ней, хорошо зная, что должно лежать под одеялами. Он откинул одеяла — да, вот и белый отполированный скелет героя, точь-в-точь как пообещал Оракул. В одной руке он держал тигриный хвост, который считается у мосхов знаком удачи, в другой — посох самого Идеесса, как если бы намеревался пешком отправиться в Мосхию.

Идеесс подробно допросил четверых слуг, что они знают об этом деле. Первый ответил, стуча зубами от страха, что никто из них ни на минуту не отлучался со своего поста. Второй дерзко заявил, что скелет сам вошел в дверь, не постучавшись; третий добавил, что скелет, размотав тигриный хвост, обвивавший его череп, надел вместо этого ночной колпак, после чего, схватив посох, девять раз ударил им об пол и забрался в постель. Затем четвертый добавил, что это неописуемое происшествие повергло в благоговейный ужас его и его

товарищей, и тогда усевшись на корточки вокруг постели в молчании, они почтительно охраняли гостя, пока не появится Идеесс. Ибо мосхи в искусстве сочинять небылицы превосходят даже критян.

Идеесса переполнило ликование. В награду за благоразумное поведение он подарил каждому прекрасный халибейский охотничий нож с рукояткой из слоновой кости и предписал им священное молчание. Затем он сложил скелет, запер в кипарисовом сундуке и немедленно пошел проститься с Ээтом. Оракул предупредил его, что нельзя задерживаться. Вскоре Ясон, глядя с городских стен, увидел, как мосхийское посольство верхом на мулах движется на восток по извилистой дороге вдоль берега Фасиса. Тяжелый груз упал с его души. Было ясно, что Медея дала Идеессу оракульские указания, о которых говорила, и что не только кости Фрикса на пути к достойному погребению с соблюдением всех обрядов, но и что она стала соучастницей в великом обмане своего отца, ибо Ээт предполагал, что кости будут захоронены в Греции, а не в Мосхии. Ясон был убежден, что чем ближе подходит день ее свидания со Стиром, тем неодолимей будет для нее искушение разделить его судьбу, даже если для

этого ей понадобится украсть у Прометея Руно.

И все же три последующих дня Медея не подавала ему никакого знака. Она отказывалась принять сыновей Фрикса и даже Нэеру, которую винила больше всех других за то, что события приняли подобный оборот. В последний из этих дней Ясон прогуливался по дворцовым угодьям рано утром, когда услыхал наверху шипение и, подняв глаза, увидел в листве голову на извивающейся шее. Это была не змея, как он предположил, а пестрая вертишейка или птица-змея, попавшая в силки птицелова. Он сразу же вспомнил безотказные приворотные чары, чары героя Иксиона, которым научила его Филара, мать кентавра Хирона. Он высвободил птицу из силков и отнес во дворец, спрятав ее у себя в мешке вместе с листьями растения иксиас, которое, как он и ожидал, росло неподалеку. Во дворце он раздобыл колхское огненное колесо и кусок трута из сердцевины ивы, отнес их в свои покои. В ту же ночь он вырезал из трута куклу в виде женщины и обратился к ней, называя ее Медеей, с нежными словами любви, обвязав вокруг ее талии пурпурный лоскут вместо юбки; этот лоскут Автолик украдкой отрезал от одеяния Медеи, когда она шла по коридору к ужину. Ясон приставил ось колеса к пупку куклы

— вместилищу любви у женщин, затем, вымазав клюв и коготки вертишейки измельченными листьями травы иксиас, распластал птицу на четырех спицах колеса-свастики. Затем повернул колесо, вертя его постепенно все быстрее и быстрее, одновременно бормоча:

Вертишейка, с кукушкой при луне
Сговорись ты в ночной тишине:
Приведите эту девушку ко мне.

Колесо завертелось с такой быстротой, что немного спустя куклу Медею охватило пламя; Ясон осторожно раздувал его, пока кукла не превратилась в пепел. Затем он освободил пленную вертишейку, поблагодарил, дал ей поклевать ячменя и поставил на подоконник. Немного погодя птица улетела.

На четвертые сутки в полночь возникло слабое свечение на юго-востоке, далеко за Фасисом: то был огромный костер из сосновых поленьев, зажженный Идеессом в знак благополучного возвращения с костями. Теперь, наконец, Ясон мог приступить к похищению Руна. Он послал Медее весточку через Нэеру:

«Прекраснейшая из женщин, я от всего

сердца благодарю тебя за твою благочестивую помощь с костями — пусть вознаградит тебя за это счастьем Птицеглавая Мать. Но, увы, поскольку ты неспособна помочь мне в другом деле, о котором я говорил, ничего не поделаешь, я должен проститься с тобой навсегда! Я предполагаю отплыть через два дня на заре с пустыми руками и болью в сердце, страдания которого не смягчит любовь ни одной другой женщины. Вспомни меня, несчастливого, на утро своей свадьбы».

Нэера боялась заглядывать к Медее, потому что, когда она сунулась туда в последний раз, Медея выгнала ее из комнаты, скорчив гримасу Горгоны; но братья убедили девушку войти. Она застала Медею спящей. Медея вскочила с криком, ибо ей снились ужасные сны и, когда пробудилась, зарыдала. Она обвила руками шею Нэеры, тесно прильнула к ней и закричала:

— Нет, нет, не могу! Это слишком ужасно, я этого не вынесу!

Нэера мягко ответила:

— Моя дорогая, ты не можешь бороться против Судьбы, ибо Судьба — это сама Мать. Судьба при-

вязывает тебя к Эфире и Ясону, а не к Албании и Стиру. Возьми свой пояс-змею и подбрось в воздух, чтобы он подал знак.

Медея так и сделала. Золотая змея упала, вытянувшись в длину, указывая украшенной самоцветами головой на восток.

Нэера испустила крик радости.

— В каком направлении лежит Эфира, и в каком — Албанские горы?! — спросила она. Затем передала послание Ясона слово в слово и сказала: — Идеесс благополучно вернулся назад с костями моего отца в свой город в горах Мосхии. Скоро бедный дух обретет покой, и я буду еще больше благодарна Ясону. Но мне жаль его: он так несчастен и одинок. Почему ты с ним жестока, Медея? Ах, если бы только я сама могла исцелить Целителя!

Медея ответила, заливаясь слезами:

— Я люблю его, я люблю его, моя страсть невыносима. Я не могу выбросить его образ из своей души. Боль, которую я чувствую, бьется под моей грудной костью близко к пупку и врезается мне в загривок наискось, как если бы Бог Любви пронзил меня насквозь стрелой, выпущенной снизу. И всё же как я могу пойти против воли отца, повиноваться которому — мой долг? Для

него все погибнет, если, когда царь Стир явится, чтобы увести меня и сделать своей женой, меня здесь больше не будет. Прошлой ночью я не могла спать. Я встала и оделась много спустя после полуночи, когда даже собаки перестали лаять, и ни звука не доносилось из города, разве что порой голоса часовых выкрикивали, который час. Я захотела пойти и поговорить с Ясоном. Но когда я осторожно открыла дверь в зал, где спят мои двенадцать служанок и собиралась пройти в коридор мимо их тюфяков, стыд потянул меня обратно. Это происходило трижды, и, наконец, я в отчаянии направилась в свою аптечную каморку, достала шкатулку с ядом и медленно по одному, открыла замочки. Затем мне пришло в голову: «Если я убью себя, я никогда больше снова не взгляну на Ясона глазами живой, и он женится на другой женщине. Да и не даст мне самоубийство ни малейшего преимущества, ибо в каждом городе, близком или далеком, будут судить и рядить о моем позоре. Колхские женщины станут сплевывать себе на грудь, заслышав мое имя и говорить: „Она влюбилась в светловолосого чужеземца и умерла, как дура, опозорив свой дом и своего отца“». И я убрала шкатулку, дрожа от страха. Я села на низкий табурет у своей постели,

опершись щекой о левую ладонь, и стала ждать, когда закричат петухи, думая, что день, возможно, окажется добрее ко мне, чем ночь; но это была глупая фантазия. О, Нэера, что мне делать? Мысли мои гонятся одна за другой все быстрее и быстрее по неразмыкающемуся кругу. Разорви круг хотя бы словом, моя дорогая подруга, иначе я с ума сойду от этой погони. Скажи мне, что мне делать. Я послушаюсь тебя, что бы ты ни сказала.

— Иди к нему, — ответила Нэера. — Это любовное томление пришло к тебе от Птицеглавой Матери, от него просто так не отмахнешься. — Но она не знала об условии, которое Ясон поставил Медее, если она хочет, чтобы он ее с собой взял, и которого Медея не открыла бы — иначе, возможно, Нэера не уговаривала бы ее бежать с Ясоном. Нэера благоговела перед Прометеем с самого раннего детства, и мысль о том, чтобы похитить у него такую драгоценность была бы ей ненавистна.

Вот так Медея и приняла свое решение, а ноги ее, ступая на новую дорогу, больше не спотыкались и не блуждали. Она сказала Нэере:

— Сообщи Ясону, что я выполню все, чего он желает, но только во имя Матери, и что отныне долг у меня не перед моим отцом, но перед ним до тех

пор, пока он не нанесет Матери оскорбления, и что я никогда не буду ему неверна, ибо верю, что он никогда не будет неверен мне. — И она дала Нэере мазь для Ясона, чтобы он натерся, когда вымоется трижды в проточной воде; и сказала, где он должен быть в полночь.

Наутро всадники царя Стара, с огромными щитами и в плащах из тигровых шкур, прискакали и постучали в Восточные ворота города, спрашивая, можно ли войти их повелителю, который вскоре прибыл под звон кимвалов и рев рогов, в паланкине, который везли два мула цвета инея. Стир был доброжелательным стариком с редкой бородкой и небольшими веселыми глазами. От него и его придворных несло гнилой рыбой — ибо албанцы на несколько дней зарывают рыбу, прежде чем ее съесть, и чесноком, который они поедают в огромных количествах, чтобы защититься от головокружения на горных вершинах. Ээт потихоньку сказал своим советникам:

— Я окурю дворец серой после того, как закончится брачный обряд. А пока что, умоляю, выносите этот запах с колхийской стойкостью!

Медея была представлена Стиру, который был сперва поражен и недоволен цветом ее волос, но тем не менее попросил ее руки. Она не отказала,

но и не дала согласия, стараясь выполнять свое обещание, но обманула его, сказав с покорностью:

— Господин мой, когда я окажусь при твоем дворе, я выкрашу волосы чернилами каракатицы, или какую еще краску ты мне порекомендуешь. А пока что не задевай, порицая их цвет, религиозные чувства колхов, для которых цвет меда и золота обозначает удачу.

Поскольку свита Стира оказалась больше, чем предполагалось, некоторых албанцев постарше, жрецов албанского Бога Солнца, разместили во внутренних покоях, где стояли бронзовые быки, что способствовало замыслам Медеи. Когда все лежали за запертыми дверьми, забывшись в тяжкой дремоте на своих матрасах в ту ночь, Ясон и Автолик вступили во внутренний зал через окно с галереи для музыкантов. Автолик произнес длинное заклинание, отводящее опасность, которому его научила Медея, и, смело подойдя к быкам, кастрировал сперва одного, а затем другого сильными ударами молотка и зубила. Это ужасное задание поручили сперва Аргусу, но, будучи мужчиной-Быком, он решительно отказался от него по религиозным мотивам. Автолик принадлежал к Волчьему братству и, ухмыля-

ясь, проделал то, что надлежало. Он был самым подходящим человеком для такого задания, так как сделался однажды волком-оборотнем. Он принимал участие в празднестве мужчин-Волков, происходящем каждые восемь лет, когда на торжественном пиру у края пруда с волчьими внутренностями смешиваются внутренности мальчика; мужчина, съевший внутренности мальчика, вешает одежду на дуб, переплывает через пруд и живет с волками как волк до следующего празднества. Такое случилось и с Автоликом.

Ясон развернул узел, который они с собой принесли. Там лежали двойное ярмо, постромки и деревянный плуг. Он запряг быков в плуг со словами: «А теперь будьте волами!» Их глаза-самоцветы, казалось, покраснели от гнева в свете ясонова факела, но животные бессильны были причинить вред Ясону или Автолику, которые вскоре снова выбрались через окно на галерею. Так отчасти сбылся сон, который Ээт неразумно открыл Медее, прежде чем поведать его Солнцу; но падение звезды и страдальческий крик Прометея были событиями, которым еще только предстояло совершиться.

Медея, надев предписанный обычаем ивовый

венок в честь Прометея, дожидалась Ясона в зарослях недалеко от святилища героя. Месяц был молодой, и его то и дело закрывали облака, спешащие с востока. Теперь на душе у Медеи было спокойно, хотя то и дело ее сотрясал невольный спазм — так огромные волны все еще качают корабль после того, как пройдет водяной смерч. Она принесла бесчисленные жертвы Бримо, и Богиня даровала ей благоприятные знаки. Вскоре она услыхала, как Ясон крадучись шагает по тропе. Ее сердце громко колотилось, она спросила шепотом:

— Дело сделано? Все в порядке?

Он ответил:

— Сделано. И все в порядке. Позволь мне тебя поцеловать, моя светловолосая любовь, и придать тебе храбрости для твоего страшного деяния.

По жилам ее, когда он ее целовал, казалось, побежал огонь, а сердце ее едва не выскочило из груди. В коленях не осталось никакой силы, чтобы отступить, и темный туман застил глаза; и все же она его от себя оттолкнула, слабо вскрикнув:

— Теперь достаточно, любовь моя! Твои поцелуи жалят, как шершни! О, и зачем я только родилась царской дочерью!

Она дала ему женское одеяние и шаль пере-

одеться и сунула ему в руку корзину, где лежали черный петух, мешок ячменного зерна и кремневый нож. Она предупредила его:

— Пригибайся, чтобы скрыть свою стать, ковыляй, прихрамывая, прикрой подбородок шалью, выказывай мне покорность. Если кто-либо к тебе обратится, поднеси к губам палец и покачай головой.

Он повиновался и на этот раз не совершил никаких глупостей, вспоминая, как скверно сыграл роль Аргусова слуги у лапифов. Они двинулись вместе по аллее, густо обсаженной темными кипарисами, пока не дошли до ворот ограды. Там стояло двое часовых с секирами, одетых в маски быков и плащи из черных бычьих шкур с болтающимися хвостами. Медея приложила палец к губам, и часовые пропустили ее и Ясона, низко им поклонившись. Медея пересекла двор, не оглядываясь по сторонам, Ясон следовал за ней в трех шагах позади, пока они не добрались до небольшой бронзовой двери внутренней части святилища. Медея отперла ее бронзовым ключом, и они вступили в мощеный лабиринт, стены которого образовывали высокие тиссы, тесно посаженные и огражденные бронзовыми перилами, Медея вела Ясона, негромко напевая.

Время от времени она останавливалась, прислушивалась и снова начинала петь.

Вскоре Ясон услыхал странный шум: что-то то ли шуршало, то ли скреблось. Медея шепнула:

— Это змей выползает из гробницы. Он занимает свое место на дереве.

Она провела его в центральную часть святилища, вымощенную змеевидным узором, в форме равностороннего треугольника, а когда он туда вступил, луна окончательно вышла из облаков. В дальнем углу треугольника за круглой белой гробницей, где покоились священная челюстная кость и пуповина, рос древний кипарис.

Ясон резко втянул носом воздух. Наконец-то он достиг цели своих странствий, но он охотно отдал бы пять лет жизни за то, чтобы снова очутиться на Лемносе с пышнотелой Гипсипилой, да играть с ней в кости на поцелуи под раскрашенным балдахином, и чтобы утренние пташки сладко пели им с розовых кустов под окном. Перед ним, привязанное к кипарису, сияло под легким досчатым навесом Золотое Руно, висевшее вниз головой, как бы в насмешку над Богом Овном; а вокруг ствола и ветвей дерева обвил свои кольца змей Прометей. Он медленно покачивал своей широкой головой и высовывал свой раздвоен-

ный язык, а Медея пела ему по-гречески. Ясон прикинул, что по длине он в четыре раза больше роста высокого мужчины, а по толщине — как бедро человека. Медея взяла корзину из дрожащих рук Ясона и подняла крышку. Она вытащила петуха, сняла капюшон у него с головы, развязала ему ноги, поставила наземь и насыпала ячменя поклевать. Затем обратилась к змее, напевая негромко и ласково:

Черного, черного петуха
Принесла тебе Медея.
Смотри, Прометей, как черен он,
Съешь его, не жалея.
И пусть будет крепок потом твой сон,
Крепок сон Прометея.

Большой змей оставил кипарис, развернувшись во всю длину и шурша, пополз к ним, но запах Ясона встревожил его, и он внезапно зашипел: ибо у всех диких тварей вызывает беспокойство кислый запах, испускаемый испуганным человеком. Медея успокоила его ласковыми словами, как мать капризного ребенка, и добилась от него повиновения. Ее голос успокоил и Ясона, запах его стал чище и больше не раздражал змея. Змей

Прометей заметил петуха и свернулся, чтобы его поразить. Петух всполошился, прекратил клевать ячмень, опустил гребень и дрогнул. Змей отвел назад голову и внезапно метнул ее вперед, словно копье.

— Закрой глаза! — приказала Медея. — Ни одному мужчине не дозволено наблюдать трапезы Прометея.

Ясон закрыл глаза. Когда ему велено было их открыть, змей уже проглотил петуха — вместе с перьями, лапками и клювом. Медея протянула назад руку, Ясон поднес ее руку к губам, они молчали.

Вскоре змей медленно уполз обратно к кипарису, обвил его, и Медея снова ему запела. Ясон заметил, что теперь змей, раскачиваясь, больше не попадает в такт музыке, а медленно движется. Голова его падала все ниже и ниже: ибо перья петуха были обрызганы наркотическим соком высокого, с раздвоенным стеблем кавказского крокуса шафранового цвета, корень которого красен, как свежее мясо, и который известен теперь как цветок Прометея. Медея срезала этот корень, когда луна была полной, и положила его, чтобы пустил сок, в раковину из Каспия с тремя витками.

Затем она сняла с груди ветвь можжевельника и стала медленно помахивать ею перед глазами змея, описывая священную восьмерку. Змей расслабился, он свисал с ветвей, и голова его раскачивалась, словно у мертвого, рядом с раскачивающейся головой Овна.

— О, возлюбленный Ясон, — сказала Медея то ли смеясь то ли плача. — Теперь подойди и возьми свою награду. Вот нож.

Ясон взобрался на кипарис, обвитый огромными кольцами одурманенного змея, холодными, как смерть, на ощупь. Он перерезал кожаные ремешки, которыми было привязано к дереву Руно за четыре ноги, схватил его за хвост и начал снова спускаться. Он невольно гримасничал, как если бы осушил рог кислого вина, и все же, когда он снова стоял на каменных плитах, слава его деяния согрела ему желудок и заставила лицо вспыхнуть. Руно было удивительно тяжелым из-за огромных забитых рогов и золотой каймы. Ясон обвязал его вокруг себя под одеянием. Затем Медея снова вручила ему корзину, и он последовал за ней.

Они вновь пересекли двор Бога Войны, не оглядываясь. Часовые с бычьими головами отворили ворота, чтобы их выпустить и низко им

поклонились. Они благополучно зашагали по кипарисовой аллее к городу. Медея шла впереди, не говоря ни слова. Ясону хотелось бежать, но шаг Медеи был медленным, словно она погрузилась в раздумья.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
Бегство из Эа

Когда Ясон и Медея снова оказались в виду Эа, Ясон испустил клич, о котором заранее было договорено — унылый вой магнезийского Леопарда, который заставил лаять всех домашних собак в городе. То был сигнал сыновьям Фрикса начать кровавую диверсию, под прикрытием которой «Арго» мог бы спокойно отплыть прочь. Они пробежали по дворцу, каждый — через отдельное крыло, вопя одновременно, так что крик этот отдавался эхом в каждом коридоре:

— О, негодяи! О, о! Месть святотатцам!

Ээт вскочил со своего высокого ложа, полуодетый и напуганный, чтобы спросить, что случилось, и тут вбежал Фронт и сказал:

— Увы, Твое Величество! Грязный албанин, твой предполагаемый зять, осквернил и твой дворец. Он кастрировал и запряг в насмешку в двойное ярмо священных быков, дар твоих союзников-тавров. Но это следовало ожидать от питающегося вшами дикаря, для которого Бык — символ всяческих зол.

Весть о святотатстве, словно огонь, распространилась по дворцу, и таврийка Идия, камнеокая мать Медеи поспешно послала своего сына Апсирта за жрецом Быков из святилища Бога Войны. Вскоре они примчались по аллее целой оравой, и сама Идия отворила Северные ворота, чтобы их впустить. Не говоря ни слова, они побежали во дворец, размахивая секирами, под жуткий рев бычьих рогов, вертевшихся на длинных шнурах. Затем завязался бой между таврами и албанцами, и тщетно Ээт пытался разнять обе стороны. Тавры высадили вскоре своими секирами крепкие двери внутренних покоев и, увидев своих покалеченных и оскорбленных богов, возбудились и рванулись мстить. Секиры их взлетали и падали, словно цепы, пока сын Стира, обрушившись на них с галереи вместе со своими албанскими копейщиками, с боем не вытеснил их из зала.

Битва то разгоралась, то гасла, и трупы громоздились друг на друге в дверных проемах и коридорах; а аргонавты под командованием Анкея Большого выскользнули украдкой через неохраняемые ворота — те самые, в которые впустили тавров, и, обойдя город, никем не замеченные спустились к реке.

Аргус и Навплий пришвартовали «Арго» в уз-

кой заводи в тени тополиной рощи. В том самом месте, где сошел на берег Фрикс поколение назад, когда привез украденное Руно Ээту. Ясон и Медея были уже на борту, когда Анкей со своим отрядом поспешно взошел на корабль, и все было готово к бегству. Они торопливо заняли места, натыкаясь друг на друга в темноте, ибо луну закрывали не только облака, но и листва тополей; затем некоторые, взяв шесты, начали отталкиваться. Но Линкей, пересчитав всех по головам, вскричал яростным шепотом:

— Стойте! Одного не хватает. Вспомните наш договор, аргонавты! Мы не можем отплыть, бросив товарища.

— Кого нет? Кого? — нетерпеливо спросил Ясон. И пожаловался: — Я ничего не могу различить в этой темнотище, Линкей, и не верю, что даже ты это можешь.

— Кто сидел на скамье с Мелампом, сыном Ареса? — спросил Линкей.

— Афинянин Бут, — прошептал Меламп. — Ты прав, Линкей. Его нет.

— Бут, Бут, где ты? — позвал Ясон.

— Тссс, — сказали все хором, — не так громко!

Ясон снова стал звать Бута резким и раздраженным тоном. Никакого ответа.

— О, о, кто-нибудь знает, где он? — спросил Ясон, едва не плача.

Афинянин Фалер ответил:

— Увы, благородный Ясон около часа назад, или, возможно, меньше, по крайней мере, прежде, чем Фронт поднял тревогу во дворце, я встретил нашего товарища Бута в коридоре. «Смотри, Фалер, — сказал он. — Я не вынесу, если покину Эа, не отведав колхского горного меду, который Автолик и два его брата считают ядовитым. У меня кусок сот, полных сладкого меда, принесенного сегодня утром из горного леса азалий. Понюхай, как изысканно пахнет. Попробуй немного, дорогой Фалер, как собираюсь попробовать и я. Давай вместе убедимся, что эти фессалийские волки — легковерные глупцы». Но я ответил: «Нет, Бут, нет. Пусть лихо само меня ищет, я его искать не отправлюсь». Тогда Бут поднес соты к губам и, лизнув их сперва языком, откусил и набил полный рот. Он сказал: «У меда горький, но приятный вкус. Вот видишь, я не раздулся и не умер ни с того ни с сего! Ну, попробуй, умоляю тебя, Фалер!» Но я снова отказался, повернулся и покинул его, предоставив ему самому доедать свои соты. С тех пор я его не видел и ничего не слышал о нем.

Ясон сказал:

— Бог Аполлон, когда поймет крайность обстоятельств, несомненно, освободит нас от клятвы взаимопомощи, которую мы дали его именем. Ибо если мы пошлем в город отряд, чтобы спасти Бута, который, возможно, уже умер от яда, ни один из нас не имеет надежды благополучно вернуться; а нам не будет хватать гребцов и бегство для оставшихся окажется невозможным. Неужели безумная и самонадеянная выходка Бута должна быть смертным приговором его товарищам, равно как и ему? Я говорю — нет. Отчаливаем, аргонавты! Пусть Бут, коли уж он такой знающий по части пчел, сам выбирается из потревоженного улья Эа, откуда мы уже осмелились похитить и золотой мед, то есть — Руно, и юную царицу пчел Медею.

Некоторые из аргонавтов, хотя и немногие, похвалили эту благоразумную речь. Другие негодующе запротестовали — не только афиняне, но также Ифит, Мопс и Адмет из уважения к Аполлону, ибо они не осмелились нарушить клятву, которую дали его именем.

Авгий Элидский сказал:

— Закон Аполлона таков: «Никаких крайностей». Доставим же удовольствие Стрелку, не

доводя до крайности нашу верность глупцу.

Эта речь разгневала Аталанту, которая спрыгнула за борт и спросила:

— Кто здесь человек чести и осмелится вернуться со мной в Эа? Или только потому, что Ясон и Авгий — трусы, мы, остальные, бросим Бута, чтобы его похоронили по-колхски и чтобы его ожидала та самая жестокая участь, от которой мы были посланы избавить Фрикса?

Ее вызов принял Мелеагр, а также Ифит, Фалер, Мопс и Адмет, Аргус же отказался из-за своей хромоты; а когда Анкей Маленький увидел, что остальные не решаются присоединиться, он предложил себя седьмым. Аталанта спросила:

— А не пойдет ли кто-нибудь из тех, кто говорит по-колхски?

Меланион, сын Фрикса, ответил:

— Я пойду. Мои волосы и лицо темнее, чем у братьев, и я могу пройти незамеченным среди колхов. Кроме того, я был до сих пор самым храбрым из четверых.

Аталанта похвалила Меланиона, и они выступили вместе, ввосьмером, и тогда Ясон их окликнул. Он сказал Аталанте, что она лишила корабль слишком многих гребцов: она должна пятерых из семи оставить на борту. Поэтому она

выбрала себе в спутники Ифита и Меланиона. Но Мелеагр и Фалер тем не менее двинулись вместе с ней во тьму.

Оставшиеся аргонавты ждали их на скамьях. Каждый молился вслух богу или богине, которых особенно почитал, моля о помощи и щедро обещая жертвы и благодарственные дары. Наконец Ясон сказал:

— Товарищи, будьте наготове с оружием, чтобы поддержать по возвращении Аталанту и ее отряд. Мопс, держи под рукой повязки и мази для раненых. Линкей, пойди и встань на том холме, который называют Спиной Овна, и неси вахту.

Но сам он остался на корабле — утешать Медею, которая сотрясалась от рыданий и не могла вымолвить ни слова.

Тем временем, поскольку дворцовых стражей, равно ненавидевших и тавров, и албанцев, невозможно было заставить вмешаться и воспрепятствовать их взаимоистреблению, Ээт послал человека к Ясону, прося помощи аргонавтов. Посланец вернулся с сообщением, что Ясона нет в крыле, где разместили аргонавтов, и что там вообще не осталось ни одного грека, за исключением Пчелиного Царя (так он назвал Бута), которого он нашел лежащим без чувств в коридоре. Ээт сразу

догадался, что случилось: греки задумали искалечить быков, чтобы албанцы и тавры вцепились друг другу в глотки, а его родные внуки, которые теперь тоже исчезли, были сообщниками Ясона.

Ээт действовал быстро. Он послал начальника стражи с сотней воинов к Царскому Молу — задержать «Арго», если он еще там, а сам побежал к своему зятю, таврическому царевичу Персу, умоляя его отозвать жрецов с бычьим головами. Он с большим трудом убедил Перса, что албанцы не виновны в святотатстве и что злоумышленниками были греки. Затем он и Перс убедили царя Стира унять албанцев, которые уже одолевали тавров. Постепенно бой прекратился, и во дворце был восстановлен порядок. Раненых подобрали и разместили на ложах, их товарищи стали перевязывать им раны. Ээт попытался успокоить Стира, сказав:

— Родич, подожди, ты увидишь, какой удивительный лекарь моя дочь Медея. Она исцеляет самые глубокие и ужасные раны в течение часа, так что остается только тонкий шрам, как напоминание.

И едва он это сказал, нахлынула ужасная мысль. А что с Медеей? Где она была все это время? Не втянута ли и она в заговор? А не она ли задумала

кастрацию быков в надежде, что тавры отомстят за своего бога албанскому царю, и тем самым избавят ее от ненавистного ей брака?

Он побежал в ее покои и, торопливо оглядевшись, обнаружил, что там все в беспорядке, одежда валяется на полу, сундуки раскрыты и разворошены, как если бы она в спешке отбирала немногое, самое ценное.

— Она сбежала! — вскричал он вслух. — Моя дочь, Медея — сбежала! Неужели с нечестивыми греками? Но с кем же еще? — он был ошеломлен.

Начальник стражи вернулся, едва дыша, чтобы доложить, что «Арго» нет на месте швартовки. Ээт сказал ему:

— Немедленно пошли вниз по реке в погоню три боевых галеры у Общего Мола, которые всегда оснащены, и где дежурят команды на случай бедствия? Грек Ясон должен быть убит или захвачен любой ценой, вместе со своим экипажем и столькими изменниками, сколько их окажется на корабле. Если один из командиров галер осмелится вернуться, прежде чем не будет выполнен приказ, я сперва отрублю ему руки и ноги, а затем брошу в раскаленное брюхо таврического быка, чтобы тот помычал в свое удовольствие. Иди, сообщи царевичу Апсирту, что он должен ко-

мандовать флотилией. Ты найдешь его у матери, царицы Идии, у Северных ворот.

Аталанта и Меланион снова вступили в город и проскользнули во дворец через боковую дверь: он — с копьем в руке, одетый как офицер царской стражи, она — в том же балахоне и шали, которыми воспользовался Ясон, с укрытыми под балахоном луком и дротиком. Они прошли незамеченными по коридорам и вверх по лестнице того крыла, где размещались аргонавты. И там они нашли Бута, лежащего в обмороке на полу в коридоре, обвитого длинным шнуром, как если бы он был куколкой или египетской мумией. Меланион быстро размотал веревку и завязал на конце ее подвижную петлю. Затем подтащил Бута к окну, пробитому в городской стене, под которой ждали внизу Ифит, Мелеагр и Фалер. Он обвил петлей плечи афинянина и спустил того вниз. Но когда Ифит освобождал Бута из петли, он, к несчастью, вырвал другой конец веревки из руки Меланиона, так что Меланиону не на чем оказалось спускаться. Мелеагр попытался снова забросить веревку наверх, в окно, высоко над головой, и Меланион потянулся, чтобы ее поймать. И тут Ээт появился на лестничной площадке, рыча от ярости, с обнаженным мечом в

руке, Аталанта крикнула:

— Поспеши, Меланион, я их задержу, пока ты уходишь! Ифита и Фалера с Бутом пошли вперед. А сам держись с Мелеагром. Я вернусь другой дорогой, если удастся.

Затем Меланион, поймав наконец веревку за конец с петлей, продел в петлю копье и туго затянул ее на середине древка. Схватившись за веревку, выкарабкался из окна и благополучно съехал по ней вниз, на землю, ибо копье, которое было длинней ширины окна, упиралось в стену по обе стороны от окна и выдержало его вес. Аталанта не последовала за ним. Вместо этого она сорвала с себя колхское одеяние, схватила лук и дротик, и затем, издав свой знаменитый хохочущий вопль, побежала к лестничной площадке. Ээт преградил ей дорогу с обнаженным мечом; она поразила его в бок, пронзив ему внутренности на бегу, он упал, застонав, а его стража завопила от тревоги и скорби.

Аталанта летела, как на крыльях, в глазах ее пылал гнев Артемиды, перескочив через трупы в нижнем зале, она прорвалась через пеструю толпу колхов, тавров и албанцев, словно кожаный мяч, который молодые мужчины или женщины бросают для забавы в купальнях. Только один че-

ловек, албанский жрец Солнца, дерзнул поднять на нее руку; она поразила его насмерть дротиком и побежала дальше, затем метнулась к главным воротам, словно пикирующая ласточка, и воссоединилась со своим отрядом с торжествующим криком.

Когда Перс устремился в погоню во главе своих тавров, Мелеагр и Аталанта прикрыли отступление Ифита и Фалера, которые по очереди несли Бута и увели погоню в другом направлении. Между тем Ясон и другие аргонавты услыхали крики с Общего Мола, а также грохот и всплеск, раздавшийся при спуске трех кораблей. За всплеском последовали удары весел и пронзительные голоса кормчих, задающих ритм, и вскоре боевые галеры с шумом пронеслись одна за другой мимо темной заводи, где затаился «Арго», и полетели дальше вниз по течению к морю. Когда шум затих, приунывшие аргонавты услыхали другой — грохот сражения, приближавшегося к ним от Северных ворот. Линкей вскричал:

— На помощь, аргонавты! Я вижу совсем рядом Ифита и Фалера, которые несут Бута. Аталанта и Мелеагр задержались. Аталанта ранена в пятку, Мелеагр поддерживает ее, и она ковыляет, но то и дело оборачивается и пускает в ход свои смер-

тоносные стрелы. Мелеагр тоже ранен — в левую руку, но не тяжело.

Тут, не желая опозориться в глазах Медеи, Ясон проявил больше храбрости, чем до сих пор приписывали ему его спутники: он соскочил на берег и призвал всех, кто не трус, последовать за ним. В завязавшейся схватке пало множество колхов, тавров и албанцев, а среди них — брат царя Стира, Ясону пронзили плечо дротиком, а череп доброго фокийца Ифита был раздроблен кремневым топором — таким, какие тавры использовали для заклания жертв. И все же аргонавты одержали победу, оттеснили врагов и завладели полем битвы. Они обобрали трупы и унесли на корабль своих раненых, а также Бута, который слабо стонал, прижимая ладони к животу. Затем они спокойно отвязали тросы от швартовочных столбов и вытолкнули «Арго» из заводи в реку, каждый при этом громко хвастался своими подвигами.

Мопс, найдя ощупью в темноте свои снадобья и повязки, начал перевязывать раны Ясону, Аталанте и Мелеагру, но Ифит был уже мертв. Он был самым первым из аргонавтов, которого убили в бою: его товарищам удалось хотя бы унести его тело для погребения. Ясон, громко стонавший от

боли в плече, перепоручил командование кораблем Аргусу, и Аргус отдал приказ:

— Весла в воду! Грести! — И добавил: — Во имя сероглазой Афины со скипетром, увенчанным кукушкой, вдохновленный которой я построил это блистательное судно, умоляю всех вас хранить полное молчание до тех пор, пока мы не уйдем далеко в море.

Так аргонавты покинули Эа с Руном на борту, и, несмотря на нескольких раненых, на каждом весле было по гребцу; ибо четверо сыновей Фрикса оказались опытными гребцами, а Орфей принял руль у Анкея Большого, который теперь работал веслом на скамье, занятой когда-то Геркулесом.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ
Прочь он Колхиды

Аталанта, не зная наверняка, убила ли она царя Ээта, ничего не сказала об этом столкновении ни Медее, ни кому-либо еще. Немного спустя Медея перестала рыдать. Она была потрясена тем, что произошло, она говорила с Ясоном по-детски и сбивчиво, негромко хихикая, корча ребяческие рожицы и часто спрашивая:

— Ведь ты — Ясон, правда? И ты меня любишь, правда?

Она, наконец, уснула, стала метаться, стонать и что-то пугающе бормотать. Внезапно она вскрикнула душераздирающим голосом:

— Увы, жестокий Бог любви! Зачем ты присосался к моей груди, грязный кровопийца, и выпил из моих жил всю здоровую кровь до последней капли?

Аргонавты от всей души пожелали, чтобы она очутилась на дне реки; но они страшились ее двойного зрения и не посмели сказать против нее ничего вслух при Ясоне.

Аргус спросил Фронта, сына Фрикса, как далеко

вниз по реке пойдут в погоню боевые галеры колхов. Фронт ответил, что они проследуют до речного устья, а затем станут упорно рыскать вдоль берегов Черного моря; и что Ээт, несомненно, пошлет и другие галеры, как только можно будет обеспечить их командой, гребцами и припасами. Так что аргонавты гребли с хорошей скоростью, не настолько быстро, чтобы догнать три галеры впереди, но и не настолько медленно, чтобы их догнали возможные преследователи. Примерно на заре Фронт окликнул часового, стоявшего на молу у прибрежного поселка.

— Эй, часовой! — крикнул он. — Нечестивых греков еще не настигли?

Часовой, приняв «Арго» за корабль колхов, ответил:

— Нет, господин мой, насколько мне известно. Три галеры, с которых меня окликнули, едва начало светать, еще не заметили негодяев, которые, должно быть, прошли мимо этого мола во тьме, не работая веслами, и позволив течению безмолвно нести их.

Аргус решил, что наиболее благоразумной для него тактикой будет идти под парусом по ночам и прятаться днем. Фронт хорошо знал реку и показал Аргусу узкую заводь между этим поселением

и следующим, где «Арго» мог бы укрыться, встав кормой к реке. Туда они и завели корабль, подняв весла и обвив кормовое украшение длинными зелеными лианами. Два часа спустя еще три галеры пробежали мимо их укрытия — каждая с расшитым белым вымпелом на верхушке мачты — и пропали за ближайшей излучиной реки. Но командир четвертой галеры, когда она поравнялась с «Арго», отдал приказ:

— Суши весла! Швартуемся к правому берегу.

После чего галеру пришвартовали к дереву менее чем в дальности полета стрелы ниже по течению. Близость ее тяготила аргонавтов, ибо обязывала их к гробовому молчанию. Но вскоре Эвфем-пловец шепнул Аргусу:

— Эй, Бык, кораблестроитель, дорогой мой аттический друг, умоляю, дай мне бурав из моего ящика с инструментами.

Аргус, не говоря ни слова, дал ему острый бурав. Эвфем разделся, бесшумно нырнул за борт и поплыл под водой к галере колхов. Схватившись одной рукой за кормовое украшение, он взял в другую бурав, просверлил пять крупных отверстий ниже ватерлинии, все пять равной глубины. Затем перерезал швартовочный канат галеры своим ножом и поплыл обратно так же

осторожно, как и туда. Все колхи спали, пока он работал, даже дозорный, и первое, что заметили гребцы, это что речная вода просочилась через доски, замочив им ноги до лодыжек, и что корабль медленно тонет. Они стали отдирать доски, чтобы обнаружить и остановить течь, но своими движениями толкали галеру в разные стороны так, что, казалось, грязная вода проникает внутрь отовсюду одновременно. Они принялись ее вычерпывать, но когда вода заметно прибыла, кое-кто попрыгал за борт, надеясь добраться до берега, и был затянут в черный прибрежный ил; некоторые забрались на планшир. Только один попытался плыть вниз по течению к ближайшей пристани; но Эвфем поплыл за ним, оглушил его кулаком и притащил за волосы на «Арго». Судя по его значку — крылатому коню — то был командир галеры. Все члены экипажа пошли на дно вместе с галерой, крича от ужаса. Только белый расшитый вымпел трепетал теперь над водой. Эвфем взял его на «Арго» — для украшения и для маскировки. Меланион спросил:

— Дорогие товарищи, что мешает «Арго» теперь, когда враг бесследно пошел на дно, занять его место в эскадре? Если мы будем держаться позади, нас никто ни в чем не заподозрит, а когда

наш пленник очнется, мы можем пригрозить ему смертью, если он только не сообщит командиру идущей перед нами галеры то, что мы вложим ему в уста. Эта хитрость поможет нам смело проплыть мимо оставшихся поселений даже днем, на благоразумном расстоянии, а как только мы выберемся из реки, мы будем на свободе!

Аргонавты встретили аплодисментами соображения Меланиона, и Аргус согласился осуществить план, который тот предложил.

Меланион пообещал командиру-колху жизнь, когда тот очнулся, при условии, что колх выполнит все, что ему прикажут. Он оказался человеком здравомыслящим и стал во всем повиноваться Меланиону, ибо у него было много детей, которых надо было кормить. Звали его Певкон. Когда «Арго» оказался в виду идущей впереди галеры, Певкон окликнул ее, как велел Меланион, и сообщил, что у четверых из его экипажа — тяжелая лихорадка. Другой командир, ничего не подозревая, крикнул в ответ:

— Друг Певкон, в самом деле — лихорадка? Тогда выбери место подальше от нас, чтобы стать на якорь вечером, ибо у нас еще нет заразы, да будет благословенно имя Матери!

В ту ночь Эвфем предложил поплыть и пото-

пить поочередно каждый из трех оставшихся кораблей, но Аргус его от этого удержал. Он заметил, что как только один корабль начнет тонуть, остальные поспешно пойдут к нему, чтобы подобрать зовущих на помощь.

— Тем лучше, — ответил Эвфем, — если возникнет паника, никто не помешает мне работать, и для вас это будет хорошим развлечением.

Его отвага вызвала аплодисменты, но Орфей сказал:

— Товарищи, давайте не будем отнимать у колхов жизнь всего лишь для развлечения. Давайте убивать только, если нас вынудит к тому жестокая необходимость. Люди утонут, но духи их заберутся к нам на борт, несомые плывущими листьями или прутьями, и причинят нам невыносимые муки.

Эвфем послушался Орфея, ибо был столь же рассудителен, сколь и смел. Ясон снова принял командование «Арго». Он оправился от своей раны удивительнейшим образом, равно как Аталанта и Мелеагр; ибо Медея в то утро развязала повязки, сделанные Мопсом, и обработала свежие раны снадобьем своего собственного изготовления, которое жгло, как огонь, но исцелило нагноившуюся плоть в течение часа.

Примерно в это же время пришел в себя и Бут. Он внезапно сел и спросил, что случилось, какое сейчас время дня и где он.

Идас ответил с горечью:

— Твое желание отведать горного меду достаточно дорого нам обошлось, Пчелиный Пастух. Из-за тебя убит кроткий фокиец, его тело лежит вон там под плащом из медвежьей шкуры, в ожидании почетных похорон.

Мопс упрекнул Идаса, сказав:

— Идас, какую бессмыслицу ты несешь! Наш дорогой фокийский товарищ был поражен жертвенным топором тавра. Бут лежал на земле без чувств, когда был нанесен этот удар.

Идас стоял на своем, не заботясь, слушает его дух Ифита или нет, ибо он стыдился втайне, что не отважился пойти с Аталантой и не участвовал в блистательной операции по спасению Бута. Но у него хотя бы хватало здравого смысла не тревожить дух Ифита, произнося его имя. Он сказал:

— Но если бы не Бут с его тягой к меду, Живописец и ныне был бы жив. Если кто-либо отрицает, что это правда, пусть бережет свою голову, ибо мое копье лежит наготове.

Бут заплакал. Он вымазал лицо дегтем и растрепал волосы. Но едва он закончил маскироваться,

как увидел знамение, от которого у него похолодело сердце: разноцветный пчелоед опустился на фальшборт у него над головой, что-то прочирикал и снова улетел.

— Что сказал мой враг, Мопс? — спросил Бут дрожащим голосом.

— Ничего, вовсе ничего важного, — поспешно ответил Мопс.

Это происшествие вызвало всеобщее уныние, и решено было похоронить Ифита со всеми почестями, как только они доберутся до ближайшей твердой земли. Пока что они плыли через болотистую местность, и жара заметно усилилась с тех пор, как они впервые прибыли в Колхиду; от трупа скоро пойдет нехороший запах, и он вызовет злых духов или змей. Фронт сказал Ясону:

— Течения, бегущие на восток вдоль южного берега Черного моря, которые принесли тебя сюда, поворачивают дальше на север, вдоль подножья гор Кавказа; ближайший участок твердой земли за пределами Колхиды, где ты сможешь беспрепятственно погрести своего несчастливого товарища, лежит в одном дне пути на север от крепости Фасис. Я имею в виду Анфениос, поселение апсилеев, которые оказывают гостеприимство любым чужестранцам. Я предлагаю,

когда мы благополучно выйдем из этой реки, нам следует свернуть на север, а не на юг, если только ветер не будет противным. Мне открыли кредит купцы Анфениоса, и там мы сможем наполнить наши сосуды пресной водой.

Ясон повторил это предложение и спросил, есть ли несогласные с ним. Никто не ответил. И тогда Ясон сказал:

— Значит, пойдем в Анфениос, если только не помешает противный ветер.

Авгий из Элиды спросил:

— А почему бы нам не податься на север и не обойти Черное море, тем самым избежав противотечений южного берега, и поплыть по могучим течениям, которые, согласно царю Финею, устремляются в море из великих северных рек в этот период? Таким способом мы перехитрим погоню.

— Да, почему бы нам этого не сделать? — стали спрашивать аргонавты.

Сыновья Фрикса заявили, что такой курс невыгоден. Они сказали, что обитатели Кавказского побережья в течение пятисот или около того миль к северу от Анфениоса недружелюбны, вероломны и бедны. Если «Арго» задержат противные ветры, а припасы иссякнут у этого негостепри-

имного берега, их будет невозможно пополнить. Более того, там, где кончается Кавказский хребет, начинается царство тавров. Даже с Медеей на борту было бы столь же опасно сунуть нос в их земли в поисках пищи или воды, сколь есть бобы из раскаленной докрасна ложки. Три брата из Синопа согласились с этой точкой зрения. Принял ее и Ясон, сказав:

— Давайте лучше снова взглянем в лицо опасностям, которые мы уже преодолели, чем искушать богов, стремясь навстречу новым бедам.

И они поплыли дальше вниз по реке, все время отставая от других судов эскадры, к которой присоединились, и вечером второго дня — ибо течение реки было очень сильным — достигли речного устья и крепости Фасис, откуда их никто не окликнул. Затем двинулись на юг следом за эскадрой колхов, но совсем недалеко. Как только сгустилась ночь, они подняли темный парус и поплыли на север, воспользовавшись юго-восточным бризом. И, поворачивая, хором испустили крик отчаяния, точно их корабль ударился о подводный камень, чтобы ввести в заблуждение тех, к кому до того присоединились.

На следующее утро лучи солнца показались над восточными вершинами и осветили море, в

котором не было ни одного корабля, кроме «Арго». Ясон, который нес вахту вместе с Мелеагром, разбудил своих спящих товарищей и, ликуя, вытащил Руно из рундука под сиденьем кормчего. Он поднял свой сияющий трофей, чтобы все его увидели, и сказал:

— Взгляните, аргонавты, каким великолепным сокровищем мы завладели и какой малой крови оно нам стоило! Из-за него наши имена вечно будут прославляться в царских чертогах Греции, и в многолюдных лагерях варваров, и даже среди многомудрых египтян, гладкие и белостенные пирамиды которых пронзают вершинами небо над полноводным Нилом. Поскольку нам немало благоприятствовали бессмертные боги Зевс, Посейдон, Аполлон, Афина и Артемида, как по пути в Эа, так и во всех наших предприятиях там, мы можем с доверием ожидать, что они сделают гладким наш обратный путь. Теперь «Арго» им еще более дорог, чем когда-либо, как хранилище священнейшей из всех греческих реликвий, Руна Зевса Лафистийского.

Эргин, человек, которого поражения научили избегать хвастливых, предвещающих недоброе речей, незамедлительно поднялся и сказал, чтобы отвести беду:

— И впрямь, Ясон, великий подвиг для пастуха — взобраться на скалу, которая нависает над его домом в долине и вызволить похищенного ягненка из орлиного гнезда; но пока орлица парит, крича у него над головой, готовая по нему ударить, когда он с ягненком в мешке за спиной с трудом спускается по осыпающемуся обрыву — о, пусть он тогда не забывает об опасности и не воображает, будто он уже дома, близ кипящих в пламени очага закопченных горшочков! Убери прочь сияющее Руно, безумец Ясон, а не то как бы оно не вызвало ревности кого-нибудь из богов, и не будем смотреть на него, пока не услышим, как наш киль сладостно прошуршит по песчаному берегу Фтиотийских Пагас. Ибо я страшусь ревности, самое меньшее, одного божества, Великой Богини, которая давным-давно сорвала его с дубового образа, и ужасного имени которой ты еще не назвал. И поэтому пусть Орфей возглавит нашу смиренную молитву Богине или, еще лучше, пусть возглавит ее тонконогая Медея. Медея — возлюбленная жрица Богини, и, если бы не Медея, мы не добились бы милости взглянуть на Руно. Помните, мои благочестивые товарищи, что сейчас неудачливое время года, унылое время очищения, когда дома, в Греции, мы ходим гряз-

ные и бросаем наши искупительные жертвы в реку или в море, затыкая уши, чтобы не слышать их криков, подметаем в святилищах терновыми метлами и готовимся к радостному празднику Первых Плодов. Еще не настало время веселиться, глупый сын Эсона.

Ясон, устыдившись, вернул Руно в рундук, а Медея между тем поднялась со своего места на носу и, устремив взор вверх, подняла к небу раскрытые ладони и начала молитву:

— Мать, Нимфа и Дева, Триединая Богиня, Владычица Янтарной Луны, та, которая, правя в Небе, на Земле и в Море, снова делается тремя; о Триединая Госпожа Преисподней, Бримо, жрицей которой назначила меня, умирая, моя дорогая сестра Халкиопа; выслушай меня и прости!

Не по своей воле взошла я на этот корабль с крашеными кошенилью бортами, не по своей воле украла я у Змия Золотое Руно, которое он охранял для тебя, не по своей воле оказалась я непокорна своему отцу. Ты сама, Всемогущая, ввергла меня в это безумие; я не знаю почему.

Тебе я повинуюсь, только тебе, Танцующая на Черепах, я презираю племя выскочек-Олимпийцев. Скажи только слово, и мощью, которую ты мне даровала, я потоплю гордый «Арго» — эки-

паж, груз, говорящую ветвь и все остальное — в темных и безжизненных водах дна морского. Скажи только слово, и я всажу этот кинжал глубоко себе в грудь или в грудь светловолосого Ясона, столь безрассудную любовь к которому ты мне внушила. Скажи только слово, Царица с Птичьим Лицом!

Ты предупредила меня, повергнув в смятение мое сердце, что выбор, который я сделала, может принести мне мало мира; что великая любовь к Ясону, которая охватила меня, хотя она и бушует, как огонь в терновых зарослях, может быстро угаснуть, став белой золой, что Прометей может попытаться мне отомстить. Я ничего не требую даже по праву, я верно тебе служу, я благоговею перед тобой. Но отнеси, умоляю тебя, отнеси этот корабль и проклятое Руно назад, в Грецию и даруй мне милость стать царицей в Эфире, чтобы Ясон был моим царем, хотя бы столько лет, сколько я была тебе верна в прекрасной Эа.

Она умолкла, и все сидели, ожидая знака. Вскоре три мощных удара грома послышались в отдалении, раскатившись и разнесясь эхом среди гор в белых шапках. Медея снова села с долгим вздохом облегчения.

Кастор первым нарушил последовавшее долгое

молчание. Он спросил Поллукса:

— Разве это не странно, брат, что нашему отцу Зевсу именно сейчас понадобилось греметь?

Медея презрительно ответила на ломаном греческом:

— Богиня катила гром над вершинами Крита и Кавказа, пока Зевс был еще младенцем в Диктейской пещере — как жадно приникал он к сосцам старой свиньи, своей кормилицы, которую привели к нему Дактили! И она, несомненно, будет катить гром над теми же горами, когда люди забудут и само его имя.

Никто не дерзнул ей противоречить.

Они плыли мимо северных лесистых болот Колхиды, и в полдень добрались до широкой бухты, позади которой виднелись высокие горы. В середине была узкая и глубокая пропасть с обрывами с обеих сторон, а далеко позади они увидали заснеженную гору с вершиной в форме седла, которая слыла местом пребывания Пожирающей людей Богини Апсилеев. Беленый город Анфениос (названный позднее Диоскуридой) был виден с юга на расстоянии нескольких миль. То было самое святое место на всем Кавказе. Пожирающая людей Богиня приказала, чтобы никто под страхом смерти не смел идти с оружием через

широкие цветущие луга между горой и морем, и даже поднять камень, чтобы запустить его в ласку; и по этой причине не менее чем семьдесят племен сделали эту землю общим местом встреч для меновой торговли, разрешения споров и заключения договоров.

Ясон поставил «Арго» на дивной песчаной косе, но не сошел на берег и никому не разрешил сходить за исключением четверых сыновей Фрикса, которым велел никоим образом не позволить апсилеям догадаться, что «Арго» — греческий корабль. Они в молчании спустили лестницу и сошли по ней, неся с собой труп Ифита. Вернувшись вечером, они сообщили, что сперва явились к градоправительнице и попросили ее позволения выполнить колхские погребальные обряды над товарищем, который, как они сказали, был убит при падении гнилого дерева, когда их корабль стоял на якоре в заводи на Фасисе. Градоправительница отказала им в этом, о чем они заранее знали, ибо у апсилеев принято хранить прах в урнах, а колхские кладбища-рощи им ненавистны. Они разыграли представление, после чего Меланион сказал:

— Хорошо, Беспорочная, это неважно. Наш товарищ рожден от отца-грека. Позволь нам по-

хоронить его по греческому обряду.

Она ответила:

— Пожалуйста. Если вы невежественны по части ритуала, то у пристани живет греческий торговец по имени Крий, который вам, несомненно, поможет.

Крий был фокийцем, которого троянцы когда-то, много лет назад, спасли при кораблекрушении у острова Имброс; они же продали его в рабство в Анфениос. Здесь он скоро выкупился на свободу, ибо он был живописцем и горшечником необычайного мастерства. Когда сыновья Фрикса открыли ему, что Ифит тоже был фокийцем, Крий пообещал возвести каменную гробницу над его курганом и расписать стены земляными красками. Так что они, не откладывая, возложили тело на погребальный костер и станцевали вокруг с оружием и в броне, насыпали курган над прокаленными костями, совершили возлияния, пучками повырывали у себя волосы, заклали свинью и удалились.

Эвфем-пловец родился в Фокиде и выучился искусству плавания у тамошних мужчин-Тюленей. Он хорошо помнил Крия и уговорил Ясона позволить сыновьям Фрикса вернуться и привести Крия на «Арго», ибо Крий сказал им, как отча-

янно он желает еще раз увидеть свою родину. Ясон отказался, говоря, что прибыл к Анфениос с одной-единственной целью — похоронить Ифита — и не может позволить им здесь задерживаться, кроме того, если он возьмет Крия с собой, гробница Ифита так и не будет построена.

— Это правда, — сказал мирмидонец Пелей, — и поскольку Крий не знает, что мы возвращаемся домой в Грецию, он не станет сожалеть, что мы отплыли без него.

Так что Крия оставили в Анфениосе. Тем не менее, по совету Аргуса, Ясон послал Фронта и его братьев снова к Крию, чтобы приобрести запасы сушеного мяса и рыбы, дельфиньего жира и фигового хлеба, предложив в уплату украшения и камни, которые взяла с собой Медея. Эти припасы были вскоре доставлены к кораблю на запряженных быками тележках, если прибавить их к тем, которые уже были на борту, этого должно было хватить на месяц плавания. Аргус, которому Ясон приказал убрать их в безопасное место, обнаружил, что не может этого сделать, так как рундуки уже забиты дарами и трофеями. Поэтому он разделил все поровну, среди членов экипажа, говоря:

— Этих припасов достаточно на месяц, това-

рищи; распорядитесь ими, как пожелаете, но проследите, чтобы ничего не попортило солнце или морская вода. Если мы снова столкнемся с колхами — а я боюсь, что это случится — и обнаружим, что они усилили свой флот, мы вполне можем быть вынуждены уйти в открытое море и не надеяться снова раздобыть припасы достаточно долгое время. Я со своей стороны не больно-то беспокоюсь, довезу ли я благополучно домой в Афины богатые дары, которые дал мне мариандинский царь Лик, или дары слепого царя Финея, или добычу, которую взял, когда мы грабили дворец Амика, царя бебриков, вернуться бы мне домой целому и невредимому, с полным брюхом и с Золотым Руном. Они снова двинулись в море, но сперва зашли в устье реки Анфениос, чтобы наполнить кувшины для воды. Певкон, колхский командир, умолял высадить его на берег, но Ясон не отпустил его, решив, что он еще может оказаться им полезен. Поскольку продолжал дуть крепкий ветер с юго-востока, старый мореход Навплий направил «Арго» на запад; и корабль смело заскользил через Восточный залив, потеряв из виду сушу.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ
Погоня

Десять дней спустя эскадра из пятнадцати кораблей под командованием Араса, Главного Адмирала Колхиды, достигла Длинного Берега, подгоняемая северо-восточным ветром. Именно здесь плясали фессалийцы свои боевые танцы, а Аталанта с Мелеагром ходили охотиться на газелей. Когда Арас подошел к берегу, он обнаружил эскадру из трех кораблей, которой командовал Апсирт, и находящиеся под его же командой три уцелевших корабля из второй эскадры, посланной Ээтом.

Едва ступив на берег, Арас простерся ниц перед Апсиртом и приветствовал его как царя Колхиды, сообщив со слезами, что старый Ээт умер в невыносимых муках от раны, нанесенной ему Аталантой. Он сообщил также, что Перс, брат царицы, объявил себя в отсутствие Апсирта регентом Колхиды, что со Стиром у него мир и что, когда Стир спросил его с нетерпением: «Когда я женюсь не царевне Медее?» — Перс с одобрения Государственного совета пообещал ему, что если

Медею не смогут доставить обратно прежде, чем кончится лето, ему позволено будет вместо Медеи посвататься к Нэере.

Апсирт немало скорбел по своему отцу, но еще больше — по самому себе. Он лелеял в душе мысль о браке с Нэерой; ибо брак между дядей и племянницей разрешается у колхов, если только отсутствует кровное родство по женской линии. И он знал теперь, что если не сможет доставить Медею домой до конца лета, ему предстоит война со Стиром. У него не было намерения уступать албанцу Нэеру, каких бы обещаний ни давал Перс, ибо к Нэере по смерти Ээта переходили во владение пограничные земли, которые принадлежали некогда ее колхской бабушке, и мысль о том, что их займут албанцы, Апсирту претила.

Он нетерпеливо спросил Араса:

— Что нового о греческом корабле?

Арас ответил:

— Ничего, Твое Величество.

Оба они рассудили, что маловероятно, чтобы «Арго» плыл впереди них вдоль побережья, ибо с каждой эскадры весь день велось тщательное наблюдение, и луна, не закрытая облаками, сияла каждую ночь, а местные жители, которых они расспрашивали, вообще не заметили в море ни

суденышка с тех пор, как «Арго» прошел мимо них, спеша в Колхиду. Апсирт пришел к выводу, что поскольку Ясон, очевидно, пошел на риск обойти Черное море вдоль противоположного берега, колхидский флот должен направиться к Босфору как можно скорее и там перекрыть выход «Арго»; ибо южный путь от Колхиды к Босфору куда короче северного, несмотря на неблагоприятные течения и ветра.

Когда они принимали это решение, сам «Арго» бежал но ветру им навстречу, направляясь к устью реки Галис. Линкей сказал Ясону, — они все еще были довольно далеко оттуда:

— Наши враги, колхи, шестнадцать полных народу кораблей, отдыхают на Длинном Берегу. Я вижу их белые вымпелы, развивающиеся над излучиной моря, хотя корпуса кораблей от меня еще скрыты.

Ясон был в затруднении. Припасов на «Арго» было достаточно, но от воды в кувшинах шел дурной запах, и уже несколько аргонавтов, среди них — Орфей и Эхион — заболели дизентерией, прочие пребывали в сварливом и мрачном настроении. Ибо солнце палило нестерпимо даже для этого времени года. Они надеялись наполнить кувшины приятной водой Галиса, а также

снова попробовать вареного мяса, если повезет на охоте, и растянуться на травке в тени деревьев. Ясон не мог решить, следует ли ему переменить курс и вернуться в пустынные унылые места посреди моря, или он должен дождаться темноты, и тогда вступить в устье Галиса, а затем отплыть, как только кувшины будут полны хорошей оды. Он решил поставить вопрос на голосование, но аргонавты не стали голосовать, не обсудив этот вопрос, а пока они спорили, не приходя к согласию и набрасываясь друг на друга, «Арго» подходил все ближе к берегу.

Вскоре колхский дозорный на холме заметил корабль, и Диктис, вице-адмирал, взойдя к нему на пост, чтобы дать судну дымовой сигнал, снова спустился и сообщил Арасу на берегу:

— Это одно из наших судов. Я могу различить Белую Лошадь и белый вымпел. Почему они не отвечают на наши сигналы?

Арас сам взобрался на холм и внимательно изучил «Арго». Он сказал Апсирту, который последовал за ним:

— Вымпел и носовое управление — колхские; но, Твое Величество, взгляни на выгнутое украшение на корме. Ни у одного колхского корабля оно никогда не было такой формы. Это — замаски-

рованные греческие пираты, ибо я и сам заметил, какое у них изогнутое кормовое украшение. Они держат курс к Галису. Вероятно, грекам нужна пресная вода. Они не так выносливы, как мы, и, скорее, умрут от жажды, чем станут пить гнилую или солоноватую воду.

Апсирт отдал приказ:

— Все корабли — в море! Командиру, который первый настигнет пирата, я дам столько золота, сколько он весит, пару зеленых нефритовых серег для жены или дочери и гулкий серебряный гонг.

Но к тому времени, когда колхи снова вышли в море и погребли против крепкого бриза, «Арго» обогнул мыс к западу от них и пропал. Оставалось пять часов до темноты, и колхи надеялись нагнать «Арго», который был тяжелее, чем их суда, и шел медленнее как на веслах, как и под парусом. Но увидев вражеский авангард, огибающий мыс следом за ними, и поняв, что их преследуют, аргонавты взялись за весла и начали энергично грести — все, кого не вывела из строя болезнь. Они держались впереди, пока не сгустилась тьма, но у них не было теперь никакой надежды обогнуть мыс Лепто, лежавший к северо-западу от них, ибо ветер продолжал дуть с северо-востока, а грести они уже устали.

Автолик сказал:

— Вот мы и снова у владений пафлагонцев. Что скажете? Не вытащить ли нам корабль на берег, где живут наши друзья, на которых мы можем положиться, не сойти ли с него и не вернуться ли в Грецию сушей?

Аргус в негодовании вскричал:

— Что?! Бросить «Арго» и говорящую ветвь Зевса, которая встроена в его нос? Мы, аргонавты, кровью поклялись никогда не покидать в беде ни «Арго», ни друг друга.

Тогда Авгий спросил:

— Что? Три месяца пробираться среди враждебных племен и в конце концов попасть в руки наших врагов-троянцев?

Медея тоже высказалась:

— Что касается меня, я не привыкла долго ходить. Мои нежные ноги собьются о камни и тернии, прежде чем настанет вечер второго дня.

Автолик ответил:

— И все же, если приходится выбирать из двух зол, я советую выбрать наименьшее.

Пелей решительно заявил:

— Давайте сойдем на берег там, где есть вода, вычистим как следует наши кувшины, снова наполним их чистой водой, и посмотрим, ка-

кое угощение пошлют нам боги, когда это будет сделано.

И поэтому они вошли в реку Карусан, которая впадает в середину залива между Синопом и Галисом, и там поспешно почистили и вновь наполнили водой кувшины. Медея ушла в темные леса, которые подходили к самой кромке воды, чтобы собрать веток можжевельника и острых листьев маленькой безымянной травки — хорошего средства против дизентерии. Вскоре она нашла то, что требовалось, и вернулась на корабль.

Когда кувшины с водой были благополучно поставлены на место, Пелей спросил:

— Я, кажется, слышу, какое-то гудение на носу?

Мопс подошел, прислушался и сообщил:

— Зевсова ветвь снова заговорила. Она говорит: «В море, аргонавты! Везите моему Овну Руно без задержки!»

Но Идас насмешливо заметил:

— Разве старому барану нужна летом шуба, чтобы согреться? Сейчас — сезон стрижки.

Медея рассмеялась вслух, у Ясона это вызвало раздражение, но он не посмел ее упрекать: ведь у нее двойное зрение.

Они убрали парус и снова вышли в море, взяв-

шись за весла, хотя они ужасно устали, а им еще приходилось бороться против резкого ветра, дувшего по траверсу. Они пыхтели, потели и тужились как запряженные в плуг быки на глинистом поле, когда пахарь бьет их острым стрекалом, копыта их вязнут в почве, они вращают своими налитыми кровью глазами из-под ярма, и все же они тянут плуг.

Медея лечила больных, засовывая свернутые листья безымянной травы им в ноздри и под языки. Затем она встала на корме, и луна ярко осветила ее бледное лицо и светлые волосы. Она подняла руку, чтобы привлечь внимание, сделала гримасу Горгоны и приказала всем мужчинам на корабле сушить весла, заткнуть уши пальцами и опустить головы на колени. Затем подозвала к себе Аталанту, так как ей требовалась помощница.

Аталанта к ней охотно подошла, ибо хотя она в душе и презирала Медею за то, что та влюбилась в Ясона и похитила у Прометея Руно ради возлюбленного, она знала, что только Медея может спасти «Арго» из рук колхов. Медея и Аталанта вместе окропили корабль пресной водой с можжевеловых веток. Затем Аталанта завязала глаза и запечатала уши больным, после чего Медея прочла молитву по-колхски, которую Аталанта

не поняла, производя одновременно странные и сложные движения пальцами. Затем женщины вдвоем подняли парус и закрепили шкоты у фальшбортов, издавая при этом крики вроде тех, что испускают, играя, морские орлы.

Внезапно луну закрыло темное облако, а ветер, послушно переменившись на юго-восточный, наполнил парус и погнал корабль, в то время как мужчины сидели молча, опустив головы. Аталанта взялась за руль, а Медея встала на носу. Впереди во мраке угадывались темные очертания двух колхских кораблей, ибо ведущая эскадра вражеского флота не стала преследовать «Арго» по реке, перекрыла устье, чтобы отрезать грекам отступление, и потеряла их из виду во тьме. Медея спросила Аталанту:

— «Арго» — крепкий корабль?

Аталанта ответила:

— И даже очень.

— Немного лево руля, — сказала Медея. — Еще чуть-чуть! Она схватила корабельный шест и держала его в руках наготове. Раздался удар и треск раздираемой обшивки, когда нос «Арго» вонзился в левый кормовой подзор ближайшего колхского судна. Аргонавтов бросило вперед друг на друга, а когда они с трудом повскакивали на

ноги, позабыв, что им полагается держать уши заткнутыми, Аталанта засмеялась над ними и вскричала:

— Увы, товарищи, мы ударились! Ударились о деревянную скалу!

Медея оттолкнула «Арго» от колхского судна, которое погрузилось кормой в воду настолько, что почти пропало из виду. Экипаж звал на помощь:

— Спасите, тонем! Спасите!

Медея спокойно сказала Ясону:

— Второй корабль придет их спасать. Плывем дальше!

Так они, пополнив запасы пресной воды, благополучно выбрались из реки Карусан, пронеслись мимо Синопа и обогнули мыс Лептэ. Но часть колхского флота курсировала впереди, на расстоянии полумили с зажженными фонарями на полуютах. Они изменили курс, подавшись на северо-запад, в открытое море, в надежде, что с помощью ветров и течений, а также благодаря работе веслами, они смогут достичь Босфора раньше колхов, хотя и более длинной дорогой.

На следующее утро, когда они были уже далеко от берега и нигде не виднелось ни паруса, Ясон созвал военный совет. Научившись на опыте

никогда не говорить первым, он спросил совета Аргуса, а затем — Фронта, сына Фрикса, затем — старого Навплия, затем — Автолика, синопца, и наконец — совета Медеи. Вестник Эхион, у которого вызвали отвращение дикие споры и раздоры накануне, теперь взял на себя регулирование процедуры своим обвитым посохом, ибо он уже поправился от дизентерии.

Аргус сказал:

— Существует один путь выхода из Черного моря, а именно — через Босфор. Давайте поплывем туда как можно скорее, оставаясь на расстоянии тридцати миль или около того от берега. Затем, если мы обнаружим, что флот колхов собрался там и охраняет проход, смело устремимся вперед. Я ручаюсь, что сломанная обшивка судна, которое мы протаранили нынче ночью, будет достаточным предупреждением нашим врагам, все они по очереди уберутся с дороги, и мы спокойно пройдем.

Фронт, сын Фрикса, сказал:

— Колхи — не такие трусы, как ты полагаешь, Аргус. И если ветер окажется противным или вообще будет штиль, множество кораблей столпится вокруг нас, и сомкнутся в кольцо. Нас возьмут на абордаж с двух сторон, и, как бы

храбро мы ни бились, все же в конце концов нас наверняка одолеют.

Старый Навплий задумчиво сказал:

— Я слышал, что Босфор никоим образом не единственный путь из Черного моря. У нас есть на выбор, по меньшей мере, еще три. Либо мы можем подняться по реке Фасис, а оттуда войти в Куру, а из Куры — в Каспийское море, из Каспийского же моря — в желтую реку Окс, которая впадает в конце концов в бурный Океан, который опоясывает своим синим потоком наше полушарие, а оттуда — домой по египетскому Нилу, который также впадает в Океан…

Автолик рассмеялся:

— Увы, Навплий! — сказал он. — У тебя — неверные сведения. Чтобы пройти из Фасиса в Куру, «Арго» пришлось бы волочь на катках по грубым тропам на расстояние, столь великое, что каравану навьюченных мулов потребовалось бы четыре дня, чтобы его одолеть. Более того, желтый Око нигде не приближается к Океану и на тысячу миль.

Старый Навплий сказал:

— Я этому не верю. Ты, несомненно, пересказываешь из добрых намерений историю, давным-давно выдуманную колхами в надежде

воспрепятствовать нашим греческим морским предприятиям. Никто из нас не желает возвращаться домой по Фасису всего лишь с целью доказать, что ты — лжец. Второй путь идет по Дону, великой реке, которая впадает в Азовское море близ владений Царских скифов. Мы можем подняться по этой реке, очень широкой, за сто дней, пока не попадем наконец в Белое море, или Кронийское море, которое глубоко замерзает на девять месяцев в году, и…

— Нет, нет! — вскричал Ясон. — Это не пойдет! А каков третий путь?

Навплий не обратил внимания на то, что его прервали, и, с согласия Эхиона, продолжил рассказ о Белом море, о ведьмах, которые там водятся, и о ночи, которая длится шесть месяцев, пока все не стали над ним смеяться. Наконец он заговорил о третьей дороге, которую считал самой подходящей из всех, чтобы везти по ней Руно — по спокойному Дунаю, по которому можно идти под парусом тридцать дней, пока не дойдешь до его слияния с полноводной Савой, а дальше идти будет совсем легко.

— Сава отнесет нас вниз, к своему устью в Адриатическом море, за десять дней, — заявил он, — а оттуда до Коринфского залива не более семи дней

пути по хорошей погоде.

На это Автолик мягко возразил:

— Нет, Навплий, это тоже не пойдет. Как-то троянцы в поисках янтаря поднимались по Дунаю настолько, насколько по нему можно было идти, но только через двадцать дней они достигли Железных ворот — каменного горла, с непроходимыми порогами.

— Я не верю, — снова сказал Навплий, — троянцы — прирожденные лжецы.

Тогда Медея властным голосом сказала:

— Автолик прав, заявляя, что «Арго» не сможет проплыть из моря в море водами Дуная и Савы. Ибо Сава не впадает в Адриатическое море, истоки ее в Альпах, и оттуда она течет на восток, впадая в Дунай. И все же Навплий прав, когда предлагает этот путь как самый безопасный. Мы отправимся в челноке и верхом на мулах, Ясон и я, взяв с собой Руно. «Арго» же пусть плывет обратно через Босфор.

Идас рассмеялся:

— Ха-ха, сударыня! Ты — истинная женщина! Ты намерена благополучно смыться со своим возлюбленным, со своими драгоценностями и с Руном, а нас оставить на милость троянцев и колхов.

Тут Эхион указал на Идаса своим посохом и торжественно призвал его к молчанию. Но Медее и не требовалась помощи вестника. Она ответила такой ярко-зеленой вспышкой своих глаз, что Идас накрыл голову плащом и сделал фаллический знак пальцами, чтобы отвести ее проклятие. Она сказала:

— Не веди себя подобно неблагодарному негодяю, Идас, Если Ясон и я останемся на «Арго» с Руном, мои соотечественники всех вас перебьют без жалости; ибо они полны решимости. Правда, я вам советую избавиться от нас и плыть как можно скорее в Салмидесс, что на берегу между Дунаем и Босфором, а там отдаться под защиту Финея, царя Тинии. Колхи побоятся его оскорбить, зная, что он может запереть Босфор и расстроить их торговлю с Троей; поэтому Калаид и Зет, его пасынки, — гарантия безопасности для вас, в то время как Ясон, Руно и я — основание предать вас жестокой смерти. Путешествие, о котором я говорю, будет суровым для женщины, особенно если ее нежили, как меня, — и все-таки я должна это совершить ради всех вас. Я могу потребовать помощи того скифского царя, на дочери которого женился царь Фикей: он — союзник моего отца и торгует с ним, давая янтарь

и шкуры в обмен на нашу колхскую коноплю, полотно и другие товары. Не намерена я и отнять у вас славу героев, вернувших Руно в Иолк, на родину. Я рассчитываю, что вы обогнете Грецию и подберете нас в том месте, куда мы доставим Руно, а именно — в городе на острове Ээя в начале Адриатического моря, где правит сестра моего отца, царица Кирка. Из Ээи мы все вместе спокойно поплывем и Иолк.

На доводы Медеи невозможно было возразить, и поскольку Автолик и его братья, а также Фронт и его братья согласились, что устья Дуная можно достичь в течение двенадцати дней, если ветер будет попутный, Ясон отдал приказ:

— Да будет так!

Меланион, сын Фрикса, за два года до того совершил именно такое плавание и знал, как надо держать курс, проверяя его по солнцу в полдень и по Полярной звезде ночью. Следовало сразу взять на северо-запад, но он сказал, что надо учесть юго-западное направление течений, которые наиболее сильны в это время года. Ясон доверил ему руль.

Яркий свет вспыхнул в небе на северо-западе, словно огонь, и все прочли это как знак того, что Триединая Богиня одобрила их решение.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ
«Арго» в ловушке

Когда десять дней спустя аргонавты совершили свою следующую высадку на берег, то был лесистый островок, не более мили в поперечнике, вдоль берега непрерывно тянулись низкие крутые скалы. Меланион обрадовался и сказал:

— Здесь расположена Левка, крупнейший остров в Черном море, не считая поросших тростником илистых отмелей в устьях рек. Мы идем четко по курсу, и только двадцать миль отделяет нас от главного северного устья Дуная.

По их подсчетам выходило, что сегодня — летнее солнцестояние. Тогда Авгий Элидский сказал:

— Я — жрец Солнца, и сегодня — мой праздник. Я должен сойти на берег и принести скромные жертвы великому светилу.

Сыновья Фрикса, которые тоже поклонялись Солнцу, сказали:

— Мы идем с тобой.

Сперва Ясон воспротивился. Он находился в раздражительном настроении и желал показать

Медее, что он — капитан на «Арго» не только номинально. И все-таки он жаждал вздохнуть запах цветов и листьев и снова ступить ногой на твердую землю. Юго-восточный ветер, который принес их сюда, дул с большой силой сбоку, противодействуя огромным массам воды, устремлявшимся к Босфору, этот ветер поднял остроконечные волны наиболее непонятные из всех известных для моряков, ибо при них море клокочет, как вода в горшке. К счастью, ветер этот выдохся через два дня и уступил более мягким, южным и восточным ветрам, но весь день аргонавты вынуждены были лежать в дрейфе и спасаться от кораблекрушения, перевернув над бортами на носу мехи с дельфиньим жиром, который медленно вытекал наружу и ослаблял силу волн. Затем Аталанта сказала:

— Ручаюсь, что в этих лесах водится дичь. Кто из нас не любит жареную козлятину или оленину?

И Ясон уступил. Ему тоже надоели сушеное мясо и сырая макрель, пойманная на удочку. Ясон сказал:

— Очень хорошо, товарищи, давайте сойдем на берег, но не слишком надолго. У нас нет времени мешкать. Возможно, колхи все еще идут за нами по пятам.

Они подвели корабль к берегу у южной оконечности острова, где берег имел гостеприимный вид, пришвартовались и сошли с корабля. Дул небольшой ветерок, и Ясон не потрудился спустить парус, или, возможно, позабыл отдать такой приказ, как бы то ни было, парус оставался поднятым весь день. Когда они ступили на сушу, им показалось, что земля колеблется у них под ногами, они были в море так долго, что тело их привыкло к постоянно вздымающимся волнам. Этот день оказался самым приятным за все время их плавания. Прежде всего, они развели костер из прибойного леса ради удовольствия наблюдать, как взлетает пламя, и слушать, как трещат сучья, и пока Аргус наблюдал за морем, праздно бросая в цель камешки, все остальные, кроме Медеи, пошли, вооружившись, чтобы поймать какую-нибудь дичь. Они двигались через остров, рассыпавшись на расстояние пятнадцати шагов друг от друга, перекрикиваясь и смеясь, как дети, и подходя все ближе друг к дружке, пока не добрались до узкой оконечности острова на дальнем его краю. Дичь бежала перед ними, для такого маленького острова ее здесь было удивительно много. Они загнали трех зайцев (а еще двое прянули назад и ускользнули) и стадо оленей,

состоявшее из высокого вожака, двух двухлеток, трех самок и трех однолеток.

Они пристукнули зайцев палками по голове, двухлеток и одну из самок, бездетную, убили дротиками; но еще двух самок с их малышами пощадили, потому что те были по цвету белоснежными и казались священными животными. Вожака тоже пощадили, потому что у него были позолочены рога, и открыли для него проход в своих рядах, по которому он прогарцевал прочь в сопровождении олених и оленят. На острове водилось великое множество змей; аргонавты их тоже согнали в одну точку, но там змеи исчезли в какой-то норе.

Они пожертвовали зайцев и оленя Аполлону, Богу Высадки с корабля, и, пока мясо жарилось на костре, испуская ароматные запахи, Авгий и сыновья Фрикса бродили по острову в поисках медовых сот, чтобы в полдень предложить их Солнцу. Вскоре они обнаружили пчелиный рой в дуплистом дереве и позвали Бута взять мед, что тот проделал с большой радостью, воспользовавшись дымом и топором, а после того, как полукруг сот был отложен для Солнца, на каждого аргонавта пришлось по хорошей доле, а пчелы надолго остались в дупле, никем не тревожимые.

Авгий воздвиг на берегу алтарь из камней и возложил на него соты, разместив вокруг желуди и ягоды в виде лучей. Авгий возглавил танец священного колеса, до головокружения обходя алтарь все в том же направлении, в каком Солнце обходит землю, и вознося хвалебный гимн, к которому присоединились все остальные; капли пота выступали на их увенчанных цветами лбах, так самозабвенно танцевали они на жаре, а между тем из темной чащи позади них раздавался жуткий рев бычьих рогов, в которые трубили в честь Солнца.

Когда они снова уселись у другого алтаря, утомленные и довольные, попивая вино, разбавленное пресной водой из ручья, Ясон созвал совет. На совете было решено, что «Арго» войдет в Фенхелев проток, северный рукав Дуная, и поплывет к сторожевому холму позади дельты, где располагался двор царя скифов; там Ясон, Медея и сыновья Фрикса сойдут на берег с Руном. Затем, когда «Арго» вернется в море через Чистое Устье, южный рукав реки, он доставит экипаж в Салмидесс, дабы аргонавты заручились поддержкой царя Финея и пополнили запасы продовольствия, а оттуда продолжит путь по Босфору и Геллеспонту в Эгейское море. Затем «Арго» обогнет Грецию

и направится в Адриатическое море, в самую северную его часть, а Ясон и его спутники будут ждать в Ээя, островном городе Кирки, чтобы их там подобрали.

Теперь Аскалаф из Орхомена вспомнил оракул, сообщенный ему главной жрицей большого святилища-гробницы его предка — Миния. «Тебе предстоит совершить великое плавание, прежде чем ты умрешь, Дитя, прежде, чем низойдешь в Подземный мир, чтобы встретиться со мной. Ты поплывешь далеко на восток, и все же прежде, чем кончится лето, ты постучишься в двери дома, где я родилась, дома моего отца Хриса». Все знали, что Хрис основал город Ээя, где царила теперь Кирка, то были добрые вести — ручательство, что хотя бы до Ээи «Арго» дойдет благополучно.

— И все же оракулы могут обманывать, — сказал Адмет Ферский, — и лучше не полагаться на неясные указания, кажущиеся явными.

Обе стороны принесли присягу во имя Зевса, что та из них, которая первой прибудет в Ээа, останется там на пятьдесят дней, если потребуется, ожидая появления другой; но по прошествии пятидесяти дней будет освобождена от обязательств ждать сколько-нибудь еще. После того, как был решен этот вопрос, кувшины для во-

ды снова отполоскали и наполнили из ручья — дело довольно-таки утомительное. Ручей тек тоненькой струйкой, и они провозились до вечера. Поэтому Ясон согласился позволить своим спутникам провести ночь на острове, ибо то была ночь накануне новолуния, и одного только звездного света оказалось бы недостаточно, чтобы они вошли благополучно в бурное устье Дуная.

Между тем царь Апсирт, заметив, что «Арго» бежал на северо-запад, разделил свой флот на две флотилии. Одну, состоящую из восьми кораблей, он отдал под командование своего адмирала Араса и приказал ему плыть прямо к Трое и там задержаться, поджидая «Арго»; но если он настигнет греков, когда будет еще в Черном или Мраморном море, тем лучше. Ему следовало перерезать всех на борту, кроме Медеи, сыновей Фрикса, Калаида и Зета, этих следовало пощадить. С другой флотилией из двенадцати кораблей, которой он сам командовал, Апсирт отплыл на северо-запад, в погоню за «Арго», взяв с собой вице-адмирала Диктиса.

Черное море имеет невероятную протяженность, это огромная водяная пустыня. Апсирт, почти немедленно потеряв из виду «Арго», поплыл к устью Дуная, где рассчитывал его нагнать.

Он прибыл к Чистому Устью в то самое утро, когда аргонавты высадились на Левке, и спросил местных рыбаков, которые были бригиями, не видели ли они «Арго» или, может, слыхали о нем. Они ничего не могли ему сказать, но позднее один из его кораблей снесло ветром к северу с курса, а вернулся он с новостями: в то утро, когда они продвинулись вперед на веслах, час спустя после зари, дозорный заметил остров примерно в полутора милях к западу. Восходящее солнце осветило белое пятнышко у южной оконечности острова — вытащенный на берег корабль со все еще поднятым парусом, а поблизости поднимался легкий дымок. Командир, узнав остров Левка, отошел от него и взял курс на юго-запад.

Апсирт догадался, что корабль на берегу был «Арго». Он увел в Чистое Устье все свои корабли, кроме одного, приказав командиру оставшегося корабля как можно быстрее идти к северному рукаву, Фенхелеву, и там высадить на берег двоих людей: они должны были залечь в засаду среди тростников, пока не появится «Арго», и подать дымовой сигнал, когда корабль уйдет подальше по реке. Апсирт был убежден, что Ясон выйдет либо в Фенхелев проток, либо в Чистое Устье, так как рукава поменьше, лежавшие к северу,

являлись устьями мелких и извилистых потоков. Решили расположить на небольших интервалах вдоль берега дельты другие пары воинов с того же корабля, чтобы они заметили дымовой сигнал и передавали дальше.

Корабль тут же ушел выполнять поручение, и когда он в полночь вернулся, капитан сообщил, что его люди расставлены парами, согласно приказу Апсирта.

Аргонавты спали крепко, не догадываясь, что им приготовлена ловушка, или даже что за ними наблюдают, ибо все они заняты были развлечениями и жертвоприношениями в течение того недолгого времени, когда нос колхского корабля показался из-за горизонта. Но Апсирт замышлял, как только «Арго» пересечет мель в Фенхелевом протоке, послать часть своей флотилии в Чистое Устье, чтобы перехватить греков в начале дельты, в то время как остальные корабли пойдут на север вдоль берега и, войдя в Фенхелев проток, перекроют выход.

На заре следующего дня аргонавты подставили парус северо-восточному бризу и продолжили плавание; морская вода вскоре потеряла цвет из-за серой речной грязи. Продвигаясь вперед, они стали править на гору с пятью вершинами

далеко на суше, называвшуюся Кулак. Берег дельты был низким, плоским и безлесым, но густо порос тростником. В отдалении аргонавты увидели поселение из грубых хижин на сваях и легкие челноки на ивовом каркасе, покрытые обшивкой из тюленьих шкур, выстроившиеся в ряд вдоль ближайшего илистого берега. То была главная деревня бригиев, которые носят штаны из тюленьей шкуры и насквозь пропахли рыбьим жиром; деревня располагается у самого выхода из протока.

«Арго» пересек бар, и, когда поднялся на милю или больше вверх по течению, скорость которого составляла два узла, аргонавты увидели высокий столб дыма, поднявшийся за кормой по правому берегу, но не обратили на него внимания, предположив, что это дым от погребального костра. Проток в этом месте был в полмили шириной и кишел рыбой.

Вечером, после того, как весь день их нес все тот же ветер, они бросили якорь у левого берега, близ зарослей гнилых ив, примерно в двадцати милях от устья реки. Обстановка была довольно мрачной, ибо земля раскисла от обильного дождя, а Орфея, ослабевшего от дизентерии, охватила внезапная лихорадка. У него начался бред, и он

разразился потоком красноречия, столь полным недобрых, хотя и бессмысленных пророчеств, что его товарищи вынуждены были заткнуть ему рот; а он неистово сопротивлялся, и четверым пришлось держать его. Медея ничем не могла ему помочь; она была в то время нечиста из-за своих месячных и, следовательно, не смела врачевать и заниматься магией. Именно тогда аргонавты услыхали в первый и последний раз пророческие сетования царя Сизифа, обращенные к богине Пасифае, которые он пропел в каменоломнях Эфиры вечером перед тем, как его раздавило камнем; ибо Орфей повторял их, когда боролся, не осознавая, что богохульствует:

Садящееся солнце, погрей меня еще,
Сквозь слезы я гляжу в твое сиянье,
Молю: еще не двигайся ты с места!
Мы целый день работаем с тобой
Под облаком, застывшим без росы,
Руно позолотило наше горе,
Что нынче ночь безлунная настанет.
Садящееся солнце, еще меня погрей!
Но не было коварства и вероломства в ней,

Улыбки всем дарила беспристрастно,
Была всегда величественной, гордой.
Кукушка с опереньем запачканным
Ее весной однажды предала, —
И кончилось ее существованье.
А нынче ночь безлунная настанет:
Садящееся солнце, еще меня погрей!

Мимо пролетал журавль с рыбиной в длинном клюве, и вдруг уронил ее в речной ил близ лагеря аргонавтов, испустив резкий и горестный крик, а затем — что-то забормотал.

Ясон спросил Мопса:

— Мопс, что говорит этот журавль?

Мопс ответил:

— Он говорит: «Увы, увы, разрублен на кусочки… разрублен на кусочки… их никто и никогда не соберет!» Но изливает птица Артемиды свою скорбь или пророчествует для нас, я, право, не знаю.

Линкей сказал:

— Если и вправду таковы слова журавля, они не могут относиться к упавшей рыбе, которая, хотя и мертва, но на куски не разрублена. Мое мнение таково, эта птица умышленно открыла клюв, чтобы уронить рыбу и обратиться к нам;

следовательно, слова ее были пророческими.

— Давайте подождем другого знака, — сказал Мопс. — И пусть никто из нас не шевелится, пока он не явится.

Они ждали в молчании, и вскоре большой косяк рыбы, наподобие сардин, прошел мимо скамьи, на которой сидела Медея, взволновав воду хвостами. Это и был, очевидно, ожидаемый знак, но никто не мог его ясно прочесть, хотя Аталанта заметила, что в Фессалии сардина посвящена Артемиде, точно так же, как Журавль — Артемиде Делосской, и, судя по этому, богиня передала Медее знак своего покровительства.

Меланион, сын Фрикса, согласился с этой точкой зрения. Он сказал:

— Артемида хорошо известна в этих краях. Два посвященных ей острова лежат чуть дальше вдоль берега напротив малых протоков реки, называемых Тысячью протоков.

Вестник Эхион положил конец спору.

— Что проку, — сказал он, — терзать свой ум догадками и предположениями. Давайте удовольствуемся тем, что запомним крик журавля и волнение сардины. Возможно, завтра нам откроется смысл и того, и другого предзнаменования.

Они завернулись в свои плащи и одеяла и

уснули; но незадолго до рассвета Ясону привиделось, что он разодрал ногтями спелый гранат и пролил алый сок на свою рубаху и на одеяние Медеи. А Медее тем временем приснилось, будто они с Ясоном, войдя вместе в хижину, бросили огромного, размером с человека, рака в котел с кипящей водой, и что покраснели и рак, и вода; а Ясон вытащил из воды рака и вырвал ему глаза, обрубил мечом нижние суставы всех его конечностей и рассеял их снаружи во тьме, крича голосом, похожим на журавлиный: «Разрублен на кусочки, разрублен на кусочки, их никто и никогда не соберет!»

Они с Медеей спали на некотором расстоянии друг от друга, но охваченные общим ужасом, оба вскочили в единый миг. Они не посмели снова уснуть, но сразу же очистились проточной водой и бодрствовали, пока не настало время завтрака.

Второй день прошел без событий, хотя первые же часы его предвещали зло: небо заволокло тяжелым туманом, а солнце поднялось, словно киноварный шар, и не явилось во всем своем великолепии много спустя после того, как они позавтракали. Около полудня на третий день, когда, устав грести, они приблизились к началу дельты, флотилию Апсирта внезапно вынесло на

них из-за лесистой возвышенности в месте, где река делала резкий поворот.

Силы были неравны: один корабль против шести, и Ясон немедля отдал приказ:

— Все — на борт, грести, не жалея сил!

«Арго» шел впереди погони примерно на пятьсот шагов, и это расстояние удвоилось, когда догорел день, потому что Меланион, который правил, хорошо знал, как воспользоваться извилистыми течениями; но все шесть кораблей разъяренно гнались за ними.

Аргус подозвал к себе Ясона и сказал, едва дыша, ибо не переставал грести:

— За следующей излучиной, как я заметил нынче утром, — протока или заводь, которая, если я не ошибаюсь, сообщается с устьем. В любом случае, она вытекает из Фенхелева пролива, а не впадает в него. Давай-ка быстро туда свернем, и надеюсь, колхи поспешат к морю, не заметив, что мы изменили курс.

Ясон спросил Меланиона:

— Ты знаешь, где выход из этой протоки!

Меланион ответил:

— Увы, я так и не спросил!

Ясон, взмолившись Афине, чтобы та взяла корабль и его самого под свою защиту, принял

решение.

— Правь в ближайшую протоку направо, — приказал он.

Бурное течение подхватило «Арго» и понесло за излучину. Когда корабль снова очутился на прямом участке реки, справа показалась протока, ее узкую горловину окаймляли заросли тростника. Меланион уверенно направил туда «Арго» и, сделав несколько энергичных гребков, экипаж поднял из воды весла как можно тише, предоставив кораблю скользить в укрытие за тростниковыми джунглями. Они слышали позади неистовые крики своих преследователей, похожие на птичьи, и мерный плеск весел — это колхские корабли один за другим проходили вниз по течению.

Они двигали бровями и говорили шепотом. Меланион сказал:

— Это может быть не протока, а тупик. Течение такое медленное, что я сомневаюсь, сообщается ли она с Чистым устьем, где вода бежит быстро. Предлагаю подождать, пока колхи не обогнут следующую излучину ниже по течению и немедленно подняться вверх на шесть миль. Затем мы сможем подняться на веслах по узкому притоку, который впадает в Фенхелев пролив с

противоположного берега; мне сказали, что двадцать или тридцать миль спустя он сообщается с безымянным северным рукавом реки, который разбивается на бесчисленные малые протоки, Тысячу Устий, и проходит за островами, посвященными Артемиде, о которых я говорил вчера. Если мы последуем этим курсом, колхам нас не поймать.

Ясон спросил:

— Кто одобряет предположение, которое сделал Меланион?

Авгий Элидский сказал:

— Лично я — нет. Я смертельно устал. Я не смогу грести еще милю, даже полмили — разве что вниз по течению. Кормчему легко говорить то, что сказал Меланион, но в такую душную погоду сердце не выдержит, я не смогу снова состязаться с течением, которое так сурово испытывало нашу силу нынче утром. Он говорит, шесть миль. И что потом? Еще двадцать или тридцать миль, и все — против течения, по узкому и бурному притоку? Нет, нет! Вода в протоке, по которой мы идем, может, и медленно бежит, но в нужном направлении, а именно — к морю. Она выведет нас в безопасное место еще до того, как стемнеет, я в этом не сомневаюсь. Затем, как только мы

выйдем в соленые воды, пусть сыновья Северного Ветра воззовут к своему отцу с молитвами и обещаниями; мы поднимем парус и через пять дней помчимся через Босфор. Мы не можем позволить себе задерживаться или опять идти вверх по течению. Наши враги, как только достигнут устья Фенхелева и нигде не найдут наших следов, растеряются. Им неоткуда будет узнать, бежали ли мы от них, покинув главное русло, бросили свой корабль или укрыли его где-нибудь в тростниковой чаще, и теперь ждем возможности выскользнуть мимо них в море под покровом ночи.

Авгий говорил с таким пылом, что убедил Ясона и всех своих спутников, за исключением Идаса и Меланиона.

Идас, обернувшись и воззрившись на Авгия, но обращаясь ко всем присутствующим, сказал:

— Жаль, господа мои, что вас так легко убедил малодушный Эпий. «Мужчина рождается при свете луны», как я часто вам говорил. Но я корю его отца, а не его самого, за его трусость и леность, и я вам расскажу почему. Моя дорогая матушка Арена (по имени которой мой отец Афарей назвал наш город) явилась навестить Гермиону, жену Элея, когда та ожидала, что вот-вот разрешится своим первенцем. Ночь выдалась безлунная, и

поэтому моя матушка сказала Гермионе: «Дорогая двоюродная сестра, во имя неба умоляю тебя не рожать до завтрашней ночи, когда появится молодой месяц. Ведь ты знаешь пословицу: „Мужчина рождается при свете луны“, и мне будет исключительно жаль тебя, если ты родишь своему храброму мужу Элею головастика вместо сына». Гермиона пообещала не делать ничего, что могло бы ускорить роды. Однако в тот же день Аполлон, который ненавидел Элея, как он ненавидит втайне всех жрецов Солнца за то, что они не отождествляют с ним своего бога, послал мышь, которая взбежала по ноге Гермионы до самого бедра, заставила ее невольно вскрикнуть, и сразу же начались схватки. Моя матушка Арена крикнула Гермионе: «Быстро — в постель, дорогая двоюродная сестра, лежи тихо, не говори ни слова, а я задержу роды до завтрашней ночи». И вот моя матушка завязала волосы, свои длинные светлые косы, хитрыми узлами, связала вместе подолы своего одеяния и плаща, сделала девять узлов на своем янтарном ожерелье, а затем молча села, скрестив ноги и крепко сцепив пальцы у дверей в покои Гермионы. Это — верные чары, те самые, которыми воспользовалась злобная мать на царя Сфенела, чтобы задержать рожде-

ние Геркулеса и тем самым воспрепятствовать осуществлению пророчества. Она сидела там всю ночь, испытывая большие неудобства, и Гермиона в душе не переставала ее благодарить, ибо схватки делались все слабее и слабее; но говорить она не могла, страшась разрушить чары. А моя мать все сидела, скрестив ноги, и никому не позволяла ступить через порог. Чары разрушил Элей, когда рано утром вернулся с охоты. Он обнаружил, что моя мать сидит у дверей его спальни, и пожелал войти, чтобы взять из сундука свежее белье, но моя мать бросила на него взгляд Горгоны. Он был глуп и нетерпелив и громко закричал через дверь: «Гермиона, Гермиона, дай мне чистую полотняную рубаху и подштанники! Я промок до костей». Гермиона не посмела ответить или подняться с постели, боясь разрушить чары, и Элей, внезапно рассердившись, схватил мою мать за локти и отбросил в сторону. Затем ворвался в спальню и принялся бранить Гермиону. Он спросил: «Что такое, жена, что с тобой? Почему ты не впускаешь своего дорогого мужа в его собственную спальню, когда он возвращается домой, промокший до костей с охоты на вепря?» Схватки тут же возобновились, и Авгий родился до ночи, когда появился молодой месяц, и вот вы

видите, каков он — а все из-за свежей полотняной рубашки и подштанников! Мне жаль, господа мои, что этот малодушный Авгий убедил вас оставить весла, ведь стоит нам как следует ими поработать, мы ускользнем от колхского флота.

Если бы ораторствовал любой другой аргонавт, кроме словоохотливого Идаса, его товарищи могли бы к нему прислушаться и пересмотреть свое решение; но поскольку это был Идас, они вообще не обратили на него внимания.

Вскоре они стали не спеша грести по течению, протока была грязной, и кое-где тростники мешали проходить, но немного времени прошло, прежде чем они оказались в озере около двух миль шириной, гладь которого не нарушали ни острова, ни тростниковые отмели. Они пересекли его, надеясь обнаружить скрытый выход у южного берега, но ничего не нашли и поплыли обратно вдоль поросшего тростником восточного берега, все еще веря, что вода, которая впадает в озеро из Фенхелева, должна также где-то из него вытекать. Они все еще громко обсуждали вопрос, когда сперва пять, а затем еще шесть кораблей колхов просунули нос в озеро сквозь тростниковую отмель как раз перед ними. Встав полумесяцем, они заперли в озере «Арго», не

оставив и надежды на бегство.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ
Переговоры

Как только царь Апсирт обнаружил, что «Арго» от него ускользнул, он бросил в дрейф и поставил на якорь всю свою флотилию, кроме двух кораблей, опять посланных им вверх по течению к излучине, за которой в последний раз видели «Арго»; приказав командирам осмотреть все тамошние тростниковые отмели, притоки или заводи и немедленно доложить ему, как только будет найден какой-то след. Вскоре один из них, обыскивая протоку, в которую вступил «Арго», наткнулся на недавно сломанные тростники и отпечаток весла на илистой отмели. Он поспешно вернулся к Апсирту с докладом и прибыл как раз тогда, когда вторая флотилия колхов под командованием вице-адмирала Диктиса поднялась на веслах из моря. Диктис хорошо знал реку и, когда услыхал доклад командира, поспешил к Апсирту и, указав вниз по течению, нетерпеливо сказал:

— Твое Величество, приток, который виден вон там, впадающий в реку справа, ниже зарослей ив, выходит из широкого озера, называющегося

Журавлиным, в которое, очевидно, вошли греки; и это — единственный вход туда. Если мы поднимемся по притоку до самого озера, мы поймаем их в ловушку.

Именно так и случилось.

Теперь, когда «Арго» попался, Апсирт стал вести себя осторожно. Он приказал всем колхам держать оружие наготове, но не применять его, пока не протрубят сигнал к атаке. Он надеялся, что Ясон безоговорочно капитулирует после недолгих переговоров. Аргонавты внешне хранили спокойствие, но холодное веяние рока проникло в их души, когда они потянулись за оружием и стали надевать шлемы да панцири. Все устремили глаза на Ясона, но он трусливо пробормотал:

— Что я могу сказать? Что я могу сделать, добрые товарищи? Я не могу снова с честью вручить царевну Медею ее брату после священных клятв, которые ей дал; а если я откажусь, он нас всех перебьет.

— Это — чистая правда, — сказал Авгий негромким и торопливым голосом, чтобы Медея его не услышала. — Однако, как я понимаю, мы явились в Колхиду только по двум причинам: чтобы захоронить кости Фрикса и чтобы вернуть Руно. Кости должным образом захоронены, и Руно мы

захватили; но мы и надеяться не можем благополучно доставить его домой, если не вернем эту деву отцу, из-под опеки которого Ясон ее похитил. К счастью, она все еще девица, или я так полагаю, и какие бы клятвы любви ни давал ей Ясон, это не должно нас сильно беспокоить. Мы сможем, если понадобится лишить его звания капитана и действовать, исходя из своих интересов. Мы можем сообщить Апсирту, что если он позволит нам оставить себе Руно, мы отдадим взамен Медею, но если он нам откажет, убьем ее без жалости. Он дважды подумает, прежде чем нам отказать, потому что если ему не удастся привезти Медею домой, албанец Стир, несомненно, заподозрит Ээта в двурушничестве и затеет войну с Колхидой, чтобы отомстить за свою честь.

Вестник Эхион устремил на Авгия суровый взор, говоря:

— Умоляю тебя, молчи, царь Авгий, и предоставь разрешить это дело людям, у которых опыта побольше твоего. Или у тебя стыда нет? Твоя лень и невежество — причина нашего нынешнего затруднительного положения. — Затем спросил Ясона: — Благороднейший Ясон, даешь ли ты мне позволение говорить от твоего имени и от имени всех нас?

Ясон сказал:

— Постарайся, как сможешь. Но я думаю, что дело безнадежно.

Тогда Эхион наклонился, чтобы шепнуть на ухо Медее:

— Милостивая госпожа, не принимай близко к сердцу никакие лживые слова о тебе, которые может вложить сегодня мне в уста мой отец Гермес. Мы, греки, любим и почитаем тебя, и никогда не отдадим твоему брату, даже если станем говорить противоположное во время переговоров.

Затем он облачился в свои царственные одеяния и взял в руку свой оплетенный жезл — начались переговоры. Апсирт вынужден был стать своим же вестником, ибо ни один из его капитанов или советников не говорил по-гречески; говорил он, запинаясь и сбиваясь, но всякий раз, когда, не найдя слова, он сбивался на колхский, Фронт, сын Фрикса, тщательно переводил его речь аргонавтам.

Апсирт заговорил первым:

— Вы совершили четыре тяжкие и преднамеренные преступления, греки, и прежде чем я объявлю вам окончательный приговор, я вам искренне советую признать себя виновными во всех четырех, отдавшись на мою милость.

— Мы не догадывались, что причинили тебе зло, царевич Апсирт, — ответил Эхион, — и нас весьма огорчает мысль, что наши бывшие друзья внезапно восстали против нас, отравленные безосновательными подозрениями. Готовые тут же извиниться за любое нечаянное зло, которое мы могли тебе причинить, мы не считаем, что наша честь позволяет нам признать себя виновными в четырех предумышленных преступлениях, не зная, о каких преступлениях идет речь, всего лишь потому, что у тебя больше, чем у нас и кораблей, и людей. Итак, умоляю, скажи нам, каково, например, первое обвинение?

— Первое преступление, в котором я вас обвиняю, — ответил Апсирт, — это святотатство. Вы явились в Колхиду под маской дружбы и благочестия и тут же бесстыдно изуродовали священные бронзовые образы таврических быков во внутреннем дворе дворца. Вы отрицаете это обвинение?

Эхион ответил:

— Кто знает, было это деяние совершено греком, колхом или албанцем? Мы не знаем, хотя у нас, как и у тебя, есть свои подозрения. Но в любом случае, разве это дурное дело? Таврические быки ненавистны Митре, блистательному

богу Солнца, которого вы почитаете и которого любит и Опекает Колхийская Птицеглавая Мать. Несомненно, сама Богиня побудила албанцев или кого там еще сделать быков волами.

Апсирт не осмелился настаивать на этом обвинении, зная, на какой зыбкой почве стоит. Союзом с таврами в Колхиде были недовольны, и по возвращении для него, возможно, будет разумно не препятствовать его распаду. Албанцы — могущественное племя, поклоняющееся почти что тем же богам, что и колхи, и союз с ними, закрепленный браком Медеи и Стира, неизмеримо укрепит его трон. Поэтому он ничего не сказал в ответ.

— Каково второе обвинение? — спросил Эхион после паузы.

— Второе преступление, в котором я вас обвиняю, — сказал Апсирт, — это умыкание моей любимой и единственной сестры, царевны Медеи. Вы едва ли посмеете опровергать это обвинение, ибо я собственными глазами вижу ее, сидящую на пурпурной подушке на корме вашего корабля.

Эхион ответил:

— Мы отрицаем умыкание. Царевна Медея отправилась с нами по своей собственной воле.

Выполнив в Колхиде, с милостивой помощью твоего отца, некое тайное поручение высших сил, мы как раз собирались отплыть домой с его благословением и под дружеским покровом ночи, когда царевна явилась к нам и попросила доставить ее в Грецию. Просьба ее, естественно, удивила нашего благородного предводителя, царевича Ясона, который подробно расспросил Медею. Он спросил, неужели ее брак с царем Стиром уже отменен? Она ответила: «Мой отец любит меня и никогда не намеревался отдать меня за это грязное животное, царя Стира, да и я не давала своего слова. В течение часа ты услышишь большой шум во дворце — мой отец подстроит, чтобы тавры и албанцы затеяли жаркий бой друг с другом. Не обращай внимания на эту суматоху, дорогой друг, ибо сама я воспользуюсь ею, чтобы ускользнуть незамеченной и отплыть с тобой. Таково желание моего отца». Царевич Ясон ответил: «Не могу поверить твоим словам, царевна; и все же, если бой, о котором ты говоришь, в самом деле завяжется во дворце в течение часа, я пойму это как знак, что ты действуешь с согласия своего отца». Царевна Медея ответила: «Тысяча благодарностей, милосердный грек. Я приду к тебе снова с неопровержимым доказательством

моей искренности». Так и вышло.

Когда Эхион лгал, он не только заставлял слушателей верить лжи против их воли, но и сам верил ей. Апсирт сказал:

— Это странная и невероятная история, хотя, полагаю, что за недостатком доказательств противоположного, я должен поверить, что Медея сказала тебе то, о чем ты говоришь. И все же позволь мне уверить тебя, что она сплела паутину из явной лжи и что я проклинаю твоего капитана за то, что он ей поверил.

Эхион ответил:

— Царевич Ясон молод и неопытен и, естественно, склонен был верить всему, что сказала ему Медея. Он не мог вообразить, что Ээт достаточно жесток, чтобы принудить свою очаровательную и прекрасную дочь к браку с этим старым и вонючим навозным жуком — царем Старом. Итак, каково твое третье обвинение?

Апсирт ответил:

— Таково, что вы нечестиво похитили Золотое Руно из святилища Прометея. Уж от этого-то обвинения ты не сможешь увильнуть с помощью самого ловкого красноречия.

— Это я-то виляю! — вскричал Эхион в негодовании. — Умоляю, мой благородный господин,

помни о святости плаща, в который облачаемся мы, вестники, когда следуем своему благородному призванию! Я виляю?! Я стою перед тобой и провозглашаю решительно и бесстрашно то, что велит мне сообщить мой божественный отец. Что касается Руна, нам нечего от тебя скрывать. Это Золотое Руно — неоспоримая собственность Лафистийского Зевса, и было оно очень давно украдено у его священного образа Фриксом, твоим зятем. Мы получили задание, и задание это было торжественно подтверждено оракулами, снами, знаками и чудесными знамениями и продиктовано оно единой волей всех ведущих Олимпийских богов во главе с самим Зевсом. По пути туда мы спасли четверых утопающих, сыновей того самого Фрикса, твоих племянников, которые сразу поняли, что ввергло их в такое бедствие не что иное, как их самонадеянность, когда они дерзнули отплыть без Руна, чтобы заявить права на наследие своего отца в Орхомене. Они смирили свои сердца и предложили поговорить со своим дедом от нашего имени. И хотя сперва он колебался, он недолго упорствовал, когда же Медея представила золотой трофей ошеломленному взору Ясона, взойдя по лесенке на корабль и сказала: «Вот, благородный грек, Руно Зевса —

неопровержимое доказательство не только моей искренности, но и любви к вам моего отца...» О, можешь догадаться, с какой благодарностью принял он это сокровище из ее святых рук! А кто еще в мире имел право передать ему этот дар, если не твоя сестра Медея, прометеева жрица, которая заботится о святилище героя? Нет, нет, достопочтенный господин, я на полном серьезе умоляю тебя не считать нас пиратами или воришками. Все мы — минии, и как минии смело явились в Колхиду требовать того, что нам принадлежит. Золотое Руно находилось на попечении миния Афаманта в то время, когда его сын, Фрикс, бежал с Руном; и с того самого дня на наш клан наложено проклятие, которое только наше славное предприятие и может снять. Ручаюсь, что тебе не удастся, царевич Апсирт, лишить нас Золотого Руна, удачи миниев, раз уж оно снова в наших руках. Легче будет лишить жизни наши тела.

— И все же я не поколеблюсь совершить ни то, ни другое, если вы только добровольно не отдадите мне Руно, — хмуро сказал Апсирт. — А теперь я вам поведаю о четвертом, самом отвратительном преступлении, позволь мне потребовать, чтобы ко мне обращались не как «царевич Апсирт» или «мой господин», а как «царь Апсирт» или «Твое

Величество». Ибо Ээт, мой восхитительный отец, скончался от ужасной раны в живот, которую нанес ему один из вас, греков, и всех вас назвал своими убийцами, испуская последний вздох.

Эхион не скрыл своего изумления.

— Умоляю тебя, Твое Величество, — сказал он. — Позволь мне выразить самое искреннее соболезнование в связи с твоей потерей, о которой — и я поклянусь в том любым святым именем, если пожелаешь, я до сих пор не догадывался, я не знал даже того, что твоего отца ранили. И все же одновременно позволь мне поздравить твоих подданных, колхов, с такой удачей. Как бы ни была горька скорбь, которую кончина доброго старого Ээта вызовет повсеместно среди его верных подданных, ее поглотит и затопит ликование по поводу твоего воцарения. И разве не возможно, что умирающий царь ошибся, обвиняя греков в столь невероятном преступлении? Быть может, разум его затуманила боль от раны, нанесенной каким-нибудь тавром или албанцем? А если нет, не будешь ли ты так добр назвать убийцу, который должен ответить перед нами, равно как и перед тобой, за попрание законов гостеприимства столь неслыханным образом?

Апсирт ответил:

— Вина должна равно пасть на вас на всех, как предписал мой отец, испуская последний вздох, хотя орудием преступления было одно лицо, рыжеволосая Аталанта Калидонская. Именно она безжалостно пронзила внутренности моего отца своим дротиком, когда он стоял на площадке дворцовой лестницы. Мой главный адмирал сообщил мне, что царь скончался четыре часа спустя в невыразимых муках.

Эхион обернулся к Аталанте и спросил:

— Конечно же, лучшая из женщин, у царя Апсирта — неверные сведения?

Аталанта поднялась и спокойно ответила:

— Непохоже, что он получил неверные сведения о смерти старца, но я не могу говорить наверняка, так как не дождалась кончины царя. Однако, поскольку Ээт по рождению грек, ему следовало быть умнее и не вставать на дороге у девы-охотницы, служительницы Артемиды, с обнаженным оружием в руке. Я не причиняла ему вреда и не намеревалась причинить. Если он умер в наказание за святотатство, пусть богиня отвечает за его смерть, но не я.

— Что бы там ни было, я должен отомстить за своего отца вам всем! — вскричал Апсирт. — Вы меня просите заодно и Богине отомстить?!

Аталанта ответила:

— Думай, что ты говоришь, Твое Величество. Богиня, которую почитают даже в этих глухих краях, — самая неумолимая из бессмертных, не исключая даже Птицеглавую Мать.

Апсирт снова обратился к Эхиону:

— Ты опровергаешь все обвинения, вестник греков, а я их все подтверждаю вновь. Значит, нам предстоит сразиться.

Эхион невозмутимо ответил:

— Не мне это решать, Твое Величество. Я должен получить дальнейшие указания у моего капитана; и вернусь к тебе с прямым ответом, как только узнаю его мнение.

Апсирт сказал:

— Я дам тебе столько времени для ответа, сколько у вон того журавля займет, чтобы пролететь мимо нас и пропасть из виду.

Эхион снова конфиденциально переговорил с Медеей, которая сидела с лицом, словно из глины, ошеломленная вестью о смерти отца.

— Царевна, — сказал он, — позволь мне повторить мои уверения; мы тебя никогда не отдадим, что бы ни случилось. Но мы должны пойти на великий обман и даже пригрозить лишить тебя жизни. Умоляю тебя не обращать внимания на

наши пустые слова.

Медея подняла к его лицу встревоженные глаза, кивая в знак того, что все поняла.

Эхион обратился к Ясону:

— Царевич Ясон, быстро достань Руно из тайника и передай его мне, а заодно одолжи мне свой острый магнезийский охотничий нож. Что бы я ни говорил и как бы странно это ни звучало, — соглашайся. На меня снизошел дух моего божественного отца.

Ясон ничего не ответил, но с мрачным видом достал Руно из тайника под сиденьем кормчего, развернул его, и оно засияло в лучах солнца. Затем извлек из ножен свой кривой охотничий нож и вручил Эхиону.

Когда он это делал, журавль замахал крыльями у него над головой и повторил тот самый крик, который испустил накануне вечером. Эхион рассмеялся, протягивая к птице правую руку и благодаря ее за послание. Он снова встал на носу и, подняв Руно так, чтобы все его видели, снова обратился к Апсирту:

— Твое величество, еще до того, как журавль пропал из виду, направляясь — и в этом можешь быть уверен, — к острову Артемиды, который посвящен журавлю, — я уже получил не только

ответ моего капитана, царевича Ясона, но и ответ твоей сестры, царевны Медеи. И все мои товарищи-аргонавты согласятся с ними без спора.

— Продолжай, — ответил Апсирт.

— Мы решили, — начал Эхион, — относительно оскопленных быков сделать тебе хорошее предложение — хорошее, ибо еще не установлено, кто же все-таки совершил это деяние. Позволь мне тебе напомнить, что здесь имеет место распря не между колхами и греками, но между Богом войны тавров и колхским Богом Солнца Митрой, которого мы в Греции почитаем под именем Гелиоса. На борту нашего корабля пятеро солнцепоклонников, а именно — четверо сыновей Фрикса и Авгий, царь Элиды, которые готовы сейчас же высадиться на ближайший клочок твердой земли и бороться не на жизнь, а на смерть с защитниками таврического Бога, сколько бы ты против них ни призвал.

Апсирт ответил:

— Неужели это разумно? Твой вызов может быть принят только мной, сыном таврической царевны и двумя почтенными седобородыми таврами, которые здесь со мной на корабле. Все остальные мои люди почитают Митру. Мы трое не выстоим против вас пятерых.

— Очевидно, — сказал Эхион, — ты утратил веру в могущество своего Бога, теперь, когда он лишился мужества в результате кастрации двух священных образов. Я не могу считать тебя менее отважным человеком, чем я сам, а если бы меня вызвали защитить честь моего отца, бога Гермеса, с радостью вышел бы против всей боевой мощи Востока и не сомневался бы в победе. Итак, я предполагаю, что наш вызов не принят, и перейду к вопросу о Руне. По причинам, которые я уже привел, мы решили Руна не отдавать. Мы предупреждаем тебя, что если ты собираешься захватить его силой, я сам этим ножом разрублю его на кусочки… разрублю его на кусочки и брошу в воду. Тяжесть золота затянет их в густую черную грязь, откуда никто их не достанет. Их никто и никогда не соберет, и Руно окажется утраченным для Прометея, как было утрачено для Зевса.

— Это меня не смутит, — сказал Апсирт. — Меня не волнует, что может случиться с Руном, лишь бы вы только не привезли его обратно в Иолк и не выставили напоказ как доказательство вашей предприимчивости и храбрости и нашей небрежности и трусости.

Эхион сразу же взял слово, сказав:

— Я рад, Твое Величество, услышать из твоих

уст, что ты не ценишь Руно так, как мы, и безразличен к его судьбе, лишь бы мы его не забрали, потому что от этого пострадает честь колхского народа. Несомненно, когда к нашему обоюдному удовлетворению будут разрешены еще два оставшихся вопроса, мы достигнем понимания и по первому из них. Ибо, уверяю тебя, мы ставим честь твоего царства столь же высоко, сколько и кто угодно из живущих, воспользовавшийся гостеприимством вашего царя и главных вельмож, забывать о коем было бы неблагодарностью с нашей стороны. Поэтому давай перейдем к третьему вопросу — что станется с царевной Медеей? Вот наше тебе предложение. Мы не настаиваем, чтобы она осталась с нами, но не позволим и возвращать ее в Колхиду против ее воли. Поскольку, по твоему собственному признанию, ее отец Ээт мертв, тайный договор, который ты с ней заключил и по которому уступил ей свои притязания на престол Коринфской Эфиры теперь вступил в силу. Совершив это отречение, ты предоставил ей свободу стать царицей Эфиры, как только ваш отец умрет, а она взамен добровольно уступила тебе все права на ее колхское наследство. Таким образом, хотя мы и признаем право царя Колхиды принудить свою сестру, колхидскую

царевну, в твоем лице, к браку с тем, за кого тебе угодно ее отдать, правом этим больше невозможно воспользоваться. По условиям вашего соглашения, Медея перестала быть колхидской царевной, а стала не вступившей во владения царицей Эфиры; если она незамужняя, она имеет право заключить царственный союз с князем, которого изберет, и пренебречь уговорами царя Колхиды. Однако мы не желаем слишком упорно настаивать на своей точке зрения; наша главная забота — Руно, а не замужество твоей сестры Медеи. Поэтому мы делаем следующие предложения. Давайте поплывем все вместе вниз по Дунаю и высадим царицу Медею с подходящим для нее спутником на остров Артемиды Фракийской, который летящий журавль указал нам по велению свыше. Давайте оставим ее там, пока какой-нибудь могущественный царь — и мы без предрассудков назовем пьющего молоко царя скифов, твоего союзника, как человека самой высокой нравственности — не согласится действовать как посредник между тобой и нами. Если после того, как он тщательно взвесит дело на весах правосудия, царь решит, что твоя сестра должна к тебе вернуться — ну, тогда мы ее беспрепятственно отпустим; если он, напротив,

решит, что она должна остаться с нами, тогда ты, со своей стороны, должен ее с нами беспрепятственно отпустить.

— Прежде чем я рассмотрю это предложение, — сказал Апсирт, — дайте мне знать, как вы предполагаете удовлетворить мое требование об отмщении за смерть отца.

Аталанта снова встала и заговорила сама:

— Мои товарищи, Твое Величество, никоим образом не замешаны в гибели твоего отца, о которой только что впервые услышали; ибо я не сказала им ни слова об ударе, нанесенном ему моим дротиком. Зарубить их всех в отместку за преступление, в котором они совершенно невиновны, означало бы — заполонить твой дворец роем невнятно бормочущих духов, и они стали бы преследовать тебя без передышки, пока ты наконец не умер бы жуткой смертью, упав с искривленным ртом и вывернутыми конечностями. Но если ты ищешь случая отомстить мне, мой тебе совет — спросить Оракула Артемиды на острове, упомянутом Эхионом. Я готова подчиниться приговору Оракула, а если согрешила, добровольно явлюсь к тебе для наказания. Но если Богиня одобрит мои действия, предупреждаю тебя — ты должен подчиниться ее решению.

Апсирт сказал, беспокойно жестикулируя;

— Только что я услыхал предложения, которым рукоплескал бы как честным и разумным, если бы они исходили от вестника флота, столь же могущественного, сколь и мой. Но поскольку ваш корабль против нас один и не имеет возможности спастись бегством или прорваться с боем, я не могу их рассматривать иначе, как нелепые и наглые. А что если я их с ходу отвергну и дам сигнал к бою?

Эхион ответил голосом, выражающим совершенную уверенность.

— На это, царь Апсирт, у меня готов ответ. Если ты их отвергнешь, ты потеряешь три вещи великой ценности. Во-первых, Золотое Руно, которое будет немедленно уничтожено. Далее — твою сестру Медею, ибо как только сигнал к битве провозгласит верную смерть для всех моих спутников, они позаботятся о том, чтобы забрать ее дух с собой в Преисподнюю, дабы она благополучно проводила их к жилищу Великой Богини, которой служит. Наконец, ты потеряешь и свою жизнь. Ибо я достаточно долго пробыл в Колхиде, чтобы усвоить, что царь должен лично возглавлять свой флот или армию, а не топтаться в арьергарде, и не мне тебе напоминать, что на-

ши лучники не знают промаха. На состязаниях в твоих дворцовых садах ты собственными глазами видел как упала летящая голубка, пронзенная тремя греческими стрелами, — нечто, доселе невиданное и неслыханное в вашей стране. Пусть твоя золотая труба протрубит боевой сигнал, Твое Величество, но ты тем самым протрубишь настойчивый призыв моему отцу, богу Гермесу, Проводнику Душ, чтобы отвел тебя туда, куда ты отправляться не желаешь.

Эхиону видно было, что решимость царя слабеет. И он сказал, на этот раз — умоляюще:

— Ну что же, благородный сын Ээта, сохрани свою жизнь и честь, а нам оставь наши. Нет в мире вопроса, который невозможно было бы полюбовно решить с помощью закона или посредничества; и можно ли мне далее напомнить, что убить нас означало бы гибель не только твою и твоей сестры, но и всего твоего царства? Если род Ээта иссякнет, кто будет править Колхидой? Перс, твой таврический дядя? Будь я стервятником с Кавказа, вести о твоей смерти были бы для меня добрыми вестями: я призвал бы своих длиннокрылых собратьев, чтобы все слетелись в Эа, убежденный, что гражданская война усеивает землю трупами, словно первый порыв осенне-

го ветра — желудями в лесу. Твое Величество, благоразумие — добродетель, которая пристала молодому царю и украшает его еще больше, чем доблесть, которой ты в полной мере обладаешь.

Апсирт уступил наконец, хотя и с неудовольствием, продолжая настаивать только на том, что и Руно должно быть доставлено на берег острова Артемиды, и пусть вопрос о том, кому оно должно принадлежать, разрешит тот же посредник.

Эхион с удовольствием согласился и на это условие перемирия, и переговоры закончились.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ
Колхов провели

В тот вечер «Арго», спустившись вниз по Фенхелеву протоку вместе с кораблями колхов — шесть впереди и шесть позади — снова вышел в море. Вся флотилия встала на якорь в линию около бригийской деревушки, и «Арго» — посередине. Угрюмый пилосец Меламп сказал:

— Товарищи, ни один здравомыслящий человек не мог бы позавидовать местоположению нашего корабля, он стоит — словно преступник между стражами, и тем не менее я не отчаиваюсь. Кто из вас видит то, что вижу я? Первому, кто подтвердит мое предчувствие об избавлении, я отдам мое ожерелье из переплетенных серебряных колец, которое каждый из вас жаждет получить.

Долгое время никто не понимал, что имеет в виду Меламп, но наконец его товарищ, Корон из Гиртона, который до того считался тугодумом, вскричал:

— Я вижу, что ты видишь, Меламп! Дай мне ожерелье.

Другие аргонавты стали спрашивать:

— И что ты видишь, Корон? Что ты видишь?

Корон ответил:

— То, что Апсирт либо невежественен и горяч, либо крайне легкомыслен, раз уж добавил чужой корабль к своей флотилии из двенадцати судов и бросил вызов Тринадцатому Божеству, имя которого любой мудрый человек избегает упоминать.

Меламп, не говоря ни слова, вручил ему свое ценное ожерелье, аргонавты, воодушевленные этим предзнаменованием, развеселились и запели хором, Аталанта аккомпанировала им на лире; ибо Орфей, хотя и немного пошел на поправку после лихорадки, был еще крайне слаб.

Затем Ясон и Медея составили план действий и тут же посвятили в него Меланиона, сына Фрикса (за верность которого Медея могла поручиться) и Аталанту; но все остальные аргонавты знали только о том, что два посланца — Пелей Мирмидонец со стороны аргонавтов и вице-адмирал Диктис — со стороны колхов — пошли вместе нанимать у британцев большой челн и команду из трех гребцов, которые доставили бы их вверх по течению ко двору царя скифов в начале дельты.

Ночь прошла без происшествий, хотя часовые обеих сторон были начеку и часто перекликались

— греки, страшась ночного нападения, колхи — опасаясь попытки к бегству. Утром все корабли, опять же строем, двинулись на веслах на север, пока не добрались до острова Артемиды, низкого и пустынного, намытого, очевидно, в течение многих веков из ила и песка, нанесенных тысячью устий.

Однако Ясон отказывался доставить на берег Медею и Руно, пока Апсирт не согласится на два условия: а именно пообещает, что он не предпримет никаких враждебных действий против аргонавтов и не сделает никаких попыток забрать с острова Медею или Руно, пока царь скифов не вынесет свое посредническое решение: и что Апсирт беспрекословно подчинится любому приговору, каким бы он ни был. Апсирт, уверенный, что решение будет в его пользу, поскольку большая часть морской торговли Скифии зависела от Колхиды и прямых связей с Грецией скифы не имели, согласился на предложенные условия, добавив, что готов подтвердить согласие клятвой, если то же самое сделает и Ясон. Ясон охотно согласился. Он предложил, что они дадут эту клятву вместе во имя Артемиды на необитаемом острове, который располагался неподалеку. И тогда «Арго» и корабли колхов подошли к этому острову, где

Апсирт и Ясон вместе высадились, пожертвовали козленка Артемиде и поклялись на его крови, отпив ее понемногу с вогнутой стороны щита, а остатки вылив в песок. Они обменялись дарами, Апсирт преподнес Ясону шкуру кавказского тигра, а Ясон Апсирту — пурпурный плащ, который был первым даром ему от царицы Гипсипилы в Мирине. Медея с презрением отказалась от двух сопровождающих-мужчин, предложенных ей Апсиртом на время пребывания на острове Оракула и стала настаивать на том, чтобы ей дали одну сопровождающую-женщину. Поскольку Аталанта была единственной, кроме нее, женщиной во флотилии, она и должна была идти, но Апсирт не позволил ей идти вооруженной.

Затем Медея и Аталанта сошли на берег острова Оракула и там отдались под покровительство жрицы Артемиды. То была высокая, беззубая, полубезумная фракиянка, которая питалась лишь орехами, ягодами и сырой рыбой. Эта костлявая старуха потрепала Медею по щекам, погладила ее руки, ощупала ткань ее одежд с пылким ребяческим восторгом; но Аталанту, когда мужчины отплыли, она заключила в объятия, как сестру, и они обменялись магическими словами и знаками.

Греки и колхи, сойдя вместе на другой необитаемый остров, теперь свободно перемешались, беседуя на языке знаков и затевая общие игры, Певкон воссоединился со своими товарищами. Но Меланион, сын Фрикса, отыскал Апсирта и отвел его в сторону, в заросли за пределами слышимости. Он сказал:

— Царственный дядюшка, у меня есть к тебе тайное послание от твоей сестры Медеи, к которому я надеюсь присоединить свое собственное предложение и просьбу. Ты желаешь выслушать меня или ты меня ненавидишь и жаждешь моей крови?

Апсирт ответил:

— Сперва сообщи мне послание моей сестры. Выслушаю я просьбу и предложение или нет, будет зависеть от сути послания.

Меланион негромко и торопливо сказал:

— Вот слова Медеи: «Мои племянники Фронт и Китиссор нанесли мне и тебе тяжкое оскорбление. Как ты догадываешься, они и два их брата решили бежать из Колхиды несколько месяцев назад из-за твоей к ним враждебности. Оракул предупредил их о близящейся смерти нашего отца, и они боялись, что как только ты ему унаследуешь, ты обрушишь на них свою

месть за то, что они помешали тебе жениться на их сестре Нэере. Когда их первая попытка бежать завершилась кораблекрушением и наш отец отказался дать им другой корабль, единственная их надежда заключалась в том, чтобы снискать благосклонность Ясона. Он предложил, что бесплатно доставит их в Грецию и добьется, чтобы им отдали их беотийское наследство, если они за это помогут ему захватить Золотое Руно. Они ударили по рукам и тут же принялись за работу. Фронт и Китиссор, самые злонравные из четверых, принудили меня похитить Руно из святилища Прометея и сопровождать их на греческий корабль: они пригрозили, что если я откажусь, убить меня и отравить нашего отца, а также и тебя, а затем поклясться, что я была отравительницей и покончила с собой, чтобы избежать наказания. Скажи мне, брат, что еще я могла сделать, кроме как подчиниться их воле? Я не утверждаю, будто мне приятна мысль о браке со старым Стиром или что, дабы его избежать, я не отплыла бы с радостью в Грецию, будь такое возможно, и не взошла бы там на престол Эфиры, от которого ты отказался в мою пользу. Но я страшилась бы мстительного духа нашего отца, если бы последовала подобным образом своим

естественным склонностям; и я осознаю, что Стир окажется ужасным врагом моей любимой Колхиды, если я не вернусь, чтобы за него выйти, но верным союзником, если вернусь. Поэтому я желаю вернуться и добиться лучшей участи для моих соотечественников, какими бы мучительными ни были для меня последствия. Спаси меня, дорогой брат, умоляю тебя. Если ты сохранишь верность клятве, которую Ясон хитростью тебе навязал, и ты, и я пропали. Ибо хитрый грек Пелей, который отправился ко двору скифского царя, представится там, как я подслушала, сыном слепого царя Финея Тинийского, к которому скифы относятся с величайшим почтением, и он запасся доводами, неотразимыми для скифов. Решение, конечно же, будет высказано в пользу греков, в этом у меня нет ни малейших сомнений. К чему медлить? Клятва, которую ты принес, не должна тебя беспокоить, ибо мощь Артемиды Фракийской простирается до Колхиды не больше, чем мощь Отца Зевса. Это — не древняя Артемида Таврическая, которой племя нашей матери жертвовало чужеземцев, выставляя их головы на шестах вокруг домов; она — богиня-выскочка, сестра мышиного демона Аполлона, родилась на эгейском острове Делосе — почитание ее недавно

распространилось во Фракии, куда занесли этот культ торговые корабли. А поэтому — дерзай. Приплыви тайно в челноке в полночь, увези меня с острова вместе с Руном и сверши заодно месть над убийцей нашего отца. Я выставлю лампу на окно моей хижины, чтобы ты не сбился с пути. Приходи один. Но не пытайся взять меня с собой обратно на колхские корабли. Я страшусь за наши жизни, если внезапно поднимется тревога и аргонавты схватятся за свои луки. Давай вместо этого уплывем на юг в твоем челноке. А корабли пусть последуют за нами и возьмут нас на борт в некотором отдалении от острова».

Апсирт внимательно выслушал ее и спросил:

— Какое ты представишь доказательство, что ты — посланец Медеи и что все, что ты мне сообщил — не твоя собственная выдумка?

Меланион вручил Апсирту светлый локон Медеи, который Апсирт принял как залог ее честности и положил в свой мешочек; подобно тому, как жрецы в Додоне приняли ясонов локон как залог того, что он пришлет Зевсу обещанные дары.

Апсирт спросил:

— Но в чем предложение и какова просьба, о которых ты говорил, племянник?

Меланион ответил:

— Я верю, что ты простишь мне, Твое Величество, мое прежнее безумство и враждебность по отношению к тебе. Меня сбили с пути два моих старших брата. Мы с Артеем не злонравны и не желаем отныне отправляться в Грецию, даже если Ясон сможет честно выполнить свое обещание вернуть нам наше беотийское наследство. Ибо мы — два младших сына, которых два старших всегда сговаривались держать в нищете. Фронт и Китиссор, которым первым будет дано право выбирать города и земли, заберут, как бывало, шкуру, плоть и жир, а нам оставят копыта, требуху и кости. Мое предложение таково: мы с Артеем вызовемся нести вахту этой ночью, так что твое путешествие в челноке может пройти для греков незамеченным, равно как и последующее осторожное отплытие твоих кораблей. В последний момент мы с Артеем сойдем с борта «Арго» и поднимемся на борт твоего судна. Просьба моя такова: в награду за нашу верную службу ты милостиво назначишь Артея своим Главным адмиралом, а меня — капитаном Дворцовой стражи.

— Я принимаю предложение, — сказал Апсирт, — и весьма охотно рассмотрю твою просьбу, как только станут моими три вещи, которые ты

мне пообещал: Руно, моя сестра и месть убийце моего отца. Поскольку Аталанта считает теперь Артемиду Фракийскую, а не себя саму ответственной за убийство, я сочту для себя справедливым пренебречь клятвой, которую дал во имя богини. Какой может быть у меня долг перед божеством, которое нанесло тяжкое, несправедливое оскорбление нашему дому?

Меланион вернулся на «Арго» и уверил Ясона, что все идет как надо. В сумерках Автолика послали вытащить локон Медеи из апсиртова мешочка и заменить его длинной нитью желтой пряжи; он выполнил задание без труда, так как имел до неправдоподобия ловкие пальцы. Говорили, что он мог бы похитить у человека передние зубы или уши с таким проворством и умением, что жертва ни о чем не догадалась бы в течение часа или более. И все же Автолик не был посвящен в заговор против жизни Апсирта: только Ясон, Медея, Меланион и Аталанта знали, что грядет.

В тот вечер аргонавты прикинулись, будто неумеренно выпили. Они пели хмельные песенки, колотили палками и костями по корабельному котлу, стучали пятками по палубе. Идас непрерывно восклицал: «Ясон, Ясон, ты пьян!» На что чародей Периклимен голосом, неотличи-

мым от Ясонова, неизменно отвечал: «Молчи, приятель, я трезв, как водяная нимфа!» Вскоре после этого все, кроме часовых, Артея и Меланиона, притворились, будто уснули, их целью было скрыть отсутствие на корабле двоих: Ясона и Эвфема Тенаронского. Они скрылись в зарослях, как только сгустилась тьма, и Эвфем бесшумно бросился в море и поплыл к материку, где стояли, пришвартованные к столбу несколько обшитых тюленьей кожей бригийских челноков. Эвфем взял один из них и повел туда, где дожидался его Ясон. Темная ночь, угрожавшая разразиться дождем, как нельзя более устраивала Ясона: он забрался в челнок, взял весло с двумя лопастями и, плывя на свет лампы, вскоре вышел на пологий берег острова Артемиды и молча стиснул Медею в объятиях. Она провела его в хижину, где посетители Оракула ожидали обычно, когда жрица соблаговолит их принять, и сказала:

— Вот постель, в которую ты должен лечь. Одеяла тебя накроют. Позаботься, чтобы не высунулся твой меч! Он может принести с собой лампу.

Ясон отвечал с улыбкой:

— Меланион сказал мне, что он проглотил твою байку с не меньшей жадностью, чем Бут — отравленный мед.

Медея вздохнула и укусила ноготь на большом пальце.

— Нам следовало бы предоставить Пчелиного человека его участи, — сказала она. — Его жадность обрекла нас на преступления.

— Мы не виновны в том, что была пролита кровь, — поспешно сказал Ясон. — Не проявляй слабости, прекрасная, ибо только непреклонные сердца могут благополучно доставить Руно в Грецию. Или ты не желаешь ехать с нами? Путь домой, в Колхиду, все еще открыт для тебя. Если ты выберешь возвращение, из благочестия или из страха, я не встану у тебя на дороге, хотя и буду горестно скорбеть, что потерял тебя. Но одно пойми: я должен возвратить Руно любой ценой.

— Руно, и только Руно! — вскричала Медея. — Я бы могла возненавидеть тебя, как фурия, если бы столь сильно не любила. Нет, нет, я последую за тобой на край света, и ни кровь моего отца, ни кровь брата не прольется, разделив нас и воспрепятствовав нашему браку. Поцелуй меня еще раз, Ясон, поцелуй меня! Только из твоих уст могу я испить храбрость для неотвратимого деяния, которое мне предстоит.

Он целовал ее снова и снова, впитывая ноздрями ароматы, исходящие от ее волос и тела.

Она закрыла глаза и заскулила от удовольствия, словно собачка.

Вскоре он отстранился от нее и, улегшись в постель, натянул на себя одеяла. Там в одиночестве, держа наготове меч, он стал ждать появления Апсирта.

Аталанты не было видно. Но вот он услышал ее голос, отчетливо доносившийся из святилища: она развлекала жрицу рассказом о плавании. Больше всего жрице понравилась история лемносских женщин, и Ясон услышал, как она, кудахтая, восклицает: «Ах, дуры, дуры! Разве они не знали, каково им придется без мужчин!» Затем он услыхал, как Медея идет к святилищу призывать к молчанию Аталанту, ибо Апсирт должен поверить, что она в хижине.

Прошел час и Ясон услыхал негромкие голоса, которые что-то щебетали друг другу по-колхски: то были Апсирт и Медея. Они подкрадывались к хижине по тропе. Голос Медеи был мягок и угодлив, в голосе Апсирта слышались горечь и жажда мести. Ясону почудилось, будто она говорит: «Не страшись, брат, Аталанта — женщина и безоружна». И Апсирт ответил: «Будь то сам Геркулес со своим луком и окованной медью дубиной, я не дрогну. Ручаюсь, она от меня не ускользнет».

Апсирт медленно подошел ближе. Он встал в дверях и произнес шепотом то, что показалось молитвой духу своего отца Ээта, посвящая ему жертву. Молитва закончилась, и Ясон услыхал, как лязгнул меч о броню, когда Апсирт на ощупь двинулся через хижину. Ясон вскочил, сжав меч в правой руке, а плащ обернув вокруг левой вместо щита. Апсирт отступил на шаг, но Ясон, неясно видя его силуэт на фоне дверного проема, бросился вперед и поразил его в пах, так что колх взвыл от боли и уронил меч. Ясон схватился с ним, бросил его наземь и одним мощным ударом магнезийского охотничьего ножа перерезал главную артерию в горле, так что кровь брызнула вверх теплым фонтаном.

— Свет, быстро! — приказал Ясон Медее, когда Апсирт перестал бороться.

Она принесла лампу, но закрыла глаза, чтобы не видеть крови. Ясон уселся на труп и дерзко крикнул ему:

— Я невиновен, царь Апсирт. Ты первым нарушил клятву, которую мы дали вместе. Ты пообещал не учинять насилия ни над одним аргонавтом, но вышел с клинком в руке против меня. Я лишь защитился от тебя.

Тем не менее, хорошо понимая в душе, что

совершил предательское убийство, он обрубил Апсирту нос, пальцы рук и ног, трижды лизнул пролившуюся кровь и трижды сплюнул ее, крича:

— Не я, дух! Не я!

Уши и нос он обрубил для того, чтобы дух не смог выследить его по запаху и звуку, а также выколол ему глаза, чтобы его ослепить; и подошвы ему изрезал, чтобы тот не смог его преследовать, не испытывая боли. Пальцы рук и ног он выбросил через окно в поросшее тростником болотце, так чтобы колхам трудно было их найти. Затем он вышел с руками и лицом, вымазанными кровью. Медея шарахнулась от него с отвращением, и он с укором сказал ей:

— Царевна, на твоем одеянии тоже кровь.

Она ничего не ответила, но позвала из святилища Аталанту.

— Принеси Руно, — сказала она, — и следуй за мной!

Старая жрица, крадучись, вышла наружу и спросила:

— Я слышала крик?

Медея ответила:

— Милостивая госпожа, богиня Артемида покарала богохульника.

Часовые-колхи, дожидавшиеся возвращения Апсирта, услыхали плеск весла и крикнули:

— Эй, на лодке!

Медея ответила:

— Это я. Царица Медея. Колхи, выслушайте меня, все вы благоговейно и покорно выслушайте вашу новую царицу! Мой брат, царь Апсирт, мертв, я одна осталась из царственного дома. Позволив себе пренебречь клятвой, которую он дал греку Ясону во имя Артемиды Фракийской, здешней богини, он тайно пришел ночью, чтобы свершить месть над моей спутницей, девой Аталантой, которую несправедливо обвинил в убийстве нашего отца. Когда он пробрался в хижину, где спали мы с Аталантой, и с мечом в руке подкрался к постели, я стала свидетельницей чуда. Одетая в юбку женщина необыкновенного роста и поразительной красоты, явно сама Фракийская Богиня, появилась ниоткуда и всадила свой дротик в горло моего брата, вскричав: «Жалкий человечишка, и ты посмел бы умертвить деву-охотницу Артемиды на самом острове Артемиды?» Затем ее твердая рука обрубила ему нос, уши и пальцы его собственным мечом, и он упал в лужу крови. Кровь струилась отовсюду и запятнала мое одеяние.

Слушайте дальше, колхи! Я — ваша царица, и какие бы приказы я ни отдала, они должны быть выполнены. Прежде всего я требую, чтобы вы оставались здесь девять дней, начиная с завтрашнего рассвета, дабы оплакать моего брата Апсирта и совершить погребальные обряды. Тщательно соберите его рассеянные кости — не какие-нибудь, а все до единой — и привезите их в белой конской шкуре в Колхиду, в мою столицу Эа, куда я поплыву впереди вас. Что касается этих греков, я намерена отпустить их на свободу, вернув им Руно, которое было у них украдено Фриксом, супругом моей сестры; и я преподношу им этот дар не из слабости или трусости, но дабы его пагубные свойства не вызвали смерть третьего члена нашего царственного дома, а именно — мою. И все же я связываю с этим даром одно условие: они должны отвезти меня в Колхиду прежде, чем отплывут домой, к себе на родину. Моряки, я понимаю ваши религиозные чувства и уважаю их. Вы считаете, что женщина на борту любого из ваших кораблей принесет неудачу, двойную неудачу принесет жрица Богини Смерти, тройную — если одежда ее окажется запятнана, как моя, кровью ее брата!

Колхи выслушали в оцепенении речь Медеи, и

ни одни не осмелился проронить ни слова. Затем она вскричала:

— Мой племянник Меланион, часовой на греческом корабле! Разбуди вашего предводителя, царевича Ясона, и спроси, согласен ли он на сделку, которую я ему предлагаю.

Меланион сделал вид, будто совещается с Ясоном, а затем ответил по-колхски, что Ясон согласился, но при условии, что сперва он заберет с острова Аталанту, а затем поднимется по Дунаю, чтобы догнать Пелея и вернуть его на корабль: ибо он не может покинуть ни одного из своих двух товарищей.

Медея разыграла нетерпение, но потом как бы нехотя согласилась. Она взошла на борт «Арго», крича, что чем скорее они отплывут, тем лучше, если они надеются нагнать Пелея. И вот аргонавты вкатили на борт якорные камни и принялись молча грести прочь во тьму, а тем временем медленно поднялся вопль скорби, испускаемый оставшимися без вождя колхскими мореходами — словно голодные волки завыли на луну. Анкей правил к острову Оракула, и когда киль ударился о песок, спустил лесенку. Сперва на борт взошла державшая Руно Аталанта, затем — Ясон. С берега долетел кудахтающий смешок и повторные

прощальные слова жрицы, которая весело воскликнула с фракийским акцентом: «Разрублен на кусочки, разрублен на кусочки… их никто и никогда не соберет!»

Аргонавты задрожали, услыхав это. Они догадались, что она и обернулась тогда журавлем. И в самом деле, эта женщина с ее длинным носом и костлявыми ногами весьма походила видом на журавля. С радостью оставили они за кормой кровавый остров и подставили свой парус суровому северному ветру.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ
«Арго» высаживает Ясона

На заре аргонавты нашли Пелея, ожидавшего их в британской деревушке. Адмет спросил его, когда Пелей взбирался по лестнице:

— Ты все еще здесь? А где колхский вице-адмирал?

Пелей кратко ответил:

— Мы одолжили челнок и поплыли в нем. Но вице-адмирал признался мне, что не умеет плавать.

— А, понимаю, — сказал Адмет. — Надо полагать, опять случилось какое-то роковое происшествие.

— Моя жизнь полным-полна их, — признался Пелей, залившись краской, — с тех самых пор, как давным-давно на Эгине какой-то крылатый дух отклонил от правильного пути мое кольцо и оно убило этого беднягу, моего сводного брата. А вчера неустойчивость челнока и быстрота течения лишили жизни колха, не пролив крови. — Затем он обратился к Ясону и Медее: — Скажите мне, благословенная пара, как вам удалось избавить-

ся от наших преследователей? Что, наш Эвфем снова одолжил бурав из Аргусова ящика с инструментами? А Руно-то вы с собой принесли?

Когда Ясон поднялся, чтобы показать свое сокровище, неумолимые солнечные лучи упали на его окровавленную рубаху, запачканные ноги и сгустки крови в светлых волосах.

Пелей скорчил гримасу Горгоны и сказал:

— Кажется, Ясон, у тебя тоже произошло роковое происшествие, да только не без крови. Или ты, может быть, приносил полуночную жертву Божеству Преисподней?

Никто из аргонавтов, кроме Аталанты и двух сыновей Фрикса, не знал, что Ясон убил Апсирта, хотя все знали, что он тайно посетил остров, чтобы забрать Руно. Вид крови всех поразил и потряс, и все в молчании ожидали ответа Ясона.

Ясон не отвечал.

Медея улыбнулась, оглядев ряд заполненных людьми скамей, и сказала:

— Ну что же, поплывем отсюда, дорогие друзья, пока ветер свеж. Пусть никто из вас не думает, что я говорила всерьез, когда требовала, чтобы вы доставили меня обратно в Эа прежде, чем вернетесь в Грецию. Пусть все Колхидское царство разрушит землетрясение или зальет потоп,

мне-то что. «Арго» идет прямо в Иолк. Ну, давайте же его сдвинем!

Никто не шелохнулся. Все глаза были устремлены на ее одеяние, забрызганное кровью.

Аталанта спросила:

— Товарищи, что вам мешает? Почему вы не гребете?

Долгое молчание нарушил скрипучий голос Аскалафа из Орхомены.

— Я слышу странный поющий звук на носу, — сказал он. — Может быть он исходит от вещей дубовой ветви Зевса, которая уже однажды к нам обратилась и разрешила наше затруднение?

— Это жужжание мух или шум ветра в снастях, — сказал Эхион, который не терпел каких-либо оракулов, не исходивших от его отца Гермеса.

Прорицатель Мопс взошел на нос, тщательно подобрав свои одежды, когда проходил мимо Медеи, чтобы не загрязнить их. Он внимательно прислушался, наконец кивнул и заговорил.

— Ветвь говорит: «Те, кто сокрушили в битве моих явных врагов, да рассядутся в должном порядке на добротных скамьях этого корабля; но на тех, кто замешан в предательском убийстве, во имя какой благой цели оно бы ни совершилось,

падут мои проклятие и гнев. Если только они немедля не покинут корабль, я поражу его с ними вместе ударом молнии и брошу всех аргонавтов в бездонную гибельную пропасть. Они должны уйти, они должны уйти, они должны уйти — и не должны возвращаться, пока не очистятся полностью от греха. Ха! Запах крови исходит даже от золотых рогов моего Руна. Я не приму окровавленное Руно, даже если эта кровь вытекла из глоток моих врагов. Удалите пурпур и золото с корабля и не приносите их ко мне до тех пор, пока их не омоют в семи реках, которые впадают в семь разных морей».

С дальних вершин горы Гемос, хотя день был безоблачный, донеслись ворчливые громовые раскаты, подтверждая истинность оракула.

Не говоря больше ни слова, Ясон и Медея собрали свои пожитки, взяли Руно и спустились по лесенке.

Мопс спросил Аталанту:

— А ты не соучаствовала в убийстве?

Она ответила:

— Я была косвенным соучастником, а не прямым. У меня на теле, волосах или одежде нет крови.

Долоп Эвридам сказал:

— И все же пятнышко-другое могло ускользнуть от твоего внимания. Я не позволю тебе оставаться на борту.

Мелеагр сказал:

— Если Аталанта уходит, я — тоже.

— Иди с миром, — ответил Эвридам, — и возьми с собой Меланиона, который, хотя и не высаживался на остров Оракула, все же виновен еще больше, чем Аталанта.

Другие аргонавты откликнулись:

— Иди с миром, Мелеагр!

Аталанта, Мелеагр и Меланион покинули «Арго», и Мелеагр сказал:

— Я ухожу по собственной воле, а не по необходимости; и все же призываю вас засвидетельствовать перед Аполлоном, что я не дезертир, ибо все вы пожелали, чтобы я шел с миром. Где мы встретимся?

Аргус ответил:

— Где же еще, если не в Ээе, городе Кирки? Кирка, будучи сестрой убитого Ээта и теткой убитого Апсирта — единственная из живущих, кто может выполнить обряды очищения над виновными. Сопроводи их в ее дворец, взяв с собой Руно, путем, о котором мы договорились на недавнем нашем совете, и уговори ее их очистить.

Новый отдаленный раскат грома сделал более весомыми слова Аргуса.

Мелеагр сказал:

— Хорошо, товарищи. Желаю вам счастливого плавания, и пусть вас не сцапает Арас, Главный Адмирал, который поджидает вас у Трои; берегитесь его безжалостных союзников троянцев. Я считаю, что вы поступили неразумно, исключив из вашего числа Медею, поскольку она одна, как царица Колхиды, может призвать Араса к повиновению.

— Я не боюсь за «Арго», — сказал Аргус, — если только на борту не останется ничего, несущего зло. Мы под защитой пяти божеств: Афины, под руководством которой я построил этот блистательный корабль; Зевса, говорящая ветвь которого только что предостерегла нас и гром которого дважды прокатился по небу от Гемоса, подтвердив предостережение; Посейдона, по зыбкой почве владений которого мы плыли и опять должны плыть; Артемиды, журавль которой недавно в момент бедствия изрек нам утешительное пророчество; и Аполлона, которого Артемида зовет братом и которому мы принесли жертвы на Левке, когда сошли на берег этого восхитительного острова.

Из-под одеяла на носу раздался слабый голос Орфея, упрекнувший Аргуса:

— Аргус, сын Нестора, не забывай Великую Богиню, которая дала жизнь всем нам.

Аргус поспешно ответил:

— Не надо, чтобы ее имя слетало с наших уст; с момента нашего захода на Самофракию оно колотит о наши ребра словно молот кораблестроителя.

Затем они оттолкнули от берега судно, простившись только с Мелеагром, так как не желали снискать вражду духа Апсирта. Аргуса единогласно выбрали капитаном.

Они плыли вдоль западного побережья Черного моря без приключений. Берега оставались низкими, пока на третий день они не поравнялись с Гемосом, после чего пошел берег средней высоты с пустынными холмами на заднем плане. Ветры были легкими, но попутными, и на пятый день «Арго» обогнул поросший деревьями мыс с пологими желтыми берегами и прибыл в Салмидесс, летнюю столицу царя Финея. Все аргонавты сошли на берег, и Финей вновь разрумянившийся и деятельный, благодаря нормальному питанию, прошел, постукивая палкой, через двор, чтобы их встретить, и заплакал на шее у своих пасынков,

Калаида и Зета. Когда они поведали ему всю историю своего плавания, он сказал:

— Поспешите домой, дорогие сыновья, как только Руно будет снова благополучно возложено на плечи дубовому образу Лафистийского Овна.

Они пообещали так и сделать, но сказали:

— Впереди нас ждет опасность. Как нам ускользнуть от наших врагов-колхов и троянцев, их союзников?

Финей ответил:

— С вами нет ни Аталанты, ни Медеи, ни Ясона, и вы не везете с собой Руно. С чего вам страшиться колхов? Что до троянцев, то у вас на борту нет товара, который вызвал бы их ревность; а когда вы сообщите им, что Ээт и Апсирт оба мертвы и что престол Колхиды пустует, они благословят вас как добрых вестников и щедро угостят. Я ручаюсь, неурядицы колхов порадуют их слух, ибо Ээт навязал им множество невыгодных сделок и ограничил их торговлю с несколькими народами Черноморского побережья.

Получив такие заверения и отведав угощения, аргонавты спокойно продолжали свой путь. Но они отплыли без Орфея, которому нездоровилось с тех самых пор, как они оставили Колхиду и который за все это время ни разу больше им не

сыграл. Когда Финей пообещал вернуть ему здоровье ваннами и слабительными и благополучно отправить его затем в его родную страну с достаточным эскортом, товарищи освободили его от клятвы оставаться с ними. К вечеру следующего дня они прибыли в пустынное место, поросшее зарослями земляничных деревьев, грубым кустарником и чахлыми дубами, к истокам озера Делкос. Там на белом, ослепительно сверкающем песчаном берегу они принесли в жертву богине Афине двух овец, которых захватили с собой из Салмидесса, моля ее, пока струилась кровь, снова благополучно провести их мимо Сталкивающихся скал.

Течение в Босфоре бежало еще сильнее, чем прежде, и хотя они скорбели, что нет больше в живых Тифия, чтобы их вывести, Анкей Большой, полагаясь на указания царя Финея, с уверенностью взялся за руль. Они пронеслись по проливу без происшествий за три часа, а то и меньше, и вскоре плыли вдоль северного берега Мраморного моря. Первую стоянку они сделали в просторной защищенной бухте, в которую впадает река Атирас, во владениях царя Финея; следующую — на песчаном берегу под сенью Священной горы; следующую — в Сестосской бухте.

Это был первый привал по пути домой, который совпал с их привалом по пути туда. Ему суждено было стать последним.

Они стремительно промчались по Геллеспонту однажды ранним утром, когда солнце так и жарило с неба, а воды были синими, как ляпис лазурь; но свежая зеленая трава берегов увяла и выгорела, так как лето было теперь в разгаре. Столб дыма поднимался над троянским Дарданосом, когда они проплывали мимо, и еще один — над дозорной башней в нескольких милях ниже по течению. Они вопрошающе переглянулись, надели броню и держали оружие наготове, страшась худшего. Вскоре они увидали четыре или пять кораблей, выходящих из устья реки Скамандр. Линкей сообщил:

— Это — колхские корабли, эскадра Араса. Но я нигде не вижу троянских кораблей — ни на воде, ни на берегу.

Фронт, сын Фрикса, сказал Аргусу:

— Арас, главный адмирал, был много лет военнопленным в Перкоте, и поэтому понимает по-гречески. Пусть вестник Эхион поговорит от нашего имени. Несомненно, Гермес, его божественный отец, опять набьет ему полный рот вранья.

Идас на это грубо расхохотался, а Эхион обиделся. Он сказал:

— Не следует легкомысленно насмехаться над моим отцом Гермесом. Красноречие его таково, что он и правдой может обмануть столь же легко, сколь и ложью. Послушайте и услышите, что я не скажу колхам ничего такого, что не было бы чистой правдой, и все же затуманю их зрение непроницаемым облаком обмана.

С этими словами он облачился в свое парадное одеяние и, взяв в руку оплетенный вестнический жезл, во всем великолепии встал на носу. Он чистым голосом приветствовал Араса через разделявшие их воды.

— Несравненный Арас, — воззвал он, — у нас для тебя добрые вести. Твоя эскадра уже завершила свою судьбоносную миссию без риска и кровопролития и может теперь с честью вернуться домой. По бурным волнам Черного моря преследовал наш корабль твой царь, настойчивый и прозорливый Апсирт, и загнал нас, наконец, в ловушку в озере — в Журавлином озере, которое лежит в нескольких милях вверх по Фенхелеву протоку, северному из двух широких рукавов, обозначающих дельту Дуная. Когда мы оказались отданы ему на милость, Апсирт

потребовал от нас трех вещей: чтобы мы вернули ему его сестру Медею, вернули Золотое Руно святилищу Прометея и позволили ему свершить кровавую месть над нашей спутницей, Аталантой Калидонской, вероломный дротик которой пронзил внутренности твоего бывшего царя, блистательного Ээта. У нас был всего лишь один корабль против двенадцати. Как могли мы не сдаться? И все же в столь сильном гневе был на нас твой царь, что кровь, царственная кровь, брызнула и пролилась, прежде чем удалось разрешить спор. Поэтому, увы, не только Аталанта и царевна Медея покинули «Арго», но ты не видишь среди нас больше ни Ясона, наследника царя Эсона Фтиотийского, ни Мелеагра, наследника царя Ойнея из Калидона в Аркадии, ни Меланиона, внука обреченного судьбой Ээта. Пусть эта мачта обрушится и разобьет мне голову, если я тебе лгу. Взойди на борт, о господин с просоленной бородой, и, пожалуйста, убедись сам, что мы не скрываем от тебя ни Руно, ни кого-либо из названных мной лиц. Нам сохранили жизнь. Мы возвращаемся с пустыми руками в Грецию с другим предводителем, и когда история наших приключений разойдется по Греции, не думаешь ли ты, что она вызовет смех? Будь уверен, после

того, что мы повидали и выстрадали, никто из нас никогда не пожелает вновь бросить вызов вашему негостеприимному морю.

Арас был человеком подозрительным. Пребывание в плену в Перкоте, в доме отца Клеты, царя Меропа, научило его не доверять никому из греков и сомневаться в словах всех вестников, вышедших из Коллегии Гермеса на горе Киллена. Он пожелал, чтобы «Арго» лег в дрейф, пока он не подойдет к борту. Аргус положил корабль в дрейф и позволил самому Арасу взойти на борт, но больше — никому из колхов.

Арас, тщательно обыскав судно, удостоверился, что Руна на борту нет. Он обнаружил под сиденьем кормчего рундук с двойным дном, но там не было ничего, кроме янтарных бус и филигранных головных украшений, в которых он узнал украшения Медеи.

— Здесь у вас — краденое имущество, — воскликнул он.

— Нет, нет! — вскричал Пелей, который никогда не терялся. — Это мое. Царевна сама дала их мне как подарок моей жене в благодарность за проявленную к ней доброту. Ибо когда царь Апсирт нас настиг, Ясон пригрозил, что собственными руками убьет Медею, если Апсирт не позволит ему

оставить себе Руно. Но я ему воспрепятствовал.

Арас приказал двум морякам-колхам, опытным пловцам нырнуть под «Арго» и доложить, не прибито ли Руно к его днищу — хитрость, которую часто применяли купцы, чтобы обмануть троянских таможенников. Но моряки ничего не нашли, и Арас волей-неволей вынужден был оставить поиски. Он был убежден, что его одурачили, но не мог понять, где же таится обман.

Эхион сказал:

— Несравненный Арас, прежде чем мы уйдем, не примешь ли ты от меня подарок? Вот пара бронзовых наголенников, которые куда лучше подойдут к твоим крепким ногам, чем к моим тонким. Я взял их, когда мы грабили дворец Амика, царя бебриков. Он был примерно такого же сложения, как и ты, но наделен куда меньшим разумом — и этот недостаток привел его к гибели.

Арас с радостью принял наголенники. Когда он снова взошел на свой корабль, он сказал Аргусу самым сердечным тоном:

— Вы не слыхали, что произошло в Трое с тех пор, как вы в последний раз заходили в эти воды?

— Нет, — ответил Аргус. — Умоляю, скажи мне! Я пекусь о благосостоянии этого знаменитого

города, с которым, как афинянин, торговал много лет.

Арас начал:

— Есть один грек по имени Геркулес, о котором вы, должно быть, слышали…

Аргус нетерпеливо спросил:

— Ты имеешь в виду Геркулеса Тиринфского?

Арас ответил:

— Думаю, он по рождению тиринфиец. Это, по крайней мере, тот Геркулес, который явился однажды в Амазонию и убил царицу Ипполиту — мужчина исполинского роста и силы с окованной медью дубиной и в львиной шкуре.

Аргус сказал:

— Этого Геркулеса все мы знаем. Он был членом нашего экипажа по пути туда.

— Геркулеса, — продолжал Арас, — привели в ярость вести, что мисии похитили у него его приемыша Гиласа и переправили его в Трою. Поэтому он отправился в Кизик к долионам, к царю Перкоты, и в еще одно или два небольших греческих поселения на Мраморном море и собрал флот в шесть кораблей. С этим флотом он поднялся ночью по Скамандру, захватил врасплох троянский флот и сжег его, затем, ворвавшись в саму Трою и разбив при этом в осколки глав-

ные ворота своей огромной дубиной, появился внезапно в дворцовом зале царя Лаомедонта и потребовал удовлетворения за нанесенные ему обиды. Лаомедонт, хотя и лишился ума от страха, знать не знал, какое такое оскорбление он нанес Геркулесу, и вежливо спросил, на что тот жалуется. Геркулес начал долгий рассказ о каких-то кобылах-людоедках, которых он вверил попечению Лаомедонта несколько лет назад и которых ему не вернули. Лаомедонт ответил, что после того как Геркулес упомянул кобыл, он их вспомнил. Они находились в очень жалком состоянии, когда прибыли в Трою; истина заключалась в том, что Геркулес не только отказывал им в человечине, которой одной лишь они и питались в стойлах своего прежнего фракийского владельца, царя Диомеда Бистонийского, но и загнал их. Геркулес велел Лаомедонту прекратить его оскорблять и сознаться, что случилось с кобылами. Лаомедонт ответил, что они почти сразу же сдохли. Геркулес назвал его лжецом, но сказал, что согласится принять вместо похищенных кобыл такое же число кобылиц Ганимеда. То были лаконийские кобылицы, посланные в Трою царем Эврисфеем в качестве выкупа за смерть сына Лаомедонта Ганимеда, которого убили в стычке с ахейскими

пиратами. Вместе с даром пришли утешительные вести, что душа Ганимеда вознесена на Олимп на спине орла — или так утверждали пираты; несомненно, Зевс сделал его своим бессмертным виночерпием.

— Я хорошо помню этот случай, — сказал Аргус. — Значит, Лаомедонт действительно вручил Геркулесу кобылиц?

— К несчастью, он заколебался, — ответил Арас. — Разгневанный Геркулес спросил у него тогда: «Где Гилас, эй ты, мерзавец?» Лаомедонт ответил, что это имя ему незнакомо. Геркулес объяснил, что Гилас был его фессалийским приемышем, самым прекрасным и очаровательным в мире мальчиком. Он обвинил Лаомедонта в том, что царь скрывает мальчика у себя. В этот миг один из сыновей Лаомедонта, жаждавший славы, попытался убить Геркулеса, обрушив на него с башни огромный камень. Он промахнулся, и Теламон Эгинский, спутник Геркулеса, убил Лаомедонта копьем. Затем Геркулес и его люди разграбили дворец и город, а почетных граждан забрали в плен.

Аргонавты испытали поразительное облегчение, слушая этот рассказ. Аргус спросил:

— Кто теперь правит в Трое?

Арас ответил:

— Геркулесу приглянулся Приам, сын-младенец Лаомедонта. Он подхватил ребенка и положил на отцовский престол, сказав: «Будь царем, дитя. Пусть троянский народ снова медленно вырастет, пока будешь расти ты, и вместе с тобой достигнет зрелости и мудрости».

Затем Аргус и Афас расстались, обменявшись множеством добрых пожеланий. «Арго», изменив курс, направился на юг к Тенедосу, Арас же сказал своим капитанам:

— Плывем домой.

Однако, на обратном пути, в Сестосе, Арасу приснилось, что к нему явился Ээт, прикрывая обеими руками рану на животе, чтобы не выпали внутренности, и гневно вскричал: «Арас! Почему ты не повинуешься моим приказам? Предай в руки правосудия моих убийц. Привези обратно Руно». Арас ответил во сне: «Твое Величество, ты убит, и вместо тебя царствует твой сын Апсирт. Я повинуюсь его приказам, а не твоим». Ээт гулким голосом повторил: «Почему ты не повинуешься моим приказам? Я мертв, но мои приказы живут. Предай в руки правосудия моих убийц. Привези обратно Руно». Арас спросил во сне: «Где я найду Руно или твоих убийц?» Ээт ответил: «Плыви к

Ээе, к дому моей сестры Кирки. Там ты найдешь Аталанту, мою убийцу, Руно и мою неверную дочь Медею, всех вместе».

И вот Арас, пробудившись, снова повернул и взял курс на далекую Ээю, хотя его капитаны горько на него сетовали.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ
Воссоединение на Ээе

Разграбив Трою, Геркулес по-дружески вернулся с Талфибием в Пелопоннесскую Элиду, где легко, в течение дня, как и было обусловлено, он совершил подвиг, очистив грязные конюшни царя Авгия. Он просто-напросто заставил колотушками и угрозами дворцовых слуг отвести два ближайших потока, которые, промчавшись через конюшни, унесли все нечистоты, да и кое-кого из животных. Затем он вернулся в Азию, чтобы возобновить поиски Гиласа и отомстить Калаиду и Зету. Блуждая по Лидии, он остановился отдохнуть близ Сардиса у святилища пупа ионийского героя Тмола, где произрастает ужасное змеевидное растение, поднимающееся выше человеческого роста, с малиновой чашечкой цветка и крысиным запахом. Тамошняя Главная Жрица, Омфала, сделала его своим возлюбленным и впоследствии, как говорят, родила мальчиков-тройняшек. Геркулес позавидовал ее приятной и спокойной жизни.

— Как ты умудряешься всегда жить в мире с

твоими соседями и друзьями? — спросил он. — Открой мне свой секрет.

Она ответила:

— Спокойствие висит на трех тонких нитях.

— На каких же? — спросил он.

— Разгадай мою загадку, — ответила она. Но он пришел в такое нетерпение, что она ему сказала: — Это — тонкая нить молока, которое мы выдаиваем из вымени наших овец и коз, тонкая нить кишок, которую я натягиваю на мою пеласгийскую лиру, и тонкая нить шерсти, которую мы прядем.

— Молоко — добрая еда, — сказал Геркулес, — если его достаточно много выпить, и я признаюсь, что не вполне безразличен к музыке лиры. Но скажи мне еще о прядении: как простая работа пряхи рождает спокойствие?

Омфала спросила:

— Возможно ли, чтобы ни одна женщина из тех многих сотен, с которыми ты был близок, не описала тебе удовольствие, которые дает прялка? Да нет в мире занятия, столь успокаивающего, как сидеть и прясть. Вьющееся веретено, вращающееся колесо, белая шерсть, которую щиплют пальцы, превращая ее в твердую и ровную нить, — это невыразимо приятные игрушки.

И когда прядешь, негромко поешь сама себе, или болтаешь с подругами, или позволяешь разуму блуждать где угодно…

— Хотелось бы мне попробовать, — жадно сказал Геркулес, — если ты не боишься, что я переломаю все твои колеса и веретена. В детстве мне не повезло, когда меня учили музыке.

Так и вышло, что Омфала научила Геркулеса прясть. Он быстро выучился и прял поразительно тонкую и крепкую нить. Он признался, что ему всегда хотелось быть женщиной и что теперь он, наконец, понял, как много удовольствия упускал. Омфала нарядила его в женскую одежду, помыла, причесала, заплела в косы его гриву, и завязала косы голубыми ленточками. В этом святилище пупа он был счастливее, чем когда-либо и где-либо прежде, потому что духи детей, не узнав его в его новом наряде, надолго перестали его мучить. Талфибий тоже потерял его след, и поскольку в святилище не имел права вступать даже вестник, Геркулес мог оставаться там в безопасности много лет, если бы не пришли вести из Теоса, города на побережье, что «Арго» зашел туда для починки. Идя вдоль берега из Тенедоса, корабль наткнулся на подводный риф, и только непрерывно вычерпывая воду, аргонавтам удалось

добраться до берега и вытащить на сушу корабль; носовая обшивка по левому борту оказалась разорвана.

Когда Геркулес услышал эти новости, он швырнул прялку через двор, сорвал женское платье, схватил свою дубину, лук и львиную шкуру и в ярости помчался к морю.

Аргонавты ничего не добились, выслав навстречу Геркулесу Эхиона, чтобы вестник его успокоил. Калаид и Зет были предупреждены лесбийкой Метимной, что Геркулес намерен их убить за то, что они уговорили Ясона покинуть его близ устья реки Киос. И как только вдали показалась его мощная фигура, они спрыгнули с корабля и с поразительной скоростью помчались по речной долине, мечась из стороны в сторону, чтобы помешать ему целиться. И все-таки Геркулесу потребовалось пустить только две стрелы. Оба упали, каждый — пораженный под правую лопатку, и умерли на месте. Так Геркулес полностью им отплатил и, улыбаясь, подошел к оставшимся аргонавтам, дабы их приветствовать, и его косы с голубыми ленточками подпрыгивали на плечах. Он обнял Адмета и Акаста и сказал:

— Дорогие товарищи, умоляю вас, попробуйте прясть! Нет в мире занятия, столь успокаива-

ющего.

Они дали уклончивые ответы, и он уже собирался силой принудить их к этому немужскому занятию, когда случилось одно происшествие. Вестник Талфибий сошел с аргивского корабля, который только что пришвартовался у пристани, и сразу же обратился к Геркулесу:

— Благороднейший Геркулес, какая добрая встреча! Привет тебе от царя Эврисфея, он поручает тебе совершить новый Подвиг. Он не удовлетворен тем, как ты очистил конюшни царя Авгия, эпия из Элиды, потому что ты выполнял эту работу не один; копали, рыли и ставили запруды сами эпии своими собственными мотыгами. А ты должен вместо того Подвига совершить новый.

Геркулес вскричал:

— Священные Змеи, Навозный Жук, я думаю, это — самая вздорная жалоба, которую когда-либо слышал! Сперва мне запрещается пуститься вдогонку за Авгием и спросить его позволения чистить конюшни, а когда затем, не желая оскорбить моего старого товарища, вторгшись в его владения, я заставляю слуг выполнить задание, мне говорят, что оно неправильно выполнено. Что ты сам скажешь, царь Авгий? Хорошо я поступил? Это ты должен сказать, а не Эврисфей.

Авгий беспокойно ответил, что он и впрямь очень хорошо поступил.

— Ага, Навозный Жук, слышишь, что он ответил? — сказал Геркулес. — Но в конце концов — Подвигом больше, Подвигом меньше… Скажи мне, чего на этот раз желает твой сумасброд-хозяин.

Тогда Талфибий повелел ему принести полную корзину священных апельсинов, или золотых яблок, как их иногда называют, с островов Гесперид — Подвиг, о котором здесь уже упоминалось. После чего Геркулес предупредил Авгия, что поскольку Эврисфей отказался признать предыдущий Подвиг и поскольку Авгий считает, что выполнен он был и впрямь очень хорошо, Авгий должен в утешение дать ему награду — одну десятую эльдского скота, Авгию пришлось согласиться на это возмутительное требование, но он отнюдь не намеревался его выполнить. Автолик, Делейон и Флогий, бывшие товарищи Геркулеса, не отважились бросить ему в лицо обвинение в преступлении, подобном тому, за которое он покарал Калаида и Зета, а именно, что он умышленно бросил их много лет назад в земле пафлагонцев. Узнав их, он их столь восторженно приветствовал и так сердечно похлопал

по спине, что они предпочли полностью забыть обиду; и в самом деле, ведь случилось так, что он их щедро облагодетельствовал, ибо вынужденное пребывание в Синопе обогатило их на всю жизнь. Прежде чем Геркулес ушел, он подробно расспросил Эхиона, что случилось с Руном; и поскольку от него не следовало отделываться, давая двусмысленные ответы, Эхион напрямую рассказал обо всем, что случилось, но обязал верзилу хранить тайну до тех пор, пока сияющее Руно снова не будет растянуто на носу «Арго». Геркулес не выразил удивления ни в одном из мест повествования, но когда услыхал о том, как страстно влюбилась в Ясона Медея, он вздохнул и заметил с необычайной кротостью:

— Бедная девочка, как мне ее жаль. Эхион, друг мой, я прошу тебя передать мое послание, и вот тебе в уплату за труды моя серебряная чаша. Скажи царевне, что я ей от всей души соболезную, как соболезновал лемносской царице Гипсипиле. Передай ей, что Ясон поступит с ней не мене бесчестно, чем с Гипсипилой, хотя ради него девушка отреклась от своего дома и родных, стала соучастницей в убийстве своих отца и брата. Уверь ее, что когда он ее бросит, в этом ли году, в следующем ли, двенадцать ли лет спустя, она

твердо может рассчитывать, что Геркулес из Тиринфа либо отомстит за нее, либо ее утешит.

Эхион принял чашу и взялся передать послание, после чего Геркулес огляделся с сияющим лицом и сказал:

— Дорогие товарищи, испытанные товарищи, если когда-либо кому-либо из вас потребуется моя помощь против врагов, я в полном вашем распоряжении.

По дороге обратно в Грецию Геркулес зашел в Эфес, где нашел стоящий на якоре финикийский корабль и послал судовладельца и его сына в оковах к Омфале как заложников. Их не следовало освобождать, пока финикийцы не выкупят их парочкой африканских обезьян. Омфала частенько говаривала Геркулесу, что он напоминает ей обезьянку, и он решил, что ей нужна парочка этих тварей, чтобы она утешалась в его отсутствие. Страшась Геркулеса, финикийцы прислали обезьян немедленно.

Здесь можно рассказать, что случилось с Гиласом. Он недолго прожил после своего появления в Коллегии Дятлов на Асканийском озере. Не будучи столь могучим, сколь Геркулес, он не мог с легкостью удовлетворить требования Дриопы и ее подруг-нимф, которые все были в него влюб-

лены и не отпускали его, как он ни упрашивал. Он постепенно занемог и умер примерно тогда, когда «Арго» во второй раз проходил через Босфор. Дриопа, не желал, чтобы до Геркулеса дошли перешептывания о случившемся, тайно похоронила его у источника Пеги и бурно оплакала. В течение многих веков нимфы Дятлы продолжали украшать его могилу цветами в годовщину его смерти. В тот день они исполняли гимн, восхвалявший прекраснейших юношей всех времен: Адониса, сына Кинараса, которого любила Афродита; Эндимиона, сына Этола, которого любила Артемида; Ганимеда, сына Лаомедонта, которого любил Зевс; Гиакинфа, сына Ойбала, которого любил Аполлон; Хрисиппа сына Пелопа, которого любил Тесей; Нарцисса, сына Кефисса, который влюбился в себя самого; и Атлантия, сына Афродиты от Гермеса, который был первым гермафродитом и в которого был влюблен весь мир. Но в припеве заявлялось, что ни один из них не был так пригож, изящен и очарователен или так нежен, как Гилас, сын Тейодаманта, любимый Геркулесом и нимфами Аскании.

Источник Пеги — это прекрасное место, которое стоит посетить. Камешки светятся, как серебро, сквозь чистую воду, и повсюду кругом

растет синий ластовень, свежий зеленый адиантум, пышная петрушка и оленья трава, которая цепляется за ноги, уговаривая посетителя остаться еще.

«Арго» задержался на некоторое время не только из-за того, что Аргусу трудно оказалось починить его в Теосе, где его не удовлетворяло качество древесины, но также из-за погребальных игр в честь его товарищей, сыновей Северного Ветра, которые он счел себя обязанным посетить. Здесь они взяли на борт пассажирами Теламона, спутника Геркулеса, и пятерых его эгинских родственников; Теламон был братом Пелея до того, как Пелей родился заново, вступив в мирмидонский клан и вместе с ним был замешан в убийстве их единокровного брата Фока; но теперь они встретились, как чужие, обменявшись надменными взглядами. Следующим портом, в который они зашли, был Милет, славившийся шерстью, где Эргин был тепло принят своей семьей и с большим трудом покинул родных, чтобы продолжить плавание. Из Милета они поплыли к Цветущему Самосу, милому дому Анкея Маленького, а оттуда — к Леросу, о котором говорят: «Все лерийцы дурны, не отдельные, но каждый из них — все, кроме Прокла, а Прокл — тоже лериец». Но

кто такой был Прокл, никто не помнил. А оттуда они поплыли к Кикладским островам, посетив сперва Наксос, счастливейший из островов Эгейского моря; затем Делос, самый святой из них, где дарами и танцами почтили Аполлона и Артемиду; наконец Серифос, остров точильного камня, куда давным-давно выбросило на берег ящик с Персеем и его матерью Данаей, который вверил бурным волнам царь Акрисий — здесь они высадили Теламона и его родичей. Но материковой Греции они избегали, двигаясь от острова к острову — к Кифере, Сфактерии (близ Песчаного Пилоса, родины Периклимена), Закинфу, Итаке, Корфу, ни на одном из них надолго не задерживаясь. Погода была ясной, ветры — легкими, и ничего примечательного не приключилось с аргонавтами в этих знакомых водах. Если кратко, то они пробивались вдоль берега Иллирии, борясь с противными ветрами, пока на шестьдесят первый день после отплытия из устья Дуная вдали не замаячила Ээя, город Кирки, который стоит на скалистом фаллической форме острове в двадцати милях к юго-западу от истрийского порта Пола. Он назван Ээя в честь цветка гиацинта, который в изобилии тут произрастает и носит это имя, означающее сетования, которое начертано на

его лепестках самой Триединой Богиней. К своей радости, аргонавты обнаружили, что Ясон, Медея, Аталанта, Мелеагр и Меланион уже прибыли в Ээю после очень быстрого и утомительного путешествия и что Руно — по-прежнему у них. Таким образом, теперь воссоединившийся отряд аргонавтов насчитывал тридцать три человека, не считая Медеи, несмотря на потерю Ифита, Орфея, Калаида и Зета.

Старая Кирка с носом и глазами сокола, выступающим подбородком и согбенной спиной отнюдь не с дружеской улыбкой приветствовала Ясона и его спутников, когда они приплыли на остров из Полы в рыбачьей лодочке. Она спустилась на берег в своем полотняном ночном одеянии, чтобы выкупаться в соленой воде, и поскольку они были первые люди, которых она встретила после купания, она сказала им, не удостоив перед тем приветствия, что кровавый ливень хлынул на стены и пол ее дома и что в ее аптеке вспыхнуло внезапное пламя, которое она быстро погасила кровью.

Они ничего не сказали в ответ, но последовали за мокрой жрицей во дворец. Она шла пятясь и манила их пальцем. Когда она предложила им присесть на полированные бронзовые стулья,

только Мелеагр принял предложение, поблагодарив ее от имени всех, назвал ей свое имя и род; остальные покачали головами и направились к очагу, где сели в золу, чтобы показать, что они — убийцы и просители, посыпали свои головы пеплом и вымазали углем лица. С самого своего прибытия они ни разу не подняли глаз и не взглянули на хозяйку. Кирка увидела, как Ясон кладет в расселину очага свой меч, а Аталанта — свой дротик. Это и впрямь были не простые убийцы: Аталанта убила оказавшего ей гостеприимство царя Ээта на площадке его дворцовой лестницы, а Ясон предательски умертвил Апсирта, сына этого царя, после того как заключил с ним договор.

Получившая во сне предостережение, что если она не выполнит обряд очищения, которого они требуют, все ее целебные травы, корни, кора и земля потеряют силу, Кирка сразу же приготовила жертвы духам убитых, хотя и не знала пока их имен; а Мелеагр посоветовал ей обращаться к ним, как «Две царственные ели Востока», ибо ель — это альфа магического алфавита деревьев.

Она хлопнула в ладоши, чтобы принесли четырех молочных поросят, которым тут же перерезала глотки; затем, как подобает, обрызгала кровью ладони четырех просителей. Девы Со-

колы Кирки препроводили Аталанту и Медею в женскую купальню, где их омыли в девяти водах, а кровавые отбросы были вынесены из дому и брошены в яму в земле, куда, по обычаю, призывали испить крови скорбных духов. Подобным же образом мужчины-Кабаны Кирки препроводили Ясона и Меланиона в мужскую купальню и там очистили их таким же утомительным способом. Тем временем сама Кирка предлагала возлияния убитым и жгла в очаге пресные искупительные лепешки.

Когда церемония завершилась, Кирка подошла к просителям, которые снова сели на корточки у очага, подняла их за руки и любезно подвела к стульям, от которых они до того отказались; они сели. Она села к ним лицом и спросила Медею:

— Кто ты, моя дорогая, ты так поразительно напоминаешь девушку, которой когда-то была я? Янтарный цвет твоих глаз встречается только у царственных детей Эфиры. И как ты явилась сюда в сопровождении лысых скифских жрецов по тяжелой дороге — реке Саве? И кто эта дева-охотница, твой товарищ по несчастью? И кто эти двое мужчин, твои товарищи по несчастью, один из которых так темен и лицом и волосом, а другой так светел? И кто же эти две царственных

Альфы, убийство которых вы совершили?

Медея открылась Кирке и призналась во всем без утайки. Закончила она словами:

— И я прибыла действительно в ответ на твой призыв, тетушка, ты и сама хорошо знаешь.

Кирка ненавидела своего брата Ээта, как причину ее изгнания из Эфиры. Она обняла Медею и вскричала:

— Дорогое дитя, ты просто великолепно поступила! И мне бы следовало радоваться твоему прибытию, даже если бы ты не принесла этих вестей, которые придают воздуху вкус меда. Ибо я призвала тебя по важному делу, касающемуся нашей госпожи Бримо.

Что это было за дело, она открыла только одной Медее. Но известно, что она вручила племяннице некоторые дары для передачи Главной Нимфе Кокала в Сицилийском Агригентуме; а именно — бронзовый треножник, янтарное ожерелье из фаллосов и запечатанную шкатулку. Ясон, не желал никоим образом перечить Кирке, пообещал отплыть туда на «Арго» как только будет возможно, хотя Сицилия и лежала далеко к западу от пути домой. Медея подарила Кирке топорик из зеленого нефрита, одно прикосновение которого исцеляет от болей в почках, и множество редких

кавказских снадобий и трав, которых ей не хватало и которые позднее она с большим успехом использовала; Кирка с радостью уступила Медее все свои права на Эфиру, поскольку была бездетна и не намеревалась когда-либо вновь посетить перешеек.

Двор Кирки постоянно посещали тайные приверженцы старой веры, особенно — предводители звериных и птичьих братств. Она была последней уцелевшей жрицей, за исключением тех, которые жили в далекой Галлии, на Гиперборейских островах и в Ирландии, которая способна была выполнять мучительные обряды, наделявшие предводителей братств сверхъестественным могуществом, которого требовало их положение и дававшие ему способность принимать по своей воле облик своего священного животного.

Пока аргонавты оставались в Ээе, им запрещено было ранить или убивать любое, какое бы то ни было попадавшееся им создание; ибо если волк выл на холме, то это вполне мог быть волк-оборотень; если медведь врывался в пиршественный чертог и хватал со стола медовую лепешку, это, конечно, был медведь-оборотень. Ящерицы, сороки и тому подобное, даже скорпионы, жуки и муравьи — всех требовалось уважать. Из мужчин

помощниками Кирки в ее сложной и важной работе были Кабаны, принадлежавшие самой Богине Бримо, общества которой избегали все прочие мужчины; даже у самых молодых из них были белые волосы и брови, а глаза их были красны, как смерть. Некоторые из них были греками, прочие же — невриями, галлами и кельтиберами. Обычную службу во дворце несли девы Соколы, по рождению — истрийки. Было также несколько малопонятных созданий, ручных и блуждающих по дворцу, вид которых вызвал у аргонавтов ужас — двуглавый рыжий теленок, полосатая лошадь, четвероногий петух и животное, которое смахивало на белого осла, но обладало острым рогом, исходившим из середины лба. А на аккуратно подстриженном газоне в самом внутреннем дворе вопил и важно разгуливал блистательный индийский павлин, птица со скрипучим голосом и с сотней глаз на хвосте, наиболее высоко ценимая Богиней. Кирка совещалась с ним во всех самых затруднительных случаях.

Кирке очень понравился чародей Периклимен, который, будучи рожденным в момент затмения, обладал магической силой, и она ей завидовала. Она попыталась добиться, чтобы он остался у нее, но он отказался покинуть товарищей и стремился

на родину, в Песчаный Пилос. Она рассердилась и сказала ему:

— Как пожелаешь. Но я ручаюсь: недолго ты будешь наслаждаться мирной жизнью в своем имении. Ибо я вижу смерть, которую принесет тебе лук одного из этих твоих товарищей.

Именно у Кирки Мелеагр получил тайное зелье, которое должно было заставить Аталанту уступить его любви, когда настанет время его применить. Единственное, чего он боялся — это того, что Аталанта предпочитает ему Меланиона, ибо Меланион был к ней поразительно внимателен; и в течение их долгого, тяжелого, поспешного путешествия от устья Дуная до Ээи в челноке, лодке под парусом, на спине мула, в носилках и в колеснице, именно Меланион был подлинным предводителем похода и представлял их при дворе царя скифов и при любом дворе или в месте племенных собраний, ибо Ясон, как и подобает совершившему убийство, хранил, по возможности, молчание. Только клятва верности, которую дал Мелеагр своим товарищам-аргонавтам удерживала его от того, чтобы убить Меланиона, но ревность глодала его сердце день и ночь.

Что касается Руна, оно было теперь омыто в двух из семи рек, о которых сказала ветвь: в Ду-

нае, который впадает в Черное море, и в холодном бурном Турросе, который впадает в Адриатику.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ
«Арго» снова настигнут

«Арго» шел на юг по Адриатическому морю при попутном ветре, одолевая семьдесят миль за день и пятьдесят — за последующую ночь. Ни дать ни взять — изнуренная лошадка, которая, возвращаясь из долгого странствия и волоча за собой лакированную повозку, понимает внезапно, что хозяйский дом близок, навостряет уши и пускается резвой рысью, натягивая поводья. Всего лишь шесть суток спустя «Арго» подходил к Корфу — серповидной земле феаков. Здесь Ясон, испытывая нужду в воде и новых припасах, решил зайти в город Коркиру, который лежит, окруженный сосновыми лесами, во внутреннем изгибе серпа, и засвидетельствовать свое почтение царю Алкиною и царице Арете. Алкиной приходился родственником по матери коринфийцу Сизифу. Он переселился на Корфу, когда ахейцы упразднили почитание героя Асопа, жрицей которого была его мать Коркира. Женившись на Арете, царице феаков — племени, которое было оттеснено на Корфу с материка кланом

киклопов, Алкиной основал этот город и назвал его Коркирой в честь матери.

Эхион сошел на берег на заре и поздравил Алкиноя с тем, что тот — первый греческий правитель, который услышит удивительную весть. Прославленные аргонавты благополучно выполнили свою священную и повсеместно провозглашенную миссию; преодолев много невероятных опасностей, они прибыли наконец в Колхидскую Эа и там уговорили царя Ээта отдать им Руно, поплыв со славой домой и обогнув Грецию, они очистились в Ээе — один или два из них — от крови, которую им по ходу дела пришлось пролить. Им осталось только возвратить Руно Лафистийскому Зевсу, во имя которого они испытали столько страданий. Более того, как сказал Эхион Алкиною, на борту у них Медея, дочь Ээта, отправляющаяся в Грецию, чтобы потребовать своего коринфского наследства.

Можно легко себе вообразить, как расстарался Алкиной, чтобы достойно принять своих гостей. Их в скором времени усадили за обед на стулья, подобные тронам, как следует вымытых и умащенных, увив им головы миртом и набросив на колени теплые вышитые шали. Стены зала окрашены были в цвет моря, там и сям плавали в

море рыбы, поодиночке или стайками, рыбы ста различных видов; среди них ныряли дельфины, пуская пузыри, а на дне морском были нарисованы раковины. Позади каждого стула высился пьедестал с водруженной на него деревянной раскрашенной статуей мальчика в натуральную величину, одетого в чистое золото. Когда настал вечер, в руку каждому золотому мальчику вокруг всего стола вставили по зажженному факелу. По обе стороны двери сидели священные бронзовые собаки лемносской работы, между которыми опасно было проходить недоброму человеку, так что задним входом до сих пор пользовались куда чаще. Дворец и впрямь был один из богатейших и наипревосходнейше обставленных в Греции, ибо феаки были прирожденные мореходы, главные перевозчики в Адриатическом море.

Ясон переговорил наедине с Алкиноем, одеяния которого почти не гнулись из-за обилия золотых нитей, и поведал ему о своих затруднениях: в Колхиде, вдохновленный богиней Афиной или каким-либо другим божеством, он сообщил царю Ээту, что коринфийцы из-за ящура, наводнений и нашествия змей попросили его либо вернуться и править ими, либо послать вместо себя одного из своих детей. Медея явилась в ответ на это мнимое

приглашение, и теперь честь обязывает его возвести ее на престол Эфиры, законной наследницей которого она является, поскольку ее отец, ее брат Апсирт и ее тетка Кирка уступили ей свои права. Алкиной благосклонно улыбнулся, услышав рассказ Ясона и предложил сделать все, что в его силах, чтобы помочь делу; если потребуется, он даже пошлет корабль или два с вооруженными воинами в Эфиру, чтобы силой подкрепить требования Медеи. Ясон сердечно поблагодарил его и пообещал в свою очередь проследить, чтобы Медея восстановила почитание героя Асопа, ибо он собирается жениться на ней, как только возвратит Руно Лафистийскому Овну. Однако, щадя чувства хозяина, коринфийца, Ясон позволил ему поверить, будто Ээт и Апсирт еще живы, а также ни словом не обмолвился о путешествии по Дунаю.

Пиршество продолжалось весь день дружно и весело и могло бы затянуться на всю ночь, если бы, когда начала сгущаться тьма, снаружи не послышалась какая-то продолжительная суматоха и в зал не вбежал слуга с тревожной вестью. В гавань вошел флот из восьми чужеземных боевых галер, судя по виду — эфиопы; воины высадились с оружием в руках, построились в

несколько ровных колонн и теперь приближаются ко дворцу. Алкиной ничуть не взволновался, потому что, как он сказал Ясону, которого уговорил продолжать пир: «Я никогда не причинял эфиопам вреда, насколько мне известно, и они слывут народом, справедливым и мирным». Но Ясон вспотел от страха: он догадался, что флот колхов снова настиг его и что главного адмирала Араса нелегко будет провести во второй раз.

Арас вошел сам вместо вестника, будучи единственным колхом, который говорил по-гречески. Он не щеголял красноречием, но говорил сжато и просто, как подобает адмиралу:

— Твое Величество, я — Арас, главный адмирал флота колхов. Три месяца назад я отплыл из Эа на реке Фасис, которая расположена примерно в двух тысячах миль к востоку отсюда. Моим владыкой тридцать лет был грек царь Ээт. Теперь он предательски убит своими же соотечественниками.

— Убит?! — вскричал Алкиной. — О, господин мой, мне горестно об этом слышать! Мы с ним вместе росли в Эфире. — Он вопрошающе повернулся к Ясону, который ничего не сказал, а лишь ответил безмятежным взглядом; а затем — к Медее, которая начала молча плакать.

— Мои высокочтимые гости, — сказал Алкиной, — не упомянули о печальном событии, хотя и сами только что прибыли из Колхиды; вне сомнений, Ээт умер вскоре после их отбытия из Эа?

— Четыре часа спустя, — ответил Арас. — Мой властелин скончался от раны, которую один из них нанес дротиком, и я прибыл, чтобы доставить их экипаж и отдать под суд. Это — преступники, Твое Величество, они сейчас пользуются твоим гостеприимством, они явились в Колхиду под маской дружбы и под видом долга благочестия. И только они явились, их предводитель Ясон уговорил единственную оставшуюся в живых дочь царя Ээта, царевну Медею, украсть Золотое Руно Зевса из святилища Прометея и бежать с ним. Чтобы учинить смуту, под прикрытием которой они могли бы сбежать, они совершили святотатственное деяние: они оскопили и запрягли в ярмо священные изваяния таврических быков, которые стоят во внутреннем зале царского дворца.

— Умоляю, погоди немного, — сказал Алкиной, — скажи мне сперва, какие такие права имеет герой Прометей на Золотое Руно Зевса?

— Это не моя забота, Твое Величество, — сказал Арас. — Руно было собственностью Прометея в течение поколений или больше.

— И все же это — вопрос, ответом на который определяется справедливость иска, — сказал Алкиной. — Дело можно рассматривать так: если мои гости отправились в Колхиду по велению отца Зевса, дабы вернуть похищенную собственность и если царь Ээт отказался им эту собственность вернуть, они имели право применить силу, или, по меньшей мере, у них есть возможность взывать о защите теперь, когда они снова в Греции, где действуют законы Зевса. И ответь мне вот на что: как вышло, что таврические изваяния быков попали в царский дворец в Эа? Или вы, колхи, не почитаете Митру, древнего врага Быка?

Арас ответил:

— Ээт заключил союз с дикими таврами и женился на дочери их царя; никто иной как они настояли, чтобы там установили бронзовых быков для того, чтобы совершались богослужения для нее самой и ее свиты.

Алкиной сказал:

— Если это так, надругательство над быками кажется скорее печалью тавров, нежели колхов. И мне ясно по твоему поведению, что ты не любишь ни тавров, ни их бога.

Арас продолжал:

— Я был послан в погоню за пиратами, и на Длинном Берегу повстречал царевича Апсирта, единственного сына Ээта, который отплыл ранее меня. Я почтительно приветствовал его, как царя. Затем мы объединили силы и едва ли не захватили пиратов в окрестностях Синопа; но они от нас ускользнули и направились на северо-запад. Царь Апсирт отплыл в погоню, а меня послал к Трое с эскадрой из восьми кораблей — подстерегать греков на случай их возможного бегства через Геллеспонт; он так распорядился, потому что нет удобного порта в начале Босфора или ниже; потому что троянцы — наши союзники. Я стоял на якоре в реке Скамандр недалеко от Трои несколько дней, когда дымовые сигналы, переданные со стороны Геллеспонта дали мне знать о появлении пиратов. Я вышел в море, взошел к ним на борт и обыскал судно, но не нашел там ничего существенного — ни Золотого Руна, ни царевны Медеи, ни девы-охотницы Аталанты, которая нанесла удар, вызвавший смерть царя Ээта, ни их капитана Ясона. Эхион, их вестник, сообщил мне ложные сведения, что царь Апсирт нагнал их корабль в устье Дуная и после короткой стычки захватил их. Он свершил месть над Аталантой и Ясоном, как сказал Эхион, и отплыл

домой, в Колхиду, с Медеей и Руном. Но позднее мне открыло правду угрюмое истекающее кровью видение моего убитого царя.

Эхион поднялся и сказал царю Алкиною:

— Твое Величество, я протестую. Колху вполне могло явиться видение, но он делает умышленно лживое заявление о моих к нему словах. Я ничего подобного не говорил, и это любой из нас может засвидетельствовать под присягой. Если, когда он обыскивал наш корабль при свете дня, боги ослепили его, окутав волшебным туманом лиц, которых он искал и само Руно, какова же здесь моя вина? Я опровергаю его обвинения! — Он снова сел.

Арас молчал, ибо не мог постичь, как же его провели. Он решил, что это, должно быть, дело рук чародея Периклимена.

Алкиной повернулся к Ясону и спросил:

— Скажи мне, господин мой, как ты умудрился уйти от царя Апсирта?

Ясон ответил:

— Твое Величество, полагаясь на защиту пяти великих Олимпийцев, и особенно — богини Артемиды, святилище которой в устье Фенхелева протока, сын Ээта попытался осквернить предательским убийством, я поразил его мечом, а

затем изрубил в куски. По его смерти царевна Медея стала законной царицей Колхиды, ибо у Ээта нет наследников мужского пола. Она сразу же приказала командирам флота своего брата, одну галеру которого мы уничтожили тараном, вернуться в Колхиду; они ей повиновались, или я так полагаю. Арас также обязан повиноваться ее приказам.

Арас, хотя растерявшийся и отныне не столь уверенный в себе, как сразу же по прибытии, упрямо сказал:

— Я слишком стар, чтобы меня одурачили дважды. Невозможно, чтобы вы сразились с двенадцатью кораблями, имея только один корабль, одержали победу и не понесли потерь. Я уверен, что царь Апсирт все еще жив, и таким образом, я должен выполнять приказы, которые он мне дал. Я должен доставить обратно Руно и царевну Медею, к которой сватается албанский царь Стир — и я должен либо схватить, либо уничтожить Ясона и Аталанту.

Алкиной спросил:

— Несравненный Арас, согласишься ли ты подчиниться моему решению, которое будет беспристрастным? Другая возможность для тебя — попытаться захватить и Руно и царевну Медею

силой, в случае чего ты окажешься в состоянии войны не только со мной, но и со всей Грецией.

Арас ответил:

— Твое Величество, я подчинюсь твоему решению, если ты поклянешься именем богини Бримо или Гекаты, или как там у вас еще называют Царицу Преисподней, что будешь беспристрастен.

— В этом я готов поклясться! — вскричал Алкиной. — Хотя, по указанию Зевса, единственная царица Преисподней, во имя которой нам дозволено клясться — это Персефона, жена его брата Гадеса.

Ясон сказал:

— Я также подчинюсь твоему решению, Твое Величество. Но я бы хотел, чтобы ты узнал: царица Кирка из Ээи, сестра царя Ээта, недавно очистила и Медею, и меня, а также Аталанту Калидонскую от крови, которую мы пролили или вынуждены были пролить; она приняла нас как просителей на своем нескромной формы острове и действовала в соответствии с предостережением, посланным ей во сне Богиней, которой она служит.

— Я буду иметь в виду твои слова, — сказал Алкиной. Затем он пожелал, чтобы Арас и Ясон дали клятву подчиниться его решению, но поскольку

Арас не признавал Персефоны, они поклялись Солнцем, божеством, которое оба чтили, Авгий из Элиды также принял клятву. Алкиной сказал:

— Завтра утром я сообщу решение. А пока что, прошу, помните, что вы — мои гости и связаны сейчас едиными узами учтивости по отношению ко мне. И я требую, чтобы вы не совершали ничего неподобающего.

В ту ночь аргонавты спали вместе на полной гулкого эха веранде дворца, а Медея — в маленькой комнате рядом с царской спальней. Медея пришла тайно к царице Арете и сказала:

— Царица-сестра, сжалься надо мной. Не позволяй твоему мужу отсылать меня обратно в Эа. Мой отец, царь Ээт, — мертв, нет и моего брата, и нелепо, чтобы Арас оспаривал мои права на престол Колхиды. Я влюблена в Ясона, и мы собираемся пожениться, как только возвратим Руно его божественному владельцу; я стану тогда царицей Эфиры и всего Коринфа, а он будет моим царем. Я могла бы разделить с ним мой колхидский престол, если пожелаю, а он со мной — свой фтиотийский; и я также полагаю, что он приобрел царские права и над Лемносом, было бы желание их предъявить. Твой супруг должен подумать дважды, а то и трижды, прежде чем

передаст столь царственную пару, как мы, в руки темнокожего заморского варвара. Кроме того, как тебе уже сказали, мы состоим под покровительством всех ведущих Олимпийцев и, более того, — самой Триединой Богини, которую, как я знаю, ты втайне почитаешь превыше любого из них. Будь мне другом, Арета, и когда-нибудь я вознагражу тебя, можешь быть уверена.

Царица Арета поцеловала Медею и ответила:

— Сестра-царица, я с радостью буду ходатайствовать за тебя перед Алкиноем. Ибо у меня тоже был суровый отец, от которого я вынесла много недоброго, да еще и своенравный брат, такой, как, судя по всему, и у тебя. И я тоже влюбилась в Ясона. Думаю, он — самый красивый мужчина, которого я когда-либо видела, и если ты собираешься мне сказать, что предпочла бы жить с ним в рыбачьей хижине, нежели с другим во дворце, я тебе охотно поверю. Полагаю, дело — в его удивительных волосах.

Медея была растроганна до слез. Арета обняла Медею и сказала:

— Я уверена, что ты с ним будешь очень счастлива, ибо, хотя Ясон — не такой добродушный или уступчивый мужчина, как мой Алкиной, все же ты — явно умнее меня, и таким образом — подхо-

дящая для него пара. Конечно, Ясон еще молод, и со временем, я не сомневаюсь, станет справедливым правителем и разумным супругом. Я должна тебе признаться, что нахожу брак удивительным установлением — не могу себе вообразить, как наши бабушки устраивали свои дела прежде чем так стало принято, когда мужчины были для них всего лишь случайными возлюбленными, и женщинам не на кого было положиться, кроме как на себя. Теперь у нас, жен, — вся настоящая власть, очень малая часть ответственности и море удовольствия. Я, конечно, поклоняюсь втайне Триединой Богине, но не могу прикидываться, будто я не благодарна Зевсу за то, что сделал ее своей женой.

Медея улыбнулась Арете сквозь слезы, а та все трещала:

— Милое дитя, как я тебе завидую, у тебя впереди — брачная ночь. Кажется, еще только вчера нас с моим дорогим Алкиноем осыпали анисом, и мы вкусили засахаренной айвы и впервые поцеловались под многоцветным свадебным балдахином, который приготовила для меня моя дорогая матушка. И как чудесно пахла жимолость в ту ночь. Поверь мне, моя дорогая, восторг первых объятий потом не повторяется; никогда

не забывается, но не повторяется. Ах, какие невыразимо дивные радости тебя ждут!

Голос доброй царицы дрогнул от нежности, и Медея не могла заставить себя признаться, что, по правде говоря, не может быть в целом мире женщины, несчастнее ее — ненавидящей то, чего она больше всего желает, желающей того, что она больше всего ненавидит, беглянки, погубительницы своей родной семьи, изменницы великодушного героя, святилище которого она охраняла.

Но она сказала:

— Сестра-царица, благодарю тебя за добрые пожелания и завидую от всего сердца твоей согласной жизни с благородным Алкиноем, подобной которой сама я и надеяться не смею насладиться. Ибо, как ты должна знать, жрица, присягнувшая Богине, проклята, так как наделена двойным зрением и двойной природой: она упорно и жестоко строит заговоры, в муках губит тех, кто ее больше всего любит и, дабы избежать одиночества, наводняет свой дом лжецами, ничтожествами и грубиянами.

Арета вскричала:

— О, дитя, не говори так ужасно, даже для того, чтобы избежать зависти божества или злого духа!

Лицо твое светится добротой, я не поверю, что ты способна на злое деяние. Да будь ты благословенна множеством детей, хотя бы четырьмя или пятью, дети оказывают восхитительно успокаивающее действие на женщин, которые одарены избытком разума, такого, как у тебя.

Медея ответила:

— Несравненная Арета, я и надеяться не смею на такое благословение, хотя, полагаю, что я — женщина, столь же честная, сколь и ты. Грозная Мать преследует меня, овладевая моей душой и делая меня сосудом своего неутолимого гнева; пока она со мной не покончила, я столь же опасна для любого города, где бы ни остановилась, сколь тлеющий сосновый факел — для поля, где созрел для жатвы ячмень. Поэтому, царица-сестра, если по доброте своего сердца ты сейчас можешь меня спасти, это будет доказательством твоей мудрости, равно как и твоей добродетели; но, умоляю, не уговаривай меня остаться с тобой на день дольше, нежели потребуется.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ
Колхов снова провели

В ту ночь в постели с Алкиноем Арета старалась быть как можно очаровательней, ласково скребя ему голову своими аккуратно подстриженными ногтями и часто его целуя. Она спросила его:

— Мой благородный господин, скажи мне, какое решение ты намереваешься вынести завтра по делу нашей милой гостьи, колхской царевны. Ибо у меня просто сердце разобьется, если ты отошлешь ее назад, чтобы ее выдали за старого и гадкого албанца, о котором мне рассказывала Аталанта. Вообрази: он ни разу не мылся с тех пор, как родился — албанский закон строго запрещает мытье, и кишит паразитами, как старый сыр. Да еще и такая красивая девушка, как она, и такая несчастная, дочь-сирота твоего старого друга…

Алкиной притворялся, будто спит, но тут не мог удержаться и не ответить.

— Прежде всего, моя дорогая, я не могу тебе сказать, какое решение вынесу; оно, несомненно, откроется мне во сне. А во-вторых, я нахожу, что несколько нелепо с твоей стороны пытать-

ся возбудить у меня сочувствие к этой сироте, безумство и неповиновение которой явилось непосредственной причиной гибели ее отца, а возможно — и ее брата, хотя это еще и не доказано. Мое имя — Сильный Разумом, и Сильный Разумом — моя природа.

— Дорогой мой, — сказала Арета, — я знаю, как ты от природы добросердечен, хотя и делаешь вид, будто суров. Я уверена — что бы там ни случилось, ты никогда бы не смог обращаться ни с одной из наших дочерей так, как Ээт со своей. Ты должен признать, что большинство отцов по отношению к детям слишком строги и ревнивы. Ты помнишь случай с Никтеем, братом Ориона, прославленного фиванского охотника? Он попытался препятствовать браку своей дочери Антиопы с Эпопеем Сикионским и, когда она бежала к Эпопею, затеял войну с Сикионом, что погубило сотни невинных семейств, включая и его собственное, и в конце концов совершил самоубийство. Был также царь Акрисий Аргивский, который запер свою дочь Данаю в бронзовом склепе, а когда она, несмотря на все его предосторожности забеременела, пустил ее в ящике в море; но она родила сына, прославленного Персея, который убил деда и стал основателем

Микен. Если тебе нужен более современный пример, посмотри на нашего соседа, Эхета из Эпира, который ослепил свою дочь Амфиссу, виновную в том, что она сделала его дедом, и теперь принуждает ее молоть в темнице железный ячмень — ты полагаешь, что он хоть сколько-нибудь процветает? Если бы ты меня спросил, я сказала бы, что Ээт, хотя он благоразумен в делах государственных (в противоположность домашним), сполна заслужил свою участь.

— То, что Ээт мог вести себя глупо или даже жестоко, не оправдывает неповиновения его дочери, — сказал Алкиной. — Самое большее — это только причина его смерти. Злом зла не поправишь.

— Но подумай, — запротестовала Арета, — о том, что случится, если ты вынесешь решение против аргонавтов. Они связаны так или иначе с половиной царских семейств Греции и состоят под покровительством, по меньшей мере, пяти Олимпийцев. Что касается этих колхов, то они живут на другом краю света, и более чем сомнительно, что у Медеи остался хотя бы один родич-мужчина, гнева которого тебе надо страшиться в случае великодушного решения в ее пользу. Напротив, ее племянники, сыновья

Фрикса, питают к ней глубочайшее сочувствие и содействовали ее бегству.

— Олимпийцы, — сурово сказал Алкиной, — выплевывают человека, словно горячую кашу изо рта, чуть только он начинает вести себя предательски или несправедливо; и я не намерен прощать преступление только потому, что обвиняемые оказались богаты или высоки по рождению, или имеют нескольких соучастников, или потому что истцам случилось жить где-то очень далеко. Пока не доказана смерть Апсирта (а я еще должен получить доказательства этому), я обязан считать его живым и рассматривать как заинтересованную сторону. Если быть с тобой откровенным, я ничуть не доверяю молодому Ясону — он сказал мне слишком много такого, что является полуправдой, а то и прямой ложью; а вестник Эхион что-то уж больно красноречив; и то, что царевна Медея влюбилась в Ясона, может быть объяснением ее поведения, но, конечно же, не причина, по которой мне следует простить такое вызывающее поведение.

Арета сказала:

— Мой дорогой господин, возможно, что ты и прав, как часто бывает, но клянусь, что я не усну ни на миг, пока не узнаю, какое решение ты

собираешься объявить завтра.

— Повторяю, дорогая, — сказал он, как можно более кротко, — что я об этом и понятия не имею. Я намерен найти решение во сне.

— Думаю, — сказала Арета с теплотой, — что искать во сне ответа на вопрос, который лень разрешить наяву, — глупейший обычай. Единственное, что может случиться, — это то, что, проснувшись, судья забудет все, что относится к делу и вынесет приговор наобум. — Она выбралась из постели и зашагала взад-вперед по комнате.

— Вернись, дорогая, вернись! — взмолился Алкиной. — Мне было так уютно, когда я лежал в твоих объятиях.

— Я вернусь, — твердо ответила Арета, — когда ты скажешь мне напрямик, какое решение ты собираешься вынести завтра. Только напрямик, запомни! Я твоя жена, и я не могу вынести, чтобы в такого рода случае я не знала, что у тебя на уме.

Поскольку Алкиной и Арета никогда не ссорились, Алкиной немедленно сдался.

— Хорошо, — сказал он, — говоря напрямик, приговор мой, полагаю, будет таков. Поскольку имеется противоречие в показаниях касательно

предполагаемой смерти царя Апсирта, я должен рассматривать его как еще живого и как законного защитника своей сестры, если только не окажется, что она перешла уже под защиту Ясона или какого-либо другого грека посредством вступления в брак — что, насколько я знаю, уже могло иметь место с выполнением всех формальностей и с согласия ее отца или брата. Если она уже новобрачная, для меня было бы очевидной нелепостью позволять Арасу тащить ее назад через полмира с целью заключения брака между ней и каким угодно царем. Но если она все еще девица, как я предполагаю, судя по ее одежде, что же, она должна вернуться домой, какие бы несчастья ни принесло ей это решение. Ибо должна свершиться справедливость. Что касается Руна, кто его законный хранитель? Медея, жрица святилища Прометея. И я считаю, что куда бы ни отправился хранитель, туда отправляется и Руно. Что касается любого рода мести, замышляемой в отношении Аталанты Калидонской — это никак не может быть моей заботой; однако я запрещаю любое кровопролитие в моих владениях под угрозой войны.

Арета опять забралась в постель.

— Думаю, что твое решение — самое разумное

и справедливое, какое я когда-либо слышала, да еще и в таком трудном деле, — сказала она. — А теперь усни, мой дорогой господин, и отдохни к утру. Больше я тебя не потревожу. «Добродетель» — мое имя, и Добродетель — в моей природе.

Как только Алкиной захрапел, Арета украдкой выбралась из комнаты и велела одной из своих женщин побыстрее вызвать ее личного вестника. Когда он полусонный явился, она сказала:

— Позови твоего собрата по ремеслу, Эхиона. У меня есть для него добрые новости, откладывать невозможно. Он спит на веранде.

Вестник, глядя на нее, моргал, как сова, но она брызнула ему водой в лицо, чтобы привести его в чувство. Он отправился на веранду искать Эхиона, но там оказалось пусто. Он заторопился в порт и застиг аргонавтов в тот миг, когда они садились на корабль, ибо Ясон решил бросить Медею и бежать с Руном, считая его своим священным долгом.

— Куда вы направляетесь, господа? — спросил вестник.

— О, никуда, вовсе никуда, брат, — ответил Эхион. — Мы всего-навсего меняем место швартовки. Наш товарищ Корон из Гиртона, который предсказывает погоду, как и все мужчины-Вороны,

решил, что ветер вот-вот переменится на северо-восточный; и мы всего лишь хотим пересечь гавань, чтобы ему угодить.

— У моей госпожи Ареты для тебя добрые новости, и откладывать невозможно, — сказал вестник. — Если я правильно догадываюсь, для вас было бы благоразумно немедленно вернуться на полную гулким эхом дворцовую веранду, доверив вашим тросам и якорям удерживать ваш прекрасный, много проходивший корабль, чтобы его не разбило о скалы.

И вот они вернулись, точно отара овец, а вестник бежал сзади, словно пастушеская собака, которой нет надобности лаять или показывать зубы, так как одно ее присутствие — достаточное предостережение овцам, что им следует держаться верной тропы.

Эхиона привели к царице. Она милостиво улыбнулась, сказав ему:

— Вот мое слово мудрому божественному вестнику. Если только твой господин, царевич Ясон, не женится на царевне Медее до утра, похоже, что решение царя будет против них. Пусть они поспешат.

Эхион спросил:

— Но, милостивая госпожа, можно ли такой

важный брак, как этот, достойно заключить за такое короткое время?

Царица Арета ответила:

— Если его не заключат немедленно, его никогда не заключат. Теперь послушай меня. Царь Алкиной спит, я не желаю, чтобы его потревожила мелодия свадебной песни, ибо он невыразимо устал, и как подобает жене, я должна обеспечить ему спокойный сон. Остров Макриды у входа в нашу гавань — самое подходящее место для совершения обряда. Ты когда-нибудь бывал в тамошней священной пещере, пещере пеласгийки Макриды? Она была последней жрицей Диониса в Дельфах, прежде чем Аполлон не захватил дельфийское святилище, и свои дни она закончила в этой самой пещере. Сообщи Ясону, что все мои запасы — в его распоряжении и в распоряжении его царственной невесты. Ему охотно послужат мои придворные музыканты, а мои придворные дамы окажут услуги невесте и принесут с собой столько полотна и подушек из лебяжьего пуха, сколько потребуется для прекраснейшего брачного ложа. Несомненно, у Ясона найдутся одеяла; но я обеспечу его вином, чашами, чтобы разбавлять вино, факелами, жертвенными животными, лепешками, сластями и айвой — короче, всем,

чего бы он ни потребовал. К счастью, мои дамы ходили нынче вечером в долину и принесли домой полные корзины цветов, так что я и вообразить не могу, будто чего-то будет не хватать. Если Апсирт мертв, как ты говоришь, — а у меня нет причин сомневаться в твоих словах, — то сыновья Фрикса — ближайшие, остающиеся в живых сородичи-мужчины царевны Медеи и, следовательно, имеют право по нынешнему греческому закону отдать ее в жены царевичу Ясону. Я и жреца предоставлю — он у меня во дворце служит — который хорошо знает, какие жертвы надо приносить местным божествам брака, а Аталанта может умилостивить Артемиду.

Эхион спросил:

— А Медея? Согласится ли она на такие действия?

Царица Арета ответила:

— Естественно, Медея, несомненно, предпочла бы достойно справить свадьбу в Иолке, в доме Ясона, где следует сжечь ось повозки, на которой она приехала. Но лучше свадьба второпях и даже тайком, как сама она говорит, чем вообще никакой.

Ясон был воистину благодарен царице Арете и, созвав своих товарищей, шепотом упросил

их не открывать ни ей, ни кому-то еще, что излишняя предосторожность чуть не стоила ему потери его драгоценного сокровища. Затем они вместе собрали все, что требуется для свадьбы и что предложила им Арета, и отнесли это на «Арго». Придворные дамы пообещали прибыть следом с невестой, придворные же музыканты сразу взошли на борт со своими инструментами; и после нескольких минут плавания на веслах, «Арго» подошел к островку Макриды. Здесь в пещере товарищи Ясона набросали дерну, чтобы сложить брачное ложе, а вход увешали плющом и лавром и расставили на козлах столы для свадебного пира. Пока Аталанта умилостивливала Артемиду, принося в жертву телку, прекрасно зная, что богиня терпеть не может браков и мстит тем, кто о ней забывает, дворцовый жрец царицы Ареты преподнес угощение местным божествам Аристею и Автоное — виноград, медовые соты, оливковое масло и овечий сыр. Бут с восторгом помог ему в этом, ибо Аристей был не только первым в Греции сыроваром, но также впервые вырастил маслины и завел пчел. Жрец и его помощники спели гимн в честь Аристея. Начали помощники, спросив:

Откуда принес ты ветвь оливы,

Твою плодоносную ветвь оливы,
Чтобы к диким деревьям ее привить?

Жрец ответил:

Из огорода моих соседей
Я принес плодоносную ветвь оливы,
Чтобы к диким деревьям ее привить.

Они снова спросили:

А откуда соседи ее принесли,
Эту плодоносную ветвь оливы,
Чтобы к диким деревьям ее привить?

Жрец снова ответил:

В огороде моих соседей
Взяли они плодоносную ветвь,
Чтобы к диким деревьям ее привить.

Помощники спрашивали все более настойчиво, из чьего же огорода была принесена эта плодоносная ветвь; но девять раз отсылал их жрец от соседа к соседу, пока наконец не смог торжествующе ответить:

С дерева славного Аристея
Он принес плодоносную ветвь,

Чтобы к диким деревьям ее привить.

Помощники спросили, как досталось дерево Аристею, и жрец ответил, что Аристею его милостиво даровала Великая Богиня. И что он делал дальше? Он прививал одну дикую оливу к другой в лучах восходящей луны, а на следующий год подобным же образом привил побег с привитого дерева на другое привитое, а на третий — побег со вновь привитого — на то же привитое в лучах восходящей луны, трижды окликнув Богиню по имени. Великая Богиня прошелестела листвой, и последний побег, который привил Аристей, дал совершенные по форме листья сладостной оливы и благословил его, когда пришла зима, сочными пурпурными плодами.

Бут ответил на эту песню другой, похожей, своего собственного сочинения, начав:

Откуда принес ты этих пчел,
Этих неутомимых пчел,
Что пьют нектар из моих цветов?

Он научил помощников, как задавать ему нужные вопросы. Первый ответ его был, что рой принесен из соседского улья. Затем Бут отсылал их от соседа к соседу, пока не оказалось, что первые пчелы взяты из улья Аристея. А где раздобыл

их сам Аристей? Бут с торжеством ответил, что Аристей принес их из тела мертвого леопарда, которого убил на Пелионе, когда хищник пытался убить одну из священных кобыл Богини. Аристей трижды попрал мертвого зверя ногой, окликая Богиню по имени, и на третий раз она ответила ему ударом грома, который заставил попадать шишки со всех сосен на горе; пчелы вылетели, жужжа, из раны в боку леопарда и поселились в земляничном дереве.

Так закончилась песня Бута. Но он пожалел, что не может искренне превознести коркирский мед.

Медея пересекла гавань на борту феакской галеры. На ней было белое полотняное одеяние и расшитое белое покрывало, одолженные Аретой, которая и сама сопровождала невесту. Двенадцать придворных дам, назначенных подружками невесты, уже трижды погрузили ее в священный источник Коркиры. Медея сожгла на алтаре Артемиды, который соорудила Аталанта, прядь своих светлых волос. Богине Бримо, с которой она заключила мир перед тем, как покинуть дом Кирки на острове Ээя (пожертвовав ей черную свинью с девятью поросятами), она совершила возлияние чистым медом из полной

чаши.

Ясона его товарищи подобным же образом выкупали в водоеме, питаемом водами источника Макриды; затем его облачили в его лучшие одежды и украсили голову цветочным венком. Царица Арета в честь Руна дала аргонавтам редкие пурпурные и золотые цветы, именуемые трехцветными фиалками, которые выращивала в высоких глиняных горшках, стоящих в ряд в ее личном саду, именно из этих цветов сплели венок Ясону.

Затем сыновья Фрикса подвели Медею к Ясону, который взял ее за руку и повел к пещере, где двенадцать подруг невесты спели свадебный гимн у входа, усыпали их цветами и медовыми лепешками, выпеченными в виде самых разных фаллических зверей и птиц, миндальными конфетами и пригоршнями душистого аниса. Сама царица Арета светила им, держа факел.

Тридцать три аргонавта и такое же число феаков приняли участие в пиршестве, но не было ни одного колха, за исключением сыновей Фрикса. Пирующие бурно веселились и отпускали нескромные шутки, а победителем в состязании вышел Идас; а вскоре подружки Медеи танцевали на широком и ровном полу пещеры у

входа свадебный танец в честь богини Геры, обходя, держась за руки, грубую каменную герму, которую по такому случаю вытесал Аргус; и прекрасная свадебная песнь зазвучала и умолкла, пока Ясон ел дары моря, чтобы умножить свою мужскую силу.

Наконец Медея и Ясон, рука в руке, прошли к своему ложу в конце пещеры, перед которым висел занавес. Царица Арета дала каждому из них съесть по ломтику засахаренной айвы и предложила понюхать спелую свежую айву. Она сказала им:

— Пусть этот аромат останется в ваших устах и ноздрях, восхитительная пара.

Медея развязала свой девичий пояс и вручила подругам, чтобы возложили его на алтарь Артемиды, а затем оглянулась на брачное ложе. Она содрогнулась и стала белее лилии, ибо на тонких полотняных простынях и много странствовавших одеялах, которые накидали аргонавты на дерн, лежало тщательно расправленное Золотое Руно, о ловком похищении которого из святилища Прометея она бы с радостью забыла.

Ясон сказал:

— Госпожа моя, не содрогайся при виде этого благословенного покрывала. Оно для того поло-

жено здесь, чтобы о нашем браке сложили песню на изумление и зависть потомкам.

Она слабо улыбнулась ему и ответила дрожащими губами:

— Пусть оно не принесет нам несчастья, прекрасный мой!

И против своей воли повторила слова той проклятой песни своего родича Сизифа, жалобы Пасифае, которой в бреду научил ее Орфей:

Руно позолотило наше горе,

Что нынче ночь безлунная настанет.

И в самом деле, в ту ночь не было луны; и хотя Сизиф думал совсем о другом, когда слагал эти строки, они ныне столь же подходили к случаю, сколь и предвещали зло.

Ясон дал ей выпить неразбавленного вина, чтобы поднять дух, и, накрывшись Руном, они вступили в любовную близость, а сквозь занавес доносились шутки, песни и смех гостей, как скоро для двоих забрезжила ясная заря!

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ
К Сицилии и дальше на юг

В то утро, воссев на престол, Алкиной вынес свое решение. Он сказал:

— Господа мои, Зевс Законодатель повелевает мне объявить вам свою непреклонную волю. И да сгинет тот, кто возропщет! Таковы слова Зевса: «Царевна Медея, если она уже вышла, с соблюдением подобающих обрядов, замуж за Ясона, сына Эсона, или какого иного грека, может остаться со Мной; но если она еще не заключила брак, она ничего не должна делать по своей воле, чтобы изменить свое положение и вызвать тем самым неудовольствие законных правителей ее страны. Что до так называемого Золотого Руна, это сброшенное Моим Лафистийским Овном пурпурное одеяние было давным-давно и с Моего соизволения доставлено в Эа в Колхиде, и там передано на хранение жрице Прометея; и вот я говорю: куда бы она ни отправилась, пусть с ней отправляется и Руно. Если жрица ныне сочтет подобающим возвратить Руно Прометею, образ который оно прежде покрывало, не должно ей в

этом препятствовать; и все же, будучи Владыкой Всего Сущего, я не больно озабочен, что может статься с этой окаймленной золотом безделкой. Что до девы-охотницы Аталанты из Калидона, я запрещаю свершать над ней какую бы то ни было месть в любых землях, где действуют мои законы, ибо она — возлюбленная служанка моей дочери Артемиды».

Арас возликовал. Он объявил, что божественное решение справедливо и бесспорно, и указал, что поскольку Медея могла бы выйти замуж с совершением подобающих обрядов, только если бы заручилась согласием своего ближайшего родича-мужчины, а именно — Апсирта, в силу решения, которое провозгласил Алкиной, она должна вернуться в Колхиду безотлагательно, а с нею — и Руно.

Царица Арета была на вид сама невинность, но ее придворные дамы с трудом подавляли радость, особенно когда Арас поддел Ясона, спросив:

— Ну, хитроумный грек, что ты думаешь об этом новом повороте судьбы?

Ясон невозмутимо ответил:

— Он мне нравится. Царевна Медея Колхийская — уже новобрачная, и брак был заключен с общего согласия всех оставшихся в живых ее

родичей-мужчин, а именно: Фронта, Меланиона, Артея и Китиссора, сыновей Фрикса. Девичий пояс царицы должным образом подарен святилищу Артемиды Коркирской, там все его могут увидеть.

Тут все присутствующие греки разразились бурным смехом, а колхи, кроме Араса, хранили молчание, не понимая смысл сказанного Ясоном. Арас выразил сперва недоверие, затем — негодование. Он, естественно, предположил, что Алкиной его провел, но вежливость удерживала его от обвинения хозяина в двурушничестве. Он стоял, кусая губы и беспокойно теребя в руке меч, когда Медея плавно подошла к нему и спросила с обезоруживающей улыбкой:

— Почему ты медлишь, Арас? Почему ты не отплываешь в Колхиду?

Он ответил:

— Если твой царственный брат Апсирт еще жив, если он — царь Колхиды, он убьет меня, стоит мне только прибыть, не выполнив три его задания. Почему я должен возвращаться в страну, которая лежит в такой дали отсюда, всего лишь для того, чтобы умереть ужасной смертью, едва ступлю на берег? Но если он мертв, как я теперь склонен верить, ибо сыновья Фрикса — люди

честные и не стали бы делать лживых заявлений в присутствии божеств брака, для которых сооружаются алтари — что же, тогда ты — моя царица, и ты мне должна приказывать.

Медея ласково положила ему руку на плечо и сказала:

— Благородный Арас, либо возвратись в Колхиду, если желаешь; либо, если боишься столкнуться с гневом моего дяди, тавра Перса, албанского царя Стира и государственного совета Колхиды, почему бы тебе не направиться к Ээе, которая лежит против Полы в начале Адриатического моря? Там ты вполне можешь предоставить себя в распоряжение сестры моего отца, царицы Кирки, которая всегда рада принять у себя на острове всех воинов, верных почитателей Многоименной Богини. Но если ты мне когда-нибудь понадобишься, будь уверен, я за тобой пошлю. Прощай, Арас, и удачи тебе! Что касается меня, домом моим станет Эфира, где живет прежний народ моего отца, а Перс, до которого мне дела нет, может править как наместник в Колхиде в мое отсутствие, которое, похоже, и впрямь будет очень долгим. И я приказываю тебе, честный Арас, пусть мою подругу Аталанту оставят в покое. Артемида, а не она убила моего отца Ээта;

Артемида же — богиня, с которой шутки плохи, как ты уже видел.

Так удалось убедить Араса. Он простился с Медеей, с достоинством ей повинуясь, и его люди зашагали за ним в гавань, подставили паруса своих кораблей южному ветру и вскоре пропали из виду. Ясон отметил отплытие Араса жертвоприношениями и играми, а сельский люд из окрестностей принес свадебные дары царственной паре: один — телку, другой — мед в сотах, третий — жирного гуся. Аргонавты сожалели, что не могут немедленно отплыть в Иолк, а оттуда рассеяться с честью по своим родным городам и островам, пока не испортилась погода; но они были связаны ясоновым обещанием Кирке доставить сперва некоторые дары Главной Нимфе святилища Кокала в Агригентуме Сицилийском.

На пятый день пребывания на острове они простились с феаками, которые нагрузили корабль припасами и снабдили его новым парусом и такелажем, и взяли курс на Калабрию в Италии. Как прощальный дар, царица Арета отправила в путь с Медеей двенадцать подруг невесты, а Медея отдарила ее самыми прекрасными из своих самоцветов. Они также обменялись лекарствами и заклинаниями: Медея дала Арете мазь из корня

волчьего лыка, помогающую от простуд в груди, которыми вечно страдал Алкиной; Арета же Медее — снадобье из морского лука, который в изобилии растет на Корфу, верного яда для крыс и мышей, но для других созданий — безобидного.

— Владея этим средством, — сказала Арета, — ты не должна страшиться нашествия мышей и крыс, которых может наслать на вас Аполлон.

После приятного плавания, во время которого дельфины резвились вокруг корабля от рассвета до сумерек, аргонавты сошли на берег в калабрийской Левке, у самой оконечности Иапигийского мыса. Там им встретился Кант, брат Полифема, которого они оставили у Киоса, он странствовал в поисках Полифема, желая сообщить ему, что приговор об изгнании отменен и Полифем может вернуться домой в Ларису. Ясон предложил Канту доставить его обратно в Грецию, и тот радостно принял предложение. В Левке же Медея в благодарность за гостеприимство, выказанное тамошними жителями, научила жрецов искусству заклинать змей, впоследствии его переняли у них марсии с Фуцинского озера, которые по ошибке и доныне почитают ее как божество под именем Ангиции.

Ясон выбрал в штурманы Навплия, ибо им

предстояло плавание, которое Навплий совершал множество раз. Навплий благополучно доставил судно в Кротон, где тюлени, никем не тревожимые, греются на пляже; Руно омыли в третьей из предписанных семи рек, а именно — в Эсаросе, который впадает в Ионическое море. Из Кротона они двинулись через Регион в Катанию Сицилийскую, расположенную под сенью горы Этны; здесь пастбища и каштановые леса оказались опалены, а в море обильно плавали куски пемзы, которую изрыгнула гора два дня тому назад. Они видели, как из горы поднимается пламя и дым, пока были еще довольно далеко, но Медея велела им ничего не бояться. В Катании они также омыли Руно в четвертой из предписанных рек, а именно — в Симетосе, который впадает в Сицилийское море. Из Катании они двинулись через Гелорос и Гелу в обильно орошаемый Агригентум, который расположен посреди южного побережья Сицилии и обращен к берегам Африки. Когда они рано поутру входили в гавань Агригентума, только трое аргонавтов не спали, а именно — Идас, сменивший у руля Анкея Маленького, который правил всю ночь, Навплий и Бут Афинский. Когда «Арго» обогнул небольшой мыс, держась у самого берега, пятьдесят нимф Кокала играли вместе на

пляже кожаным мячом. Они перебрасывали его друг дружке в такт Песне сирен, и для большего удобства высоко подпоясали свои одеяния, так что были видны их ляжки. Навплий и Бут скромно закрыли лица плащами, Идас же, который ни почтительностью, ни скромностью не обладал, вскричал:

— Бегите, прелестные нимфы, и прячьтесь в расселинах скал! На вас смотрит Идас, сын Афарея!

Бут, отличавшийся благопристойностью, упрекнул Идаса, сказав:

— О, Идас, Идас! Следи за тем, как правишь кораблЬ! Ты поставишь под угрозу наши жизни своим безумством!

Идас ответил:

— Не больше, чем ты, помешанный на пчелах Бут тогда в Эа, когда твоя страсть к меду погубили нашего товарища Ифита, который вернулся тебя спасать.

Слова эти, произнесенные вслух, пробудили дух Ифита, который, презрев погребальный курган, насыпанный над ним в землях Апсилеев, взошел некогда на борт «Арго», скрывшись в корзине с припасами, чтобы совершить месть. Линкей видел с тех пор дух несколько раз, пока тот на ощупь

переползал со скамьи на скамью, забыв свое имя и цель. Теперь он все вспомнил и пробрался под прекрасный мариандинский плащ, которым Бут прикрывал лицо, и защебетал в ухо афинянину:

— Я Ифит, Ифит, Ифит, Ифит, Ифит!

Бут испустил жуткий крик и прыгнул за борт, чтобы спастись от Ифита, ибо духи не смеют соваться в соленую воду, разве что — в лодке или на плоту, и как можно быстрее поплыл прочь, к западу. Навплий крикнул, чтобы он вернулся, и когда Бут только поплыл быстрее, изменил курс и погнался за ним. Между тем нимфы, больше позабавившиеся, чем раздраженные, воззвали к своей Богине, и густой морской туман сразу же окутал «Арго»; они же продолжали петь свою священную песню при ярком солнечном свете на пляже, а любопытные глаза Идаса были обмануты. В тумане Навплий остановил корабль, опасаясь налететь на Бута. Он разбудил Медею и поведал ей, что случилось. Она сразу же выкрикнула свое приветствие нимфам и попросила их взмолиться Богине, чтобы та рассеяла туман, что они охотно сделали, когда узнали, кто к ним обращается. Бут пропал и никогда больше вновь не ступал на борт «Арго». Однако он не утонул; ибо несколько часов спустя проходившее мимо

судно подобрало его, изнуренного, но все еще державшегося на воде, и доставило к Лилибеуму, самой западной оконечности Сицилии. Там он нашел мед столь дивного качества, что оставался гостем коллегии нимф на горе Эрикс весь остаток своей жизни. Он не страшился больше духа Ифита, так как отрубил себе указательный палец, чтобы его умилостивить, он также стал отцом множества замечательных детей, рожденных нимфами, и благословлял несчастье, которое его туда привело.

В Агригентуме Медея вручила дары Кирки Главной Нимфе Кокала, которая поцеловала гостью и показала ей ту самую движущуюся статую Богини, которую создал Дедал. Они долго беседовали вдвоем внутри святилища, пока аргонавты снаружи пировали в тени отягощенных плодами яблонь. Именно тогда Мелеагр растворил тайное снадобье, которое дала ему Кирка в аталантиной чаше медовой воды. Отведай Аталанта этого питья, она полюбила бы его так страстно, что позабыла бы обо всякой скромности, и даже о своей верности Артемиде. Но зоркий Линкей, заметив действия Мелеагра, как бы случайно опрокинул чашу. Затем, отведя в сторону Мелеагра, Линкей прошептал ему в ухо: «Товарищ, не затевай ссо-

ры с Артемидой, умоляю тебя!» Так одержимый любовью Мелеагр был приведен в чувство, но Аталанта не простила ему его ревности и отнюдь не товарищеских насмешек над Меланионом.

Наконец «Арго» мог повернуть к дому. Дул попутный западный ветер, когда они плыли обратно вдоль южного побережья Сицилии, но как только отошли от мыса Пахинон, поднялся свирепый северо-восточный ветер, взвихривший поверхность Сицилийского моря. Навплий посоветовал Ясону бежать по ветру и найти убежище в гавани Мальты, где есть хорошая якорная стоянка. Ясон согласился, но в силу какой-то ошибки Анкей Большой взял слишком к востоку и прошел в неясном свете мимо Мальты, а Линкей в то время, к несчастью, спал. Они шли всю ночь по неописуемо бурному морю, каждый час боясь, что он — последний. Утро не принесло облегчения, а только усилило тревогу. В «Арго» открылась течь после столь напряженной борьбы с волнами, и Аргус потребовал веревок, чтобы связать корабль, что было сделано с большим трудом среди огромных волн.

Аргус сказал Навплию:

— Течь — в том самом месте, в котором мы чинили корабль в Теосе; дерево пришлось мне

не по вкусу, но ничего получше там было не раздобыть. Мы должны поспешить к ближайшему берегу, а между тем черпать воду, спасая жизнь, но сперва — выбросить за борт все, кроме самого необходимого.

Ясон приказал разгрузить корабль, но никто не желал выбрасывать богатые доспехи или мешки золотого песка в ненасытные волны. Пока они колебались, Авгий вскричал:

— Эй, товарищи, давайте-ка выбросим за борт кувшины с водой. Они — самое тяжелое на корабле!

Так и было сделано, но они сохранили немного пресной воды, запасенной в золотых и серебряных сосудах.

То были ужасные дни и ночи, ибо никто и глаз не сомкнул, а двенадцать феакских подруг невесты так страшно страдали от морской болезни, что умоляли свою госпожу вышвырнуть их за борт следом за кувшинами с водой и положить тем самым конец их мукам.

Наконец кто-то вспомнил Самофракийские Мистерии и предложил воззвать к Триединой Богине, дабы она уменьшила силу ветра. Тогда Мопс попытался воззвать к ней так, как его учили Дактили, но в присутствии такого множества

непосвященных, он не мог вспомнить в точности слов заклинания, равно как и кто-либо другой; казалось, Богиня умышленно затуманила им разум. Тогда Ясон попросил Медею умилостивить Богиню, но Медея лежала пластом, страдая от морской болезни, только и могла, что простонать в ответ. И вот они прошли мимо скалистого острова Лампедуса, вдоль берегов которого ослепительно белели огромные полосы прибоя; но Навплий принял остров за Пантелларию, которая лежит в одном дне пути к северу, а поэтому сбился в расчетах. Теперь на «Арго» обрушились волны еще мощней прежних, от них ржавело оружие аргонавтов, одежда испортилась и они, не переставая, черпали воду, пока им не начало казаться, что они переломятся пополам от напряжения.

На третье утро чуть свет Мелеагр воскликнул:

— Товарищи, объяснит ли мне кто-нибудь из вас, откуда на нас свалилась такая напасть? Поскольку все грехи, которые каждый из нас совершил, были сняты жертвоприношением и очищением, в чем причина страшной бури?

Кастор устремил на Идаса свои глаза, теперь не ясные, а мутные от усталости и покрасневшие от соленых брызг.

— А вот сидит виновный, — сказал он, — кото-

рый оскорбил нимф Кокала, и тем самым вызвал негодование Великой, повелевающей ветрами. Если бы мы только избавили корабль от Идаса, мы бы скоро поплыли по зеркальной глади, разошедшийся шов закрылся бы, ветер бы унялся, и зимородок снова весело понесся бы над синими водами.

Линкей, обращаясь к Ясону, ответил вместо своего брата Идаса:

— Ясон, сын Эсона, ты слышал, что сказал Кастор? Позабыв о клятве верности, которую он дал нам всем на берегу Иолка и которую повторил на острове Аполлона, когда мы только-только вошли в Черное море, этот безумец открыто строит козни против жизни моего брата Идаса. Он пытается превратить злобу, обрушившуюся на него, во всеобщее осуждение самого храброго среди вас. Зачем обвинять дорогого Идаса за его невинные шутки? Разве не заслужил он право говорить все, что ему угодно? Когда громадный вепрь убил Идмона в тростниках у реки Ликос и угрожал окровавленными клыками погубить всех остальных, кто метко ударил копьем с широким наконечником и умертвил зверя? Ответь мне, Пелей, ты, который подвергся величайшей опасности в то утро! Или кто из нас, когда мы

сражались с бебриками, возглавил атаку вдоль края долины и, обойдя врага с фланга, разбил его? Ответь мне, Анкей Большой, ты, который следовал за ним в двух шагах! Если и следует избавить от кого-то «Арго», пожертвовав им ради остальных, пусть это будет неблагодарный и недостойный Кастор, сердце которого гложет зависть, как крыса гложет старую черную кожаную бутыль в углу погреба.

Идас и Линкей схватились за оружие, Кастор и Поллукс — тоже, и все четверо попытались броситься друг на друга. Но судно так неистово взлетало и падало, что они не смогли удержаться на ногах. Остальные аргонавты растащили их за подолы и разоружили. Однако Поллуксу удалось подойти достаточно близко к Идасу и наградить его тяжелым ударом в челюсть. Идас, выплюнув сломанный зуб и кровь, сказал:

— Поллукс, когда это плавание закончится, я за свой сломанный зуб потребую целую твою челюсть.

Аргус с пылающим от гнева лицом закричал:

— Плавание закончится здесь и сейчас, болваны и ослы, если вы немедленно не начнете снова черпать воду. Воды уже на два пальца прибыло с тех пор, как началась эта безумная ссора.

Мелеагр сказал:

— Я виноват, Аргус. Все дело в том, что я ничего не сказал напрямик. У мена не было намерения возбуждать несогласие между этими гордыми братьями. Я собирался поднять совсем другой вопрос, а именно — не были ли шторм и течь вызваны какой-то ошибкой Аталанты Калидонской. Когда мы сошли на берег в Агригентуме, я видел, как она тайком удалялась в кусты с Меланионом…

Аргус запустил в голову Мелеагру медную чашу и заорал на него:

— Черпай, дурень, черпай, и придержи свой проклятый язык, если желаешь снова увидеть землю!

Аталанта подсела к Мелеагру и приглушенно сказала:

— Дражайший Мелеагр, позволь мне признаться, что я люблю только тебя, хотя ты и надоел мне своей назойливостью и беспричинной ревностью к честному Меланиону. Я вижу, в каком ты горе, и не стану тебя больше наказывать. Ну, дорогой, улыбнись мне, и давай черпать воду по очереди!

Мелеагр расплакался и взмолился о прощении, которое она ему с радостью даровала. Они черпали вместе, бок о бок, он зачерпывал воду,

пока она выплескивала, он выплескивал, пока она зачерпывала. Затем тишина на «Арго» снова была нарушена, ко всеобщему изумлению, — Аскалафом, сыном Ареса, когда тот запел низким чудесным голосом:

Был мне сон: мой отец обратил к нам речь:
Воины, шлемы долой!
«Арго» накренился, в нем сильная течь,
Воины, шлемы долой!

Не с мечом, не с копьем идет к вам беда,
Воины, шлемы долой!
Несет ее в струях зеленых вода,
Воины, шлемы долой!

Не кубки для лемносского вина, —
Воины, шлемы долой!
А ковши, чтобы вычерпать соль до дна,
Воины, шлемы долой!

Эти три строфы и другие — в том же стиле воодушевили аргонавтов, которые заработали упорней; мелодия была из тех, что привязываются, и потом от них не так-то легко избавиться.

Вскоре воды снова заметно убыло. Аргус нашел место, откуда текло и забил щель полосами навощенной ткани, дав товарищам надежду благополучно добраться до суши, если только ветер немного ослабнет.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ
Аргонавты утрачивают надежду

На третью ночь бедствия и на девятую после отплытия из Коркиры, между полуночью и рассветом, Линкей, который нес вахту на носу, вскричал: «Впереди буруны!» — стараясь кричать погромче, чтобы голос его не унесло ветром. Тогда простодушный Корон из Гиртона заговорил со своего места близ кормы:

— Боюсь, товарищи, нам пора проститься друг с другом, простив друг другу любые оскорбления или обиды.

Давайте помнить только подвиги, совершенные нами сообща; ибо, хотя мы и можем сейчас погибнуть, никто не вправе отрицать, что мы успешно выполнили свою необычную задачу и снискали славу, которая долго не угаснет. И все же, увы, Идмон и Тифий, Ифит и Калаид с Зетом, наши товарищи, оказались удачливее нас. В то время, как мы благочестиво сожгли их останки и в точности совершили над ними погребальные обряды, наши тела станут пищей крабам, которые ползают окольными путями по пустынному

берегу Африки; а что станется с нашими духами, кто знает?

Тут поднялся чародей Периклимен, схватившись для поддержки левой рукой за борт, а правую простерев в воздухе, и обратился с уверенностью к своему отцу, богу Посейдону:

— Отец, какие бы другие божества ни правили водами Черного моря или водами вокруг Самофракии, здесь, конечно, правишь именно ты. Ты не помнишь троих, которых ты удостоил звания своих сыновей и которые весной нынешнего года предложили тебе необычайную гекатомбу из двадцати беспорочных рыжих быков в стране бебриков? Те самые трое — на борту этого корабля. Сбереги их, я умоляю тебя, вместе со всеми их товарищами, и благополучно вынеси на сушу. Поступив так, ты даруешь милость своему старшему брату, Всемогущему Зевсу, Золотое Руно которого лежит, сложенное, в рундуке под сиденьем кормчего этого корабля. Если «Арго» пойдет ко дну, а вместе с ним и Руно, отец, ты не сможешь оправдаться неведением. Громовержец разгневается и потребует возмещения, утверждая, что Руно было вновь раздобыто для него нами ценой невероятных трудов и риска. Вот дар для тебя, отец, мой дар, прекрасные фессалийские удила и

уздечка, которую я выиграл в кости у спартанца Кастора; ибо это ты научил меня так встряхивать стаканчик с костями, что кости слушаются меня и падают, как я ни пожелаю. Прими этот дар и применяй его для обуздывания твоих неразумных зеленых скакунов, дабы они не разбили нас, бросив о безжалостный берег Африки.

Затем кто-то вскричал: «О!» и указал пальцем за корму. Ибо, казалось, бог презрел дар своего сына Периклимена и решил их погубить. Громаднейшая волна, волна из волн, поднявшаяся выше других, словно покрытый снегом горный хребет над зеленой долиной, накатила на них с пугающей скоростью. Она подхватила «Арго» на свой гребень и помчала его вперед. Аргонавты услыхали чмоканье и скрежет гальки и ожидали, что их немедленно размажет, ткнув носом в твердый, как железо, берег, и все же, когда волна с воем разбилась и опустила их вперед, в белую пену и брызги, они вообще не почувствовали толчка. «Арго» медленно сбавлял ход — все равно, как если бы божественная рука схватила его, задержала и намертво пригвоздила к месту. Всем аргонавтам пришла в голову одна и та же мысль: «Мы погибли. Вот каково это — погибнуть». С этой страшной мыслью они мирно уснули, так

они были изнурены, и никто из них не чаял вновь увидеть сияющее колесо Солнца. Однако, едва Заря проворно подняла завесу тьмы своими алыми перстами, крик чайки разбудил Анкея Маленького, который пошевелился, забрался на планшир и огляделся. «Арго» лежал на водной глади, утопая, словно в мягких подушках, в массе водорослей, не потеряв даже обломка кормового украшения. Перед тем, как разбудить товарищей, чтобы сообщить им новость, Анкей измерил глубину и обнаружил, что под килем — несколько футов воды, но судно — вне досягаемости волн, которые все еще яростно разбиваются в двух полетах стрелы за кормой. Сперва никто не мог взять в толк, что случилось. Тем не менее Периклимен, протирая спросонья глаза, поднялся и пробормотал слова благодарности своему отцу за это чудесное спасение. Вскоре после того ветер капризными порывами пошел на спад. Когда солнце поднялось повыше, за штормом последовал мертвый штиль, хотя море все еще шипело в уши аргонавтам, как раздраженный гусь. Когда они оправились от изумления и с нетерпением огляделись, они увидели, что волна перенесла «Арго» через цепочку рифов, любой из которых расколол бы его, словно гнилой орешек, после

чего корабль перебросило через широкий и высокий пляж в озеро, полное водорослей, берега которого поседели от соли. Такой забавный случай вызвал у кого-то смех, и вскоре хохотал уже весь корабль. Но старый Навплий одернул их.

— Товарищи, — сказал он, — ничего смешного здесь нет. Волна, которая нас сюда забросила, ушла назад, в лоно морское, и хотя мы могли бы, наверное, с большим трудом за месяц прорыть через пляж канал к морю, нам никогда не удастся провести «Арго» через эти рифы, которые тянутся ряд за рядом, словно скамьи в многолюдном зале, на добрую часть мили. «Арго» попался, словно кит, выброшенный на берег, и здесь будет лежать и гнить его остов, а вместе с ним — и мы; если только это озеро не сообщается с морем каким-то еще образом.

Озеро простиралось в глубь суши до самого южного горизонта и на большое расстояние к востоку, но пляж, который отделял его от моря, постепенно расширялся на восток, становясь большой каменистой равниной, на западе же, совсем недалеко, берег пересекала длинная вереница песчаных дюн.

Ясон спросил Навплия:

— Где мы? Что это за озеро?

Навплий ответил:

— Не могу сказать наверняка, так как никогда прежде здесь не был. Большое озеро располагается дальше по суше от Гадруметона, близ которого, по моим расчетам, мы очутились, но мне говорили, что оно лежит во многих милях от моря, так что я в тупике. Давайте попытаемся сразу же сдвинуть корабль поглубже в воду и переплывем озеро. Может быть, мы найдем реку, вытекающую из него в море.

Какими голодными и усталыми ни были аргонавты, они развернули весла в весельных отверстиях, посрывали с себя мокрую одежду, оставшись только в штанах, затем выбрались за борт и принялись проталкивать корабль через густые водоросли. Несколько шагов — и корабль сел на песчаную отмель. Они оттащили корабль назад и повели в другом направлении, но почти сразу же снова застряли. Водоросли не давали Навплию возможности определить, где озеро глубоко, а где — мели. Поэтому он убедил их, что надо перестать двигаться наобум, а вместо этого постоять вокруг «Арго» с некоторыми промежутками, чтобы он, по глубине, на которой они стоят, понял, где глубже. Они подчинились, и он смог, наконец, обозначить веслами изви-

листое русло; после чего он созвал всех обратно, и они принялись тащить «Арго» этой дорогой, причем киль частенько царапал песчаное дно. Ко времени, когда солнце поднялось высоко, они продвинулись не более, чем на двести шагов, и вконец выдохлись.

Ясон обследовал запасы вина и воды. Воды оказалось немногим больше галлона, а вина — менее полугаллона, и это, чтобы утолять жажду тридцати двух мужчин и четырнадцати женщин! Когда он сообщил аргонавтам новость, все ненадолго умолкли. Навплий сказал:

— Пройдет два месяца или больше, прежде чем хотя бы капля дождя упадет в этой пустыне. Если только мы не найдем дорогу из озера, все мы скоро либо умрем от жажды, либо сойдем с ума, отведав морской воды.

Тут Эргин Милетский повернулся к Авгию Элидскому и вскричал:

— Тебя, тебя, златолюбец Авгий, мы назовем в предсмертном проклятии, и будешь ты жить или умрешь, духи наши не перестанут терзать тебя целую вечность. Почему ты посоветовал нам выбросить за борт кувшины с водой и оставить эти бесполезные мешки с золотом? Ну и дурак же я был, что снова взошел на «Арго» после того, как

во время нашего плавания от Геллеспонта ступил на каменные плиты моего родного и любимого Милета. Почему я не прикинулся больным, как этот ловкач Орфей, и не избавился тем самым от твоего злополучного общества, элидский безумец? Боюсь, что никогда больше не вспашу я своим деревянным плугом и не взрыхлю моей терновой бороной щедрые ячменные поля по берегам извилистого Меандра, где в жирном черноземе не встречается камней, достаточно крупных даже для пращи, и все лето напролет поет кузнечик. Нас ослепил какой-то бог. Нам бы следовало быть умнее, не слушать тебя, головастик, после того унижения, до которого довела нас твоя лень на Журавлином озере.

Авгий ответил:

— Так ты меня называешь безумцем! А я тебя — дураком, дурак ты в полосатом плаще. Откуда я мог знать, куда забросит нас шутя твой отец Посейдон? Я всего лишь выразил общее мнение экипажа, что глупо выбрасывать за борт сокровища, которые нам могут еще понадобиться. Если бы нас выбросило на обыкновенный берег, мы бы смогли накупить столько пищи и воды, сколько пожелали бы, за полпригоршни золотого песку. И почему ты именно меня проклинаешь?

Наш капитан — Ясон. Если бы он приказал нам избавиться от сокровища, я бы первый ему подчинился. И мы еще не мертвы. Наши золото и серебро может нам еще пригодится. В сущности, я уверен, что пригодится; мое честное сердце уверяет меня, что это — не конец.

Автолик быстро сказал:

— Докажи, что ты веришь своему честному сердцу, дорогой Авгий, продав мне твою дневную долю вина и воды за полпригоршни золотого песку. Вот и покупатель нашелся.

— Это достаточно честное предложение, — сказал вестник Эхион, — и я заплачу тебе ту же цену за завтрашнюю долю.

Авгий вынужден был ударить с ними по рукам, но тут же горько пожалел об этом. Ибо хотя они были достаточно обеспечены ячменным хлебом, сушеным мясом, медом, соленьями и тому подобным, все, что они ели, не запивая, застревало в сухих глотках. Оливкового масла остался только маленький кувшинчик, а дельфиньего жира вовсе не было. Солнце жарило немилосердно, и озерная вода, перенасыщенная солью, испарялась с их кожи, оставляя белый налет. Около полудня горячий ветер пронесся над пустыней, и они увидели красных песчаных духов, головокру-

жительно пляшущих по спирали; Идас вышел против духов с копьем, но они бежали от него, и наконец он, торжествующе смеясь, снова примчался в лагерь; а они угрожающе преследовали его, высоко вздымаясь над ним.

Песок набился в пищу аргонавтам, захрустел на зубах, двенадцать феакских девушек не разделили с ними трапезы. Они лежали, приникнув друг к другу и рыдая вокруг распростертой на песке Медеи, которая лечила себя каким-то одурманивающим средством. Она тяжело дышала, испуская негромкие стоны; а один раз вскрикнула страстным шепотом:

— Прости меня, Прометей, прости меня! Меня вынудили любовь и необходимость. Когда-нибудь я тебе все верну!

Не успев восстановить силы во время полуденного отдыха, аргонавты продолжили толкать «Арго» через водоросли и продвинули его вперед еще на двести шагов вдоль западного берега; длинная и широкая песчаная банка слева помешала им отвести судно к середине озера. Все стали мрачными и сварливыми за исключением одного лапифа Мопса, который был разговорчив, приветлив и весел. Когда Навплий предложил разгрузить корабль, насколько это возможно,

именно Мопс выполнил его задание.

Он подошел к феакийским девушкам:

— Оставьте свою госпожу, дорогие дети! — воскликнул он дерзко, но нежно. — Ей сейчас не нужны ваши услуги. Если кто-либо из вас желает оказаться когда-нибудь снова в царских чертогах и сидеть на мягких подушках за прялкой или ткацким станком, чтобы сбоку на позолоченном столике стояли в маленькой чаше ягоды со сливками, тогда, хорошенькие, храбро поднимитесь всей дюжиной и помогите мне!

Он велел им снять с себя все, кроме сорочек, и вынести на берег на своих нежных плечах огромные количества припасов, оборудования, и содержимое каждого рундука, разложив все это в строгом порядке на пляже. Бедные девушки спотыкались под тяжестью грузов, путались ногами в водорослях и ударялись о плавающее дерево, часто падали, рыдая от стыда, когда обнажались их ягодицы и над ними насмехался Идас; но они работали с охотой, и корабль поднялся над водой на несколько дюймов, прежде чем они закончили. Мужчины убрали мачту, паруса и якорные камни, и все остальное, что было слишком тяжело поднимать женщинам, например, синопские мешки с золотом.

Опустошив рундуки, они обнаружили три тайных запаса питья. Ясон их конфисковал. Владельцы их, Пелей, Акаст и долоп Эвридам, устыдились, но утверждали, что они позабыли о них и прикинулись довольными, что обнаружилось так много.

Аргонавты спали в ту ночь на берегу озера и зажгли по привычке костер из прибойного леса, но у них не было дичи, чтобы поджарить, не могли они наполнить корабельный котел пресной водой, чтобы сварить похлебку из мелкой костлявой рыбы, которую руками поймали в озере. Следующий день они провели во многом так же, как и первый, но на них начали сказываться жажда и жара: они стонали и скулили от усилий, и к вечеру удалось продвинуть «Арго» не более, чем на полмили, от точки, куда его забросила волна.

Песчаные призраки больше не плясали, но далеко в пустыне аргонавты увидали мираж: пальмы, белые дома и флот из трех кораблей, идущих вниз по течению. В сумерках феакские девушки начали негромко рыдать, это продолжалось всю ночь: в отдалении выл шакал, и они боялись, что очень скоро он устроит пир, терзая их ссохшиеся трупы.

В полдень на третий день разделили последние

остатки вина и воды. Кто-то жадно выпил все сразу, кто-то бережливо потягивал питье, перекатывая его во рту распухшим языком; но Анкей Большой, проявив поразительное смирение, выплеснул всю свою чашу в песок.

— Дорогое божество этой дикой страны, — вскричал Анкей, — кто бы ты ни был, умоляю, прими это возлияние из моих рук, хорошо зная, какой драгоценный дар я тебе жертвую. Я даю от моей нищеты, так дай же мне взамен от своего изобилия!

Еще двое или трое почувствовали, что должны сделать то же самое и среди них — Ясон. Но Ясон, проглотив свою порцию вина и воды, совершил возлияние простой водой, которую приготовил для Медеи, чтобы та выпила, когда проснется; сделал он это не по недоброте к ней, но потому что неосушенная чаша воды могла бы довольно скоро побудить его товарищей к преступлению.

В тот вечер, отчаявшиеся и безмолвные, они покинули корабль и заковыляли куда глаза глядят по голой пустыне. Мопс разразился смехом и весело воскликнул:

— О, товарищи, на какие вытянутые унылые лица смотрит сейчас Вечерняя Звезда! Вас можно принять за скитающихся по земле призраков или

за жителей обреченного города, когда образы в наружных дворах храмов потеют кровью, необъяснимый вой слышится из святилищ, а доброе солнце затемнено. Во имя Аполлона, что у вас за хворь?! Взбодритесь, товарищи, ни Аполлон, ни кто-либо другой из Благословенных Олимпийцев, не посмеет покинуть нас в беде после того, как они благополучно провели нас через столько грозных опасностей.

Но Мопс не смог поднять дух ни одного из них. Долоп Эвридам заметил, обращаясь к молчаливому Мелампу:

— Я уверен, что Мопс первым из нас оставит этот мир. Такое возбуждение — явный признак надвигающейся смерти, предзнаменование более надежное, чем легкомысленное чириканье трясогузок, ласточек, щеглов и тому подобных пташек.

— В таком случае, я ему завидую, — сказал Меламп. — Ибо тот, кого доконают жажда и жара раньше всех остальных, удостоится лучших похорон. Боюсь, что мне не повезет, и я всех вас переживу.

Затем аргонавты, повинуясь внезапному импульсу, собрались вместе и стали глядеть на Руно, которое лежало и мягко сияло в свете звезд. Они

благоговейно гладили золотую кайму и большие золотые рога. Эргин Милетский сказал:

— И все же, когда однажды здесь найдут наши мертвые тела, иссохшие и дочерна выжженные солнцем, словно египетские мумии, будет также найдено и Руно, и тогда вспомнят наши великие дела. Нам устроят достойные похороны и наши кости сложат в общую могилу, если (что еще лучше) наше оружие, одежда и символы не дадут опознать некоторых из нас, а может, каждого доставят для похорон в его родной город или на остров. Я сожалею, что роптал на Орфея и обвинил его в притворстве. Я радуюсь, что его нет больше среди нас, что судьба сберегла его от нынешнего бедствия и вернула домой во Фракию к диким коконам. Ибо когда он услышит вести о нашей участи, переданные ему каким-нибудь купцом или изгнанником, а то и какой-нибудь вещей птицей, он оплачет нас; он заиграет на своей лире и споет, станет петь одну ночь за другой большую поэму о поисках, за которые мы взялись и совершили в его обществе — поразительно сложенные гекзаметры, которые будут звучать по всему миру тысячу лет, а то и больше.

Сказав это, Эргин начал обнимать своих товарищей одного за другим, прося прощения за

любые обиды, которые им нанес, и даруя прощения любому, кто просил. Затем он попрощался со всеми и зашагал в пустыню, чтобы умереть в одиночестве.

Его примеру последовало несколько его товарищей. Но Кастор и Поллукс решительно отказались пожимать руку в знак дружбы Идасу и Линкею. Аргус же двинулся вброд к своему любимому «Арго», чтобы умереть на борту. А Мопс развел у озера большой костер и весело заплясал вокруг него в честь Аполлона. А Мелеагр и Аталанта со странными радостными лицами пропали из виду, шагая, рука об руку, к морскому берегу, где шипели небольшие волны.

Что касается Ясона, он остался на месте, с Руном по правую руку и мирно спящей Медеей по левую. У самых его ног лежали, сгрудившись, феакийские девушки, щебеча хором, словно бедняги-птенчики, которые выпали из высокого гнезда и лежат внизу на камнях, покинутые своими родителями и не способные ни отыскать пищу, ни улететь.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ
Аргонавты спасены

Ясон завернул голову в плащ и впал в глубокий сон, из которого его вывело внезапное и знаменательное видение. Явились три женщины с козьими головами, держась за руки и ласково улыбаясь ему, и обратились к нему:

— Ясон, сын Эсона, перед тобой — Козьеглавая Триединая Богиня Ливии, мы высоко ценим благочестие, которое ты проявил, совершив возлияние чистой водой. Твои товарищи по невежеству принесли нам воду, смешанную с вином, опьяняющий напиток, которого мы не можем выносить. Тем не менее можешь им сообщить, что все, кроме одного, выберутся отсюда. То есть все, кроме человека с раздвоенным языком, который должен умереть здесь, потому что в чем нет страха смерти и потому что он почитает Аполлона, а не нас, а также, потому что прилетевшая издали аистиха предупредила его однажды, что он найдет свой конец в Ливии.

Ясон скромно смотрел в сторону, когда с ним говорила Богиня — или Богини. Он спросил:

— Сударыни, что мы еще должны сделать, чтобы спастись?

Богиня, теперь ставшая одним существом, ответила:

— Только надеяться. И когда вы вернетесь в вашу родную страну, не забывайте меня, как забывали прежде. Рычу ли я вам, как львица, блею ли, словно коза, кричу ли, точно ночная птица, ржу ли, словно кобыла, помните: я — все та же Триединая неумолимая Богиня — мать, дева, нимфа; и вы можете одурачить не заслуживающего доверия Небесного Отца, Аполлона с мышиными глазами, корноухого Ареса или даже пройдоху Гермеса с витым жезлом, бога вестников, но никто и никогда не обманул меня и не избежал наказания за попытку обмануть.

Тут между Богиней и Ясоном поднялся туман, а когда он рассеялся, Богиня исчезла, и Ясон глядел на большой желтый лунный диск. Затем он снова уснул, и сон его был удивительно спокоен. Проснувшись, он вскочил и закричал своим товарищам:

— Аргонавты, мы спасены! Сама Триединая Богиня явилась мне в видении и пообещала нам всем жизнь — всем, кроме одного из нас!

Над озером занималась заря, яростно велико-

лепная, что предвещало еще один жаркий день. Один из аргонавтов, оказалось, что это Меламп, открыл свое изнуренное лицо, подняв плащ, и ответил хриплым голосом:

— Не нарушай наш последний сон, Ясон, своими криками. Смотри свои сны, если желаешь, а нам оставь наши.

Ясон зашагал дальше и нагнулся на Линкея, которого разбудил, рассказав свой сон. Линкей моргал и глядел на него, все еще не понимая, что же такое Ясон ему сказал. Затем вскричал:

— Взгляни, взгляни! Протяни руку и скажи мне, что ты видишь на расстоянии трех пальцев от правой руки вон на том песчаном холме?

— Ничего, — ответил Ясон.

— А я вижу человека, скачущего на желтовато-бурой лошади, — закричал Линкей, — он приближается к нам.

Его громкие слова разбудили человек двенадцать. Они сбежались всклокоченные с безумными взглядами. Ни один из них никакого всадника не увидел.

— Это мираж, — печально провозгласил Эвфем.

Но вскоре те из них, кто лучше видел, различили небольшое облако пыли в отдалении, а вскоре

и всадник стал хорошо виден, он окликнул их на языке, которого никто не понимал. Навплий сказал:

— Это тритон из племени Авсениев, судя по его белой одежде, дротикам с красоными кисточками и хохолком надо лбом. Может это озеро Тритонид к югу от Гедрументуму?

Эхион хотел обратиться к всаднику с цветистой речью, но Автолик удержал его, сказав:

— Благородный сын Гермеса, не думай, что я желаю посягнуть на твое право вестника представлять нас. Но твое поразительное красноречие может сослужить службу только тогда, когда те, к кому ты обращаешься, понимают диалект греческого, пеласгийского или фракийского; перед дикарями тебе выступать без толку. Позволь мне на этот раз быть нашим представителем. В Синопе я хорошо освоился со всеобщим языком глухих и немых.

Автолик двинулся вперед. Он подошел к тритону, схватил его за правую руку и обнял; затем жестами изобразил, что пьет, указав на свои пересохшие губы и распухший язык, и начал в нетерпении оглядывать горизонт.

Тригон понял. Он точно так же изобразил, что пьет, неопределенно махнул рукой в сторону

пустыни и протянул руку для подарка. Автолик кивнул в знак согласия, и тритон указал на бронзовый треножник с позолоченными ножками и сиденьем, лежавший неподалеку, царь Алкиной преподнес его Ясону с тем, чтобы Ясон по возвращении подарил его святилищу в Дельфах.

Автолик дал ему понять, что отказывается расставаться с треножником, но пообещал, что тритон получит его, как только принесет им воды. Натянув воображаемый лук и трижды выбросив вперед руки с растопыренными пальцами, тритон показал, что вода — в тридцати полетах стрелы. Затем он вытянулся в полный рост, расправил грудь, напряг мускулы, прорычал, как лев, и принялся бить по камню воображаемой дубиной. Затем пошевелил пальцами, изображая струящуюся воду, склонился и принялся с жадностью пить, издавая звук, который был несомненной попыткой воспроизвести греческие слова: «Священные змеи!»

Аргонавты переглянулись в изумлении и воскликнули в один голос:

— Геркулес!

Тригон кивнул и повторил: «Геркулес», затем сердито воззрился на них, снова энергично воскликнул: «Священные змеи!» и разразился

смехом.

Они похлопали его по спине и в нетерпении последовали за ним к воде. Когда они туда добрались, причем и довольно скоро, до чистого источника, вытекавшего, клокоча, из-под розовой скалы, то они обнаружили, что поблизости в пустыне валяются обломки скал, отколотые недавно ударами какого-то мощного орудия, несомненно — окованной медью дубины их товарища Геркулеса. О, как они пили, как пили из этого сладостного, восстанавливающего силы источника!

Затем один сказал другому:

— Геркулес спас нам жизнь, то был Геркулес!

И впоследствии они действительно узнали, что Геркулес, плывя к острову Гесперид, чтобы раздобыть священные апельсины, был вынесен на берег не так далеко от этого самого острова. Его, как их теперь, одолела жажда, но он, вместо того, чтобы сдаться смерти, зашагал в пустыню, ища нюхом воду, подобно льву, и как только почуял слабый ее запах, начал колотить по скале дубиной, пока наружу не хлынул источник. Теперь следы зверей вели к источнику со всех сторон, и тритон выразительными жестами объяснил, что это за звери: а именно — крохотный большегла-

зый, прыгающий тушканчик, шакал, который поедает падаль, дикобраз с гремящими иглами и великолепный берберийский баран.

Автолик дарами и обещаниями уговорил тритона вернуться с ними в лагерь. Там он показал ему «Арго», спросив, можно ли вывести корабль из озера и вернуться в море. Тритон уверил их, что это возможно, поскольку узкая река выбегает из озера в нескольких милях к востоку, и что «Арго» уже находится в извилистом русле, которое сообщается с этой рекой. Автолик надавал ему брошей и серег, которыми с радостью пожертвовали все аргонавты, и пообещал также превосходный красный плащ, если тот поможет им отсюда выбраться. Это его удовлетворило, и он испустил громкий крик — нечто среднее между свистом и воплем. И немедленно из-за небольшого голого холма в полумиле от них, как по волшебству, высунула хохластые головы большая орава почти нагих тритонов и бегом помчалась к аргонавтам.

Линкей вскричал:

— Клянусь лапами и хвостом рыси, что я свалял дурак! Вчера в полдень я видел мужчин и женщин, сидевших на корточках на том холме, но принял их за мираж.

Эти тритоны или авсенсии были троглодитами, жившими в глубоких пещерах под землей, с небольшими, точно у лисьих нор, отверстиями вместо окон и дверей. Никто, проходя по этому холму, и не догадался бы, что стоит над населенным городом, ибо они — люди робкие, и редко осмеливаются показаться чужеземцам. Их вождь из предосторожности прискакал в лагерь аргонавтов совсем с другой стороны и как бы издалека. Авсенсии, равно как их соседи махлии (которые носят хохол сзади, а не спереди) почитают Триединую Богиню на древний лад. Они не вступают в брак, но сочетаются равно со всеми, исключая некоторые степени родства; и каждые три месяца на собрании племени любой, родившийся к тому времени мальчик отдается под опеку мужчины, состоящего с ним в определенном родстве, на которого тот, как все решают особенно сильно походит. Женщины проявляют большую независимость духа; они носят оружие и ежегодно решают, кому быть жрицей Луны, вступая в яростную схватку между собой, в которую не вмешивается ни один мужчина под страхом изгнания. Для авсенсиев, как и для всех прочих народов Двойного залива, Солнце — не благодетельное божество, но безжалостный ти-

ран; и они проклинают его каждое утро, когда оно восходит, и бросают в него камни.

Тревоги аргонавтов развеялись. Медея вышла из транса и повела феакийских девушек к источнику с пустыми кувшинами и ведерками, которые они принесли наполненными; и вскоре ко всем вернулись жизнь и бодрость. Авсенсии отметили вехами дальнейший путь русла, и с их помощью аргонавты, снова разместив груз на борту, медленно поволокли по нему «Арго» на расстояние двенадцати миль, делая две мили или около того каждый день, пока наконец не очутились в чистой воде и не сели на весла. Ясон вознаградил тритонов отрезами цветной ткани и другими легкими дарами, а на треножнике Аргус вырезал надпись о благодарности и дружеских чувствах их народу. Тритоны, визжа от восторга, как летучие мыши, унесли треножник под землю в какое-то скрытое святилище Козьеглавой Матери, тройное изображение которой вырезал на треножнике Аргус.

Аргонавты вышли вброд на берег и построили алтарь на холме близ того места, где река, называющаяся Габес, вытекает из озера. Там они сложили свои трезвые подношения Козьеглавой Богине. И все же на других алтарях они также

принесли жертвы Олимпийцам: двух жирных берберийских баранов, которых Идас и Мелеагр настигли и приволокли живыми, и газель, которую ранила Аталанта, далеко метнув свой дротик.

Они уже снова взошли на корабль, любезно простились с авсенсиями и взялись за весла, когда вождь вспомнил о знаке прощания, о котором чуть не забыл: он пустил лошадь в галоп по берегу реки, размахивая комом земли. Он пожелал, чтобы они приняли этот ком, как знак, что они — всегда желанные гости в его стране, когда бы им ни было угодно явиться. Эвфем поднял весло, прыгнул за борт и поплыл, чтобы принять дар, который принес с собой, не замочив, так как греб одной рукой. Затем соленое течение реки Габес подхватило «Арго» и быстро понесло к морю после десятидневного заточения.

Медея сказала Эвфему пророчество:

— Человек со знаком ласточки, твои потомки в четвертом поколении станут африканскими царями с помощью этого кома земли, если ты сможешь привезти его с собой в святой Тэнарон, к себе на родину. Если нет, то Африке придется ждать семени Эвфема до семнадцатого поколения.

Но четвертому поколению его потомков, происходивших от сына, которого родила ему лемнийка Ламаха, не суждено было получить царскую власть; ибо однажды темной ночью по дороге домой волна обрушилась на «Арго», и ком земли стал грязной водой.

Так были спасены все аргонавты, кроме лапифа Мопса, который не избежал предреченной ему участи. За три дня до того, в полдень, когда он брел по берегу озера, тропу его пересекла огромная тень. Подняв глаза, он увидел кружащего у него над головой бородатого стервятника огромных размеров с острыми крыльями и клиновидным хвостом. Птица кричала странным молящим голосом и звала Мопса за собой прочь от озера, снова и снова повторяя: «Золото! Золото!», надеясь завлечь его в какую-нибудь недоступную и безводную часть пустыни и там вдоволь насытиться его телом, когда он умрет от жажды. Мопса оказалось легко обмануть. Он побежал, не сводя глаз с птицы, но немного пробежал, прежде чем наступил на хвост черной змее, которая неподвижно лежала на солнце. Змея извернулась и всадила зубы ему в ногу чуть выше лодыжки. Мопс громко закричал, и его товарищи торопливо прибежали взглянуть, что случилось.

Он сел на земле, поглаживая свою рану, и сказал:

— Прощайте, дорогие товарищи. Птица пообещала мне золота, если я за ней последую. А теперь мне приходится умереть, но я не чувствую сильной боли. Достойно похороните меня и говорите обо мне хорошо, когда я умру.

Затем онемение от яда быстро распространилось по его конечностям, глаза ему затуманило, и он откинулся назад.

Под жарким ливийским солнцем трупы разлагаются быстро, а змеиный яд, действуя в теле Мопса, начал гноить его плоть прямо на глазах его товарищей. Они быстро одолжили у авсенсиев мотыги и вырыли ему глубокую могилу, а его труп шипел на погребальном костре, который они сложили и разожгли. Когда вся плоть сгорела, они насыпали курган над его костями и трижды прошли вокруг в полном вооружении, горестно оплакивая его и пучками вырывая у себя волосы, а между тем бесстыдный стервятник, крича, кружил над головой, лишенный угощения, на которое надеялся.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ
«Арго» возвращается домой

Было очень поздно, чтобы предпринимать плавание, которое вряд ли могло бы продолжаться менее двух месяцев, но ветра и вообще погода были поразительно благоприятны с того дня, когда аргонавты вышли из Ливийского озера по реке Габес до дня, когда они наконец сошли на берег в Пагасах. В течение их продвижения вдоль берегов Двойного залива Сиртиса, они не задерживались больше, чем требовалось ни в одном месте, где высаживались; ибо ни городов, ни каких-то других привлекательных мест не обнаружилось нигде по всей длине берега — даже известное поселение Оэа не стоило посещать. Берег населяли дикари, не менее чудные, чем те, которых они посетили у восточного залива Черного моря.

Сперва они навестили лотофагов, праздных обитателей большого скалистого острова Менинкса, где аргонавты сошли на берег за водой. Эти лотофаги, как предполагает их название, питаются главным образом сладкими ягодами

раскидистого сребролистого лотоса или куста ююбы, который вырастает в каждой расселине скалы или укромном уголке. Они владеют, кроме того, овечьими отарами, чтобы получать молоко и шерсть, но такую еду как жареная баранина считают отвратительной, для них это хуже каннибализма. Из ягод лотоса они изготовляют вино такой крепости, что оно губительно действует на память того, кто его пьет, всего лишь после нескольких глотков вы забудете имена своих друзей и родных, даже имена благословенных богов. На Менинксе аргонавты нашли хорошую воду и попробовали сладких круглых лепешек из лотосовых ягод, но отведать лотосового вина отказались, поскольку Навплий их предостерег. Наконец-то они научились не вызывать беды непродуманными поступками.

Затем «Арго» пришел во владения гинданеев, овцепасов, козопасов и ловцов тунца; они также кормятся лотосом, но лотосового вина не делают. Здесь аргонавты впервые увидели финиковые пальмы, растущие, словно высокие колонны с перистыми капителями, и отведали липких желтых плодов, которые так медленно зреют. Гинданейские женщины носят вокруг лодыжек столько полотняных повязок, сколько раз сходи-

лись с мужчинами, и являются господствующим полом, будучи хранительницами источников. Они не позволяли аргонавтам, которых послали принести воды, зачерпнуть хотя бы ведерко, пока не познали их, и каждая не получила полотняную полоску, чтобы отметить это событие. Женщины были хороши хотя и смуглы, а аргонавты, возглавляемые Эхионом, охотно доставили им удовольствие, которого те требовали. Гинданейские мужчины ничуть их не возревновали, а проявили неприличное любопытство, отказываясь покинуть место действия. Однако, по настоянию Эхиона, женщины убедили их уйти и омыться в море.

Берег залива, вдоль которого они теперь плыли, был низким, песчаным, лишенным примет, и нигде не виднелось зелени. На седьмой день они пришли в Оэа, лежащую на середине Двойного залива. Оэа — скорее, лагерная стоянка, чем город. Просторная гавань, защищенная рифами от ярости северо-восточного ветра, используется греческими купцами, которые заглядывают, чтобы приобрести местный товар — шкуры страусов, губки и бензоин (великолепного вкуса приправа); иногда они покупают слоновую кость и другие иноземные товары, доставляемые сюда египет-

скими караванами. Караваны приходят зимой по тропе, связывающей бесчисленные дальние оазисы и здесь заканчивающейся, а возвращаются ранней весной. Однако, поскольку торговый сезон в этом году завершился, аргонавты застали в Оэа только тамошних макеанов, и — ни одного грека или египтянина. Макеане отращивают пучок волос посреди головы, а остальные волосы сбривают. Они почитают страуса и живут в шатрах из шкур.

В Оэа Ясон омыл Руно в пятой из семи предписанных рек, в узком Киниписе, который впадает в Ливийское море. Его спутники купили также большие греческие кувшины для воды и наполнили их из того же потока.

После Оэа они еще два дня плыли мимо земель макеан и к вечеру второго дня добрались до трех островов, но то были три скалы в конце каменистого полуострова, оперенные пальмами. Вдалеке виднелась пасущаяся овечья отара, и аргонавтам неудержимо захотелось жареной баранины. Три синопца вместе с Идасом, Линкеем и Кантом, братом Полифема, сразу же были посланы Ясоном раздобыть десяток овец или валухов у овцепасов — меньше оказалось бы недостаточно. Они подошли к отаре в сумерках, но пастухи-макеане,

отвергнув предложенные им дары, отказались уступить хотя бы одну овечку. В завязавшейся схватке поразительно проворные пастухи защищались с необычайной храбростью — четверо против шестерых; и прежде чем Идас успел их, одного за другим, пронзить копьем с широким наконечником, их предводитель прицелился в Канта камнем из пращи, запустив его так метко и с такой недюжинной силой, что поразил его в висок и проломил череп.

Опечаленные, они унесли Канта и похоронили у моря, станцевав в доспехах вокруг костра и вырывая на себе волосы. Они насыпали над его костями высокую гору белых валунов, чтобы моряки вытаскивали на берег поблизости свои корабли и совершали ему возлияния. Но сами они не страшились духа Канта; тот утолил свою жажду кровью четверых противников, да еще и сотни овец, пусть тощих, но аргонавты нашли их достаточно вкусными. Они вволю наелись жареной баранины под соусом из ячменя и бензоина, который умели готовить феакийские девушки.

Затем они добрались до лагун, соленых болот и зыбучих песков, простиравшихся на сотню миль. У этой части залива поразительно хаотический вид, не поймешь, где тут твердая земля, а где

— воды морские. Некоторые поэты говорят, что при сотворении мира Богиню Эвриному отвлекло зрелище рогатого аспида, которого она невольно вызвала к жизни, и что она оставила Сиртис незавершенным. Навплий держал «Арго» подальше от этого коварного берега.

Затем они прибыли во владения темнокожих псиллиев, которые дерзают есть змей и ящериц и, согласно сообщению Навплия, защищены против ядов, даже гадючьего. Навплий заявил, что если когда-либо ребенок-псиллий, укушенный аспидом, умирает, мать выбрасывает его тело в пустыню, отказываясь от похорон, так как это — урод, а не истинный псиллий. Медея высмеяла эту историю, заметив, что псиллии не больше защищены от змеиного яда, чем любой другой народ, но применяют умилостивливающие заклинания и мажутся соком растения, которого змеи не переносят. Она заявила, что во время многолюдных празднеств, когда они побуждают больших змей в колпачках себя кусать, псиллии, несомненно, обманывают зрителей, сперва удалив тайно ядовитые зубы. Что касается змееедства, то она сказала, что это неудивительно, ибо змеиное мясо не ядовито, а только жестко и неприятно на вкус. Поэтому аргонавты решили

не посещать псиллиев, которых считали удивительным народом. Они поплыли дальше мимо красных скал, перемежающихся пляжами белого песка, за которыми вздымались одинаковые по высоте береговые холмы, безлесые и покрытые выжженной травой. Время от времени показывались газели, но других крупных четвероногих не было.

Затем они прибыли во владения насамониев, которые заселяют более твердую часть побережья Восточного залива. Насамонии отличаются от племен, живущих западнее, тем, что почитают божество, вроде Бога Отца и заключают союз вроде брачного. Однако мужчины их не ревнивы и не требуют от жен целомудрия; муж позволяет свадебным гостям насладиться своей женой — одному за другим в порядке знатности, если только каждый преподнесет ей подобающий дар любви. Богатый берет себе несколько жен, а бедняк, который не может позволить себе завести даже одну, посещает все свадьбы, и таким образом, не лишен естественных радостей любви. Однако аргонавты встретили не много представителей этого огромного племени, ибо большая его часть, как обычно, проводила лето в финиковых оазисах в глубине Ливийской пустыни, отмеченной

ими точно шкура леопарда — пятнами; они не воротятся, пока зимние дожди вновь не оденут прибрежные холмы травой и цветами, чтобы откормить их исхудалый скот.

Когда аргонавты сошли на берег в поселении в восточном углу залива — им снова понадобилась вода — предводитель оставшихся там насамониев настоял, чтобы Эхион, который пошел первым, как вестник, принес ему присягу дружбы. Насамоний испил воды из ладони Эхиона и дал ему испить воды из своей ладони. Такой способ заключения договора Эхиону показался неприятным. У насамония были грязные исцарапанные руки, а вода, которую он раздобыл, порывшись в песке пляжа, была солоновата и неприятно отдавала серой. Тем не менее Эхион вел себя с безупречной вежливостью, как и следует вестнику.

Они вынуждены были подождать, пока западный ветер, который так далеко их унес, не сменится южным; ибо берег заворачивал к северу. Насамонии между тем щедро кормили их, но пищей, которая не пришлась им по вкусу — высушенными на солнце полосами постной говядины, истертыми в порошок акридами с сухим молоком, на шестой день повеял южный ветер.

Как они рады были добраться до плодородной

земли Кирены, где почва глубока и процветают всевозможные деревья и травы! Киринеи, культурный и гостеприимный народ, немного знающий по-гречески, по доброму приняли их — им хотелось послушать удивительные истории, которые они рассказывали о своих странствиях. Ясон купил припасов для следующего этапа плавания — в Грецию через Крит, и впервые с тех пор, как он и его товарищи покинули Корфу, они отведали свежего ячменного хлеба. Местом, откуда они окончательно отплыли из Африки, был Дарнис, где они омыли Руно в шестой из семи предписанных рек, в Дарнисе, который впадает в Киренаикское море. Этот поток с ароматной водой струится по глубокому оврагу, склоны которого покрыты дикой оливой, сосной и кипарисом. Здесь росли ухоженные фиговые сады и недавно насаженные виноградники, а на прощальном пиру дарнии увенчали их гирляндами, набили им рты жирной жареной говядиной, и сперва отказались принять вознаграждение, но аргонавты уговорили их взять золото для украшения храмов.

Из Дарниса они с прекрасным юго-восточным бризом прибыли на заре третьего дня на Крит, и, пробудившись, обнаружили, что перед ними

вздымается гора Дикта. Они решили высадиться у Гиерапитны — укрепленного города, расположенного на прибрежной равнине, но главный магистрат в бронзовом шлеме, бронзовой кирасе и бронзовых наголенниках вышел на островерхую скалу близ места стоянки и грубо велел им убираться, поскольку корабли миниев на Крите не жаловали. Вокруг столпились вооруженные горожане, бряцая мечами и бросая в «Арго» камни — мелкие и крупные. Аргонавты подумали было напасть на Гиерапитну и предать ее жителей мечу, но возобладало благоразумие — Медея предложила наказать магистрата, поразив его с расстояния. Они отвели «Арго» за пределы полета стрелы, и Медея взошла на нос. Набросив на голову край своего пурпурного одеяния, она занялась колдовством. Слышно было, как она то поет, то молится, и наконец быстро открыла голову и наградила магистрата, имя которого было Тал, таким горгоньим взглядом, так скрежеща зубами, вращая глазами и шевеля языком, что он упал в обморок от страха и свалился со скалы, на которой стоял. Он сломал себе ногу в трех местах, задел главную артерию у лодыжки и в течение часа истек кровью; ибо горожане, страшась Медеи, не посмели подойти и спасти его.

Аргонавты двинулись на веслах на восток, смеясь и ликуя, обогнули обрывистую восточную оконечность Крита. На заре следующего дня они достигли Минои, где «Арго» был хорошо известен горожанам, и тут они пополнили свои запасы. Река Минос, которая впадает в Критское море, была последней из семи предписанных рек, где они омыли Руно. Теперь оно полностью очистилось, и Зевс мог его принять. В полдень они отплыли из Минои и шли всю ночь, и южный ветер наполнял им парус. Небо заволокло тучами, и хотя море было не слишком бурным, то была самая темная ночь за все их плавание, — не было ни луны, ни звезд, вообще никаких источников света. Именно тогда Эвфем потерял священный ком земли, подаренный ему вождем тритонов, ибо около полуночи они набрали немало воды. Черный хаос снизошел с Небес, и никто не имел понятия, где они, но с надеждой плыли вперед. На заре небо внезапно прояснилось, и когда первые лучи восходящего солнца позолотили голые скалы, острова Анафе, они увидели, что некое божество ловко провело их между двумя скалистыми островками, которые лежали на расстоянии примерно четырех миль от южного берега острова. Аргонавты сошли с корабля на желтый

песчаный пляж и развели костер из прибойного леса, надеясь приобрести овцу, либо добыть на охоте козла или какое-то другое животное для жертвоприношения Сиятельному Аполлону. Но на Анафе в ту пору не было ни людей, ни зверей или птиц, пригодных для жертвоприношения. Аргонавты вынуждены были совершить возлияние простой водой на горящие головни, что заставило феакийских девушек смеяться до слез. Затем Идас сказал:

— За то, что вы над нами смеетесь, девушки, я накажу вас, отшлепав по одному месту!

Девушки стали защищаться горящими головнями и пригоршнями песка среди всеобщего веселья и громких криков; но Идас отшлепал каждую по очереди, хотя девушки здорово обожгли его и почти что ослепили, бросаясь песком. Это происшествие теперь вспоминается ежегодно благочестивыми анафеянами, когда они приносят скромные жертвы Аполлону; и девушек и поныне весело шлепают «рукой Идаса» в честь брата Артемиды.

Там же, на Анафе, дятел привел Медею к дуплистому дереву, которое снизу из-за выступов и шишек сильно напоминало по форме женщину в летах. Медея понимала язык птиц и по совету

дятла попросила Аргуса срубить для нее дерево. Он сделал это, и с помощью топора, дегтя и сурика превратил пень в грозную статую Артемиды Фракийской, которую отнес вниз на берег и поместил, окутав плащами, на борту «Арго».

От Анафе они отплыли не к Эгине, как утверждают некоторые, но прошли между Наксосом и Паросом, островом из беломраморных скал; а ночь оставили Делос за кормой по правому борту. Три самых верных почитателя Аполлона, а именно — Идмон, Ифит и Мопс, были мертвы; будь они живы, они бы уговорили Ясона высадиться на Делосе и проплясать весь день. Остались за кормой Тенос и Андрос, и никаких приключений не случилось с аргонавтами, когда, плывя вдоль священного берега Эвбеи, они миновали земли Кадма, и Авладу, и локрийский берег, и поросший мастиковым деревом мыс Кэнеон, которым завершается Эвбея; и более чем семь месяцев спустя после отплытия они вновь вступили в Пагасейский залив и смело сошли на такой знакомый берег.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ
Смерть Пелия

Была уже ночь. Тем не менее Ясон пожелал, чтобы его товарищи немедленно развели костер из прибойного леса на пустынном Пагасейском берегу, пока он раздобудет животных, пригодных в жертву Аполлону, богу Сходящих с Корабля, в благодарность за благополучное возвращение «Арго». Они не смогли найти сухого дерева, и, по предложению Акаста взломали морской склад и развели превосходный костер из весел и скамей, которые там нашли. Ясон пошел с Пелеем к тому самому крестьянскому домишке, откуда они однажды принесли вина, чтобы угостить Геркулеса, и постучал в дверь рукоятью меча. Хозяин вышел с топориком в руке, чтобы открыть дверь, и растерянно заморгал, уставившись на посетителей, туго соображая спросонья, разбуженный посреди глубокого и сладкого сна, но затем испустил пронзительный вопль и попытался хлопнуть дверью у них перед носом. Ясон просунул ногу между дверью и косяком и спросил его:

— Друг, почему ты шарахаешься от Ясона,

единственного сына Эсона, твоего царя, и обращаешься с ним так, словно он ночной грабитель?

Крестьянин, дрожа и запинаясь, ответил:

— О, господин мой, Ясон, ты мертв, разве ты этого не знаешь? Ты потерпел крушение и утонул на обратном пути из Сицилии два месяца назад. Ты ведь только дух, а не сам Ясон?

Ясон был раздосадован. Они с Пелеем распахнули дверь, работая плечами, и убедили крестьянина, что он ошибается, надавав ему колотушек. Все еще дрожа и трепеща, тот провел их в свой полный скотный хлев, где при свете фонаря они выбрали для жертвоприношения двух прекрасных молодых бычков. Крестьянин отвел животных за кольца в носу на туманный берег, который был теперь великолепно освещен, потому что аргонавты подлили в костер дегтя и скипидара и камеди со склада. Ясон сразу же заклал быков у того самого алтаря, который сложил Аполлону, богу Посадки на Корабль, в день, когда спустили на воду «Арго».

Когда жертвы были разделаны, а мясо их шипело на вертелах, издавая аппетитный запах — у них не было причины умилостивливать бога всесожжением, они вполне могли присутствовать на пиру, как его гости — крестьянин, который

до того хранил молчание, дабы не испортить жертвоприношение предвещающими недоброе слезами или воплями, отозвал Ясона в сторону и сообщил ему тяжелые вести. Он рассказал, что отец Ясона Эсон и его мать Алкимеда — мертвы, так как царь Пелий вынудил их покончить с собой, испив бычьей крови. И это еще не все. Гипсипила, царица Лемноса, явилась недавно в Иолк в поисках Эсона, к которому, как она сказала, велел ей прийти Ясон, если она окажется в беде. Она была изгнана с Лемноса за то, что сохранила жизнь старому Фоанту, своему дяде, в то время, как все проголосовали за то, чтобы без жалости перебить лемносских мужчин. Ее изгнали, ибо женщинам Лемноса не было известно о ее поступке до прибытия аргонавтов. Когда она сказала Пелию, что ждет ребенка от Ясона, Пелий подумал, что любое дитя, которое она родит, станет законным правителем Фтиотиды, и решил погубить ее как можно скорее; но она бежала к святилищу Артемиды Иолкской, где жрица, старая Ифиас, дала ей убежище. Однако, Пелий заявил Ифиас, что, поскольку Ясон и Эсон мертвы, он теперь ближайший сородич-мужчина Гипсипилы и ее опекун, и вынудил Ифиас выдать ему лемнийку. Затем он с ней покончил,

но где это было совершено, крестьянин не мог сообщить Ясону.

Можно легко вообразить себе, в какой ужас повергли Ясона новости об убийстве своих родителей и своего нерожденного ребенка. Он созвал своих товарищей и сказал им:

— Позвольте мне выставить на обсуждение тяжелую проблему: некий злобный узурпатор отсылает за море своего соперника, сына своего тяжко больного брата, законного правителя страны; и можно догадаться, что он умертвил нерожденного сына этого соперника; известно также, что он вынудил самого брата и жену брата испить бычьей крови и умереть, потревожив их во время частного жертвоприношения и пригрозив убить их топором и бросить их тела непогребенными, если они откажутся. Какой участи, товарищи, заслуживает этот узурпатор-братоубийца?

Хотя никто из аргонавтов, даже самые простодушные из них, не заблуждались насчет того, о каком царе говорит Ясон, все, кроме троих, ответили:

— Смерти от меча!

Хранил молчание Акаст, сын Пелия, Адмет, его зять, и Пелей Мирмидонец, который ему служил.

Каждого из них Ясон спросил поочередно:

— Ты не согласен, что смерть от меча — достойное наказание за такие страшные преступления?

Акаст сказал:

— Пусть Адмет ответит вместо меня, а не то, сказав, что я думаю, я буду признан виновным в отцеубийстве, и меня станут преследовать эринии.

Адмет ответил следующее:

— Я женат на дочери царя, который может быть виновен в тех самых деяниях, о которых ты говоришь, ибо его вскормила овчарка и вследствие этого у него дикий нрав. Но прежде чем я вынесу то же решение, что и мои товарищи, позволь мне спросить, является ли отсылка за море племянника преступлением, наказуемым смертью, особенно если племянник радостно отправляется в путь, как предводитель храбрейших героев, каких можно отыскать в Греции, и добывает себе неувядаемую славу? Затем позволь мне тебя спросить, можно ли сказать, что ребенка убили, прежде чем он родился, и может ли человек справедливо быть наказанным смертью за преступление, которое еще не доказано? Наконец, позволь мне тебя спросить, может ли человек быть справедливо наказан, как убийца своего

тяжко больного брата и жены брата, если они по своей воле погубили себя? Презри они его угрозы, они бы и ныне могли быть живы; узурпатор дважды подумал бы, прежде чем пролить кровь брата, хорошо зная, что его благочестивые подданные откажутся повиноваться братоубийце. И насколько заслуживает нашего доверия рассказ, в котором говорится, что тяжко больной человек у себя дома приносил в жертву быка?

Эти слова Адмета пришлись по душе некоторым его товарищам, но не всем.

Авгий из Элиды сказал:

— Ясон, мы поклялись подчиняться тебе во время плавания в поисках Руна, и мы были верны нашей присяге. Теперь, когда плавание закончилось, и мы от присяги освобождены, я могу говорить свободно. Я заявляю, что безумием было бы для тридцати одного человека нападать на город Иолк в надежде отомстить Пелию. Можешь быть уверен: городские ворота хорошо охраняются; и когда мы были здесь в последний раз, пятьсот человек царской стражи постоянно находилось в строю. Несомненно, число их с тех пор увеличилось. Что касается меня, то я не желаю рисковать жизнью в таком безрассудном предприятии, каким обещает стать твоя затея.

Подумайте, товарищи! Пламя нашего жертвенного костра, конечно, было замечено часовыми на стенах; и Пелий, если у него есть хотя бы капля здравого смысла, узнает, что здесь, в Пагасах, что-то происходит, и призовет трубача, дабы тот протрубил тревогу.

Идас прервал Авгия, прежде, чем тот закончил, крикнув:

— Как я вам уже однажды говорил, Авгий родился в безлунную ночь, и он — подтверждение истинности пословицы: «Мужчина рождается при свете луны». Но я, со своей стороны, готов немедля идти с тобой, Ясон, прежде чем Пелий догадается о нашем присутствии. Давай захватим его врасплох и разграбим его богато убранный дворец. Если он верит, будто мы погибли при кораблекрушении, как уверяет нас здешний крестьянин, тогда пламя нашего костра его не встревожит. Он придет к выводу по цвету пламени, что пожар охватил один из его складов.

Кастор и Поллукс сейчас же согласились с Идасом; но Автолик, говоря от имени всех фессалийцев в целом, сказал:

— Нет, нет, хотя мы за тебя, Ясон, что бы ни случилось, и не считаем, что наш поход завершился, пока Руно не будет благополучно наброшено на

спину святого образа Овна с горы Лафист, мы умоляем тебя быть благоразумным. Давай не выступать против Иолка в мстительной ярости, как выступили однажды семеро героев против Фив: не стоит погибать понапрасну. Давай лучше затеем всеобщую войну против твоего неистового дяди, и пусть каждый вернется сперва к своему племени или в свой город и там соберет большой отряд добровольцев; так чтобы множество войск сразу двинулось на Иолк со всех сторон.

Затем дал свой ответ Пелей:

— Я — князь мирмидонцев, как вы знаете, и служу царю Пелию. Я никогда не соглашусь объявить против него войну. Если ты намерен нападать на Иолк, ты должен сперва убить меня, ибо я многим обязан Пелию. Я признаю, что у него дикий и предательский нрав, но он поддержал меня, когда я был жалким просителем, и я отказываюсь заслужить имя предателя, выступив против него. Кроме того, если несколько больших воинств пойдут с разных сторон на Фтиотиду, какова же будет участь моих земель и моих бедных подданных и наследия моего дорогого друга Акаста? Видел ли ты когда-нибудь стадо кабанов, выкапывающих луковицы лилий в мирной лощине? Думаешь, обычные солдаты станут вести

себя с меньшей жадностью и яростью в моей родной стране, как бы мудро ни управляли ими командиры?

Чародей Периклимен торжествующим тоном обратился к Пелею:

— Дорогой Пелей, несчастный случай устранил твоего сводного брата, которого ты ненавидел, и твоего тестя, которому ты наследовал во Фтии как князь мирмидонцев. Какая жалость, Муравей, что смерть Пелия, в любви к которому ты никогда не признавался, не может стать итогом еще одного несчастного случая такого рода.

Пелей усмехнулся, отвечая:

— Когда утонул Диктис, вице-адмирал колхов, триада несчастных случаев должным образом завершилась.

Некоторое время никто ничего больше не говорил. Наконец Аскалаф спросил:

— Медея, скажи нам, почему ты всю дорогу с Анафе везла сюда полый образ Артемиды Фракийской?

Она ответила сразу:

— Мне приказал это сделать дятел, посланный Матерью. А теперь, раз уж ты задал мне этот вопрос, пусть все хранят священное молчание, пока моя голова накрыта плащом. Когда я его снова

сброшу, выслушайте внимательно мои слова, которые, какой бы темной загадкой ни показались на первый взгляд, дадут единственный ответ на каждый вопрос, который был задан нынче ночью. Я собираюсь посоветоваться с Матерью.

Она набросила себе на голову пурпурный плащ, и ни звука не раздавалось оттуда, хотя складки вздрагивали, хлопали и раздувались снова и снова, когда их наполнял змеехвостый ветер; вскоре плащ стал реять вокруг нее, и складки сделались неподвижны, точно стены палатки, затем снова медленно упали и тесно ее обволокли. Такое зрелище наблюдали они в ярком свете костра.

Наконец Медея высвободила голову и заговорила:

— Вот каковы слова Матери: «Завтра около полудня Пелий умрет жестокой смертью, которую сам выберет. Аргонавты, на вас не падет его кровь; я сама совершу месть, какую должно совершить. Воздержитесь от войны против Фтиотиды, дети, и от любых насильственных действий. Аталанта Калидонская, единственная из вас, пойдет в Иолк. И она пойдет без оружия, под покровительством моей служанки Медеи. Отведите „Арго“ к Метоне, там вытащите на берег. Замаскируйте его обрубленными дубовыми ветками; а сами притаитесь

в зарослях, дабы никакой случайный прохожий не сообщил о вашем появлении в Иолк. Тонкий красный столб появится из дымового отверстия дворца, когда свершится моя месть. Тогда поспешите выйти, плывите в Иолк, хлеща по воде веслами, и овладейте городом, где никто вам не воспротивится».

Аргонавты поглядели друг на друга в изумлении, все же они располагали доказательствами могущества Медеи, и ни у кого из них не было ни малейших сомнений, что ее устами говорила Богиня и говорила правду. Поэтому они не сказали больше ни слова, и когда Медея начала брать у них взаймы страусовые и медвежьи шкуры, головные уборы из перьев колхского ибиса и другие добытые в походе трофеи, никто не отказал ей ни в чем, что могло бы ей понадобиться для осуществления ее замысла. Затем они снова взошли на борт «Арго» и заработали обвязанными тряпками веслами, закидав сперва алтарный огонь песком; но Медея осталась на берегу с Аталантой и двенадцатью феакийскими девушками, а также — с полым образом Артемиды.

Когда «Арго» пропал из виду, Медея сказала Аталанте:

— Дорогая девушка, я догадываюсь, что ты

ненавидишь Ясона, хотя и беспричинно, и презираешь меня за то, что я его люблю; но пусть это сейчас не помешает тебе повиноваться приказам Матери. Я не держу на тебя зла, ибо, по меньшей мере, мы не соперницы в любви к одному и тому же мужчине, и я ничуть не виню тебя за убийство моего отца Ээта, что совершила твоя госпожа Артемида.

Аталанта улыбнулась и ответила:

— Медея, я женщина, как и ты. И, хотя я могу беспричинно ненавидеть Ясона, я не могу найти у себя в сердце ненависти или недоверия к его жене. Я догадываюсь, что Бог Любви развлекается, превращая в дур самых добрых, самых разумных и самых верных представительниц нашего пола.

Они расцеловали друг друга в обе щеки, и Медея послала Аталанту вперед, чтобы передать старой Ифиас тайное предостережение: богиня Артемида лично движется в Иолк, чтобы наказать Пелия за то, что осквернил ее святилище, когда силой увел оттуда Гипсипилу, царицу Лемноса — Ифиас должна очиститься и быть готова вместе со всеми своими девами Рыбами встретить Богиню, входящую в город на рассвете. Аталанте надлежало сказать:

— Не страшись, Ифиас, какие бы чудеса ты ни

увидела. Ибо Богиня, которая явилась мне во сне, имеет самый что ни на есть ужасный вид. Она движется сюда из туманного края воинственных рыжеволосых гипербореев, с большого треугольного острова, лежащего к северу от Галлии, изобилующего рыжим скотом. И не удивляйся, если она поведет лицемерные речи, выказывая любовь и нежность к неистовому Пелию. Ибо она любит возвысить прежде, чем низвергнет, дабы еще больше было падение.

Аталанта вошла в город, и стража не остановила ее, ей известен был тайный ход под стенами, который вел в святилище Артемиды. Она предупредила Ифиас, повторив слова Медеи, чего следует ожидать на заре.

Между тем Медея раздобыла у пагасейского крестьянина ягненка мужского пола и усыпила его тем же одурманивающим средством, которое применила против Прометеева Змея. Затем укрыла ягненка внутри полой статуи, а статую поставила на легкие салазки, которые нашла в морском складе. Фракийских девушек она вырядила во все то, что позаимствовала у аргонавтов, выбелив им сперва лица гипсом, а ладони и ступни выкрасив киноварью. Затем она повела их по береговой дороге из Пагасов в Иолк, и они по

очереди несли сзади Богиню, пока не оказались у городских стен.

Они никого не встретили на дороге, ибо то была недобрая ночь для Фтиотиды — единственная в году ночь, когда духам позволено свободно разгуливать повсюду, а благоразумные люди сидели дома. Но Медея не боялась духов, и чуть забрезжила заря, дала девушкам пожевать плюща, который их одурманил, а сама издала безумный вопль и повела их, пришедших в неистовство, к воротам. На лице статуи Артемиды была нарисована радостная улыбка и неумолимо гневная гримаса, Медея же была одета со всем блеском и великолепием колхидской жрицы Бримо, а лицо закрыла золотой маской коршуна. Но под маской лицо ее было изрисовано морщинами, чтобы ее можно было принять за столетнюю каргу, и она надела парик того желтовато-белого цвета, какой приобретают волосы в преклонном возрасте; руки ее также были изрисованы морщинами, и она хромала на одну ногу. Испуганные часовые с воем бежали со своих постов, но Ифиас и ее девы Рыбы с нетерпением выбежали из святилища, чтобы отворить ворота своей Богине.

Медея воззвала надтреснутым голосом к жителям Иолка, велев им смело выйти из домов и

поклониться Артемиде. В ответ на ее призывы огромная толпа хлынула изо всех дверей и переулков, и заполнила улицу, ведущую от ворот ко дворцу, и все они простерлись ниц перед образом. По знаку Медеи все благоговейно умолкли, и она сообщила Ифиас так, чтобы все слышали, что Артемида явилась из туманной земли Гипербореев в повозке, влекомой упряжкой летучих змей, которые теперь привязаны за воротами, с тем, чтобы принести великое благо Иолку и его Властителю. Затем призвала всех ликовать и плясать, и феакийские девушки взбудоражили весь город, перешедший внезапно таким образом от сна к священному экстазу — феакийки носились тут и там в толпе, неистово, словно женщины из аргивского сообщества Коров, когда они исполняют в честь Геры танец оводов. Иолкцы ударяли в гонги и дули в трубы, словом, все кругом обезумели.

Медея захромала ко дворцу, и когда слуги у ворот закричали и удрали прочь, вломилась туда без церемоний. Там в зале она застала Пелия в ночном колпаке и впопыхах наброшенном парадном облачении, расспрашивавшего всех в растерянности, что творился. С ним были его четыре дочери, столь же ошарашенные, сколь и

он. Феакийки ворвались в зал следом за Медеей и принялись как безумные танцевать на столах и скамьях, пока она сурово не призвала их к порядку. Затем статуя Артемиды, стоящая на салазках, была торжественно внесена Ифиас и девами Рыбами и поставлена на стол перед Пелием. За ними во дворец пытались проникнуть целые толпы народу, но Медея всех выставила и заперла дверь на засов.

Она резко и гортанно обратилась к Пелию на варварском греческом со следующими словами:

— Пелий, Пелий, Пелий, я — главная жрица Артемиды Медведеподобной, Владычицы Озера, Отыскивающей Лошадей, Охотницы, Богини Доброй Славы, только что прибывшей в Иолк из порождающей гигантов земли Гипербореев. Я и мои девы за одну ночь, усевшись в ряд на спины пары крылатых змеев, промчались через Друидскую Галлию и над высокими Альпами, через суровую Истрию и Эпир, и через плодородную Фессалию, а Богиня сидела позади нас в своей повозке, подбоченясь и торопя нас вперед. Ты спросишь, что за дела у Богини здесь? Так слушай, я тебе это открою. Слушайте, говорю вам, и не суетитесь, вы, четыре стройные царевны, что столпились вокруг престола Пелия. Не суетитесь,

говорят вам!

Она перепугала дочерей Пелия, метнув у них над головами серебряное яблоко, а оно треснуло, словно гром ударил, стукнувшись о стену позади них, и наполнило зал едким дымом. Царевнам показалось, будто белые змеи с пылающими глазами вьются в воздухе среди клубов дыма. Царевны обезумели от ужаса, но ни одна из них и пальцем не посмела шевельнуть, страшась худшего.

Медея продолжала:

— Богиня, титулы которой я вам назвала, мы в нашей стране называем ее Самотеей, обратилась ко мне не так давно и сказала: «Взгляни в свой хрустальный шар, старейшая и безобразнейшая из моих детей, и скажи мне, что ты там видишь». Глядя в шар, я ответила: «Богиня, я вижу все сущее. В этом стекле мне виден обитаемый мир на всем его протяжении, твои древние владения, лежащие, подобно светлому острову в кружащем потоке Океана». Она снова сказала: «Внимательно посмотри вновь, Коршуноликая, своим пронизывающим взглядом, и сообщи мне, где среди всех моих древних владений отыщется самый благочестивый царь!» Я искала пятьдесят дней и ночей, непрестанно

глядя в стекло, пока наконец мой взор, который пространствовал вдоль восточного берега Греции от Лаконии и Арголиды через Аттику, Беотию и Локриду, не дошел до фтиотийского царства и не остановился, довольный, на богато крытом дворце в Иолке и на благообразном седобородом Пелии, сыне Посейдона. Я сказала богине Самотее: «Пелий — самый благочестивый царь среди живущих. Он перепосвятил тебе под именем Артемиды святилище, принадлежавшее до того отвратительной богине Нимфе, рискуя вызвать неудовольствие Нимфы и все же не прося у тебя награды. Он также сжег бесчисленные жертвы твоему величеству и почитает твое имя превыше имен всех существующих богинь, не исключая даже Геры, жены Зевса». Тогда Самотея ответила мне: «Хорошо, Крючконосая! Давай теперь подготовим нашу запряженную змеями колесницу, дабы пролететь через полмира в Грецию и подобающе наградить Пелия. Давай избавим его от ненавистной старости, наделим его тело вечной юностью, а его беспомощный член — мужской силой, дабы он мог править у себя в Иолке вечно, пережив всех монархов-соперников и всех своих подданных. Пусть он прижмет к груди молодую жену и породит от нее сыновей, более достойных,

чем покойный Акаст, которого я бросила недавно на скалистые берега Ливии в наказание за неподобающее сыну бегство из дома…»

Затем, пока Пелий дивился, и все же сомневался — ибо он был хитрый старик, и его не так-то легко было обмануть — Медея напомнила ему многие странные факты из его жизни, которые выведала у Акаста, у Ясона, у Периклимена, сына Нелея, брата Пелия, и у Эхиона, сына Гермеса, который был обязан, как вестник, узнавать и запоминать все, что ни говорилось о частной жизни больших людей в Греции. И вот она сказала:

— Ты сомневаешься, Пелий, ты сомневаешься. Я читаю самые твои сокровенные мысли. Не сомневайся, сомневаться опасно. Однако богиня милостиво позволила, чтобы я представила тебе очевидное доказательство ее могущества, осуществив свое собственное преображение. Дитя, — обратилась она к Алкесте, старшей дочери Пелия и жене Адмета, — принеси мне чистой воды в жертвенном кубке из раскрашенной глины; ибо губы мои не могут касаться металла.

Когда Алкеста принесла воды в раскрашенном кубке, Медея поднесла кубок к образу Богини и взмолилась на языке колхов, который Пелий принял за Гиперборейский, будучи равно незнаком

с обоими; и, казалось, пламя вырвалось из кубка, когда Медея глотнула немного шипящей воды. Она громко завопила метнулась в небольшую винную кладовую, находившуюся неподалеку, дверь которой стояла нараспашку. Затем заперла за собой дверь и снова ужасно завопила, так что слезы хлынули из глаз у каждой женщины. Вскоре дикие крики затихли, и вместо них раздался негромкий сладостный смех. Вышла Медея, молодая, красивая, златоволосая, без единой морщины на лице или на руках. Ибо остатками воды и ливийской губкой она тщательно вымылась, а свой желтовато-белый парик сорвала. Зрители испустили изумленный вздох.

Пелий сказал дрожащим от нетерпения голосом:

— Я не сомневаюсь больше. Делай со мной, что ни пожелаешь, Священная! Я согласен во имя Богини. Сделай меня снова молодым!

Медея, больше не хромая, подошла к Пелию и взглянула на него в упор. Она сужала зрачки, пока они не стали крохотными, точно зернышки сезама, а руки ее заколыхались перед его лицом, словно белые водоросли, которые мягко колеблются в текучей воде.

— Спи! — приказала она мелодичнейшим го-

лосом.

Белая голова Пелия упала ему на грудь, и в один миг он крепко уснул.

— Уложите его на царское ложе! — приказала Медея.

Царевны подчинились, и она последовала за ними в спальню. Когда двери закрылись, она тихо сказала им:

— Дети, не бойтесь приказаний, которые я вам сейчас должна давать. Прежде, чем ваш отец сможет возродиться молодым, его надо сперва разрубить на куски и сварить в котле с волшебными травами. Это насильственное деяние должны совершить его родные и любящие дети, ибо ни у кого другого нет сил сотворить чудо. А теперь возьмите ножи и топорики и хорошо наточите их о точильные камни, дабы никакого безобразия не появилось на его новом теле от неровного или неудачного удара по старой плоти.

Дочери, которых звали Алкеста, Эвадна, Астеропея и Амфинома, дрогнули. Каждая поглядела на другую, ища поддержки, и все вместе отказались выполнить то, что им поручено.

Алкеста сказала:

— Я, Алкеста, против. Я никогда не пролью крови моего отца — нет, нет, даже если сам Отец

Посейдон это прикажет.

Эвадна сказала:

— Я Эвадна. Я тоже против. Такова общая участь людей — старится. Не смогу я называть отцом человека, который будет выглядеть моложе меня; мои подруги осмеют меня. И легче для женщины терпеливо сносить хандру обидчивого старика, чем ярость упрямого юнца.

Астеропея сказала:

— Я, Астеропея, также против. Молодой отец приведет молодую мачеху, чтобы та нас тиранила. Сейчас дела таковы, что мы сами надзираем над царским хозяйством, предоставляя нашему отцу ведать только вином, вооружением и жертвенными орудиями; мы ведем вполне счастливую жизнь. С чего бы нам желать столь необычных перемен в наших делах?

Последней заговорила Амфинома:

— Я, Анфинома, также против. Почему нашего отца надо разрубить на куски, словно старого барана, и сварить в котле? Для тебя было достаточно всего лишь глотнуть из кубка яростно шипящей воды и удалиться в винную кладовую, ты стала молодой, не пролив и капли своей крови.

Медея отпустила Алкесту, сказав:

— Алкеста, ты замужем. Удались из этого

священного места. Только девам дозволено участвовать в священных обрядах Артемиды. — Ибо она увидела, что только Алкеста устрашилась жестокого деяния из любви и благочестия, в то время как остальные три ненавидели старика.

Когда Алкеста дала обещание молчать и удалилась, Медея сказала остальным царевнам:

— Я отвечу на все ваши возражения по очереди. Эвадна, не бойся, что придется звать молодого человека отцом. Боги вечно молоды, и я думаю, что Пелий никогда не сетовал, что его отец Посейдон куда здоровее его и все еще способен порождать сыновей и дочерей. Твои подруги тебя не осмеют, а станут уважать. Кроме того, если Пелий так часто обижается, так это потому, что он страдает от жестоких болей и недомоганий старости; я обещаю, что когда к нему вернется молодость, он станет столь же покладистым, сколь и вы. Астеропея, не страшись молодой мачехи. Пока Пелий нуждается в тебе, дабы ты управляла его делами, он никогда не согласится отдать тебя замуж; но как только он снова станет молод, обещаю, он найдет тебе великолепного жениха, достойного твоего происхождения, красоты и дарований. Ты станешь царицей, властвующей над богатой и населенной страной. Что касается тебя, Амфинома,

ты должна понимать, что магический обряд, применяемый для омоложения стариков отличается от того, который применяют для омоложения старух; да и мое преображение не было никоим образом безболезненным.

Амфинома хранила молчание, не желая оскорбить жрицу.

Затем Медея сказала:

— Амфинома, ты говорила о старом баране, которого рубят на куски. Скажи-ка мне, а нет ли у вас во дворце старого барана, священного Овна Зевса? Принеси его мне из хлева. Я убью его, разрублю на куски и сварю в котле с волшебными травами. Ты увидишь, как он возрождается ягненком, благодаря червю жизни, который обитает внутри его позвоночника. Скоро он снова станет щипать обильную луговую траву и сочные побеги терпентина, от которых теперь отворачивается с усталым вздохом.

Амфинома ответила:

— Если ты сумеешь совершить такое чудо со старым овном Зевса я поверю, что ты сможешь сделать то же самое и с моим отцом. И тем не менее, я — благочестивая ахейская девушка. Сама я не совершу своими руками насилия, над овном из страха перед Отцом Зевсом.

Эвадна привела барана, шестнадцатилетнее животное с затуманенным взглядом, без передних зубов, покрытого паршой, с рогами невероятных размеров. Ежедневной обязанностью Амфиномы было кормить его молочной кашей, чистить его и убирать у него в стойле.

Медея повела вонючего старого барана в зал, где кипел на огне котел чистой воды, подвешенный на крюк над очагом, приготовленный, чтобы в нем сварили обычную похлебку из баранины и ячменя на завтрак царским домочадцам. Это был тот самый котел, на котором Геркулес оставил вмятину кулаком, если его наполнить до краев, он вмещал пятьдесят галлонов воды. Медея удалила из зала всех, кроме трех незамужних царевен. Она велела им запереть все двери и задвинуть засовы. Затем, творя длинные молитвы по-колхски, она разрубила барана на куски топором из черного обсидиана и побросала их в котел вместе с ароматными травами и корой из пакетиков, которые извлекала один за другим из расшитого мешочка, висевшего у нее сбоку на поясе. Она принялась напевать, помешивая в котле деревянной ложкой, пока, наконец, испустив радостный крик, не провозгласила по-гречески:

— Смотрите, смотрите! Старая кляча поднимает

голову! Преображение началось!

Она посыпала на горящие головни какого-то порошка, так что головни яростно затрещали и ярко вспыхнули. Кроваво-красный свет озарил зал, вода в котле забурлила, и густой пар скрыл очаг из виду. Когда пар рассеялся, послышалось внезапное блеяние, и шестимесячный ягненок с едва проросшими на лбу рожками в испуге запрыгал и заскакал по залу и побежал к Амфиноме, словно к матери. Амфинома в изумлении воззрилась на ягненка, а затем побежала к котлу. В нем не осталось ничего, кроме какого-то месива да нескольких намокших клочков старой шерсти.

Медея снова обратилась к трем царевнам:

— Эвадна, Астеропея и Амфинома, вы стали свидетельницами чуда. Перестаньте же колебаться, повинуйтесь желаниям своего отца и выполняйте приказы Артемиды. Будьте уверены, что, когда вы так поступите, поэты не позабудут ваши имена. И все же ударьте все вместе, дабы ни одна из вас после не претендовала на славу той, что нанесла первый удар. И оставьте целым спинной хребет между бедер и ребер, ибо там обитает червь жизни.

Они решительно вернулись в спальню, каждая — с острым топором в руке, взятым из оружей-

ной, примыкающей к залу, они наточили лезвия о точильный камень, передавая его из рук в руки, и вскоре Медея услышала хряст, которого она так ждала, и пронзительный вопль пробудившегося от сна Пелия.

Аргонавты, задремавшие в полдень в дубовых чащах Метоны, были разбужены Линкеем:

— Взгляните, товарищи! — кричал он. — Красный дым поднимается из дымового отверстия пелиева дворца!

Они выскочили из укрытия, побежали к «Арго», спустили его на воду и вскоре уже яростно гребли к иолкскому берегу. С оружием в руках они попрыгали на берег и обнаружили, что главные ворота города не охраняются, ибо Медея отдала приказ, чтобы никто не преграждал путь Богине, которая вернется через те же ворота, в которые вошла, и вновь займет свое место в повозке, влекомой змеями. Аргонавты вбежали в ворота и припустили по главной улице — молча, словно выдрессированные охотничьи псы.

Горожане дивились их появлению, но никто не преградил им дороги, ибо они появились внезапно, и только когда они скрылись из виду, один сосед повернулся к другому и, едва дыша, спросил:

— Ты видел то же, что и я? Ты видел бледных вооруженных призраков аргонавтов, промчавшихся вместе с Ясоном, сыном Эсона и Акастом, сыном Пелия во главе? Как это? Разве ночь призраков не кончилась с зарей, как мы полагали?

Когда аргонавты вступили во дворец, сама Медея открыла им дверь зала и вскричала:

— Увы, аргонавты, вы вернулись слишком поздно, чтобы спасти Пелия от гибели. Три его дочери стали отцеубийцами. Они варварски изрубили его в мелкие кусочки и теперь варят в котле, столь же беззаботно, как если бы готовили баранью похлебку для своего царского завтрака.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ
Руно возвращено Зевсу

В тот вечер аргонавты пировали в зале Пелия после того, как хорошо окурили его серой и арабским ладаном и обрызгали стены внутри и снаружи очистительной водой. Три топора и большой котел они посвятили богине Персефоне, в святилище которой за городом нашли убежище три преступные царевны. Никто не посмел ничего сделать с Медеей, но все женщины и мужчины, за исключением Ясона, избегали ее взгляда и общества, они даже бледнели, если ее тень пересекала им дорогу. Однако, она доставила им большое удовольствие, когда они сидели за десертом, встав и прилюдно побудив Ясона добровольно отказаться от престола Фтиотиды в пользу его двоюродного брата Акаста. А мог ли он поступить иначе? Разве он однажды не заявил при свидетелях на многолюдном жертвоприношении, что не претендует на богатства своего дядюшки? Царь без богатств, — сказала она, — это все равно, что наконечник копья без древка, и поскольку Акаст по доброй воле не усту-

пит свое наследство, будет ли благоразумно или пристойно для царя Ясона ходить оборванным и выпрашивать корки и мясные объедки со стола своего богатого двоюродного брата? Кроме того, хотя она и не присутствовала в царской спальне, когда ударили топоры, она не может рисковать вызвать неудовольствие некоего духа, поселившись в Иолке. Ясон погрузился в мрачные раздумья и сперва не отвечал. Но когда товарищи играючи забросали его хлебными корками и мясными объедками, он ответил, что последует ее совету, хотя ему горько отказываться от того, что принадлежит ему по праву, выказав тем самым пренебрежение к своему отцу Эсону и деду Кретею; и в награду за свое великодушие он призвал своих товарищей помочь ему, если потребуется, возвести на престол Эфиры Медею и его самого. Это все они пообещали сделать единогласно, ибо они боялись гнева Медеи в случае отказа.

На следующий день, сидя на фтиотийском престоле в великолепной короне, облачении и с увенчанным головой овна скипетром Афаманта, который сам Ясон вложил ему в руку, царь Акаст призвал к священному молчанию и провозгласил приговор о вечном изгнании из Иолка Медеи, Аталанты, Ясона, Идаса, Кастора,

Поллукса и Периклимена, как либо подстрекателей к убийству его отца, либо соучастников, а также и самих убийц — трех царских сестер. Этот приговор не вызвал удивления, поскольку не по-сыновнему было бы провозглашать любой другой; он проявил заметную мягкость, позволив всем виновным оставаться в Иолке, пока не состоятся погребальные игры в честь Пелия. Акаст торжественно открыл игры в тот же день, и когда они должны были начаться явился Геркулес, вернувшийся недавно с острова Гесперид с корзиной, полной священных апельсинов, которые ему велено было принести царю Эврисфею. Аргонавты сразу же столпились вокруг него, целуя его большие грязные колени и приветствуя его как своего спасителя от гибели в Ливийской пустыне. Он с удовлетворением показывал им апельсины, говоря:

— Понюхайте их, пожалуйста, товарищи. Они даруют долгую жизнь, но не касайтесь и не берите в руки священных плодов.

Геркулес не был пьян и еще не обедал, но любезен был необычайно: ибо оракул Артемиды сообщил ему, что скоро он, наконец, породит дочь. Казалось, он позабыл само имя Гиласа, ибо он ни разу не упомянул мальчика; они тоже ста-

рались о нем не заговаривать. После того, как он попировал во дворце часок другой, он согласился председательствовать на играх.

Теламон Эгинский дальше всех метнул кольцо, Мелеагр — дротик, Эвфем Тенаронский победил в гонках колесниц, запряженных парами. А Пелей выиграл состязания по борьбе, ибо Кастор, который иначе стал бы победителем, состязался вместо этого в гонках колесниц, запряженных четверками: Пелей дважды поверг наземь Ясона диким броском, называемым «летящая кобыла» — ибо теперь, когда «Арго» благополучно вернулся домой, ему уже не было надобности беречь или жалеть своего капитана. Четырехконная упряжка Кастора обогнала все упряжки его фессалийских соперников, и все же состояла эта упряжка только из фессалийских коней, а ни одна на свете порода не превосходит их даже лаконийская. В этих бегах участвовал также коринфянин Главк. Он был двоюродным братом Медеи, так как приходился сыном Сизифу. Неизвестно, почему его упряжка перепугалась у первого столба, и он вылетел из колесницы, а кони набросились на него и стали вырывать у него большие куски мяса. Некоторые говорят, что коней взбесил дух Пелия, другие, что Главк чем-то оскорбил Посейдона, Покровителя

Коней, но общее мнение таково, что Медея отравила коней травой гиппоманес, боясь, что Главк может стать ей помехой в Коринфе, если когда-нибудь заявит претензии на престол Асопии. Словом, Главк был убит, и дух его с тех самых пор скитался по Коринфскому перешейку, забавы ради пугая коней на состязаниях четырехконных упряжек на Истмийских играх.

Поллукс выиграл в кулачном бою, но слишком легко, чтобы доставить удовольствие зрителям познатнее, хотя простонародье ревело от восторга при виде крови, брызгавшей из носов и ртов его неопытных противников. Геркулес весело вступил в состязание по вольной борьбе, и Алкест, которого он уважал, уговорил его сохранить жизнь своему противнику, кентавру Нессу, когда Геркулес сломал тому ногу и три ребра, и Несс был отдан ему на милость. Фалер Афинский выиграл состязания лучников, выстрелив по соломенной кукле, свисавшей с дерева и болтавшейся на ветру, пронзив ей горло с первого же выстрела.

В беге состязались Аргей и Меланион, младшие сыновья Фрикса, а также два чужака — фокиец Ификл и некто Неотей. Ификл пришел первым, намного обогнав других. Он был минием, и эта его победа ввела таким образом в заблуждение

некоторых поэтов, которые описали его, как аргонавта, но аргонавтом он не был. Вдобавок, то не был Ификл, единоутробный брат Геракла или Ификл, дядя Кастора и Поллукса, что также утверждалось. Потребовался бы целый флот, чтобы разместить всех героев, которым тщеславие их потомков приписало блистательное звание аргонавтов.

Аталанта выступила в состязаниях по прыжкам, но когда Акаст отмерил участок для прыгунов, и песок был вспахан, измельчен и выровнен, Аталанта выразила протест. Она заявила, что эту задачу следовало взять на себя Геркулесу, что Акаст, хотя он и царь Фтиотиды, не имеет права вмешиваться в приготовления к любым состязаниям. Геркулес послушно отмерил новый участок, дальний конец которого лежал на обычном расстоянии пятидесяти футов от линии старта, а ближний — на середине этого расстояния. Но пятьдесят футов, отмеренные Геркулесом, оказались в полтора раза длиннее акастовых, ибо Акаст был коротконог. Справедливость возражения Аталанты вскоре подтвердилась, когда она допрыгнула до самого конца участка, обозначенного Геркулесом; соверши она столь длинный прыжок с края участка, отмеченного Акастом,

она бы вылетела далеко за его пределы и сломала лодыжки о каменистую землю, не разровненную мотыгами. Такой удивительный прыжок не был чем-то необычным для Аталанты, которая привыкла поддерживать гибкость ног с помощью танца ягодиц, подпрыгивая вверх-вниз на смазанной жиром коровьей шкуре и попеременно ударяя по каждой ягодице второй ногой, она могла проделать такое тысячу раз или больше, в то время как обычный атлет соскользнул бы с коровьей шкуры при первом же прыжке.

Борьба на мечах на кургане Пелия состоялась между иолкцем по имени Плий и аргонавтом Аскалафом, сыном Ареса. При состязаниях такого рода часто случается, что один из бойцов пытается вызвать восхищение толпы, нападая на другого с ненужным пылом, и тогда игра превращается в серьезную схватку. В тот раз Плий по глупому ранил Аскалафа мечом в мясистую часть бедра, чуть-чуть не задев гениталии, и боль настолько разъярила Аскалафа, что он отплатил противнику, рубанув того наотмашь, и отсек ему у запястья руку. Плий умер от потери крови, продолжая биться левой рукой и отказавшись позволить друзьям перевязать его ужасный обрубок. Смерть его вызвала всеобщее удовлетворение, поскольку

Плий не имел родственников, способных за него отомстить, а дух Пелия вдоволь напился крови, хлынувшей потоком, как засвидетельствовал зоркий Линкей.

К закрытию игр внезапно прибыл Орфей. Ему теперь постоянно нездоровилось, и голос у него был уже не таким, как прежде. Тем не менее, он спел длинную, исключительно сладостную песнь о плавании «Арго», не истолковывая благоприятно несчастливых или не вызывающих доверия происшествий, как делали с тех пор многие поэты, и был со всеобщего согласия увенчан душистыми лаврами. Он сохранил, словно залив медом, несколько великолепных деталей, которые были бы иначе забыты даже самими аргонавтами. Однако додонские жрецы впоследствии сетовали, что в песне его содержится некоторое неуважение к Зевсу, и запретили ему вновь ее исполнять под страхом зевсова гнева; так что сохранились только отрывки из нее.

Когда игры закончились, аргонавты совершили свое последнее плавание вместе, пройдя вниз по Эвбейскому заливу, пока не добрались до города Опона. Там они высадились, поручили свой корабль заботам опиев и зашагали по холмам, пока не дошли до Копайского озера и до

прославленного беотийского города Орхомена, где поклонились своему предку Минию у его ослепительно-белой гробницы. Из Орхомена они двинулись к горе Лафист, и там, наконец, Медея от имени Прометея, возвратила Руно дубовому образу Овна в святилище близ вершины; другие же принесли обильные жертвы и пропели гимны. Однако Зевс не выказал какого-либо знака довольства или благодарности, ни даже отдаленного раската грома, что привело всех в замешательство. Они-то рассчитывали на особую милость, веря по-глупому, что раз уж Зевс неотвратимо наказывает своих приверженцев за любое наносимое ему оскорбление, намеренное или случайное, то он и отплатит благодарностью за оказанные ему услуги.

Геркулес прибыл туда с ними по дороге в Микены, куда нес священные апельсины, и хотя он не поднимался на гору Лафист, именно он, а не орхоменец Аскалаф или кто-либо еще, заставил совет Орхомена восстановить сыновей Фрикса в их правах на наследство их деда Афаманта, и тем самым осуществил обещание Ясона. Сыновья Фрикса хорошо угостили Геркулеса за его доброту.

Затем последовало первое расставание ар-

гонавтов — те, кто был родом из Фессалии и Фтиотиды, двинулись пешком на север, обняв со слезами своих товарищей, с которыми они разделили столько опасностей. Но Геркулес, Ясон, Аргус и остальные наняли беотийских гребцов и повели «Арго» вниз по Эвбейскому проливу. Они обогнули Аттику и высадили Фалера на берег в Афинах, где почтительно приветствовали царя и царицу Архонтов, и все вместе прошли к святилищу Афины, дабы смиренно поблагодарить ее за ее неустанную заботу. Затем они снова взошли на борт и, миновав остров Саламин, подошли к Коринфскому перешейку.

Ясон вытащил корабль на берег в Кинхерах и послал вперед Эхиона, как своего вестника, чтобы тот объявил народу Эфиры о прибытии их законной царицы Медеи. Это задание доставило Эхиону удовольствие, поскольку он желал превратить в правду тот вымысел, который его отец Гермес вложил в его уста, когда он сошел с корабля на Царский Мол в Эа. Его задача оказалась тем легче, что Коринф поразили в то лето засуха и мор, почти как он говорил, и эфирцы устали от сурового правления ахейского узурпатора, который называл себя Коринфом.

Эхион встал на рыночной площади и сообщил

эфирцам, что Ясон, прославленный сын Эсона, раздобыл Золотое Руно и, повинуясь велению оракула, доставил на родину Медею, светловолосую чародейку, дочь Ээта, чтобы она стала их царицей, и что, уступив по доброй воле другим свои права на престолы Лемноса и Фтиотиды, Ясон согласился жениться на Медее и стать их любящим царем. Далее Эхион сказал им, что Кастор и Поллукс, Аталанта и Мелеагр, Меламп и Периклимен, Идас и Линкей и сам великий Геркулес уже на пути из Кенхер с оружием в руках, чтобы обеспечить восстановление справедливости, пусть и с запозданием, в отношении имени Ээта. Эфирцы выслушали его с радостью и немедленно восстали. Узурпатор Коринф бежал, а население устремилось к берегу, чтобы приветствовать царственную пару.

Единственное, о чем сожалел Эхион, — это о том, что жителей Асопии Коринфской, бывшего царства Сизифа, никакими средствами невозможно было уговорить восстать против Креона, их властного ахейского государя, дабы тем самым двойное царство воссоединилось, как он напророчил; ибо Креон женился на Главке, дочери Сиифа, и правил от ее имени.

Ясон решил посвятить «Арго» со всеми его

веслами и оснасткой богу Посейдону в благодарность за огромную волну, которая спасла их от скал Ливийского побережья. Поэтому он отвел корабль на восток от Кенхер к самой узкой части перешейка, где «Арго» вытащили на берег, поставили на катки и покатили в глубь суши к ограде Посейдона. Там Аргус простился со своим прекрасным кораблем, став последним, кто его покинул.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ
Что стало с аргонавтами

Акаст процарствовал в Иолке несколько лет, но погиб от руки своего друга Пелея. Они поссорились из-за отары в сто овец, которую Пелей отдал в возмещение за нечаянное убийство юного сына Акаста; однако не сам Пелей нанес смертельный удар, а один из его пьяных сподвижников-мирмидонцев. На отару по дороге из Фтии в Иолк напала волчья стая, и уцелело лишь несколько овец. Когда же Акаст потребовал овец взамен погибших. Пелей отказался на том основании, что волки совершили нападение ближе к Иолку, чем ко Фтии. В последовавшей войне Акаст потерпел поражение, попал в плен и был предан смерти, и Пелей стал властителем всей Фтиотиды. Но он был обязан своей победой серьезной помощи Кастора и Поллукса, которые привели из Спарты колесницы. Пелей прожил долгую жизнь и пережил своего прославленного сына Ахилла, посвященного в кентаврово братство Коней, который был убит при осаде Трои.

Что касается Аталанты, она вернулась в Кали-

дон в обществе Мелеагра через Аркадию с тем, чтобы поохотиться. Придя в святилище Артемиды на горе Аритемисиос, где Геркулес изловил белую лань Артемиды, и тем самым совершил третий Подвиг, она оставила службу Богине, повесив свои лук, дротик и пояс в святилище и принеся безымянные жертвы. Она наконец-то сошлась с Мелеагром в чаще на горе Тафиассос недалеко от Калидона, ибо к тому против ее воли принудило ее желание. Меланион же тем временем шел пешком из Орхомена в Калидон, намереваясь просить у Иаса руки Аталанты. Случайно он наткнулся на Аталанту и Мелеагра, спавших вдвоем в чаще, но побоялся причинить им вред. Он пошел дальше в Калидон во дворец царя Ойнея, где с презрением рассказал Клеопатре, жене Мелеагра, о том, что видел. Клеопатра в гневе явилась в покои своей свекрови, царицы Алтеи, которой там не было, и стала рыться в сундуках царицы, пока не нашла наконец то, что искала: обугленное ореховое полено. Ибо когда Мелеагр родился, гадатель предупредил Алтею, что ее дитя будет жить ровно столько, сколько будет оставаться несгоревшим одно из поленьев в очаге. Она схватила это полено, погасила его и заперла в своем сундуке. Клеопатра, раздосадо-

ванная до крайности, взяла теперь это полено и снова бросила его в пламя очага; и в то же время Мелеагр, спавший в объятиях Аталанты под рожковым деревом, всего в нескольких милях оттуда, испустил громкий крик, и его начало лихорадить. Он умер еще до утра. Так исполнилось пророчество Афродиты, которое гласило, что мужчина, ради которого Аталанта впервые пожертвует свой пояс, умрет в ту же ночь. Когда Аталанта поняла, что ждет ребенка, она согласилась выйти за Меланиона, не зная, что он — главный виновник смерти Мелеагра; и ребенка, которого родила, названного Парфенопеем, провозгласила сыном Меланиона. Но, узнав от Алтеи, что произошло, отказалась с ним жить, и он мало чего достиг своей женитьбой, разве что приобрел ее ненависть и презрение. Некоторые говорят, будто Меланион победил Аталанту в беге, бросая золотые яблоки, чтобы она их поднимала, и тем самым получил ее в жены, но это неверное прочтение древней фрески во дворце в Иолке, где показаны погребальные игры в честь Пелия. Там Аталанта изображена припавшей к земле после прыжка, которым выиграла состязания, а рядом с ней восседает на стуле Геркулес, председательствующий на играх, и у ног его лежат золотые апельсины,

и кажется, будто один из них она подбирает, а как раз перед ней изображены состязания в беге, в которых фокией Ификл пришел первым, а Меланион — последним; все бегуны, кроме Меланиона, исчезли с фрески, потому что в стене в этом месте пробили новую дверь, так что кажется, будто Меланион победил в беге Аталанту. Вот и все о ревнивых влюбленных.

Ссора между Идасом и Линкеем с одной стороны и Кастором и Поллуксом с другой была на некоторое время улажена, пока однажды они не объединили силы для грабительского похода против Анкея Тегейского. Они увели сто одну голову превосходного скота, утверждая, что якобы Анкей обманул их давным-давно в земле бебриков, когда делили взятую во дворце добычу, утаив ото всех четыре дорогих ожерелья из янтаря, изумрудов и золота. Анкей, у которого совесть была неспокойна по поводу ожерелий, не отправился в погоню, но предоставил мстить своему отцу Посейдону, а тому уже пообещали в дар десять лучших быков из стада. Четверо грабителей уселись вместе близ той точки, где встречаются границы Мессении, Лаконии и Аркадии, и не очень-то по-дружески заспорили, как им следует разделить между собой стадо. Нако-

нец Идас сказал:

— Давайте позабавимся, товарищи. Разрежу-ка я этого теленка на четыре равные части и поджарю их на вертелах, по одной для каждого из нас четверых. Пусть тот, кто первым покончит со своей долей и оставит одни обглоданные кости, получит в награду половину стада, отобрав пятьдесят голов, которые ему больше всего понравятся, а тот, который закончит есть вторым, пусть возьмет пятьдесят оставшихся.

Кастор и Поллукс согласились: Линкей медленно ел, потому что сломал передние зубы в кулачной схватке, и оба близнеца воображали себя лучшими едоками, чем Идас. Но, едва шипящие куски говядины были сняты с вертелов и распределены по жребию, Идас принялся рвать свою долю зубами и кинжалом и проглатывать сочное мясо, почти не жуя. Он доел все до последнего кусочка и высосал из костей мозг задолго до того, как остальные вовсю принялись за еду. Затем Идас, который был верным братом, пришел на помощь Линкею, нарезая для него мясо удобными полосками, да и сам поразительно много проглотил, — так что Линкей закончил вторым, чуть-чуть опередив Поллукса, перед которым еще лежали семь нетронутых ребер и

часть внутренностей.

Идас и Линкей поднялись, отяжелевшие, но способные двигаться и увели весь скот, насмешливо попрощавшись. Поллукс с набитым ртом велел им остаться, упирая на то, что Линкей не сам закончил свою порцию; но он их не преследовал, пока, уничтожив свою, не подтвердил свои претензии на половину скота — ибо он не оспаривал того, что Идас честно заслужил право первым выбрать свою долю. Однако Кастор, раздосадованный тем, что оказался самым медлительным едоком из всех, бросил свою порцию недоеденной и умчался. Он пробрался короткой тропой через горы и устроил засаду на Идаса и Линкея, спрятавшись в дуплистом дубе, посвященном Зевсу. Он догадывался, что они пройдут мимо самого дуба: дерево росло близ могилы их отца Афарея, где они, несомненно, собирались совершить щедрое возлияние бычьей кровью.

Линкей, благодаря своей зоркости, открыл его убежище с расстояния полумили, ибо кончик лебединого пера из головного убора Кастора виднелся сквозь трещину в дереве. Он знаком велел Идасу проползти позади стада и напасть на засаду. Идас так и сделал: он внезапно ударил по дереву копьем и пронзил Кастора под ребра,

убив его на месте.

В этот миг Поллукс, спешивший вниз по тропе, услыхал предсмертный крик Кастора. Он направил на Идаса копье, и тот, будучи не в состоянии вытащить свое собственное копье из дуба, метнулся в сторону и нырнул за могилу своего отца. Он сорвал с могилы камень и обеими руками запустил его в Поллукса, сломав тому левую ключицу

Поллукс услыхал, что Линкей нападает на него сзади, и обернулся, чтобы принять его на кончик копья. Линкей упал, пораженный в живот. Но Идас прыгнул вперед и, схватив копье брата, которое лежало в траве, всадил его в Поллукса, толчком снизу вверх через задницу, так что тот умер в мучениях.

Идас принялся торжествующе плясать под священным дубом и с громким хохотом хулить Зевса, отца убитых героев, пока скалы не откликнулись эхом, так что пастухи, которые жили в хижине неподалеку, зажали уши от стыда. Он продолжал плясать, смеяться и богохульствовать, не заметив внезапной грозы, которая накатила, рокоча, с севера, пока внезапно не вспыхнула ослепительная молния и одновременно оглушительно не треснул гром. Молния, попав в кончик

копья, которым размахивал Идас, опалила ему правую руку и превратила в клочья его одежду. Его мертвое тело было найдено пастухами, все сплошь вытатуированное листьями священного дуба. Пастухи немало удивились и огородили место, где он пал, сделав его запретным участком; и вместо того, чтобы сжечь тело, зарыли его, как и полагается, когда человека поражает молния.

Фессалийцы Адмет, Корон и Эвридам вернулись к своим стадам и отарам и весь остаток своей жизни не принимали по доброй воле участия ни в каких приключениях, снискав себе достаточно славы, чтобы ею и удовольствоваться. Тем не менее все они погибли насильственной смертью, ибо Фессалия была страной, где даже самые мирные люди не могли уберечься от войны и смуты. Корон был убит Геркулесом, когда дорийцы позвали его помочь им в войне с лапифами; Эвридам и Адмет убили друг друга в поединке.

Автолик и его братья Делейон и Флогий достаточно насмотрелись на Фессалийскую Трикку ко второму лету после их возвращения домой. В сопровождении Аргея, сына Фрикса, они посетили Самофракию во время Великих Мистерий, и там стали посвященными; после чего вернулись в Синоп, где простаки-пафлагонцы встретили

их со слезами радости. Теперь, когда мощь Трои оказалась сломлена Геркулесом, а мощь Колхиды ослаблена смертью Ээта и утратой большей части колхского флота — ибо не вернулся ни один корабль из тех, что были посланы против Ясона — Автолик и его братья монопольно торговали восточными товарами и стали сказочно богаты. По смерти они стали героями, изрекающими оракулы.

Фронт и Китиссор, старшие сыновья Фрикса, отправились в Иолк просить помощи Пелея в каком-то споре, возникшем у них с орхоменцами; но едва они вступили в город, он схватил их и приговорил к смерти. Он провозгласил, что Отцу Зевсу так и не заплатили долг двумя жизнями, которые ему причитались с дома Афаманта с тех самых пор, когда Гелла и Фрикс бежали с Руном, и что этот неуплаченный долг и был причиной, по которой Бог так холодно приветствовал аргонавтов, когда они возвратили Руно его образу, и по которой дожди так редко выпадали во Фтиотиде.

И вот Пелей убрал обоих гирляндами и повелел всему городу преследовать их с камнями и с оружием. Горожане так и поступили, и вскоре Катиссор упал, забитый насмерть, но Фронт спасся, с помощью бега и прыжков, а когда он явился

в Орхомен, он пожертвовал барана Зевсу, Богу Избавителю. Тогда Пелей объявил предупреждение всем уцелевшим потомкам Афаманта, что их ждет та же участь, если они когда-либо осмелятся сунуться в Иолк, ибо долг Зевсу сильно вырос с течением времени. Но Меланион жил, бездетный и несчастливый, под одной крышей с Аталантой, которая презирала его, занялась изящным шитьем и стала весьма пышнотелой.

Фалер, афинский лучник поссорился из-за медной ступки с пестиком со своим отцом, лучником Алконом, который однажды в детстве спас ему жизнь, застрелив из лука змею, которая вокруг него обвилась; стрела, хотя и пущенная с большого расстояния, не причинила ребенку ни малейшего вреда. Фалер не оскорбил и не упрекнул Алкона, но безмолвно покинул Афины и умер в изгнании в Эвбейской Халкиде. Афиняне назвали в честь него свой порт Фалероном и чтили его, как героя; особенно они боготворили его за тот поразительный выстрел, который спас «Арго» при прохождении через Сталкивающиеся скалы, и они считали (хотя случай этот никогда не выносился на суд Ареопага), что он с полным правом требовал у отца ступку и пестик.

Меламп из Пилоса благодаря случаю стал пред-

сказателем. Пара змей угнездилась на дереве недалеко от его дома, и его слуги их убили, но он благочестиво сберег весь выводок змеенышей и держал их, приручив, у себя в спальне. Однажды, когда он спал после обеда, они милостиво вычистили ему уши своими раздвоенными язычками. Когда Меламп пробудился, он обнаружил с удивлением, что способен понимать речь каких-то древесных червей в балках у себя над головой.

— Дорогие друзья, вот мы и прогрызли эту балку насквозь своими ходами. Давайте же спляшем в ознаменование этого подвига; в полночь она упадет и раздавит Мелампа.

Он спилил балку и спас себе жизнь. А вскоре заметил, что понимает языки всех насекомых, червей и птиц. Это знание сослужило ему такую добрую службу, что он кончил свои дни как правитель большей части царства Арголиды, и гробница его в Эгостене Мегарской стала оракулом.

Аскалаф, сын Ареса, умер в Орхомене не так уж много спустя, утонув в неглубоком карповом пруду — странная участь для того, кто избежал опасностей в столь многих негостеприимных морях и коварных проливах. Его внук, названный в честь деда, привел флот из тридцати минийских

кораблей для осады Трои и был убит сыном Приама Дейфобом.

Анкей Большой, вернувшись на родину в Тегею, насадил там фиговых садов и виноградников. Он дал убежище Эвадне, Астеропее и Амфиноме, сестрам, которых Акаст изгнал из Иолка за убийство их отца Пелия, и нашел мужа для каждой из них. Однажды, когда он поднес к губам первую чашу вина, полученную из посаженного им винограда, и с удовлетворением сказал жене: «Наконец-то мои труды вознаграждены», к нему прибежал гонец.

— Господин мой! — вскричал он. — Огромный вепрь опустошает твои виноградники!

Анкей поставил чашу, схватил дротик и побежал в виноградник, но вепрь неожиданно выскочил из зарослей и распотрошил его. Отсюда и пошла пословица: «Не хвали день до вечера». Считают, что вепрь был послан Артемидой, которой Анкей позабыл преподнесли первые плоды с виноградника. Но, тем не менее, он удостоился гробницы героя.

Вестник Эхион был случайно убит, когда пытался разрешить спор между аркадийцами, лаконийцами и мессенцами о скоте, угнанном у Анкея Идасом, Линкеем, Кастором и Поллуксом.

Удар был нанесен Эвфемом Тенаронским, который, когда увидел, что убил вестника — лицо неприкосновенное, с позором вернулся домой в Тенарон, отказывался от пищи и умер три дня спустя. Гробницу Эхиона часто посещают вестники, и если где-либо нарушается неприкосновенность вестника, надгробный камень Эхиона потеет кровью, и мириады крылатых духов вылетают оттуда по его приказу, дабы покарать преступника.

Миний Эргин, прежде чем вернулся из Греции в Милет, предпринял вторую попытку напасть на Беотийские Фивы, от стен которых его много лет назад отогнал Геркулес. Он явился туда однажды рано утром с несколькими спутниками-миниями, переодетыми крестьянами, с товарами для продажи на рынке. Но Геркулес, которому случилось заглянуть в Фивы, перебил своими стрелами всех налетчиков, кроме самого Эргина. Он пощадил Эргина, у которого были серьезные причины негодовать против Фив: убийство отца и увечья сборщикам податей. Затем Эргин и Геркулес заключили мир, и Эргин целый и невредимый вернулся в Милет. Геркулес проводил его до острова Теноса, где воздвиг памятник Калаиду и Зету, как потребовали у него во сне их духи. Это скорее памятник силе и ловкости

Геркулеса, нежели каким-либо достоинствам двух героев. Один камень, взгроможденный на другой, так точно уравновешен, что колеблется при малейшем дуновении Северного ветра, и все же двадцать человек не смогли бы скинуть его наземь.

Аргус совершил путешествие в Эфиру, чтобы починить «Арго», ибо доски, как он слышал, покоробились и рассохлись под действием солнца, поскольку жрецы Посейдона не потрудились соорудить над кораблем навес. Разбойники подстерегли и убили Аргуса, когда он приближался к перешейку, и существует утверждение поэтов, что «Арго» простонал вслух, узнав эту весть, и от его вздохов полопались все крепкие веревки, которыми он был обвязан.

Мореход Навплий основал город Навплия близ Тиринфа в Арголиде. Довольно скоро он там и умер и почитается превыше всех героев аргивскими моряками.

Анкей Маленький с Цветущего Самоса был изгнан с острова, потому что не потерпел религиозных нововведений своих соотечественников. Когда ежегодный праздник Сыновей Одной Матери заменили праздником Сыновей Одного Отца, Анкей рассердился и безуспешно попытался

воспрепятствовать жертвоприношениям. Он удалился в изгнание на крайний запад, дойдя почти до Испании, и был предан смерти мужчинами-козлами Гесперидской Дейи по приказу Апельсиновой нимфы, как уже рассказывалось. Тем не менее она удостоила его гробницы героя.

Что касается Геркулеса, он продолжал совершать подвиги для микенского царя Эврисфея, пока не закончил их все в оговоренный срок — в Великий Год. Последним его подвигом было войти в Преисподнюю через ущелье у Ликоса в земле мариандинов, и там принести жалобу самому Гадесу на приписываемое этому богу дурное обращение с духом Тесея Афинского. В доказательство, что он выполнил свою миссию, Геркулес привел с собой слепое белоснежное чудище из какого-то озера в Преисподней, которое Эврисфей счел псом Кербером, но у этой твари была только одна голова, и оно не лаяло. Странствуя по Подземному Миру, Геркулес встретил духа Мелеагра, который, при условии, что Геркулес возведет ему святилище героя у него на родине в Калидоне, открыл ему имя одной женщины, способной родить ему дочь — то была родная сестра Мелеагра, Деянира. Геркулес пообещал возвести святилище, как только девочка родится,

и сдержал свое обещание.

В то время как Геркулес согревался вином, так как его измучил страшный холод Преисподней, и в огромных количествах поглощал пищу, ибо до того мудро отказался от пищи мертвых, предложенной ему Гадесом, красавица-рабыня поставила перед ним хлеб и холодного жареного гуся. Она спросила:

— Так ли хорош на вкус этот гусь, как тот, которого я однажды поставила перед тобой в палате совета Лемнийской Мирины, простив тебе ком грязи, который ты бросил мне в лицо?

То была изгнанница Гипсипила, и когда она показала Геркулесу рожденных ею от Ясона близнецов по имени Эвней и Неброфон, он вспомнил, что обещал ей помочь. Поэтому он выкупил ее у царя Лика золотым поясом и взял с собой на корабль, но не прикоснулся к ней. Сойдя на берег в Лемносе, он снова возвел ее на престол, которого ее лишили ее подданные-лемнийки. Он также созвал к себе шестьдесят девять своих трехлетних сынков, выстроил их в отряд и заставил всех вместе поклясться служить и повиноваться Эвнею, старшему из близнецов, как своему законному царю, и мстить за любое оскорбление, какое нанесут его матери Гипсипиле. Никто иной как

Эвней много лег спустя обеспечил греков вином, когда они осаждали Трою под предводительством царя Агамемнона. Но по острову Лемносу бродили духи мужчин, которых убили Гипсипила и ее подруги. Наконец, Эвней учредил ежегодный праздник очищения, длящийся девять дней. Все огни на острове гасятся, и мертвым предлагаются кровавые жертвы, после чего корабль из Делоса привозит священный огонь из святилища Аполлона.

Геркулес, завершив свои Подвиги и став снова свободным человеком, вспомнил, что Авгий Элисский пообещал наградить его десятой частью своего скота за очистку конюшен, но так и не выполнил обещание. Собрав войско из аркадийцев, он выступил против Элиды, убил Авгия и всех его сыновей, кроме одного по имени Филей, который уговаривал Авгия выполнить обещание, данное Геркулесу. Геркулес возвел Филея на престол, а взятую у Авгия добычу внес как вклад на проведение раз в четыре года Олимпийских игр. Затем он вырыл в Олимпии жертвенный колодец для духа Пелопа, задев заодно Эврисфея; ибо Пелоп основал династию, которую сверг Сфенел, отец Эврисфея. Затем он выступил против Нелея, кровожадного брата Пелия, который жил

в Песчаном Пилосе, и послал войска на помощь Авгию; он убил Нелея и всех его сыновей, кроме мальчика Нестора (который дожил до осады Трои и участвовал в ней), и напал на жреца Гадеса, который вступил в битву, переодетый скелетом, в надежде возбудить в сердце героя суеверный ужас. Гадес был врагом Геркулеса с тех самых пор, когда Геркулес отнял у него Алкесту, жену Адмета; но Геркулес, не испугавшись, запустил в него челюстью свиньи и ранил его в бок. В той битве пал аргонавт Периклимен: все его волшебство и ловкие преображения не смогли спасти его от метких стрел Геркулеса.

Самого Геркулеса погубила его любовь к Деянире, на которой он женился и которая родила ему дочь Макарию, обожаемую им до безумия. Вот какова истинная история. Он собирался пировать во дворце царя Ойнея, своего тестя, когда убил случайно калидонского мальчика, которого забавы ради подбросил в воздух. Мальчик этот омывал водой руки гостей перед обедом и столь обильно полил водой руки Геркулеса, потому что они были поразительно грязны, что Геркулес начал смеяться так, что зал задрожал. И подбросил мальчика к стропилам с таким воодушевлением, что ребенок разбил себе череп о крышу. Терзае-

мый угрызениями совести, Геркулес удалился с Деянирой в добровольное изгнание. Когда они дошли до полноводной реки Эвнос, Геркулес переправился через реку первым с дочерью и всеми их пожитками, предоставив перенести на другой берег Деяниру тому самому кентавру Нессу, которого победил в вольной борьбе на погребальных играх в честь Пелия; ибо Несс теперь стал «грузчиком». Несс попытался надругаться над Деянирой в отместку за свою сломанную ногу, и Геркулес, поспешив обратно, поразил стрелой Несса насмерть. Но умирающий Несс шепнул Деянире, чтобы она собрала немного его крови в бутылочку и сберегла ее, как верное магическое средство сохранить любовь мужа. Так она и поступила, и впоследствии применила это средство к Геркулесу, когда заподозрила, что он влюблен в девушку по имени Иола; она смешала немного крови с водой, стирая белую рубашку, которую он должен был надеть для жертвоприношения Зевсу в Эвбейском Кэнионе. Кровь была ядовита и въелась ему в плоть, причинив невыносимейшую боль; он сорвал рубашку вместе с прилипшими к ней большими кусками мяса, и попав во Фракию, стремительно взбежал на гору Эту, где сложил для себя огромный погребальный

костер и сам его зажег. Он лежал на костре, рыча от негодования, пока тело его полностью не пожрало пламя.

Душа Геркулеса поднялась высоко в воздух, несомая пламенем и дымом, и юго-западный ветер привел ее к горе Олимп. Поэты говорят, что он стал стучать в двери Олимпа своей окованной медью дубиной и напугал Божественное Семейство. Когда он отказался отправиться в Преисподнюю и поступить в Распоряжение своего врага Гадеса, они предложили ему присоединиться к ним и стать Олимпийцем. Но он отказался сделаться тринадцатым божеством, заявив, что согласен поступать к ним в привратники, и, как все привратники, есть и пить сколько душе угодно. Гера, как говорят поэты, простила его наконец и дала ему в жены свою дочь Гебу. Что имело место на Олимпе, не может быть, однако, известно смертным, даже самым правдивым поэтам; достоверно известно только то, что Деянира повесилась от горя, когда услыхала, что Геркулес мертв, как повесилась от горя Марпесса, когда услыхала о смерти своего отважного супруга Идаса.

Сыновья Геркулеса, явившись со всей Греции на Эту для погребальных игр в честь отца, увидали, как их много и как они сильны, и замыслили

великий набег на Микены. Но царь Эврисфей им воспрепятствовал, устроив хитрую засаду, и те, кого он не убил, бежали в Аттику. Там их хорошо приняли. Когда Эврисфей выступил против Аттики, сыновья Геркулеса и афиняне дали ему отпор, и в битве при Скиронийской скале Гилл, сын Геркулеса, снес Эврисфею голову, как до того снес голову Сфенелу; но чтобы одержать победу, ему пришлось пожертвовать свою сестру Макарию Персефону. Таков был конец Эврисфея; но голова его, когда Алкмена, мать Геркулеса, благоразумно выколола ему глаза вязальными спицами, была захоронена на одном горном перевале, а тело — на другом, чтобы отбить у врагов охоту вторгаться когда-либо впредь за землю Аттики. Эврисфею наследовал его зять Агрей, который восстановил династию Пелопидов и стал отцом знаменитых царей Агамемнона и Менелая.

Конец Ясона и Медеи был таков. Они жили вместе в Эфире довольно счастливо, пока граждане не были оскорблены попыткой Медеи обеспечить бессмертие двум младшим из пяти детей, рожденных ею от Ясона, растя их в храме Геры и не позволяя выходить наружу. Ясон попытался убедить ее оставить эту тщеславную прихоть, а когда она осыпала его насмешками, отказался

с ней жить. Креон, царь Аопии, услыхав об их размолвке, послал к Ясону гонца, предложив ему в жены свою дочь Авгу, посредством их брака Коринфское двойное царство было бы воссоединено под одним скипетром в соответствии с пророчеством Эхиона; ибо Креон был стар и желал уступить свой престол Авге. Ясон согласился на предложение Креона, забыв, что имеет права на престол Эфиры исключительно как супруг Медеи. Он развелся с Медеей, издав соответствующий указ, а затем отпраздновал свадьбу с Авгой. Медея разыграла покорность и преподнесла Авге как свадебный дар ночную сорочку дивной работы. Но когда Авга ее надела, сорочка вспыхнула, и пламя пожрало не только новобрачную, но и Креона, которым своими руками пытался его потушить, а также весь царский дворец почти со всеми, кто в нем был, включая двух старших сыновей Медеи. Третий сын, Фессал, был спасен Ясоном, который прыгнул с ним из окна и остался невредим (это был тот самый Фессал, который правил Фтиотийским царством после смерти Пелея). Эфирцы в ярости обрушили свою месть на двух младших детей, которых она воспитывала в храме Геры; и с тех самых пор обязаны были ежегодно совершать искупление этого убийства.

Медея вспомнила обещание Геркулеса, переданное ей вестником Эхионом, что Геркулес поможет ей когда угодно в течение двенадцати последующих лет, если Ясон ее бросит. Она бежала в Фивы, где он тогда жил, и попросила вернуть ей престол Эфиры. Он взялся это сделать, но когда они шли вместе через Аттику, Эгей, царь Афин, влюбился в Медею и уговорил ее бросить эфирский престол и стать его царицей; и там в Афинах перед Ареопагом они очистились ото всех преступлений, в которых обвиняли ее коринфские послы. В благодарность Геркулесу за поддержку она исцелила его от безумия, чего не могли сделать асклепиевы жрецы Аполлона Дельфийского, несмотря на все их похвальбы.

Вскоре то ли Медее Эгей надоел, то ли она ему, и однажды она отправила послание Арасу, колхскому адмиралу, который по-прежнему служил ее тетке, царице Кирко Ээйской, что Колхида в нем нуждается. Арас немедленно привел в Афины колхские корабли, или, во всяком случае, те, которые были на ходу, и Медея взошла на борт, дабы вернуться в Колхиду, о которой всей душой тосковала с тех пор, как ее покинула. Ибо даже когда ее страсть к Ясону была в разгаре, ей очень не хотелось оставлять Эа, великолепный город,

куда лучше расположенный, чем любой материковый город по всей Греции, и выстроенный не хуже Микен или Фив. Она рыдала, покидая свою спальню с дорогой мебелью, занавесями и украшениями, которые не могла взять с собой на корабль. Она целовала свою кровать и раздвижные двери, гладила стены, аптечку и стол, инкрустированный раковинами, и обещала им: «Однажды я снова к вам вернусь, дорогие мои!»

Вместе с Арасом вышел в путь и Невкон, который был избран адмиралом флотилии, приведенной Апсиртом к Дунаю. Он и его товарищи давно поселились в Эфире, что против Корфу, на материке; ибо он не смел вернуться в Колхиду, не собрав все кости Апсирта, суставы пальцев которого были безвозвратно утрачены. Но все, что ему удалось найти, он завернул в белую конскую шкуру и повесил на дерево, с согласия Кирки, на Ээе, которую с тех пор называли островом Апсирта.

Когда Медея вновь прибыла в Колхиду после благополучного плавания, она отняла царство у своего таврийского дяди Перса и, вступив в брак с Идеессом, Царем Мосхии, правила двумя царствами до самой смерти, и Ээт, ее сын от Идеесса, унаследовал два престола. Нэера, дочь Фрикса, была в ту пору царицей-матерью в Албании, и

Колхида процветала из-за дружбы между двумя царственными домами, а также из-за того, что Медея умилостивила змея Прометея, изгнав тавров из передней части ограды. Династия Ээтидов все еще уверенно занимает престол Колхиды.

Говорят, что Медея на обратном пути бросала якорь в месте, где Поллукс убил царя бебриков Амика, и обнаружила, что на кургане Амика выросли лавровые деревья, листья которых обладали силой ввергать всех, кто их ни коснется, в бурные ссоры. Побег такого Лавра Безумия с землей на корнях она везла за кораблем в маленькой привязной шлюпке до самой Колхиды. Там она посадила деревце и использовала его листья, сея смуты среди личных и общественных врагов.

Ясон исполнился великой скорби по смерти четверых своих детей и Авги, и то, что он стал теперь неоспоримым царем в обоих Коринфских царствах, мало его утешало. Он пошел однажды рано поутру к святилищу Посейдона на перешейке и там прилег, угрюмо задумавшись, под носом «Арго», завернувшись в свой расшитый плащ, не принеся перед тем жертвы Посейдону и не сказав доброго слова ни одному из жрецов, которые вышли его приветствовать. Они видели, что его терзает глубокая скорбь; но как, они могли

сказать, что творится у него в душе? Наконец он издал несколько тяжких стонов и пробормотал, как им показалось, имя Ифиас, старой жрицы Артемиды, которой он пренебрег по дороге в Пагасы, и проклятие которой привело его, в конце концов, сюда. Ибо хотя по возрасту он был еще во цвете сил, он сильно постарел после ссоры с Медеей. Десны у него гноились, и он потерял несколько острых белых зубов; он хромал из-за ревматизма; а его некогда прекрасные волосы утратили свое великолепие и были побиты сединой.

Главный жрец обратился к Ясону со словами:

— Твое Величество, следуй моим указаниям! Не сиди в унынии на сырой земле под гниющим памятником твоей былой славы. Это не принесет тебе удачи. Поднимись, государь, без страха поведай о своих горестях Владыке Коней, Колебателю Моря, Держащему Трезубец. Он смягчит боль, ручаюсь, особенно, если ты принесешь ему богатые жертвы рыжим скотом, накормив его жрецов вкусным жареным мясом, а самому божеству отдав восхитительные бедренные кости.

Ясон повернул голову, но не ответил. В глазах его угадывалось изумление, а рот был раскрыт, словно у ребенка, который собирается заплакать, хотя плач не раздался.

Главный Жрец отпустил других жрецов и сел на ступени храма, наблюдая за царем, ибо сердце предупредило его, что надвигается некое необычное событие, которое он не может ни ускорить, ни замедлить; он так и сидел на ступенях, пока не прошел час обеда, хотя дождь лил как из ведра, и восемь змеехвостых ветров гонялись забавы ради друг за дружкой по всему участку святилища, дуя со всех сторон одновременно.

Голова Ясона упала. Он уснул. И вскоре Главный Жрец увидел уголком глаза то, чего не мог бы рассмотреть в упор, — бледные очертания человека и собаки, из последних сил бегущих по дороге из Мегары. Он не повернул головы, опасаясь, что пострадает ясность видения, а два призрака бежали вперед. Человек был одет в грубое платье из овечьих шкур, какое носят этики и флегии, и призрачный бронзовый наконечник копья выходил из спины его верной рыжей овчарки. Пес кинулся прямо к Ясону и встал над ним, зарычав и оскалив клыки, шерсть у него на загривке поднялась дыбом; а пастух взбежал на нос «Арго», словно ящерица по стене. Затем, как увидел Главный Жрец, пастух, задержав дыхание, уперся плечом в изогнутый нос, и когда он подналег, упираясь ногой о подпорку, восемь

ветров прекратили резвиться и помчали все вместе с диким ревом вдоль планшира по обе стороны корабля. Раздался скрип, а затем — громкий треск. Высокий нос рухнул, и резная баранья морда ударила Ясона по черепу, превратив его голову в кровавое месиво. И все же благоразумный Главный Жрец сидел, не шевелясь, пока оба, пастух и собака, не насытились кровью и мозгом своего врага; ибо, помешай он этим призракам мстить, они бы потом никому не давали покоя в святилище. Теперь же они припустили прочь, полностью удовлетворенные.

Двойной коринфский престол перешел к сыну Главка, названного Сизифом в честь деда; но афирцы, оплакивая смерть Ясона, решили, что корма «Арго» должна отныне сохраняться в приличном состоянии и что если сгниет какая доска или снасть, их следует заменять новыми — только нос, так как он был всенародно обвинен в человекоубийстве, посвятили богине Персефоне и возложили в ее святилище. Так «Арго» обрел бессмертие и остается все тем же «Арго» аргонавтов, хотя сегодня ни один кусок дерева, от киля и до верхушки мачты, не является подлинным. Как гласит пословица: «Это топор моего деда; мой отец снабдил его новым топорищем, а я — новым

лезвием».

Орфей также умер насильственной смертью. Киконские женщины разорвали его на куски однажды ночью во время своих осенних оргий в честь Триединой Богини. И здесь нечему удивляться: Богиня всегда обрекала на растерзание тех, кто ее особенно любил, рассеивая их окровавленную плоть по земле, дабы оплодотворить ее, но с нежностью принимая их души в свое лоно.

Родословная Эолидов

Эол
Эол II = Энарета
Нефела=Афамант=Ино Кретей=Тиро Салмоней=Алкидика Пиерей=Горгофона= Ойбал
Гелей=Антиопа, Элей=Гермиона, Фрикс=Халкиопа, Гелла, Леарх, Меликерт
Эсон=Алкимеда, Фер I, Мифаон, Кретей=Тиро=Посейдон
Афарей=Арена, Икар, Арена=Афарей Тиндарей=Леда=Зевс
Алоэй, Ипсия=Ээт I=Идия АВГИЙ ФРОНТ
(1) Гипсипила=ЯСОН=Медея (2)=Авга (3), АДМЕТ=Алкеста МЕЛАМП Нелей
Пелий=Филомаха, ИДАС=Марпесса, ЛИНКЕЙ Пенелопа=Одиссей
КАСТОР ПОЛЛУКС
ФРОНТ,
АРГЕЙ,
КИТИССОР
МЕЛАНИОН=Аталанта,
Нэера=Стир
Сисиф I, Халкиопа=Фрикс, Апсирт, (1) ЯСОН=Медея=(2) Эгей=(3) Идеесс

Филей Эвней,	Фер II, ПЕРИКЛИМЕН Нестор	Алкеста=АДМЕТ
Неброфон	Мермер,	АКАСТ
	Алкименей,	Эвадна
	Фессал,	Астеропея
	Тиссандр	Амфинома

Клеопатра=МЕЛЕАГР
Главк Главка=Креон Ээт
Сисиф II Авга=ЯСОН

Аргонавты выделены прописными буквами.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Цикл песен об аргонавтах и их плавании за Золотым Руном из царства Ээта был издавна распространен в Греции, но все до последней строчки оказалось утрачено, не считая нескольких отрывков, вошедших в виде вставок в «Одиссею» Гомера. Гомер и Гесиод — древнейшие греческие поэты, произведения которых дошли до наших дней, знали об этом плавании, причем Гомер говорит о нем, как о том, что «у всех на устах». Последующие ссылки встречаются в отрывочных произведениях Эвмела (VIII в. до н. э.), а также Мимнерма, Симонида, Гекатея, Геродота и Акусилая (VII и VI вв.). В пятом веке афиняне Эсхил, Софокл и Еврипид использовали сюжеты этого цикла в качестве тем для своих драм; Геродот несколько раз упоминает путешествие аргонавтов в своей «Истории»; Ферекид Афинский — автор мифологического произведения, от которого сохранилось лишь несколько кратких цитат, возможно, он был первым писателем, изложившим историю о Золотом Руне как единое целое. Беотийский поэт Пиндар в своей Четвертой Пифийской оде (462 г. до н. э.) дает ее краткое

изложение; оно самое раннее из полностью сохранившихся.

Аполлоний Родосский в третьем веке до н. э. написал эпическую поэму об аргонавтах. В Александрийской царской библиотеке он имел доступ к трудам Пиндара, Ферекида и нескольких неизвестных авторов на ту же тему, которых цитирует его комментатор. К тому же Аполлоний — непререкаемый авторитет. Для меня эта работа — весьма приятное чтение. Поэт Феокрит из Александрии в своих «Идиллиях» дает более полное описание кулачного боя между Амиком и Поллуксом и исчезновения Гиласа. Аполлодор, афинский грамматик, в сухом, но заслуживающем доверия изложении древних легенд, озаглавленном «Библиотека» (140 г. до н. э.), дополняет рассказ важными деталями, неизвестными из других источников; дополняет его также баснописец Гигин, который был библиотекарем Августа, и его современник, поэт Овидий, автор «Метаморфоз». Диодор Сицилийский, историк, современник Юлия Цезаря, делает суровый критический комментарий к той истории, которая была известна ему. То же касается Страбона, Диониса и Павсания, наделенных здравым смыслом географов, которые писали при первых императорах.

Первая сохранившаяся эпическая поэма об аргонавтах на латыни была создана около 93 г. н. э. Валерием Флакком, жрецом, принадлежавшим к коллегии, которая хранила Сивиллины книги и отвечала за соблюдение религиозного ритуала. Он пишет тяжеловесно и неискренне, но хорошо информирован, и жаль, что он не довел повествование до конца. Очевидно, древняя традиция сказания об аргонавтах и Руне не угасала в течение столетий, пока в одиннадцатом веке н. э. византиец Иоанн Цецес не написал «Хилиаду» и с помощью своего брата Исаака не создал комментарий к «Кассандре» Ликофрона, а Суда не составил свой «Лексикон древних авторов».

Все эти авторитеты не соглашаются один с другим по бесчисленным пунктам. Противоречия встречаются даже в разных произведениях, написанных одним и тем же автором. Так, Софокл, рассказывая в своей «Колхиде», как Ясон убил Апсирта, брата Медеи, называет местом убийства Колхиду, но в другом произведении, в «Скифах», указывает, что это случилось где-то в Скифии. Овидий связывает то же самое убийство с Томами, местом своей ссылки, неподалеку от дельты Дуная; Аполлоний — с островом Артемиды, северней устья Дуная; Гигин — с островом Апсирта в

начале Адриатического залива. Некоторые писатели представляют Апсирта ребенком, которого сестра Медея увезла как заложника; другие изображают его взрослым человеком, посланным за ней в погоню. У Диодора и римского оратора Цицерона он назван Эгиалом, а не Апсиртом; Аполлоний упоминает о том, что он был когда-то известен как Фаэтон; мать его тоже именуют поразному: Ипсия, Идия, Астеродея, Геката, Неаэра и Эврилита.

Списки имен экипажа «Арго», приводимые Аполлонием, Гигином, Аполлодором, Валерием Флакком и Цецесом, нисколько не соответствуют один другому, и еще больше имен встречается у других авторов. Несовпадение деталей типично для всего цикла легенд об аргонавтах и дает мне право выбирать любую версию из наиболее подходящих, а порой даже импровизировать, когда невозможно перекинуть через пропасть временный мост. Например, я отбросил невероятное сообщение Геродота о том, что Ясон, прежде чем отправиться в путь из Иолка, обогнул на корабле Пелопоннес, чтобы посоветоваться с дельфийским оракулом. Очевидно, его целью был оракул в Додоне, а не в Дельфах. В Дельфы он мог бы отправиться по суше куда более безопасным и

скорым способом. А это плавание, которое Геродот спутал с возвращением «Арго» домой, было, несомненно, поводом для приключения Ясона с морским чудовищем, о нем нет свидетельства в литературе, но оно многократно изображалось на краснофигурных вазах.

Уильям Моррис опубликовал свою «Жизнь и смерть Ясона» в 1867 году, но английские эпические поэмы вышли из моды, и Морриса теперь редко читают. Таким образом, большинство англоговорящих читателей знакомится с этой историей только в прозаическом пересказе для детей Чарльза Кингсли или Натаниэля Готорна. Те кто читал классиков в школе (я сужу по себе), находятся в положении, лишь немногим лучшим, поскольку «Аргонавтика» Аполлония не входит в обычный набор произведений классических авторов. Они, вероятно, знают кое-что из «Медеи» Еврипида о жизни Ясона в Коринфе после того, как плавание завершилось, а впоследствии почерпнули несколько подробностей самого плавания из пышной оды Пиндара, но плавание это обладает для них все тем же вневременным, внегеографическим, сумбурным очарованием, что и плавание Киски и Сыча, Джомблей и трех мудрецов из Готама в детских стишках. Чтение

«Жизни и смерти Ясона» мало помогает развеять заблуждение. Моррис был романтиком-прерафаэлитом; то есть, чем более таинственной и даже бессмысленной считал он легенду, тем более поэтичной она ему казалась. Отбросив обычную версию, по которой «Арго» вернулся в Грецию из плавания по Черному морю, тем же самым путем, а именно — через Босфор, он произвольно выбирает самый фантастический из имеющихся рассказов: тот, который дан в анонимной «Аргонавтике Орфике», написанной около 350 года н. э., а этот рассказ отправляет корабль по неидентифицируемой российской реке с произвольными дополнениями экипажа — в Финский залив, а оттуда — домой по Балтике и Ла-Маншу, мимо Ирландии и через Гибралтарский пролив. Моррис к тому же демонстрирует пробелы в классическом образовании, пропуская одно происшествие во время плавания, насчет которого согласны все авторы: веселое восстановление населения Лемноса, полагаю, из боязни оскорбить добродетельный викторианский вкус. Греки, народ в целом рассудительный, рассматривали это плавание как историческое событие, имевшее место примерно за два поколения до падения Трои, и они относили его к приемлемой

для них дате 1184 г. до н. э. Для Гомера и Гесиода плавание это было по времени значительно ближе, чем для нас — открытие Америки Колумбом; и хотя в V в. до н. э. Фукидид не счел возможным включить эту историю в книгу первую своей «Истории», ни один грек, насколько мне известно, не осмеливался отрицать, что существовал в действительности корабль «Арго», который плавал из Иолка в Фессалии в Эа по колхидской реке Фасис, то есть из Воло в Восточной Греции — в Кутаиси на грузинской реке Риони — и обратно. Надо признать, что знатоки-классики все еще сомневаются относительно историчности плавания. Они редко позволяют себе сказать больше того, что «история, вероятно, возникла из отчетов о коммерческих экспедициях, совершавшихся богатыми миниями к берегам Черного моря». Но только недавно археологические свидетельства вынудили их более серьезно отнестись к легендам о Минотавре и Диктейской пещере и признать историчность осады Трои. Поскольку у многих персонажей Гомера были отцы, связанные с историей «Арго» — например, сын царицы Гипсипилы от Ясона, лемносский царь Евней, снабжал греков вином во время осады Трои, а Пелей отец Ахилла, был выдающимся

аргонавтом — кажется, нет веских причин сомневаться в том, что плавание имело место сколь искаженными ни были бы сохранившиеся сообщения о нем и о времени, к которому греки его относили. Эратосфен александрийский ученый, который рассчитал протяженность географического градуса и, пользуясь этим, вычислил с примечательной точностью окружность земного шара установил дату плавания Ясона как 1225 г. до н. э., но неизвестно в точности, как он пришел к этим результатам.

Если плавание происходило в действительности, как же относиться к сверхъестественным происшествиям, которые являются частью легенды?

Вот несколько противоречивых ответов:

(А) Архаические греки, как и американские индейцы, записывали текущие события пиктографически как в изобразительном искусстве, так и поэзии, и когда с течением времени первоначальный смысл пиктографических композиций был забыт, изобрели новый принцип толкования, который удовлетворял современников. Поэтический пиктограф назывался у греков «мифом», но слово это не имело значения «неправда», как прилагательное «мифический» в современном

английском языке.

(B) Возможно, первоначальный цикл песен об аргонавтах так и не был записан. Некоторые из странствующих певцов, которые знали их на память и разносили по Греции, должны были их частично позабыть, некоторые забыли иные подробности, а то, что оказалось утрачено, можно было заменить либо вымыслом, либо происшествиями, почерпнутыми из какой-то совершенно другой истории.

(C) Фрагменты первоначального цикла песен стали оскорбительными в соответствии с религиозными и политическими представлениями более поздних поколений и были поэтому изменены или выпущены.

(Д) Сатирический или юмористический материал и пересказы снов или видений, известные из первоначальной версии, могли быть введены в последующие версии как обычные факты повествования.

(E) Возможно, с V в. до н. э. и далее приверженцы орфического культа использовали традиционное представление о том, что Орфей был аргонавтом, как оправдание для изображения плавания как аллегории орфических мистерий.

Прежде чем развить эту тему подробнее, я

должен подчеркнуть, что греки не были романтиками в викторианском смысле этого слова; они ничего не выдумывали, хотя и могли сохранить фантастическую легенду такой, какой ее получили, веря в то, что в ней есть смысл. Например, хотя многие поэты отвергли рассказ Гомера (за которым в VI в. последовал критичный Геродот) о том, что «Арго» вернулся через Босфор и предложили вместо этого странные маршруты по Дунаю, Риони, Днестру или Дону, — это случилось не только потому, что они стремились к таинственности. Мое заключение таково: они его отвергли потому, что существовала сильная догомеровская традиция, согласно которой Руно вернулось в Грецию не через Босфор, а по Дунаю, Саве и Адриатическому морю. Но они обнаружили, что Сава в Адриатическое море не впадает, а потому указали вместо Савы По; позднее же, когда они обнаружили, что Дунай в нижнем течении несудоходен более чем на четыреста миль от дельты из-за Железных Врат и что По вовсе не сообщается с верхним течением Дуная, кто-то предположил, что «Арго» поплыл вверх по Риони; а когда было открыто, что Риони не впадает в Каспийское море и что Каспийское море не сообщается с Индийским океаном, кто-то

другой предположил, что в этом месте должен упоминаться Днестр, а когда было установлено, что и такой маршрут столь же невероятен, кто-то еще предположил, что «Арго» шел по Дону.

Я думаю, поэты изрядно сглупили. Им так и не пришло в голову, что Ясон и Медея с Руном могли отправиться домой иным путем, чем аргонавты и «Арго» — путем, по которому «Арго» не смог бы пройти; и в самом деле, должно было так и случиться, поскольку предательское убийство ими Апсирта препятствовало их возвращению на борт «Арго», пока они не будут очищены. Так как нам известно, что единственным лицом, которое могло их очистить, была светловолосая Кирка, тетушка покойного, Дунай становится для них естественной дорогой: благодаря торговле янтарем, на той дороге имелись удобства для путников, и привел их этот путь к острову Ээя за Истрией, в начале Адриатического моря, где жила Кирка. Таков был маршрут, по которому после прибытия в Южную Россию завернутые в солому дары гипербореев (не жителей ли Британии?) попадали на Делос к Аполлону. Что это были за Дары, неизвестно, но похоже на то, что они включали янтарь, использовавшийся в культе Аполлона (см. у Аполлония Родосского,

кн. 4, 611), а взамен, возможно, греки отдавали обсидан с Мелоса. Я поместил остров Кирки у берегов Истрии, а не у западного берега Италии (где, как говорят, много лет спустя с ней приятно проводил время Одиссей), — не только потому, что истрийский остров Апсирт фигурирует в легенде об аргонавтах, но еще и потому, что Ээя, по традиции, принадлежала некогда Хрису, отцу ионийца Миния: ионийцы, вероятно, пришли в Грецию вниз по Дунаю через Истрию, они едва ли могли прийти через Италию. Теперь этот остров называется Луссин.

На сегодня пиктографический метод сохраняется в искусстве, но редко встречается в литературе. Он все еще используется в классическом или псевдоклассическом дизайне — например, во фресках ратуши, где представлены Сельское Хозяйство и Промышленность, пожимающие друг другу руки в присутствии пышнотелой матроны с башнеобразной прической — но литературный язык, который соответствует такому стилю в изобразительном искусстве, давно вышел из моды. Более активное использование пиктографии — это газетные карикатуры; и есть только один пример, который я помню, когда содержание газетной карикатуры было передано стихами: по-

эма Николаса Вэйчела Линдсея «Брайан, Брайан, Брайан», достойна внимания всех, кто изучает греческую мифологию. Вспоминая свои юношеские эмоции по поводу предвыборной компании выдвинувшего себя кандидатом в президенты США Уильяма Дженнингса Брайана в 1896 г., Линдсей перемешивает точные заявления о себе и своей любимой девушке с пиктографическими фразами, почерпнутыми у демократических карикатуристов:

Долгополый, точно дьякон,
В черной стэтсоновской шляпе,
Он слонов-плутократов стегал
Колючей проволокой Платты…
…плутократов…
На чьих пиджаках — знаки доллара
И густые плевки у ног.

Этот миф дешифровать просто. Понятно, что Мак-Кинли, Ханна и республиканские боссы претерпели только словесное бичевание от Брайана, а что Слон — символ карикатуристов для Республиканской партии, что колючая проволока представляет собой интересы избирателей Юга и Запада, где разводят скот, что Платта нахо-

дится в брайановой Небраске. Понятно также, что плутократы изредка носили гетры (которые символизировали приверженность к английской культуре) и что знак доллара на их пальто рисовали в своем воображении их противники, насмехавшиеся над тем, что деньги ближе их сердцам, чем что-либо еще.

Греческие поэты использовали в точности такой же род языка, и если бы Линдсей был греком шестого столетия, поэма всплыла бы в мифологических сводах Гигина и Аполлодора приблизительно так:

«Линдсеос из Охианской Парфении, дифирамбист, рассказывает нам о вымышленной битве между Брайанеем, облаченном в черное единоборцем, выставленным скотоводами обильно орошаемого Платтоса и жрецом, как говорят, полубога Стетуса, сына Зевса — и некими богатыми тиранами Востока, которые вышли против него со слонами. Он, воспользовавшись бичом, скрученным из стальной проволоки, изгнал из пределов западной земли этих тиранов-погубителей, одетых в гетры, какие носят горцы и белые рубахи, на которых было вышито изображение змеи, обвивающей двойной шест; ибо этим символом они посвящали себя Подземному Змею

Плутону, Подателю Богатства. Однако, в конце концов, Брайаней был побежден».

Первоначальное значение мифов и других пиктограмм быстро забывается. Например, англоговорящие родители все еще повторяют своим детям стишок о Льве и Единороге, которые боролись за Корону, и, хотя большинство их и догадывается, что Лев и Единорог олицетворяют собой войска, верные королям Англии и Шотландии, очень немного найдется таких, кто не примет этот стишок за праздную выдумку, подсказанную геральдическими символами. И все же это почти наверняка пиктографическое описание войны 1650 года между Англией, геральдически представленной львом, и Шотландией, геральдически представленной единорогом. А бились они за корону потому, что шотландцы короновали Карла Второго, объявив его королем не только Шотландии, но и Англии, хотя Англия провозгласила себя Республикой (возможно и альтернативное объяснение, что стишок увековечивает забытую ссору в Эдинбурге между каким-нибудь высшим чиновником геральдической палаты, приверженцем Льва, и его подчиненным, сторонником Единорога).

Диодор интерпретирует знакомую, но загадоч-

ную пиктограмму с летящим овном, на спине которого мчались в Колхиду Гелла и Фрикс, как быстрый корабль с бараньей головой на носу, и предполагает, что падение Геллы в Геллеспонт означает всего-навсего, что качка вызвала у нее морскую болезнь, и тогда она перегнувшись через борт упала в воду. Похоже, что Диодор был прав насчет овна, хотя его интерпретация других эпизодов легенды далеко не столь убедительна. Очевидно, он заблуждается, когда говорит о том, что Змей, охранявший Руно, был офицером и его величали капитан Змей. Заблуждается и Дионисий Скитобрахион, когда предполагает, что Золотое Руно было в действительности кожей юного господина Овна, пажа Фрикса, и что она была обработана и вызолочена колхами после того, как они его убили. Заблуждается и Страбон, когда говорит, что аргонавты плавали в поисках золота и что Руно было золотом Колхиды, которое колхи собирали на овечьи шкуры, положенные в промывочные чаны. Заблуждается и Судаа, когда говорит, что это была книга из овечьей кожи, содержащая секрет алхимии, который колхи унаследовали от своих египетских предков. Заблуждается и Харакс из Пергамона, который писал в I веке н. э., что плавание имело место

в истории и что самые странные ее символы поддаются интерпретации посредством простых фактов, они не прибегали, не сводили, как это делали немецкие ученые прошлого столетия, всю историю к солярному мифу.

Однако мы могли бы вернуться к правдоподобному объяснению Страбона — в Риони все еще существует странный метод намывки золота на овечьи шкуры, — если бы тайна этой истории не была оглашена Геродотом, Аполлодором, Павсанием, а среди прочих и анонимным первым ватиканским мифографом. Этот мифограф, хотя он и писал в V веке н. э., очевидно, имел доступ к очень раннему источнику легенды: он — единственный из авторитетов, который упоминает о запрете троянцев на проход «Арго» в Черное море,[2] важном элементе интриги. Он указывает также, что Руно было то самое, «в котором Зевс обычно возносился на Небеса», что связывает этот миф более надежно, чем у Павсания, с историей Бога Овна, лафистийского Зевса, и попыткой принесения минием Абамантом в жертву своего сына Фрикса как средством побудить Зевса послать дождь, когда посевы

[2] Комментарии: 2

Ибо «in portum ire non permisit Laoedon» я прочел: «in Pontum ire». В любом другом случае, в этом отрывке нет смысла (*Примеч. автора*).

взошли. Пурпурный цвет Руна, упоминаемый Симонидом, подчеркивает эту связь: белые облака не приносят дождя, а пурпурные приносят; поэтому белое и пурпурное Руно используются в магических целях. Дело представляется так, что Фрикс, чтоб избежать принесения в жертву Богу Овну, украл пурпурное Руно (с золотой каймой?), священное и необходимое орудие ритуала, вызывающего дождь, и сбежал с ним в Колхиду, став недосягаемым для преследователей. Утрата Руна, естественно, вызвала у миниев ощущение, что им изменила удача; и поколение спустя аргонавты, которые все были миниями, урожденными или усыновленными, отплыли, чтобы доставить его обратно.

Теперь принято считать, что одно или два подробно описанных происшествия в «Илиаде» Гомера — вставки: например, некоторые отдельные схватки на равнине перед городом Троей могут принадлежать и к другому циклу песен. Очевидно, и Гектор, которого связывают с Троей, и опиец Патрокл, которого он убил, почитались в Беотии как герои, до того, как экспедиция Агамемнона отплыла к Трое; следовательно, схватка между ними могла представлять собой конфликт между кланами, основателями которых они

были, а не между ними самими. Таким образом, вероятно, что цикл об аргонавтах, который не устоялся как письменное повествование и много спустя после создания поэм Гомера, содержит еще больше вставок. Многие из них очевидны из-за своей анахроничности. Например, Тесей, который упомянут как аргонавт Аполлодором и другими, относится к более раннему периоду; он связан с историей Дедала, Икара и разграбления Кносса, которое произошло около 1500 г. до н. э. И аргонавты в 1225 г. до н. э. не могли предложить олимпийским богам возлияний вином, как указывают многие поэты. Боги были консервативны и отвергали любые жертвоприношения, кроме «трезвых» и много столетий спустя.

Переписывая эту историю я, следовательно, был постоянно готов отбросить как несообразность любой эпизод или деталь, которые не гармонировали с остальным повествованием, но мне приходилось быть осторожным, чтобы не отбросить что-нибудь слишком существенное. Сперва я не был уверен, надо ли включать Геркулеса в число аргонавтов. Некоторые из более древних легенд связывают его с Тесеем и даже со временами до Тесея. И все-таки возможно, что существовало два, три или даже более борцов по

имени Геркулес[3] — и в самом деле, дельфийская пифия, как говорят, сказала Геркулесу Тиринфскому, когда он пришел с ней посоветоваться, что это не первое посещение человека с таким именем. Геркулес Тиринфский, который в целом признан последним и наиболее прославленным из этих борцов, может с большой вероятностью быть отнесен к эпохе аргонавтов, и кажется, именно его своевременный налет на Трою с шестью кораблями и немногими людьми (согласно Гомеру) позволил «Арго» безопасно вернуться домой. (Диодор и Валерий Флакк, очевидно, ошибаются, представляя дело так, что налет этот произошел по дороге туда, а не обратно, равно как и Пиндар считает происшествие на Лемносе имевшим место по дороге обратно, а не туда.) Сообщение о налете, который не следует идентифицировать с сожжением пятой Трои за два столетия до того, вполне правдоподобно: в обществе Теламона с Эгины, брата Пелея и отца Аякса, Геркулес убил троянского царя Лаомедонта и возвел на трон юного Приама — того Приама, который был стариком во время падения шестой (гомеровой) Трои. Более того, Эврисфей

---

[3] Комментарии: 3

Геркулес — у др. греков Геракл (см. примечания) (*Примеч. автора*).

Микенский, который давал Геркулесу задания, не слишком древний царь, чтобы править в то время; ибо ему наследовал его зять Атрей, сыновья (или пасынки) которого Агамемнон и Менелай возглавили греческие силы во время гомеровой осады Трои. Подвиги Геркулеса, если их надо согласовать с принятым порядком событий во время плавания «Арго», должны быть приведены в иной последовательности, нежели та, которая перенята римлянами от александрийских мифографов. Стимфалийские птицы (6), Кони Диомеда (8), и Пояс Ипполиты (9) должны логически предшествовать Эрифанфскому Вепрю (4) и Авгиевым конюшням (5), а Яблоки Гесперид (11) должны идти сразу же после этих двух. Но приведение всех этих легендарных событий в хронологическую последовательность — дело безнадежное и запутанное, хотя бы потому, что они имели место до возникновения исторических представлений о времени: например, анахронизмы встречаются в истории «Арго», если датировать ее позднее Калидонской охоты, но и в истории охоты они возникают, если плавание отнести к более раннему времени. Другой клубок противоречий — это традиционные сообщения о племени, родословной и родстве Эврисфея,

Сизифа, Креонта и других. Однако, если ахейское вторжение в Южную Грецию имело место в середине XIII в. до н. э., как подсчитали более поздние греки, тогда, возможно, Сфенел, отец Эврисфея и Креонт Асопийский были в действительности ахейцами, которые по политическим причинам позаботились о своем принятии в старые царские семейства по материнской линии посредством обычной гротескной церемонии второго рождения: это объяснило бы изрядную долю очевидных противоречий. Сизиф, несомненно Эолид, не был, конечно, братом миния Атаманта, Кретея, Пиера и Салмонея — его отношение к Коринфу связывает его, скорее, с домом Ээта и Алоэя; поэтому я и сделал его сыном Алоэя. Поскольку сына Сизифа звали Главком, разумно предположить, что Главка, на которой женился узурпатор Креон, была его дочерью.

Я не был сперва уверен, включать ли в мое повествование происшествие с «птицами Ареса»: как аргонавты, отплывая от армянского берега, были потревожены огромной стаей птиц, которых они прогнали криками и звоном щитов. Дж. Р. Бэкон в «Плавании аргонавтов», краткой, но самой ценной в историческом плане книге пишет:

«Вероятно, это происшествие не принадлежало

изначально к истории аргонавтов, но является вставкой Аполлония, который, зная, что при выполнении своего шестого подвига Геркулес прогнал птиц со Стимфалийского озера в Аркадии на отдаленный остров Понта Евксинского, счел необходимым ввести их в свое повествование о плавании „Арго“».

Опираясь на такой авторитет, я готов был выбросить этот случай, тем более, что он не оказывает влияния на интригу. И все же первое, о чем меня спросил мой друг, естествоиспытатель Френсис Хемминг, когда взглянул на адмиралтейскую карту Черного моря, приколотую к стене в моем кабинете, было: «В какое время года аргонавты проплывали по Восточному заливу?» Он поразился, неужели они не застигли великую весеннюю миграцию птиц, миллионы которых возвращались из Палестины и Сирии, пролетая через Малую Азию, чтобы дальше лететь над Черным морем к устью Волги. Я сказал ему: «По моим подсчетам, в начале мая». Затем я вспомнил птиц Ареса. Я знал, что птицы отдыхают на островах во время своих миграционных перелетов, и поскольку во всем Восточном заливе только четыре острова, и ни один из них не достаточно велик для того, чтобы его нанесли на обычную карту,

мне пришло в голову, что мигранты, обнаружив, что остров Ареса кем-то занят,[4] учитывая, что птицы, возможно, никогда прежде не видели корабли, могли попытаться сесть на снасти «Арго», когда тот проплывал мимо. Естественные смятение и тревога, которые испытали аргонавты, ибо каждый из них был того или иного рода авгуром — усилились бы, если бы среди мигрантов оказались болотные птицы того рода, которых Геркулес прогнал со Стимфалийского озера и которые, как предполагалось, разносили лихорадку. С тех пор Хемминг благосклонно уточнил для меня факты, и они, к счастью, согласовались с моей теорией. Из Майнерцагенова издания «Птиц Египта Николла» явствует, что начало мая — не слишком поздний срок для того, чтобы аргонавты встретились с мигрантами, в числе которых были пустельги, жаворонки, луни, утки и болотная птица. По моим выводам, эти болотные птицы отдыхали в болотах Кассаба, а воробьиные и другие мигранты предпочитали островок Пуга.

Нечто подобное касается случая с Финеем и

---

[4] Комментарии: 4

Александрийцы идентифицировали его с островком Пуга (38°29 В. Д., недалеко от стока реки Керас, или Кассаб. Здесь проходит миграционный маршрут, и как раз там имеется удобная расщелина в горах позади островка (*Примеч. автора*).

гарпиями. На первый взгляд он воспринимался как бессмыслица, но его историческая основа подтверждается Диодором, согласно которому злобная скифская жена Финея, Идея, воспользовалась его слепотой, чтобы обмануть его касательно характера его сыновей, разыграв роль жены Потифара. Более того, Диодор опускает всякое упоминание о гарпиях, что делает его повествование более авторитетным: то есть он не выдумал характер Идеи для того, чтобы предположить, что она также обманывала Финея, заставляя его вообразить, будто его преследуют сверхъестественные существа.

Я и сам сделал несколько вставок, позволяя отдельным аргонавтам применить те особые таланты, которые приписывала им легенда. Там были быстроногие Калаид и Зет, зоркий Линкей, Эвфем-пловец, чародей Периклимен, силач Геркулес, ловкий вор Автолик (о котором Гесиод пишет: «все, чего он касался, становилось невидимым»), Орфей, который игрой на лире приводил в движение палки и камни, несравненный кулачный боец Поллукс, Фалер, лучник, который никогда не промахивался, пчеловод Бут, судоводитель Навплий. Но в сохранившихся повествованиях о плавании многие из этих

способностей так и не подтверждаются: Фалер, Периклимен, Бут, Навплий и Автолик играли только роль гребцов. Моя догадка такова, что в первоначальном рассказе о плавании все они были задействованы с пользой и соответственно своим качествам — как одаренные спутники все того же известного под многими именами младшего сына бывают задействованы во многих приключениях народных сказок.

Нетрудно заметить, что первоначальное значение Золотого Руна стало загадкой для греков классической эпохи, исходя из того, что похищение Руна явилось эпизодом в религиозном конфликте между сторонниками матриархальной Богини Луны «пеласгов» и приверженцев патриархального греческого Бога Грома. В течение столетия или двух после плавания «Арго» все еще возможно было открыто говорить об этом конфликте, который еще, очевидно, не завершился полной победой Зевса. Следы конфликта имеются даже в поэмах Гомера, несмотря на их тщательную редакцию в Афинах шестого века и Александрии третьего века, ибо пререкания между Зевсом и Герой — это куда больше, чем сатира не домашние трения в греческих семьях, это конфликт между несовместимыми общественными

системами. Позднее Бог Грома стал столь могущественен, а Лунная Богиня настолько ослабела, что такие цари и герои как Салмоней, Сизиф, Тантал, о которых прежде упоминалось с уважением и которым воздавались героические почести, рассматривались как преступники, страдающие от вечного наказания в преисподней. Имело место случайное или намеренно неверное понимание всех пиктограмм, связанных с Богиней Луны. Например ее ритуальный брак под именем Пасифаи («Той, которая все освещает») с Миносом, Богом Солнца, которому был посвящен бык, стал бесстыдно интерпретироваться классическими авторами как противоестественная страсть Пасифаи, сестры Ээта и Кирки, к священному быку, неестественным результатом которой стал Минотавр, чудовище с головой быка. Иксион, пеласгийский герой, которому было посвящено огненное колесо, стал неверно представляться как колесованный в преисподней в наказание за попытку посягнуть на Геру, жену Зевса. Жрецы Зевса были ревнивы ко всем героям, связанным с искусственным добыванием огня (еще один пример — Прометей), — поскольку они претендовали на то, что огонь происходит от молнии, которой владеет Зевс. Равно ненавидели они и

воспоминание о Салмонее (брате царя Атаманта), потому что он вызвал дождь имитацией грома. Первоначальная история «Арго» претерпела, вероятно, много изменений, привнесенных певцами-сказителями, которые желали прославить определенные семьи или города, представляя их предков или основателей как аргонавтов. Например, заявления об участии в походе Теламона с Эгины следует отвергнуть: если правда то, что он помог Геркулесу в его налете на Трою, он не мог в то же время находиться на борту «Арго» в Черном море. Я также отрицаю ненужное отклонение «Арго» от курса между Критом и Иолком с заходом на Эгину. Аполлоний сообщает, что у аргонавтов произошло там дружеское состязание, так как требовалось принести на корабль воду, но эпизод кажется вымышленным, чтобы объяснить происхождение древних соревнований на Эгине, когда молодые люди бегали с кувшинами воды на плече. Эпизод в Анафе (глава 47) может быть подобной вставкой, выдуманной по поводу особого местного ритуала; это правдоподобно и забавно.

История Аполлония Родосского и написанной им первой версии его «Золотого руна» — довольно странная. Аполлоний, именовавшийся тогда

Навкратийский, а не Родосским, родился около 280 г. до н. э. Он изучал литературу в Александрии и написал свою поэму в возрасте 18 лет. Когда он прочел поэму или ее часть в Зале Муз, его встретили взрывом шипения и свиста и закидали табличками для письма. Он вырвался на свободу, избежав серьезных ранений, но боясь общественного преследования, так как его соперник, придворный поэт Каллимах, заклеймил его как «отвратительного ибиса», решил на некоторое время покинуть Александрию, удалился на Родос, и там, поняв, что александрийцев мало интересует религиозная или историческая истина, он переписал свое сочинение в форме, которая, как он решил их вероятнее всего удовлетворит. По возвращении несколько лет спустя он публично продекламировал исправленную версию, которая принесла ему такие аплодисменты даже от его прежних врагов, что когда освободилось место попечителя царской библиотеки, царь Птолемей, естественно, назначил его на эту должность. Аполлоний принял прозвание Родосский в память своего долгого пребывания на Родосе, почетным гражданином которого он стал. Первоначальная версия не сохранилась, но ее недостатком едва ли могли быть немелодич-

ность или однообразие. Если человек смолоду зануден и немузыкален, он никогда не напишет так свежо и красиво, как писал Аполлоний. Аполлоний, полагаясь на поддержку александрийских женщин, был в своей поэме слишком откровенен насчет унижения Зевса Богиней Луны и вызвал тем самым неудовольствие их почитавших Зевса мужей. Я не могу согласиться с доктором Джиллиесом, самым ученым издателем «Аргонавтики», в том, что александрийцам не понравилось использование эпической формы для романа, особенно, каким-то там юнцом. Они любили новшества, поскольку были людьми высокоучеными и взыскательными, а традиция, представляющая Аполлона вечно юным, всегда располагала культурную аудиторию к молодым поэтам, особенно там, где, как в Александрии, женщин поощряли проявлять интерес к литературе и искусствам. Если я прав, можно понять слово «ибис» как бранное — эта птица не только имела отвратительные привычки, но и была посвящена египетской Богине Луны Исиде. И возможно, речь Финея (кн. 2, строки 311–316) следует читать как восхваление Зевса самим Аполлонием, извиняющимся за свою неучтивость.

К александрийским временам греки разлюби-

ли публичные, признания насчет религиозных обрядов или верований, которые они переросли, или насчет старых скандалов, которые могли стать прецедентами для новых. Они замалчивали достоверные истории о человеческих жертвоприношениях. Ифигения, как говорили они, не была в действительности принесена в жертву в Авлиде своим отцом Агамемноном, а была перенесена на облаке в Крым, а медведица или другое животное было принесено в жертву вместо нее. Елена, как говорили, не бежала в Трою с Парисом — его невестой была лже-Елена, или ее двойник, а настоящая Елена отправилась в Египет и добродетельно жила там, пока за ней не прибыл Менелай. Говорить иное означало оскорбить Кастора и Поллукса, ее братьев-полубогов. Потому Пиндар, рассказывая историю похищения Руна из Колхиды, вскоре обрывает повествование, принося извинения, мол, времени мало, — чтобы не приводить ужасные подробности убийства Ясоном Апсирта: ибо предком человека, к которому он обращается в оде, был аргонавт Эвфем из Тенарона, соучастник преступления. Римляне не были столь щепетильны, как греки, и кровавые описания преступления и битвы, которые даются в «Аргонавтике» Валерия Флакка, были для меня

полезным напоминанием о подлинной дикости этой истории. Но римляне были нудным, понимающим все буквально народом, и пиктограммы их сбивали с толку, даже раздражали. Гораций довольно едко высказывается по поводу кентавров в одной из своих «Эпистол». Он спрашивает: видел ли кто полуконя-получеловека? Он не понял, что кентавры, силены, сатиры и тому подобные существа были всего лишь пеласгами, пиктографически идентифицированными как принадлежащие к конскому, козлиному или какому-то иному тотемическому братству.

Греческие жрецы олимпийских богов всегда могли подыскать готовые объяснения историческим пережиткам: например, название «святилище пупа» в белой гробнице в Дельфах, много спустя после того, как люди Аполлона убили питона-оракула, в теле которого обитала душа мертвого, покоившегося в гробнице, они объясняли, что святилище находится в точности в центре Греции, как пуп располагается в центре живота или шишечка в центре щита. Это звучало убедительно, хотя Дельфы располагались не точно в центре Греции, и было известно еще два или три святилища пупа в других частях страны. Микенские гробницы героев были построены

из камня в форме пчелиных ульев, которые напоминают об их африканском происхождении, и кажется, истина в том, что они назывались святилищами пупа, потому что содержали не только челюстную кость и гениталии героя, но также и его пуповину, которая была зримым напоминанием, что он родился от женщины и был таким образом слугой Богини Луны.

Самое известное легендарное звено между Грецией героической эпохи и Африкой — это история «сыновей Египта», которые принудили к браку Дочерей Даная, или точнее, Дочерей Данаи. Очевидно, как раз эти сыновья Египта, т. е. жители Нила, и принесли с собой в Грецию идею гробниц в форме ульев. Сэр Джеймс Фрейзер пишет в «Тотемизме и экзогамии» о царях Банту в Уганде:

«В храме-гробнице царя Баганды, как правило, помещали не все его тело, а его нижнюю челюсть и пуповину; и на троне, покрытом балдахином и огражденном, дабы не приблизилась чернь, барьером из сверкающих копий, торжественно покоились эти бренные останки, когда бы подданные ни приходили на аудиенцию к своему усопшему монарху. Там он беседовал с ними через своего вдохновенного посредника-жреца; и там, окруженный женами и вельможами, которые

обитали либо в гробнице, либо в примыкающих к ней домах, он содержал свой призрачный двор — слабое отображение царской пышности, которая окружала его при жизни. Когда его вдовы умирали, они заменялись женщинами из тех же кланов, и так мертвого царя продолжали обслуживать и советоваться с ним как с оракулом в его гробнице из поколения в поколение.

Эти храмы-гробницы царей Уганды представляются не более, чем сильно увеличенными и более великолепными образцами маленьких хижин (масабо), которые жители Баганда неизменно сооружают близ могил своих родственников, чтобы в них могли поселиться духи. В этих небольших святилищах, где-то в два-три фута высотой и два фута шириной, живые оставляют приношения: пищу, одежду и топливо и на землю совершаются возлияния пивом, чтобы утолять жажду бедных душ в могиле. Но если храмы-гробницы царей Баганда — всего-навсего увеличенные копии хижин для духов общинников Баганда, разве исключено, что храмы каких-либо всеобщих богов Баганда (балубаре) — того же происхождения? Другими словами, не могут ли некоторые из этих всебагандских богов быть, как и почитаемые духи усопших царей, ничем иным, как обожествлен-

ными покойниками? Фактически, у нас имеется наилучшее свидетельство, что великий бог войны Кибука, одно из главных божеств Баганда, был некогда человеком из плоти и крови, ибо его бренные останки, состоящие из челюстной кости, пуповины и половых органов, были раздобыты несколько лет назад от жреца, который тщательно захоронил их, когда храм этого бога был сожжен магометанами, и теперь они хранятся в Этнологическом музее в Кембридже».

В том же параграфе Фрейзер упоминает багандского бога Питона.

Если я прав, предполагая, что древнее святилище в Дельфах было устроено в багандском стиле, ясно, почему жрецы узурпатора Аполлона, который первоначально был смиренным служителем Богини-матери, лгали насчет святилища пупа. Поскольку все еще был популярен посредник-оракул, называвшийся Пифия,[5] а место именовали Пифо, эти нелепые слова требовалось объяснить, как происходящие от греческого глагола *«πνθειν»* (гнить) — враги Аполлона, в которых попадали

---

[5] Комментарии: 5

Я использовал более современную форму «Пифонесса», которая во многом означает то же самое и напоминает название «Пифонисса» на вульгарной латыни, данное Аэндорской волшебнице — которая, кажется, была посредником-оракулом усопшего героя, пророка Самуила. (*Примеч. автора*).

его стрелы, гибли от чумы, — а не от *Πόθων* (питон); аналогично, пуповина, напоминающая о его прежней зависимости от первоначальной Триединой Музы, замаскирована ложной этимологией.

Любопытная проблема, связанная с аргонавтами, — вторая цель их плавания, приводимая Пиндаром — дать обрести покой духу Фрикса. Обычная история, которую рассказывает Аполлоний, — это, что Фрикс умер естественной смертью в Колхиде после того, как, став зятем Ээта, прожил там много мирных лет. Никто не объясняет, почему его душе нужно было дать покой, кроме Гигина и Флакка, которые представляют дело так, что Фрикс был убит Ээтом, и что дух его взывал к родичам о мщении. Однако, истинное объяснение, как я думаю, следует искать в общем описании Колхиды Аполлонием Родосским. Он говорит, как бы мимоходом, что «до сего дня» колхи не применяют кремации и захоронения в могилах, разве что хоронят так женщин; «мужчин они заворачивают в сырые бычьи шкуры и подвешивают их к верхушкам ив и других деревьев, подальше от своих городов». Таким образом, нет необходимости постулировать какую-либо враждебность Ээта к Фриксу. Ээт

должен был устроить ему достойные похороны по колхийскому обычаю, но дух Фрикса, не способный найти покой в бычьей шкуре, потребовал бы, чтобы его кремировали, а кости захоронили в могиле по греческому обычаю. Возможно, в первоначальной истории поводом плавания аргонавтов в Колхиду, было желание выпросить тело Фрикса для захоронения в другом месте. Если так, то они преуспели как мы знаем от Страбона: тело наконец-то погребли близ Храма Белой Богини в Мосхии, где во времена Страбона сохранился культ Фрикса как героя и где никогда «не приносили в жертву Овна». Непохоже, что Ясон прибыл в Эа и дерзко попросил Ээта отдать ему Руно, в соответствии с большинством рассказов. «Злокозненный Ээт», как называет его Гомер, убил бы его немедленно за такое нахальство. И более того, задача достойно похоронить Фрикса должна была быть в первоначальной версии возложена на Ясона не Зевсом (который ненавидел Фрикса и преследовал его потомков), а Белой Богиней — Исидой, по велению которой Фрикс похитил Руно. Разумно предположить, что официальный запрет в Александрии на любые публичные упоминания о том, как Белая Богиня унизила Лафистийского Зевса, помешал Аполло-

нию рассказать, что случилось с духом Фрикса. Кажется, будто короткий отрывок о погребальных обычаях колхов — это все, что сохранилось от первоначальной версии (та же Белая Богиня как Самотея дала Британии ее первое имя).

Мистерии, которые дополняли обычные греческие культы в классическую эпоху, думается, были во многом сосредоточены на том, как открыть древние тайны религии людям, достойным доверия, ибо они не вызовут общественного скандала, разгласив их; а в мистериях Богиня Мать была главным божеством, которое почитали. Тайны эти не надлежало излагать письменно, разве что очень редко в зашифрованной форме, и только вкратце. По моему заключению, основным проступком Аполлония было то, что он продекламировал в общественном лекционном зале версию истории о Золотом руне, почерпнутую из древних источников, что привело к профанации некоторые из наиболее тщательно охраняемых тайн. Официальная версия была такова, что Фрикс бежал от смерти на спине чудесного овна, которого дала ему его мать, беотийка Нефела, и почтительно пожертвовал его Зевсу, богу Избавившихся от Опасности, по прибытии в Колхиду.

Примитивные повествователи часто исполь-

зуют юмористические преувеличения, чтобы позабавить своих слушателей, особенно когда тема оргиастическая. Сексуальная мощь Геркулеса, равно как и его обжорство, всегда были для греков предметом насмешек, и та бурная ночь, когда он совокупился с пятьюдесятью дочерьми Пенея, может быть сопоставлена с подвигами таких непристойных народных героев, как французский Мариус, английский Джон Распарыватель Камней, американский Пол Беньян или Тробрайндер, упоминаемый в «Сексуальной жизни дикарей» Малиновского, фаллос которого был так длинен, что, бывало, крался по деревне после того, как стемнеет, совращая неосторожных деревенских девушек. Оргиастическое приключение на Лемносе было первоначально сплошь непристойной историей; Аполлоний сохраняет несколько комических намеков — как краска на лице Гипсипилы, когда она принялась лгать, и упрек Геркулеса Ясону, «наслаждающемуся целый день в объятиях Гипсипилы, чтобы снова заселить остров детьми мужского пола». Но условности эпической формы сдерживали его перо. Цель абсурдной истории о том, как сыновья Северного Ветра преследовали гарпий через Эгейское море и Пелопоннес и вернулись через

час-два, сперва тоже заключалась в том, чтобы посмешить — их быстрые ноги как и острое зрение, предмет их гордости, как и острое зрение Линкея, магическая сила Периклимена и фатальная мужская красота Ясона, могли быть поводом для постоянных шуток среди аргонавтов. Возможно также, что происшествие с быками, на которых надели ярмо, и убийством Посеянных Людей в действительности произошло в ээтовом сне и было вырвано из контекста.

Я сомневаюсь, что надо включать Орфея в число аргонавтов. Однако Ферекид вносит его в список, и пропустить Орфея означало бы исключить из маршрута Самофракию; кроме того, забиякам-аргонавтам требовался музыкант, чтобы поддерживать среди них мир, ничуть не меньше, чем кормчий, а от Ясона, кажется, в этом отношении было мало толку. Орфический взгляд на религию вполне мог достичь Греции за много столетий до того, как он впервые был выражен в литературе в VI веке до н. э.: Орфей, как говорят, посетил Египет, но я не думаю, что он принес свои мистерии оттуда. Доктрина орфических гимнов о метемпсихозе содержит множество кельтских терминов и могла с большей вероятностью прийти к кельтам от гиперборейских

друидов. Указания Орфея, как следует вести в себя мертвым в подземном мире (глава 18) взяты из Золотых Таблиц Петелии, Компаньо и Тимпоне Гранде, расшифрованных профессором Гилбертом Мерреем. Я почерпнул из друидической мифологии, которая любопытна тем, что тесно связана с архаической греческой, отсутствующий отрывок с наставлениями, дающих духу возможность отличить источник памяти от источника забвения.

Некоторые эпизоды в моем повествовании могут, пожалуй, показаться слишком современными по духу, но микенская цивилизация позднеминойской эпохи кажется куда более развитой, нежели цивилизация гомеровой эпохи. После падения Трои в Греции начался постепенный упадок культуры, и положение усугубилось в результате нашествия дорийцев примерно в 1020 г. до н. э. Я думаю, например, что правила кулачного боя XIII в. до н. э. были куда ближе к Квинсберрийским правилам бокса, чем позднее, в VII веке; критяне увлекались кулачным боем, противопоставляемым любому другому виду борьбы. И, конечно, домашние уборные были куда более цивилизованного образца, чем те, что обнаружил в Кноссе сэр Артур Эванс.

Приливы, течения, преобладающие ветры, ориентиры на суше, места якорных стоянок, упоминаемые в этой книге, были сверены с древними и современными географическими трудами и рассказами о плавании, а также с черноморскими и средиземноморскими лоциями. Плавание, как я его рассчитал, могло встречать препятствия во многих отношениях, — но, оно было возможно для оснащенного четырехугольным парусом военного гребного судна при условии удачи и хорошего управления в семимесячный период. Я отвергаю традиционное представление, изложенное Аполлодором, что путешествие заняло всего четыре месяца, правда, может он учитывает лишь время для первого возвращения «Арго» в родные воды и не рассматривает африканское приключение в качестве отдельного плаванию; отбрасываю я и заявление Феокрита о том, что на корабле спускали парус до восхода плеяд. Отрицаю я и сообщения, что на корабле было пятьдесят весел, хотя столь крупные суда и изображены на древних критских печатях; тридцати было достаточно для выполнения задачи, возложенной на аргонавтов.

Союз между колхами и троянцами, о котором я пишу, был заключен потому, что они обладали

сходным географическим положением — Колхида была вратами далеко на Востоке, Троя являлась вратами Запада для всех черноморских народов, — отчасти объясняется заявлением Геродота о том, что Елену увезли в Трою в знак возмездия за то, что Медею увезли в Грецию.

Форма, в которой я излагаю сказание об аргонавтах — исторический роман, а исторический романист всегда должен ясно дать понять, какой пункт наблюдения во времени он занимает. В данном случае было бы неблагоразумно вести рассказ как бы из тринадцатого века до н. э.: это означало бы — писать поэтическими пиктограммами. Вести же рассказ из сегодняшнего дня означало бы не только излагать разговоры в неподобающе современном стиле, но и помешало бы мне всем сердцем поверить в происходящее. Единственным решением было установить наблюдательный пункт в эпохе, когда всему этому еще не верили, достигли требуемой критической отрешенности и простого, но полного достоинства прозаического стиля.

Таким образом, я позволил выражениям «ныне» и «сегодня» то и дело фигурировать в этой книге. Из заключительной страницы историки сделают вывод, что «сегодня» означает не позднее, чем

146 г. до н. э., когда Люций Маммий разграбил Коринф: потому что именно тогда «Арго», который оставался выставленным в храме Посейдона на Перешейке с тех пор, как Ясон посвятил там корабль божеству (и век за веком его постоянно ремонтировали), наконец исчез — вероятно, его разбили в щепки пьяные римские солдаты.[6] Как мы знаем из эпиграмм Марциала, обломки корабля попали в Рим в качестве военных трофеев.

Недавно произошло небесное знамение, которое был бы грех не упомянуть здесь: появилась Nova, или новая звезда исключительной яркости в созвездии Арго. Арго, который иногда называют просто «Корабль», расположен в небе между Центавром, то есть, воспитателем Ясона Хироном, и Большим Псом, некогда посвященным Белой Богине. Следует заметить, что не только сам Арго, но и плавание, которое он совершил, отображено среди звезд: ибо, как однажды указал сэр Исаак Ньютон, двенадцать знаков Зодиака напоминают различные эпизоды жизни Арго, тем более, что первый знак — это Овен с Золотым Руном.

Луна — по-прежнему Белая Богиня, которой

---

[6] Комментарии: 6

Думаю, что сохранилась только корма: нос стал причиной смерти Ясона и, следовательно, был проклят; конечно, только корма почиталась как созвездие «Арго» (*Примеч. автора*).

мы жертвуем деньги, и которая все еще повсеместно правит, как Рея или Артемида Марианея, сохраняя большую часть своих древних ритуалов и эмблем. Если не считать, что теперь груди Богини задрапированы, нет почти никакой разницы между прелестным усеянным раковинами святилищем, о котором три тысячи лет назад заботилась царица Гипсипила в Лемнийской Мирине, и его современными соответствиями: ибо как Царица Небес эта Богиня все еще претендует на Луну, змею, крест-фетиш, синее одеяние, звезды, лилии и Божественное Дитя как на свои атрибуты. Более того: мой друг не так давно посетил Пегасейский залив и сообщил мне, что недалеко от Афеты, где аргонавты совершили свое прощальное жертвоприношение Богине как Царице Всех Созданий, ручьями течет кровь из горла овец и козлов, убиваемых ради нее во имя того же; и как раз в это время года цветет алый анемон. На самой высокой горе Пелион в греческой церкви, возможно, выстроенной на месте святилища Кобыльеглавой Богини — того святилища из которого Фрикс и Гелла похитили Золотое руно, — дети все еще проходят под ее подолом, совершая архаический ритуал второго рождения. Но это стало событием Страстной Пят-

ницы, ее подол превратился в полы савана, а в саване лежит на носилках ее мертвый Сын, плоть которого позднее символически разрывается на куски, а кровь проливается, чтобы плодоносила земля.

Трудно было сохранить единообразие имен. Я использовал, где возможно, более привычные формы: такие, как Геркулес вместо Геракла, Поллукс вместо Полидевка, Корфу вместо Феакия, Черное море вместо Негостеприимного моря и греки вместо эллины — говорят, что греки и в самом деле более древнее название из двух.

Р. Г.
Гэлмптон-Бриксен
Девон

ПРИМЕЧАНИЯ

В основу романа известного английского писателя Роберта Грейвза положен миф о Золотом Руне, который Грейвз с научной тщательностью и поэтической образностью восстанавливает, насыщая повествование многочисленными сведениями об исторических и мифологических событиях того времени, о тотемических и религиозных культах, о быте и нравах древних греков и тех племен, мимо которых пролегал путь аргонавтов. Грейвз, будучи знатоком античности и истории религий, включает в ткань романа, причем чрезвычайно органично, многочисленные эпизоды, касающиеся, к примеру, оракулов-прорицателей, обрядов очищения и жертвоприношения, игр-состязаний в честь различных богов.

Само плавание аргонавтов, естественно, является стержнем повествования.

Согласно мифам, Нефела, жена мифического царя Фив Атаманта, получила Золотое руно от Гермеса и отдала своим детям Фриксу и Гелле. На баране Фрикс прибыл к царю Ээту в Колхиду, где

принес барана в жертву Зевсу и повесил шкуру в роще Ареса. Там она охранялась драконом. Ясон и аргонавты привезли Золотое руно обратно в Грецию.

Вот что пишет Дж. Фрейзер о мифе, связанном со священным бараном:

> «Жители Фив и другие египтяне, поклонявшиеся фиванскому богу Амону, считали барана священным животным и не приносили его в жертву. Один раз в год, на празднике Амона, они убивали барана, освежевали его и надевали его шкуру на статую бога. Этого барана они оплакивали и хоронили в священной гробнице. Объяснение этого обычая содержится в мифе, повествующем о том, как однажды Зевс предстал Гераклу одетым в овечью шерсть и с головой барана… Баран и был самим Амоном, а это доказывает только, что Амон — прежде чем стать антропоморфным богом, прошел ту же стадию развития, что и все остальные тероморфные божества».
>
> ***(Золотая ветвь).***

А

АДМЕТ, мифический фессалийский царь. Мойры, богини человеческой судьбы, пообещали Аполлону продлить жизнь А., если в его предсмертный час кто-нибудь добровольно обречет себя на смерть ради него. Т. к. родители А. отказались принести себя в жертву, на это решилась супруга А. Алкестида. На этот сюжет оратория Генделя.

АЛОАДЫ, в греческой мифологии два брата-великана От и Эфиальт, сыновья Ифимедии и Посейдона (или внуки Посейдона — дети его сына Алоея). Славились непомерной силой и гигантским ростом, достигнув к девяти годам ширины девяти локтей (около четырех метров) и высоты девяти саженей (около семнадцати метров). Угрожали богам взгромоздить гору Осса на Олимп, а на Оссу — гору Пелион и достичь так неба, чтобы силой взять в жены Артемиду и Геру, заковали в цепи Ареса, продержав его тринадцать месяцев в медном сосуде, откуда его освободил Гермес. Были убиты стрелами Аполлона или сами пронзили друг друга копьями, пытаясь попасть в

промчавшуюся между ними лань, в которую превратилась Артемида. В позднем варианте мифа, переданном Гигином, лань была послана Аполлоном, защитившим Артемиду от посягательств А.; там же говорится о наказании А. в тартаре (прикованы змеями к колонне и мучаются от криков совы). А. считались основателями городов (Аскра и Геликон в Беотии) и создателями культа муз, которым они дали имена: Мелета («опытность»), Мнема («память») и Аойда («песнь»), полагая, что их всего три.

*АЛКИН**О**Й*, в греческой мифологии царь феаков, внук Посейдона. В своем дворце на острове Схерия, окруженном вечнозеленым садом, А. радушно принимал Одиссея, заброшенного бурей на остров, и помог ему вернуться на родину. А. выступал посредником между Медеей, бежавшей к феакам с предводителем аргонавтов Ясоном, и колхами, пустившимися в погоню за ними. Поскольку Медея стала женой Ясона, А. отказался выдать ее преследователям.

*АЛКИОН**Е**Й*, в греческой мифологии один из гигантов, сын Геи и Урана. Угнал стадо быков Гелиоса, за что получил имя Волопас. Мощь А. была столь велика, что он сокрушал сразу двена-

дцать колесниц и дважды двенадцать воинов, но его одолел Геракл в битве олимпийцев с гигантами (гигантомахии) на Флегрейских полях на полуострове Паллена. Сначала Геракл пытался застрелить А. из лука, но тот оставался неуязвимым, т. к. сражался на родной земле. Только вытеснив А. с родной земли Паллены, Геракл убил его.

АНКЕЙ, в греческой мифологии: 1) из Тегеи, сын Ликурга, отец Агапенора, участник похода аргонавтов и Калидонской охоты, на которой был убит вепрем (против вепря А. выступал с секирой, как против жертвенного животного); 2) самосец, сын Посейдона (или Зевса), правитель лелегов, муж Самии — дочери реки Меандр, участник похода аргонавтов. В мифе о винограднике А. произошло слияние тегейского и самосского А. Один из слуг А. произнес пророческие слова, ставшие поговоркой: «Многое может случиться, пока подносишь чашу к губам» (букв. «Между краем килика и краем губ — большое расстояние»). Когда А. захотел попробовать вино первого урожая, вдруг получил известие, что огромный вепрь (калидонский вепрь) разоряет виноградники; 3) этолийский герой, кулачный боец, побежденный Нестором.

АМАЗОНКИ, в греческой мифологии женщины-воительницы в М. Азии. А. терпели мужчин исключительно ради продолжения рода. Их иногда неправильно именовали «безгрудые», т. к. они якобы для более удобной стрельбы из лука отнимали себе правую грудь. Против А. выступил Геракл, чтобы отнять волшебный пояс Ипполиты (изображение фрагмента сражения на кубке Клеофрада в Париже). Тесей во время одного из походов похитил их царицу Антиопу (изображение на амбаре Михона в Лувре). Стремясь отомстить, А. вторглись в Аттику, но потерпели поражение у Афин. В Троянской войне А. выступали на стороне троянцев. В одном из сражении их царица была убита Ахиллом (изображение на кубке Пантесилеи в Мюнхене). Историческая основа мифа об А. - очевидно, противоборство с племенами, стоящими на более низкой ступени матриархата. Из скульптурных изображении А. выделяются «эфесские» А., а также скульптуры раненых А., относящиеся к последней трети V в. до н. э., выполненные в конкурсном состязании Поликлетом, Фидием, Кресилаем и Фрадмоном для украшения храма Артемиды в Эфесе. Из многочисленных дошедших до нас копий можно выделить три типа

скульптурных изображений А., относящихся к следующим ваятелям: капитолийский тип (Рим, Капитолийский музей) — Поликлет; маттейский (Рим, Ватикан) — Фидий и скиаррский (Берлин, Государственным музей) — Кресилай. Изображение А. часто воспроизводилось в послеантичном искусстве, особенно в стиле барокко.

АМАЛТЕЯ, в греческой мифологии нимфа, вскормившая Зевса козьим молоком на о. Крит. Согласно другой версии — коза, молоко которой сосал младенец. Рог козы, наполненный плодами и украшенный цветами, олицетворял в представлении древних рог изобилия и являлся поэтому непременным атрибутом всех божеств — благодетелей человечества.

АНДРОМЕДА, дочь эфиопского царя Кефея и Кассиопеи. Кичась своей красотой, А. объявила, что она прекрасней любой из нимф. За это Посейдон послал в страну эфиопов морское чудовище и вызвал наводнение. По предсказанию оракула, для избавления страны от страшной опасности, А. была прикована к скале на берегу моря для растерзания чудовищем. Персей спас ее, и она стала его женой. Позднее оба превратились в созвездия.

АПОЛЛОН, также Феб, красивый юный греческий бог солнечного света, отождествлявшийся с богом солнца Гелиосом. Родился в Делосе; сын Зевса и Лето, брат Артемиды. Значение его имени неясно. Обладавший даром предвидения, А. наделял этим свойством людей, например, Кассандру. Возле Дельф он убил дракона-чудовище Пифона, в честь этой победы сооружен Дельфийский храм; А. получил прозвище А. Пифий. Пифия, жрица этого храма, делала предсказания (оракулы). Как главное оракульное божество А. имел многочисленные святилища, расположенные в Греции и М. Азии. А. являлся также богом гармонии, духовной деятельности и искусств, прежде всего музыки и пения. Поэтому его часто изображали с лирой в руках, полученной им от Гермеса. А. покровительствовал музам. Марсия, осмелившегося вступить с ним в музыкальное состязание, он жестоко покарал. А. почитался также как божество, охраняющее посевы и стада, слыл богом — отвратителем бед и богом врачевания. За оскорбления, нанесенные своей матери Лето, А. убил из лука детей Ниобы. Осадивших Трою греков он покарал мором. Священным деревом А. был лавр. Культ А. получил распространение в Риме в V в. до н. э. и достиг расцвета в период правления Августа,

считавшего его своим богом-хранителем. Начиная с античности часто делали скульптурные изображения А. Наиболее выдающимися из них (раннего классического периода, 2-я четв. V в. до н. э.) является т. н. «А. Кассельский», римская мраморная копия статуи, возможно, работы Фидия, находящаяся в г. Кассель, «А. Омфалос» — подтвержденная несколькими своими репликами статуя А. дорического стиля. Особенно высоко ценится «А. Бельведерский», римская мраморная копия в Ватикане, сделанная с греческого бронзового оригинала 2-й пол. IV в. до н. э. (А. изображен в движении, держащим в руке лук и смотрящим вслед выпущенной стреле). Фигура А. находится в центре композиции на западном фронтоне храма Зевса в Олимпии. Известна также статуя А. Савроктона работы Праксителя, которая изображает А. убивающего ящерицу. А. посвящали свои скульптуры Торвальдсен и Роден. В живописи А. чаще всего изображали в окружении муз (Пуссен), с Артемидой (Л. Кранах Старший), сражающимся с Пифоном (Делакруа), вместе с Дафной (Тьеполо), «А. у Адмета» (Лоррен), «А. рядом с Гиакинфом» (Тьеполо). Мотивы мифов об А. использовались и в оперном искусстве (Люлли, Моцарт).

АПОЛЛОДОР, 1. А. из Афин, мастер греческой

монументальной живописи 2-й пол. V в. до н. э. Первым из художников древности изучил эффект светотени и применил его в своем искусстве. А. ввел в живопись также начала пространственной перспективы. Тем самым А. явился основоположником собственно живописи (т. н. светотеневой живописи), которая достигла расцвета в IV в. Работы А. до наших дней не сохранились. 2. Известный греческий ученый II в. до н. э. из Афин. Работал и жил в Афинах, Александрии и Пергаме. Написал литературно-исторические и философские произведения, среди них комментарии к каталогу кораблей «Илиады», фрагменты которого сохранились. Греческой мифологии и религии было посвящено 24-томное произведение А. «О богах», «Хроника» в 4 книгах представляли собой очерк мировой истории, начиная с покорения Трои и кончая 119 г. до н. э. Под именем А. до нас дошло произведение под заголовком «Библиотека», ценный источник греческой мифологии II в. н. э. 3. А. из Дамаска, крупнейший римский архитектор, живший в нач. II в. н. э. при императорах Траяне и Адриане. Есть версия, что А. попал в немилость к Адриану и был им убит. В 104–105 А. был возведен мост через Дунай в Дакии, недалеко от Железных Ворот, воздвигнут Форум Траяна, по-

строены термы Траяна, Остийский порт и другие сооружения. Творчество А., как представителя эллинистическо-римской архитектуры, способствовало распространению восточного влияния в Италии.

АПОЛОНИЙ РОДОССКИЙ, древнегреческий эпический поэт III в. до н. э. Был главой библиотеки Мусейона в Александрии, где занимался литературной критикой. Из-за литературно-теоретических взглядов А. порвал со своим учителем Каллимахом, который не признавал гомеровский эпос в качестве стиля для подражания. Произведение А. «Аргонавтика» — единственная сохранившаяся до наших дней эпическая поэма. На о. Родос, который стал его второй родиной, он написал заключительные строки сочинения, посвященные путешествию аргонавтов. С присущим ему психологизмом изобразил жанровые сцены, любовные приключения, в описании природы использовал научные знания. Поэма пользовалась в Риме большой популярностью. Варон Атацин перевел ее на латинский язык, она оказала влияние на творчество Вергилия и Валерия Флакка.

АПСИРТ, в греческой мифологии сын колхид-

ского царя Ээта, брат Медеи. Когда Медея бежала с аргонавтами, она взяла с собой брата. Спасаясь от преследования Ээта, Медея убила А. и разбросала куски его тела по волнам, зная, что отец будет вынужден прекратить погоню, чтобы собрать тело сына и похоронить его.

АРГОНАВТЫ, в греческой мифологии пятьдесят участников похода в Колхиду на Черном море. Их корабль, названный «Арго», был построен с помощью Афины, которая вставила в его корпус кусочек священного векового додонского дуба, шелестом листьев передающего волю богов. Предводимые Ясоном А., среди которых были Адмет, близнецы Диоскуры — Кастор и Полидевк, Геракл, Мелеагр, Орфей, Пелей и Теламон, должны были возвратить в Грецию золотое руно волшебного барана, увезенного в Колхиду Фриксом. На своем пути А. побывали у Гипсипилы на Лемносе, одержали верх над царем бебриков Амиком, Избавили Финея от гарпий, преодолели Самплегады. Овладеть золотым руном Ясону помогла волшебница Медея. Обратный путь А. был долог и труден, но в конце концов им удалось достичь берегов Греции. Историческую основу мифа об А. составляют, по всей вероятности, морские плавания греков, прежде всего милетян, к

черноморским берегам. Поход А. - частый сюжет в произведениях античного и послеантичного искусства (рельеф в Дельфах; кратер с изображением А. середины V в. до н. э.; эпосы Аполлония Родосского и Валерия Флакка, драматическая трилогия «Золотое руно» Грильпарцера, опера Керубини).

АРЕС, греческий бог войны, сын Зевса и Геры. Как жестокий бог разрушительных войн А. был мало почитаем в народе. Его презирали даже остальные олимпийские боги, поэтому культ А. не получил большого распространения в Греции (в отличие от римского Марса, с которым он впоследствии отождествлялся). Существует миф о любви А. и Афродиты, которая родила сына Эрота. Культ А. - фракийского происхождения, берущий начало от бога войны эпохи бронзы, который под фракийским влиянием был микенизирован. Существование А. как божества в микенский период подтверждено.

АРТЕМИДА, греческая богиня, дочь Зевса и Лето, сестра-близнец Аполлона, родилась на Делосе. В образе А. объединились представления о различных, также и догреческих божествах. Согласно мифу, А. являлась целомудренной боги-

ней-девой охоты и живой природы. К глубокой древности восходит культ А. как богини деревьев и растительности. К культовым животным А. - владычицы зверей относились главным образом лань и медведь, а божественную свиту составляли нимфы. Если брат А. Аполлон приравнивался к богу солнца, то она была богиней луны и часто отождествлялась с Селеной. Она почиталась как богиня девственной чистоты и целомудрия и как богиня растительности и плодородия. Например, на культовой статуе из Эфеса в М. Азии А. изображалась матерью-кормилицей со множеством сосцов. Кроме того, А. считалась покровительницей супружества и деторождения, к которой часто при родах взывали женщины. По этой причине А. иногда отождествлялась с Илафией. Как правило, А. изображалась в коротком хитоне, с колчаном за спиной и копьем в руке, часто в сопровождении лани и нимф. С ней отождествлялась римская Диана («А. Версальская», Лувр, римская копия с оригинала 2-й пол. IV в. до н. э.). Почитавшаяся и любимая в античные времена богиня изображалась почти всеми известными живописцами — в образе охотницы, во время купания, с Актеоном, нимфами и сатирами, причем имя богини варьировалось между А. и Дианой.

АСКЛЕПИЙ, греческий бог врачевания, сын Аполлона и Корониды, обучавшийся искусству исцеления у кентавра Хирона. Его сыновьями были Махаон и Подалирий. Узнав, что А. попытался оживлять умерших, Зевс умертвил А. молнией. В Эпидавре находился знаменитый храм А. Начиная с V в. до н. э. возникли другие святилища А., как, например в Косе, Пергаме и других местах. Вплоть до конца античных времен культ А. особенно почитался. А. изображали в облике бородатого, одетого в длинный плащ мужчины, опирающегося на посох, вокруг которого обвивается змея (отсюда изображение змеи в современной медицинской символике). А. посвящались многочисленные рельефы на святилищах (например в Афинах). Выразительная голова А. с о. Мелос находится в Британском музее. С А. отождествлялся римский бог врачевания Эскулап.

АТАЛАНТА, в греческой мифологии знаменитая аркадская красавица, охотница. А. принимала участие в охоте на калидонского вепря и получила от Мелеагра шкуру убитого зверя. Добивавшимся ее руки А. предлагала состязаться в беге и всех, кого обгоняла, пронзала копьем. Гиппомен хитростью одержал победу: во время

бега он бросил на землю три золотых яблока, поднимая их, А. отстала и проиграла состязание. На этот сюжет картина Рубенса, опера Генделя.

АТАМАНТ, сын Эола, мифический правитель Фив. Убил собственного сына от Ино Леарха.

АФИНА, также А. Паллада (дева), вечно девственная богиня (А. Парфенос с культовым храмом Парфеноном в Афинах), дочь Зевса. Согласно мифу, царь богов проглотил свою супругу океаниду Метиду, беременную А. Гефест расколол голову Зевса ударом молота, и на свет появилась Афина в полном снаряжении (изображение на восточном фронтоне Парфенона). Существует мнение, что А. как божество имеет догреческое происхождение. В частности, ее воинственный характер и снаряжение — шлем, копье, щит и эгида — заимствованы у богини войны и города эпохи бронзы, т. е. из той эпохи, к которой примыкал раннегреческий культ А. Победив в споре с Посейдоном, А. стала покровительницей афинского народа и даровала ему священное дерево — маслину (изображение на западном фронтоне Парфенона). Как А. Полиада она покровительствовала и другим городам (например Приене) и почиталась как богиня-победительни-

ца (например, в Пергаме). А. принимала участие в борьбе богов с гигантами и покровительствовала многим греческим героям (Диомеду, Одиссею, Гераклу). А. покровительствовала также развитию ремесел и охраняла их. Как богиня мудрости и разума А. покровительствовала наукам (статуя А. из Пергамской библиотеки). Она научила людей обуздывать коней и запрягать быков, строить и управлять колесницами (как опытная участница поединков колесниц). А. передала людям искусство строить корабли, научила женщин прясть и ткать, даровала жителям земли флейту, законы и учредила ареопаг. Функции, которые исполняла богиня, отражали общественный и социальный статус ее почитателей. Так, очевидно при Писистрате, она стала покровительницей Афин, ремесленников и отдельных ремесел. В период правления Перикла произошло ее превращение в богиню мира (например, статуя А. Лемнии). Ее культовыми животными были сова (отсюда прозвище «совоокая») и змея, а священным деревом — маслина. В Риме с А. отождествляли Минерву. Пергамский ренессанс образа А. в эллинизме явился выражением притязаний атталидов по отношению к классическому наследию (изобретение А. на фризе Пергамского алтаря). Об А.

- живописные полотна Боттичелли и Рубенса, комедия Г. Сакса «Паллада и Венера».

Б

БОГИНЯ-МАТЬ, неотъемлемый персонаж всех индоевропейских религий. В восточных религиях на первый план выступает социальный аспект (матриархат) ее функции (Иштар, Астарта, Анат, Исида). В греческой и римской религиях основной в культе Б.-м. (Афродита, Артемида, Деметра, Гея, Персефона, Теллус, Матер Матута, сирийская Дея Дия) была витальная функция (любовь, рождение, плодородие). Подчеркнуто оргинастические формы их культ стал принимать в более поздний период, когда в религиозных представлениях ведущее место заняли не богини, а царящие на небе боги.

Г

ГАДЕС, совр. исп. г. Кадис; др., основанная, возможно еще в 1100 г. до н. э. тирская колония. Располагалась на о-ве (в настоящее время слившемся с материком), недалеко от гибралтарского пролива и выхода в Атлантический океан. На другом из островов находился римский Г. Город был важнейшим центром атлантического судоходства и добычи серебра в Тартессе. До римского господства (2-я Пуническая война) Г. был полностью зависим от Карфагена. Опустошенный в поздней античности, снова приобрел значение лишь в VIII в. н. э. при господстве арабов. Г. - родина римского писателя Колумеллы.

ГЕКАТА, дочь титана Перса, божество карийского происхождения, чей культ распространился в Греции, особенно среди простого народа. В «Теогонии» Гесиода — богиня всеобъемлемой власти, готовая оказать помощь. Она считалась богиней колдунов и привидений, которые наводили ужас по ночам, скитались в сопровождении собак и призраков. Г. была признана богиней луны, держалась в местах погребений и на перекрестках;

стала отождествляться с Артемидой и богиней подземного царства Персефоной. Ей приносили в жертву еду и собак, ее атрибутами были факел, бич и змея.

ГЕКАТОМБА, в Древней Греции жертвоприношение, состоящее из ста быков, позже — всякое крупное жертвоприношение.

ГЕКАТЕЙ МИЛЕТСКИЙ, греческий логограф конца VI в. до н. э. Добротные материалы наблюдений, основательные познания, накопленные в продолжительных путешествиях, равно как и глубокие знания жизни чужеземных народов и их обычаев, позволили Г. М. создать исторические труды и приобрести компетентность в политической деятельности, особенно во время ионийского восстания, в котором Г. М. принимал участие как один из руководителей. Он написал «Кругосветные путешествия» (в которых изложена генеалогия благородных греческих родов). В своих исторических сочинениях Г. М. широко использовал мифы, легенды и сказки, часть из которых он переделал. Г. М. оказал влияние на Геродота (взаимосвязь географии, этнографии и истории). Г. М. писал на ионийском диалекте.

ГЕРА, верховная греческая богиня, царица бо-

гов (в древнеримской мифологии Юнона), дочь Кроноса и Геи, сестра Деметры, Аида, Гестии, Посейдона и Зевса, супруга Зевса. Детьми Зевса и Г. были Арес, Геба, Гефест и Илифия, иногда сыном Г. считался Тифон. Г. из-за ревности преследовала своих соперниц (например, Ио, Каллисто, Лето, Семелу) и их детей (Геракла). В споре, возбужденном Эридой из-за яблока, предназначенного прекраснейшей из богинь и решенном троянцем Парисом в пользу Афродиты, Г., как и Афина, была вынуждена уступить и стала противницей всех троянцев, например Энея. Иксион, пытавшийся соблазнить Г., был в наказание навечно привязан к вращающемуся колесу. Как богиня женщин Г. покровительствовала браку, как Илифия — роженицам. Ей была посвящена корова, сама Г. именовалась «волоокой», ее атрибутом был павлин. Изначально Г. была, вероятно, аргосской богиней, главными местами ее культа были Аргос (с утраченными хрисоэлефантинными статуями работы Поликлета) и о. Самос (Г. приписывалась статуя с посвятительной надписью Херамия). К числу знаменитейших произведений, считавшихся изображениями Г., причисляют Юнону Людовизи, колоссальную мраморную голову, получившую высокую оценку в XVIII–XIX вв.

(в последнее время она рассматривается как портрет времени ранней империи). В своих произведениях Г. изображали А. Корреджо, П. Рубенс, Д. Тьеполо, Н. Пуссен.

ГЕРАКЛ, любимейший герой греческих сказаний, сын Зевса и Алкмены, жены Амфитриона. Его братом-близнецом, сыном Амфитриона, был Ификл. Когда Гера захотела убить младенца Г., направив на него двух змей, Г. задушил их (изображение Г., душащего змей мраморная статуя Г., во Флоренции, Галерея Уффици). Одного из своих учителей, Лина, Г. убил (изображение на чаше работы Дуриса, Мюнхен). В победоносной борьбе против Эргина Г. освободил родной г. Фивы от уплаты дани, за что царь Креонт отдал ему в жены свою дочь Мегару. В насланном на него Герой припадке безумия Г. убивает Мегару и детей, которых она ему родила (трагедия Еврипида «Геракл»). За это на Г. было наложено наказание: он должен был совершить на службе у Эврисфея 12 тяжелых опасных деяний, за что ему было обещано бессмертие. Г. совершил свои подвиги: 1. Задушил неуязвимого немейского льва (Арголида) (амфора Эксекия, Берлин), с того времени он носил шкуру льва. 2. Убил лернейскую гидру. 3. Поймал быструю керинейскую лань (новоаттический рельеф,

Дрезден). 4. Уничтожил птиц-людоедов из болот Стимфалоса в Аркадии. 5. Поймал эриманфского вепря и доставил его живым к заползшему от страха в пифос Эврисфею. 6. Очистил конюшни Авгия. 7. Укротил огнедышащего критского быка. 8. Укротил пожирающих человечье мясо коней фракийца Диомеда. 9. Добыл пояс Ипполиты. 10. Прогнал скот Гериона (халкидская амфора в кабинете Медичи, Париж), во время этого похода воздвиг Геркулесовы столбы. 11. С помощью Атланта достал яблоко Гесперид. Двенадцатый подвиг был наиболее тяжелым. Г. спустился в подземный мир, одолел адского пса Цербера и привел его живым на поверхность земли (амфора Андокида, Париж). Г. совершил и другие подвиги: он победил Антея (кратер Евфрония в Лувре) и Бусириса (афинская пелика художника Пана), отвоевал у смерти жену Адмета Алкестиду (трагедия Еврипида «Алкестида»), убил орла, который пожирал печень Прометея. На пути в Колхиду Г. потерял своего любимца Гидла и не смог продолжить поездку с аргонавтами. Он освободил Гесиону, убил Кикна, сражался с кентаврами и участвовал в борьбе с гигантами. Его верным помощником и возничим был Иолай. Второй женой Г. была Деянира, которую он добыл в борьбе

с Ахелоем. После гибели Ифита Г. был поражен тяжелой болезнью. В Дельфах, где он насильно пытался получить совет, как искупить вину, и похитил треножник (изображение на фронтоне сокровищницы сифносцев в Дельфах), ему определили наказание: быть проданным в рабство к Омфале. Из победоносного похода против Эврита из Ойхалии (кратер Эврита, Лувр) Г. привел его прекрасную дочь Иолу пленницей к себе в дом. Из ревности Деянира послала Г. пропитанную отравленной кровью Несса одежду. Г. надел эту одежду и, мучимый страшной болью, был сожжен на огромном костре на горе Эта и вознесен в качестве бога на Олимп (Г. среди олимпийцев на амфоре Эксекия в Орвисто). На Олимпе Г. получил в жены Гебу. Г. считался в античности олицетворением силы, мужества и отваги, победителем, освободившим людей от страданий, поборником справедливости и доброты, избавителем от бед и спасителем.

ГЕРКУЛЕС, в римской мифологии бог и герой. Соответствует греческому Гераклу. Почитался во многих городах Италии; его культ был заимствован римлянами из Тускула (или Тибура), где Г. почитался как воинственный бог, «победитель», «непобедимый», и имел жрецов-салиев,

аналогичным римским салиям Марса. В Риме древнейший алтарь Г. находился у Бычьего рынка возле цирка; по преданию, он был поставлен Эвандром в память о посещении его Г, возвращавшимся из Испании со стадами Гериона (один из подвигов Геракла). Г. посоветовал подданным Эвандра отказаться от человеческих жертвоприношений и заменить их куклами, которых бросали в Тибр в праздник аргеев. С превращением культа Г. в государственный (сначала он обслуживался патрицианскими родами Пинариев и Потитиев) жертвы на алтаре стал приносить, по греческому ритуалу, городской претор. Хотя и здесь Г. имел эпитет «непобедимый», он почитался в основном как бог обогащения, купцы и полководцы жертвовали ему десятую часть прибыли и добычи, шедшую на угощение народа. Женщины из участия в культе Г. исключались. Культ Г. постепенно стал одним из самых распространенных в римском мире. В Галесе с ним был отождествлен Мелькарт, в Галлии — Огма и др. Вместе с тем усложнялся его образ и множились его функции. Так, он стал покровителем отдельных имений, сельского хозяйства. Как человек, ставший богом за свои заслуги, он рассматривался как залог надежды на бессмертие для любого

честного человека: покойный часто изображался с атрибутами Г. Плебеи и рабы почитали Г. как вечного труженика, помощника находящимся в нужде, мужественного и добродетельного героя. Для солдат Г. был богом победы, для аристократии — прообразом идеального царя, антиподом тирана, мудрецом, побеждавшим чудовищ (толковавшихся как пороки) силой разума и знаний, посредником между богами и людьми. Популярность Г. использовалась императорами (его изображали на монетах Антонинов и Северов, на монетах правителей Галльской империи, с ним отождествлял себя Коммод, сближал себя Максимиан, приняв имя Геркулий).

ГЕРМЕС, сын Зевса и Майи. Родился на Киллене в Аркадии. Г. посвящались вертикально поставленные камни, или гермы. Является одним из древнейших и многозначных богов. Как бог скотоводства покровительствовал животным, поэтому часто изображался с бараном на плечах (Криофор, ставший символом Доброго пастыря). Каменные глыбы использовались как дорожные вехи, и поэтому Г. считался богом-покровителем странников. Он изображался в дорожной шляпе и с крылатыми сандалиями. Как бог торговли и рынков, он защищал купцов. С ним, как

с богом счастья, связывали называемые его именем счастливые находки — гермайоны. Г. был быстрым юным вестником богов и выполнял посольские функции. В качестве герольда он носил жезл. Этот жезл (кадуцей) являлся волшебным и служил Г. и для усыпления (например Аргуса), поэтому Г. почитался также как хитрый бог воров и обманщиков, который учил своего сына Автолика воровству. Сам Г. в младенчестве с помощью хитрости похитил коров Аполлона, причем Аполлон оставил их ему за лиру, изготовленную Гермесом из черепахового панциря (отражено в гомеровском гимне «Гермес» и в сатирической пьесе Софокла «Следопыты»). Всегда находящий выход из любого положения, Г. считался богом красноречия и мышления и в качестве такового — богом-покровителем школ и палестр. В качестве проводника душ Г. провожал умерших в преисподнюю. Г. был отцом Пана и Гермафродита. Ему соответствовал римский Меркурий.

ГЕРОДОТ (между 490 и 480 — ок. 425 гг. до н. э.), древнегреческий историк, «отец истории». Автор сочинений о греко-персидских войнах, истории государства Ахеминидов, Египта и др.; дал первое описание жизни и быта скифов.

ГЕСИОД (VIII–VII вв. до н. э.), первый известный по имени древнегреческий поэт. В дидактической эпической поэме «Труды и дни» Г. славит крестьянский труд, грозит притеснителям крестьян гневом богов; включает житейские наставления, поучительные мифы, в том числе о Прометее, поэма «Теогония» (т. е. родословная богов) рационалистически систематизирует древнегреческие мифы. Г. противопоставляет свою поэзию героическому эпосу как трезвую «правду» красивой «лжи».

ГЕФЕСТ, греческий бог огня и кузнечного ремесла, покровитель кузнецов и ремесленников, изначально негреческого происхождения (М. Азия — Кария, Ликия), в М. Азии и особенно на о. Лемнос существовал культ земного огня. Г. был сыном Зевса и Геры (или одной Геры). Изображался широкоплечим и хромым. Согласно одной версии, Зевс швырнул Г. с Олимпа за то, что он заступился за Геру во время ее спора с Зевсом. Упав с Олимпа, Г. обрушился на Лемнос. Согласно другой версии, Гера после родов бросила Г. с Олимпа, т. к. он был калекой. Как мастер кузнечного ремесла, Г. единственный из всех античных богов изображался работающим в своей мастерской — он изготавливал со своими подмастерьями, цикло-

пами, оружие и украшения для богов, создал по воле Зевса Пандору. В качестве искуснейшего бога Г. был супругом Афродиты. Она обманывала его с Аресом. В Афинах ремесленники наряду с Афиной почитали также и Г. как своего защитника и покровителя. Т. н. Тесейон был, вероятно, его храмом. Г. в своей мастерской — излюбленный сюжет живописи — полотна П. Рубенса, Р. Веласкеса, А. Ван Дейка, Д. Тьеполо.

ГЕЯ, греческая богиня животворящей земли, производительница и носительницы всех живых существ, праматерь и прабожество, в котором объединились все догреческие и архаические греческие представления. Г. произвела на свет Небо, Море и горы. Будучи супругой Урана, она родила титанов, циклопов и гекатонхейров. По наущению Г. ее сын Крон оскопил Урана, из капель крови которого родились эринии и гиганты. В Греции повсеместно существовал культ Г., по-видимому, ей первоначально принадлежал оракул в Дельфах. В древнеримской мифологии Г. соответствовала Теллус. Картины А. Фейербаха.

ГИЛАС, в греческих легендах любимец Геракла, взявшего его с собой в путешествие аргонавтов. Когда Г. при остановке в Киосе в Вифинии пошел

за водой, его похитили нимфы источника. Из-за поисков Г. Геракл опоздал к отплытию корабля аргонавтов. Г. предположительно был первоначально богом растительности.

ГИЛЛ, в греческой мифологии сын Геракла и Деяниры (варианты: лидийской царевны Омфалы или нимфы Мелиссы). Умирая, Геракл обручил Г. с дочерью эхалийского царя Иолой. Г. стал предводителем Гераклидов (многочисленных потомков Геракла), когда они вторглись на Пелопоннес, чтобы вернуть царство отца. Спустя три года во время нового похода Гераклидов в Пелопоннес Г. погиб в поединке с аркадским царем.

ГИПЕРБОРЕЙ, возможно, живущий по ту сторону северного ветра (Борея) легендарный народ, пребывающий в вечном блаженстве на Крайнем Севере. Согласно греческим поверьям, Аполлон Дельфийский на зиму останавливался у них. Г. приносили жертвенные дары в его святилище на Делосе.

ГИПСИПИЛА, в греческих сказаниях дочь царя Фоанта на о. Лемнос. Когда женщины этого острова, сговорившись, убили всех мужчин, Г. спасла своего отца. Она стала царицей женского государства. Когда на остров прибыли аргонавты,

вступила в связь с Ясоном и родила сына (или близнецов). После того как аргонавты покинули остров, продолжая свое путешествие, стало известно о спасении Фоаса, и Г. была вынуждена покинуть остров. В качестве рабыни они попала к Ликургу из Немеи и стала кормилицей его сына Офельта. Драма Еврипида, оперы Глюка и Скарлатти.

ГЛАВК, один из морских богов, которому приписывался дар прорицателя. Первоначально — рыбак из Анфелона в Беотии. Выпив зелья из колдовской травы, он упал в море. Г. изображался как старец с рыбьим хвостом.

ГОРГОНЫ, чудовища, дочери Форкиса и Кето: Сфено, Эвриала и Медуза. Первые две — нестареющие и бессмертные. Г. обитали по ту сторону Океана на крайнем Западе. Всякий, кто встречал страшным взгляд Г., превращался в камень. У Г. были карикатурно искаженные черты, змеи в волосах; они издавали устрашающий рев.

ГРЕЧЕСКИЕ ПРАЗДНИКИ были очень разнообразны не только в силу местных различий, они сильно отличались в зависимости от того, в честь какого бога совершались. Большинство совершалось в честь главных богов, прежде всего — Зевса

(он занимал первое место в праздновании Олимпийских игр). Некоторые достигли всеобщего и в высшей степени важного значения для всей культуры — это большие игры: Олимпийские, пифийские, истмийские и немейские.

Д

ДАНАИДЫ, в греческих сказаниях 50 дочерей Даная из Египта. Когда Д. должны были против своей воли и желания отца выйти замуж за 50 сыновей своего дяди Египта, вместе со своим отцом они бежали в Аргос, на родину своей прародительницы Ио. Данай в союзе с царем Пеласгом из Аргоса оказал сопротивление преследовавшим их сыновьям Египта. Потерпев поражение, посоветовал дочерям, противившимся неизбежному брачному союзу, убить своих мужей в брачную ночь. Кроме Гиперместры, все остальные дочери последовали этому совету. Позднее они или вышли замуж за победителей соревнований, или оставались в безбрачии, а в преисподней в наказание за убийство должны были носить воду в бездонный сосуд (отсюда «работа данаид» — бессмысленная работа). Трагедия Эсхила «Умоляющие о защите», скульптуры Родена.

ДЕВКАЛИОН, в греческих сказаниях благочестивый сын Прометея, родоначальника эллинов. От всемирного потопа, покаравшего людей, спасся лишь Д. со своей женой Пиррой на корабле

(ковчеге). После высадки на Парнасе по указанию богини Фемиды или Зевса оба бросили позади себя «останки Великой матери», т. е. камни. Из камней, брошенных Д., возникли мужчины, а из камней Пирры — женщины. Легенда о Девкалионовом потопе (напр., шумерский эпос о Гильгамеше, Ветхий завет). Она связана с учением о веках, которое повествует об уничтожении человечества при потопе.

ДЕДАЛ, мифический искусный художник и строитель из Аттики. Бежал к царю Миносу на Крит и построил ему Лабиринт, где поселился Минотавр. Изготовил деревянную корову для Пасифаи. Из-за этого, а также потому, что подсказал Ариадне уловку с клубком ниток, чтобы выйти из Лабиринта, Д. был заключен под стражу Миносом. С помощью крыльев, изготовленных из перьев и воска, Д. удалось бежать вместе с сыном Икаром в Сицилию к царю Кокалу. Д. считается крупным скульптором, который впервые закрепил каноническую позу скульптур. Раннеархаическая пластика (VII в. до н. э.) называется дедалической.

ДЕЛЬФЫ имели выдающееся значение для всего духовного развития греков. Прежде там давала

прорицания Гея, потом Фемида, но после убиения дракона Пифона этим местом завладел Аполлон. Мистическое вдохновение приходило к Пифии. Дельфийский оракул был главной духовной силой Греции, основой греческого единства. В зависимости от дельфийского оракула находилось очень многое: календарь, постройка дорог, дорийская архитектура, правила житейской мудрости. Чужеземные цари также посылали подарки в Дельфы и получали оттуда прорицания.

ДЕЯНИРА, дочь мифического царя Ойнея из Каледона. Геракл женился на ней после борьбы с Ахелоем. Позже Д. неумышленно погубила Геракла отравленным платьем Несса и покончила с собой.

ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, историк эпохи эллинизма, автор 40 книг по всемирной истории («Историческая библиотека»), из которых 1-5-я и 11- 20-я книги сохранились полностью. Его украшенное анекдотами, хронологически не всегда точное, но интересное изложение ранней истории до времени Цезаря (включая историю Египта, Ассирии, Индии, Мидии, островов Западного и Восточного Средиземноморья) было очень популярным, оно служит гл. источником сведений о

сицилийском восстании рабов во II в. до н. э.

ДИОМЕД, греческий герой, участник Троянской войны, сын Тидея (потому также назывался Тидид), царь Аргоса. Д. прославился подвигами, некоторые из них совершил вместе с Одиссеем (поимка Долона, убийство Геса и похищение его коней, захват палладия). Культ Д. известен в Аргосе, а также в Южной Италии.

ДИОСКУРЫ (греч. сыновья Зевса), близнецы, сыновья Леды, отцом которых был либо Зевс, либо супруг Леды Тиндарей (отсюда — Тиндариды); по другой версии, один из братьев, Полидевк (лат. Поллукс), был сыном Зевса, а другой, Кастор, был сыном Тиндарея и потому смертен. Кастор славился как укротитель коней, а Полидевк — как испытанный кулачный боец (например, бой Полидевка с Амиком). Д. освободили свою сестру Елену, похищенную Тессеем, и увезли с собой в качестве пленницы мать Тессея Эфру. Они участвовали в походе аргонавтов и в калидонской охоте. При похищении дочерей Левкиппа Хилаиры и Фойбы, с которыми были обручены мессинские Афареиды Илас и Линкей, Д. вступили в поединок с последними. После того как Кастор был убит Идасом (а Полидевк убил

Линкея), с позволения Зевса неразлучные братья стали жить попеременно то в подземном мире, то на Олимпе. Д. почитались особенно в Спарте. Они считались покровителями в битве (на стороне локрийцев при Саграсе в VI в. до н. э., на стороне римлян при Регильском озере в нач. V в. до н. э.), чтились как покровители моряков и спасители при кораблекрушениях, им приписывались «огни св. Эльма» на верхушках мачт кораблей. Д. были перенесены в качестве звезд-близнецов на небо, изображались в остроконечных войлочных шляпах и с конями. К наиболее представительным скульптурам принадлежат Д. из Монте-Ковалло в Риме (предположительно позднеримское произведение).

ДОДОНА, знаменитейший после дельфийского религиозный центр, где находился Додонский оракул при храме Зевса в Эпире. Как и в Дельфах, святилище обслуживали женщины-жрицы, которые прорицали по шелесту священного дуба Зевса. Был одним из центров духовной жизни Древней Греции. При раскопках обнаружено много бронзовых священных даров (самый ранний датирован 660 г. до н. э.). Некоторые экземпляры относятся даже к эпохе Римской империи. Кроме того, найдено ок. 100 вопросов оракулу (часть из

них с ответами) на свинцовых табличках.

ДРИАДЫ, нимфы, живущие на деревьях. Согласно поверьям, умирали с гибелью дерева.

ДРИОПА, в греческой мифологии дочь Дриопа. По аркадской версии мифа, возлюбленная Гермеса, от которого родила Пана. Ребенок был покрыт волосами, с рогами и козьими копытами. Испуганная его видом, Д. бросила сына, но Гермес отнес его на Олимп, где он всем понравился и получил имя Пан. Согласно фессалийской версии мифа, Д. стала возлюбленной Аполлона, овладевшего ею силой. В наказание за то, что она обрывала цветы лотоса — растения, в которое была превращена одна из нимф-гамадриад, саму Д. превратили в дерево.

Е

ЕВРИПИД (ок. 480–406 г. до н. э.), древнегреческий поэт-драматург, младший из трех великих афинских трагиков (Эсхил, Софокл). Творчество Е., сложившееся в годы кризиса афинской демократии, отличается резко критическим отношением к религиозно-мифологическим, этическим и другим традиционным нормам (в том числе суровому или «непродуманному» вмешательству богов в человеческую судьбу).

ЕВРОПА, в греческих легендах дочь финикийского царя Агенора и Телефассы. Зевс, превратившись в ручного белого быка, увез на себе игравшую на берегу Е. через море на Крит. Там Е. родила Миноса, Радаманта и Сарпедона. В античности похищение Е. было излюбленной темой вазовой и настенной живописи, в новое время часто изображалось на картинах (Тинторетто, Веронезе, Тициан, Рембрандт, Тьеполо).

ЕЛЕНА, в греческих сказаниях прекраснейшая из женщин, дочь Зевса и Леды, сестра Диоскуров и Клитемнестры. Тесей и Пирифой похитили Е. и увезли в Аттику, но Диоскуры освободили ее. По

совету Одиссея, который тоже сватался к Елене, многочисленные женихи поклялись признать ее выбор и всегда защищать ее. Е. обручилась с Менелаем и родила Гермиону. В споре трех богинь за яблоко Эриды Е. была обещана Афродитой Парису и увезена им в Трою. Верные своей клятве, все греческие цари и герои участвовали в Троянской войне, чтобы вернуть Е. После гибели Париса Е. стала супругой Деифоба. После падения Трои она возвратилась домой в Спарту Е. воздавались божественные почести, по некоторым предположениям она считалась минойской богиней произрастания. Другая версия сказания о Е. изложена Стесихором (ее позднее придерживался Еврипид). По этой версии Парис увез с собой в Трою лишь тень Е., в то время как настоящая Е. после падения Трои была привезена Менелаем домой из Египта.

Ж

ЖРЕЦ. В античности, как и во многих других обществах, отец семейства исполнял функции священника. Лишь только в ходе разделения функций в развивающемся обществе институт жречества стал необходимым. Ж. знал литургические нормы, обряды, календари, руководил обрядами, жертвоприношениями. Ж. подчинялся царям или магистратам полисов. Жречество получали путем наследования или по выбору (свободному, через оракула), при случае — покупкой доходной жреческой должности, причем при женских божествах существовали женские жреческие должности. В ранний период особой жреческой одежды не было, как это стало в поздней античности с введением особой прически, обряда жреческого посвящения или помазания на жречество и безбрачия. Римская религиозная система ставила Ж. в положение посредника между богом и человеком. Такое положение приняла и христианская церковь. Во главе римского жречества стоял император, являющийся Великим понтификом. Затем следовали Ж. отдельных божеств, каждый в своих одеждах и со своей

символикой, ниже стояли жреческие корпорации местных культов и обычаев. Древнейшими греческими коллегиями, о которых ко времени Империи часто уже не знали, каким богам они служат, были арвальские братья, авгуры, фециалы, гарусники, луперки, понтифики, салийские братья, весталки. В принципе каждый здоровый человек мог быть Ж., но жреческие должности замещались в основном патрициями.

З

ЗАГРЕЙ, сын Зевса и Персефоны, орфическое божество, возможно, другой бог плодородия. Зевс, согласно мифу, хотел передать ему власть над миром. Но Гера из ревности приказала титанам умертвить младенца. Они растерзали его на куски и пожрали их. Афине удалось спасти только сердце, которое Зевс проглотил и произвел от Семелы нового Загрея.

И

ИДАС, в греческой мифологии могучий сын Афарея, брат-близнец Линкея; оба они имели прозвище Афрадиты («сыны Афарея»). Братья приняли участие в походе аргонавтов и в Калидонской охоте, боролись против Диоскуров. И. убил Кастора и был поражен молнией Зевса.

ИКСИОН, мифический царь лапифов. Зевс наделил его бессмертием и допустил к трапезе богов. Когда И. попытался соблазнить Геру, Зевс создал облачный призрак Геры — Нефелу (греч. облако). От Нефелы и И. родился Кентавр и произошли кентавры. В наказание за нечестие И. в Тартаре привязан к вечно вращающемуся огненному колесу. Помпейские фрески, живопись Рубенса.

ИРИДА (греч. радуга), в греческой мифологии быстрая, крылатая вестница богов, прислужница Геры, сходящая на Землю по радуге. Позднее в функции вестника была вытеснена Гермесом.

ИСИДА (егип., греч.), египетское божество материнства, изображавшееся в человеческом облике, в древнейшее время — почти всегда с иероглифом

ее имени — тронообразным венцом — на голове, в эллиническую эпоху чаще с коровьими рогами и лунным диском. В мифах об Осирисе И. - сестра и супруга Осириса, пытавшаяся спасти и защитить от Сета его тело. После воскресения Осириса И. зачала от него Гора. Она связана со многими богинями, восприняла от иконографии Хатхор коровьи рога и солнечный диск. В последние столетия до н. э. центром ее культа были Филы в Египте. Популярность этой богини, управлявшей человеческой судьбой, была так велика, что она почиталась и за пределами Египта, по всей Римской империи. При этом, однако, у нее появляется столько новых черт, что эллинистическая И. почти ничего общего не имеет с древнеегипетской. Она воспринимает черты Тихе (богини случая), Деметры и Гекаты и сливается с Кибелой. С IV в. до н. э. появляются мистический культ И., позднее описанный Апулеем. Ее культ объединяется с культом Сараписа. В Риме общины ее почитателей вначале преследовались; Калигула первым воздвиг ей храм под именем И. Кампейской.

ИФИГЕНИЯ, в греческой мифологии дочь Агамемнона и Клитемнестры, сестра Хрисофемиды, Электры и Ореста. Так как ее отец убил священную лань Артемиды, богиня не позволяла

греческому флоту отплыть из Авлиды в Трою. Прорицатель Калхас объявил, что И. должна быть принесена в жертву во искупление проступка отца. И. была приведена в Авлиду под предлогом ее брака с Ахиллом. Во время жертвоприношения Артемида заменила ее ланью и перенесла И. в Тавриду, где та стала жрицей богини. В Тавриде И. должна была, по обычаю варваров, приносить в жертву Артемиде всех чужестранцев. Брат И. Орест и его друг Пилад, собиравшиеся похитить статую Артемиды, должны были погибнуть таким же образом, но И. бежала вместе с ними в Грецию.

К

КАБИРЫ, в древнегреческой религии хтонич. божества, вероятно, малоазийского происхождения, особенно почитавшиеся на о. Самофракия: божества плодородия и покровители мореплавателей. В связи с вопросом о количестве К. иногда упоминалось число четыре. К числу наиболее известных мест культового поклонения К. относится святилище на о. Самофракия, в эллинистическую эпоху ставшее центром совершения мистериальных действий наряду с Элевсином (в этом культе К. именовали «Великими богами»), а также храм К. подле Фив, на о. Имброс и на о. Лесбос. В фиванском храме К. и в захоронениях, находящихся неподалеку от Фив, найдены вазы черно-фигурного стиля оригинально расписанные сцены из мифов и бытовые сцены представлены здесь в комическом духе.

КАЛЛИСТО, в греческой мифологии нимфа, спутница Артемиды, соблазненная Зевсом. Увидев однажды во время купания, что К. беременна, Артемида (вариант — ревнивая Гера) превратила ее в медведицу. По другой версии, Артемида за-

стрелила К. из лука. Зевс превратил ее в созвездие Большой Медведицы. Сын. К., Аркад, — прародитель аркадии. В живописи К. изображается преимущественно вместе с Артемидой (Дианой) (Картины Тициана, Рубенса, Тьеполо, Тишбейна Старшего).

КИКОНЫ, фракийский народ, фигурирующий в греческих преданиях. К ним раньше всего прибыл Одиссей на обратном пути из-под Трои; он разграбил их город Исмар, а К. напали на корабли Одиссея и его спутников, так что с каждого корабля Одиссей потерял по 6 гребцов.

КИРЕНА, в греческой мифологии фессалийская нимфа, дочь царя лапифов Гипсея, правнучка Океана. К, — обитательница лесов, охранительница стад, бесстрашная охотница, в которую влюбился Аполлон и увез ее в Ливию, где К. родила Аристея. К. считалась основательницей одноименного города в Ливии. История любви Аполлона и К., приход бога к кентавру Хирону за советом, а также пророчество кентавра о счастливом будущем К. и ее потомства рассказаны Пиндаром.

КНОСС, др. поселение на о. Крит с обширными дворцовыми постройками средне- и позднеми-

нойского периода (строительство проходило в несколько этапов с XX по XVI в. до н. э.); находится в северной части Крита неподалеку от Ираклиона (прежнее название). Благодаря инициативе английского археолога А. Эванса К. с 1900 стал центром археологических исследований минойской культуры. Центральная часть дворца занимает прямоугольный двор; к нему постепенно пристраивались дворцовые помещения (жилые комнаты, помещения для церемоний, склады), так что дворец в целом имеет в плане прямоугольную форму. Это сложное сооружений, напоминающее соты, освещалось через окна, балконы и веранды; внутри свет распространялся через лестничные клетки и световые шахты. На северо-западе к зданию примыкала внушительная театральная лестница. О высоком уровне цивилизации свидетельствуют комфортабельные ванные комнаты и уборные (с системой канализации). Сохранились значительные остатки стенной росписи позднеминойского периода. Сложная система переходов и коридоров, соединявших многочисленные большие и маленькие помещения этой царской резиденции, нашла отражение в мифе о лабиринте. Согласно новым исследованиям (в т. ч. исследованиям

Х.-Г. Вундерлиха), устройство Кносского дворца свидетельствует о том, что он играл какую-то роль в культе предков, однако это пока только гипотеза.

КОЛХИДА, область по берегам реки Фасис (ныне Риони), богатая деревом, смолой, льном, коноплей и воском; историческое название современной Западной Грузии. После того как ионийцы (милетцы) колонизовали черноморское побережье (VI в. до н. э.), К. отождествили со сказочной страной Эей, куда держали путь аргонавты; тогда же К. включились в систему торговых отношений в торговые отношения античного мира были втянуты кавказские племена, разговаривающие ныне на 70 языках и 300 наречиях. Еще в римскую эпоху для ведения торговли с ними требовало 130 переводчиков. Особым спросом пользовались превосходные льняные материи, которые ткали жители гор.

КОРИНФ, крупный дорийский торговый город на Истме с гаванями в Сароническом и Коринфском заливе (Лехеи и Кенхреи). Уже в VIII–VII в. до н. э. в К. процветала торговля и ремесла, и в первую очередь производство и экспорт керамики и изделий из бронзы. Коринфяне вывели ряд

колоний — Сиракузы, Керкиру, Потидею. В 657 г. до н. э. Кипсел сверг власть родовой знати (в. К. тогда правил род Бакхиадов) и утвердил тиранию. Его преемником стал сын Периандр (627–583 г. до н. э.). В это время К. достигает успехов в области внешней политики и высокого уровня благосостояния; в 582 г. до н. э. были учреждены Истмийские игры. В 456 К. выступил в поддержку Афин против Эгины. Позднее торговое соперничество К. и Афин обострилось и в конечном счете явилось одной из основных причин Пелопонесской войны (431–404 г. до н. э.). В Коринфской войне 395–387 К. в союзе с Афинами, Беотией и Аргосом выступил против Спарты, которая в это время фактически властвовала над Грецией. В 337 К. был центром Коринфского союза, гегемоном которого был объявлен Филипп Македонский. В 243 К. вступил в Ахейский союз, а в 146 был полностью разрушен войском Луция Муммия. В 44 г. до н. э. К. был восстановлен, однако уже в качестве римской колонии. С 27 г. до н. э. он стал главным городом провинции Ахайя. В К. возникла одна из первых христианских общин, основанная апостолом Павлом. Древние постройки К. пострадали при разрушении города римлянами в 146 г. до н. э.; сохранилась значительная часть дорий-

ского храма Аполлона (середина VI в. до н. э.), а также развалины многих сооружений римского времени. В ходе раскопок, проведенных американскими археологами в недавнее время, были обнаружены развалины святилища Посейдона и стадион, где проводились Истмийские игры.

КРОМЛЕХ, один из видов металлических памятников, сооружение эпохи неолита и бронзового века в виде круглой ограды из громадных каменных плит и столбов; имели культовое назначение.

КРОНОС, Крон, самый младший, самый сильный сын Урана и Геи, титан; низверг Урана. Его дети — Гестия, Деметра, Гера, Аид, Посейдон и Зевс. К. заглатывал своих детей, как только Гея производила их на свет, желая сохранить свою власть над миром. Последним родился Зевс, но Гея отдала К. вместо него камень, завернутый в пеленки. Позже Зевс победил К. и, низвергнув его в Тартар, стал властвовать вместо него. Правление К. считалось счастливейшим временем, «золотым веком». Существует версия мифа, согласно котором К. стал править на Островах Блаженных. Римляне отождествляли К. с Сатурном. В греческих культах К. играл небольшую

роль, он считался добрым божеством урожая, атрибутом его был серп. В честь К. справлялись Кронии — веселый праздник урожая. Пожирание К. своих детей — излюбленный сюжет живописи (Рубенс, Гойя).

Л

ЛАОМЕДОНТ, царь Трои, сын Ила, отец Гесионы, Приама и Титона. Аполлон и Посейдон воздвигли вокруг его города стены. За отказ Л. внести положенную плату Аполлон наслал на его владения чуму, а Посейдон — мор, чудовище, которому должны были принести в жертву Гесиону.

ЛОТОФАГИ (греч. пожиратели лотоса), в греческой мифологии мирное племя, питающееся сладко-медяным лотосом. Легенда гласит, что люди, отведав его, обо всем забывают. Этот народ обитал в Ливии (Сирты). Когда корабли возвращающегося в родные края Одиссея прибило к этим землям, посланные им разведчики отведали предложенных Л. лотов и потеряли желание возвращаться назад. Одиссею силой пришлось вернуть их на корабль.

ЛУНА. Римская богиня Луна отождествлялась с греческой Селеной; ее храмы стояли на Палатинском и Авентинском холмах. Картины Л. Тинторетто.

М

МАРПЕССА, в греческой мифологии дочь Эвена, которую во время сватовства Аполлона похитил Идас и увез на подаренной ему Посейдоном крылатой колеснице. Бросившийся в погоню отец М. не мог догнать беглецов. В отчаянии Эвен заколол своих коней и бросился в реку, которая стала называться его именем. Аполлон настиг Идаса в Мессене, и тот осмелился вступить в схватку с богом. Зевс разнял сражающихся и предложил М. самой выбрать себе мужа. М., опасаясь, что Аполлон бросит ее, когда она состарится, избрала Идаса, от него она родила Клеопатру — жену Мелеагра.

МАРСИЙ, в греческой мифологии фригийский сатир или силен; когда Афина бросила флейту, потому что при игре у нее искажалось лицо, М. подобрал музыкальный инструмент и достиг величайшего мастерства. Аполлон, которого М. вызвал на состязание, победил его и ободрал с него живого кожу. Его кровь (или пролитые по нему слезы) превратились в одноименный поток (статуи Мирона и Микеланджело). Наказание

М. отображено в живописи (Тинторетто, Рубенс, Тьеполо).

МАРЦИАЛ Марк Валерий (род. ок. 40 г. в Бильбилисе, Испании, ум. ок. 102), классик римской эпиграммы; вошел в сословие всадников и с 64 жил в Риме, где имел дом и виллу, был на положении клиента получал материальную поддержку от друзей и покровителей (среди них Сенека Младший и Лукан). В 98 вернулся в Бильбилис, поскольку не смог снискать расположения императоров Нерона и Траяна. М. написал 15 книг эпиграмм, среди них «Зрелища», посвященные открытию Колизея в Риме, а также «Гостиницы» (книга 13-я) и «Подарки» (книга 14-я). Эпиграммы М. отличались тонким юмором, совершенством языка, отточенностью слога, большой фантазией, меткостью и блистательной игрой слов. В них он беспощадно клеймит человеческие слабости, глупость, лицемерие, скупость, расточительство, моральную распущенность, физические недостатки и падение нравов знати Римской империи, в первую очередь ее столицы. Он едко высмеивает целые социальные группы (философов, юристов, артистов, врачей, грамматиков, брадобреев), нуворишей, паразитические элементы и бросающиеся в глаза, но не самые ти-

пичные явления римского общества, жизни. При этом М. сохраняет чувство такта и не называет подлинных имен своих персонажей. Напротив, в некоторых своих стихах, посвященных какому-либо событию или носящих откровенно хвалебный характер, он называет имена императоров и других своих покровителей. Восхваление Домициана обусловлено конкретной исторической ситуацией и зависимым положением. Но у поэта есть также строки, проникнутые добрыми чувствами и идущими от самого сердца. М. писал дактилем, ямбом, гендекасиллабом и холиямбом. М. при жизни снискал славу во всех частях Римской империи, был популярен на протяжении всей эпохи поздней античности. Начиная с эпохи Возрождения его творчество оказало значительное влияние на литературную эпиграмму.

МЕДЕЯ, в греческой мифологии дочь царя Колхиды Ээта, наделенная даром волшебства. Полюбив Ясона, она с помощью волшебного зелья помогла ему овладеть золотым руном и выдержать испытания, которым подверг его Ээт. Она усыпила дракона, охранявшего руно. После похищения М. бежала с Ясоном и аргонавтами. Чтобы задержать преследовавшего их отца, убила своего брата Апсирта и разбросала куски его тела.

По пути на родину аргонавтов сочеталась браком с Ясоном. После подстроенной ею гибели узурпатора царского престола в Иолке Пелия оказалась вместе с Ясоном в Коринфе. Там Ясон задумал жениться на дочери коринфского царя Креонта Главке (вариант: Креусе). Из мести М. погубила ее, Креонта, рожденных ею от Ясона детей и улетела на запряженной драконами колеснице к Эгею в Афины. Начиная с античной эпохи миф о М. стал одним из излюбленных сюжетов живописи (картины Э. Делакруа и Фейербаха), скульптуры (саркофаг с изображением сцен с Медеей). Сюжет М. нашел отражение также в творчестве Аполлония Родосского и Валерия Флакка. Особое значение миф имел для драматургии. Созданный Еврипидом образ стал исходным для всех драм о М. (Сенека, Корнель, Грильпарцер, Ануй), хотя трактовка его была неоднозначной (убийца детей; отвергнутая женщина, желающая отомстить сопернице).

МЕЛИКЕРТ, сын мифического фиванского царя Атаманта и Ино; вместе с М. его мать, спасаясь от обезумевшего мужа, бросилась в море. М. превратился в божественного покровителя моряков по имени Пелемон.

МИКЕНЫ, крепость и город в северной части Арголицы (Пелопоннес), во 2-й пол. второго тысячелетия до н. э. один из центров культуры, получившей название микенской; примерно в 12 г. до н. э. разрушены во время дорийского переселения. Сохранились развалины дворца на холме (с мегароном) и крепостные сооружения с Львиными воротами, воздвигнутые в XIV–XIII вв. до н. э., а также древние шахтовые гробницы, расположенные внутри акрополя и за его пределами; на подступах к холму найдены значительное количество купольных гробниц (наиболее примечательная т. н. Сокровищница Атрея) и камерных гробниц, а также дома ремесленников. Первые раскопки в 1876 г. произвел Г. Шлиман, который обнаружил в шахтовых гробницах золотые изделия и тем самым подтвердил славу «златообильных М.». В начале 50-х гг. XIX в. открыты новые гробницы и дома; особый интерес представляют найденные в 1952 г. глиняные таблички с надписями линейным письмом. Рост могущества М. нашел отражение в греческой мифологии. Начиная с первых литературных памятников (Гомер), действие многих легенд и мифов разыгрывается или в Арголиде, или прямо в самих М. (Акрисий — Персей — Эврисфей; Атрей

— Агамемнон).

МИМНЕРМ, Колофонский, греческий элегический поэт (род. ок. 600 г. до н. э.), по имени своей возлюбленной-флейтистки назвал сборник элегий «Нанно». Их основная тема — размышления о том, как уходит светлая пора юности, унося с собой счастье и любовь, а на смену ей приходит старость с болезнями и заботами. У последующих поколений М. снискал репутацию зачинателя эротической поэзии; от его стихотворений (некоторые на политическую тему) сохранились только фрагменты. М оказал влияние на эллинистическую и римскую элегию.

МИНИЙЦЫ, древнегреческое племя, во втором тысячелетии до н. э. владевшее г. Орхомен (Беотия); с домикенской и микенской эпох до нас дошли памятники их высокой культуры. Следуя Гомеру, греческая мифология отождествляла их с аргонавтами.

МИНОС, в греческой мифологии могущественный, справедливый царь Крита и прилегающих островов; жил до Троянской войны, сын Зевса и Европы супруг Пасифаи, отец Ариадны и Федры; выдающийся законодатель, приказал Дедалу построить лабиринт для Минотавра. Находившиеся

от него в зависимости афиняне должны были ежегодно в качестве дани присылать на съедение Минотавру семерых юношей и девушек, до тех пор пока Тесей не избавил их от этого. В Аиде М. вместе с братьями Радамантом и Эаком стал вершить правосудие. В мифе о М., по имени которого древняя критская культура была названа минойской, отразилось усилие критской гегемонии в Эгейском море, а также, видимо, зависимое положение Афин.

МИТРА (перс. договор), божество, воплотившее идею верности и закона, культ которого получил широкое распространение в Древнем Иране среди воинов. Его образ восходит к главному богу Митре, считавшемуся прототипом правившего справедливо и законно древнеиранского царя. В результате реформы Заратустры М. потерял свое место рядом с Ахумараздой, но по мере усиления влияния синкретич. греческой философии постепенно вернул свое значение. В Римском империи М. посвящали мистерии. Его поклонниками считались императоры Нерон и Коммол. Культ М. получил широкое распространение во всей Римской империи. М. рассматривался как символ силы и мужества (убил быка — первое существо, созданном Ормуздом и считавшееся олицетворе-

нием зла). Заимствование гностических идей и влияние иранской традиции повлекло за собой придание ему также статуса божества солнца, охранявшего закон, истину и требовавшего аскетизма и строгих моральных принципов. Поэтому в Риме в 307 его торжественно объявили. Его днем рождения считалось 25 декабря. В борьбе с митраизмом, включавшим в себя такие элементы, как легенда о народившемся боге, причащение и веру в вознесение М. на небо, христианская церковь объявила день рождения этого божества днем рождения Христова. Подобно проповедникам всех остальных гностических религий, основывающихся на искупительной жертве своего божества, жрецы культа М. также сулили мистам воскресение и бессмертие души.

МОРРИС УИЛЬЯМ (1834–1896), английский художник, писатель, теоретик искусства. Литературное творчество отмечено романтической стилизацией (поэма «Земной рай»), идеи утопического социализма выражены в романе «Вести ниоткуда, или эпоха счастья».

Н

НЕСС, кентавр, пытался овладеть супругой Геракла Деянирой, за что Геракл убил его стрелой, отравленной желчью лернейской гидры. Умирая, Н. решил отомстить Гераклу и посоветовал Деянире собрать его кровь, т. к. она будто бы поможет вернуть любовь Геракла. Позднее Деянира, узнав, что Геракл собирается жениться на Иоле, применила это средство, подарив супругу хитон, пропитанный отравленной кровью Н., что привело к гибели Геракла.

О

ОВИДИЙ (Публий Овидий Назон), (43 г. до н. э.) римский поэт. Около 10 лет провел (и умер) в изгнании. Любовные элегии, послания, иронически обыгрываемая эротика, мифологический эпос «Метаморфозы» (о «превращениях» людей и богов в животных, растения, камни).

ОМФАЛА, в греческой мифологии царица Лидии, которой был продан в рабство Геракл. О. заставляла его заниматься женской работой. В их любовном союзе О. главенствовала, а Геракл был у нее «под башмаком». О. носила львиную шкуру Геракла, обрядив его в женскую одежду. Этот обмен ролями указывает на следы материнского права. Имя О. вошло в пословицу для обозначения зависимости мужчины от женщины. Изобразительное искусство (живопись Лукаса Кранаха, Тинторетто, Рубенса), опера (Телеман) и поэзия (П. Хакс) использовали этот миф.

ОРФЕЙ, мифический греческий певец, родом из Фракии, сын Музы Каллиопы и речного бога Эагра (или Аполлона). Своим пением и игрой на кифаре он зачаровывал даже животных и расте-

ния. Он ввел культ Диониса и принял участие в походе аргонавтов. Когда его жена Эвридика по вине Аристея погибла от укуса змеи, О. спустился в подземное царство и, растрогав его владыку своей музыкой, убедил его отпустить умершую на землю. О. вопреки запрету оглянулся на следовавшую за ним Эвридику, и она должна была навсегда вернуться в царство мертвых. Ставший ненавистником женщин, он впоследствии был растерзан фракиянками или (по другой версии) вакханалками, которых наслал на него Дионис, поскольку О. более, чем его, почитал Гелиоса-Аполлона. Музы собрали и похоронили растерзанные члены О., а голова его приплыла по р. Гебр на о. Лесбос. О. считался основателем орфического учения. Миф об О. в античности был одним из самых популярных. В пластике особенно часты изображения О. и Эвридики (т. н. «Рельеф О.» 2-я пол. V в. до н. э., П. Вишер Младший, Канова, Роден). В живописи нашли отражение все мотивы этого мифа (картины Тинторетто, П. Брейгеля Старшего, П. Брейгеля Младшего, Рубенса, Тьеполо, Фейербаха, Л. Коринта). О., воплощающий могущество пения и любви, побеждающий смерть, стал героем многих опер (Монтеверди, Глюк, Гайдн; травести Оффенбаха

«Орфей в аду»), балет Стравинского. Христианское искусство восприняло изображение О. с лирой в окружении животных, укрощенных его музыкой. В поэзии образ О. используется отчасти для изображения проблемы поэтического творчества (Рильке, Кокошка).

ОЧИСТИТЕЛЬНЫЙ ОБРЯД у греков состоял в следующем: руки убийцы обливали кровью животного и затем обтирали в знак освобождения от кровавого греха, потом божество умилостивляли жертвами и молитвами. «Скверна», лежащая на убийце, поражает прежде всего родичей, а затем распространяется на весь город, заражая его. См. Геродот. История.

*ОФИ**О**Н*, Офионей, в греческой мифологии: 1. Первый владыка Олимпа, царствовавший вместе с океанидой Эвриномой, но уступивший Кроносу и Рее и низвергнутый в глубь Океана. В поздней мифологии отождествлялся с Океаном; 2. самый могучий из гигантов, которого Зевс завалил огромной горой, названной Офионием.

П

ПАВСАНИЙ. 1. Царь спартанцев (480–467(?) г. до н. э.), преемник Леонида. П. был командующим греческим войском в битве при Платеях (479), окончившейся победой греков. Он вызвал неудовольствие полисов тем, что приказал сделать надпись на памятнике, в которой приписывал победу только себе. Участвовавшие в битве полисы добились уничтожения этой надписи. В новой надписи были перечислены 31 город-государство, которые сражались при Платеях. Из-за тайных сношений с персами и призыва к рабам, которым П. пообещал свободу, он был отстранен от власти, осужден на смерть и погиб. 2. Внук П. (1), правил с 408 по 394 г. до н. э. в Спарте, командовал в 405 спартанцами при их выступлении против Афин. В противоположность Лисандру, который опирался в Афинах на т. н. Тридцать тиранов, П. вел переговоры с демократами. Из-за своей умеренной политики он был подвергнут нападкам; умер в ссылке после 390. 3. Греческий историк II в. н. э. из М. Азии; был прозван Периегетом из-за своего сочинения «Описание Эллады» в 10 книгах. Этот отчет о путешествии по Греции, созданный ок.

180, был основан на собственных наблюдениях и др. источниках. Местами он прерывается учеными экскурсами. Несмотря на отдельные ошибки, труд П. очень важен для истории античной культуры и искусства, для изучения истории религии, мифологии и топографии.

ПАСИФАЯ (лат. — вся светящаяся), дочь Гелиоса, жена царя Крита Миноса, мать Ариадны и Федры. Воспламененная противоестественной любовью к посланному Посейдоном быку, она попросила Дедала сделать деревянную корову. От любовной связи появился минотавр. Картина Дж. Романо.

ПЕЛАСГИ, по Геродоту, догреческое население Греции (первоначально только жители Пеласгиотиды).

ПЕЛАСГИЯ — древнее название Эллады.

ПЕЛИЙ, сын Посейдона, устранил своего сводного брата Эсона от власти в Иолке. Предупрежденный оракулом, он должен был бояться человека в одном башмаке. Поэтому он послал идущему к нему в одном башмаке сына Эсона Ясона за золотым руном. Медея, жена Ясона, убедила дочерей П., что если они зарежут и сварят П., то после этого он воскреснет омоложенным.

Сюжет этого мифа, неоднократно изображался художниками.

*ПЕЛОП, ПЕЛ**О**ПС*; в греческой мифологии герой, сын Тантала. Убив П., Тантал пригласил богов на пир и подал им угощение, приготовленное из тела П. Разгневанные боги, отвергнув эту нечестивую трапезу, приказали Гермесу вернуть П. к жизни. Гермес выполнил волю богов, погрузив разрозненные члены П. в котел с кипящей водой; юноша вышел из него нацеленный необычайной красотой. Только одно его плечо (которое в задумчивости съела Деметра, опечаленная исчезновением дочери Персефоны) пришлось изготовить из слоновой кости; с тех пор у потомков П. на левом плече сохранилось белое пятно. П. унаследовал от отца власть над областью Сипила, но, теснимый троянским царем Илом, решил переправиться в Грецию, захватив с собой свои несметные сокровища. Для этой цели его покровитель Посейдон подарил ему золотую колесницу, запряженную крылатыми конями; при переправе через море кони мчались так легко, что оси колесницы не касались волн. В Греции П. стал свататься к Гипподамии, дочери Эномая, царствовавшего в Писе (Элида). Эномай, которому была предсказана смерть от будущего

зятя, заставлял претендентов на руку Гипподамии состязаться с ним в беге на колесницах. Он давал своему сопернику преимущество во времени, а затем без труда нагонял его и поражал ударом копья в спину. К моменту правления П. в Писе Эномаем было убито 12 или 13 человек; их могилы показывали в Олимпии еще во II в. н. э. Согласно одной версии мифа, П. легко выиграл состязание (или похитил Гипподамию) благодаря своим крылатым коням. Более распространен другой вариант мифа, по которому П. пользовался помощью Миртила, возницы Эномая: он пообещал Миртилу, влюбленному в Гипподамию, но не дерзавшему вступить в состязание с Эномаем, половину царства Эномая и обладание Гипподамией в течение одной ночи. Миртил заменил металлическую чеку в колеснице Эномая восковой, вследствие чего колесница разбилась и Эномай погиб. П., который хотел избавиться от свидетеля его коварной победы, столкнул его в мор; Миртил, падая, проклял П. и его род. Это «проклятие Пелопицов» считалось одной из причин трагических испытаний, выпавших на долю сыновей П. — Атрея и Фиеста и их потомков. Очищенный Гефестом от крови Миртила, П. унаследовал власть в Элиде и распространил ее

на всю Южную Грецию, которая вместо прежнего названия «Апия» стала называться Пелопоннесом («остров П.»). Среди его сыновей традиция называла: Трезена — героя-эпонима одноименного города в северном Пелопоннесе, Алкафоя — деда Аякса, Питфея — деда Тесея. С именем П. в античности связывали установление Олимпийских игр. На территории Альтиса в Олимпии находился священным участок П. и святилище Гипподамии, в которых совершались ежегодные обряды и жертвоприношения; к состязанию П. с Эномаем возводили бега на колесницах, входившие в программу Олимпийских игр. В мифе о П. широко распространенный мотив похищения невесты или состязания за невесту сплелся с историческими воспоминаниями о древних связях Южной Греции с малоазийскими племенами, восходящими к сер. второго тысячелетия до н. э.

ПЕРИФЕТ, в греческой мифологии сын Гефеста, известный своим разбойничьим нравом; убивал путников, просивших у него в Эпидавре приюта, железной дубиной (отсюда его прозвище «дубинщик»). Убит Тесеем.

ПЕРСЕФОНА. Персефонея, богиня мертвых, подземного царства и плодородия (рим. Прозер-

пина), дочь Зевса и Деметры. Аид похитил П. по желанию Зевса и увел ее супругой в подземное царство. Тронутый печалью и отчаянием Деметры Зевс разрешил, чтобы П. на половину или на две трети года возвращалась на землю. П. в качестве «Коры» (греч. девушка) почиталась как богиня плодородия вместе со своей матерью Деметрой, на что указывали процессии юных девушек в элевсинских мистериях. Возвращение ее на землю из подземного мира символизировала вновь пробуждающаяся природа. Двойственный характер богини, ее судьба и особенно похищение П. (Прозерпины) являются одним из любимых сюжетов в искусстве: скульптура Бернини, живопись Рубенса, Брейгеля Младшего, Рембрандта; драма Гёте, эпос Клавдиана, мелодрама Стравинского, оперы Монтеверди, Люлли.

ПИНДАР (ок. 518–442 или 438 г. до н. э.) древнегреческий поэт-лирик. Хоровые песнопения, культовые гимны, похвальные песни в честь победителей на Олимпийских, Дельфийских и других спортивных играх.

ПИКТОГРАФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО — отображение общего содержания сообщения в виде рисунка или последовательности рисунков, обычно в

целях запоминания. П. п. не является средством фиксации какого-либо языка, т. е. письмом в собственном смысле.

ПИФОН, рожденный Геей мифический дракон, который охранял близ Дельф (отсюда их др. наименование Пифо) оракул Геи. Аполлон убил его стрелой и основал там свой оракул (Пифийский оракул), где прорицала Пифия.

ПОЛИФЕМ, в греческой мифологии один из циклопов, сын Посейдона. В «Одиссее» Гомера П. принял Одиссея во время его странствий и съел нескольких из его спутников. Одиссей напоил жестокого и непобедимого П. и во время опьянения ослепил его раскаленным колом. Ослепленный П. не мог больше помешать бегству Одиссея и его спутников. Согласно другой версии, П. был влюблен в морскую нимфу Галатею и исцелял свою безответную любовь музыкой.

ПОСЕЙДОН, в греческой мифологии бог морей, всех источников и вод (ему соответствует римский Нептун), сын Кроноса и Реи, брат Зевса и Аида, с которыми он разделил господство над миром, супруг Амфитриты, родившей ему Тритона. П. был владыкой земных недр, земных богатств и повелителем землетрясений; своим трезубцем он

мог вызвать землетрясение или бурю, появлялся всегда с огромной свитой, состоящей из морских божеств низшего ранга и морских животных. Лаомедонту он воздвигнул стены Трои, в споре с Афиной за господство в Аттике выбил своим трезубцем источник на Акрополе и подарил Кекропу коня. Разгневанный ослеплением своего сына Полифема, он жестоко преследовал Одиссея. П. часто связывают с культом быка или коня; он считался покровителем рыболовства. В честь него праздновались Истмийские игры. В искусстве П. чаще всего изображался обнаженным с трезубцем в руках. Наиболее известным является изображение спора П. с Афиной в западной части Парфенона. Статуи П. поставлены у многочисленных источников; картина Рубенса.

ПРИАП, изначально, по-видимому, местный бог в малоазийском г. Лампсак. Его культ получил широкое распространение в греко-римском мире с V в. до н. э. как бога плодородия (садов, полей и очага). Свой итифаллич. облик в изображениях (преимущественно из дерева) он утрачивает к эпохе Империи, когда он был объединен с Паном.

ПРОМЕТЕЙ, в греческой мифологии провидец,

сын титана Иапета и Климены, брат Атланта, Эпиметея и Менетия, согласно некоторым мифам, сотворил человека из глины, обманув Зевса при жертвоприношении. Зевс разгадал обман и лишил людей огня. Но П. похитил его и принес людям. Он научил их пользоваться огнем, различным ремеслам и искусствам. Тогда Зевс отправил на Землю Пандору, а П. в наказание велел приковать к скале в Колхиде. Орел днем пожирал печень П., которая восстанавливалась за ночь, пока наконец Геракл по воле Зевса не убил орла. В «Теогонии» Гесиода П. выступает как своенравный противник Зевса, в то время как Эсхил изображает его благодетелем людей, который восстал против Зевса. В Афинах П. почитался в особенности гончарами; в его честь устраивали бег с факелами во время празднества «прометейи». Деяния и судьба П. в средние века не привлекала внимания, но начиная с Ренессанса прометеевский сюжет пользовался в литературе большой популярностью. П. стал символом человеческого прогресса, созидательных сил человечества, а похищение огня символизировало веру в науку и будущее (драма Кальдерона, Просвещение). Судьба П. дала повод к критике Зевса, к отрицанию богов и религии («Пандора»

Вольтера; Карл Маркс). П. стал считаться упорным, смелым, осознанно протестующим борцом против господства Зевса и мятежником, несущим помощь людям, титаном, который ненавидит тиранию и борется за правду и лучшее будущее.

С

САЛМОНЕЙ, согласно греческой легенде — сын Эола, отец Тиро. Возомнил себя равным Зевсу: швыряя горящие головни и бряцая медью, он подражал блеску молний и раскатам грома. Пораженный перуном Зевса, нечестивец обречен был нести кару в преисподней.

САМОФРАКИЯ, гористый остров у побережья Фракии. Во втором тысячелетии до н. э. С. была заселена фракийцами, в VIII в. до н. э. колонизирована Лесбосом, состояла в союзе с Персией, затем вошла в Афинский морской союз, в 404–389/388 гг. попала под власть Спарты, ок. 340 г. — Македонии, а в 168 г. до н. э. — Рима. С была известна мистериями святилища Великих богов, кабиров. Наиболее значительной постройкой священного квартала является зал Святая святых. Знаменитая статуя родосской школы — «Ника Самофракийская» (ок. 190 г. до н. э., ныне находится в Лувре) — была установлена в конце священного квартала на ростре.

СИЗИФ, согласно греческому мифу, царь или основатель Коринфа (др. Эфиры), по одной из

версий — отец Одиссея. Соревнуясь в искусстве воровства с великим обманщиком Автоликом, С. победил его. Автолик похитил стада С. С. без труда обнаружил их, т. к. предварительно выжег на копытах животных свой знак. С. удалось заковать в цепи бога смерти Танатоса. Хитростью он добился того, что его отпустили из подземного царства на землю. За свои великие мошенничества С. был наказан в преисподней: он должен был постоянно вкатывать на гору тяжелый камень, который, достигнув вершины, срывался вниз. Отсюда понятие «сизифов труд» — тяжелая, лишенная смысла работа. Миф о С. запечатлен на картине Тициана.

СИЛЕН, в греческой мифологии — человек с лошадиными ушами, хвостом, копытами, животным выражением лица. Часто С. изображались толпами. Они любили музыку и танцы, часто проводили время в обществе нимф, лишь позже их присоединили к свите Диониса и стали связывать с символикой вина. Иногда С. изображались милыми, дружелюбными существами исполненными мудрости, иногда похотливыми. Им приписывали близкое родство с сатирами, и часто их путали. Изображения С. встречаются на картинах Рубенса, Ван Дейка.

СИМОНИД (556–468 г. до н. э.), греческий поэт с о. Кеос. Вел, как и его соперник Пиндар, кочевую жизнь, находя временный приют у различных местных владык. Ко времени Персидских войн С. оказался в Афинах, затем жил у Гиерона в Сиракузах. С. писал эпиниккии (песни в честь победителей спортивных состязаний), траурные песни (например, на смерть Скопадов, погибших под развалинами дома), а также сколии и эпиграммы. Принадлежность С. к известной эпитафии воинам, погибшим вместе с Леонидом при Фермопилах, оспаривается. Дефирамбы С. утеряны, от других произведений уцелели фрагменты (например «Жалоба Данаи»).

СОФОКЛ (496–406 г. до н. э.), древнегреческий поэт-драматург, один из трех великих представителей античной трагедии. Мировоззрение и мастерство С. отмечены стремлением к равновесию нового и старого, славя мощь свободного человека, предостерегал против нарушения «божеских законов».

СТРАБОН (ок. 64–63 г. до н. э. — ок. 20 г. н. э.), греческий географ и историк из понтийской Амасии. Происходил из знатной семьи. Несмотря на то что С. предпринял несколько путешествий по М.

Азии, в Грецию (Коринф), неоднократно бывал в Италии (Рим, Этрурия, Кампания) и в Египте (ок. 25–24 г. до н. э. поднялся вверх по Нилу до Сиены и до о. Филы на нубийской границе). Большинство географических данных об известных ему землях «География» в 17 книгах, в большинстве своем сохранившихся), как правило, заимствованы из многочисленных письменных источников, которые С. часто дословно цитирует. Он пользовался трудами Эратосфена, Артемидора Эфесского, Полибия и особенно Посидония. Как географ С. полностью разделяет хорографическую точку зрения Полибия, а не математическую Эратосфена. Будучи стоиком, С. считал Гомера авторитетом в области географии, подвергая сомнению данные Пифея. География для С. - часть философии. Она — единственное из античных произведений такого рода, почти полностью дошедшее до нас.

СЦИЛЛА. Мифическое морское чудовище, жившее в одном из морских проливов. Имела двенадцать ног и шесть голов с чудовищными пастями. Ими она хватала и пожирала все живое. По другую сторону пролива жило другое чудовище — Харибда. Одиссей сумел проплыть между С. и Харибдой, потеряв 6 схваченных чудовищем спутников. С. и Харибда стали нарицательным

обозначением двух зол, неотвратимых и одинаково страшных.

Т

ТА́ЛОС, Тал, в греческой мифологии: 1. Герой критских легенд, медный великан, сын Креса. В некоторых мифах сделанный Гефестом Т. называется медным человеком, в других — медным быком. Т. был подарен Зевсом Миносу (вариант: Европе) для охраны Крита. Три раза в день Т. обходил остров и, когда приближались корабли чужестранцев, бросал в них огромные камни. У Т. была только одна жила, наполненная ихором (кровью богов), она тянулась от головы до лодыжки, где ее затыкал медный гвоздь. Это было единственное уязвимое место Т. Когда аргонавты приплыли к Криту, Медея своими чарами наслала на Т. безумие, в припадке которого великан задел ногой острый камень — кровь вытекла, он умер. Вариант: Т. поверил в обещание Медеи сделать его бессмертным и позволил ей вытащить гвоздь. По другой версии, Т. был убит аргонавтом Пеантом, отцом Толоктета, выстрелившим в него из лука Геракла и попавшим в лодыжку. Происхождение мифа, возможно, связано с огромными медными статуями людей и быков, которые греки впервые увидели на острове Крит; 2. Племянник

Дедала (у Гигина — имя племянника — Пердикс) и его ученик Т. превзошел в мастерстве своего учителя. Т. - изобретатель гончарного круга и других орудий. Из зависти Дедал сбросил Т. с акрополя.

ТЕСЕЙ, аттический мифический герой, сын афинского царя Эгея (или Посейдона) и Эфры, воспитывался в доме ее отца Питфея в Трезене. По дороге из Трезена в Афины, куда Т. возвращался к отцу, он убил Прокруста, Синиса, Скирона и Керкиона, победил марафонского быка и готовился сразиться с Минотавром. Т. удалось выйти из лабиринта с помощью клубка нитей, данных ему дочерью Миноса Ариадной. Т. стал царем Афин и принял участие в походе аргонавтов, участвовал в битве с кентаврами и в калидонской охоте, похитил Елену и привел ее к своей матери Эфре. Из похода против амазонок Т. привез в Афины их царицу Ипполиту (или Антиопу), которая стала женой его. От этого брака у Т. остался сын Ипполит. Его вторая жена Федра была виновницей гибели Ипполита. В преклонном возрасте Т. был вынужден покинуть Афины и удалиться на о. Скирос, где и был убит. В 475 г. до н. э. Кимон перенес его «останки» с о-ва в Афины. Начиная с V в. до н. э. Т., в честь которого в Афинах устраива-

лись празднества, считался основателем города и основоположником демократии.

ТРИПТОЛЕМ, в греческой мифологии сын элевсинского царя Келея, герой, которому Деметра подарила золотую колесницу с крылатыми драконами и дала зерна пшеницы. Разъезжая по всему свету, Т. засеял землю и обучил этому людей. Иногда Т. встречал сопротивление (как это бывало, когда боги и герои вводили новые культы, обычаи и законы). За свою праведность Т. в аиде судит вместе с Миносом, Радамантом и Эаком мертвых. Миф о Т. и Деметре относится к ряду мифов о культурных героях и наставниках человечества.

ТРОЯ, город на северо-западе М. Азии была исследована во время раскопок 1871–1894, которые велись под руководством немецких ученых Шлимана и Дёрпфельда, и в 1932–1938 под руководством американского ученого Бледжена. Дёрпфельд определил девять культурных слоев. Т. была основана в третьем тысячелетии до н. э. и в 2400–2200 до н. э. являлась резиденцией правителей (слой II Шлиман отнес к Т. Гомера). После разрушения Т. оставалась неукрепленным городом (слои III–V), после чего в 1900–1300 до

н. э. (слой VI) пережила новый период своего расцвета. Восстановленная после землетрясения, а в 1200 до н. э. захваченная врагом, Т. (слой VIIa) воспевается в стихах поэтов, напр. в «Илиаде», посвященной Троянской войне. Согласно легенде Т. была сожжена Парисом после похищения Елены. На десятом году осады город был хитростью захвачен и разрушен, при этом Энею удалось взять троянские святыни и бежать в Италию. Вплоть до римского периода (слой IX) Т. много раз перестраивалась, особенно в годы правления Александра Македонского. Сохранились развалины храма Афины, построенного в ранний период эпохи эллинизма, и среди них метопа с изображением Гелиоса (Пергамон-музей).

Ф

ФАЛЬШБОРТ — продолжение наружной обшивки борта судна выше верхней палубы.

ФЕРЕКИД, из Сироса, живший, вероятно, в сер. VI в. до н. э., автор космологич. произведений с мифологической окраской, в основе которых лежала мысль о том, что мировое устройство является не чем иным, как следствием воздействия божественного на земное. Вероятно, Ф. испытывал влияние Анаксимандра.

ФИВЫ. 1. Крупнейший город Беотии, у Гомера — «семивратные» Ф. По преданию, основан Кадмом после того, как доиндоевропейское население было вытеснено греками (постройка крепости Кадмеи, 1400 г. до н. э.). Ф. - место, тесно связанное со многими древнегреческими легендами. Плодородные земли вокруг города являлись главной причиной появления здесь крупных землевладельцев. В 335 г. до н. э. Александр Македонский почти полностью разрушает город; в 146 г. до н. э. перешел под власть Рима. 2. Древнеегипетский город, у Гомера «стовратные» Ф. лежал в верховьях Нила, рядом с современными гг. Карнак

и Луксор, в разные времена являлся столицей; центр почитания Амона. В период эллинизма утрачивает значение крупного торгового и политического центра, становясь при римлянах пограничным с Нубией городом.

ФИНЕЙ, в греческой мифологии жестокий фракийский царь, пораженный за свои злодеяния слепотой. Гарпии воровали и оскверняли его еду. За то что он указал путь аргонавтам в Колхиду, сыновья Борея Калаид и Зет прогнали гарпий.

ФЛАКК ГАЙ ВАЛЕРИЙ СЕТИН БАЛЬБ (2-я половина I в. н. э.) — римский эпический поэт. Ф. написал посвященный Веспасиану эпос «Аргонавтика», в котором он по образцу Аполлония Родосского изобразил поход аргонавтов в Колхиду. На художественную форму эпоса повлиял Вергилий, его «Энеида».

ФОКИДА, страна в Центральной Греций с горой Парнас и святилищем Дельфы, заселенная пастушескими племенами фокейцев; в персидских войнах союзница Афин, в Пелопонесской войне была на стороне Спарты; в IV в. подвергалась многочисленным нападениям, завоевана Филиппом Македонским; в 301 г. стала самостоятельной; со 148 г. до н. э. — часть римской провинции

Македония.

ФРИКС, сын мифического царя Атаманта из Фив и Нефелы. Ф. и его сестру Геллу ненавидела и преследовала их мачеха Ино. Они бежали на золотом овне, присланном их матерью. Гелла упала в море и утонула, а Ф. добрался до царя Колхиды Ээта и получил в жены его дочь Халкиопу. Ф. пожертвовал овна Зевсу и повесил его шкуру, золотое руно, в священной роще Ареса.

ФРЕЙЗЕР ДЖЕЙМС ДЖОРДЖ (1854–1941) — религиовед и этнолог, автор фундаментальных исследований, в том числе «Золотая ветвь» (1923, рус. пер. 1980); изучал фольклористику и историю религий, составил панорамное описание древних культов, тотемов и обрядов. Его выводы о соединении магии и религии на начальных стадиях развития человека и сообщества людей подтверждаются многочисленными наблюдениями над жизнью диких, первобытных племен.

Х

ХИМЕРА (греч. коза), в древнегреческой мифологии — огнедышащее чудовище в Ликии. В «Энеиде» Х. обитает в преддверии Орка (подземного мира). Согласно Гомеру, Х. спереди — лев, в середине — коза, сзади — змея. Опустошавшая Ликию и Карию, Х. была убита Беллорофонтом. В переносном значении Х. означает необоснованную, несбыточную мечту, праздную фантазию.

ХИРОН, в греческом мифе — мудрый, справедливый и благожелательный к людям кентавр, сын Кроноса и Филиры (поэтому называемый также Филиридом), жил в одной из пещер Пелиона. Х., согласно легендам, являлся наставником и воспитателем знаменитых греческих героев, обучал их искусству врачевания, зачинателем которого считался, искусству охоты, верховой езды, владения оружием и музыки (ему приписывалось изобретение лиры). Во время охоты на эриманфского вепря Геракл случайно тяжело ранил Х. отравленной стрелой. Яд причинял Х. такие муки, что он предпочел умереть, отказавшись от бессмертия в пользу Прометея.

ХРИС, в греческой мифологии: 1. жрец-эпоним храма Аполлона Сминфейского в Хрисе в юго-западной Фригии. В историческое время в Хрисе находился храм Аполлона со статуей работы Скопаса. 2 внук Х., сын Агаменона и Хрисейцы, которая выдала его за сына Аполлона. Во время бегства Ореста и Ифигении из Тавриды Х. старший, у которого они искали прибежища, хотел выдать беглецов преследовавшему их царю тавров Фоанту, но, узнав от дочери, что Х. - брат Ореста и Ифигении по отцу, помог им спастись. Сюжет был обработан в не дошедшей трагедии Софокла «Х».

Э

ЭВРИНОМА, в греческой мифологии дочь Океана, царившая на Олимпе вместе с Офионом, пока власть не захватили Кронос и Рея, низвергшие Э. и Офиона в тартар (океан). Э. родила от Зевса харит, также Асопа.

ЭДИП (лат. — опухшая нога), в греческой мифологии сын фиванского царя Лая и Иокасты, отец Антигоны, Исмены, Этеокла и Полиника. Дельфийский оракул предсказал, что Э. в будущем станет убийцей своего отца и супругом матери, поэтому он по приказанию отца ребенком быт брошен на съедение зверям, с проколотыми ногами. Найденный пастухами Э. был передан бездетному коринфскому царю Полибу, который воспитал его как своего сына. В Фокиде Э. встретил на перекрестке дорог своего отца Лая и убил его, не зная, что убил отца. Он освободил Фивы от Сфинкса, решив его загадку, стал там царем и, ничего не подозревая, женился на своей матери. Узнав истину, он ослепил себя. Оскорбленный сыновьями, он проклял их и умер в Фивах или, по другой версии, в изгнании, приведенный перед

смертью Антигоной в аттическую рощу Колон. Миф об Э. в античной литературе разрабатывали Софокл («Эдип-царь», «Эдип в Колоне») и Сенека Младший («Эдип»).

ЭНЕЙ, в греческо-римской мифологии сын троянца Анхиса и Афродиты, муж Креусы. После захвата греками Трои Э. с сыном и родственниками покинул по совету матери горящий город и вынес парализованного отца, при этом потерял Креусу. В Делосе он, повинуясь предсказаниям оракула, принял решение отправиться в страну своих предков (Италию). Во время путешествия Э. посетил Гелена в Эпире и Акеста в Сицилии, где умер Анхис. Посланная Эолом буря прибила его корабли к берегам Карфагена. Его встретила карфагенская царица Дидона и влюбилась в него. Тщетно пыталась она задержать Э. у себя. Верный своему решению, Э. покинул Карфаген. Дидона не вынесла разлуки и лишила себя жизни, как только корабли возлюбленного отплыли. После прибытия в Италию Э. вместе с кумской Сивиллой спускается в преисподнюю, где Анхис предсказывает ему будущее вплоть до времен императора Августа. После этого Э. на корабле отправляется в Лаций, знакомится с царем Латином и просит руки его дочери Лавинии. В тяжелом

поединке Э. побеждает жениха Лавинии Турна, царя рутулов, женится, наследует трон и основывает г. Лавиний. В «Илиаде» Гомера, а также в его гимнах Афродите Э. - выходец одной из ветвей троянского рода и самый отважный воин после Гектора — играет второстепенную роль. Миф об Э. был известен римлянам уже ок. 500 г. до н. э. от этрусков. В V в. он упоминается в греческой литературе как основатель Рима. Позднее, исходя из хронологии, между деяниями Э. и основанием Рима (Троя была разрушена в 1184 г. до н. э., а Рим основан в 753 г. до н. э.) был включен период правления династии альбанских царей. Э. считался мифическим родоначальником римлян (которые в связи с этим иногда назывались энеадами), в частности рода Юлиев, берущего свое название от имени сына Э. Юла. Юлий Цезарь, а также его приемный сын и наследник Август использовали свое мифическое генеалогическое происхождение от Э. и Венеры в интересах укрепления своей великодержавной власти. Своей верностью долгу, благочестием и любовью к детям Э. как нельзя более подходил римлянам как герой. В «Энеиде» Вергилия Э. предстает как яркое воплощение этих высокочтимых римлянами качеств. Однако наделен он был ими ранее, как основоположник

римской политической власти в соответствии с существовавшими в то время этическими взглядами Одну из причин вражды между Римом и Карфагеном видели в отношениях между Э. и Дидоной. В многочисленных произведениях искусства (преимущественно в скульптуре) Э. изображался несущим на плечах своего отца. Использовался также сюжет о любви Э. и Дидоны (полотна Рубенса Тинторетто, Пуссена). В литературных произведениях послеантичного периода образ Э. отходит на второй план, уступая центральное место Дидоне.

ЭОН (греч.), утвердившееся к началу эллинистической эпохи понятие мира и вечности, персонифицированное в греческом пантеоне в сыне Хроноса. В Александрии праздник в честь Э. отмечался одновременно с торжествами по случаю наступления нового года. Свое распространение культ Э. получил благодаря религиозным представлениям об Э. персов в мистериях, посвященных богу Митре; в них он изображался божеством, имеющем человеческое тело, обвитое змеями, со львиной головой. Манихейство и христианская гностика, как и Новый завет, выдвинули дуалистич. учение о «сущем и грядущем Э.».

ЭПИР (греч. — материк), жители Керкиры обозначали так противоположный материк, позднее — местность к западу от Фессалии по другую сторону горной цепи Пинд. Э. был заселен иллирийскими племенами греки рассматривали их как варваров. Вследствие влажного климата Э. развивался как аграрная страна, политическая и хозяйственная отсталость которой стояли на пути ее дальнейшего прогресса. Лишь в IV в. до н. э. началось постепенное становление городской культуры с ростом торговли и ремесел, с эллинизированием племен и образованием единого государственного строя под властью племенного царства молоссов (Пирр). После Пирра (с 234–233 г. до н. э.) Э. оставался слабым племенным союзом, до римской оккупации (167 г до н. э.) он находился под сильным македонским влиянием (Эпирская симмахия). В Римской империи Э. был первоначально частью провинции Ахайя, с 27 г. до н. э. отделенной от Македонии, позднее самостоятельной провинцией. В соответствии с новой организацией Римской империи при Диоклетиане Э. стал провинцией (главный город Никополь), в отличие от г Диррахий в южной Иллирии.

ЭРИНИИ, богини мщения подземного мира

(рим. фурии), родились из капель крови, упавших на Землю при оскоплении Урана, властные защитницы нравственных устоев. Безжалостно и неустанно карали они всякую несправедливость, в особенности убийства, наказывая виновного безумием (преследование Ореста), насылая на него порчу и смерть. Часто выступали втроем — Аллекто (Непрощающая), Мегера (Завистница) и Тисифона (Мстящая за убийства). Э. изображались в облике, внушающем ужас, со змеями в волосах, факелами и бичами, производящими страшный шум В Афинах почитали как эвмениды. Известно античное изображение «Спящая Эриния» (т. н. «Медуза Людовизи», римская копия). Э. являются действующими лицами в балладе Ф. Шиллера «Ивиковы журавли».

ЭРОТ, Эрос (греч. любовь), греческий бог любви (римский Амур Купидон), считался одной из древнейших, самовозникшей космогонич. первобытной силой, способствующей развитию упорядоченного мира из хаоса позднее стал рассматриваться как сын Ареса и Афродиты, всегда сопровождавший свою мать; изображался крылатым стрелком из лука. Своими стрелами он возбуждал не только любовь между мужчиной и женщиной но также и между мужчинами. Его

возлюбленной была Психея. В философии Сократа и Платона Э. одухотворен. Поскольку Сократ предполагал, что из познания истины вытекают справедливые и нравственные поступки то Э. означает готовность (самоотречение) для формирования души и духа. Поэтому эротика Сократа состоит из взаимной склонности учителя и ученика которая способствует взаимному достижению духовных и нравственных целей. У Платона, особенно в «Пире» Э. означает стремление и любовь к познанию прекрасного. В эллинизме бог любви стал изображаться все более юным, порхающим дерзким сорванцом; он мучит своими стрелами и людей и богов. В греческом искусстве с V в. до н. э. эроты, крылатые, как правило, обнаженные мальчики, изображались как спутники богини любви (берлинская чаша Макрона с изображением суда Париса); в эпоху эллинизма и Римской империи были популярны также амуры. Э. можно встретить на фризах, настенной живописи, саркофагах, рельефной керамике и в искусстве малых форм. Э., или Амур, был излюбленным персонажем пластики (Лисипп); вместе с Психеей (Канова, Торвальдсен, Бега, Роден), он вдохновлял живописцев (Тициан, Корреджо, Рубенс, Рени, Кокошко) и композиторов.

ЭСОН, в греческой мифологии — правитель Иолка, сводный брат Пелия, отец Ясона. Пелий лишил Э. власти и убил его. По другой версии Э. был омоложен супругой Ясона Медеей после возвращения аргонавтов из Колхиды.

ЭСХИЛ (ок. 525–456 г. до н. э.), древнегреческий поэт-драматург, «отец трагедии». В его творчестве — настроение суровой бодрости и доверие к справедливому устройству мира, но также и страха перед возможным нарушением человеком мировой «меры». Превратил трагедию из обрядового действия в собственно драматический жанр. Среди образов Э. особое место занимает Прометей («Прикованный Прометей».)

ЭЭТ, мифический царь страны Эа (Колхиды), брат Кирки и Пасифаи, отец Медеи. Фрикс бежал к нему в страну на золотом баране, шкуру которого у Э. похитили аргонавты.

Я

ЯСОН, Язон, в греческой мифологии сын Эсона из Иолка. Брат Эсона Пелий, свергнув Эсона с престола, послал Я. в Колхиду за Золотым Руном, чтобы погубить его. Я. возглавил поход аргонавтов в Колхиду и выполнил поставленные царем Колхиды Ээтом задачи (распахать поле на огнедышащих быках, посеять драконовы зубы и побороть выросших из них мужей). Он тайно похитил Руно с помощью Медеи, дочери Ээта, и отправился с нею на родину. Изгнанные оттуда, они переселились в Коринф, где Я. отверг Медею, чтобы жениться на Главке. Пластика Торвальдсена.

ЯСОН из Фер, тиран Фер; будучи тагосом (гр. — верховный вождь, главнокомандующий), к 372 г. до н. э. объединил под своей властью всю Фессалию, и это по существу монархическое государство стало играть значительную роль в политической жизни Ср. Греции. Видимо, Я. планировал поход против персов, но в 370 г. до н. э. он был убит в результате заговора аристократов. С этого времени в Фессалии утвердилась власть

аристократии.